ПРЕПОДОБНЫЙ

СЕРГІЙ РАДОНЕЖСКІЙ

и

СОЗДАННАЯ ИМЪ

ТРОИЦКАЯ ЛАВРА.

Жизнеописаніе преподобнаго Сергія

и

ПУТЕВОДИТЕЛЬ по ЛАВРѢ.

Изданіе второе, исправленное и дополненное,

напечатанное Императорскимъ Обществомъ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ.

Съ 36 снимками въ текстѣ и съ приложеніемъ 20 таблицъ на концѣ книги.

Е. Голубинскаго,

Ординарнаго Академика Императорской Академіи Наукъ, заслуженнаго ординарнаго профессора Московской Духовной Академіи.

Москва. Синодальная Типографія. 1892.

ПРЕПОДОБНЫЙ

СЕРГІЙ РАДОНЕЖСКІЙ

И

СОЗДАННАЯ ИМЪ

ТРОИЦКАЯ ЛАВРА.

Вх
395

ПРЕПОДОБНЫЙ

СЕРГІЙ РАДОНЕЖСКІЙ

и

СОЗДАННАЯ ИМЪ

ТРОИЦКАЯ ЛАВРА.

Жизнеописаніе преподобнаго Сергія

и

ПУТЕВОДИТЕЛЬ по ЛАВРѢ.

Изданіе второе, исправленное и дополненное,

напечатанное Императорскимъ Обществомъ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ.

Съ 36 снимками въ текстѣ и съ приложеніемъ 20 таблицъ на концѣ книги.

Е. Голубинскаго,

Ординарнаго Академика Императорской Академіи Наукъ, заслуженнаго ординарнаго профессора Московской Духовной Академіи.

١٢

Москва. Синодальная Типографія. 1909.

Покойный высокопреосвященный Леонтій, митрополитъ Московскій, приготовляясь праздновать пятисотлѣтіе кончины преп. Сергія (которое исполнилось 25-го Сентября 1892-го года), изъявилъ желаніе, чтобы отъ Академіи была написана на этотъ случай о преп. Сергіи и о Лаврѣ особая книга. Написать желаемую книгу, само собою разумѣется, имѣло быть поручено мнѣ, какъ профессору въ Академіи Русской церковной исторіи. Послѣ А. В. Горскаго и С. К. Смирнова, изъ коихъ первый составилъ Историческое описаніе Лавры[1], а второй—Церковно-историческій мѣсяцесловъ ея[2], я съ своей стороны не располагалъ писать что-либо о Лаврѣ, такъ что желаніе митрополита застало меня врасплохъ. Ссылаясь на то, что существуетъ и описаніе Лавры и жизнеописаніе преп. Сергія[3], я могъ бы уклониться отъ неожиданной работы. Но покойный владыка при своемъ первомъ посѣщеніи Лавры и Академіи произвелъ на всѣхъ академическихъ такое хорошее впечатлѣніе, что мнѣ самому не хотѣлось огорчать его отказомъ въ исполненіи его желанія, а товарищамъ моимъ не хотѣлось, чтобы я это сдѣлалъ. Задачей своей при написаніи книги, очевидно, я долженъ былъ поставить то, чтобы дать въ ней восполнительный трудъ къ предшествующимъ трудамъ о Лаврѣ и о преп. Сергіи: такъ я и старался писать ее. Слишкомъ недостаточное время, которое при этомъ находилось въ моемъ распоряженіи (ибо и самъ высокопреосвященный Леонтій назначенъ былъ въ митрополиты Московскіе только 17-го Ноября 1891-го года), лишило меня возможности, не смотря на мое усердное стараніе, изслѣдовать всѣ частности съ полною тщательностію. Настоящее второе ея изданіе, для

---

1 «Историческое описаніе Свято-Троицкія Сергіевы Лавры». Первое изданіе: Москва, 1842.

2 «Церковно-историческій мѣсяцесловъ Свято-Троицкой Сергіевой Лавры». Первое изданіе: Москва, 1850.

3 Жизнеописаніе преп. Сергія не особенно за долго до пятисотлѣтія его кончины было составлено извѣстнымъ издателемъ Троицкихъ листковъ іеромонахомъ, нынѣ епископомъ, Никономъ. Напечатано подъ заглавіемъ: «Житіе и подвиги преподобнаго и богоноснаго отца нашего Сергія, игумена Радонежскаго и всея Россіи чудотворца».

котораго я располагалъ уже вольнымъ временемъ, печатается послѣ тщательнаго пересмотра и исправленія перваго изданія.

Это второе изданіе было подготовлено мною къ печати еще въ Сентябрѣ 1896 года, но я не считалъ возможнымъ приступить къ печатанію книги, пока не были распроданы Академіей экземпляры принадлежавшаго ей 1-го изданія[1]. Медленная продажа ихъ и была причиною того, что настоящее 2-ое изданіе появляется только теперь. Постигшее меня несчастіе—потеря зрѣнія лишило меня возможности наблюдать самому за печатаніемъ книги, каковой трудъ съ готовностью принялъ на себя мой истинный добрый геній по изданію сочиненій моихъ Сергѣй Алексѣевичъ Бѣлокуровъ (мой ученикъ по Академіи, студентъ ея 1882—1886 годовъ, въ настоящее время старшій дѣлопроизводитель въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ). С. А. Бѣлокуровымъ разнесены также въ книгу на свои мѣста мои дополнительныя замѣтки, сдѣланныя послѣ 1896 г. въ особыхъ тетрадкахъ, и кромѣ того прибавлены свѣдѣнія по исторіи монастыря за новѣйшее время, заимствованныя главнымъ образомъ изъ «Историческаго описанія Свято-Троицкія Сергіевы Лавры», изданнаго ею въ 1902 году. Всѣ дополненія С. А. Бѣлокурова заключены въ прямыя [ ] скобки.

Отличіемъ сего 2-го изданія отъ 1-го, кромѣ значительныхъ дополненій въ текстѣ, служатъ и помѣщенные въ немъ снимки зданій, святынь и древнихъ вещей, всего болѣе 70. Почти всѣ они (за небольшимъ исключеніемъ—около 10) предназначены были къ помѣщенію мною, но всѣ работы по фотографированію и по изготовленію клише и фототипическихъ таблицъ производились подъ наблюденіемъ того же С. А. Бѣлокурова и стоили ему очень немалыхъ хлопотъ. Ему же принадлежитъ и большая часть помѣщенныхъ въ концѣ книги объясненій къ рисункамъ.

Е. Голубинскій.

Апрѣль 1909 г.

[1] Взявъ книгу въ свою собственность, Академія заплатила мнѣ за нее полистный гонораръ въ размѣрѣ тогдашней полистной платы «Богословскаго Вѣстника».

I.

ЖИЗНЕОПИСАНІЕ

Преподобнаго Сергія.

Во главѣ многочисленнаго сонма Русскихъ подвижниковъ стоятъ три великіе, поистинѣ всероссійскіе, подвижника: преподобные Антоній и Ѳеодосій Печерскіе и преподобный Сергій Радонежскій. На всемъ обширномъ пространствѣ Русской земли нѣтъ простаго человѣка, который не зналъ бы объ Антоніи и Ѳеодосіи Печерскихъ и который не зналъ бы о Сергіи Радонежскомъ; на всемъ обширномъ пространствѣ Русской земли не найдется простой женщины, которая не учила бы дѣтей своихъ молиться: „преподобные Антоніе и Ѳеодосіе Печерскіе, преподобный Сергіе Радонежскій молите Бога о насъ грѣшныхъ". Святые Антоній и Ѳеодосій возсіяли при началѣ нашего христіанства въ Кіевскихъ предѣлахъ нашего отечества. Святый Сергій, черезъ три столѣтія послѣ Антонія и Ѳеодосія, возсіялъ въ Московскихъ предѣлахъ нашего отечества.

Настоящій очеркъ жизни преподобнаго Сергія составленъ[1] на основаніи его древняго житія, принадлежащаго его личному ученику и монаху его монастыря Епифанію[2], и составленъ такимъ образомъ, чтобы читателю

---

[1] Объ отношеніи даваемаго мною очерка жизни преп. Сергія къ его жизнеописанію, составленному о. Никономъ, я говорилъ въ своемъ отвѣтѣ на статью журнала Странникъ: „Московскій академическій историкъ о житіи преп. Сергія", напечатанномъ въ „Богословскомъ Вѣстникѣ" 1893-го года (№ № 10 и 11).

[2] Авторъ житія преп. Сергія монахъ Епифаній кромѣ нашего житія написалъ еще другое житіе—св. Стефана, епископа Пермскаго. Въ этомъ второмъ житіи, указывая источники своихъ свѣдѣній о Стефанѣ, онъ, между прочимъ, говоритъ: „есть же другое, яко (яже, еже) и своима очима видѣхъ, иное же—и съ самѣмъ бесѣдовахъ многажды и отъ того навыкъ". Затѣмъ, изображая свои отношенія къ Стефану, говоритъ съ обращеніемъ къ нему самому: „иногда, живу сущу ти, быхъ ти досадитель,... нѣкогда съ тобою спирахся о нѣкыхъ приключшихся, или о словѣ о етерѣ или о коемъждо стисѣ или о строцѣ,... азъ есмь рабъ твой, помню лишшую, юже имѣ ко мнѣ, любовь, ею же мя възлюби, ею же о мнѣ яко многажды и прослези",—печатн. въ Памятникахъ старинной русской литературы *Кушелева-Безбородко*, вып. IV, стрр. 119 col. 2, 166 col. 1 fin. и 167 col. 1. На основаніи приведенныхъ словъ Епифанія полагаютъ, что онъ принялъ монашеское постриженіе и нѣкоторое время жилъ

давалось въ немъ повѣствованіе о преподобномъ, съ одной стороны—краткое, а съ другой стороны—полное, безъ опущеній воспроизводящее всѣ частности его жизни какъ естественнаго, такъ и сверхъестественнаго харак-

---

въ одномъ монастырѣ со Стефаномъ, именно—Ростовскомъ монастырѣ св. Григорія Богослова, называвшемся въ Затворѣ или Затворомъ и находившемся близъ архіерейскаго каѳедральнаго собора. Но если бы Епифаній жилъ нѣкоторое время въ одномъ монастырѣ со Стефаномъ, то, приходясь ему по своимъ годамъ ученикомъ, онъ и называлъ бы себя его ученикомъ, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ онъ не называетъ себя такъ (В. О. Ключевскій утверждаетъ, что иногда Епифаній называетъ Стефана своимъ учителемъ,—Древнерусскія житія святыхъ, стр. 89; но если и называетъ,—противъ чего рѣшительно не споримъ и что̀ нами могло быть просмотрѣно,—то во всякомъ случаѣ не нарочито, какъ бы называлъ дѣйствительно учителя, а случайно, въ видѣ простаго комплимента). Поэтому представляется болѣе вѣроятнымъ думать, что Епифаній былъ монахомъ единственно Сергіева монастыря и что онъ свелъ со Стефаномъ то весьма близкое знакомство (какъ выдающеся книжный человѣкъ, каковымъ былъ, съ другимъ выдающеся книжнымъ человѣкомъ, каковымъ былъ Стефанъ) и велъ съ нимъ тѣ споры, о которыхъ говоритъ, во время посѣщеній Стефаномъ преп. Сергія, при чемъ эти посѣщенія могли быть болѣе или менѣе продолжительными. (Епифаній, не особенно сочувственно и уважительно говорящій о Москвѣ въ разсказѣ о переселеніи родителей преп. Сергія изъ Ростова въ Радонежъ (а также и въ житіи Стефановомъ съ укоризнами говорящій объ отношеніяхъ Москвичей къ Стефану,—печатн. стр. 161, col. 1), справедливо считается родомъ за немосквича. Считая его родомъ за Ростовца, къ чему нѣтъ препятствій (хотя за положительное доказательство этого и нельзя принимать сочувствія, съ которымъ онъ говоритъ о бѣдствіи, постигшемъ Ростовъ, ибо въ сочувствіи одинаково вѣроятно видѣть какъ проявленіе патріотизма, такъ и естественнаго людскаго участія или состраданія къ постигнутымъ бѣдствіемъ), можно будетъ представлять дѣло и такъ, что онъ познакомился со Стефаномъ, по указанному выше побужденію, будучи еще міряниномъ, послѣ того какъ возвратился изъ путешествія на Востокъ и прежде чѣмъ поступилъ къ Сергію въ монастырь).—Относительно прихода Епифанія къ преп. Сергію дополнитель и сократитель написаннаго имъ житія преп. Сергія Пахомій Сербинъ, о которомъ ниже, говоритъ, что онъ жилъ при святомъ „отъ самаго возраста юности“ (въ послѣсловіи къ дополненному житію и къ сокращенію житія). Такъ какъ Епифаній скончался около 1420 года (о чемъ ниже) въ старости приблизительно 75-лѣтней, то, принимая, что онъ пришелъ къ Сергію 16—17-ти лѣтъ, мы получили бы, что онъ жилъ въ монастырѣ преподобнаго при жизни его самого не менѣе какъ 30 лѣтъ—31 годъ. Но если похвальное слово преп. Сергію принадлежитъ Епифанію, которому оно усвояется рѣшительнымъ большинствомъ списковъ, а не Пахомію, которому усвояется нѣкоторыми весьма немногими списками (см. у Ключевск. ibid. стр. 90 fin.); если оно съ совершенной несомнѣнностію должно быть считаемо за произведеніе перваго, а не втораго, на основаніи его внутреннихъ признаковъ (ораторскій стиль и складъ) и внутреннихъ данныхъ (рѣчей автора о себѣ, какъ непосредственномъ современникѣ преп. Сергія, каковымъ былъ Епифаній и каковымъ не былъ Пахомій): то этотъ авторъ слова, восхваляя многолѣтнее неисходное пребываніе преп. Сергія въ своемъ монастырѣ, говоритъ по поводу его о себѣ: „не взыска (онъ) Царствующаго

тера. Нельзя, къ сожалѣнію, сказать о древнемъ житіи преподобнаго Сергія, чтобы оно было совершенно удовлетворительно,—чтобы оно представляло собою такую его біографію или такое его жизнеописаніе, въ ко-

---

града, ни Святыя горы или Іерусалима, якоже азъ окаянныи и лишеныи разума,—у лютѣ мнѣ, ползая сѣмо и овамо и преплавая суду и овоуду"... (Лаврск. изд. 1853 г. л. 366 об. fin.).—(Два написанныя Епифаніемъ житія, дающія видѣть въ немъ человѣка исключительнаго между нашими писателями житій по умственнымъ качествамъ и писательскимъ талантамъ, заставляютъ предполагать въ немъ человѣка не только книжнымъ образомъ начитаннаго, но и болѣе или менѣе въ настоящемъ смыслѣ образованнаго или по крайней мѣрѣ обращавшагося съ образованными людьми. Получить нѣкоторое настоящее образованіе или обращаться съ образованными людьми Епифаній могъ только на Востокѣ, причемъ предполагается пребываніе его тамъ болѣе или менѣе продолжительное. Есть указанія, что Епифаній зналъ новогреческій языкъ: разсказывая о прихожденіяхъ къ преп. Сергію медвѣдя за подачами хлѣба (ниже стр. 29), онъ называетъ медвѣдя аркудой („звѣрь, рекомый аркуда, еже сказается медвѣдь"): аркуда есть новогреческое ἀρκοῦδα изъ старогреческаго ἄρκτος; въ одной Лаврской рукописи, написанной въ 1380 году нѣкимъ Епифаномъ, въ которомъ со всею вѣроятностію должно видѣть нашего Епифанія, есть запись писца: „господине, святыи Епифанъ Кипрскіи, съименниче мои, елеисонъ ми" (о рукописи см. ниже). И въ житіи Стефановомъ рѣчи Епифанія о греческомъ языкѣ какъ будто не только заимствованы изъ книгъ, но отчасти основываются и на его собственномъ знаніи языка,—печатн. стр. 152, col. 2. Наломанные сухіе куски хлѣба Епифаній называетъ посмагами, что̀ есть Греческое παξαμάς (сухарь),—Дюканжа Glossar. Graecit., сл. παξαμάς; но вѣроятно, что онъ не самъ беретъ слово изъ Греческаго, а заимствуетъ его изъ Сербскаго, въ которомъ παξαμάς—посмага: Рѣчникъ *Даничича*, сл. посмага).—Послѣ странствованій по Востоку, которыя не могли быть предприняты въ лѣта слишкомъ ранней юности и которыя, какъ слѣдуетъ изъ сейчасъ приведенныхъ словъ, были болѣе или менѣе продолжительны, Епифаній, вѣроятно, пришелъ къ преп. Сергію не ранѣе какъ въ возрастѣ 30-лѣтнемъ. Изъ этого будетъ слѣдовать, что онъ жилъ въ монастырѣ преподобнаго при немъ самомъ лѣтъ 16—17. Но если Епифаній жилъ въ монастырѣ преп. Сергія при немъ самомъ и не 30 лѣтъ—31 годъ, а 16—17 лѣтъ, то во всякомъ случаѣ онъ имѣлъ полную возможность собрать свѣдѣнія о жизни преподобнаго самыя полныя и самыя обстоятельныя. Вопервыхъ, и 16—17 лѣтъ, на которыя засталъ Епифаній въ живыхъ преп. Сергія, время вовсе не малое; вовторыхъ, по его собственному свидѣтельству (въ предисловіи къ житію), онъ засталъ въ монастырѣ старцевъ древнихъ и достовѣрныхъ, съ старшимъ братомъ Сергія Стефаномъ во главѣ, которые хорошо знали жизнь преподобнаго отъ самаго дня его рожденія. Такимъ образомъ, Епифаній имѣлъ всю возможность написать историческое повѣствованіе о жизни преп. Сергія полное и обстоятельное. Если бы онъ сдѣлалъ это, то мы и имѣли бы хорошую біографію или хорошее жизнеописаніе преп. Сергія. Но, къ сожалѣнію, онъ этого не сдѣлалъ. У насъ, въ слѣдъ за Греками, существовали принятыя условныя формы житія, по которымъ оно должно было представлять изъ себя произведеніе не столько исторически-повѣствовательное, сколько ораторски-назидательное. Въ слѣдствіе сего наши составители житій святыхъ не писали ихъ настоящихъ біографій и въ томъ случаѣ, если имѣли полныя и обстоятельныя о нихъ свѣ-

торомъ бы мы находили и живое изображеніе его личности и обстоятельное повѣствованіе объ его дѣятельности. Но это сожалѣніе должно быть высказано не по отношенію къ одному житію преподобнаго Сергія, сравни-

---

дѣнія, эти свѣдѣнія они сообщали слегка и по выбору, отрывочнымъ и весьма недостаточнымъ образомъ, а главное они полагали въ своемъ панегирическомъ ораторствѣ, по которому житія изъ біографій или жизнеописаній превращались въ похвальныя слова (желающіе могутъ читать обстоятельную характеристику нашихъ русскихъ житій святыхъ въ помянутомъ сочиненіи *В. О. Ключевскаго:* „Древнерусскія житія святыхъ"). Жизнеописатель преп. Сергія монахъ Епифаній не былъ между нашими писателями житій святыхъ не только однимъ изъ плохихъ, но даже и однимъ изъ рядовыхъ, а былъ однимъ изъ немногихъ весьма выдававшихся; однако онъ не выдавался настолько, чтобы создать нѣчто особое отъ другихъ, чтобы написать настоящую и полную біографію преп. Сергія, а не житіе, какія обыкновенно писались. Онъ весьма возвышается надъ другими писателями житій, но, такъ сказать, въ одномъ и томъ же съ другими направленіи,—не тѣмъ, чтобы написалъ нѣчто особое отъ другихъ, а тѣмъ, что, написавъ тоже самое, что̀ и они, написалъ несравненно лучше, нежели какъ писало большинство ихъ. Разсматриваемый какъ ораторъ, Епифаній не только очень хорошъ, но, такъ сказать, и болѣе чѣмъ очень хорошъ,—при своемъ краснорѣчіи слишкомъ зараженъ страстію многорѣчія (онъ напоминаетъ сербскихъ писателей житій святыхъ, которые, представляя собою людей неудержимыхъ въ ораторскомъ многословіи, можетъ быть, и на самомъ дѣлѣ служили ему образцами для подражанія), и намъ совершенно понятно, что древніе, удивляясь какъ тому, что̀ дѣйствительно есть у него очень хорошаго, такъ и тому, что̀ лишь принималось за очень хорошее (особенно должна была поражать ихъ его страсть и способность набирать синонимы и эпитеты цѣлыми нѣсколькими десятками), величали его мудрѣйшимъ и премудрѣйшимъ (такъ величаетъ его Пахомій въ надписаніи его житія и въ надписаніи своего сокращенія его житія). У новыхъ, съ половины XVII вѣка, усвояется ему титулъ премудраго: „Епифаній премудрый", см. Симона Азарьина въ предисловіи къ новымъ чудесамъ,—печатн. изд. Общ. Древн. Письменн. стр. 1, и Книгу глаголемую описаніе о Россійскихъ святыхъ,—печатн. изд. гр. *М. В. Толстова* въ Чтен. Общ. Ист. и Древн. Росс., 1887 г., кн. IV, № 200, стр. 79. Но какъ біографъ, Епифаній, къ сожалѣнію, далеко не можетъ быть признанъ удовлетворительнымъ. Въ своемъ изложеніи мы передаемъ все фактическое, что̀ у него есть, и читатель самъ можетъ судить о недостаточности этого фактическаго. Нужно только прибавить въ интересѣ справедливости, что по сравненію съ другими нашими житіями и эта недостаточность представляетъ собою не недостатокъ, а избытокъ, иначе сказать, что по сравненію съ другими житіями оно и въ отношеніи фактическомъ все-таки должно быть признано за одно изъ лучшихъ.

Составлять записки о преп. Сергіи отдѣльными главами Епифаній началъ на другой или на третій годъ по смерти преподобнаго и составлялъ ихъ въ продолженіи лѣтъ 20-ти (одновременно съ тѣмъ, какъ писалъ и житіе Стефаново), а за симъ, подождавъ—не явится ли житія Сергіева, написаннаго кѣмъ-нибудь другимъ (должно, впрочемъ, думать, что эти рѣчи о подожданіи болѣе суть простыя слова), свелъ записки въ одно мѣсто, придалъ имъ видъ настоящаго житія и выдалъ это послѣднее (въ томъ смыслѣ, что пустилъ его въ

тельно еще весьма хорошему и даже совсѣмъ выдающемуся, а по отношенію къ рѣшительному большинству нашихъ древнихъ житій. Тутъ мы уже не въ состояніи ничѣмъ помочь себѣ и можемъ только сѣтовать, что,

---

оборотъ между книжными людьми, отдавъ читать и списывать его) спустя 26-ть лѣтъ послѣ смерти преподобнаго или въ 1418-мъ году (см. предисловіе къ житію).—Еще извѣстно объ Епифаніи біографическаго, что онъ былъ въ монастырѣ, конечно—подъ старость и вѣроятнѣе—уже послѣ смерти преп. Сергія, духовникомъ братства (духовникомъ называетъ его Пахомій въ надписаніи своего сокращенія его житія). Что же касается до времени жизни преп. Сергія, то, вѣроятно, что все время при немъ онъ оставался діакономъ, какъ онъ и называется въ спискахъ святыхъ и почитаемыхъ усопшихъ, см. сейчасъ выше помянутую „Книгу глаголемую описаніе“, въ которой запись о немъ читается: „преподобный Епифаній діаконъ, премудрый, ученикъ святаго Сергія чюдотворца“.

Епифаніево житіе преп. Сергія дошло до насъ не совсѣмъ въ томъ подлинномъ видѣ, въ которомъ оно вышло изъ-подъ пера автора. Около 1440 года (между 1438—1443 годами) прибылъ въ Россію съ Аѳона монахъ Пахомій, родомъ Сербъ („Пахомій Сербинъ“), который прославился у насъ какъ составитель житій святыхъ и службъ святымъ (см. о немъ у *Ключевск.* ibid. стр. 113 sqq. Замѣтимъ здѣсь кстати, что громкій и не совсѣмъ понятный титулъ логоѳета, который носилъ Пахомій, можетъ значить просто дьяка, т. е. что въ томъ Аѳонскомъ монастырѣ, изъ котораго прибылъ въ Россію, онъ былъ дьякомъ или письмоводцемъ, cfr у *Дюканжа* въ Glossar. Graecit. сл. λογοθέτης и у *Даничича* въ Рѣчникѣ сл. логофеть). Въ Россіи онъ первоначально поселился именно въ Троицкомъ монастырѣ, въ которомъ и началъ свою литературную дѣятельность работами надъ житіемъ преп. Сергія Епифаніевымъ (Считаемъ мы за весьма вѣроятное думать, что Пахомій вызванъ былъ съ Аѳона въ Россію, для литературныхъ работъ игуменомъ Троицкаго монастыря Зиновіемъ. Какъ бы то ни было, но онъ не только первоначально поселился въ Троицкомъ монастырѣ, а и большую часть жизни прожилъ въ немъ, бывъ удостоенъ въ немъ степени іеромонаха, и въ лѣтописи называется именно монахомъ Троицкаго монастыря,—Собр. лѣтт. IV, 196: „Пахомій Сербинъ, мнихъ Сергіева монастыря“). Дѣятельность его по отношенію къ житію выразилась въ томъ, что, вопервыхъ, его само онъ подвергъ своей редакціи и дополнилъ его или разсказомъ объ открытіи мощей и нѣсколькими разсказами о посмертныхъ чудесахъ преподобнаго или же только послѣдними разсказами, и что, вовторыхъ, сдѣлалъ изъ него (житія) нѣсколько сокращеній.

Для чего власти Троицкаго монастыря поручили Пахомію подвергнуть житіе Епифаніево своей редакціи или пройдти его своей редакціей, это не совсѣмъ ясно. Представляется не невѣроятнымъ думать, что при семъ были цѣли такъ сказать цензурныя,—желаніе очистить житіе отъ всего того, что находили въ немъ не совсѣмъ удобнымъ. Въ подтвержденіе предположенія можемъ указать на одинъ примѣръ. Въ Никоновской лѣтописи читается извлеченіе изъ Епифаніева житія преп. Сергія, сдѣланное, какъ необходимо думать, по подлинной редакціи самого Епифанія (IV, 203—239). Здѣсь говорится, что когда Сергій ввелъ въ своемъ монастырѣ общежитіе, то монахи, не хотѣвшіе этого послѣдняго, тайно удалились изъ монастыря (стр. 225); въ полномъ Епифаніевомъ житіи преп. Сергія, редактированномъ Пахоміемъ, о сейчасъ указанномъ ничего

имѣвъ въ древнее время великихъ подвижниковъ, мы не имѣли людей, которые бы въ соотвѣтствующей мѣрѣ были способны къ составленію ихъ жизнеописаній.

не говорится. Затѣмъ, можетъ быть еще указано и на разсказъ о построеніи Ѳеодоромъ Симоновскаго монастыря, какъ онъ читается въ полномъ житіи и въ Никоновской лѣтописи (и о чемъ см. ниже), а также на разсказъ объ удаленіи преподобнаго Сергія изъ своего монастыря и о построеніи имъ для себя другаго (Киржачскаго) монастыря, о чемъ также ниже, на стрр. 48—49. Насколько Пахомій произвелъ измѣненій въ житіи Епифаніевомъ при своемъ его редактированіи, это остается неизвѣстнымъ, но вѣроятнѣйшее предположеніе есть то, что измѣненія были вообще очень незначительны (ясныя прибавки—въ разсказахъ объ основаніи Андроникова и Симонова монастырей; извѣстный намъ и остающійся непонятнымъ для насъ выпускъ, это—умолчаніе о посылѣ преп. Сергіемъ съ Димитріемъ Ивановичемъ Донскимъ на Куликовскую битву монаховъ его монастыря Пересвѣта и Ослябы, о чемъ см. ниже). Относительно дополненій, сдѣланныхъ Пахоміемъ въ житіи Епифаніевомъ, принято думать, что послѣ окончанія Епифаніемъ житія смертію и погребеніемъ преп. Сергія ему принадлежатъ—разсказъ объ открытіи мощей и разсказы о чудесахъ преподобнаго. Но едва ли не вѣроятнѣе, что ему принадлежатъ только послѣдніе разсказы, а что разсказъ объ открытіи мощей принадлежитъ еще самому Епифанію. За житіемъ Епифанія въ редакціи Пахомія слѣдуетъ похвальное слово преп. Сергію, которое и надписаніемъ усвояется самому Епифанію („Слово похвално преподобному отцу нашему Сергію, сътворено бысть ученикомъ его священноинокомъ Епифаніемъ“) и по внутреннимъ признакамъ съ несомнѣнностію должно быть усвояемо ему, а не Пахомію. Но въ словѣ какъ будто дается знать, что оно написано уже послѣ открытія мощей преп. Сергія (см. литографич. изданія житія л. л. 349, 350, 360, 362 об., и 371 fin.), а если считать принадлежащею Епифанію и молитву, которою заканчивается слово и которая начинается: „О святче Божій, угодниче Спасовъ! О преподобниче, избранниче Христовъ!...., литографич. изд. л. 371 об. fin.,—то какъ будто дается знать вышеуказанное и достаточно ясно, ибо въ молитвѣ говорится: „се бо мощеи твоихъ гробъ предъ очима нашима видимъ есть всегда,“—л. 372 об.). Усвояя разсказъ объ открытіи мощей преп. Сергія самому Епифанію, нужно было бы представлять дѣло такъ, что въ 1418-мъ году Епифаній написалъ житіе преп. Сергія, заключивъ его кончиною преподобнаго, но что когда въ 1422-мъ году открыты были мощи, онъ приписалъ или прибавилъ къ житію разсказъ объ этомъ открытіи мощей. Разсказъ начинается словами: „Приложено же (и) се да будетъ къ предиреченнымъ еже о обрѣтеніи мощеи святаго, когда и въ кое время“... (ib. л. 284). Въ прилагающемъ хотятъ видѣть Пахомія, дѣлающаго добавленіе къ житію Епифанія, но нѣтъ никакого препятствія видѣть и самого Епифанія, дѣлающаго добавленіе къ написанному имъ самимъ житію. Принимая, что разсказъ объ открытіи мощей преп. Сергія принадлежитъ самому Епифанію, и смерть его нужно было бы относить не къ промежутку времени между годами 1418—1422-мъ, изъ коихъ въ первомъ онъ окончилъ житіе, а во второмъ открыты мощи преп. Сергія, но ко времени послѣ втораго года.

Сокращеній Епифаніева житія преп. Сергія Пахомій сдѣлалъ четыре: два сокращенія такъ сказать минейныя, болѣе обширныя, и два проложныя, столько короткія, какъ вообще проложныя житія. Мы съ достаточною удовлетворитель-

Преподобный Сергій, въ мірѣ носившій имя Варѳоломея, принадлежалъ по своему происхожденію, выражаясь нынѣшнимъ языкомъ, къ сословію дворянскому и даже къ тому высшему классу въ сословіи, которому

ностью можемъ отвѣтить на вопросъ: зачѣмъ властямъ Троицкаго монастыря нужны были три сокращенія—одно минейное и два проложныхъ, но не можемъ съ такою же удовлетворительностію отвѣтить на вопросъ: зачѣмъ властямъ монастыря нужно было четвертое сокращеніе или второе минейное. Епифаніево житіе преп. Сергія очень обширно (будучи таковымъ, какъ уже мы давали знать, не въ слѣдствіе богатства фактическимъ содержаніемъ, а въ слѣдствіе богатства принадлежащимъ самому автору ораторствомъ): людей, желавшихъ читать его, должна была устрашать эта его обширность; людямъ, желавшимъ имѣть у себя его списки, должно было дорого обходиться пріобрѣтеніе послѣднихъ. А такимъ образомъ и желательно было его (житія) минейное сокращеніе, которое бы было и удобочтомо и удобопріобрѣтаемо. Два проложныхъ сокращенія житія нужны были властямъ Троицкаго монастыря для чтенія на всенощныхъ бдѣніяхъ подъ праздники преп. Сергія. Власти Троицкаго монастыря хотѣли, чтобы изъ пяти или шести чтеній, имѣвшихъ быть на праздничныхъ всенощныхъ бдѣніяхъ (первое число—Аѳонскій обычай, см. у Барскаго въ рѣчахъ о лаврѣ св. Аѳанасія; второе число полагается уставомъ, см. 2-ю его главу) два чтенія на всенощныхъ бдѣніяхъ подъ праздники преп. Сергія, именно—по 2-й каѳизмѣ или передъ „Хвалите имя Господне“ и по 6-й пѣсни канона, были чтеніями проложнаго житія преподобнаго; но власти не хотѣли, чтобы въ оба раза читаемо было одно и тоже проложное житіе, а поэтому и сдѣланы были Пахоміемъ, по ихъ порученію, два проложныя сокращенія Епифаніева житія,—одно, сравнительно болѣе обширное, для чтенія по 2-й каѳизмѣ и другое по 6-й пѣсни канона. Что касается втораго минейнаго сокращенія житія Епифаніева, относительно нужды въ которомъ не можетъ быть сдѣлано никакого предположенія, то власти монастыря, умножая новыя редакціи житія преп. Сергія до числа четырехъ, вѣроятно, хотѣли содѣйствовать этимъ нарочитому возвеличенію преподобнаго, а Пахомій съ своей стороны, поддерживая власти въ ихъ мысли, могъ имѣть въ виду свой денежный интересъ (ибо необходимо думать, что, представляя собою перваго русскаго литератора, который получалъ за свои труды гонораръ, онъ работалъ для монастыря не даромъ, а за деньги).

Такъ какъ Пахомій еще и самъ могъ собирать въ Троицкомъ монастырѣ свѣдѣнія о преп. Сергіи, то у него въ минейныхъ сокращеніяхъ есть незначительныя дополненія къ Епифанію (см. въ примѣчаніи на предыдущей страницѣ). Съ другой стороны, въ своихъ сокращеніяхъ онъ хочетъ, такъ сказать, улучшать Епифанія въ отношеніи житійномъ и съ этою цѣлію позволяетъ себѣ соотвѣтственно измѣнять нѣкоторыя его извѣстія (см. прим. на стрр. 7—8).

Подлинное Епифаніево житіе преп. Сергія въ редакціи Пахоміевой извѣстно намъ въ рукописяхъ по спискамъ: 1) библіотеки Московской духовной академіи: а) фундамент. отд.: № 50, л. 57 (безъ начала); № 88, л. 276; № 144, л. 444; № 208, л. 10; b) Волокол. отд.: № 644, л. 206; 2) библіотеки Троицкой лавры: № 663, л. 410; № 698, л. 1 и № 699, л. 36. Печатныхъ изданій подлиннаго Епифаніева житія преп. Сергія въ редакціи Пахоміевой существуетъ въ настоящее время четыре: 1) сдѣланное въ XVII вѣкѣ, въ 1646-мъ году, келаремъ Троицкаго монастыря Симономъ Азарьинымъ вмѣстѣ съ житіемъ преп. Никона

усвояется названіе аристократіи: его отецъ, по имени Кириллъ, по фамиліи, если имѣлъ послѣднюю, неизвѣстный, былъ служилый человѣкъ Ростовскихъ удѣльныхъ князей и между служилыми людьми, представляя собою одного

и съ службами обоимъ, подъ заглавіемъ: „Службы и житія и о чудесахъ списанія преподобныхъ отецъ нашихъ Сергія Радонежьскаго чудотворца и ученика его преподобнаго отца и чудотворца Никона"; 2) сдѣланное въ 1853-мъ году лаврой съ иллюстрированной или украшенной картинками рукописи XVI вѣка чрезъ литографическое воспроизведеніе рукописи, подъ заглавіемъ: „Житіе Преподобнаго и Богоноснаго Отца нашего Сергія Радонежскаго и всея Россіи Чудотворца. 1853 года. Въ Литографіи Свято-Троицкія Сергіевы Лавры"; 3) находящееся въ сентябрѣ мѣсяцѣ Великихъ Миней-Четіихъ митр. Макарія, напечатанномъ Археографическою Коммиссіею,—въ 3-мъ выпускѣ мѣсяца, вышедшемъ въ 1883-мъ году, col. 1463, и 4) сдѣланное въ 1885-мъ году архимандритомъ Леонидомъ при посредствѣ Общества Древней Письменности подъ заглавіемъ: „Житіе преподобнаго и богоноснаго отца нашего Сергія чудотворца и похвальное слово ему, написанное ученикомъ его Епифаніемъ премудрымъ въ XV вѣкѣ" (въ 1698-мъ году предполагалось было повторить изданіе Симона Азарьина съ добавленіемъ новыхъ чудесъ, см. приписку къ Книгѣ чудесъ преп. Сергія, составляющей твореніе Симона Азарьина,—печатн. изд. г. Платонова стр. 130, но, по всей вѣроятности, намѣреніе не было приведено въ исполненіе, по крайней мѣрѣ въ библіографіи вовсе неизвѣстно повторенія изданія, принадлежащаго Симону Азарьину). Въ случаѣ нужды цитовать Епифаніево житіе преп. Сергія мы будемъ цитовать его по второму печатному т. е. Лаврскому литографическому изданію.

Пахоміевы сокращенія Епифанія въ рукописяхъ Лаврской библіотеки (на которыя однѣ мы сдѣлаемъ указанія) находятся:

Первое минейное сокращеніе, сдѣланное между 1438—1443-мъ годами (*Ключевск.* Древнерусскк. житія, стр. 118), въ рукописяхъ: № 746, л. 209 и № 771, л. 196. Послѣ приступа, который *начинается:* „Пріидѣте честное и святое постникъ сословіе, пріидѣте отцы и братія"..., самое сокращеніе *начинается:* „Бѣ бо нѣкто мужъ благовѣренъ, бѣ же и закономъ сопряженное поддружіе ему Маріа"....

Второе минейное сокращеніе, сдѣланное между 1449—1459-мъ годами (*Ключевск.* ibid., стр. 116), въ рукописяхъ: № 136, л. 557; № 641, л. 156; № 669, л. 279; № № 761—763, 777, 778 и 787. № № 136—778 *начинаются* тѣмъ же приступомъ, что̀ и предшествующее сокращеніе, за которымъ самое сокращеніе *начинается:* „Бысть бо нѣкто мужъ въ градѣ Ростовѣ, Кирилъ именемъ, благовѣренъ сый и бояйся Бога"...

Первое проложное сокращеніе, болѣе обширное, назначенное для чтенія по 2-й каѳизмѣ, въ рукописяхъ: № 264, л. 112 и № 466, л. 278. Послѣ приступа, который *начинается* тѣми же словами, что̀ въ минейныхъ сокращеніяхъ, самое сокращеніе *начинается* [въ ркп. № 264 тѣми же словами, что и второе минейное сокращеніе; въ ркп. № 466: „бѣ бо нѣкто мужь въ Ростовѣ Кирілъ именем съ супружницею своею Маріею именем благовѣрна и боящася Бога"]. Въ № 466-мъ сокращеніе помѣщено въ службѣ преп. Сергія на 25-е сентября какъ чтеніе по 2-й каѳизмѣ, а въ № 264-мъ отдѣльно и не при службѣ.

Второе проложное сокращеніе, назначенное для чтенія по 6-й пѣсни канона, въ рукописяхъ: № 116, л. 412; № 136, л. 555 и №№ 599, 640, 641,

изъ немногихъ заслуженнѣйшихъ, входилъ въ небольшой изборъ ихъ, составлявшій правительственныя думы или совѣты князей и носившій названіе боярства. Имя матери преподобнаго Сергія было Марія[1]. Кромѣ

643, 699, 717 и 718. *Начинается:* „Сьй преподобный и богоносный отець нашь Сергіе родися въ градѣ Ростовѣ"... Въ №№ 136, 599, 641, 643 и 718 сокращеніе помѣщено въ самой службѣ преп. Сергію, какъ чтеніе послѣ 6-й пѣсни канона, а въ №№ 116, 640, 699 и 717—отдѣльно, въ слѣдъ за службою.

Кромѣ Пахоміевыхъ проложныхъ сокращеній принадлежащаго Епифанію житія преп. Сергія извѣстно еще краткое житіе его, читаемое въ первой части Софійскаго Временника *Строева*,—398, или во второй Софійской лѣтописи Полнаго собранія лѣтописей,—VI, 120; *начинается:* „Сей блаженный Сергѣй родися въ Ростовѣ отъ блаженну родителю"... Когда и кѣмъ составлено это житіе, остается неизвѣстнымъ; но въ немъ находимъ мы нѣсколько новыхъ, изъ неизвѣстнаго намъ источника взятыхъ, свѣдѣній противъ Епифанія и Пахомія.

Наконецъ, въ Никоновской лѣтописи помѣщено подъ 1392-мъ годомъ, о чемъ мы упоминали уже выше, обширное извлеченіе изъ Епифаніева житія преп. Сергія, надписанное: „Повѣсть о преподобномъ Сергіи",—т. IV, стрр. 203—239 нач. Если бы извлеченіе было сдѣлано изъ житія въ редакціи Пахоміевой, то оно не имѣло бы для насъ никакого значенія, но необходимо думать, что оно сдѣлано изъ подлинника самого Епифанія, ибо о нѣкоторыхъ событіяхъ говорится въ немъ иначе, чѣмъ въ редакціи Пахоміевой или же лишнее противъ сей послѣдней. Такимъ образомъ, съ одной стороны—оно даетъ намъ, хотя и въ не полномъ видѣ, подлиннаго Епифанія и сообщаетъ изъ послѣдняго нѣсколько извѣстій, которыхъ нѣтъ въ редакціи Пахоміевой или которыя читаются въ этой редакціи иначе, нежели какъ читались въ подлинникѣ; съ другой стороны, даетъ намъ возможность видѣть, насколько Пахомій при своемъ редактированіи житія Епифаніева исправлялъ и передѣлывалъ послѣднее, именно, какъ сказали мы выше, даетъ возможность видѣть, что за исключеніемъ вышеуказаннаго исправленіе-передѣлываніе было очень незначительно.

Покойный И. И. Срезневскій въ своихъ Древнихъ памятникахъ русскаго письма и языка указываетъ подъ 1392-мъ годомъ на „Память о житіи и преставленіи преп. Сергія" и говоритъ, что „это сказаніе сохранилось въ Сборникахъ и послужило, кажется, главнымъ пособіемъ составителямъ подробныхъ житій (изъ которыхъ одно внесено въ Никон. лѣт., IV, 203—239)". Что разумѣетъ И-лъ И-чъ, остается для насъ совершенно неизвѣстнымъ и думаемъ, что тутъ какое нибудь недоразумѣніе.

Въ Православномъ Собесѣдникѣ за 1863-й годъ, ч. III, стрр. 324—328, напечатана выписка „изъ посланія іеромонаха Епифанія, писавшаго къ нѣкоему другу своему Кириллу", которая издателями Собесѣдника съ увѣренностію принимается за выписку изъ посланія нашего Епифанія премудраго къ преп. Кириллу Бѣлозерскому. Но это совершенно неосновательно. Посланіе написано въ 1415-мъ году какимъ-то Московскимъ иконописцемъ Епифаніемъ, не видавшимъ Константинополя (а предполагать о нашемъ Епифаніи, чтобы онъ путешествовалъ въ Константинополь послѣ 1415-го года, было бы противъ всякой вѣроятности) и не къ преп. Кириллу Бѣлозерскому, а, какъ ясно говорится въ немъ, къ какому-то Кириллу Тверскому, т. е. Кириллу, жителю города Твери.

[1] Родителямъ преп. Сергія при ихъ предсмертномъ постриженіи въ монашество, о чемъ ниже, по всей вѣроятности, перемѣнены были имена. Подъ

него у его родителей было еще двое дѣтей: старшій его сынъ Стефанъ и младшій—Петръ [1].

Какъ сообщаетъ жизнеописатель, еще прежде рожденія преподобнаго было чудеснымъ образомъ возвѣщено о немъ, что станетъ онъ великимъ угодникомъ Божіимъ и нарочитымъ служителемъ святыя Троицы. Мать его, будучи беременна имъ, пришла по обычаю въ одно воскресеніе въ церковь на литургію. Во время литургіи, къ крайнему изумленію всѣхъ присутствовавшихъ въ церкви, находившійся въ ея чревѣ младенецъ три раза начиналъ кричать громкимъ голосомъ („верещать“, какъ выражается жизнеописатель), именно—передъ чтеніемъ евангелія, передъ пѣніемъ херувимской пѣсни и при возглашеніи священникомъ: „святая святымъ“ [2].

какими именами,—мірскими или монашескими, мы теперь ихъ знаемъ, т. е. какія это имена Кириллъ и Марія, остается неизвѣстнымъ (вѣроятнѣе, что не мірскія, а монашескія).

[1] Родъ преп. Сергія въ восходящей линіи остается совершенно неизвѣстнымъ. Что касается до его ближайшаго рода въ нисходящей линіи, то въ Лаврской кормовой книгѣ конца XVI вѣка записаны послѣ его родителей Кирилла и Маріи братья его Стефанъ и Петръ и дѣти Стефана Климентъ (см. о немъ Русскій Временникъ съ 862 по 1681 годъ, называемый у Карамзина Костромской лѣтописью, напечатанный въ Москвѣ въ 1790-мъ году, часть I, стр. 272) и Ѳеодоръ (въ мірѣ Иванъ, скончавшійся архіепископомъ Ростовскимъ),—кормовая книга напечатана *архим. Леонидомъ* въ приложеніяхъ къ его изданіямъ Историческаго описанія лавры А. В. Горскаго. Въ Лаврскомъ сѵнодикѣ начала XVII вѣка,—рукописей № 43, л. 11 об. fin., послѣ родителей Кирилла и Маріи, братьевъ Стефана и Петра и сына Стефанова Климента еще поминаются неизвѣстные: священноіерей инокъ Кипріанъ и Матѳей (нѣкоторые предполагаютъ, что сынъ брата Петра). Въ одномъ изъ сѵнодиковъ Ростовскаго Богоявленскаго монастыря послѣ Кирилла и Маріи, Стефана и Петра, Климента и архіепископа Ѳеодора еще поминаются неизвѣстные: Варвара и Симонъ. Въ сѵнодикѣ Переяславскаго Никитскаго монастыря родъ преп. Сергія: Кирилла, Маріи, Климента, Стефана, архіепископа Ѳеодора, Петра, схимонаха Левкея. См. выписку изъ сѵнодика въ Сборникѣ гр. М. В. Толстова, томъ 9-й, стр. 9-я (печатный каталогъ библіотеки Московской духовной академіи № 21026). Родъ преп. Сергія записанъ въ ркп. Троице-Сергіевой лавры № 295, л. 4 об., Описанія стр. 74; въ сѵнодикѣ Андроникова монастыря—см. Историч. описаніе Спасо-Андроникова монастыря (арх. Сергія) прилож. стр. 18 fin. Въ Хотьковскомъ монастырѣ надъ гробницей Кирилла и Маріи стоитъ икона Знаменія Божіей Матери, на которой изображены ихъ дѣти и именно изображены: Варѳоломей, т. е. преп. Сергій, Стефанъ и Петръ, и потомъ супруга Стефана Анна и супруга Петра Екатерина, см. книжку: „Покровскій Хотьковъ дѣвичій монастырь“, 8-го изд. 1896 г., которое имѣемъ подъ руками, стр. 31 нач. (С. К. Смирновъ въ своемъ Мѣсяцесловѣ лавры, подъ 28-мъ сентября, называетъ супругъ Стефана и Петра, Анну и Екатерину, неправильно ссылаясь на кормовую Лаврскую книгу, но, вѣроятно, заимствуя свѣдѣнія съ сейчасъ помянутой Хотьковской иконы).

[2] О матери преп. Сергія говорится, что во время литургіи она стояла „съ прочими женами въ притворѣ“. Это значитъ, что у насъ въ древнее и

Родился преподобный Сергій не въ самомъ Ростовѣ, а въ имѣніи или усадьбѣ отца, находившейся гдѣ-то не особенно близко отъ Ростова[1].

старое время, въ слѣдъ за Греками и одинаково съ Болгарами и Сербами, женщины стояли въ церквахъ за богослуженіемъ отдѣльно отъ мужчинъ и именно—сзади ихъ, въ заднихъ отдѣленіяхъ церквей. У Сербовъ это и до настоящаго времени такъ и задняя половина церквей называется у нихъ женскою церковію,—„женска црква"; не знаемъ такъ ли это до сихъ поръ въ Малороссіи, но задняя половина церквей тамъ и до сихъ поръ называется бабинцемъ (въ Великороссіи, въ нѣкоторыхъ по крайней мѣрѣ мѣстахъ, задняя половина церквей, бывшая мѣстомъ стоянія женщинъ, называется или называлась трапезою. См. еще моей Исторіи Русской церкви I т. 2 полов., стр. 205—209 1-го изданія и стрр. 239—243 по 2-му изд.).

[1] Объ имѣніи или усадьбѣ родителей преп. Сергія Епифаній говоритъ, что она „бѣ въ предѣлѣхъ Ростовьскаго княженія не зѣло близь града Ростова",—л. 49 нач. Изъ этихъ словъ Епифанія слѣдуетъ, что преданіе Ростовскаго Варницкаго монастыря, находящагося лишь въ 3 верстахъ отъ Ростова на западъ отъ него, по Угличской дорогѣ, будто онъ поставленъ на мѣстѣ усадьбы родителей преп. Сергія, нисколько не можетъ претендовать на особую достовѣрность („Не зѣло близь града Ростова..., въ предѣлѣхъ Ростовьскаго княженія": это, очевидно, рѣчь вовсе не о трехверстномъ разстояніи. Изъ Исторіи іерархіи слѣдуетъ, что преданіе монастыря и не старое, а совсѣмъ новое, недавнее. Авторъ Исторіи іерархіи, писавшій по свѣдѣніямъ, которыя доставлены были изъ самыхъ монастырей, говоритъ, что монастырь, существовавшій, по свидѣтельству грамоты царя Михаила Ѳедоровича, при вел. кн. Василіи Ивановичѣ (1505—1533), „сначала кѣмъ имянно и въ которомъ году точно, *по какому случаю*, по чьему дозволенію и чьимъ иждивеніемъ построенъ, неизвѣстно",—III, 500 (томъ напечатанъ въ 1811-мъ году). И митр. Платонъ въ своихъ Запискахъ о поѣздкѣ въ Ярославль, Кострому и Владиміръ, совершонной въ 1792-мъ году, упоминая о Варницкомъ монастырѣ (подъ именемъ Троицкаго), ничего не говоритъ о нашемъ преданіи, тогда какъ если бы преданіе существовало, то онъ, по своимъ отношеніямъ къ лаврѣ и преп. Сергію, не могъ бы не обратить на него своего вниманія и не сказать о немъ, см. Записки въ Жизни митр. Платона, принадлежащей Снегиреву—по новому изданію въ Москвѣ, 1856, въ приложеніяхъ ко 2-й части, стр. 12. Если главная церковь въ монастырѣ во имя св. Троицы, отъ чего монастырь называется Троицкимъ, а въ церкви есть придѣлъ въ честь преп. Сергія Радонежскаго, то симъ нисколько не дается основанія предполагать, что монастырь поставленъ на мѣстѣ усадьбы родителей преп. Сергія; неизвѣстные строители монастыря могли посвятить главную церковь монастыря одному воимени св. Троицы съ монастыремъ Сергіевымъ и въ ней устроить придѣлъ въ честь преп. Сергія потому только, что онъ былъ родомъ Ростовецъ).—Возвращаясь въ 1365-мъ году изъ Нижняго Новгорода въ Москву, преп. Сергій благословилъ неизвѣстныхъ здателей поставить Георгіевскую пустыню въ Гороховецкомъ уѣздѣ Владимирской губерніи, на рѣкѣ на Клязьмѣ. Пустыня эта съ самаго начала и до самаго конца своего существованія находилась въ завѣдываніи Троицкаго монастыря, и въ одной грамотѣ о ней въ Троицкій монастырь царя Ѳедора Ивановича пишется: „пожаловали есмь (есмя) къ пустынѣ живоначалной Троицѣ и къ великому Христову мученику Егорьгію, гдѣ было зачатіе великого чюдотворца Сергія,

Годъ его рожденія достовѣрнымъ образомъ неизвѣстенъ; но по вѣроятнѣй-

---

что въ Гороховскомъ уѣздѣ, для того, чтобы чюдотворцово имя Сергіево прославилося",... см. грамоту въ 1-мъ изданіи Сборника Муханова, № 130, стр. 201; перепечатана въ Путеводителѣ изъ Москвы въ Троице-Сергіеву лавру *И. М. Снегирева*, М, 1856, прим. 3 и *архим. Леонидомъ* въ его изданіяхъ Историческаго описанія лавры А. В. Горскаго,—къ гл. X прим. 28). Прямой смыслъ приведенныхъ словъ тотъ, что на мѣстѣ Гороховецкой пустыни было плотское зачатіе преп. Сергія его родителями, какъ и понимаются слова г. Снегиревымъ,— ibid. стр. 4. Но представляется невѣроятнымъ допустить, чтобы могло возникнуть подобное совсѣмъ неосновательное преданіе, и въ словахъ грамоты нужно видѣть своеобразное и не особенно ладное выраженіе той мысли, что пустыня начата, основана преп. Сергіемъ (при чемъ она была Георгіевскою и вмѣстѣ именно Зачатіевскою, см. *Восток.* Опис. Румянц. муз. стр. 80 fin.,—№ 52 л. 101). Въ грамотѣ этой мѣсто запустѣвшей передъ тѣмъ лѣтъ за 70 и лѣсомъ поросшей пустыни: „въ Гороховскомъ уѣздѣ, на рѣкѣ на Клязьмѣ, въ поймахъ на болотѣ". „Озерко Глушица на рѣкѣ на Окѣ, что впало въ рѣчку въ Ушну", которое просилъ Варсонофій Якимовъ и которое дано было къ пустынѣ, вѣроятно, находилось недалеко отъ нея. Въ другой грамотѣ Ѳедора Ивановича о той же пустынѣ въ Троицкій монастырь безъ двусмысленности говорится: „а поставилъ де ту пустыню и храмъ самъ чюдотворецъ Сергій, какъ его посылалъ въ Нижній Новгородъ прадѣдъ нашъ Димитрій Ивановичъ Донской ко князю Борису Константиновичу о миру",—грамота у *архим. Леонида* ibid., къ гл. X прим. 10. Виновникомъ неладнаго и двусмысленнаго выраженія царской грамоты о пустынѣ, по всей вѣроятности, былъ старецъ Троицкаго монастыря Варсонофій Якимовъ, который обращался съ просьбами къ царю о пустынѣ и который потомъ сдѣланъ былъ ея строителемъ (въ смыслѣ ктитора). Въ своихъ челобитьяхъ царю о пустынѣ онъ писалъ, что есть, „въ Гороховскомъ уѣздѣ пустынка Сергѣя чюдотворца зачатіе" (см. царскую грамоту въ Троицкій монастырь въ I т. Актовъ Историческихъ, № 229, стр. 434), при чемъ подъ зачатіемъ разумѣлъ, какъ онъ выражается въ своей духовной грамотѣ, „поставленіе и зачятіе Сергія чюдотворца", т. е. основаніе пустыни Сергіемъ чудотворцемъ (духовная грамота напечатана *о. Арсеніемъ* въ приложеніи къ Описанію Введенской и Пятницкой церквей Сергіевскаго посада, помѣщенному въ IV кн. Чтеній Общ. Ист. и Древн. Росс. за 1894-й годъ). Но царская канцелярія поняла его слова въ томъ смыслѣ, что тамъ было зачатіе, т. е. плотское зачатіе, самого Сергія чудотворца. Вѣроятно думать, что и Зачатіевскою пустынь называется въ царской грамотѣ,—у *Восток.* въ Опис. Румян. муз. стр. 80 fin., по тому же неправильному толкованію слова „зачатіе". См. о Георгіевской пустынѣ ниже, въ рѣчахъ о приписныхъ къ лаврѣ монастыряхъ.—Одинъ господинъ укорялъ насъ за разъясненіе словъ грамоты царя Ѳёдора Ивановича какъ—де вовсе ненужное и не могущее никого вводить въ заблужденіе. Но вотъ въ 1897-мъ году напечатана П. Кончаловскимъ книжка: „Отъ Москвы до Архангельска по Московско-Ярославско-Архангельской желѣзной дорогѣ", изъ которой оказывается, что разъясненіе наше вовсе было не ненужно, ибо г. Кончаловскій, введенный въ заблужденіе грамотой царя Ѳёдора Ивановича, именно утверждаетъ, будто родители преп. Сергія прежде чѣмъ поселиться въ Ростовѣ жили въ Гороховецкомъ уѣздѣ Владимирской губерніи и будто здѣсь послѣдовало зачатіе преподобнаго,—стр. 97 fin..

шимъ предположеніямъ онъ есть 1314-й[1]. При крещеніи, какъ уже мы

[1] У Епифанія находятся во взаимномъ между собою противорѣчіи показаніе о годѣ рожденія преподобнаго Сергія и показаніе о возрастѣ, въ которомъ онъ скончался, или о количествѣ лѣтъ его жизни. Что касается до года рожденія преподобнаго, то, не обозначая или не указывая его прямо, Епифаній говоритъ, что Сергій родился „въ княженіе великое Тверьское, при великомъ князѣ Димитріи Михаиловичи, егда (была) рать Ахмулова". Дмитрій Михайловичъ занималъ великокняжескій престолъ съ 1322-го года по 1326-й годъ; рать Ахмулова, именно—Ахмула или Ахмыла, ханскаго посла, имѣла мѣсто въ 1322-мъ году (объ этой рати—Новгородск. 1 лѣт. въ Собр. лѣтт. III, 72; Софійск. лѣт. ibid. V, 216; Воскресенск. лѣт. ibid. VII, 198; Никоновск. лѣт. III, 127: „того же лѣта приходи на Русь изъ Орды посолъ силенъ съ княземъ Иваномъ Даниловичемъ, именемъ Ахмылъ, и много пакости учини по Низовской землѣ и Ярославль взя и христіанъ много посѣче и много полона безчисленно взятъ"). Слѣдовательно, по приведенному показанію—преподобный Сергій родился въ 1322-мъ году. Но затѣмъ у Епифанія читаемъ, что преподобный скончался въ 1392-мъ году, „живъ лѣтъ 70 и 8" (въ самомъ житіи),—что онъ преставился отъ житія сего „лѣтъ седмидесятъ и осми" (въ похвальномъ словѣ), изъ каковаго втораго показанія слѣдуетъ, что онъ родился въ 1314-мъ году. Относительно двухъ противорѣчащихъ между собою показаній съ перваго взгляда и само по себѣ представлялось бы вѣроятнѣйшимъ думать, что противорѣчіе принадлежитъ не самому Епифанію, а какому нибудь позднѣйшему переписчику житія, который допустилъ ошибку или погрѣшность при его воспроизведеніи. Считая вѣроятнѣйшимъ это, нужно было бы думать, что ошибка допущена не въ показаніи о годѣ рожденія преподобнаго Сергія, а въ показаніи числа лѣтъ его жизни, ибо въ первомъ показаніи, сдѣланномъ не чрезъ обозначеніе годовой цифры, а чрезъ указаніе событія, ошибки не могло быть допущено, и она могла быть допущена только во второмъ показаніи чрезъ измѣненіе цифры 70 (каковой возрастъ имѣлъ бы въ 1392-мъ году преподобный Сергій, родившійся въ 1322-мъ году) въ цифру 78. Въ дѣйствительности однако вѣроятнѣйшимъ представляется думать, что противорѣчіе принадлежитъ самому Епифанію и что дѣлая вѣрное показаніе во второмъ случаѣ,—относительно лѣтъ жизни преподобнаго Сергія, онъ допускаетъ ошибку въ первомъ случаѣ,—относительно года его рожденія. Если мы примемъ, что преподобный Сергій родился въ 1322-мъ году, то годъ этотъ будетъ не согласенъ съ другими показаніями Епифанія, на которыя нельзя смотрѣть какъ на ошибки писцовъ и относительно которыхъ допустить его собственную ошибочность менѣе вѣроятно, чѣмъ относительно показанія о годѣ рожденія преподобнаго. Родители Сергія, какъ даетъ знать Епифаній, переселились изъ Ростова въ Радонежъ въ 1330—1331-мъ году (см. ниже); если бы онъ—Сергій родился въ 1322-мъ году, то въ минуту переселенія ему было бы 8 или 9 лѣтъ возраста; между тѣмъ тотъ же Епифаній даетъ знать, что въ минуту эту ему было не менѣе 15-ти лѣтъ возраста (мать Сергія, увѣщевая его отказаться отъ непосильнаго для него по его лѣтамъ суроваго поста, говоритъ ему въ Ростовѣ, что ему нѣтъ еще и 12-ти лѣтъ, т. е. что ему идетъ еще только 12-й годъ,—л. 46, а послѣ сего родители Сергія, какъ это дается знать, жили въ Ростовѣ и еще нѣкоторое, не совсѣмъ малое, время). Если противъ сейчасъ указаннаго могутъ возразить, что тутъ Епифаній просто не особенно заботился о строгой хронологической послѣдова-

сказали, ему наречено было имя Варѳоломея (имя апостола Варѳоломея,

---

тельности: то вотъ другой случай, относительно котораго это возраженіе уже не можетъ имѣть мѣста. Преподобный Сергій удалился въ пустыню для монашескаго подвижничества вмѣстѣ съ своимъ старшимъ братомъ Стефаномъ; Стефанъ, скоро оставившій Сергія въ пустынѣ и удалившійся въ Москву, въ Богоявленскій монастырь, засталъ въ монастырѣ святаго Алексія, будущаго митрополита, съ которымъ и жилъ въ немъ то или другое нѣкоторое, опять, какъ дается знать,—не особенно малое время; но святой Алексій взятъ былъ изъ монастыря въ намѣстники къ митрополиту Ѳеогносту не позднѣе 1340-го года, ибо поставленный въ епископы 6-го декабря 1352-го года онъ былъ передъ тѣмъ намѣстникомъ въ продолженіи 12-ти слишкомъ лѣтъ; но если Стефанъ пришелъ отъ Сергія въ Москву за то или другое нѣкоторое время до 1340-го года, то съ другой стороны мы знаемъ, что Сергій, принявшій монашеское постриженіе тотчасъ по уходѣ отъ него Стефана, имѣлъ въ минуту этого постриженія 23 года возраста. Сергій, скончавшійся въ 1392-мъ году, игуменствовалъ въ продолженіе 48-ми лѣтъ (какъ о томъ свидѣтельствуетъ каталогъ Троицкихъ игуменовъ, а также и отдѣльныя записи, и о чемъ ниже); но если бы онъ родился въ 1322-мъ году, то выходило бы, что онъ поставленъ въ игумены 22-хъ лѣтъ, тогда какъ онъ постригся въ монахи 23-хъ лѣтъ. Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что Сергій родился ранѣе 1322-го года, иначе сказать—слѣдуетъ, что изъ двухъ спорныхъ годовъ долженъ быть принимаемъ 1314-й годъ. Что касается до противорѣчія Епифанія самому себѣ, то не представляется вѣроятнымъ думать, чтобы онъ допустилъ его именно какъ противорѣчіе, потому что это было бы съ его стороны очень грубо. Гораздо вѣроятнѣе думать, что онъ введенъ былъ въ заблужденіе какою-нибудь лѣтописью, въ которой годы были выставлены неправильно (не самъ собою, какъ должно думать, а именно вводимый въ заблужденіе какою-нибудь плохою лѣтописью, собственно—хронографомъ, Епифаній допускаетъ ту несомнѣнную весьма грубую ошибку, что рожденіе преподобнаго Сергія относитъ ко времени Константинопольскаго патріарха Каллиста, тогда какъ изъ двухъ патріарховъ Каллистовъ Каллистъ 1-й занялъ патріаршую каѳедру въ первый разъ только въ 1350-мъ году.—„Хощу же сказати,—пишетъ Епифаній,—времена и лѣта, въ няже преподобный родися; въ лѣта благочестиваго, преславнаго, державнаго царя Андроника, самодержца Греческаго, иже въ Цариградѣ царствовавшаго (1282—1328) при архіепископѣ Констянтина града Калистѣ, патріарсѣ вселеньскомъ“,—л. 35. Замѣчательно, что подобную же ошибочную хронологію находимъ въ сказаніи или записи о Нижегородской княгинѣ Василиссѣ, супругѣ князя Андрея Константиновича, о которой говорится, что она родилась въ 1331-мъ году, въ правленіе Греческаго императора Андроника и при патріархѣ Цареградскомъ Каллистѣ,—Никон. лѣт. IV, 78; Степенн. кн. I, 486. Вѣроятно, что источникъ ошибочныхъ свѣдѣній въ обоихъ случаяхъ одинъ и тотъ же).—Есть ученые, которые признаютъ читаемое у Епифанія показаніе, что преподобный Сергій умеръ 78-ми лѣтъ, не за переправленное позднѣйшими переписчиками, а за принадлежащее ему самому, и которые однако считаютъ вѣроятнѣйшимъ видѣть у него ошибку именно въ этомъ показаніи, а не въ показаніи о годѣ рожденія. Но если бы могло быть положительнымъ образомъ доказано, что цифра 78, обозначающая годы жизни преподобнаго Сергія, есть подлинная Епифаніева цифра: тогда споръ съ несомнѣнностію рѣшался бы въ томъ напротивъ смыслѣ, что пре-

одного изъ 12-ти, память котораго празднуется церковію 11-го іюня и 25-го августа[1]).

По сказанію жизнеописателя, младенчество и дѣтство Варѳоломея также ознаменованы были чудесными проявленіями на немъ благодати Божіей. Въ продолженіе сорока дней отъ рожденія до крещенія младенецъ заставилъ свою мать соблюдать постъ, ибо не хотѣлъ прикасаться къ сосцамъ ея, если она въ скоромные дни принимала мясную пищу. Спустя немного времени послѣ крещенія самъ младенецъ явился великимъ постни-

подобный Сергій родился въ 1314-мъ году, ибо невозможно допустить, чтобы Епифаній, проживший въ монастырѣ преподобнаго Сергія при немъ самомъ 15—17-ть лѣтъ, находившійся въ монастырѣ въ минуту его смерти и начавшій собирать матеріалы для его житія тотчасъ послѣ его смерти, не зналъ или не узналъ, сколькихъ лѣтъ жизни онъ скончался.—Покойный Н. С. Тихонравовъ, спеціально занимавшійся хронологіей жизни преподобнаго Сергія (что сдѣлано имъ для житія преп. Сергія, см. въ Сборникѣ отдѣленія русс. языка и слов. Импер. Академіи Наукъ, т. LIV, Спб. 1893 г., отчетъ, стр. 11 и Вѣстникъ Европы 1897 г., мартъ, стр. 230 sub fin., статья А. Пыпина), увѣрялъ насъ, что есть немалое количество списковъ житія Епифаніева, по которымъ преподобный Сергій постригся въ монахи не 23-хъ лѣтъ, какъ въ извѣстныхъ спискахъ, а 20-ти лѣтъ, монашествовалъ не 55-ть, а 50 лѣтъ, и скончался, имѣя не 78-мь, а 70 лѣтъ. Очень можетъ быть, что это совершенная правда, (хотя во всякомъ случаѣ имѣемъ основаніе думать, что относительно количества списковъ Н. С—чъ впадалъ въ преувеличеніе). Это, очевиднымъ образомъ, будетъ значить, что который-то изъ двухъ рядовъ цыфръ представляетъ позднѣйшую переправу. Но который именно, посредствомъ списковъ рѣшить этого нельзя, а рѣшеніе не посредствомъ списковъ, а посредствомъ другихъ данныхъ житія въ пользу того, чтобы видѣть переправу въ рядѣ цыфръ: 20, 50 и 70, принимая ихъ за неудачный домыслъ какого-то позднѣйшаго книжника.—В. О. Ключевскій,—Древне-русскія житія, стр. 106, прим., указываетъ на то, что цыфра 78 является въ Пахоміевомъ сокращеніи житія Епифаніева какъ вставка. Это совершенно вѣрно; но она вовсе не является вставкой въ самомъ житіи Епифаніевомъ. Пахомій, буквально переписывая въ данномъ мѣстѣ Епифанія, опустилъ слова: „живъ преподобный всѣхъ лѣтъ 70 и 8“, а послѣ эти слова были вставлены у него нѣсколько не на мѣстѣ. При томъ же весьма возможно, что вставка словъ не на мѣстѣ принадлежитъ не самому Пахомію, а переписчикамъ его житія, ибо въ нѣкоторыхъ спискахъ послѣдняго они стоятъ на должномъ мѣстѣ, см. напр. Волоколамск. ркп. № 645, л. 330 fin...

[1] Разсказывая о крещеніи священникомъ Варѳоломея, Епифаній говоритъ: „іерей же, огласивъ его и много молитвовавъ надъ нимъ, съ радостію духовною и тщаніемъ крести его“,... л. 19. Можетъ приводить читателя въ недоумѣніе, что̀ значитъ: „много молитвовавъ“, т. е. что̀ значитъ, что при крещеніи Варѳоломея священникъ читалъ болѣе молитвъ, чѣмъ обыкновенно и чѣмъ положено. Но это „много молитвовавъ“ не значитъ ничего дѣйствительнаго и представляетъ собою просто ораторскую нескладицу, употребленную для произведенія бо̀льшаго эффекта (нескладное „много молитвовавъ“ Симонъ Азарьинъ поправляетъ у себя въ складное: „по обычаю молитвовавъ“). Есть и еще у Епифанія подобныя эффектно-ораторскія нескладицы, но мы не будемъ указывать ихъ.

комъ: по средамъ и пятницамъ онъ не прикасался къ сосцамъ матери и не хотѣлъ вкушать молока коровьяго, но по цѣлымъ днямъ оставался безъ пищи. При этомъ, не хотѣлъ младенецъ питаться и молокомъ другихъ женщинъ, кромѣ самой матери, такъ что мать напрасно брала было для него кормилицъ болѣе богатыхъ молокомъ, чѣмъ она сама. Въ объясненіе послѣдней необычайности въ поведеніи младенца жизнеописатель говоритъ: „се знаменіе бысть, яко дабы добра корене добрая лѣторасль нескверным млекомъ воспитанъ былъ“ [1].

Достигнувъ семилѣтняго возраста, Варѳоломей отданъ былъ родителями въ ученье грамотѣ (одному изъ учителей, духовному или мірянину, содержавшему, какъ это было тогда обычно, училище у себя на дому). Вмѣстѣ съ Варѳоломеемъ учились грамотѣ и его братья Стефанъ и Петръ. Но тогда какъ оба брата учились грамотѣ хорошо и успѣвали въ ученіи быстро, Варѳоломей оказался очень малоспособнымъ или тупымъ къ ученію, такъ что бранимъ былъ родителями, подвергался наказанію отъ учителя и осмѣянію отъ своихъ товарищей. Было это, говоритъ жизнеописатель, по смотрѣнію Божію, дабы дитя получило книжный разумъ не отъ людей, а отъ Бога. Варѳоломей часто со слезами молился Богу втайнѣ, чтобы Онъ подалъ ему разумѣніе грамоты, и молитва его была услышана. Однажды онъ посланъ былъ отцомъ въ поле искать лошадей [2] (нравы древняго времени, какъ видно, были гораздо проще, чѣмъ наши, такъ что не считалось предосудительнымъ и для боярскихъ дѣтей дѣлать иное изъ того, что по нашимъ понятіямъ исключительно входитъ въ кругъ дѣятельности прислуги и работниковъ; впрочемъ, исканіе лошадей въ полѣ представляло и развлеченіе, своего рода прогулку). Въ полѣ Варѳоломей увидалъ незнакомаго ему старца, святолѣпнаго и ангеловиднаго, который стоялъ подъ дубомъ и творилъ прилежную со слезами молитву. Онъ приблизился къ старцу и сталъ ждать окончанія имъ молитвы. Кончивъ молитву, старецъ благословилъ и облобызалъ его и спросилъ его, чего онъ ищетъ и чего хочетъ. Варѳоломей отвѣчалъ, что болѣе всего и пламенно онъ желалъ бы получить разумъ къ ученью грамоты, и просилъ старца помолиться о немъ Богу. Старецъ,

---

[1] Изъ Греческихъ святыхъ о Николаѣ чудотворцѣ говорится въ его житіи, что „еще младенецъ сый, отъ деснаго точію сосца, и отъ того единаго днемъ кормяшеся, въ среду и пятокъ въ уставленный девятый часъ млека пріимаше“, см. выдержку изъ Житія въ Пандектахъ Никона Черногорца, сл. 57, печатн. л. 470. Изъ нашихъ Русскихъ святыхъ то же самое, что о преп. Сергіи, говорится о преп. Макаріи Колязинскомъ, скончавшемся невступно черезъ столѣтіе послѣ преп. Сергія (1483).

[2] Въ подлинникѣ у жизнеописателя: „на взысканіе клюсятъ“. Старославянское „клюся“, которое едва-ли употреблялось въ живой русской рѣчи и которое Епифаній, вѣроятно, беретъ изъ книгъ, чтобы блеснуть своею ученостью, порусски значитъ: вьючная скотина, лошакъ, лошадь, см. Словарь церковнославянскаго языка *Востокова*. Пахомій не находилъ возможнымъ представлять дѣло такъ, чтобы боярскій сынъ посланъ былъ въ поле искать лошадей, и говоритъ въ своихъ сокращеніяхъ, что онъ самъ вышелъ въ поле на прогулку.

воздѣвъ руки, сотворилъ прилежную молитву[1] и по окончаніи молитвы вынулъ изъ кармана какъ бы нѣкоторый сосудъ и подалъ ему изъ него тремя перстами какъ бы частицу отъ просфоры, повелѣвъ вкусить ее и обѣщая, что вмѣстѣ съ этимъ дается ему отъ Бога разумъ къ ученію. Послѣ сего старецъ хотѣлъ было отправиться въ свой путь, но Варѳоломей усердно просилъ его посѣтить домъ своихъ родителей, на что онъ и изъявилъ согласіе. Въ домѣ Кирилла, прежде чѣмъ сѣсть за предложенную послѣднимъ трапезу, старецъ, взявъ съ собою Варѳоломея, пошелъ въ бывшую у него домовую часовню, чтобы отпѣть часы. Во время пѣнія часовъ онъ заставилъ Варѳоломея говорить псаломъ, и когда этотъ сказалъ: „я не умѣю, отче“, отвѣчалъ ему: „отъ сего дня Господь даруетъ тебѣ умѣнье грамоты“, послѣ чего дитя начало хорошо и стройно стихословить псалтирь, ставъ съ того часа весьма гораздымъ грамотѣ. Вкусивъ трапезы, предложенной родителями Варѳоломея, и увѣривъ ихъ, что Господь даровалъ имъ въ немъ благословенное дѣтище, которое ради добродѣтельнаго житія будетъ великимъ передъ Богомъ и передъ людьми человѣкомъ, старецъ вышелъ отъ нихъ. Родители Варѳоломея пошли провожать его, но онъ внезапно сталъ невидимъ, изъ чего они и познали, что то былъ ангелъ Божій.

Житія святыхъ представляютъ намъ немалочисленные примѣры того, какъ сердца избранныхъ Богомъ людей воспламеняются благодатною ревностью о спасеніи съ дней самой ранней юности, съ тѣмъ, чтобы не потухая горѣть до глубокой старости. Варѳоломей, будущій преподобный Сергій, принадлежалъ къ числу этихъ избранниковъ Божіихъ. Менѣе чѣмъ съ двѣнадцати-лѣтняго возраста онъ началъ стараться жить тою жизнію подвижника, которой уже не покидалъ до самой своей смерти. Не будучи возбраняемъ благочестивыми родителями, онъ началъ держать строгій постъ, такъ что по средамъ и пятницамъ совсѣмъ не вкушалъ пищи (какъ дѣлали тогда особенно благочестивые взрослые), а въ прочіе дни питался хлѣбомъ и водой; началъ усердно посѣщать храмъ Божій для молитвы и дома проводить на молитвѣ цѣлыя ночи; началъ усердно читать святыя книги, учащія пути спасенія.

Когда Варѳоломею было около 15-ти лѣтъ, родители его увидѣли себя вынужденными переселиться изъ Ростова въ другое мѣсто.

Зимой 1327—28-го года получилъ въ Ордѣ великое княженіе Русское удѣльный Московскій князь Иванъ Даниловичъ Калита. Новый великій князь, человѣкъ съ весьма большими государственными способностями, успѣлъ до такой степени снискать расположеніе хана, что этотъ, спустя годъ по дарованіи ему великокняжескаго престола, между прочимъ отдалъ въ нарочитое подчиненіе ему сосѣднее съ Москвой княжество Ростов-

[1] „Старецъ же, воздѣвъ руцѣ, купно и очи, на небо, и воздохнувъ къ Богу и сотворь молитву прилежну“,—л. 39 об. нач. Это составляетъ свидѣтельство, что во времена Епифанія у насъ молились еще посредствомъ воздѣянія рукъ.

ское[1]. Великимъ княземъ посланъ былъ въ Ростовъ въ качествѣ его намѣстника одинъ изъ Московскихъ бояръ (Василій Кочева). По уполномоченію ли Ивана Даниловича или самъ по себѣ намѣстникъ его повелъ дѣло такъ, что скоро весь Ростовъ наполнился слезами и плачемъ. Въ Ростовѣ, конечно, были недовольные нарочитымъ подчиненіемъ его Москвѣ; это недовольство было представляемо намѣстникомъ какъ измѣна Ростовцевъ великому князю,—и онъ началъ выводить изъ Ростова измѣну... Справедливо и несправедливо люди были обвиняемы въ недоброжелательствѣ Москвѣ, и за тѣмъ слѣдовали тѣлесныя пытки и истязанія и конфискація или совсѣмъ грабительское отнятіе имѣнія; дѣло дошло до того, что даже намѣстникъ въ городѣ Ростовскихъ князей (бояринъ, по имени Аверкій) былъ подвергнутъ жестокому и вмѣстѣ позорному тѣлесному истязанію. Спасаясь отъ страшнаго террора, наставшаго въ Ростовѣ, многіе изъ жителей его рѣшились бѣжать изъ него, чтобы искать себѣ пристанища въ другихъ мѣстахъ[2]. Въ числѣ другихъ, рѣшившихся бѣжать изъ Ростова, былъ и отецъ Варѳоломея Кириллъ. Кромѣ тяжкаго насилія Московскаго его заставило выселиться изъ Ростова еще и то, что подъ старость онъ испыталъ жестокую превратность судьбы,—изъ человѣка богатаго и знатнаго, благодаря несча-

---

[1] Епифаній говоритъ: „княженіе великое досталося князю великому Ивану Даниловичу, купно же и досталося княженіе Ростовьское къ Москвѣ“,... л. 50. Такъ какъ удѣлъ Ростовскій не былъ уничтоженъ, съ тѣмъ, чтобы быть присоединеннымъ къ Москвѣ, то остается понимать Епифанія въ томъ смыслѣ, что княженіе Ростовское отдано было въ нарочитое подчиненіе великому князю. Что̀ значило это нарочитое подчиненіе, сказать не можемъ, потому что кромѣ Епифанія ни у кого не находимъ рѣчей о немъ (ср. Карамз. IV, 141 и Солов. III, изд. 4 стр. 281 fin.). Что княженіе Ростовское отдано было въ нарочитое подчиненіе Ивану Даниловичу спустя годъ послѣ полученія имъ великаго княженія, это даетъ знать Епифаній, когда говоритъ, что въ Ростовѣ настало насилованіе отъ Москвы „за (спустя) годъ единъ“ послѣ рати Ѳедорчуковой-Туралыковой, которая имѣла мѣсто тотчасъ въ слѣдъ за тѣмъ, какъ Иванъ Даниловичъ получилъ великое княженіе, и о которой см. на слѣдующей страницѣ въ примѣчаніи. (Степенная книга говоритъ, что при вел. кн. Иванѣ Даниловичѣ присоединена къ Москвѣ одна половина Ростова, а что другую половину купилъ у Ростовскихъ князей вел. кн. Иванъ Васильевичъ,—II, 132 fin.. Тоже даетъ знать Типографская лѣтопись, относя покупку вел. кн. Иваномъ Васильевичемъ второй половины Ростова и всего совсѣмъ княжества къ 1474-му году,—стр. 284. Но еслибы Москва получила въ свою власть одну половину Ростова, то отъ наставшаго въ ней террора, о которомъ сейчасъ, люди могли бы уходить на другую, оставшуюся свободную отъ Москвы половину. Да и Епифаній представляетъ дѣло не такъ, а именно такъ, что все княженіе Ростовское досталося къ Москвѣ, ставъ въ бо́льшую или въ меньшую зависимость отъ нея).

[2] Не совсѣмъ понятный для насъ терроръ этотъ, конечно, не составляетъ выдумки Епифаніевой. Но непонятность увеличивается для насъ еще тѣмъ, что въ 1328-мъ году Иванъ Даниловичъ выдалъ свою дочь за Ростовскаго князя Константина Васильевича,—Академич. лѣтоп. подъ симъ годомъ (Карамз. IV, прим. 303 fin.). Впрочемъ, и съ другимъ своимъ зятемъ, княземъ Ярослав-

стнымъ обстоятельствамъ времени, сдѣлался жалкимъ бѣднякомъ, которому не удобно было оставаться тамъ, гдѣ онъ жилъ, какъ человѣкъ богатый[1]. Мѣстомъ для своего новаго жительства отецъ Варѳоломея избралъ соотвѣтствовавшій его собственному болѣе чѣмъ скромному положенію малый городъ или городокъ Радонежъ, находившійся въ области Московской (въ 54-хъ верстахъ отъ Москвы по направленію къ Ростову и въ 14-ти верстахъ отъ нынѣшней Троицкой лавры по направленію къ Москвѣ). Городокъ отданъ

скимъ Василіемъ Давидовичемъ, великій князь находился въ самыхъ враждебныхъ отношеніяхъ (Карамз. IV, 143). Разсказъ Епифанія о террорѣ Ростовскомъ, чтобы не находить его невѣроятнымъ, сравнивай съ разсказомъ Псковской 1-й лѣтописи о террорѣ, наставшемъ во Псковѣ послѣ подчиненія послѣдняго Москвѣ,—Собр. лѣтт. IV, 288 (изъ Пскова такъ же, какъ изъ Ростова, отъ налоговъ и отъ насильства Московскихъ намѣстниковъ „многіе разбѣгошася по чюжимъ городомъ“).

[1] О томъ, какъ отецъ преп. Сергія изъ человѣка богатаго превратился въ человѣка бѣднаго, Епифаній пишетъ: „сей убо преже реченный рабъ Божій Кириллъ прежъ имѣяше житіе велико въ Ростовьстей области, боляринъ сый, единъ отъ славныхъ и нарочитыхъ боляръ, богатьствомъ многимъ изобилуя, но напослѣдъ, на старость, обнища и оскудѣ; како же и что (чего) ради обнища, да скажемъ и се: яко частыми хоженми, еже со княземъ, во Орду, частыми ратьми Татарскими, еже на Русь, частыми послы Татарскими, частыми тяжкими даньми и выходы, еже во Орду, частыми глады хлѣбными, надо всѣми же сими и паче, егда бысть великая рать Татарская, глаголемая Федорчюкова-Туралыкова“,—л. 49 fin.. Рать Федорчукова-Туралыкова имѣла мѣсто въ 1328 году. 15 августа 1327 года жители Твери, во главѣ съ своимъ княземъ Александромъ Михайловичемъ, который былъ въ то время и Русскимъ великимъ княземъ, избили живши хъ у нихъ ханскихъ пословъ. Ханъ отдалъ великое княженіе Московскому князю Ивану Даниловичу, а для опустошенія области Тверской, въ наказаніе за убійство пословъ, отправилъ съ нимъ зимой 1328 года пять своихъ темниковъ (десятитысячныхъ воеводъ)—Федорчука или, какъ въ другихъ лѣтописяхъ, Федора, Чука, Туралыка, Сюгу и одного или двоихъ неизвѣстныхъ по именамъ. Темники, пользуясь случаемъ, какъ это большею частію бывало и въ другіе разы, опустошили не одну область Тверскую, но и другія, за исключеніемъ области Московской. Никоновская лѣтопись говоритъ о нашей рати: „И бысть тогда всей Русской землѣ велія тягость и томленіе и кровопролитіе отъ Татаръ,... много крестьянъ избиша и плѣниша,... и возвратишась Татарове со многимъ полономъ во Орду“,—III, 138; см. также Софійск. лѣт. въ Собр. лѣтт. V, 217 fin. и Воскресенск. лѣт. ibid. VII, 200 fin. Что касается до того, что поѣздки въ Орду могли разорять людей, то, вопервыхъ, очень дорого должны были обходиться тамъ многочисленныя поклонныя раздачи чиновникамъ ханскимъ, начиная отъ большихъ и кончая малыми, а вовторыхъ—иногда случалось, что князей Русскихъ съ ихъ свитами тамъ въ буквальномъ смыслѣ грабили. О князьяхъ именно Ростовскихъ говорится въ лѣтописяхъ подъ 1361-мъ годомъ, что ихъ ограбили въ Ордѣ и пустили нагихъ,—Тверск. лѣтоп. въ Собр. лѣтт. XV, 428; Воскресенск. лѣт. ibid. VIII, 11 (въ Никон. лѣт., III, 218, читается ошибочно: „грабленія избѣжаша“ вмѣсто: „граблени избѣжаша“, при чемъ „избѣжаша“ значитъ: выбѣжали).

былъ великимъ княземъ въ удѣлъ его младшему сыну Андрею, а для привлеченія въ него новыхъ жителей даны были переселенцамъ многія льготы и обѣщана большая ослаба (въ податяхъ и повинностяхъ). Въ смиренный Радонежъ и переселился столько же смиренный Кириллъ съ нѣкоторыми другими изъ Ростовцевъ и поселился въ немъ близъ его церкви во имя Рождества Христова[1].

Достигнувъ возраста двадцатилѣтняго, Варѳоломей, уже давно рѣшившій посвятить себя Богу въ иночествѣ и уже давно по жизни своей бывшій строжайшимъ инокомъ, началъ просить родителей своихъ о дозволеніи постричься въ монахи. Родители ничего не имѣли противъ его намѣренія, ибо и сами были усердными чтителями монашества, но они просили его подождать постриженіемъ, пока онъ не проводитъ ихъ на тотъ свѣтъ, ибо—говорили они ему—братья твои Стефанъ и Петръ оженились и пекутся о себѣ, а мы въ нашей старости и скудости и при нашей хворости имѣемъ попечителя единственно въ тебѣ. Варѳоломей повиновался родителямъ и, посвящая себя попеченіямъ о нихъ, самого себя пріуготовлялъ къ тѣмъ исключительнымъ монашескимъ подвигамъ, которые онъ рѣшился на себя подъять.

Скоро больные родители Варѳоломея, одинъ не въ дальнемъ разстояніи отъ другаго, переселились изъ сей жизни въ вѣчную жизнь, при чемъ оба они предварительно приняли монашество въ находившемся (какъ и доселѣ находящемся) близъ Радонежа Хотьковомъ монастырѣ, который въ то время одновременно былъ и мужскимъ и женскимъ[2].

Похоронивъ родителей, Варѳоломей получилъ свободу распоряжаться собой. И онъ, предоставивъ скудное наслѣдство, оставшееся послѣ родителей, младшему брату Петру[3], поспѣшилъ воспользоваться свободой. Однако для принятія монашества онъ не пошелъ въ Хотьковъ монастырь, въ которомъ постриглись его родители и въ которомъ нѣсколько прежде родителей постригся овдовѣвшій старшій его братъ Стефанъ, а также не пошелъ и въ какой бы то ни было другой монастырь. Онъ хотѣлъ монашествовать внѣ монастыря. Это не значило, чтобы онъ желалъ избрать для себя видъ монашества наиболѣе легкій и наиболѣе несовершенный: наоборотъ, онъ искалъ вида монашества наиболѣе труднаго и наиболѣе совер-

---

[1] О Радонежѣ см. ниже, въ XII гл. Путеводителя.

[2] О постриженіи родителей преп. Сергія въ Хотьковомъ монастырѣ Епифаній выражается, что „отъидоша кійждо ею во своя времена въ монастыря своя“,—л. 55. Эта рѣчь объ одномъ двойственномъ монастырѣ, какъ о двухъ отдѣльныхъ монастыряхъ, должна быть понимаема такъ, что въ виду неособой благовидности двойственныхъ монастырей, составлявшихъ лишь терпимое зло, Епифанію не желательно было доводить до свѣдѣнія читателя, что родители преп. Сергія постриглись въ одномъ изъ подобныхъ монастырей. О Хотьковѣ монастырѣ см. ниже, въ XII главѣ Путеводителя.

[3] Пахомій въ своихъ сокращеніяхъ, поправляя Епифанія на лучшее, о чемъ сказали мы выше, заставляетъ Варѳоломея не отдавать наслѣдства младшему брату Петру, а раздать его бѣднымъ.

шеннаго. Строжайшее монашество есть удаленіе отъ міра въ обоихъ смыслахъ—и переносномъ или духовномъ и буквальномъ или собственномъ: въ смыслѣ духовномъ оно есть отреченіе отъ всякой привязанности ко всему мірскому, въ смыслѣ собственномъ оно есть удаленіе въ пустыню отъ жилищъ человѣческихъ. У насъ въ Россіи люди монашествовали до тѣхъ поръ по мѣрѣ своихъ силъ въ смыслѣ духовномъ, но у насъ не было до тѣхъ поръ монашества въ смыслѣ собственномъ, какъ пустынножитія. Наши монахи смотрѣли на примѣръ современныхъ имъ монаховъ греческихъ, а позднѣйшіе греческіе монахи уже не шли изъ городовъ въ пустыни. И вотъ, богоизбранный юноша Варѳоломей, отвращая взоръ свой отъ примѣра современныхъ ему монаховъ греческихъ и обращая его къ примѣру древнихъ египетскихъ учредителей монашества—Антонія, Пахомія и Макаріевъ, и рѣшился монашествовать въ томъ собственномъ смыслѣ, чтобы подвизаться въ удаленной отъ жилищъ человѣческихъ пустынѣ.

Принявъ рѣшеніе не идти для монашествованія въ какой-либо монастырь, а удалиться въ пустыню, Варѳоломей пошелъ къ своему брату Стефану въ Хотьковъ монастырь и пригласилъ его быть своимъ товарищемъ въ пустынножитіи. Стефанъ, увлекшись представленіемъ о прелестяхъ пустынной жизни и не размысливъ хорошо обо всей ея трудности, изъявилъ свое согласіе. Братья вышли изъ Хотькова монастыря, чтобы въ окружавшемъ его лѣсу искать себѣ мѣста для пустыннаго житія и, много ходивъ по нему, рѣшились, наконецъ, остановиться тамъ, гдѣ стоитъ теперь лавра и именно—гдѣ въ лаврѣ стоитъ Троицкій соборъ. Среди лѣса протекала маленькая рѣчка (въ актахъ XV вѣка называемая Консерой, въ сказаніяхъ XVII вѣка—Коншурой, въ настоящее время называющаяся Кончурой)[1],

[1] Рѣчка, на которой стоитъ Троицкая лавра, называется Консерой въ одной „данной“ монастырю, относящейся ко времени игуменства преп. Никона (1392—1428), см. у іеромон. Арсенія въ статьѣ: „О недвижимыхъ имѣніяхъ Троицкаго монастыря при жизни его основателя преподобнаго Сергія“, стр. 7 (а въ святцахъ при имени преподобнаго Сергія это древнее названіе рѣчки удерживается даже въ XVII вѣкѣ: „преставленіе преподобнаго отца нашего Сергія,... иже въ Маковцѣ на рѣцѣ на Коньсерѣ“,—Академич. фундамент. ркп. № 78 л. 27 об.); Коншурой называется она у Палицына,—гл. 35 и 51 (въ нѣкоторыхъ рукописяхъ въ первомъ случаѣ вмѣсто Коншура читается Коншора).—Рѣчка, на которой стоитъ монастырь, близъ сѣверо-западнаго угла монастыря образуется изъ двухъ рѣчекъ (ничтожная изъ двухъ ничтожнѣйшихъ). По актамъ монастырскимъ, та изъ двухъ рѣчекъ, которая течетъ въ Благовѣщенскомъ врагѣ, есть самая Кончура,—на Кончурѣ стоялъ монастырскій конюшенный дворъ, см. дѣло Лаврскаго архива 1777 г., № 26, о выкопаніи пруда у конюшеннаго двора, а онъ стоялъ на рѣчкѣ, текущей въ Благовѣщенскомъ врагѣ, равно на планѣ лавры 1775-го года, № $^{32}/_{290}$, именно рѣчка, текущая въ Благовѣщенскомъ врагѣ, называется Кончурой; а та изъ двухъ рѣчекъ, которая течетъ въ Мишутинскомъ врагѣ, отдѣляющемъ Кокуево отъ Штатной слободы, есть Вандюга, см. дѣло Лаврскаго архива 1844 г., № 162, о построеніи новаго моста черезъ рѣчку Вандюгу на Штатный кварталъ. Напротивъ у жителей Посада, которые знаютъ названія своихъ рѣчекъ (а многіе и не знаютъ), за

и древесную чащу на берегу рѣчки, при вытекавшемъ изъ-подъ берега источникѣ или ключѣ (вода котораго имѣла служить для употребленія вмѣсто недостаточно годной къ употребленію воды самой рѣчки) и избрали братья для своего пустынножитія. Мѣсто принадлежало самому князю Радонежскому Андрею Ивановичу, у котораго братья и испросили, конечно, дозволеніе на то, чтобы сѣсть на немъ (собственно—у отца котораго, великаго князя Ивана Даниловича, такъ какъ Андрей Ивановичъ, родившійся въ 1327-мъ году, въ то время былъ еще менѣе чѣмъ 10-лѣтнимъ ребенкомъ). Называлось мѣсто съ его окрестностью Маковцемъ, Маковской горой, отчего и преподобному Сергію въ древнѣйшихъ извѣстіяхъ усвояется иногда прозваніе Маковскаго, Маковійскаго, а о монастырѣ его иногда говорится, что онъ находится въ Маковцѣ, въ Маковской горѣ[1].

Кончуру принимается рѣчка, текущая въ Мишутинскомъ врагѣ, а за Вандюгу—рѣчка, текущая въ Благовѣщенскомъ врагѣ. А одинъ изъ жителей Посада, выдавая себя за человѣка, знающаго болѣе другихъ, говорилъ намъ, что Кончура есть только рѣчка, образовавшаяся изъ двухъ рѣчекъ; что же касается до сихъ послѣднихъ, то текущая въ Мишутинскомъ врагѣ есть Вондюга, а дѣйствительное названіе текущей въ Благовѣщенскомъ врагѣ есть—де Бутырка. Такъ какъ къ Благовѣщенскому врагу примыкаетъ сзади Посада (съ правой или западной стороны) сѣнокосный лугъ, называемый Бутырками, то очень можетъ быть, что мой болѣе другихъ знающій человѣкъ неправильно переноситъ на рѣчку названіе луга; но съ другой стороны—возможно и то, что лугъ названъ по рѣчкѣ и что названіе Бутырка дѣйствительно есть одно изъ названій послѣдней (только это противорѣчило бы толкованію слова: бутырка Далемъ въ его Словарѣ, по которому оно приложимо къ селеніямъ, а не къ рѣчкамъ, при чемъ наши посадскіе Бутырки могутъ означать дворину изъ-подъ бывшей слободы или слободки).—Въ лѣтописномъ сокращеніи житія преподобнаго Сергія относительно мѣста, которое избрали братья для поселенія, читается слѣдующее, неизвѣстно откуда взятое: „глаголетъ же древній: видяху на томъ мѣстѣ преже свѣтъ, а иніи огнь, а иніи благоуханіе слышаху“,—Собр. лѣтт. VI, 120 fin.

[1] Названіе мѣста, на которомъ стоитъ монастырь, Маковцемъ объясняютъ такъ, что монастырь стоитъ „на горѣ, съ трехъ сторонъ округленной“, т. е. принимаютъ, что слово маковецъ есть другая форма слова маковка, что̀ значитъ: верхушка, вершина (собственно—глава на церкви). Но слово маковка имѣетъ другую форму маковица и вовсе не имѣетъ другой формы маковецъ, каковаго слова и вообще нѣтъ въ Русскомъ языкѣ. Притомъ, въ случаѣ тождества слова маковецъ съ словомъ маковка, говорилось бы о монастырѣ: на Маковцѣ, а не въ Маковцѣ, тогда какъ всегда употребляется именно послѣднее выраженіе (см. напр. Собр. лѣтт. IV, 213 нач.: „ста въ Маковцѣ, въ Сергіевѣ монастырѣ“). Когда говорятъ, что монастырь стоитъ на горѣ, то, очевидно, имѣютъ въ виду не то, что онъ на самомъ дѣлѣ стоитъ на горѣ, а то, что мѣстность его называлась Маковцемъ и что названію этому усвояютъ значеніе горы. На самомъ дѣлѣ монастырь, съ двухъ сторонъ окружаемый оврагомъ, а съ третьей имѣющій предъ собою лощину, что̀ само по себѣ дѣйствительно составляетъ нѣкоторую гору, по отношенію къ цѣлой своей мѣстности стоитъ вовсе не на горѣ, а напротивъ въ низинѣ, во впадинѣ (такъ что извѣстный Павелъ Алепскій, спутникъ Антіохійскаго патріарха Макарія, совершенно справедливо указываетъ

Сѣвъ на мѣстѣ и первоначально устроившись въ сдѣланномъ на скорую руку шалашѣ, братья помолились Богу и начали сѣчи лѣсъ, чтобы поставить себѣ келлію и малую церквицу[1]. Дѣло было, вѣроятно, такъ, что они призвали настоящаго плотника и что при руководствѣ и учительствѣ его и произвели свои постройки. Когда церквица была поставлена, братья отправились въ Москву къ митрополиту Ѳеогносту просить священниковъ для ея освященія, каковая просьба ихъ и была удовлетворена митрополитомъ[2]. Церквица освящена была во имя святыя Троицы.

Послѣ освященія церквицы братья начали пустынножительствовать. Но Стефанъ очень не долго могъ выносить этотъ новый родъ монашества, избранный его младшимъ братомъ. Пустыня была настоящая и суровая пустыня: кругомъ на большое разстояніе во всѣ стороны—дремучій лѣсъ; въ лѣсу—ни единаго жилища человѣческаго и ни единой человѣческой стези, такъ что нельзя было видѣть лица и нельзя было слышать голоса человѣческаго, а можно было видѣть и слышать только звѣрей и птицъ. Стефанъ не могъ долго терпѣть такого уединенія и, оставивъ Варѳоломея въ его пустынѣ одного, ушелъ отъ него въ Москву, въ Богоявленскій монастырь.

Оставшись одинъ, Варѳоломей прежде всего позаботился о томъ, чтобы стать настоящимъ монахомъ, т. е. чтобы получить монашеское постриженіе.

въ числѣ недостатковъ его мѣстоположенія то, что „онъ расположенъ въ глубокой долинѣ, а не на возвышеніи“). Поэтому, встрѣчаемое въ старыхъ рукописяхъ выраженіе о мѣстности монастыря: „въ Маковской горѣ“ (см. напр. запись на задней доскѣ Академич. фундамент. рукописи № 102) должно понимать такъ, что старые наши филологи, подобно нѣкоторымъ новымъ, отождествляли слово маковецъ съ словомъ маковка и что подъ горой они разумѣли ту частнѣйшую гору, которую мы указали. Не объясняемое изъ Русскаго языка названіе мѣста со всею вѣроятностію должно быть считаемо за Финнское, оставшееся отъ первоначальныхъ жителей мѣстности (не исчезнувшихъ, подразумѣвается, а обрусѣвшихъ).

[1] Епифаній говоритъ: „прежде себѣ сотвориста одриную хизину и покрыста ю, потомъ же келію едину создаста и обложиста церквицу малу“,—л. 58. Одриную хизину (но не одрину и хизину, какъ показываетъ и слово: ю), т. е. хижину, шалашъ для одровъ, для постелей,—шалашъ для спанья.

[2] О времени освященія церквицы Епифаній говоритъ: „священа бысть церкви при великомъ князѣ Сумеонѣ Ивановичѣ, мню убо, еже рещи въ начало княженія его“,—л. 60. Если бы принимать, что преп. Сергій родился въ 1322-мъ году, тогда освященіе церкви, имѣвшее мѣсто въ одномъ году съ его постриженіемъ въ монашество, нужно было бы относить къ 1345-му году: это дѣйствительно было бы въ правленіе Сумеона Ивановича, но только нельзя было сказать объ этомъ, что въ началѣ правленія, потому что Сумеонъ Ивановичъ занималъ великокняжескій престолъ съ 1340-го по 1353-й годъ. А такъ какъ должно принимать, что преп. Сергій родился въ 1314-мъ году, то и освященіе церкви нужно относить къ 1337-му году, что̀ будетъ однимъ изъ послѣднихъ годовъ правленія Ивана Даниловича Калиты, скончавшагося 31 марта 1340-го года.

Въ древнее время у насъ допускалось и было довольно обычно, чтобы священниками у приходскихъ церквей служили іеромонахи; если эти іеромонахи были вмѣстѣ и духовниками для окрестнаго населенія (въ древнее время право духовничества давалось не всѣмъ священникамъ, а только достойнѣйшимъ и способнѣйшимъ между ними), то они назывались игуменами, игуменами-старцами; игуменамъ этимъ нарочито предоставлялось право постригать въ монахи желающихъ монашествовать [1] (именно—желающихъ монашествовать не въ монастыряхъ, гдѣ были настоящіе игумены для постриженія, а при мірскихъ церквахъ, въ мірскихъ домахъ и вообще въ міру, что тогда было допускаемо). Одного изъ такихъ игуменовъ-старцевъ, по имени Митрофана, и нашелъ Варѳоломей въ какомъ-то изъ приходовъ, окружавшихъ его пустыню, и привелъ его къ себѣ, чтобы старецъ постригъ его въ монахи. Митрофанъ постригъ его, нарекши ему имя въ честь святаго того дня, въ который совершено было постриженіе,—мученика Сергія, память котораго вмѣстѣ съ памятью мученика Вакха празднуется церковію 7-го октября. Въ день постриженія Митрофанъ совершилъ литургію въ церквицѣ Варѳоломея-Сергія и сподобилъ его причастія Святыхъ Таинъ. Жизнеописатель говоритъ, что присутствовавшіе въ церкви нѣкоторые люди,—вѣроятно, родственники и Радонежскіе знакомые Варѳоломея, пришедшіе къ нему на его постриженіе, свидѣтельствовали, что въ минуту его причащенія, какъ новаго монаха, церковь и окрестность церкви наполнились благоуханія. Въ продолженіе семи дней по постриженіи преподобный Сергій неисходно пребывалъ въ своей церкви на молитвѣ и питался единственно просфорой, которую далъ ему игуменъ послѣ литургіи. Митрофанъ нѣсколько времени пробылъ съ нимъ, чтобы преподать ему наставленія относительно монашеской жизни, и затѣмъ удалился отъ него, оставивъ его, какъ выражается жизнеописатель, „единаго въ пустыни безмолствовати и единствовати“.

Преподобный Сергій принялъ монашество, будучи 23-хъ лѣтъ возраста; слѣдовательно, если онъ родился въ 1314-мъ году, это было въ 1337-мъ году.

Въ послѣдующее время, въ XV, XVI и XVII столѣтіяхъ монашеское подвижничество посредствомъ совершенно уединеннаго пустынножитія не составляло у насъ очень большой рѣдкости: но оно началось у насъ именно отъ преподобнаго Сергія и онъ именно былъ первый, кто ввелъ его у насъ. Не такъ трудно дѣлать что-либо трудное, когда прежде насъ уже дѣлали это многіе другіе, какъ трудно рѣшиться на это первому; не слишкомъ страшно одному ночевать въ пустомъ домѣ, послѣ того какъ пере-

[1] См. славянскую благословенную грамоту духовнику въ Актахъ Юридическихъ *Калачова*, I, № 24, col. 63, и въ Памятникахъ древне-русскаго каноническаго права *А. С. Павлова*, I, № 133, col. 913 fin., и греческія грамоты въ Синтагмѣ Ралли и Потли, V, 573 sqq. (Іеромонахи, служившіе у приходскихъ церквей и не имѣвшіе права духовничества, первоначально назывались черными попами, а потомъ, кажется, и ихъ также стали называть игуменами, cfr. Акт. Экспед. т. I, № 85, стр. 61; Дополнн. къ Акт. Ист. т. I, № 20, стр. 24; *Строева* Списки іерарховъ, col. 889—890).

ночевали въ немъ многіе другіе, но страшно пойти ночевать въ него первому. Преподобный Сергій, удаляясь въ пустыню, имѣлъ своимъ намѣреніемъ не то, чтобы подвизаться въ ней совершенно одному, а то, чтобы въ большемъ или меньшемъ сообществѣ съ другими подвизаться въ ней удаленно отъ городовъ и селеній и вообще мірскихъ человѣческихъ жилищъ. Но когда первый его сообщникъ по пустынножитію оставилъ его, онъ долженъ былъ начать свое пустынное подвижничество съ совершеннаго единожитія. Не могшій стерпѣть пустыни и бѣжавшій изъ нея старшій братъ, конечно, усиленнымъ образомъ звалъ изъ нея и младшаго брата, которому предстояло въ пустынѣ совершенное одиночество. Но преподобный Сергій, разъ пришедши въ пустыню, уже не хотѣлъ уходить изъ нея, и когда бѣжалъ отъ него его товарищъ, онъ, возлагая свое упованіе на Бога, рѣшился остаться въ пустынѣ и одинъ, чтобы подвизаться подвигомъ, котораго онъ не намѣревался на себя брать, и чтобы представлять изъ себя подвижника, дотолѣ невиданнаго у насъ на Руси.

Въ пустынѣ, въ совершенномъ уединеніи, преподобный Сергій прожилъ неизвѣстное точнымъ образомъ жизнеописателю время отъ двухъ до четырехъ лѣтъ[1]. Два-четыре года сами по себѣ—очень не продолжительное время; но два-четыре года жизни въ пустынѣ, въ совершенномъ одиночествѣ, это—совсѣмъ другое дѣло. Страшно одному безъ товарищей провести въ лѣсу и одну лишь ночь, покажется съ годъ и одна такая ночь; но цѣлый двухгодичный рядъ такихъ ночей, это встаетъ предъ воображеніемъ поистинѣ какъ нѣчто весьма страшное, заставляющее невольно содрагаться при представленіи всего того, что надлежало вынести человѣку. Должны были устрашать преподобнаго Сергія мечты его собственнаго воображенія, подавлять которое не въ человѣческой власти; должны были устрашать его разнообразныя привидѣнія и явленія демонскія, которыхъ, по сказанію жизнеописателя, было великое множество, а вмѣстѣ съ этимъ на совершенномъ яву—вой и ревъ вокругъ кельи хищныхъ звѣрей,—волковъ и медвѣдей[2]. А за каждою ночью, полною всякихъ страхованій,

---

[1] О продолжительности одиночнаго пребыванія преп. Сергія въ пустынѣ Епифаній говоритъ: „пребывшу ему въ пустынѣ единому единьствовавшу или двѣ лѣтѣ или болѣ или меньши,—не вѣдѣ (не знаю), Богъ вѣсть“,... л. 83 об. Между постриженіемъ преп. Сергія въ монахи въ 1337-мъ году и между его поставленіемъ въ игумены въ 1344-мъ году промежутокъ времени въ семь лѣтъ. Этимъ промежуткомъ семи лѣтъ обнимаются или на этотъ промежутокъ падаютъ—одиночное пребываніе преп. Сергія въ пустынѣ и постепенный приходъ къ нему братіи или постепенное образованіе вокругъ его келліи настоящаго монастыря. Такъ какъ въ предѣлахъ семи лѣтъ мы не можемъ назначить опредѣленнаго времени для постепеннаго образованія монастыря, то въ предѣлахъ тѣхъ же семи лѣтъ не можетъ быть назначено опредѣленнаго времени и для одиночнаго пребыванія преп. Сергія въ пустынѣ.

[2] Епифаній говоритъ, что многіе звѣри, волки и медвѣди, часто находили на преподобнаго, не только ночью, но и днемъ, и что онъ вытерпѣлъ много озлобленія и скорби отъ бѣсовъ и отъ звѣрей и отъ гадовъ,—л. 71 об., 72.

слѣдовалъ день, впродолженіе котораго нужно было бороться, если не съ страхами, то съ унынiемъ тягостнаго и гнетущаго душу одиночества[1]. Но мужественно обрекавшій себя на все то, чѣмъ грозила одинокая жизнь въ пустынѣ, преподобный Сергій долженъ былъ получить и величайшую пользу отъ этой двухгодичной или четырехгодичной пустынно-уединенной жизни. Не развлекаемый никѣмъ и ничѣмъ, онъ долженъ былъ проводить время въ непрестанномъ богомыслiи, которое представляло надежное ограждeніе и отъ всякихъ страховъ, и такимъ образомъ твердо укоренить въ себѣ то святое настроеніе, къ которому онъ горячо стремился.

Время пустынно-уединенной жизни преподобнаго Сергія проходило: въ молитвѣ внѣшней церковной, состоявшей въ отправленіи всего круга службъ дневныхъ, за исключеніемъ литургіи,—въ молитвѣ внутренней или умной домашней, въ непрестанномъ богомыслiи, въ чтеніи слова Божія и въ тѣлесномъ трудѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что очень не велика была библіотека четіихъ книгъ преподобнаго Сергія; но если онъ имѣлъ только псалтирь и евангеліе, если онъ, читая и перечитывая ихъ, зналъ ихъ наизусть и столько же твердо напечатлѣвалъ ихъ на своемъ сердцѣ, сколько хорошо зналъ: то онъ не имѣлъ причинъ завидовать обладателямъ и цѣлыхъ большихъ библіотекъ четіихъ книгъ[2]. Что касается до тѣлеснаго труда, то онъ

У Пахомія нѣтъ звѣрей и гадовъ, а единственно—бѣсы, которые преображались иногда въ звѣрей, а иногда въ змѣй. (А Симонъ Азарьинъ въ Книгѣ о новыхъ чудесахъ говоритъ по поводу многихъ гадовъ и ползущихъ зміевъ, являвшихся преподобному на его устрашеніе, что „нынѣ же молитвами его окрестъ обители его за десять поприщь и вящшѣе ползущихъ ужевъ и не бываетъ, и доколѣ колоколъ его оглашаетъ, ни приближитися могуще“,—печатн. стр. 10 нач.).

[1] Что касается до явленій демонскихъ, то жизнеописатель, говоря вообще, что діаволъ многая различная мечтанія и грозная привидѣнія наведе на преподобнаго, частныхъ случаевъ этихъ явленій-мечтаній разсказываетъ два. Однажды преподобный вошелъ ночью въ свою церковь, чтобы пѣть заутреню. Вдругъ стѣна церковная разступилась и чрезъ образовавшееся въ ней отверстіе вошелъ въ церковь діаволъ со множествомъ воевъ бѣсовскихъ, которые одѣты были въ одежды литовскія и въ шапки литовскія островерхія. Бѣсы устремились на преподобнаго, хотя разорить церковь и мѣсто до основанія, а на него самого скрежеща зубами и грозясь убить его. Но преподобный, обратившись къ псаломской молитвѣ, вмѣсто оружія взялъ крестъ, которымъ тотчасъ же и прогналъ діавола съ его бѣсами. Въ другой разъ преподобный въ кельѣ своей совершалъ всенощную свою молитву. Вдругъ сдѣлался шумъ и поднялся стукъ, „мятежъ многъ и смущеніе и страхъ“: бѣсы опять пришли на блаженнаго стадомъ, безчинно крича и съ угрозами говоря: „уйди, уйди съ этого мѣста, чего пришелъ искать въ этой пустынѣ“ и пр. Но преподобный отогналъ бѣсовъ такъ же, какъ и въ первый разъ.

[2] Въ описи 1641—1643 гг. упоминаются „два служебника на харатьѣ, свертки на деревцѣ, чудотворца Сергія“. Подобные „харатейные свитки“ были въ ризницѣ Московскаго Успенскаго собора, см. Опись патріаршей ризницы 1631 г. въ „Вѣстникѣ Общества Древнерусск. Искусства“ 1874 г., стр. 16 (и отдѣльно М. 1876 г., стр. 64—65).

долженъ былъ вырубать лѣсъ около своей церкви и кельи, чтобы образовать около нихъ бо́льшую или меньшую полянку, на которой бы могъ быть заведенъ имъ огородъ, если не цѣлое пахотное поле.

Поселившись среди звѣрей, преподобный Сергій пріобрѣлъ ихъ расположеніе, а съ нѣкоторыми изъ нихъ вступалъ даже, такъ сказать, въ содружество. Мимо кельи его бѣгали стада волковъ, но ему вреда не причиняли; проходили иногда и медвѣди и также не безпокоили его. Между медвѣдями нашелся одинъ, который часто началъ посѣщать преподобнаго: видя, что звѣрь приходитъ не съ злымъ умысломъ, а въ надеждѣ получить подачку, Сергій началъ дѣлиться съ нимъ своей скудной трапезой, полагая ему скрой хлѣба на пень или на колоду, причемъ пополамъ дѣлился съ нимъ и въ томъ случаѣ, когда самому едва хватало. Когда же случалось, что совсѣмъ не было хлѣба у преподобнаго, и медвѣдь, приходя къ кельѣ, не находилъ своей порціи на урочномъ мѣстѣ: тогда, по словамъ жизнеописателя, онъ долгое время не отходилъ (отъ кельи), но стоялъ, смотря туда и сюда и ожидая (съ упорствомъ), какъ будто злой заимодавецъ, настоятельно желающій получить долгъ. Ежедневныя посѣщенія медвѣдя продолжались болѣе года.

Пищу преподобнаго Сергія во время его уединеннаго пустынножитія составляли хлѣбъ и вода. Воду онъ бралъ изъ источника или ключа, близъ котораго стояла его келья; откуда бралъ онъ хлѣбъ, жизнеописатель ничего объ этомъ не говоритъ: по всей вѣроятности, отъ времени до времени приносилъ или присылалъ его ему младшій братъ его Петръ, который оставался жить въ Радонежѣ.

Не можетъ градъ укрытися верху горы стоя (Матѳ. V, 14); не могъ долго оставаться безвѣстнымъ въ своей пустынѣ и преподобный Сергій. Слава о немъ прошла между окрестными монахами, и послѣдніе начали посѣщать его, чтобы видѣть необычнаго у насъ пустыннаго подвижника. Скоро нашлись между монахами и такіе, которые возгорѣлись желаніемъ подвизаться вмѣстѣ съ преподобнымъ въ его пустынѣ; эти начали обращаться къ нему съ просьбою, чтобы онъ дозволилъ имъ селиться подлѣ себя. Какъ мы сказали, преподобный Сергій удалился въ пустыню не съ тою мыслію, чтобы подвизаться въ одиночествѣ, а съ тою, чтобы въ бо́льшемъ или меньшемъ товариществѣ подвизаться внѣ міра. Поэтому, онъ не только не могъ имѣть ничего противъ того, чтобы принимать къ себѣ изъявлявшихъ желаніе жить вмѣстѣ съ нимъ, но и долженъ былъ весьма этому радоваться[1]. Указывая изъявлявшимъ желаніе жить съ нимъ на

---

[1] При изложеніи частностей, изъ-за стремленія къ бо́льшей назидательности и къ бо́льшей такъ сказать эффектности, Епифаній иногда допускаетъ явныя противорѣчія себѣ и нѣкоторыя несообразности. За исключеніемъ одного случая, именно—разсказа о чудѣ изведенія источника, мы не будемъ указывать этихъ его противорѣчій себѣ и несообразностей и не будемъ обличать его въ нихъ, а просто будемъ представлять дѣло такъ, какъ оно должно быть представляемо.

трудность пустыннаго житія, преподобный съ готовностію и съ радостію началъ принимать къ себѣ тѣхъ, которыхъ не страшила эта трудность. И вотъ, такимъ образомъ и зачался Сергіевъ монастырь,—послѣдующая и нынѣшняя знаменитая Троицкая Сергіева лавра.

Всѣ наши тогдашніе монастыря представляли изъ себя монастыри такъ называемые особножитные. Въ монастырѣ былъ общій надъ всѣми игуменскій надзоръ и была общая для всѣхъ церковь, но затѣмъ—что касается до жилища, одежды и пищи, то каждый монахъ былъ совершенно самостоятельнымъ и совершенно самъ себѣ хозяиномъ: каждый имѣлъ свою собственную келлію, имъ самимъ поставленную или пріобрѣтенную посредствомъ покупки[1], каждый самъ одѣвалъ себя и каждый самъ питалъ себя не только въ томъ смыслѣ, что самъ пріобрѣталъ матеріалъ для пищи, но и въ томъ смыслѣ, что самъ приготовлялъ себѣ пищу. Какъ было во всѣхъ другихъ монастыряхъ, такъ имѣло быть и въ монастырѣ Сергіевомъ. Начавъ принимать изъявлявшихъ желаніе жить съ нимъ, онъ предлагалъ имъ ставить себѣ келліи, причемъ инымъ изъ строившихся, вѣроятно, была оказываема общая братская помощь и причемъ самъ онъ, обладая бо́льшимъ или меньшимъ знаніемъ плотничнаго ремесла, нѣтъ сомнѣнія, былъ усерднымъ помощникомъ всѣхъ строившихся.

Въ непродолжительномъ времени собралось къ Сергію всѣхъ братій 12-ть человѣкъ. Не имѣя въ средѣ своей священниковъ, братія ежедневно пѣли въ своей церквицѣ полунощницу, заутреню, часы и вечерню съ меѳимономъ или павечерницей, а для служенія литургіи призывали къ себѣ бѣлаго священника или іеромонаха („игумена-старца“)[2]. Когда поставлены были келліи для всѣхъ братій, преподобный Сергій, превращая составившуюся монашескую слободку въ настоящій монастырь, обнесъ келліи тыномъ, который, какъ строеніе общее, конечно, было дѣломъ рукъ всей братіи. Жизнеописатель говоритъ, что келліи обнесены были тыномъ „не зѣло пространнѣйшимъ“. Но это нужно понимать не такъ, чтобы первоначальный монастырь былъ очень тѣсенъ, а лишь такъ, что онъ былъ не столько пространенъ, какъ позднѣйшій. Тотъ же жизнеописатель даетъ знать, что въ монастырѣ были огороды[3], т. е., какъ со всею вѣроятностію должно

---

[1] [Это соблюдалось и въ XVIII вѣкѣ:] Валаамскіе монахи въ 1732-мъ году писали, что „братскія кельи строятъ сами хотящіи обитати и трудитися во оной обители братія“. Чистовича Ѳеофанъ Прокоповичъ, стр. 334 прим.

[2] „А на обѣдню призываше (преп. Сергій) нѣкоего чюжого попа суща саномъ или игумена старца“,—л. 89 fin. Тутъ совершенно ясно, что подъ игуменомъ старцемъ должно разумѣть не игумена монастыря, а іеромонаха, служившаго у приходской церкви, ибо игумены монастырей, конечно, не стали бы ходить къ какимъ-то пустынникамъ, чтобы по найму служить у нихъ обѣдни.

[3] Епифаній говоритъ, что въ монастырѣ „и различная сѣяхуся сѣмена, яко на устроеніе окладнымъ зеліемъ“,—л. 91 об. Хотя во всѣхъ извѣстныхъ намъ спискахъ читается „окладнымъ“, но полагаемъ, что это есть общая всѣмъ спискамъ ошибка вмѣсто оградным, т. е. огороднымъ, потому что слово окладный представляется въ данномъ случаѣ совсѣмъ непонятнымъ (архимандритъ

понимать его, при каждой келліи или у каждаго брата былъ особенный огородъ: а для этого требовалось не очень малое пространство. Первоначальный монастырь преподобнаго Сергія или послужившую родоначальницей лавры его пустыньку должно представлять себѣ въ такомъ видѣ: въ глухомъ бору, на берегу рѣчки, полуразчищенная поляна, на которой большой лѣсъ вырубленъ, но кой-гдѣ, въ видѣ рѣдкой рощи, стоятъ еще деревья, и на которой вездѣ лежатъ колоды отъ срубленныхъ деревьевъ и вездѣ торчатъ пенья; на полянѣ маленькая деревянная церковь и кругомъ церкви подъ деревьями и между деревьевъ 13-ть маленькихъ деревянныхъ келлій; вся поляна или же значительная часть ея обнесена тыномъ и внутри тына по-за кельямъ раздѣланы огороды.

Въ настоящемъ монастырѣ надлежало быть игумену надъ братіей. Конечно, никого другого могла пожелать братія въ свои игумены, какъ самого преп. Сергія. Но когда возбужденъ былъ вопросъ объ игуменѣ, ему не было еще и 30-ти лѣтъ: при своихъ слишкомъ молодыхъ годахъ онъ страшился принять игуменство. На нѣкоторое время онъ уклонился отъ игуменства тѣмъ, что могъ дать братіи готоваго игумена. Помянутый выше игуменъ—старецъ Митрофанъ, постригшій преп. Сергія въ монахи, пришелъ къ нему жить, когда собралась къ нему братія; этотъ Митрофанъ, превращаясь изъ игумена въ несобственномъ смыслѣ въ игумена въ собственномъ смыслѣ, и сталъ первымъ настоятелемъ Сергіева монастыря, ставъ въ одно и тоже время и его священникомъ. Но Митрофанъ, проживъ въ монастырѣ около года, скончался. Тогда братія рѣшительно приступила къ преподобному съ просьбою и требованіемъ, чтобы онъ принялъ на себя игуменство, и послѣ болѣе или менѣе долгаго колебанія, условленнаго тѣмъ же сознаніемъ своей молодости, онъ наконецъ, уступая рѣшительнѣйшимъ настояніямъ братіи, принялъ на себя игуменство вмѣстѣ съ воспріятіемъ сана священства. Онъ поставленъ былъ въ игумены въ 1344-мъ году, имѣя 30-ть лѣтъ возраста. Еще болѣе молодыхъ лѣтъ былъ поставленъ въ игумены преп. Ѳеодосій Печерскій, и очень можно думать, что примѣръ Ѳеодосія, который въ послѣдующее время Сергій несомнѣннымъ образомъ постоянно имѣлъ передъ своими глазами, и вдохнулъ въ него рѣшимость принять игуменство, несмотря на молодые годы[1].

Леонидъ напечаталъ у себя: „оградным҃ъ“,—стр. 64, но въ Лаврскихъ рукописяхъ №№ 663 и 698, съ которыхъ онъ печаталъ, въ обѣихъ: „окладным҃ъ“).

[1] Епифаній говоритъ, что преп. Сергій поставленъ въ игумены жившимъ въ Переяславлѣ епископомъ Волынскимъ Аѳанасіемъ, въ то время какъ св. Алексій находился въ Константинополѣ на поставленіи въ митрополиты,—л. 101 об. Но св. Алексій находился въ Константинополѣ на поставленіи въ митрополиты съ мая—іюня 1353-го года по іюль—августъ 1355-го года (см. Исторію Рус. Церкви, т. II, I пол., стр. 182—183 примѣч.), такъ что это представляетъ ошибку со стороны Епифанія на цѣлые 9—10 лѣтъ. Въ объясненіе очень крупной или очень грубой ошибки Епифанія можетъ быть сказано слѣдующее. Онъ зналъ, что преп. Сергій поставленъ былъ въ игумены не самимъ митрополитомъ, а епископомъ Аѳанасіемъ,—онъ могъ знать

Въ продолженіе нѣкотораго времени число братіи въ монастырѣ оставалось однимъ и тѣмъ же 12-ти человѣкъ съ 13-мъ игуменомъ: не выносившіе пустыннаго житія и уходившіе, а равно и умиравшіе, возмѣщались вновь приходившими такъ, что число неизмѣнно оставалось 13-ть. Но пришелъ къ преподобному Сергію изъ Смоленска архимандритъ, по имени Симонъ, и разрушилъ это священное число Спасителя съ 12-тью апостолами, ибо съ его приходомъ началось умноженіе братіи въ монастырѣ.

это если не изъ ставильной или ставленной грамоты Сергію (въ которой могло це быть хронологической даты), то видѣвъ совершеніе преподобнымъ, при которомъ онъ прожилъ въ монастырѣ около 16—17 лѣтъ, нарочитыхъ поминовеній по Аѳанасіи, какъ по своемъ посвятителѣ (это и до сихъ поръ считается обязательнымъ у хорошихъ священниковъ, а служебникъ вмѣняетъ священникамъ въ обязанность поминать архіереевъ, отъ которыхъ они получили рукоположеніе, за каждой литургіей). Въ объясненіе того, почему преп. Сергій поставленъ былъ въ игумены не самимъ митрополитомъ, а епископомъ Аѳанасіемъ, Епифаній предположилъ, что это было по причинѣ небытности въ Москвѣ митрополита. Ему не представлялось почему либо предполагать, чтобы это было въ небытность митрополита въ Москвѣ такъ сказать домашнюю, т. е. когда бы митрополитъ отсутствовалъ изъ Москвы для посѣщенія какого либо мѣста своей митрополіи, а думалось объ отсутствіи такъ сказать заграничномъ, когда совсѣмъ не было митрополита въ митрополіи. Но случай втораго отсутствія около того времени, какъ преп. Сергій поставленъ былъ въ игумены, представляло именно и единственно время путешествія св. Алексія въ Константинополь для поставленія въ митрополиты. А такимъ образомъ, допуская крупную или грубую ошибку, Епифаній и могъ разойтись съ дѣйствительностью на цѣлыя 9—10 лѣтъ. А что со стороны Епифанія возможны были грубыя хронологическія ошибки и что онѣ дѣйствительно имѣютъ у него мѣсто, на это мы указывали выше. Преп. Сергій могъ быть поставленъ въ игумены не самимъ митрополитомъ Ѳеогностомъ, а жившимъ въ Переяславлѣ на покоѣ епископомъ Волынскимъ Аѳанасіемъ, по той причинѣ, что митрополитъ куда нибудь уѣзжалъ изъ Москвы и что на время своего отсутствія онъ поручилъ епископу завѣдываніе ближайшею къ нему частью митрополіи, при чемъ мѣстность монастыря преп. Сергія должна была входить въ составъ этой части (положительныхъ свѣдѣній о бытности или небытности митр. Ѳеогноста въ Москвѣ въ 1344-мъ году не имѣется). Но вѣроятнѣйшимъ намъ представляется думать, что митр. Ѳеогностъ предоставилъ Аѳанасію въ постоянное завѣдываніе ближайшую къ Переяславлю часть митрополіи для того, чтобы епископу было чѣмъ жить, т. е. чтобы онъ могъ содержаться доходами съ предоставленной ему части митрополіи. Что касается до самого Аѳанасія, то, поставленный въ епископы въ 1328-мъ году (см. статью: „Записки о поставленіи русскихъ епископовъ при митрополитѣ Ѳеогностѣ въ Ватиканскомъ греческомъ сборникѣ“, напечатанную въ Журн. Мин. Нар. Просвѣщ. 1888 г., въ № 2, стр. 450), онъ прибылъ на Москву передъ 1344-мъ годомъ, какъ должно думать, по причинѣ своего нежеланія подчиниться поставленному между 1341—1344-мъ годами отдѣльному Галицко-волынскому митрополиту (о чемъ см. въ постановленіи патр. Исидора 1347-го года о закрытіи Галицкой митрополіи, напечатанномъ въ Acta Patriarchat. Constantinop. *Миклошича*, I, 267, и въ Памятникахъ каноническаго права *А. С. Павлова*, I, приложж. № 7).

Слава о преподобномъ Сергіи и его пустынѣ достигла до Смоленска. Архимандритъ Симонъ, бывшій старѣйшимъ архимандритомъ въ области Смоленской[1] и человѣкомъ весьма въ ней почитаемымъ, разжегся желаніемъ пустыннаго житія и, оставивъ славу и честь, пошолъ къ преподобному Сергію, чтобы стать однимъ изъ его учениковъ. Бывъ человѣкомъ очень богатымъ, Симонъ вручилъ свое богатство Сергію на устроеніе монастыря, къ чему этотъ послѣдній тотчасъ же и приступилъ. Прежде всего онъ поставилъ въ монастырѣ новую, гораздо бо́льшую или совсѣмъ большую и настоящую, церковь (такъ же деревянную, какъ и первая), а затѣмъ перестроилъ и самый монастырь, прибавивъ его площади и поставивъ келліи правильнымъ четвероугольникомъ вокругъ церкви[2] (изъ дальнѣйшей исторіи монастыря видно, что четвероугольникъ келлій, будучи не особенно большимъ по размѣрамъ, облегалъ церковь довольно близко къ ней или тѣсно и что между келліями и стѣнами монастыря оставалось большое пространство, на которомъ, какъ нужно думать, находились огороды братіи и всякія хозяйственныя постройки).

Великое изобиліе и богатство ожидало монастырь преподобнаго Сергія, и это изобиліе и богатство увидѣлъ еще онъ самъ. Но началъ онъ со скудости. Получивъ небольшое наслѣдство послѣ родителей, онъ все отдалъ его своему младшему брату Петру, такъ что пошелъ въ пустыню, не имѣя у себя ничего. Пока онъ жилъ въ пустынѣ одинъ, онъ нуждался только въ хлѣбѣ, который, какъ мы сказали, вѣроятно, доставлялъ ему его младшій братъ. Но когда составился въ его пустынѣ монастырь, нужно стало церковное вино для служенія обѣденъ, нужны стали восковыя свѣчи для служенія всякихъ церковныхъ службъ. Иногда не доставало одного и другихъ, такъ что служеніе обѣденъ приходилось откладывать, а пѣть заутрени приходилось вмѣсто свѣчъ съ лучиной березовой или сосновой. По свидѣтельству преподобнаго Іосифа Волоколамскаго, въ монастырѣ Сергіевомъ въ первое его время писали книги, нужно подразумѣвать—богослужебныя, не на пергаменѣ или бумагѣ, а на берестѣ[3].

---

[1] По предположенію автора Историко-статистическаго описанія Смоленской епархіи (неизвѣстнаго, Спб., 1864), это былъ архимандритъ Борисоглѣбскаго монастыря на Смядыни, который построенъ былъ на мѣстѣ убіенія св. Глѣба и который долженъ быть принимаемъ за старшій въ XIV вѣкѣ монастырь области Смоленской,—стр. 212.

[2] Епифаній говоритъ только, что Симонъ „и имѣніе принесъ съ собою и предастъ то игумену (т. е. преп. Сергію) на строеніе монастыря“,—л. 114. О построеніи новой церкви и перестроеніи монастыря говоритъ Пахомій въ своемъ сокращеніи житія. У этого послѣдняго читаемъ: „и многа имѣніа (Симонъ) принесе съ собою и дасть въ руцѣ святому, въеже большу церковь воздвигнути, еже и бысть; елма же (по смыслу—тогда) разсуднѣишій пастырь и премудрый въ добродѣтелѣхъ мужь (т. е. Сергій) монастырь большій воздвигъ, келіи убо четверообразно сотворити повелѣ, посредѣ ихъ церковь во имя живоначалныа Троица отовсюду видима, яко зерцало“...

[3] Въ „Отвѣщаніи любозазорнымъ“, которое составляетъ 10-ю главу его „Духовной грамоты“ или монастырскаго устава.

При всей возможной ограниченности потребностей доводилось иногда испытывать нужду и самому преподобному. Одинъ разъ, когда уже онъ былъ игуменомъ монастыря, у всей братіи случился крайній недостатокъ съѣстнаго, а у него самого совсѣмъ не стало ни хлѣба, ни соли. Три дня онъ переносилъ голодъ, но на четвертый день, будучи не въ состояніи больше терпѣть его, взялъ топоръ и пошолъ къ одному старцу, по имени Даніилу, о которомъ зналъ, что этотъ имѣетъ нѣсколько лишняго хлѣба и вмѣстѣ съ тѣмъ нуждается въ плотничной работѣ. „Я слышалъ, старче, сказалъ онъ Даніилу, что ты желаешь пристроить сѣни къ своей кельѣ; чтобы не быть празднымъ, я пришелъ къ тебѣ поставить сѣни“. „Дѣйствительно я желаю пристроить сѣни къ кельѣ,—отвѣчалъ Даніилъ,—давно приготовленъ у меня для этого и лѣсъ, и только жду изъ села плотника; а что касается до тебя, прибавилъ онъ Сергію, то боюсь, что ты слишкомъ дорого возьмешь съ меня за работу“. Сергій отвѣчалъ, что напротивъ онъ желаетъ взять очень дешево, а именно—лишь тѣ гнилые хлѣбы, которые онъ имѣетъ и которыми ему—Сергію пришла охота полакомиться, и прибавилъ, что онъ сдѣлаетъ ему сѣни лучше всякаго плотника. Даніилъ вынесъ Сергію рѣшето гнилыхъ хлѣбовъ, т. е. наломанныхъ кусковъ хлѣба[1], и сказалъ: „вотъ, если это хочешь получить за работу, то съ удовольствіемъ дамъ, а больше не могу ничего дать“. Сергій отвѣчалъ, что этого съ излишкомъ достаточно, и сказавъ Даніилу, чтобы взялъ пока хлѣбы, ибо онъ—Сергій не хочетъ получать платы за дѣло, прежде чѣмъ не сдѣлаетъ его, принялся за работу. Цѣлый день онъ работалъ, и къ вечеру были готовы сѣни. Тогда взялъ онъ отъ Даніила выработанные хлѣбы и пошолъ утолять ими голодъ.

Въ первое время существованія монастыря случалось по нѣскольку дней терпѣть голодъ и всей его братіи. Братія питались главнымъ образомъ подаяніями отъ христолюбцевъ; но у Сергія было заповѣдано, чтобы не ходить братіи для сбора милостыни по селамъ и деревнямъ, а принимать лишь ту милостыню, которая будетъ принесена въ монастырь самими христолюбцами. Иногда оскудѣвало приношеніе милостыни и братія терпѣли голодъ по два дня и болѣе. Когда поднимался между братіей ропотъ на игумена, что онъ не дозволяетъ ходить въ села и деревни для сбора милостыни, Сергій вразумлялъ и увѣщевалъ малодушныхъ уповать на милость Божію. Это твердое упованіе преподобнаго на милость Божію и не посрамляло его. Въ минуты голода, когда братія бывали близки къ отчаянію, Господь возбуждалъ христолюбцевъ, которые въ изобиліи присылали въ монастырь хлѣбовъ и всего съѣстнаго. Жизнеописатель разсказываетъ одинъ частный, относящійся сюда, случай. Разъ братія оставались безъ пищи впродолженіе двухъ дней. Нашелся въ братствѣ одинъ, который всѣхъ

[1] У Епифанія читается—по однимъ спискамъ: „изнесе ему рѣшето хлѣбовъ гнилыхъ скрилевъ“, по другимъ спискамъ: „изнесе ему рѣшето хлѣбовъ гнилыхъ посмаговъ“. Что значитъ первое изъ двухъ ученыхъ словъ, взятыхъ Епифаніемъ изъ книгъ, сравн. прим. 2-е на стр. 18, не знаемъ; второе, какъ сказали мы выше, прим. на стр. 5-ой, значитъ наломанные сухіе куски хлѣба (собственно—сухари).

вооружилъ противъ Сергія указаніемъ на то, что послѣдній не дозволяетъ имъ исходить въ міръ для собиранія милостыни. Всѣ пришли къ преподобному и говорили ему, что, будучи не въ состояніи долѣе терпѣть голода, завтра намѣреваются уйти изъ монастыря, чтобы не возвращаться въ него болѣе. Преподобный простеръ къ роптавшей братіи увѣщательное слово,— и еще не кончилъ онъ своего слова, какъ вратарь монастырскій прибѣжалъ и извѣстилъ собраніе, что неизвѣстнымъ христолюбцемъ прислано множество брашенъ (а за первымъ присыломъ послѣдовали второй и третій присылы столько же изобильные, какъ и первый).

Преподобный Сергій имѣлъ своимъ намѣреніемъ подвизаться въ совершенно удаленной отъ жилищъ человѣческихъ пустынѣ. Но въ окрестности его монастыря желали селиться міряне; онъ не могъ этому воспрепятствовать; и такимъ образомъ хотя монастырь его и остался внѣ мірскихъ человѣческихъ жилищъ, какъ этому надлежало быть, но оказался окруженнымъ ими на болѣе или менѣе близкомъ разстояніи. Спустя лѣтъ 10-ть отъ его основанія начали селиться со всѣхъ сторонъ его крестьяне-земледѣльцы, вырубая лѣсъ и ставя свои починки и деревни. Заселеніе мѣстности шло такъ быстро, что въ весьма непродолжительное время она измѣнилась до неузнаваемости: гдѣ недавно былъ одинъ сплошной дремучій лѣсъ, виднѣлись села и деревни, окруженныя обширными полями и отдѣляемыя однѣ отъ другихъ лишь перелѣсками. И дорога изъ Москвы въ сѣверные города, шедшая дотолѣ вдали отъ монастыря, была приближена къ самому монастырю, такъ что онъ очутился, такъ сказать, на полозницѣ одной изъ наиболѣе проѣздныхъ дорогъ[1].—Не сохраненная монастыремъ первоначальная его пустынность послужила образцомъ для послѣдующихъ ревнителей подвижничества къ устроенію пустынныхъ монастырей. А сохраненная монастыремъ отдѣленность отъ мірскихъ человѣческихъ жилищъ стала потомъ непремѣннымъ условіемъ для поставленія всякаго, сколько нибудь достойнаго своего имени, монастыря.

Съ заселеніемъ окрестностей монастыря преподобнаго Сергія настало въ монастырѣ, по свидѣтельству жизнеописателя Сергіева, вмѣсто первоначальной скудости великое во всемъ изобиліе, ибо новые сосѣдніе жители съ величайшимъ усердіемъ начали снабдѣвать его всѣмъ необходимымъ: „и начаша, говоритъ о нихъ Епифаній, посѣщати и учащати въ монастырь, приносяще многообразная и многоразличная потребованія, имже нѣсть числа“.

Старшій братъ преподобнаго Сергія—Стефанъ, оставившій его въ

[1] Поселеніе мірянъ кругомъ монастыря Епифаній предположительно относитъ къ правленію великаго князя Ивана Ивановича, который занималъ великокняжескій престолъ съ 1353 по 1359 годъ: „нещую, яко во днехъ княженія князя великого Ивана сына Иваня“,—л. 127 об. Но намъ думается, что въ дѣйствительности это было нѣсколько ранѣе, еще въ правленіе Симеона Ивановича и не позднѣе 1350-го года. Съ поселеніемъ кругомъ монастыря мірянъ настало въ немъ изобиліе всего, а самъ Епифаній даетъ знать, что время скудости было не особенно продолжительно.

пустынѣ, потомъ возвратился къ нему въ монастырь. Стефанъ удалился отъ Сергія въ Москву и здѣсь купилъ себѣ келью и поселился въ Богоявленскомъ монастырѣ. Между монахами монастыря онъ засталъ святаго Алексія[1], послѣдующаго митрополита, съ которымъ и подвизался нѣкоторое время, бывъ подобно ему однимъ изъ церковныхъ пѣвцовъ. Своею строгою жизнію онъ скоро пріобрѣлъ себѣ расположеніе великаго князя Симеона Ивановича, который приказалъ посвятить его въ іеромонахи и сдѣлалъ игуменомъ монастыря и который въ тоже время со всѣми своими старѣйшими боярами избралъ его въ свои духовные отцы[2]. Что заставило Стефана отказаться отъ столь почетной жизни въ Москвѣ, отъ игуменства монастыря и отъ духовничества великому князю, положительно не знаемъ, но съ вѣроятностію думаемъ, что желаніе болѣе строгой монашеской жизни, нежели какую онъ могъ вести въ Москвѣ. Стефанъ привелъ съ собой своего младшаго сына Іоанна, бывшаго 12-ти лѣтнимъ мальчикомъ, съ тѣмъ, чтобы и онъ сталъ монахомъ Сергіева монастыря. Постриженный Сергіемъ съ именемъ Ѳеодора, этотъ послѣдній прославился потомъ какъ основатель Московскаго Симонова монастыря и скончался въ санѣ епископа Ростовскаго съ пріобрѣтеннымъ отъ него самого титуломъ архіепископа[3]. Весьма вѣроятно, что Стефанъ принесъ Сергію денегъ для благоустроенія и для благоукрашенія монастыря; но въ то же время его прибытіе въ монастырь было для младшаго брата причиною великой скорби, о чемъ скажемъ ниже.

Преподобный Сергій ввелъ у насъ пустынножитіе въ двоякомъ смыслѣ—въ смыслѣ одинокаго или одиночнаго подвизанія въ пустынѣ и въ смыслѣ строенія въ пустынѣ цѣлыхъ монастырей; относительно втораго онъ сдѣлалъ у насъ обязательнымъ, чтобы монастыри были ставимы если не въ настоящихъ пустыняхъ, то по крайней мѣрѣ внѣ мірскихъ человѣческихъ жилищъ и въ большемъ или меньшемъ отъ нихъ отдаленіи. Но онъ имѣетъ еще и иную и весьма важную заслугу относительно нашего

---

[1] Патріархъ Іоакимъ пишетъ имя св. митр. Алексія: Алексѣй,—Ист. Іер. II, стр. 538 fin.

[2] Эти свѣдѣнія о Стефанѣ сообщаются Епифаніемъ,—л. 61 fin. sqq.

[3] Стефанъ, возвращаясь къ Сергію, привелъ къ нему своего младшаго сына 12-лѣтнимъ мальчикомъ. Должно полагать, что этотъ младшій сынъ родился у Стефана за годъ и не болѣе какъ за два года до постриженія преп. Сергія въ монахи. А такъ какъ преп. Сергій постригся въ монахи въ 1337-мъ году, то и возвращеніе къ нему Стефана нужно относить къ 1348-му или 1347-му году (въ самомъ разсказѣ о возвращеніи Стефана къ Сергію Епифаній говоритъ, что Іоанну было въ это время—по словамъ однихъ 10, а по словамъ другихъ—12 лѣтъ; но потомъ въ разсказѣ о построеніи Симонова монастыря прямо говоритъ, что ему было 12 лѣтъ; поэтому, и мы съ своей стороны принимаемъ только послѣднее показаніе).—Изъ договорной грамоты вел. князя Симеона Ивановича съ братьями, написанной въ 1341-мъ году, и изъ его духовнаго завѣщанія, написаннаго въ 1353-мъ году,—Собр. госудд. грамм. и договв. I, 37 и 38, слѣдуетъ, что въ первомъ году Стефанъ еще не былъ, а во второмъ году уже не былъ духовникомъ Симеона Ивановича, ибо между присутствующими при написаніи грамоты и завѣщанія духовными его не значится.

монашества,—заслугу, за которую онъ справедливо называется отцомъ нашего сѣвернаго или Московскаго монашества временъ монгольскихъ и послѣмонгольскихъ, какъ преподобные Антоній и Ѳеодосій Печерскіе называются отцами нашего южнаго или Кіевскаго монашества временъ домонгольскихъ. Онъ былъ вводителемъ въ монастыряхъ сѣверной, Московской Руси общинножитія или общежитія.

Истинное монашество должно быть самымъ строгимъ общинножитіемъ, такъ чтобы у монаховъ не было совершенно ничего собственнаго вплоть до иголки и до нитки, а все было общимъ,—чтобы кельи ихъ не имѣли никакихъ запоровъ и чтобы въ кельяхъ не было никакихъ сундуковъ и шкатулокъ. Такъ это и было въ древнее время, пока монашество процвѣтало; но потомъ общинножитіе было вытѣснено изъ монастырей особножитіемъ, о которомъ сказали мы выше. Повидимому, ничего не можетъ быть лучше того, какъ быть на всемъ на готовомъ и чтобы ни о чемъ не заботиться. Это дѣйствительно такъ, но только подъ тѣмъ условіемъ, если человѣкъ подавитъ въ себѣ чувства своекорыстія и корыстолюбія и внѣдритъ въ себя чувство беззавѣтнаго братолюбія; а постоянное торжество своекорыстія надъ братолюбіемъ и составляетъ главную причину, по которой человѣческая исторія очень печальна. Монастыри сначала явились, какъ возстановленіе той апостольскихъ временъ христіанской общины, когда у всего собранія вѣрующихъ *было одно сердце и одна душа*, когда *никто ничего изъ имѣнія своего не называлъ своимъ* и когда *все у нихъ было общее* (Дѣян. IV, 32); но потомъ и въ монастыряхъ братолюбіе было побѣждаемо самолюбіемъ, вслѣдствіе чего, отчасти съ присоединеніемъ и нѣкоторыхъ причинъ побочныхъ, рѣшительное большинство ихъ стало изъ общинножитныхъ особножитными, такъ что рѣшительно преобладающимъ и господствующимъ видомъ жизни монашеской стало особножитіе. Но какъ среди монаховъ Греческихъ Богъ воздвигалъ ревнителей истинной монашеской жизни, которые брали на себя трудъ ея возстановленія: такъ это было и среди монаховъ Русскихъ. Принявъ христіанство отъ Грековъ, мы заимствовали отъ нихъ вмѣстѣ съ христіанствомъ и монашество, но именно въ формѣ особножитія. Спустя около 50-ти лѣтъ послѣ крещенія Россіи, Богъ воздвигъ между нашими монахами преподобныхъ Антонія и Ѳеодосія Печерскихъ, которые ввели у насъ общежитіе. Когда введенное у насъ Антоніемъ и Ѳеодосіемъ общежитіе снова совершенно исчезло изъ нашихъ монастырей, Богъ воздвигъ преподобнаго Сергія Радонежскаго, чтобы онъ былъ у насъ его возстановителемъ.

Жизнеописатель преподобнаго Сергія представляетъ дѣло о введеніи имъ въ своемъ монастырѣ общежитія такимъ образомъ, что въ одинъ день совершенно неожиданно пришли къ Сергію посланные отъ Константинопольскаго патріарха Филоѳея,—что эти посланные принесли ему въ поминокъ или въ даръ отъ патріарха крестъ, парамандъ и схиму, а вмѣстѣ принесли ему и писаніе, въ которомъ патріархъ послѣ выраженія своей радости объ его добродѣтельномъ житіи увѣщевалъ его восполнить едину недостаточествующую ему главизну—ввести въ своемъ монастырѣ общее

житіе, и что преподобный Сергій послѣ совѣта съ святымъ митрополитомъ Алексіемъ и исполнилъ волю патріарха—ввелъ въ монастырѣ общежитіе.

Необходимо представлять дѣло нѣсколько иначе, именно—думать, что преподобный Сергій ввелъ въ своемъ монастырѣ общежитіе не потому, чтобы это присовѣтовалъ ему патріархъ, а потому что онъ самъ хотѣлъ этого и что хотѣлъ этого вмѣстѣ съ нимъ святой митрополитъ Алексій, и что они—Сергій и Алексій лишь прибѣгли къ авторитету патріарха, дабы придать своему начинанію бо́льшую твердость. Патріархъ не могъ самъ собой прислать Сергію грамоты, ибо вовсе не могъ знать о немъ (а думать, будто до патріарха могла дойти слава Сергія уже въ то время, къ которому должно быть относимо введеніе имъ въ монастырѣ общежитія, совершенно невозможно). Необходимо предполагать, что патріархъ написалъ преподобному Сергію грамоту по просьбѣ святаго Алексія, обращенной къ нему этимъ послѣднимъ во время бытности въ Константинополѣ для посвященія въ митрополиты (бытности двухгодичной въ 1353—55-мъ году). А для Сергія и Алексія, какъ мы сказали, нужна была грамота патріарха, чтобы при помощи ея могли они придать своему начинанію большую твердость. Представляя собою людей исключительныхъ и мужей богоизбранныхъ, они одушевились ревностію возстановить въ нашихъ монастыряхъ истинный монашескій образъ жизни—общинножитія. Но то, о чемъ ревновали они, нисколько не могло быть пріятно для большинства нашихъ монаховъ и вовсе не могло быть встрѣчено ими съ готовностью и съ радостью. И вотъ, чтобы подѣйствовать на это большинство, Алексій и Сергій и рѣшились прибѣгнуть къ авторитету патріарха, который бы своимъ голосомъ верховнаго пастыря Русской церкви подтвердилъ и одобрилъ ихъ благое предпріятіе. Необходимо думать, что посланные патріарха, принесшіе Сергію его грамоту, были тѣ его посланные, которые сопровождали святаго Алексія въ Россію, послѣ того какъ онъ былъ поставленъ патріархомъ въ митрополиты. А святой Алексій возвратился изъ Константинополя, съ поставленія въ митрополиты, осенью 1355-го года[1].

---

[1] Относя къ пребыванію Алексія въ Константинополѣ только поставленіе Сергія въ игумены, Епифаній, конечно, относитъ введеніе имъ въ монастырѣ общежитія къ гораздо болѣе позднему времени, хотя въ данномъ случаѣ ничего прямо и не говоритъ о времени. Филоѳей, по грамотѣ котораго Сергій ввелъ у себя общежитіе, занималъ патріаршую каѳедру два раза: въ первый разъ недолгое время съ мая 1354-го года по начало 1355-го года, во второй разъ—съ октября 1364-го года по конецъ 1376-го года. Относить введеніе Сергіемъ въ своемъ монастырѣ общежитія ко второму патріаршеству Филоѳея значило бы относить его къ слишкомъ позднему времени, противъ котораго говорятъ и простыя соображенія и имѣющіяся у насъ положительныя данныя и указанія. Преп. Сергій основалъ свой монастырь въ 1330—1344-мъ году и слѣдовательно 1365-й годъ, составляющій первый годъ втораго патріаршества Филоѳея, будетъ 25—21-мъ годомъ отъ основанія его монастыря; но представляется весьма невѣроятнымъ думать, чтобы въ теченіе такого продолжительнаго времени не приходило Сергію мысли о введеніи въ монастырѣ общежитія. Св. Алексій по-

Если бы преподобный Сергій предпринялъ вводить въ своемъ монастырѣ общежитіе, не имѣя грамоты патріарха, то, несомнѣнно, онъ встрѣтилъ бы сильный ропотъ противъ себя и даже прямые протесты. Въ виду грамоты патріарха, не только одобрявшей предпріятіе, но даже какъ бы нарочито требовавшей его, ропотъ, разумѣемъ—открытый, и протесты были невозможны; однако не всѣ монахи Сергіева монастыря согласились на то, чтобы жить по новому; нашлись между ними такіе, не знаемъ—многіе ли, которые рѣшительно не хотѣли общежитія и тайно ушли изъ монастыря[1].—1354-й годъ, къ которому должно быть относимо введеніе преп. Сергіемъ общежитія въ его монастырѣ, былъ 11-мъ годомъ отъ его поставленія въ игумены.

Введеніе въ монастырѣ общежитія требовало постройки въ немъ новыхъ зданій (трапезы, поварни, пекарни и пр.) и учрежденія между монахами разныхъ хозяйственныхъ и вообще общественныхъ должностей (келаря, казначея, трапезниковъ, поваровъ и пр.), екклесіарха или завѣдующаго церковію и отправленіемъ богослуженія съ его помощниками, больничныхъ послужатаевъ или служебниковъ, которые бы ходили за немощными, и т. д.. Все это преподобный Сергій тотчасъ же и сдѣлалъ. Ко времени введенія общежитія монастырь находился уже въ такомъ положеніи, что со стороны денежныхъ средствъ не могло встрѣтиться препятствій къ устроенію жизни въ немъ по новому образцу.

Съ введеніемъ въ монастырѣ общежитія имѣла быть со всею строгостію устроена въ немъ и монашеская жизнь. Жизнеописатель преподобнаго Сергія, къ сожалѣнію, не сообщаетъ намъ въ этомъ отношеніи подробностей. Знаемъ нѣкоторыя, впрочемъ—весьма немногія, сторонніе указанія относительно сего, отчасти прямыя, отчасти косвенныя. Въ Симоновскомъ монастырѣ племянника Сергіева Ѳеодора, конечно, заведены были порядки, взятые съ примѣра его—Сергіева монастыря; а о Симоновскомъ монастырѣ преподобный Іосифъ Волоколамскій говоритъ: „обычай бяше того монастыря (въ первое время) таковъ: въ кельяхъ не ядяху, ниже піяху, ниже внѣ монастыря исхождаху безъ благословенія настоятелева, ниже отрочата въ монастыри живяху, ниже на дворцѣхъ (монастырскихъ службахъ и заведеніяхъ, находившихся за стѣнами монастыря), но вся бываху у нихъ по

строилъ свой Андрониковъ монастырь въ 1358—1359-мъ году; а въ монастырѣ этомъ, какъ прямо говоритъ Епифаній (л. 219 об.), непосредственно по его построеніи введено было общежитіе. Ниже мы говоримъ о грамотѣ, присланной преп. Сергію патріархомъ Каллистомъ въ 1362—1363-мъ году; но грамота эта предполагаетъ въ монастырѣ Сергіевомъ общежитіе.

[1] Объ этомъ не говорится въ житіи Епифанія, редактированномъ Пахоміемъ, но говорится въ извлеченіи изъ подлиннаго Епифаніева житія, читаемомъ въ Никоновской лѣтописи (cfr выше въ примѣчаніи на стрр. 7—8 о причинѣ редактированія Пахоміемъ Сербомъ житія Епифаніева): „елицы же тако (жить общежитно) не восхотѣша, отаи изыдоша изъ монастыря Сергія“,—IV, 225. (Корнелія Комельскаго за введеніе имъ въ своемъ монастырѣ общежитія хотѣли было убить,—у Филарета въ Русскихъ святыхъ, май, стр. 116).

свидѣтельству божественныхъ писаній и общежительныхъ преданій“ [1]... Царь Иванъ Васильевичъ Грозный въ своемъ извѣстномъ учительно-обличительномъ посланіи въ Кирилловъ Бѣлозерскій монастырь, отзываясь съ общей великой похвалой о бывшемъ прежде него у Троицы крѣпкомъ житіи, въ частности говоритъ, что довольно долгое время послѣ смерти преподобнаго Сергія соблюдаемъ былъ его учениками оставленный имъ завѣтъ не выходить за ворота монастыря [2].

Одушевляясь древнимъ примѣромъ преподобнаго Ѳеодосія Печерскаго, преподобный Сергій Радонежскій ввелъ въ своемъ монастырѣ общежитіе. Примѣру того же Ѳеодосія старался онъ слѣдовать и во всей своей игуменской дѣятельности до введенія и послѣ введенія въ монастырѣ общежитія, такъ что рѣчи его жизнеописателя объ этой его дѣятельности представляютъ собою почти буквальное воспроизведеніе рѣчей преподобнаго Нестора о таковой же дѣятельности преподобнаго Ѳеодосія. Желавшихъ монашествовать въ его монастырѣ Сергій не тотчасъ постригалъ въ монахи, но сначала одѣвалъ въ долгую одежду изъ чернаго сукна и въ ней заставлялъ ходить довольное время, пока желающій монашествовать у него не навыкалъ всему его монастырскому чину; послѣ сего онъ постригалъ въ малый монашескій образъ съ облаченіемъ въ мантію и клобукъ и, наконецъ, совершенныхъ чернцовъ сподоблялъ пріятія святой схимы. Для наблюденія за жизнію монаховъ преподобный Сергій обходилъ по вечерамъ келліи и смотрѣлъ въ окна, кто чѣмъ занимается. Если видѣлъ, что братъ упражняется въ рукодѣліи или творитъ молитву или читаетъ святую книгу: воздавалъ за него благодареніе Богу. Если же видѣлъ въ какой кельѣ сшедшихся двухъ или трехъ монаховъ, проводящихъ время въ праздныхъ бесѣдахъ, то ударялъ въ двери кельи или стучалъ въ окно, давая тѣмъ знать собесѣдникамъ, что онъ видѣлъ ихъ неподобающее занятіе. На другой день онъ призывалъ къ себѣ виновныхъ и своими кроткими обличеніями, причемъ со всякою пощадою относился лично къ самимъ обличаемымъ, онъ старался доводить ихъ до сознанія предосудительности ихъ поведенія и до раскаянія въ немъ.

Изъ сейчасъ сказаннаго видно, что братія Сергіева монастыря занимались въ своихъ кельяхъ молитвой, рукодѣліями и чтеніемъ святыхъ книгъ, т. е. отеческихъ твореній. Такъ это должно быть и по древнимъ законоположеніямъ о занятіяхъ монаховъ [3]. Но чтеніе книгъ возможно подъ тѣмъ условіемъ, чтобы онѣ были въ монастырѣ. Слѣдовательно, если преподобный Сергій одобрялъ чтеніе книгъ его монахами: то этимъ дается предполагать, что онъ заботился о пріобрѣтеніи и объ изготовленіи четіихъ книгъ или о составленіи монастырской библіотеки таковыхъ книгъ. И мы имѣемъ положительныя указанія, что это дѣйствительно было такъ. Князь

---

[1] Въ „Отвѣщаніи любозазорнымъ“.

[2] Акт. Ист. т. I, № 204, стр. 382, col. 2.

[3] См. новеллу Юстиніана 133, гл. 6, cfr нашей Исторіи Русской церкви т. I, полов. 2, стр. 609 по 1 изд., и стрр. 725—726 по 2 изд.

Серпуховскій Владимиръ Андреевичъ, сынъ Андрея Ивановича, о которомъ упоминали мы выше, двоюродный братъ великаго князя Дмитрія Ивановича Донскаго и его знаменитый сподвижникъ въ Куликовской битвѣ, которому принадлежалъ и Радонежъ съ его волостью, пожелалъ взять у преподобнаго Сергія для основанія монастыря въ своемъ Серпуховѣ ученика его Аѳанасія. Преподобный не нашелъ возможнымъ отказать въ просьбѣ своему князю, но отпустилъ отъ себя Аѳанасія съ великимъ сожалѣніемъ, и это потому, что онъ былъ книжный доброписецъ. „Бѣ Аѳанасіе, говоритъ жизнеописатель, въ добродѣтелѣхъ мужъ чуденъ и въ божественныхъ писаніихъ зѣло разуменъ и добросписанія много(-а) руки его и донынѣ свидѣтельствуютъ, и сего ради (бѣ) любимъ зѣло старцу“ (т. е. преподобному Сергію).

Уставъ общежитный требуетъ, чтобы всѣ монахи монастыря, не исключая и игумена, совершенно одинаково участвовали во всѣхъ монастырскихъ работахъ. Преподобный Сергій работалъ не только наравнѣ со всѣми, но и болѣе всѣхъ, при чемъ въ работахъ, требовавшихъ физической силы, такъ какъ былъ отъ природы человѣкъ очень сильный[1], работалъ по крайней мѣрѣ за двоихъ и при чемъ не стыдился никакой работы—ни поварства и плотничества, ни кроенія и шитья одежды и обуви на братію. Нарочитую его работу составляло изготовленіе того, что̀ требуется для богослуженія: печеніе просфоръ съ самымъ изготовленіемъ муки для нихъ (посредствомъ толченія зерна и молотія его ручной мельницей), катаніе свѣчей, вареніе кутьи и приготовленіе такъ называемыхъ каноновъ или кануновъ (кутья и канонъ или канунъ имѣли быть приносимы въ церковь: во первыхъ, для поминовенія усопшихъ—на ежедневныя послѣвечеренныя заупокойныя литіи, на паннихиды, совершавшіяся послѣ вечерни въ понедѣльникъ, среду и пятокъ, и на всѣ заказныя паннихиды; во вторыхъ, какъ это было въ древнее время, въ честь Господа, Богородицы и святыхъ—во всѣ господскіе, богородичные и нарочитыхъ святыхъ праздники)[2].

---

[1] Епифаній говоритъ о немъ: „бяше бо силенъ бывъ тѣломъ, могіи за два человѣка“,—л. 88.

[2] Кутья, или коливо, есть снѣдь или ѣда, а канонъ или канунъ есть питье. Греческое κουκιά, изъ котораго наше русское кутья, есть множественное слова κουκί и значитъ: fève, бобы (у Византія), а κόλυβον, употребляемое во множественномъ κόλυβα, означаетъ одинъ видъ гороха. Эти названія кутьи показываютъ, что первоначально она приготовлялась у Грековъ изъ бобовъ или гороха. Потомъ она начала быть приготовляема у нихъ изъ вареной пшеницы (κόλυβα σῖτος ἐψητός, *Свида*) съ различнымъ „наборомъ“, о которомъ см. уставъ патр. Алексія въ Опис. сунодд. ркпп. *Горск.* и *Невостр.* № 380, л. 207 об., стр. 260; Вопрошеніе Кириково у *Павлова* въ Памятнн. канонич. права col. 32 и Симеона Солунскаго De ordine sepulturae, cap. 371,—въ Патрол. *Миня*, t. 155, col. 688—689. Кутья—вареная и сыченая медомъ пшеница см. въ Описаніи Московскаго Богоявленскаго монастыря, составленномъ еписк. Никодимомъ (Бѣлокуровымъ), грамоту вел. князя Ивана III, стр. 9 нач. (Чтенія Общ. Ист. и Др. Рос. 1876 г., кн. 4). Канонъ или канунъ есть медъ въ смыслѣ питья (напитка), извѣстнымъ образомъ приготовленнаго, или сыченое пиво (не совсѣмъ

Уставъ общежитный требуетъ, чтобы всѣ монахи монастыря, не исключая и игумена, носили одинаковую по качеству одежду. Преподобный Сергій носилъ не только одинаковую со всѣми одежду, но и худшую всѣхъ. Одинъ разъ въ числѣ другихъ кусковъ сукна для одежды пріобрѣтенъ былъ кусокъ совершенно негодный, въ которомъ окраска на половину слиняла, такъ что сукно было какое-то пёгое („пелесоватое"). Ни одинъ монахъ не хотѣлъ себѣ одежды изъ такого сукна. Тогда взялъ его себѣ преподобный и сшилъ себѣ изъ него рясу (нынѣшній подрясникъ), которую и носилъ до тѣхъ поръ, пока она не свалилась съ плечъ. Всегдашняя или будничная одежда преподобнаго, обычной матеріей для которой служило простое домашнее сукно, называемое сермягой, до того была скромна и бѣдна, или, какъ выражается жизнеописатель, „худостна", что не далека была отъ того, чтобы называться рубищемъ.

По поводу этой худости одежды преподобнаго жизнеописатель его разсказываетъ одинъ случай. Когда слава о добродѣтельной жизни его широко распространилась по Россіи и когда многіе начали приходить къ нему, чтобы видѣть его и насладиться его душеспасительной бесѣдой, пожелалъ видѣть его одинъ крестьянинъ изъ дальныхъ отъ монастыря мѣстъ. Выбравъ свободное время, онъ отправился въ монастырь. Случилось такъ, что въ минуту его прихода въ монастырь преподобный Сергій копалъ гряды въ монастырскомъ огородѣ. На просьбу его къ монахамъ показать ему знаменитаго ихъ игумена, ему отвѣчали, что игуменъ копаетъ землю въ огородѣ и что пусть онъ немного подождетъ. Сгорая нетерпѣніемъ

обстоятельное о приготовленіи меда какъ напитка—въ Домостроѣ,—гл. 65). У Грековъ вмѣстѣ съ кутьей приносилось въ церковь вино (Сумеонъ Солунск. ibidd.); у насъ не было вина, а вмѣсто него служилъ нашимъ напиткомъ медъ,—онъ вмѣсто вина и началъ быть у насъ приносимъ въ церковь вмѣстѣ съ кутьей. Названіе, данное у насъ меду, канонъ или канунъ есть или греческое κανοῦν, какъ назывались у Грековъ блюда, въ которыхъ приносилась въ церковь кутья, или же отъ канона, извѣстнаго пѣсненнаго послѣдованія. Принимая второе, нужно будетъ объяснить усвоеніе меду названія тѣмъ, что онъ вмѣстѣ съ кутьей приносимъ былъ въ церковь подъ храмовые праздники, когда послѣ вечерни пѣты были молебны съ канономъ (откуда и названіе дня, предшествующаго празднику, канономъ, какъ онъ иногда назывался въ книжномъ языкѣ прежняго времени, или кануномъ, какъ онъ обыкновенно назывался и называется). Въ послѣдующее время въ Троицкомъ монастырѣ всегда былъ большой запасъ „пѣтаго" или освященнаго меда, какъ питья, который подъ именемъ меда чудотворцова, т. е. преп. Сергія, раздаваемъ былъ на благословеніе (Симонъ Азарьинъ въ предисловіи къ Книгѣ о новыхъ чудесахъ и см. ниже въ главѣ 1-й Путеводителя рѣчи о хозяйствѣ и богатствѣ монастыря.—Въ настоящее время въ городахъ носятъ въ церкви какъ заупокойный канунъ чайныя чашки съ медомъ сырцомъ; но что каноны преп. Сергія были именно медомъ питьемъ, это, кромѣ сейчасъ указаннаго, видно изъ того, что о приготовленіи ихъ преподобнымъ Епифаній употребляетъ выраженіе: „и канонь творяше",—л. 120). Канунъ пили, см. слово Иліи епископа Новгородскаго, открытое и напечатанное А. С. Павловымъ, стр. 25.

видѣть Сергія, крестьянинъ побѣжалъ къ огородному забору и приникъ къ скважинѣ. Въ скважину онъ увидѣлъ, что копаетъ гряду какой-то монахъ въ изодранномъ и уплатанномъ рубищѣ. Гдѣ же,—спрашиваетъ онъ монаховъ,—игуменъ? Ему отвѣчаютъ, что онъ смотритъ на игумена. Крестьянинъ, думая, что монахи потѣшаются надъ нимъ, весьма обидѣлся... Потомъ онъ дѣйствительно увѣрился, что въ изодранномъ и уплатанномъ рубищѣ былъ знаменитый Сергій, слава о которомъ прошла по всей Россіи и котораго, судя по другимъ, незнаменитымъ, игуменамъ, онъ представлялъ себѣ совсѣмъ иначе, „окруженнымъ отроками предстоящими и слугами скорорищущими и множествомъ служащихъ или честь воздающихъ“... Спустя нѣкоторое время послѣ сего крестьянинъ принялъ монашество въ монастырѣ Сергіевомъ (Пахомій, вѣроятно, на основаніи собственныхъ свѣдѣній говоритъ въ службѣ преп. Сергію, что онъ „отвергъ тлѣнныя ризы, ходилъ въ зимѣ безъ теплыя одежды, якоже въ лѣтѣ“).

Мы не одинъ разъ говорили выше, что монастырь преподобнаго Сергія послѣ первоначальной, не особенно долгое время продолжавшейся, скудости началъ изобиловать всѣмъ потребнымъ. Изобиліе явилось въ монастырѣ благодаря усердію къ преподобному—съ одной стороны, окрестныхъ жителей монастыря, о чемъ прямо говоритъ Епифаній, а съ другой стороны и главное, о чемъ прямо Епифаній не говоритъ, но что необходимо предполагать,—благодаря усердію къ преподобному его многочисленныхъ почитателей среди Московскихъ бояръ и среди Московскаго купечества. Составляетъ при этомъ вопросъ: владѣлъ ли монастырь преподобнаго Сергія уже при немъ самомъ недвижимыми имѣніями или вотчинами? Вѣроятнѣйшій отвѣтъ на вопросъ есть отрицательный. Правда, что слова Епифанія о нестяжаніи Сергіемъ селъ красныхъ не могутъ быть признаны за сколько нибудь убѣдительное свидѣтельство, ибо, вопервыхъ, мы знаемъ другіе примѣры, когда намъ говорится это и когда рѣчи должны быть понимаемы въ смыслѣ далеко неточномъ и несобственномъ (рѣчи Нестора о преподобномъ Ѳеодосіи Печерскомъ и Пахомія Сербина о преподобномъ Кириллѣ Бѣлозерскомъ), а вовторыхъ—Епифаній употребляетъ слово: „села“ въ простомъ ораторскомъ наборѣ словъ, изъ которыхъ нѣкоторыя и совсѣмъ не идутъ къ преподобному Сергію и цѣль которыхъ, помимо какой либо точности, есть лишь та, чтобы вообще выразить мысль объ его (Сергія) великой нестяжательности. Но есть другое основаніе думать, что самъ преподобный Сергій еще не принималъ вклада въ монастырь недвижимыхъ имѣній или вотчинъ. Изъ послѣдующихъ вотчинъ Троицкаго монастыря нѣтъ ни одной, о которой было бы положительно извѣстно, что она дана въ монастырь при самомъ преподобномъ Сергіи. Могутъ возразить, что есть вотчины, относительно которыхъ неизвѣстно, когда онѣ поступили въ монастырь. Но если бы самъ преподобный Сергій началъ принимать вотчины, то при великомъ множествѣ его почитателей между боярами, ему было бы надавано вотчинъ болѣе или менѣе значительное количество, и невѣроятно допустить, чтобы изъ многихъ вотчинъ не сохранилось прямаго извѣстія хотя объ одной, что она поступила въ монастырь при самомъ

преподобномъ Сергіи. Принимая, что самъ преподобный Сергій не имѣлъ вотчинъ, нужно будетъ понимать это не такъ, чтобы онъ вообще былъ противъ вотчинновладѣнія монастырей, а такъ, что онъ лишь хотѣлъ, чтобы при немъ самомъ не было въ его монастырѣ вотчинъ. Началъ пріобрѣтать вотчины въ монастырь его непосредственный преемникъ и личный ученикъ преподобный Никонъ, и нельзя думать, чтобы этотъ поступилъ вопреки волѣ и завѣщанію своего учителя. Не о вотчинѣ, а объ одномъ промыслѣ извѣстно намъ, что онъ приложенъ въ монастырь при самомъ преподобномъ Сергіи; это—половина варницы и половина солянаго колодезя у Соли Галицкой, что̀ есть нынѣшній городъ Солигаличъ Костромской губерніи, данныя въ монастырь однимъ Галичскимъ бояриномъ не задолго до смерти преподобнаго Сергія, именно—когда онъ, передавъ игуменство Никону, приготовлялся къ смерти. Но принимая за вѣроятнѣйшее, что при самомъ преподобномъ Сергіи монастырь не имѣлъ еще недвижимыхъ имѣній или вотчинъ, со всею вѣроятностію должно думать, что монастырь имѣлъ при немъ собственное хлѣбопашество, именно—что преподобнымъ Сергіемъ заведены были кругомъ монастыря пахатныя поля, которыя и обработывались отчасти самими монахами, отчасти наемными крестьянами, отчасти же крестьянами, которые хотѣли поработать на монастырь Бога ради (какъ примѣры этого послѣдняго мы видимъ въ дальнѣйшее время)[1].

Жизнеописатель преподобнаго Сергія былъ человѣкъ лично и хорошо его знавшій: онъ былъ монахъ его собственнаго монастыря, пришедшій

---

[1] Вопросу о томъ, владѣлъ или не владѣлъ Троицкій монастырь вотчинами при самомъ преподобномъ Сергіи, нарочито посвящена статья іеромонаха Арсенія: „О вотчинныхъ владѣніяхъ Троицкаго монастыря при жизни его основателя преподобнаго Сергія“, напечатанная въ VII выпускѣ Лѣтописи занятій Археографической Коммиссіи. Соглашаясь съ † достопочтеннымъ о. Арсеніемъ въ его выводахъ и принося ему искреннюю благодарность за его прекрасный трудъ, должны мы только сказать, что не далъ онъ объясненій касательно одного свидѣтельства. Кромѣ позднѣйшей записи, принимаемой за грамоту Дмитрія Ивановича Донскаго Троицкому монастырю и кромѣ подложной его грамоты тому же монастырю, есть не подложное, а настоящее свидѣтельство о существованіи его грамоты нашему монастырю. Извѣстна грамота князя Дмитрія Юрьевича Шемяки, данная монастырю 5-го декабря 1440-го года, которая начинается: „Святыя ради Живоначалныя Троицы, по дѣда своего грамотѣ и великого князя Дмитрея Ивановича и по отца своего грамотѣ и великого князя Юрья Дмитреевича, се азъ князь Дмитрей Юрьевичъ пожаловалъ есми игумена Зиновья Сергіева монастыря съ братьею, или кто по немъ иной игуменъ будетъ“,—Акт. Экспед. т. I, № 37, стр. 28 fin. Изъ грамоты Дмитрія Юрьевича не видно, что содержала грамота Дмитрія Ивановича; но остается вопросомъ: что же она содержала, и если твердо то положеніе, что при самомъ преп. Сергіи Троицкій монастырь не владѣлъ вотчинами, такъ рѣчи о чемъ же могли бы быть предполагаемы въ ней кромѣ вотчинъ?—Данная Галичскаго боярина Семена Ѳедоровича Троицкому монастырю на половину варницы и половину солянаго колодезя у Соли Галицкой—въ Актахъ Юридичч. Калачова, I, № 63, col. 441, IV (о самомъ Семенѣ Ѳедоровичѣ, по фамиліи Морозовѣ,—Карамз. V, 152—153 и прим. 273).

въ монастырь хотя и не при самомъ началѣ послѣдняго, но во всякомъ случаѣ за много лѣтъ до его—Сергія кончины. Слѣдовательно, рѣчи жизнеописателя, когда онъ говоритъ намъ о личномъ характерѣ и личныхъ нравственныхъ качествахъ преподобнаго Сергія, мы имѣемъ всѣ основанія принимать не за такія рѣчи, въ которыхъ произвольнымъ образомъ рисовался бы намъ фантастическій портретъ, но за такія рѣчи, въ которыхъ болѣе или менѣе вѣрно изображается намъ дѣйствительный преподобный Сергій. А многократно въ продолженіе повѣствованія предпринимая изображать личный характеръ и личныя качества преподобнаго и постоянно изображая ихъ однѣми и тѣми же чертами, жизнеописатель еще болѣе увѣряетъ насъ въ томъ, что изображаетъ намъ не мечты своего воображенія, но именно подлиннаго Сергія, какимъ онъ на самомъ дѣлѣ былъ. Не имѣемъ мы нужды въ свѣдѣніяхъ, что̀ такое и каковъ былъ Сергій въ отношеніи, такъ сказать, къ самому себѣ, т. е. въ своей собственной, для самого себя, жизни,—мы и безъ всякаго сторонняго свидѣтельства знаемъ, что онъ былъ высоко святой, строго подвижнической жизни; но мы желаемъ знать, что такое былъ Сергій въ отношеніи къ другимъ людямъ или въ отношеніи къ своимъ ближнимъ. Итакъ, по изображенію жизнеописателя, въ отношеніи къ другимъ людямъ преподобный Сергій былъ исполненъ смиренія безмѣрнаго, былъ тихъ и кротокъ такъ, что ему совсѣмъ чужды были гнѣвъ и ярость, жестость (суровость) и лютость, былъ незлобивъ и простъ безъ всякой примѣси хитрости и такъ называемаго „себѣ на умѣ“ (была въ немъ „простота безъ пестроты“, какъ выражается жизнеописатель), исполненъ былъ любви нелицемѣрной и нелицепріятной ко всѣмъ людямъ. „Преподобный игуменъ,—читаемъ у жизнеописателя,—отецъ нашъ Сергіе святый, старецъ чюдный, добродѣтельми всякими украшенъ (бѣ), тихій, кроткій нравъ имѣя, и смиренный и добронравый, привѣтливый и благоувѣтливый, утѣшительный, сладкогласный и благоподатливый, милостивый и добросердый, смиренномудрый и цѣломудреный, благоговѣйный и нищелюбивый, страннолюбный и миролюбный...; стяжа паче всѣхъ смиреніе безмѣрное и любовь нелицемѣрную равно ко всѣмъ человѣкомъ, и всѣхъ вкупѣ равно любляаше и равно чтяше, не избирая, ни судя, ни зря на лица человѣкомъ и ни на когоже возносяся, ни осужая, ни клевеща, ни гнѣвомъ, ни яростію, ни жестостію, ни лютостію, ниже злобы держа на кого“... Изъ блаженствъ евангельскихъ, какъ изображаетъ намъ преподобнаго Сергія его жизнеописатель, несомнѣнно прилагались къ нему: *блаженны нищіе духомъ..., блаженны кроткіе..., блаженны чистые сердцемъ.*

Но вполнѣ прилагалось къ преподобному Сергію и еще евангельское блаженство: *блаженны милостивые.* Насколько извѣстна намъ исторія монастырей сѣверной или Московской Руси, лучшіе изъ нихъ отличались усердной благотворительностію въ смыслѣ питанія нищихъ, бѣдныхъ проходящихъ странниковъ и бѣдныхъ окрестныхъ жителей, и съ несомнѣнностію должно быть сказано, что благотворительность эта ведетъ свое начало отъ него—преподобнаго Сергія. Благотворительность эта могла имѣть мѣсто только въ монастыряхъ общежитныхъ, но не особножитныхъ

(по весьма понятной причинѣ). А такъ какъ монастыри общежитные начались въ сѣверной Руси только съ Сергія, то и благотворительность могла начаться только съ него. Что она не только могла начаться, но и на самомъ дѣлѣ началась съ него, въ этомъ удостовѣряетъ насъ жизнеописатель. Онъ говоритъ, что страннолюбіе и нищелюбіе были отличительными добродѣтелями преподобнаго, что у него было узаконено и заповѣдано: никого изъ неимущихъ, приходящихъ въ обитель, не отпускать съ пустыми руками; нищихъ и странныхъ довольно упокоивать. Въ позднѣйшее время, въ XV—XVI вѣкахъ, мы находимъ при монастырѣ богадѣльню для убогихъ нищихъ, бывшихъ не въ состояніи собирать милостыни, и съ весьма немалою вѣроятностію должно усвоять построеніе богадѣльни самому преподобному Сергію. Когда дорога изъ Москвы въ сѣверные города была приближена къ самому монастырю, начали останавливаться въ немъ всѣ проѣзжавшіе чиновники и всѣ проходившія войска,—и, по словамъ жизнеописателя, всѣ принимаемы были въ немъ съ великимъ гостепріимствомъ. Имѣя въ виду то, что монастырь преподобнаго Сергія и въ позднѣйшее время старался соблюдать заповѣдь своего основателя о нищелюбіи и страннолюбіи, какъ она передается у жизнеописателя, и что это нарочито было требуемо отъ монастыря согласно заповѣди преподобнаго Сергія, записанной въ его житіи[1], мы передадимъ подлинныя слова Епифанія. „Елика во обители приносимая умножахуся,—пишетъ онъ,—толма паче страннолюбная возрастаху, и никто же бо отъ неимущихъ во обитель приходя тщама руками отхожаше; николи же блаженный оставляше благотворенія и служащимъ во обители заповѣда: нищихъ и странныхъ довольно упокоевати и подавати требующимъ, глаголя: аще сію мою заповѣдь сохраните безъ роптанія, мзду отъ Бога пріимете и по отхоженіи моемъ отъ житія сего обитель моя сія зѣло распространится и во многи лѣта неразрушима постоитъ благодатію Христовою; и тако бѣ рука его простерта къ требующимъ, яко рѣка многоводна и тиха струями; и аще кому приключашеся въ зимная времена она, мразу зѣлному належащу или паки снѣгу съ зѣлнымъ вѣтромъ дыхающу, иже немогущеи внѣ келія изыти (т. е. если кому нибудь заѣхавшему въ монастырь невозможно было отправиться въ дальнѣйшій путь по причинѣ сильнаго мороза или непогоды), елико время пребывающимъ ту (въ монастырѣ) таковыя ради нужа, вся потребная отъ обители пріимаху; странніи же и нищіи и отъ нихъ въ болѣзни сущіи на многи дни препочиваху въ доволномъ упокоеніи и пищи, ея же кто требоваху, неоскудно по заповѣди святаго старца, и до

[1] Въ 1651-мъ году царь Алексѣй Михайловичъ на обращенный къ нему спросъ властей Троицкаго монастыря: какъ принимать въ монастырѣ гостей и всякихъ проѣзжихъ и прохожихъ людей, отвѣчалъ: „гостемъ и всякимъ проѣзжимъ и прохожимъ людемъ противъ чюдотворцовы заповѣди воздавать достойная честь и всякой покой имъ чинить, понеже бо о томъ великій чюдотворецъ заповѣда ученикомъ своимъ“, см. у о. Арсенія въ статьѣ „О служкахъ Троицкаго Сергіева монастыря“, напечатанной въ III кн. Чтеній въ Общ. Ист. и Древн. Росс. за 1867 годъ, стр. 59.

нынѣ симъ тако бывающимъ; понеже пути отъ многъ странъ належащу, и того ради княземъ и воеводамъ и воинству безчисленому, вси пріимаху подавающую доволную честную потребу, яко отъ источника неисчерпаемыхъ, и въ путь грядуще потребную пищу и питіе доволно пріимаху, и сія служащеи во обители святаго съ радостію всѣмъ подающе изобильно"... (лл. 191—193 об.).

Жизнеописатель и другіе современники называютъ преподобнаго Сергія старцемъ чуднымъ и говорятъ, что онъ тихими и кроткими словесы и рѣчьми и благоувѣтливыми глаголы, благодатію, данною ему отъ Святаго Духа, могъ дѣйствовать на *самыя загрубѣлыя и ожесточенныя сердца*[1]: словами этими невольно вызывается въ представленіи образъ старца, олицетворяющаго собою всепобѣждающую любовь. Одинъ изъ современниковъ, дѣлая запись о тяжкой болѣзни, постигшей преподобнаго Сергія въ 1375-мъ году, называетъ его преподобнымъ игуменомъ, святымъ Сергіемъ: „того же лѣта болѣзнь бысть тяжка преподобному игумену, Сергѣю святому"[2], въ каковыхъ словахъ ясно слышится то великое уваженіе, которое было питаемо къ преподобному Сергію еще при его жизни. Такимъ образомъ, „чудный старецъ, святый Сергій", вотъ какъ выражались о преподобномъ и вотъ какъ представляли его себѣ его современники!

Читается въ нашихъ рукописяхъ посланіе не называемаго по имени патріарха Константинопольскаго къ не называемому по имени Русскому игумену. Подъ игуменомъ долженъ быть разумѣемъ преподобный Сергій, потому что ясно къ нему и только къ нему идутъ тѣ признаки, которыми характеризуется игуменъ въ посланіи. Что касается до патріарха и до времени написанія имъ посланія, то со всею вѣроятностію нужно думать, что это былъ Каллистъ 1-й, написавшій посланіе въ 1362—1363-мъ году. Въ посланіи, не особенно большомъ, послѣ общаго увѣщанія относительно доброй монашеской жизни, содержится частнѣйшее увѣщаніе о всецѣломъ повиновеніи и покорени братіи монастыря отцу и наставнику своему игумену. Думаемъ мы, что посланіе написано патріархомъ по нарочитой просьбѣ изъ Россіи,—самого ли Сергія къ послу патріаршему, который приходилъ въ Россію въ концѣ 1361-го года и былъ ему—Сергію лично знакомъ, или же—по просьбѣ митрополита Алексія, а всего вѣроятнѣе—по просьбѣ Сергія, подкрѣпленной ходатайствомъ Алексія. Относительно причины, которая заставила Сергія и Алексія желать патріаршаго посланія, намъ представляется вѣроятнымъ думать, что причиною этого были довольно долго продолжавшіяся въ монастырѣ неудовольствія и роптанія на введенное въ немъ Сергіемъ общежитіе[3].

---

[1] См. Никон. лѣт. IV, 148 (разсказъ о путешествіи преп. Сергія къ Олегу Рязанскому).

[2] Такъ называемая Академическая лѣтопись подъ указаннымъ годомъ (см. также Никоновскую лѣтопись,—IV, 41).

[3] Посланіе напечатано въ Православномъ Собесѣдникѣ за 1860-й годъ, ч. I, и въ Памятникахъ древне-русскаго каноническаго права *Павлова*, I, № 21. Неизвѣстный патріархъ пишетъ неизвѣстному игумену въ своемъ посланіи:

Мы замѣчали выше, что приходъ къ преподобному Сергію его старшаго брата Стефана былъ для него причиною великой скорби. Стефанъ, какъ сказали мы, пришолъ къ Сергію, по всей вѣроятности изъ желанія болѣе строгой жизни, нежели какую онъ могъ вести въ Москвѣ; но при этомъ желаніи и при отказѣ имъ отъ игуменства въ Богоявленскомъ монастырѣ онъ не оставилъ однако страсти властвовать. Онъ былъ старшій братъ Сергія; онъ положилъ съ нимъ основаніе монастырю, хотя потомъ и бѣжалъ отъ него; онъ, вѣроятно, принесъ Сергію изъ Москвы денегъ на благоустроеніе и на благоукрашеніе монастыря: по всему этому онъ хотѣлъ, чтобы почитаемъ былъ игуменомъ монастыря не столько Сергій, сколько онъ—Стефанъ. Эти притязанія Стефана находили почему-то одобреніе и въ нѣкоторыхъ изъ братій монастыря[1]: можетъ быть, недоволь-

„честній правохранитель, о Святѣмь Дусѣ възлюбленый сынъ нашего смиреніа, діаконъ Георгій вознесе нашему смиренію о дружинѣ и о совокупленіи Богомъ, рекше иночьскаго житія, еже еси съставилъ межь сицевыми мужи, идѣже и самого того образа премѣнити удобь не можетъ, но равенъ мірьскимъ людемъ является и образомь и вещми за невѣгласіе земля тоя и дикое, яко по всему мнѣ мнится, твоея добрыя благостыня(-ни) се есть исправленіе". Въ этихъ, не совсѣмъ вразумительныхъ, благодаря плохому переводу, рѣчахъ патріарха во всякомъ случаѣ понятно то, что въ невѣгласной и дикой Русской странѣ, въ которой монахи не отличаются отъ мірянъ ни по виду, ни на дѣлѣ, игуменъ по своей иниціативѣ („твоея добрыя благостыни се есть"...) составилъ какое-то особое иноческое житіе. Это, очевидно, есть преп. Сергій, введшій въ своемъ монастырѣ общежитіе, ибо больше разумѣть некого и нечего. Правохранитель діаконъ Георгій, очевидно, есть номофилаксъ діаконъ Георгій Пердика, который въ 1354-мъ году сопровождалъ св. Алексія изъ Константинополя въ Москву, чтобы въ качествѣ представителя патріаршаго посадить его на каѳедрѣ Русской митрополіи, см. у *Павлова* ibid. греческіе акты, втораго счета col. 59 (въ 1354 г. Пердика былъ канстрисіемъ и скевофилаксомъ) и который въ концѣ 1361-го года былъ присыланъ въ Россію патріархомъ Каллистомъ, чтобы произвести разслѣдованіе о жалобахъ, съ которыми обратился къ патріарху св. Алексій на Литовскаго митрополита Романа, см. у *Павлова* ibid. coll. 82 и 90. Мы говоримъ, что Георгій Пердика былъ лично знакомъ преп. Сергію, на томъ основаніи, что онъ долженъ быть принимаемъ за патріаршаго посланнаго, который въ 1354-мъ году вручилъ преподобному грамоту Филоѳея, содержавшую увѣщаніе ввести въ монастырѣ общежитіе.

[1] У Епифанія читается: „не по мнозѣ же времени (выше рѣчь объ учрежденіи Сергіемъ общежитія въ монастырѣ) паки востаетъ молва,—ненавидяй добра врагъ, не могыи терпѣти, яже отъ преподобнаго блистающу зарю, зря себе уничижаема отъ преподобнаго, и въ помыслъ вложи, яко не хотѣти Сергіева старѣйшинства, во единъ же убо отъ дніи", и пр.—л. 194. Можно подозрѣвать, что эта странная неопредѣленность рѣчи есть дѣло рукъ Пахоміевыхъ, который не нашелъ возможнымъ совсѣмъ выбросить словъ Епифаніевыхъ о возстаніи молвы, потому что иначе оставалось бы непонятнымъ, зачѣмъ же Сергій ушолъ изъ монастыря, по которому желалось устранить и прямое названіе братіи монастыря. Какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ понятно, что молва возстала въ братіи монастыря и что не хотѣли Сергіева старѣйшин-

ныхъ между ними общежитіемъ онъ обнадеживалъ, что послѣднее будетъ имъ болѣе или менѣе ослаблено. Какъ бы то ни было, но притязанія ставили въ очень неловкое положеніе Сергія, и онъ, дождавшись случая, рѣшился на своеобразный выходъ изъ затрудненія. Въ одну субботу въ церкви монастыря шла вечерня: Сергій служилъ и находился въ олтарѣ, а Стефанъ стоялъ на лѣвомъ клиросѣ. Вдругъ послѣдній увидалъ въ рукахъ канонарха книгу, которую этотъ взялъ съ благословенія не его, а Сергія. Съ раздраженіемъ спросилъ онъ канонарха: „кто далъ тебѣ эту книгу“, и, получивъ отъ него отвѣтъ: „игуменъ далъ мнѣ ее“, закричалъ: „кто здѣсь

ства нѣкоторые изъ той же братіи, какъ это и дополняетъ у себя Симонъ Азарьинъ (у него: „не по мнозѣ же времени въ братіи востаетъ молва,... и въ помыслъ нѣкоимъ вложи, яко не хотѣти Сергіева старѣйшинства“). Ниже у Епифанія читается, что митр. Алексій, убѣждая Сергія черезъ своихъ архимандритовъ возвратиться въ его монастырь, говорилъ ему: „а иже досаду тебѣ творящихъ изведу вонъ изъ монастыря, яко да не будетъ ту никогоже пакость творяща ти“,—л. 205 об. Въ лѣтописномъ сокращеніи житія говорится объ удаленіи Сергія изъ монастыря: „потомъ же (по уставленіи Сергіемъ въ монастырѣ общаго житія) врагъ завидѣ ему, научи нѣкоторыхъ не хотѣти Сергія въ старѣйшинахъ“,—Собр. лѣтт. VI, 121.—Въ своихъ сокращеніяхъ Пахомій говоритъ, что преп. Сергій удалился изъ монастыря, ища бо́льшаго уединенія. Митр. Филаретъ въ одномъ изъ своихъ словъ, произнесенныхъ въ день обрѣтенія мощей преп. Сергія, 5-го іюля, говоритъ о нашемъ случаѣ: „въ житіи Богоноснаго Отца нашего Сергія находимъ, что онъ, во время своего игуменства, услышавъ однажды изшедшее изъ устъ брата его Стефана слово любоначалія: *кто єсть Игуменъ на мѣстѣ семъ? не азъ ли прежде сѣдохъ на мѣстѣ семъ?*—немедленно вышелъ изъ обители, чтобы поселиться въ другомъ удаленномъ и сокровенномъ мѣстѣ. Очевидны въ семъ поступкѣ терпѣніе, кротость и смиреніе Святаго. Но вотъ что недоумѣнно: почему не вразумилъ брата онъ по долгу Игумена? Какъ, за одного человѣка, оставилъ онъ всю братію и служеніе, въ которое поставленъ священною властію?—Есть особенные пути Святыхъ, предъ которыми всѣ должны благоговѣть, поелику они особенною благодатію Божіею управлены, и оправданы въ своихъ послѣдствіяхъ; но которымъ не всякой имѣетъ право послѣдовать, потому что было бы дерзновенно, если бы каждый сталъ приписывать себѣ туже благодать. Таковъ случай, теперь разсматриваемый. ...Видѣлъ прозорливый Сергій, что неудобно было прямо обличить любоначальствующаго; потому что въ семъ случаѣ обличеніе было бы препирательствомъ за начальство, и видъ личной распри между Игуменомъ и старшимъ по немъ, и притомъ, между родными братьями по плоти, былъ бы не безъ претыканія и для прочихъ братій обители. Въ сихъ трудныхъ обстоятельствахъ премудрый Старецъ нашелъ средство, не только не положить претыканія съ своей стороны, но и положенный другимъ соблазнъ уничтожить. Онъ никому не сказалъ о поступкѣ брата, и своимъ удаленіемъ отъ начальствованія подалъ и сильнѣйшее врачество противъ страсти любоначалія. Богъ же, оправдывая путь Угодника Своего, чрезъ его добровольное изгнанничество паче прежняго утвердилъ въ любви къ нему братію его первоначальной обители, и возвратилъ его къ ней властію Святителя Алексія“...—изданія Словъ и рѣчей 1882 г. томъ IV, стр. 126, бесѣда о соблазнахъ.

игуменъ? Не я-ли первый сѣлъ на этомъ мѣстѣ?“. И—должно быть—позволилъ себѣ затѣмъ осыпать Сергія болѣе или менѣе сильной бранью, ибо жизнеописатель не находитъ удобнымъ передавать дальнѣйшихъ его рѣчей и ограничивается замѣчаніемъ, что послѣ приведенныхъ словъ онъ „и ина нѣкая изрекъ, ихже не лѣпо бѣ“. Весь крикъ Стефана Сергій слышалъ въ олтарѣ, какъ, конечно, слышали его и братія въ церкви, и ничего не сказалъ. По окончаніи вечерни, дождавшись, когда всѣ разошлись изъ церкви, преподобный вышелъ изъ нея и, не заходя въ свою келью, тайно удалился изъ монастыря: онъ направился (пѣшкомъ, какъ совершалъ всѣ свои путешествія, и недальнія и дальнія) къ своему другу,—преподобному Стефану Махрищскому, монастырь котораго находился въ 30—35 верстахъ на востокъ отъ его собственнаго монастыря (въ нынѣшнемъ Александровскомъ уѣздѣ, Владимирской губерніи, въ 10—12-ти верстахъ на югъ отъ г. Александрова; это—до настоящаго времени существующій Махрищскій монастырь). Сообщивъ Стефану о своемъ намѣреніи построить себѣ новый монастырь, онъ просилъ своего друга дать ему монаха, который бы хорошо зналъ окрестную мѣстность и который бы помогъ ему выбрать мѣсто для монастыря. Обошедши окрестность, онъ выбралъ мѣсто для монастыря на берегу рѣки Киржачи (впадающей въ Клязьму), верстахъ въ 10—12-ти на югъ отъ Стефанова монастыря и верстахъ 45—50-ти на юго-востокъ отъ его собственнаго Троицкаго монастыря.

Троицкая братія, конечно, хватились исчезнувшаго игумена. Догадываясь, что Сергій ушолъ къ Стефану, отправили въ Махрищскій монастырь посла, отъ котораго и узнали, что Сергій былъ въ монастырѣ и ушолъ изъ него и что онъ выбралъ уже мѣсто для построенія себѣ новаго монастыря. Тотчасъ же нѣкоторое количество братіи Троицкаго монастыря рѣшило пойдти къ преподобному, чтобы жить съ нимъ. Вмѣстѣ съ пришедшими онъ поставилъ нѣсколько келлій; а затѣмъ отправилъ къ митрополиту Алексію съ просьбой о дозволеніи построить церковь, причемъ, вѣроятно, дѣло представлено было митрополиту не такъ, чтобы онъ—Сергій бѣжалъ изъ Троицкаго монастыря, давая мѣсто гнѣву, а какъ нибудь болѣе благовидно. Получивъ дозволеніе, преподобный тотчасъ же приступилъ къ строенію церкви, а равно къ устроенію и всего монастыря. Усердно вспомоществуемый окрестными жителями, а равнымъ образомъ и своими почитателями изъ князей и бояръ, онъ скоро построилъ церковь (во имя Благовѣщенія Богородицы) и скоро устроилъ и весь монастырь, учредивъ въ немъ, какъ это само собою должно быть подразумѣваемо, то же общежитіе, что и въ Троицкомъ монастырѣ.

Троицкій монастырь, послѣ Сергіева удаленія изъ него, остался безъ дѣйствительнаго игумена съ фактическимъ или наличнымъ игуменствомъ въ немъ Стефановымъ. Не знаемъ, старался ли Стефанъ о томъ, чтобы стать и дѣйствительнымъ игуменомъ; но братія монастыря, т. е., какъ должно подразумѣвать,—большинство ихъ, рѣшительно и усердно желали, чтобы возвратился къ нимъ преподобный Сергій. Вѣроятно, послѣ напрасныхъ обращеній съ просьбами объ этомъ къ нему самому, братія послали

къ митрополиту Алексію просить, чтобы митрополитъ своею властію заставилъ его возвратиться въ монастырь. Святой Алексій отправилъ къ преподобному Сергію посольство изъ двухъ архимандритовъ съ увѣщаніемъ исполнить просьбу братіи, причемъ обѣщалъ вывести изъ монастыря всѣхъ, творившихъ ему досаду. Сергій не дерзнулъ преслушаться увѣщаній митрополита и возвратился въ Троицкій монастырь, оставивъ въ Киржачскомъ монастырѣ, который поставленъ былъ имъ въ зависимость отъ Троицкаго монастыря, строителемъ ученика своего Романа (Киржачскій Благовѣщенскій монастырь упраздненъ при учрежденіи штатовъ въ 1764-мъ году; оставшіяся послѣ него церкви обращены въ приходскія церкви города Киржача, который образовался изъ подмонастырныхъ слободъ)[1].

Какъ великій праведникъ, преподобный Сергій удостоился отъ Бога дара чудотвореній еще при своей жизни. Вотъ тѣ изъ этихъ чудотвореній, разсказы о которыхъ читаются у жизнеописателя.

Избирая въ пустынѣ мѣсто для обитанія себѣ, преподобный Сергій выбралъ его на берегу маленькой рѣчки. Но такъ какъ вода въ рѣчкѣ была негодна для употребленія[2], то онъ выбралъ такое мѣсто на ней,

---

[1] Въ этомъ эпизодѣ временнаго удаленія преп. Сергія изъ своего монастыря остается съ перваго взгляда непонятнымъ, какъ св. Алексій могъ потерпѣть то, чтобы Сергій вынужденъ былъ основывать себѣ другой монастырь. Нужно думать, что первоначально дѣло было понято св. Алексіемъ (и было представлено ему) такъ, что Сергій удалился изъ своего монастыря, не бывъ вынужденъ къ этому поведеніемъ брата, а имѣя собственное желаніе послѣ основанія одного монастыря основать другой монастырь (каковые примѣры постепеннаго основанія однимъ подвижникомъ нѣсколькихъ монастырей въ старое время были довольно нерѣдки). А поэтому онъ и могъ долгое время не принимать никакихъ мѣръ къ тому, чтобы возвратить Сергія въ его монастырь и оставлялъ настоятелемъ въ послѣднемъ Стефана. Узнавъ, какъ въ дѣйствительности было дѣло, Алексій возвратилъ Сергія въ его монастырь, но вѣроятно, что и съ Стефаномъ онъ обошелся при этомъ не жестоко, ибо старшій братъ Сергіевъ, какъ сказали мы, былъ его соподвижникомъ въ Богоявленскомъ монастырѣ и, по словамъ житія Сергіева, за время соподвижничества въ монастырѣ былъ связанъ съ нимъ узами дружества.—Дальнѣйшихъ извѣстій о Стефанѣ не имѣется. Но есть указанія, заставляющія думать, что онъ примирился съ Сергіемъ и оставался въ его монастырѣ. Епифаній говоритъ, что въ числѣ лицъ, сообщавшихъ ему свѣдѣнія о преп. Сергіи, былъ и Стефанъ, а онъ—Епифаній, какъ должно думать, пришолъ въ монастырь Сергіевъ спустя значительно много времени послѣ нашего эпизода. Впрочемъ, такъ какъ нѣтъ совершенно никакихъ извѣстій о смерти Стефана въ монастырѣ Сергіевомъ, то вѣроятнѣе думать, что онъ скончался не въ немъ (можетъ быть, у сына своего Ѳеодора въ Симоновскомъ монастырѣ).

[2] Въ настоящее время никто въ Посадѣ не беретъ воды изъ рѣчки, а всѣ берутъ ее изъ ключей или источниковъ („кадочекъ“, поставленныхъ на ключахъ) и изъ колодезей; посадскія блинныя, существующія для богомольцевъ, стоятъ на самомъ берегу рѣчки, и воду берутъ не изъ нея, а изъ находящагося подлѣ ней ключеваго колодезя.

гдѣ изъ-подъ берега вытекалъ источникъ или ключъ чистой воды. Спустя то или другое время послѣ основанія монастыря источникъ закрылся (изсякъ), въ слѣдствіе чего монахи оказались вынужденными приносить себѣ воду издалека (должно подразумѣвать—изъ другаго, найденнаго ими, источника или ключа). Это возбуждало ропотъ въ братіи, которая говорила, что преподобный неразсудно поставилъ монастырь на безводномъ мѣстѣ. Преподобный извинялъ себя предъ братіей тѣмъ, что онъ не помышлялъ устроять большаго монастыря, какъ это было угодно Богу, и въ тоже время увѣщавалъ ихъ молиться Богу о водѣ, напоминая имъ, что если Господь изъ камени извелъ воду непокоримымъ людямъ Еврейскимъ, то тѣмъ болѣе не презритъ ихъ, работающихъ Ему день и ночь. Уповая на молитвы братіи, онъ дерзновенно обратился къ чудодѣйственной помощи Божіей. Взявъ съ собою одного брата, онъ сошелъ съ нимъ въ дебрь или низину подъ монастыремъ и, нашедши въ одномъ рву немного дождевой воды, сотворилъ надъ нею усердную молитву; по окончаніи молитвы внезапно явился обильный источникъ воды. Изъ этого обильнаго источника монахи и начали съ того времени пользоваться водой для всякихъ потребностей. Долго онъ назывался Сергіевымъ, но потомъ преподобный, узнавъ, что такъ называютъ его, съ негодованіемъ запретилъ такъ называть, говоря, что не онъ—Сергій далъ воду, но Богъ даровалъ ее[1].

---

[1] О чудесномъ изведеніи преп. Сергіемъ источника Епифаній разсказываетъ съ противорѣчіемъ самому себѣ. Онъ представляетъ въ разсказѣ дѣло такъ, что Сергій поставилъ монастырь на безводномъ мѣстѣ,—что братія, принужденная носить воду издалека, роптала на него за неразсудное поставленіе монастыря на подобномъ мѣстѣ и что это и заставило Сергія обратиться съ молитвою къ Богу о чудодѣйственномъ дарованіи воды. Но выше въ житіи онъ самъ же совершенно ясно говоритъ, что Сергій избралъ мѣсто для монастыря, имущее воду (л. 58),—что, живя въ пустынѣ одинъ, онъ бралъ себѣ воду изъ источника, находившагося близъ его кельи (л. 73 об.) и что, когда собралась къ нему братія, онъ носилъ воду изъ этого источника (л. 92 об.). По сейчасъ сказанному необходимо представлять дѣло такъ, какъ мы его представляемъ, т. е. что мѣсто для обитанія было избрано преп. Сергіемъ при источникѣ, но что потомъ этотъ первоначальный источникъ закрылся. Онъ находился подъ горой, какъ даетъ это знать Епифаній, говоря, что преп. Сергій на гору возносилъ воду (л. 92 об.), и необходимо думать, что находился подъ горой съ запада теперешняго монастыря, такъ какъ подъ горой съ сѣвера было бы очень далеко отъ кельи преп. Сергія, которую въ противномъ случаѣ онъ и поставилъ бы гораздо ближе къ сѣверному оврагу. Гдѣ искать источникъ, чудесно изведенный преп. Сергіемъ, это составляетъ вопросъ. Видѣть его въ такъ называемомъ Пятницкомъ колодезѣ, находящемся близъ Пятницкой церкви, черезъ шоссе отъ нея, какъ принимается этотъ послѣдній колодезь за колодезь преподобнаго Сергія по крайней мѣрѣ съ первой половины XVII вѣка (Палицынъ въ Сказаніи объ осадѣ, глл. 29 и 54, изд. 1784 г. стрр. 102 и 176 fin., и опись монастыря 1641-го года, л. 613: „посторонь Пятницкого монастыря колодязь чюдотворца Сергія, выкладенъ бѣлымъ каменемъ, надъ нимъ шатеръ покрытъ тёсомъ, на шатрѣ крестъ“), представляется весьма мало вѣроятнымъ.

У одного христолюбца, жившаго близъ монастыря и имѣвшаго великую вѣру къ преподобному Сергію, тяжко заболѣлъ единственный сынъ, бывшій малымъ отрокомъ (ребенкомъ). Христолюбецъ, надѣясь на молитвы

Колодезь этотъ, предполагая, что изъ естественнаго источника онъ сдѣланъ искусственнымъ колодеземъ въ позднѣйшее время, находится весьма далеко отъ монастыря и ходьба къ нему по топкой и грязной низинѣ была бы очень затруднительна, а въ весеннее и осеннее время, когда низина должна была превращаться въ настоящее болото, почти и совсѣмъ невозможна (низина позасыпана въ весьма недавнее время, главнымъ образомъ при построеніи странноприимнаго дома въ 1892-мъ году). О колодезѣ этомъ нужно думать, что онъ выкопанъ или для Подольнаго монастыря,—теперешней Пятницкой церкви, или для находившейся подлѣ монастыря богадѣльни (см. въ Путеводителѣ). Если чудесный источникъ преп. Сергія съ теченіемъ времени не закрылся и не исчезъ безслѣдно, что̀ могло случиться, то единственно вѣроятное есть видѣть его въ колодезѣ, который находится за южной стѣной монастыря, въ Пафнутьевомъ саду, нѣсколько наискось къ востоку отъ архіерейскихъ покоевъ, между ними и Луковой башней, въ разстояніи отъ стѣны саженъ 5—6-ти (и бывшая надъ которымъ каменная часовня, къ сожалѣнію, уничтожена при сейчасъ помянутомъ построеніи странноприимнаго дома). У Епифанія говорится, что преп. Сергій, взявъ съ собою одного брата, сошолъ въ дебрь, которая подъ монастыремъ („сниде въ дебрь, яже подъ монастыремъ“). Это указаніе мѣстности идетъ болѣе къ южной сторонѣ, чѣмъ къ западной (на которыхъ на двухъ можетъ быть предполагаемъ источникъ), ибо на западной сторонѣ оврагъ, о нисхожденіи въ которой было бы скорѣе употреблено выраженіе: сошолъ подъ гору, между тѣмъ какъ выраженіе сошолъ въ дебрь правильнѣе или вѣроятнѣе разумѣть о низинѣ, которая и есть на южной сторонѣ. Преподобный Сергій извелъ естественный источникъ или ключъ, а мы говоримъ объ искусственномъ колодезѣ; но естественный источникъ могъ быть обращенъ въ искусственный колодезь чрезъ нѣкоторое его раскопаніе и углубленіе и чрезъ запущеніе въ него сруба, какъ это должно было бы разумѣть и о Пятницкомъ колодезѣ, уже въ позднѣйшее время (читаемое въ одномъ или въ нѣсколькихъ спискахъ Пахоміева сокращенія житія,—какъ указываетъ А. В. Горскій въ Описаніи лавры,—по изд. Леонида въ Чтеніяхъ стр. 5, прим. 2,—будто преп. Сергій не извелъ источникъ, а создалъ чудесно рѣчку Кончуру, должно быть принимаемо за смѣло-неудачный домыслъ или самого Пахомія или—что̀ гораздо вѣроятнѣе—кого-либо изъ позднѣйшихъ, вызванный, очевидно, тѣмъ недоумѣніемъ, что—какъ бы-де люди жаловались на отсутствіе воды, если бы у нихъ была подъ бокомъ рѣчка (если бы монастырь поставленъ былъ на рѣчкѣ; а когда говорится, будто изъ рѣчки начали почерпать воду на всякую потребу, то тутъ просто повторяются слова Епифанія объ источникѣ). Интересующіеся вздорнымъ вопросомъ объ этой, мнимо созданной преп. Сергіемъ, рѣчкѣ, могутъ смотрѣть еще мой отвѣтъ на статью „Странника“: „Московскій академическій историкъ о житіи преп. Сергія“, напечатанный въ 10-й книжкѣ „Богословскаго Вѣстника“ за 1893-ій годъ. И не безсмыслица ли, что преп. Сергій, удовлетворяя нуждѣ братіи въ водѣ, создалъ такую рѣчку, изъ которой нельзя было брать воды, т. е. просто не смѣшно ли усвоять ему созданіе подобной рѣчки?).—Въ лѣтописномъ сокращеніи житія говорится, что монахи должны были приносить воду издалека въ продолженіи семи лѣтъ,—Собр.

преподобнаго, понесъ больнаго къ нему. Но едва онъ вошолъ въ келлію къ нему,—въ то самое время, какъ передавалъ ему свою просьбу, сынъ его испустилъ духъ. Убитый горемъ отецъ, съ сѣтованіями на преподобнаго, что онъ посрамилъ его упованія на него, пошолъ, чтобы принести для ребенка гробъ. Но пока онъ ходилъ, преподобный помолился надъ умершимъ,—и по его молитвѣ дитя ожило. Возвратившемуся съ гробомъ отцу онъ возвѣстилъ, что ребенокъ вовсе не умиралъ, а отъ сильнаго холода,—дѣло, какъ видно, было зимой,—закоченѣвалъ, и что теперь онъ отошолъ, пришолъ въ себя и здоровъ. Хорошо зная, что оставилъ сына умершимъ, отецъ вовсе не повѣрилъ этому и твердо стоялъ на томъ, что умершій ожилъ молитвами преподобнаго. Тогда послѣдній запретилъ ему разглашать о чудѣ подъ опасеніемъ лишиться сына.

Одинъ вельможа, жившій вдали отъ монастыря преподобнаго Сергія, на Волгѣ, подвергся болѣзни жесточайшаго бѣснованія, такъ что должны были укрощать его при помощи цѣпей цѣлые десятки людей. Родственники больнаго, слышавъ о чудесахъ, бывающихъ по молитвамъ преподобнаго, рѣшили везти его къ Сергію въ монастырь. Когда приближались съ больнымъ къ монастырю, послѣдній пришолъ въ страшное неистовство и до того кричалъ: „не хочу туда, не хочу туда“, что опасались, какъ бы отъ крича-нія не сдѣлалось съ нимъ удара. Преподобный Сергій, бывъ извѣщенъ объ этомъ, приказалъ ударить въ било и, когда братія собралась въ церковь, началъ пѣть молебенъ о болящемъ. Во время пѣнія молебна больной мало по малу успокоился, такъ что ввели его въ монастырь. По окончаніи молебна преподобный вышелъ къ нему изъ церкви съ крестомъ, и когда знаменовалъ его крестомъ, онъ отскочилъ въ сторону, бросился въ лужу воды, которая была по близости и—съ той минуты сталъ здоровымъ. Когда потомъ его спрашивали: зачѣмъ онъ бросился въ лужу, онъ отвѣчалъ: „когда преподобный знаменовалъ меня крестомъ, я видѣлъ великій пламень, исходящій отъ него, который всего меня окружилъ и въ которомъ боялся я сгорѣть, а поэтому и бросился въ воду“.

Одинъ человѣкъ, жившій близъ монастыря преподобнаго Сергія, впалъ въ тяжкую болѣзнь, такъ что впродолженіе двадцати дней не ѣлъ и не спалъ. Скорбѣвшіе о больномъ братья его возъимѣли благой помыслъ, что если чрезъ преподобнаго Сергія Богъ творитъ столько чудесъ, то, можетъ

лѣтт. VI, 121. Но такая большая продолжительность времени представляется весьма мало вѣроятною: могъ преп. Сергій долго не рѣшаться на то, чтобы обратиться къ чудодѣйственной помощи Божіей, но въ такомъ случаѣ было простое естественное средство помочь бѣдѣ,—это выкопать колодезь (какъ послѣ и выкопаны были въ монастырѣ два колодезя). Что касается до другого источника или ключа, находившагося въ бо́льшемъ или меньшемъ отдаленіи отъ монастыря, изъ котораго монахи должны были нѣкоторое время брать воду, то со всею вѣроятностію нужно полагать его въ сѣверномъ оврагѣ монастыря, въ которомъ были источники въ XVII вѣкѣ,—Симонъ Азарьинъ о новыхъ чудесахъ, печатн. стр. 10, и въ которомъ найденъ весьма обильный источникъ въ недавнее время.

быть, умилосердится и о нихъ,—и они принесли больнаго къ преподобному, прося его помолиться о немъ. Преподобный сотворилъ молитву надъ больнымъ и покропилъ его святой водой,—и ему тотчасъ же стало легче. Вслѣдъ за симъ онъ впалъ въ продолжительный и глубокій сонъ, послѣ котораго и совсѣмъ почувствовалъ себя здоровымъ.

Близь монастыря преподобнаго жилъ богатый человѣкъ, имѣвшій нравъ лихоимца. Онъ заставилъ одного бѣднаго сосѣда своего уступить ему борова („вепря"), который былъ выкормленъ тѣмъ про себя, и потомъ, заколовъ борова, не хотѣлъ платить за него денегъ. Обиженный бѣднякъ пошолъ жаловаться на него преподобному Сергію, утѣшителю скорбящихъ, заступнику нищихъ, помощнику убогихъ. Преподобный призвалъ къ себѣ обидчика и обратился къ нему съ отеческимъ увѣщаніемъ: „сынъ мой, говорилъ онъ ему, если мы вѣруемъ, что есть Богъ, Судія праведнымъ и грѣшнымъ, отецъ сиротамъ и вдовицамъ, готовый на отмщеніе (за всякій грѣхъ), такъ что страшно впасть въ руцѣ Его,—то какъ не трепещемъ мы грабить и насильствовать и безъ числа творить злое? Не довольствуясь дарованнымъ намъ отъ Его благодати, непрестанно желать чужаго и презирать Его долготерпѣніе? Не видимъ ли мы нашими глазами, что дѣлающіе таковое обнищеваютъ, а домы ихъ пустѣютъ, что память многихъ сильныхъ исчезаетъ, между тѣмъ какъ на томъ свѣтѣ ждетъ ихъ мученіе безконечное?" Отъ этого и многаго другаго, сказаннаго преподобнымъ, обличаемый пришолъ въ такое умиленіе, что не только обѣщался заплатить за взятую у бѣднаго сосѣда свинью, но исправить и всю свою жизнь. Но возвратился онъ домой, умиленіе его прошло,—и онъ забылъ не только о своемъ обѣщаніи исправить всю жизнь, а и заплатить бѣдному сосѣду. Но вотъ входитъ онъ въ свою клѣть и видитъ висящую въ ней свиную тушу всю кишащею червями, хотя время было зимнее. Напалъ на него страхъ и трепетъ за преслушаніе словъ святаго старца; тотчасъ отдалъ онъ долгъ, а къ преподобному Сергію не смѣлъ показываться и на глаза срама ради. Что же касается до выброшеннаго вонъ свинаго мяса, то, по словамъ жизнеописателя, не хотѣли прикасаться къ нему даже звѣри и птицы на обличеніе лихоимцамъ.

Однажды пришолъ въ Москву Греческій епископъ изъ Константинополя. Слушая многіе разсказы о преподобномъ Сергіи, онъ не хотѣлъ вѣрить имъ и говорилъ про себя: „какъ можетъ въ этихъ, т. е. въ Русскихъ, странахъ явиться такой свѣтильникъ, тѣмъ болѣе въ нынѣшнее послѣднее время?" Онъ рѣшился пойдти въ монастырь къ преподобному, чтобы самому видѣть его. Но когда приближался онъ къ монастырю, на него напалъ страхъ; а когда вошолъ онъ въ монастырь и увидѣлъ преподобнаго, на него напала слѣпота. Тогда и неволею исповѣдалъ онъ преподобному свое невѣріе и укоряя себя просилъ у него прозрѣнія. Преподобный прикоснулся къ его зѣницамъ, съ глазъ его спала какъ бы чешуя и къ нему опять возвратилось зрѣніе. Послѣ сего онъ всѣмъ началъ проповѣдывать, что преподобный истинно есть небесный человѣкъ и земной ангелъ.

Вмѣстѣ съ даромъ чудотворенія преподобный Сергій надѣленъ былъ отъ Бога даромъ провидѣнія или прозорливости.

Князь Владимиръ Андреевичъ, въ удѣлѣ и на землѣ котораго, какъ мы говорили, находился Троицкій монастырь, имѣлъ великую вѣру и любовь къ преподобному, по каковой причинѣ не рѣдко посѣщалъ его и снабдѣвалъ его необходимымъ. Одинъ разъ князь послалъ въ монастырь съ однимъ изъ своихъ слугъ различныхъ брашенъ и питій, „въ потѣшеніе, какъ говоритъ жизнеописатель, старцу съ братіями“. Дорогою слуга соблазнился и попробовалъ какъ брашенъ, такъ и питій. Когда пріѣхалъ онъ въ монастырь, преподобный по своей прозорливости узналъ объ его согрѣшеніи и, не принимая отъ него посланнаго княземъ, укорялъ его за то, что онъ, прельщенный врагомъ рода человѣческаго, вкусилъ отъ брашенъ и пилъ отъ питій, которыхъ не надлежало ѣсть и пить прежде благословенія. Послѣ искренняго раскаянія слуги въ своемъ согрѣшеніи преподобный простилъ его.

Одинъ разъ близкій другъ преподобнаго Сергія епископъ Пермскій Стефанъ ѣхалъ изъ своей епархіи въ Москву. Торопясь почему-то скорѣе достигнуть столицы (по всей вѣроятности, это было въ 1390-мъ году, когда Стефанъ могъ торопиться на встрѣчу новоприбывшему митр. Кипріану, пріѣхавшему изъ Константинополя въ Кіевъ въ половинѣ февраля мѣсяца, а изъ Кіева въ Москву въ началѣ марта мѣсяца 1390-го года), онъ рѣшилъ не заѣзжать къ преподобному, съ тѣмъ, чтобы быть у него на возвратномъ пути, и ѣхалъ не тою новою дорогою, которая шла подлѣ монастыря, а тою старою и кратчайшею дорогою, которая шла въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ него. Но все-таки Стефанъ не хотѣлъ проѣхать мимо преподобнаго, не послав ему хотя заочнаго привѣтствія. Когда онъ былъ на дорогѣ противъ Сергіева монастыря, то остановился, сотворилъ „Достойно есть“ и обычную молитву и поклонился въ сторону монастыря съ словами: „миръ тебѣ, духовный брате“. Святой Стефанъ послалъ свое заочное привѣтствіе преподобному Сергію, когда этотъ находился въ трапезѣ, за обѣдомъ. Видѣвъ Стефана духовными очами, Сергій въ свою очередь всталъ за столомъ, немного постоялъ, сотворилъ молитву и поклонился въ его сторону со словами: „радуйся и ты, пастуше Христова стада, и миръ Божій да пребываетъ съ тобою“. Братія видѣли необычайное вставаніе преподобнаго за столомъ и поклоненіе; всѣ удивились этому, а нѣкоторые поняли, что это было не даромъ, а ради какого-либо видѣнія. По окончаніи трапезы братія начали спрашивать преподобнаго о причинѣ его вставанія и поклоненія; онъ отвѣчалъ: „въ тотъ часъ проѣхалъ дорогой къ Москвѣ епископъ Стефанъ и, бывъ противъ нашего монастыря, поклонился святой Троицѣ и насъ смиренныхъ благословилъ“, причемъ указалъ и мѣсто на дорогѣ, на которомъ останавливался Стефанъ. Нѣкоторые изъ братіи, желая удостовѣриться въ словахъ преподобнаго, погнались въ слѣдъ за Стефаномъ и отъ спутниковъ епископа узнали, что дѣйствительно было такъ, какъ говорилъ Сергій. На мѣстѣ, съ котораго благословлялъ Стефанъ Сергія, въ память объ этомъ поставленъ былъ крестъ, надъ которымъ потомъ сооружена была часовня (мѣсто и часовня извѣстны подъ именемъ мѣста и часовни „у креста“), а

въ самомъ Троицкомъ монастырѣ это событіе до сихъ поръ воспоминается такимъ образомъ, что во время обѣдовъ передъ послѣднимъ блюдомъ ударяютъ въ колокольчикъ, братія встаютъ и чередной іеромонахъ возглашаетъ: „молитвами святыхъ отецъ нашихъ, Господи Іисусе Христе, помилуй насъ“.

Жизнеописатель преподобнаго Сергія передаетъ о двухъ видѣніяхъ, которыя были избраннымъ ученикамъ его и въ которыхъ открываемо было послѣднимъ то, до какой степени онъ—Сергій являлъ собою (составлялъ) благодатнаго и святаго человѣка Божія.

Одинъ разъ преподобный служилъ литургію съ братомъ своимъ Стефаномъ и племянникомъ Ѳеодоромъ. Стоявшій въ церкви Исаакій молчальникъ, одинъ изъ совершеннѣйшихъ и строжайшихъ по жизни учениковъ преподобнаго, смотритъ и видитъ не троихъ служащихъ, а четверыхъ; четвертый былъ мужъ весьма чудный, несказанно свѣтлый видомъ и въ ризахъ необычно блистающихся. Исаакій обратился съ недоумѣніемъ къ стоявшему близъ него другому ученику преподобнаго, по имени Макарію. Этотъ также удостоенъ былъ видѣнія и высказалъ догадку, что четвертый служащій, вѣроятно, есть священникъ князя Владимира Андреевича, который былъ тогда въ монастырѣ. Обратились съ вопросомъ къ одному лицу изъ свиты князя и получили отвѣтъ, что съ нимъ не было никакого священника. Тогда Исаакій и Макарій поняли, что они видѣли ангела Божія, сослужившаго преподобному Сергію. По окончаніи службы, дождавшись времени, когда могли говорить съ преподобнымъ наединѣ, они приступили къ нему съ спросомъ о четвертомъ, служившемъ съ нимъ, и получили отъ него признаніе, подъ условіемъ храненія тайны до его смерти, что дѣйствительно то былъ ангелъ Божій, который сослужитъ ему постоянно, каждую литургію.

Въ другой разъ сподобился чуднаго видѣнія третій ученикъ преподобнаго Сергія, равный по строгости жизни Исаакію, екклесіархъ или уставщикъ Симонъ. Во время совершенія преподобнымъ литургіи онъ „видитъ огнь ходящій по жертвеннику, осѣняющій олтарь и кружащійся вокругъ святыя трапезы; а когда святой хотѣлъ причаститься, тогда божественный огнь свился какъ нѣкоторая плащаница и вошолъ въ святой потиръ, и такъ преподобный причастился“. Видѣніе привело Симона въ ужасъ и трепетъ. Вышедъ по окончаніи службы изъ жертвенника, преподобный понялъ по его лицу, что съ нимъ случилось нѣчто необычайное. На свой вопросъ къ нему объ этомъ получивъ отъ него отвѣтъ, что „видѣлъ благодать Святаго Духа, дѣйствующую съ тобою“, преподобный запретилъ ему говорить кому либо о семъ при его жизни.

Начавъ съ уединеннаго подвижничества въ пустынѣ, чего у насъ дотолѣ не было видано, продолживъ тѣмъ, чтобы ввести въ своемъ монастырѣ общежитіе, что̀ составляло ни болѣе ни менѣе, какъ преобразованіе нашего монашества, проводя жизнь возможно совершеннѣйшимъ аскетомъ и возможно достоблаженнымъ святымъ старцемъ, преподобный Сергій явился на духовномъ небѣ нашей церкви совсѣмъ необычайно свѣтлою

звѣздою и потому привлекъ къ себѣ удивленные взоры всѣхъ. Величайшая слава его не ограничилась предѣлами одного Московскаго княжества, но распространилась по всей Русской землѣ, такъ что въ немъ видѣли не мѣстнаго только Московскаго подвижника, а подвижника Всероссійскаго. „Слава же и слышаніе, говоритъ его жизнеописатель, пронесеся о немъ повсюду..., вси имѣяху его яко единаго отъ пророкъ". Что это дѣйствительно было такъ, въ томъ убѣждаютъ насъ наши лѣтописи: въ видѣ единственнаго исключенія по отношенію къ святымъ почти во всѣхъ ихъ читается запись о кончинѣ преп. Сергія, а въ нѣкоторыхъ изъ нихъ предлагаются и нарочитыя о немъ сказанія (и сдѣлана безпримѣрная по отношенію къ кому бы то ни было запись о постигшей его въ 1375-мъ году тяжкой болѣзни).

Святый митрополитъ Алексій желалъ было видѣть преподобнаго Сергія своимъ преемникомъ на каѳедрѣ Русской митрополіи.

У великаго князя Дмитрія Ивановича Донскаго былъ предъизбранъ въ преемники святому Алексію архимандритъ его придворнаго Спасскаго монастыря (что нынѣ дворцовый соборъ Спаса на Бору) Михаилъ, по прозванію Митяй, котораго онъ любилъ столько же, сколько царь Алексѣй Михайловичъ любилъ Никона, и который, представляя собою человѣка необыкновеннаго, былъ исполненъ столькихъ же достоинствъ, какъ и послѣдній, если даже не большихъ, не имѣвъ при томъ крупныхъ недостатковъ послѣдняго. Но онъ, по тѣмъ или другимъ причинамъ (входить въ пространныя рѣчи о которыхъ здѣсь не мѣсто), не совсѣмъ нравился святому Алексію и этотъ предпочиталъ ему Сергія. Митрополитъ призвалъ Сергія изъ его монастыря въ Москву. Когда преподобный явился къ нему, онъ началъ свою бесѣду съ нимъ тѣмъ, что приказалъ принести митрополичій парамандъ съ золотымъ крестомъ и сказалъ, что хочетъ одарить его этимъ парамандомъ [1]. Не понимая значенія дара и отказываясь отъ него, преподобный съ смиреннымъ поклономъ сказалъ: „прости меня, владыка,—отъ юности моей не былъ златоносцемъ, тѣмъ болѣе хочу пребывать въ нищетѣ въ лѣта старости". Тогда святой Алексій уже прямо сказалъ Сергію, что даетъ ему парамандъ, какъ нѣкоторое обрученіе святительству и что желаетъ оставить его по себѣ своимъ преемникомъ. Для смиреннаго преподобнаго Сергія, которому и въ помыслъ никогда не приходило архіерейство, предложеніе святаго Алексія было крайне неожиданнымъ и онъ приведенъ былъ имъ въ величайшее смущеніе. Пришедши въ себя, онъ отвѣчалъ на него сколько смиреннымъ, столько же и рѣши-

[1] Въ древнее и старое время у архіереевъ нашихъ кромѣ параманда монашескаго, который носится по рубашкѣ, былъ еще парамандъ служебный, который при богослуженіи надѣвался ими на стихарь или подризникъ. Этотъ послѣдній парамандъ и разумѣется въ нашемъ случаѣ. См. о немъ Проскинитарій Суханова,—Сунодальн. ркп. № 574 л. 313 об., Казанск. изд. стр. 230 прим.; архим. *Леонида* Описаніе рукописей Московск. дух. академіи, вып. I, стр. 166 fin.; *преосв. Саввы* Пояснительный словарь къ Указателю патріарш. ризницы, подъ сл. парамандъ.

тельнымъ отказомъ. А когда святой Алексій хотѣлъ было настаивать, онъ отвѣчалъ, что принужденъ будетъ бѣжать куда-либо въ пустыню. Святой Алексій прекратилъ настоянія и отпустилъ преподобнаго съ миромъ въ его монастырь.

Съ архимандритомъ Михаиломъ, которому святой Алексій далъ потомъ свое благословеніе на митрополію, у преподобнаго Сергія вышло было недоразумѣніе безъ вины котораго либо изъ нихъ. У Михаила хотѣлъ восхитить митрополичій престолъ епископъ Суздальскій Діонисій, намѣревавшійся съ сею цѣлію предупредить его путешествіемъ въ Константинополь. Великій князь велѣлъ держать епископа въ заключеніи, пока не отправится въ Константинополь и не будетъ поставленъ въ митрополиты Михаилъ. Но Діонисій перехитрилъ великаго князя. Онъ началъ проситься у него на свободу, увѣряя, что не поѣдетъ въ Константинополь, а поручителемъ по себѣ давалъ находившагося съ нимъ въ пріязненныхъ отношеніяхъ преподобнаго Сергія. Преподобный Сергій въ простотѣ своей дѣйствительно поручился по Діонисіи, послѣ чего великій князь, полагаясь на его поручительство, выпустилъ епископа на свободу. Но Діонисій не успѣлъ добраться до своего Суздаля, какъ переправился изъ него въ свой Нижній Новгородъ, а изъ этого послѣдняго, выдавая своего поручителя, спѣшно побѣжалъ Волгой въ Константинополь. Михаилъ думалъ, что преподобный Сергій былъ въ заговорѣ съ Діонисіемъ, почему и воспылалъ противъ него за его мнимо безчестный поступокъ сильнымъ гнѣвомъ и грозилъ разорить его монастырь. Если бы не постигла Михаила скорая смерть, то, нѣтъ сомнѣнія, недоразумѣніе разъяснилось бы и онъ примирился бы съ преподобнымъ Сергіемъ, хотя и былъ значительно инаго духа, чѣмъ сей послѣдній[1].

Смиренно признавая себя недостойнымъ служить церкви въ качествѣ епископа, а тѣмъ болѣе митрополита, преподобный Сергій не отказывался служить отечеству, насколько это было возможно для него, какъ для инока.

Само собою понятно, что преподобный могъ быть призываемъ на служеніе отечеству только послѣ того, какъ прославился и пріобрѣлъ нравственный авторитетъ въ качествѣ подвижника. Прославленнымъ подвижни-

---

[1] Существующія въ нашей церковной исторіи обыкновенныя представленія о Михаилѣ, какъ о весьма недоброкачественномъ выскочкѣ, совершенно неосновательны. Напротивъ, это былъ человѣкъ замѣчательнѣйшій, помышлявшій было о коренномъ исправленіи нашего духовенства, о чемъ, сколько знаемъ, помышляли изъ митрополитовъ только двое—Ѳеодосій и Макарій. Михаила очернилъ передъ потомствомъ митр. Кипріанъ, у котораго онъ восхитилъ было каѳедру митрополіи (и которому должно быть усвояемо хулительное сказаніе о немъ, читаемое въ Никоновской лѣтописи). Послѣ отказа преп. Сергія, св. Алексій далъ Михаилу свое благословеніе, какъ это извѣстно документальнымъ образомъ. Входить здѣсь въ пространныя рѣчи о Михаилѣ считаемъ неумѣстнымъ и неудобнымъ.—Самъ митрополитъ Кипріанъ послѣ смерти св. Алексія (12 февраля 1378 г.) искалъ было содѣйствія преп. Сергія и его племянника Ѳеодора въ занятіи въ Москвѣ каѳедры митрополичьей.

комъ онъ сталъ къ княженію Дмитрія Ивановича Донскаго, въ годы правленія котораго (1362—1389) дѣйствительно мы и видимъ его оказывающимъ свои услуги отечеству. Но кромѣ того, чтобы въ отдѣльныхъ случаяхъ обращаться къ помощи его нравственнаго авторитета и къ содѣйствію его молитвъ, великій князь Дмитрій Ивановичъ вообще хотѣлъ имѣть его усерднымъ молитвенникомъ о своемъ домѣ, для каковой цѣли вступилъ съ нимъ въ родство духовнаго соотчества или кумовства, приглашая его крестить своихъ сыновей (преподобный Сергій крестилъ у Дмитрія Ивановича двухъ сыновей: Юрія въ 1374-мъ году и Петра въ 1385-мъ году; крестилъ онъ также одного сына и у Владимира Андреевича,—Іоанна въ 1381-мъ году). Съ своей стороны преп. Сергій для нарочитыхъ молитвъ о великомъ князѣ поставилъ въ своемъ монастырѣ, на святыхъ его воротахъ, церковь въ честь ангела государева—великомученика Солунскаго Димитрія.

Что касается до отдѣльныхъ случаевъ, когда преподобный употребляемъ былъ на служеніе отечеству, то ихъ извѣстно два.

Въ 1365-мъ году поссорились между собою князья Суздальскіе Дмитрій и Борисъ Константиновичи изъ-за того, что младшій братъ захватилъ Нижній-Новгородъ, оставшійся послѣ третьяго умершаго брата, и не хотѣлъ уступать его старшему брату. Дмитрій обратился съ жалобой на Бориса къ великому князю Московскому Димитрію Ивановичу и къ митрополиту Алексію, который въ малолѣтство великаго князя (родившагося въ 1350-мъ году) былъ правителемъ государства. Великій князь и митрополитъ хотѣли заставить младшаго брата удовлетворить требованію старшаго брата безъ вмѣшательства оружія и для сей цѣли отправили въ Нижній-Новгородъ къ Борису преподобнаго Сергія, при чемъ митрополитъ поручилъ Сергію, въ случаѣ упорства Бориса, затворить въ Нижнемъ всѣ церкви или наложить на городъ церковное отлученіе. Однако надежда великаго князя и митрополита обойтись безъ вмѣшательства оружія оказалась напрасной: Борисъ не внялъ увѣщаніямъ Сергія и даже не хотѣлъ покориться и послѣ того, какъ этотъ, согласно порученію митрополита, затворилъ въ Нижнемъ церкви (онъ покорился, когда вслѣдъ затѣмъ было выслано противъ него Московское войско)[1].

Противъ великаго князя Дмитрія Ивановича упорно враждовалъ Рязанскій князь Олегъ Ивановичъ, остававшійся единственнымъ изъ Русскихъ удѣльныхъ князей, котораго великій князь не привелъ подъ свою руку. То поражаемый Дмитріемъ Ивановичемъ, то самъ нанося ему пораженія, Олегъ Ивановичъ въ 1385-мъ году своей побѣдой надъ Московскимъ войскомъ поставилъ великаго князя въ такое положеніе, что этотъ нашелъ за благое искать съ нимъ примиренія. Посылали къ Рязанскому князю нѣсколькоословъ съ предложеніемъ мира, и все напрасно; наконецъ, великій князь рѣшилъ послать къ нему самого, какъ выражается лѣтописецъ, преподобнаго игумена Сергія Радонежскаго. Путешествіе Сергіево

[1] См. Никон. лѣт. IV, 9; Софійск. лѣт. въ Собр. лѣтт. V, 230, и Воскресенск. лѣт. ibid. VIII, 13.

къ Олегу было совершенно благоуспѣшно. Лѣтописецъ говоритъ о немъ: „преподобный игуменъ Сергій, старецъ чудный, тихими и кроткими словесы и рѣчьми и благоувѣтливыми глаголы, благодатію, данною ему отъ Святаго Духа, бесѣдовалъ съ нимъ (княземъ Олегомъ) о пользѣ душевной и о мирѣ и о любви; князь же великій Олегъ преложи свирѣпство свое на кротость и утишись и укротись и умились вельми душею, устыдѣбось толь свята мужа, и взялъ съ великимъ княземъ Дмитріемъ Ивановичемъ вѣчный миръ и любовь въ родъ и родъ“ [1].

Имя преподобнаго Сергія неразрывно связано съ знаменитой, рѣшившей судьбу Россіи, Куликовской или Донской побѣдой Дмитрія Ивановича надъ Мамаемъ. Ожидая страшнаго нашествія хана, великій князь всего болѣе возлагалъ упованіе на милость Божію, причемъ преподобный Сергій былъ его усерднѣйшимъ споспѣшникомъ. Еще за годъ до нашествія государь основалъ руками преподобнаго монастырь, чтобы собрать въ него нарочитыхъ молитвенниковъ о побѣдѣ надъ врагомъ (Стромынскій или Дубенскій, во имя Успенія Божіей Матери, находившійся въ 50-ти верстахъ на сѣверовостокъ отъ Москвы, при селеніи Стромыни, на рѣчкѣ Дубенкѣ, впадающей въ рѣку Шерну, притокъ рѣки Клязьмы [2], въ настоящее время несуществующій) [3]. Отправляясь на битву съ ханомъ, Дмитрій Ивановичъ въ сопровожденіи князей, бояръ и воеводъ пріѣзжалъ къ преподобному Сергію въ его монастырь, чтобы помолиться вмѣстѣ съ нимъ о побѣдѣ и получить отъ него напутственное благословеніе. Великій князь пріѣзжалъ къ преподобному на спѣхъ,—за день или въ самый день своего выхода изъ Москвы противъ непріятеля (онъ былъ у Сергія 18-го августа, а 20-го августа онъ выступилъ уже не изъ Москвы, а изъ Коломны), такъ что хотѣлъ отбыть изъ монастыря тотчасъ по окончаніи преподобнымъ молебствованія, тѣмъ болѣе, что во время пѣнія преподобнымъ молебна къ нему (государю) пригоняли вѣстники съ докладами о движеніи непріятеля и съ предупрежденіемъ торопиться. Но преподобный, обнадеживая великаго князя помощью Господа Бога и Пречистой Богородицы, умолилъ его ѣсть хлѣба въ монастырской трапезѣ. По окончаніи трапезованія онъ благословилъ великаго князя крестомъ и окропилъ святою водою и снова обнадежилъ помощію, милостію и славою отъ Господа Бога,

---

[1] Никон. лѣт. IV, 148.

[2] См. объ этомъ монастырѣ, который большею частію смѣшивается съ Дубенскимъ Шавыкинскимъ и о построеніи котораго не говоритъ Епифаній, статью *графа М. В. Толстаго* „Нѣсколько словъ объ Успенскомъ Дубенскомъ монастырѣ“, помѣщенную въ Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей Росс., 1860 г. кн. I; также его же статью: „Память объ Успенскомъ Дубенскомъ монастырѣ“, помѣщенную въ Душеполезномъ Чтеніи 1877 года, ч. II стр. 245 (въ Исторіи іерархіи различаются монастыри Дубенскій Стромынскій и Дубенскій Шавыкинскій: о первомъ—VI, 333, о второмъ—VI, 61). Стромынскій монастырь приписанъ къ лаврѣ грамотой царя Михаила Ѳеодоровича отъ 30 ноября 1616 г.,—Лѣтопись занят. Археогр. Комм. т. V, отд. IV, стр. 55, б).

[3] Въ игумены монастыря былъ поставленъ Сергіемъ ученикъ его Леонтій.

Пречистой Богородицы и всѣхъ святыхъ. Великій князь началъ просить у преподобнаго двухъ его монаховъ—Пересвѣта и Ослябу, которые, принадлежавъ въ міру къ сословію воинскому, были вѣдомые всѣмъ ратники великіе и богатыри крѣпкіе и люди весьма смысленные къ воинскому дѣлу и наряду. Преподобный повелѣлъ монахамъ тотчасъ же готовиться въ путь, а они съ своей стороны отъ всей души изъявили готовность сотворить послушаніе. Вмѣсто шлемовъ тлѣнныхъ онъ возложилъ на ихъ головы шлемы нетлѣнные—святую схиму, съ нашитыми на ней крестами, и заповѣдалъ имъ крѣпко поборать по Христѣ на враговъ его. Послѣ сего онъ еще благословилъ крестомъ и окропилъ святою водою великаго князя, всѣхъ князей и бояръ и воеводъ его и еще сказалъ ему: „Господь Богъ будетъ тебѣ помощникомъ и заступникомъ, Онъ побѣдитъ супостатовъ твоихъ и прославитъ тебя“ [1]. Страшно было войско, приведенное Мамаемъ

[1] Никон. лѣт. IV, 98 fin. sqq.—Александръ Пересвѣтъ въ мірѣ былъ бояриномъ Брянскимъ, а Иродіонъ Ослябя или Ослебя въ мірѣ былъ бояриномъ Любутскимъ (городъ Любутскъ, въ настоящее время село Любутское,—въ 48 верстахъ отъ Калуги при впаденіи рѣчки Любути въ Оку). По разсказамъ о Мамаевомъ побоищѣ, Пересвѣтъ палъ въ единоборствѣ съ Татарскимъ богатыремъ передъ началомъ сраженія (палъ такъ, что вмѣстѣ съ нимъ палъ и его противникъ: „ударишась крѣпко, толико громко и сильно, яко землѣ потрястися, и спадоша оба на землю мертвіи“),—Никон. лѣт. IV, 113. Что Ослябя остался живъ въ битвѣ и оставался живымъ по крайней мѣрѣ до 1398 г., см. Описаніе лаврскихъ рукописей № 252 (приписка на рукописи) и у Карамзина т. V прим. 230. Тѣло Пересвѣта, привезенное съ поля битвы въ Москву, было погребено у племянника Сергіева въ Симоновскомъ монастырѣ (первоначальномъ въ честь Рождества Богородицы, церковь котораго въ настоящее время есть приходская церковь Симоновской слободы, см. ниже о построеніи Симоновскаго монастыря. Преданіе, что вмѣстѣ съ Пересвѣтомъ погребенъ въ Симоновскомъ монастырѣ и Ослябя,—Карамз. V, прим. 82, явилось, можетъ быть, просто потому, что послѣдній, какъ это говорится въ сказаніяхъ о Мамаевомъ побоищѣ, считался павшимъ въ битвѣ вмѣстѣ съ первымъ).—Мы уже говорили выше, что житіе Епифанія въ редакціи Пахоміевой совершенно умалчиваетъ о Пересвѣтѣ и Ослябѣ. Чѣмъ объяснять это умолчаніе, не можемъ сказать, но едва ли тѣмъ, чтобы современныя Пахомію власти Троицкаго монастыря относились неодобрительно къ поступку преп. Сергія, пославшаго своихъ монаховъ сражаться. Весьма возможно, что умолчаніе есть просто случайный пропускъ, происшедшій отъ недосмотра. Въ извлеченіи изъ подлиннаго житія Епифанія, читаемомъ въ Никоновской лѣтописи, говорится о Пересвѣтѣ и Ослябѣ: „и даде ему (вел. князю) изъ монастыря своего, изъ братіи своея, два инока, Пересвѣта и Ослебя, зѣло умѣющихъ ратному дѣлу и полки уставляти, еще жъ и силу имущихъ и удалство веліе и смѣлство“,—IV, 235. Болѣе подробно, какъ передано нами въ текстѣ, говорится о нашихъ инокахъ-воинахъ въ Повѣсти о Мамаевомъ побоищѣ,—Никон. лѣт. IV, 99. О посѣщеніи преп. Сергія Дмитріемъ Ивановичемъ у Епифанія говорится кратко и не нарочитою рѣчью, а по поводу основанія преподобнымъ Дубенскаго (Шавыкинскаго) монастыря; болѣе подробно, какъ у насъ въ текстѣ,—въ той же Повѣсти о побоищѣ (всѣхъ сказаній о Мамаевомъ побоищѣ три: 1) лѣтописная запись,—въ Собр.

для битвы: оно простиралось до огромнаго числа четырехсотъ тысячъ человѣкъ. Когда Русскіе увидѣли несмѣтныя полчища Татарскія, то многіе изъ нихъ объяты были невольнымъ страхомъ. Но преподобный Сергій прислалъ на поле битвы своего борзоходца съ своею благословенною грамотою, въ которой писалъ великому князю: „безъ всякаго сомнѣнія, государь, иди противъ нихъ, и, не предаваясь страху, твердо надѣйся, что поможетъ тебѣ Господь“[1]. Во время битвы, при началѣ которой славно пожертвовалъ жизнію одинъ изъ двухъ Сергіевыхъ иноковъ-воиновъ, именно—Пересвѣтъ (выступившій на единоборство съ Татарскимъ богатыремъ и павшій вмѣстѣ съ симъ послѣднимъ), преподобный съ своей братіей усердно молился Богу о дарованіи одолѣнія на поганыхъ нашему воинству

лѣтт. IV, 75; VI, 90; VIII, 34, и Типографск. лѣт. стр. 152 fin.; 2) Повѣсть или повѣданіе о побоищѣ, читаемое въ Никоновской лѣтописи,—IV, 86, и въ Лѣтописи о мятежахъ,—II, 127, и напечатанное еще въ Русскомъ историческомъ сборникѣ Общества Исторіи и Древностей Росс.,—III, 1; 3) Слово о задонщинѣ, напечатанное во Временникѣ Общ. Ист. и Древн. Росс. кн. XIV, въ Извѣстіяхъ Акад. Н.,—VI, 337 и VII, 96, и въ Учен. Зап. А. Н.,—V, III, 57. См. *Срезневск.* Русскіе памятники письма и языка подъ 1380-мъ годомъ; объ иномъ раздѣленіи сказаній см. у *Порфирьева* въ Исторіи русской словесности. Подробный разборъ сказаній о Мамаевомъ побоищѣ—въ статьѣ *С. П. Тимоѳеева:* „Сказанія о Куликовской битвѣ“, напечатанной въ августовской и сентябрьской книжкахъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1885-й годъ. См. также статью Назарова здѣсь же, ч. XCIX (Иконниковъ стр. 1281, прим. 1), у Буслаева въ Христоматіи col. 1311, у Е. В. Барсова въ Словѣ о полку Игоревомъ т. I, стр. 435; С. К. Шамбинаго „Повѣсти о Мамаевомъ побоищѣ“—Журн. Мин. Нар. Прос. 1902 г. и въ Сборникѣ отдѣленія русс. языка и словесности Импер. Академіи Наукъ, т. 81, Спб. 1906 г.).—Василій Ивановъ Пересвѣтовъ—боярскій сынъ у митр. Даніила. Акты Истор. т. I, № 129, стр. 191.—Въ недавнее время объявился напрестольный крестъ, на окладѣ котораго читается надпись: „симъ крестомъ благословилъ преподобный игуменъ Сергій князя Дмитрія на погана царя Мамая и рекъ: симъ побѣждай врага. Въ лѣто 1380 августа 27 дня“ (въ настоящее время крестъ находится въ музеѣ Кіевской духовной академіи). Не можетъ подлежать сомнѣнію, что крестъ этотъ есть фальсификація: преп. Сергій могъ благословить великаго князя въ смыслѣ даренія крестомъ тѣльнымъ, но съ какой бы стати онъ благословилъ его крестомъ напрестольнымъ? Послѣднимъ крестомъ преподобный нѣсколько разъ благословилъ государя въ смыслѣ осѣненія и поднесенія къ цѣлованію. Надпись на крестѣ (сдѣланная не особенно искуснымъ филологомъ и археологомъ) не древнѣе XVIII-го вѣка, а очень можетъ быть, что даже XIX-го вѣка; а 27-е августа, служащее къ изобличенію фальсификатора, неудачно взято изъ Синопсиса Иннокентія Гизеля.—У царя Ивана Васильевича въ Казанскомъ походѣ былъ водруженъ на хоругви животворящій крестъ, бывшій у Дмитрія Ивановича Донскаго въ Куликовской битвѣ,—Никоновская лѣтопись VII, 151; но, конечно, не крестъ напрестольный, а княжескій нагрудный (большой тѣльный).

[1] Епифаній, л. 242, и лѣтописная запись о побоищѣ, указанная въ предшествующемъ примѣчаніи.

и, видѣвъ ходъ битвы духовными очами, возвѣстилъ братіи при ея концѣ, что Господь даровалъ преславную побѣду великому князю.

По возвращеніи въ Москву съ битвы Дмитрій Ивановичъ не замедлилъ предпринять поѣздку къ преп. Сергію, чтобы благодарить его за данный имъ совѣтъ противостать Мамаю и за его молитвы и чтобы совершить съ нимъ поминовеніе убіенныхъ на брани воиновъ. Епифаній говоритъ объ этомъ посѣщеніи Дмитріемъ Ивановичемъ преп. Сергія: „и не замедлено (по возвращеніи въ Москву) пріиде (великій князь) къ старцу святому Сергѣю, благодать (благодарность) воздая ему о добромъ совѣщаніи и всесилнаго Бога славяше и о молитвахъ благодаряше старца и братію, въ веселіи сердца бывшая вся исповѣдаше, како возвеличи Господь милость свою на немъ, и милостыню многу въ монастырь вдасть". О поминовеніи убіенныхъ воиновъ пѣніемъ заупокойной литургіи и паннихиды говорятъ сказанія о Мамаевомъ побоищѣ[1]. Создавъ руками преп. Сергія

[1] Обыкновенно принимается, что Дмитріемъ Ивановичемъ Донскимъ установлено поминовеніе въ Димитріевскую субботу, какъ нарочитое поминаніе по воинахъ, павшихъ въ Куликовской битвѣ. Однако, это очень сомнительно. Достовѣрныхъ свидѣтельствъ, чтобы поминаніе Димитріевской субботы было установлено Дмитріемъ Ивановичемъ, вовсе нѣтъ (не причисляемъ къ такимъ свидѣтельствамъ народнаго стиха о Дмитріевской субботѣ, который см. въ „Калѣкахъ перехожихъ" *Безсонова*, I, № 156), а между тѣмъ записи объ этомъ поминаніи говорятъ вовсе не о поминаніи воиновъ, павшихъ въ Куликовской битвѣ, а объ обыкновенномъ „вселенскомъ" или годовомъ поминаніи всѣхъ православныхъ христіанъ. Дмитріевъ день—поминовенный день въ Новгородѣ въ половинѣ XV в., Мелетія Описаніе Соловецк. мон. (въ сборникѣ № 10) стр. 7 fin. Въ Троицкомъ лаврскомъ столовомъ обиходникѣ первой половины XVI вѣка подъ 20-мъ октября записано: „кормъ монастырской по всей братіи въ обители сей преставльшихся, а кормятъ въ субботу въ Дмитріевскую", см. обиходникъ въ приложеніяхъ *архим. Леонида* къ Описанію лавры А. В. Горскаго въ сдѣланныхъ имъ изданіяхъ сего послѣдняго. Въ уставѣ Волоколамскаго монастыря относительно поминовенія вкладчиковъ и трапезы братіи, относящемся къ той же первой половинѣ XVI вѣка, записано о Димитріевской субботѣ: „въ субботу Дмитровскую (память) по преподобнѣмъ отцѣ нашемъ начальницѣ святыя обители сея игуменѣ Іосифѣ и по всей братіи",—Волокол. ркп. № 681, л. 16 об. fin.. Въ указѣ о трапезѣ Тихвинскаго монастыря, написанномъ въ 1590-мъ году, относительно чиселъ октября 19—25 предписывается: „аще случится въ сихъ числѣхъ суботный день, творимъ память отцемъ и братіамъ нашимъ и всѣмъ православнымъ христіаномъ",—Дополн. къ Акт. Ист. т. I, № 135, стр. 222. Тоже въ Троицкомъ лаврскомъ обиходникѣ 1645-го года,—Лаврск. ркп. № 249, л. 171 обор., и въ сводномъ уставѣ Троицкаго и Кириллова Бѣлозерскаго монастырей, относящемся къ одному и тому же времени съ обиходникомъ,—Опис. сунодд. ркпп. *Горск.* и *Невостр.* № 400, л. 30 об. (мѣсто, одно и то же въ обиходникѣ и описаніи, приведено въ послѣднемъ). Въ патріаршемъ уставѣ Московскаго Успенскаго собора читается подъ 23-мъ октября, относящаяся ко второй половинѣ XVII вѣка, запись: „предъ памятію святаго великомученика Димитрія въ пятокъ вечера бываетъ паннихида по всѣхъ православныхъ христіанѣхъ",—Вивліоѳ. X, 68. Въ одномъ лаврскомъ синодикѣ

монастырь при испрошеніи побѣды на врага, великій князь создалъ теперь, въ благодареніе Богу за дарованную великую побѣду, руками того же преподобнаго другой монастырь (Дубенскій Шавыкинскій или Дубенскій,

---

XVII вѣка записаны воины, побіенные отъ Мамая (№ 818, л. 196), но относительно времени ихъ поминовенія ничего не сказано. Такъ какъ у Грековъ нѣтъ Димитріевской поминовенной субботы, то слѣдуетъ, что у насъ она не отъ нихъ. (Но нѣтъ ли ея у нихъ? Павелъ Алеппскій въ описаніи путешествія патр. Макарія говоритъ, что Греки „вездѣ, гдѣ бы они ни были, соблюдаютъ Дмитровскій постъ, начиная съ перваго октября, и воздерживаются совершенно отъ скоромной пищи до дня празднества святаго", см. въ Чтен. Общ. Ист. и Древн. Росс. 1886 г. кн. IV, стр. 18. Постъ, если онъ дѣйствительно есть, не кончается ли нарочитымъ поминовеніемъ родителей въ Дмитріевскую субботу вмѣсто обыкновеннаго поминовенія каждой субботы?).—Можно и очень вѣроятно было бы приписывать ея установленіе свв. Константину и Меѳодію, первоучителямъ Славянскимъ, которые, бывъ урожденцами Солуни, могли обратить мѣстный Солунскій обычай поминать родителей передъ городовымъ, такъ сказать, праздникомъ Солуни, каковъ праздникъ ея патрона великомученика Димитрія, въ общій обычай Славянскихъ народовъ, у которыхъ они проповѣдывали. Но, какъ кажется, Димитріевской субботы у другихъ Славянъ нѣтъ. Замѣчательно, что въ старѣйшихъ Лаврскихъ обиходникахъ столовыхъ,—второй половины XV—первой половины XVI вѣка, нѣтъ Дмитріевской субботы, см. у *архим. Леонида* въ прибавленіяхъ къ Описанію лавры А. В. Горскаго № обиходниковъ I и въ Дополн. къ Акт. Истор. т. I, № 135, стр. 216. Этимъ какъ будто дается знать, что въ лаврѣ совершеніе поминовенія въ Димитріевскую субботу ввелось не скоро. Вообще, вопросъ о Дмитріевской субботѣ пока остается нерѣшоннымъ и, какъ говорятъ, открытымъ вопросомъ (желающіе могутъ читать еще о Димитріевской субботѣ у *И. М. Снегирева* въ сочиненіи: Русскіе простонародные праздники,—IV, 106, и у преосв. *Димитрія (Самбикина)* въ Мѣсяцесловѣ Русскихъ святыхъ, 1-го изд. вып. I, стр. 125 fin).—А. Н. Муравьевъ спрашивалъ о Димитріевской субботѣ митр. Филарета и Филаретъ въ отвѣтъ на вопросъ писалъ Муравьеву: „о Дмитріевой субботѣ постановленія не знаю, кромѣ преданія нашего Русскаго; можетъ быть, поминовеніе преподобнымъ Сергіемъ падшихъ на Мамаевой битвѣ было началомъ общаго поминовенія"..., см. Письма митрополита Московскаго Филарета къ А. Н. М... Кіевъ, 1869, № 121, стр. 168.—(Мы сказали, что у другихъ Славянъ какъ будто нѣтъ Димитріевской субботы; но поминовеніе умершихъ предъ Дмитріевымъ днемъ есть и у Болгаръ, см. Словарь Срезневскаго, сл. Задушне. Въ Россіи она есть не только у Великороссовъ, но и у Малороссовъ и Бѣлоруссовъ, см. изданіе *Н. В. Закревскаго*: Старосвѣтскій Бандуристъ, М. 1860, въ Словарѣ малороссійскихъ идіомовъ сл. Гробовище, стр. 306 нач., и Историческое описаніе Минской епархіи *архим. Николая,* Спб. 1864, стр. 312; а это говоритъ противъ ея учрежденія Дмитріемъ Ивановичемъ Донскимъ и заставляетъ относить ее къ тому болѣе древнему времени, когда еще вся Русь составляла одно цѣлое.—У католиковъ и у протестантовъ 1-го ноября новаго стиля—праздникъ omnium sanctorum, т. е. всѣхъ святыхъ, а 2-го ноября commemoratio omnium pie defunctorum, т. е. всѣхъ благочестиво усопшихъ. Но 2-е ноября новаго стиля есть 21-е октября стараго стиля, и этимъ какъ будто дается основаніе сближать наше поминовеніе съ католическимъ, т. е. понимать дѣло такъ, что оба они

что на острову[1], также во имя Успенія Божіей Матери находившійся въ 40 верстахъ на сѣверозападъ отъ Троицкаго монастыря, на рѣкѣ Дубенкѣ, впадающей въ Дубну, въ настоящее время также не существующій)[2].

Присутствовалъ преподобный Сергій и при кончинѣ великаго князя Дмитрія Ивановича, 19-го мая 1389-го года. Духовное завѣщаніе, написанное государемъ на смертномъ одрѣ, было написано имъ „передъ своими отци, передъ игуменомъ передъ Сергіемъ, передъ игуменомъ передъ Савастьяномъ“... и вмѣстѣ съ тремя архіереями, отпѣвавшими его тѣло, называется въ его житіяхъ и „Сергѣй игуменъ, преподобный старецъ“[3].

Послѣ Куликовской битвы на ханскомъ престолѣ въ Ордѣ произошла перемѣна—Мамая одолѣлъ Тохтамышъ. Этотъ послѣдній сдѣлалъ нашествіе на Русь въ 1382-мъ году. Отъ полчищъ его, которымъ великій князь не нашолъ возможнымъ противостать, преподобный Сергій долженъ былъ удаляться изъ монастыря съ своею братіей въ Тверскіе предѣлы: „и отъ Тохтамышева нахоженія—сказано о немъ въ лѣтописномъ сокращеніи его житія—бѣжа во Тферь“[4].

Монастырь преподобнаго Сергія сталъ великимъ монастыремъ и знаменитой лаврой, болѣе богатой монахами, чѣмъ какой-либо другой изъ всѣхъ монастырей сѣверно-русскихъ, еще при жизни самого преподобнаго. Но ему открыто было въ видѣніи, что монастырь и никогда не оскудѣетъ монахами. Одинъ разъ, глубокимъ вечеромъ, преподобный стоялъ въ своей келліи на своемъ обычномъ правилѣ и молился о братіяхъ монастыря, да Господь поспѣшитъ имъ, какъ выражается жизнеописатель, „во обхожде-

---

идутъ изъ одной и той же древности, при чемъ о Грекахъ (съ другими православными Славянами), въ случаѣ, если нѣтъ у нихъ поминовенія, могло бы быть принимаемо, что оно оставлено у нихъ когда-то въ позднѣйшее время). Что касается до поминовенія вел. кн. Дмитріемъ Ивановичемъ воиновъ, павшихъ въ Куликовской битвѣ, то, по сказаніямъ о Мамаевомъ побоищѣ, бояре говорили ему: „тебѣ, государю, подобаетъ памяти творити, кто сложилъ голову свою, и въ книги соборныя писати“, при чемъ подъ соборными книгами разумѣется сунодикъ недѣли православія; а сохранившійся современный или почти современный списокъ сунодика показываетъ, что это дѣйствительно было сдѣлано,—Вивліоѳ. VI, 451 нач. (о подлинникѣ, съ котораго напечатано, см. *преосв. Саввы* Указатель для обозрѣнія Сунодальной библіотеки, *И. И. Срезневскаго* Древніе памятники русскаго письма и языка подъ „до 1400 г.“ и *Ѳ. И. Успенскаго* Сунодикъ въ недѣлю православія). Затѣмъ, всѣ говорятъ, хотя не знаемъ—на какомъ основаніи, что нарочито для поминовенія воиновъ, павшихъ въ битвѣ, Дмитрій Ивановичъ построилъ въ Москвѣ церковь всѣхъ святыхъ, что на Кулижкахъ (не ошибочное ли сближеніе Кулижекъ съ Куликовымъ полемъ?).

[1] См. указанную въ примѣчаніи на стр. 61 статью графа М. В. Толстаго.

[2] Въ игумены монастыря былъ поставленъ Сергіемъ ученикъ его Савва (послѣдующій Звенигородскій).

[3] См. въ Софійск. Временникѣ *Строева* I, 391, и въ Собр. лѣтт.—V, 109, и VIII, 58.

[4] Собр. лѣтт. VI, 122.

ніяхъ дневныхъ и преспѣніяхъ"; вдругъ слышитъ онъ зовущій его голосъ: „Сергій!" Удивляясь необычному въ ночи зову, онъ сотворилъ молитву и открылъ оконце келліи, чтобы видѣть: кто зоветъ. И вотъ—видитъ онъ чудное видѣніе: на монастырѣ предъ нимъ необыкновенный свѣтъ, который былъ ярче даже дневнаго свѣта; а голосъ въ другой разъ возглашаетъ: „Сергій! ты молишься о своихъ чадахъ, и Господь принялъ твою молитву,—смотри, какое множество иноковъ сошлось во имя святыя и живоначальныя Троицы въ твою паству и подъ твое руководство". Преподобный Сергій посмотрѣлъ,—и видитъ множество птицъ „зѣло красныхъ", которыя не только наполняли весь монастырь, но летали и кругомъ его. Голосъ сказалъ: „какъ видишь ты этихъ птицъ, такъ умножится стадо учениковъ твоихъ, и по тебѣ не оскудѣютъ они, если восхотятъ послѣдовать стопамъ твоимъ". Желая имѣть сообщника и свидѣтеля чудному видѣнію, преподобный позвалъ екклесіарха Симона, келья котораго была недалеко отъ его кельи. Удивляясь безвременному званью старца, Симонъ тотчасъ же явился на зовъ, но уже не сподобился быть зрителемъ всего видѣнія, а только нѣкоторой его части. Преподобный Сергій разсказалъ ему все по ряду, что̀ видѣлъ и что̀ слышалъ, и они вмѣстѣ провели ночь, радуясь, какъ говоритъ жизнеописатель, и трепеща душою отъ неизреченнаго видѣнія.

Преподобный Сергій достигъ лѣтъ маститой старости и приблизилось время его преселенія отъ сей жизни. Но прежде чѣмъ переселиться къ иной жизни, онъ удостоился посѣщенія Божіей Матери, Которая собственными устами подтвердила ему объ его монастырѣ то, что говорилъ ему въ видѣніи птицъ невѣдомый небесный голосъ.

Одинъ разъ, повѣствуетъ жизнеописатель, блаженный отецъ молился въ обычномъ своемъ правилѣ предъ образомъ Матери Господа нашего Іисуса Христа и, часто взирая на икону, говорилъ: „Пречистая Мати Христа моего, ходатайце и заступнице, крѣпкая помощнице роду человѣческому! Буди намъ недостойнымъ ходатайца, присно молящися къ Сыну Своему и Богу нашему, яко да призритъ на святое мѣсто сіе, еже возложено есть въ похвалу и честь святому имени (Его) во вѣки; Тебе бо, Мати сладкаго ми Христа, ходатайцу предлагаемъ и молитвенницу, яко много дерзновеніе къ Нему стяжавшу, раби Твои, и яко всѣмъ спасеное упокоеніе и пристанище". Такъ молился преподобный и пропѣлъ канонъ Пречистой, т. е. акаѳистъ, и совершилъ правило, послѣ чего сѣлъ мало отдохнуть. Вдругъ онъ говоритъ своему ученику (келейнику), по имени Михею: „чадо, трезвися и бодрствуй, потому что сейчасъ имѣетъ быть намъ чудное и ужасное посѣщеніе". И когда еще онъ говорилъ это, услышанъ былъ голосъ: „Пречистая грядетъ". Преподобный, услышавъ голосъ, поспѣшно вышелъ въ сѣни келліи. И вдругъ озарилъ его великій свѣтъ, большій солнечнаго, и видитъ онъ Пречистую съ двумя апостолами Петромъ и Іоанномъ, въ несказанной свѣтлости блистающихся. И онъ распростерся ницъ, не будучи въ состояніи переносить нестерпимаго свѣта. Пречистая прикоснулась къ нему руками Своими и сказала: „не ужасайся, избран-

никъ Мой, Я пришла посѣтить тебя. Услышана молитва твоя объ ученикахъ твоихъ, о которыхъ ты молился, и объ обители твоей; не скорби болѣе, ибо отнынѣ она всѣмъ будетъ изобиловать, и не только до тѣхъ поръ, пока ты живъ, но и по твоемъ къ Господу отшествіи неотступна буду отъ твоей обители, подавая неоскудно потребное и снабдѣвая ее и покрывая“ [1]. Сказавъ это, Пречистая стала невидима, святой же былъ какъ бы въ изступленіи ума, будучи одержимъ страхомъ и трепетомъ. Пришедъ въ себя, онъ нашелъ ученика своего лежащимъ отъ страха, какъ мертваго, и поднялъ его; ученикъ началъ метаться въ ноги старцу, говоря: „скажи мнѣ, отче, Господа ради, что значило это чудное видѣніе, ибо духъ мой едва не вышелъ изъ моего тѣла отъ блистающагося видѣнія“. Но святой радовался душою, такъ что и лицо его цвѣло отъ радости, и ничего не могъ отвѣчать, кромѣ лишь одного: „потерпи, чадо, потому что и во мнѣ трепещетъ духъ мой отъ чуднаго видѣнія“. И такъ они стояли въ безмолвномъ удивленіи другъ противъ друга. Потомъ преподобный сказалъ ученику своему: „чадо, призови ко мнѣ Исаака и Симона“. И когда эти пришли, преподобный разсказалъ имъ по порядку, какъ видѣлъ Пречистую съ апостолами и какія изрекла Она ему чудныя обѣщанія. Услышавъ это, Исаакъ и Симонъ исполнились несказанныя радости. Послѣ сего они, всѣ четверо вмѣстѣ, отпѣли молебенъ Богоматери, а святой всю ночь пробылъ безъ сна, внимая умомъ о неизреченномъ видѣніи.

Если вѣрно записано о годѣ кончины преподобнаго Михея, то посѣщеніе Божіею Матерію преподобнаго Сергія имѣло мѣсто не менѣе, какъ за 7-мь лѣтъ до его преставленія, потому что кончина Михея полагается записями 6-го мая 1385-го года [2].

Преподобному Сергію было открыто объ его преставленіи за шесть мѣсяцевъ впередъ. Призвавъ братію монастыря, онъ вручилъ игуменство надъ нею ученику своему Никону, а самъ предался совершенному безмолвію [3]. Въ началѣ сентября мѣсяца 1392-го года онъ впалъ въ предсмертную болѣзнь, а 25-го сентября, простерши къ братіи конечное поученіе объ иноческомъ доброжитіи, онъ предалъ духъ свой Богу послѣ 78-ми лѣтъ жизни и послѣ 55-ти лѣтъ монашества [4]. Онъ приказалъ было поло-

[1] Позволительно думать, что Епифаній передаетъ рѣчь Божіей Матери къ преп. Сергію не полно,—что Она, не ограничиваясь однимъ увѣреніемъ, что монастырь будетъ всѣмъ изобиловать, говорила и о болѣе сего важномъ, духовномъ....

[2] По сокращеніямъ житія преподобнаго Сергія, читаемымъ въ Никоновской и Софійской лѣтописяхъ, посѣщеніе его Божіею Матерію имѣло мѣсто въ Рождественскій постъ, въ день недѣли—пятокъ (первая лѣтопись—IV, 236, вторая—въ Собр. лѣтт. VI, 122).

[3] Извѣстна одна вкладная запись, данная въ Троицкій монастырь, „старцю Сергѣю и игумену Никону“, именно—запись Галичскаго боярина Семена Ѳедоровича, о которой выше стр. 44. Очевидно, что запись писана въ то время, какъ преп. Сергій, передавъ игуменство Никону, готовился къ кончинѣ.

[4] Преп. Сергій скончался 25 сентября 6900-го года отъ С. М. Такъ какъ около времени его кончины у насъ измѣнено было лѣтосчисленіе, а именно—

жить свое тѣло не въ церкви, а внѣ ея, на общемъ монастырскомъ кладбищѣ, вмѣстѣ со всѣми другими; но братію весьма опечалило такое его приказаніе; она обратилась съ спросомъ и за совѣтомъ къ митрополиту

вмѣсто марта, какъ было дотолѣ, начали считать годъ съ сентября, то возникаетъ вопросъ: по какому счисленію записана его кончина—старому или новому, ибо въ первомъ случаѣ 6900-й годъ отъ С. М. будетъ 1392-мъ, а во второмъ случаѣ—1391-мъ годомъ отъ Р. Х. Лѣтописи ясно и несомнѣнно отвѣчаютъ намъ на вопросъ, что кончина преп. Сергія записана въ нихъ подъ 6900-мъ годомъ по старому мартовскому счету, изъ чего слѣдуетъ, что преп. Сергій скончался въ 1392-мъ, а не 1391-мъ году отъ Р. Х.

Мартовское счисленіе, употреблявшееся у насъ первоначально, лѣтописцы замѣнили сентябрьскимъ около времени кончины преп. Сергія, но не прежде нея, а нѣсколько позднѣе. Карамзинъ удостовѣряетъ, что въ такъ названной имъ Троицкой лѣтописи,—найденной имъ въ лаврѣ и сгорѣвшей въ Москвѣ въ 1812-мъ году,—подъ 6900-мъ годомъ записаны событія, и въ числѣ ихъ кончина преп. Сергія, по мартовскому счету,—т. V, прим. 246.—Въ Воскресенской лѣтописи подъ 6900-мъ годомъ записаны событія, и въ числѣ ихъ кончина преп. Сергія, по мартовскому счету (который продолжается въ ней по крайней мѣрѣ до 6929-го года),—Собр. лѣтт. VIII, 62. Въ этой послѣдней лѣтописи подъ 6900-мъ годомъ находимъ слѣдующія записи съ указаніемъ мѣсяцевъ прямымъ и непрямымъ: въ пятокъ 6-й недѣли по Пасхѣ преставился находившійся въ Россіи митрополитъ Андріанопольскій; 16 іюля пошолъ въ Орду вел. кн. Василій Дмитріевичъ; 25-го сентября скончался преп. Сергій; 24-го октября возвратился изъ Орды великій князь. Пятокъ 6-й недѣли по Пасхѣ и 16 іюля 6900-го года отъ С. М. по обоимъ счетамъ, и по мартовскому и по сентябрьскому, были въ 1392-мъ году отъ Р. Х. Но сентябрь, слѣдующій за помянутымъ пяткомъ и за іюлемъ 1392-го года, конечно, былъ сентябремъ того же 1392-го года, а не предшествующаго 1391-го года.—Въ лѣтописи Типографской (напечатанной въ Сунодальной типографіи въ 1784-мъ году), въ которой кончина преп. Сергія записана подъ 6900-мъ годомъ, изъ самыхъ записей, читаемыхъ подъ 'симъ годомъ, не видно, по какому счету—мартовскому или сентябрьскому онѣ (записи) сдѣланы. Но что по мартовскому, а не сентябрьскому счету, это слѣдуетъ изъ того, что мартовскій счетъ продолжается въ лѣтописи довольно долго и послѣ 6900-го года (насколько позволяютъ рѣшить записи съ мѣсяцами, по крайней мѣрѣ—до того же 6929-го года, что̀ выше).—Если въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ, какова напр. Никоновская, сентябрьскій счетъ начинается ранѣе 6900-го года (такъ что кончина преп. Сергія относится въ нихъ къ 6900-го году не мартовскому, а уже сентябрьскому), то очевидно, что это по позднѣйшей переправѣ, такъ какъ въ указанныхъ выше лѣтописяхъ невозможно допустить обратной переправы (съ сентябрьскаго счета на мартовскій), потому что это было-бы переправой принятаго счета (каковъ сентябрьскій) на оставленный счетъ (каковъ мартовскій). Говоря тоже иначе: въ лѣтописяхъ кончина преп. Сергія записана подъ 6900-мъ годомъ по двоякому счету: въ однихъ лѣтописяхъ—по мартовскому, въ другихъ—по сентябрьскому, и слѣдовательно—который нибудь изъ двухъ счетовъ долженъ быть принимаемъ за позднѣе переправленный; такъ какъ по сейчасъ указанному невозможно принимать за таковой мартовскаго счета, то очевидно, что нужно принимать сентябрьскій.—Что касается до самого жизнеописателя преп. Сергія,

Кипріану, и этотъ, по разсужденіи о томъ, гдѣ приличнѣе погребсти преподобнаго, приказалъ положить его въ церкви на правой сторонѣ. Такъ какъ по сейчасъ указанной причинѣ погребеніе преподобнаго Сергія должно было нѣсколько замедлиться, то успѣло собраться на него множество народа изъ Москвы и изъ всѣхъ окрестностей монастыря.

у котораго въ житіи нельзя видѣть—мартовскаго или сентябрьскаго счета онъ держится, то въ житіи св. Стефана Пермскаго, ведя рѣчи о поставленіи послѣднимъ храма въ честь Благовѣщенія Богородицы, которое празднуется въ мартѣ мѣсяцѣ, онъ достаточно ясно даетъ знать, что держится еще мартовскаго счета, а не сентябрьскаго, ибо говоритъ: „мартъ начало есть всѣмъ мѣсяцемъ и всему лѣту и всѣмъ, еже въ году, временомъ, понеже бо мартъ есть началный мѣсяць“,—Памятники *Кушелева-Безбородко*, IV, 131.

Защитники 1391-го года дѣлаютъ въ свое подтвержденіе двѣ ссылки. Вопервыхъ, ссылаются на хранящійся въ Лаврской библіотекѣ Стихирарь, „счиненный“, какъ значится въ его заглавіи „отъ года до года, еже есть отъ сентября мѣсяца до августа“. Но если ссылаться на богослужебныя книги, то нужно было бы ссылаться уже на самое Остромирово евангеліе, представляющее собою древнѣйшую сохранившуюся до насъ богослужебную книгу, ибо и въ немъ мѣсяцесловъ съ Богомъ починается съ сентября мѣсяца. Т. е., хотимъ мы сказать, кто же не знаетъ, что богослужебный годъ у насъ есть сентябрьскій или начинающійся сентябремъ мѣсяцемъ съ самаго начала принятія нами христіанства отъ Грековъ? Но у насъ рѣчь не о богослужебномъ годѣ, а годѣ лѣтописномъ или лѣтописцевъ, который былъ самъ по себѣ отъ богослужебнаго года (И въ настоящее время 48-я глава церковнаго устава надписывается: „Послѣдованіе церковнаго псалмопѣнія же и сочиненія всего лѣта, начинающееся отъ мѣсяца септемврія до мѣсяца аугуста“. Станетъ ли кто-нибудь на основаніи главы утверждать, что мы ведемъ теперь лѣтосчисленіе съ сентября мѣсяца?).—Вовторыхъ, ссылаются на одно евангеліе, хранящееся въ Лаврской ризницѣ. „Но самый вѣрный ключъ,—говорятъ,—къ рѣшенію вопроса (по мартовскому или сентябрьскому счету записанъ годъ кончины преп. Сергія) даетъ намъ надпись на окладѣ Лаврскаго рукописнаго Евангелія: „в лѣ 6900 мрт индикта 31 (это число очевидно относится не къ индикту, а къ мѣсяцу) оковано бысть eve се при велицѣмъ князѣ Васильи Дмитріевич всеа Руси“... см. Полное описаніе Лавры, ч. I, стр. 41. На этомъ окладѣ преподобный Сергій изображенъ уже въ числѣ святыхъ съ такою надписью: ἅγιος Σέργιε (надпись воспроизводится невѣрно, въ дѣйствительности она славянская, а не греческая). Если сей окладъ, какъ показываетъ эта надпись, сдѣланъ въ мартѣ 1392 года, а преподобный Сергій скончался позднѣе—въ сентябрѣ того же года, то приходится допустить, что изображеніе угодника Божія въ числѣ святыхъ сдѣлано еще при его жизни. Но возможно ли такое предположеніе? А принимая годъ его кончины 1391, не трудно понять, что благоговѣйный чтитель его памяти, рабъ Божій Ѳеодоръ (Голтяевъ,—на самомъ дѣлѣ евангеліе не Голтяева и за Голтяевское не выдается и въ ризницѣ), жертвуя сіе евангеліе въ обитель преподобнаго Сергія черезъ полгода послѣ его кончины сдѣлалъ на окладѣ и его изображеніе“. Конечно, невозможно предполагать, чтобы сдѣлано было изображеніе преп. Сергія въ числѣ святыхъ или какъ святаго еще при его жизни; но не нетрудно, а напротивъ чрезвычайно трудно было бы понять и то, что преп. Сергій изображенъ въ числѣ святыхъ или какъ святой лишь

Со всею вѣроятностью нужно думать, что въ самомъ Троицкомъ монастырѣ преп. Сергій началъ быть мѣстно почитаемъ какъ святой болѣе или менѣе въ непродолжительномъ времени послѣ его кончины, ибо онъ прославился даромъ чудотвореній, которыя должны были свидѣтельствовать объ его святости, еще при своей жизни, а не позднѣе, какъ съ 1449—1450-го года находимъ его уже и въ ликѣ общерусскихъ святыхъ (тогда еще весьма немногочисленномъ)[1]. Въ 1463-мъ году Новгородскимъ архіепископомъ

черезъ полгода послѣ его кончины. Но главное не въ этомъ, а въ томъ, что преп. Сергій изображенъ вовсе не на окладѣ евангелія, сдѣланномъ въ 1392-мъ году, а на позднѣйшемъ къ нему дополненіи. Въ позднѣйшее время придѣланы къ окладу, привѣшены къ нему на шарнирахъ, три серебряныя пластинки для закрытія трехъ обрѣзовъ книги, въ предохраненіе ея отъ пыли, и на одной изъ пластинокъ и находится изображеніе преп. Сергія. Не нужно внимательно разсматривать окладъ и пластинки, а достаточно взглянуть на нихъ, чтобы ясно видѣть, что одинъ и другія не имѣютъ между собою по работѣ ничего общаго или что послѣднія прибавлены къ первому позднѣе (приблизительно въ концѣ XV—началѣ XVI вѣка). Будто самый вѣрный ключъ къ рѣшенію вопроса даетъ окладъ евангелія, это говорятъ люди, видѣвшіе окладъ. Но говорить это, видѣвши окладъ, болѣе чѣмъ странно...—Нѣкоторые изъ новѣйшихъ относятъ кончину преп. Сергія къ 1393-мъ году, повторяя явную ошибку митр. Платона, допущенную имъ въ житіи Сергія и состоящую въ томъ, что 6900-ый годъ отъ С. М. является у него 1393-мъ отъ Р. Х.: преп. Сергій скончался „въ лѣто отъ созданія міра 6900, отъ рождества же Христова 1393“. Въ Исторіи Русской церкви онъ правильно относитъ кончину преп. Сергія къ 1392-му году,—I, 235).

[1] Что почитаніе преп. Сергія какъ святаго началось съ мѣстнаго празднованія ему въ монастырѣ, это видно изъ приписи, читаемой на проложныхъ его житіяхъ, которая есть: „съвершаетжеся съборь его (Сергія) въ томъ же монастыри, идѣже положенъ бысть, мѣсяца септеврія 25“. Точное указаніе времени, когда преп. Сергій причисленъ былъ къ общерусскимъ святымъ, мы видимъ въ слѣдующемъ. Есть двѣ княжескія грамоты, написанныя не задолго до поставленія въ митрополиты св. Іоны или до 15-го декабря 1448-го года, въ которыхъ преп. Сергій и преп. Кириллъ Бѣлозерскій, бывъ поминаемы вмѣстѣ съ великими чудотворцами и святителями Петромъ митрополитомъ и Леонтіемъ, епископомъ Ростовскимъ, называются преподобными старцами,—Собр. госудд. грамм. и договв. т. I, №№ 63 и 68, стрр. 139 и 152, и потомъ есть грамота самого митр. Іоны, написанная имъ въ 1449-мъ или 1450-мъ году, въ которой Сергій и Кириллъ, бывъ поминаемы съ тѣми же чудотворцами и святителями, называются преподобными отцами,—Акт. Ист. т. I, № 43, стр. 87 и у *Павл.* въ Памятнн. col. 541 (возстановленіе грамоты въ подлинномъ видѣ—у *Павл.*). Въ послѣдней грамотѣ они поминаются какъ общерусскіе святые, но относительно двухъ первыхъ грамотъ мы думаемъ, что они поминаются въ нихъ еще какъ мѣстные святые своихъ монастырей (при чемъ думаемъ, что провозглашеніе общерусскими святыми ихъ двоихъ и митр. Алексія, который въ извѣстномъ намъ спискѣ митрополичьей грамоты пропущенъ по ошибкѣ, было однимъ изъ первыхъ дѣяній митр. Іоны по занятіи имъ каѳедры).

Первоначальные, предшествующіе службѣ, тропарь и кондакъ преп. Сергію, въ Лаврскихъ рукописяхъ—№№ 308 и 363; напечатаны архим. Леонидомъ въ

Іоною, послѣ также причисленнымъ къ лику святыхъ, была поставлена въ Новгородѣ, на владычнемъ дворѣ, первая извѣстная церковь во имя преподобнаго Сергія.

Тѣлесные останки преподобнаго Сергія находились въ землѣ впродолженіе 30-ти лѣтъ и были изнесены изъ нея по особому откровенію. Близъ монастыря преподобнаго жилъ одинъ благочестивый человѣкъ, кото-

---

прибавленіяхъ къ Описанію лавры А. В. Горскаго и о. Никономъ въ началѣ Житія преп. Сергія. Служба преп. Сергію написана Пахоміемъ Сербинымъ; она и донынѣ употребляется, по каковой причинѣ мы и не будемъ указывать весьма многихъ рукописей Лаврской библіотеки, въ которыхъ она находится. Второй нынѣшній канонъ въ службѣ, написанный неизвѣстно кѣмъ, читается въ рукописяхъ XVI вѣка,—Ундольск. № 101, л. 43, гл. 4, и № 103, л. 31 об.. Въ одной Соловецкой рукописи,—№ 616, Опис. ч. II, стр. 359, положенъ въ службѣ еще третій канонъ, неизвѣстный намъ.

Канонъ съ акаѳистомъ преп. Сергію, который нынѣ не печатаютъ, въ дополнительной описи Лаврской библіотеки, № 143 (ркпп. внесены въ опись по 1887 г. включ.; всего 278 №№), ркп. Пахоміевъ канонъ преп. Сергію—Описаніе Синодд. ркпп. № 358, л. 238, стр. 75; также ркпп. Ундольскаго № 51, л. 329, Описанія стр. 70, № 103 л. 8 и № 104 л. 20. „Каноун молебен обретеніе мощеи преп. Сергию и принесению мощемъ чюдотворцю Николе“ см. въ ркп. Волоколамской № 389, л. 298.

Нынѣ печатаемый акаѳистъ преп. Сергію составленъ въ половинѣ XVII вѣка извѣстнымъ писателемъ сего времени княземъ Семеномъ Ивановичемъ Шаховскимъ (Симонъ Азарьинъ въ Книгѣ о новыхъ чудесахъ, чудо 33, печатн. стр. 75, cfr Описанія Лаврскихъ рукописей № 764). Въ рукописи Сѵнодальной библіотеки конца XVII вѣка, по Опис. *Горск.* и *Невостр.* № 337, л. 224, есть акаѳистъ преп. Сергію неизвѣстнаго составителя, не довольно искусно сложенный, какъ отзываются о немъ составители Описанія. Въ рукописи Ундольскаго № 113 есть оглавленіе акаѳиста преп. Сергію, который составленъ неизвѣстнымъ авторомъ въ 1689 г., бывъ посвященъ князю Борису Алексѣевичу Голицыну, который называется въ оглавленіи Вѣнцомъ молитвеннымъ и который въ замѣткѣ (не совсѣмъ вразумительной) другаго неизвѣстнаго усвояется св. Димитрію Ростовскому (въ 1689-мъ году онъ былъ въ Москвѣ, см. сочин. Нечаева: „Св. Димитрій, митрополитъ Ростовскій“, стр. 30—31). Въ рукописи Царскаго № 727 есть канонъ, составленный въ томъ же 1689-мъ году, имѣющій надписаніе: „Кондаки и икосы новостворенныя, написаны въ царствующемъ градѣ Москвѣ, въ лѣто 7197 (1689)-е, маіа въ 28 день, М. Н. Г. С. М“. (являлась бы охота прочесть: монахъ недостойный, грѣшный,. Сильвестръ Медвѣдевъ, но въ маѣ 1689-го года Медвѣдеву какъ будто было не до писанія акаѳистовъ; развѣ только предположить, что слаганіемъ пѣснопѣній преп. Сергію онъ утѣшалъ себя въ своемъ печальномъ положеніи. Это—нынѣшній, т. е. нынѣ печатаемый и употребляемый акаѳистъ; противъ ркп. нынѣшній имѣетъ нѣкоторыя исправленія. Онъ же находится въ ркп. Синод. библіотеки № 2 и Архива Мин. Ин. Дѣлъ № 517 | 998. Если канонъ—одинъ и тотъ же съ тѣмъ, оглавленіе котораго въ рукописи Ундольскаго, то онъ не можетъ быть усвояемъ Медвѣдеву, ибо князь Б. А. Голицынъ былъ его врагъ). Объ акаѳистѣ, сочиненномъ митр. Платономъ и напечатанномъ въ первый разъ при службѣ въ 1795-мъ году, см. у *митр. Евгенія*

рый имѣлъ великую вѣру къ нему и который часто приходилъ молиться къ его гробу. Въ одну ночь, когда послѣ домашней молитвы онъ сведенъ былъ въ тонкій сонъ, явился ему преподобный Сергій и сказалъ: „возвѣсти игумену монастыря моего, что напрасно столько времени оставляетъ онъ

въ Словарѣ, II, стр. 560). Всѣхъ акаѳистовъ преп. Сергію не менѣе 4-хъ: 1) Пахомія Сербина (Филаретъ, Обзоръ дух. литер. § 95, стр. 143 sub fin.), 2) князя Шаховскаго, 3) что у Ундольскаго и 4) митр. Платона.

Нынѣ употребляемая служба на 5-е іюля, на день обрѣтенія мощей, по мнѣнію описателя Лаврскихъ рукописей, составлена не ранѣе середины XVI столѣтія, см. № 283, л. 248. Есть еще другая служба, читаемая въ рукописи второй половины того же XVI столѣтія, по отзыву того же описателя, принадлежащая перу не особенно даровитаго сочинителя,—№ 619, л. 238.

Есть канонъ общій преп. Сергію и преп. Никону,—Лаврскк. ркпп. № 351, л. 313 и № 662, л. 37, который былъ напечатанъ въ Москвѣ въ серединѣ XVII вѣка,—Описаніе старопечатныхъ книгъ Царскаго, № 117.

Изъ трехъ молитвъ преп. Сергію, печатаемыхъ въ настоящее время на концѣ акаѳиста ему, *первая* молитва, *начин.:* „О священная главо, преподобне и богоносне отче нашъ Сергіе! Молитвою твоею и вѣрою и любовію, яже къ Богу, и чистотою сердца, еще на земли во обитель пресвятыя Троицы душу твою устроивый“..., которая началa быть печатаема недавно (изъ находящихся у насъ подъ руками службъ преп. Сергію она есть въ службѣ, напечатанной въ 1886-мъ году, но ея еще нѣтъ въ службѣ, напечатанной въ 1837-мъ году), какъ догадываемся, принадлежитъ митр. Платону и взята изъ его акаѳиста преп. Сергію; *вторая* молитва, *начин.:* „О священная главо, преподобне отче, преблаженне авво Сергіе великій! Не забуди убогихъ своихъ до конца, но поминай насъ во святыхъ своихъ и благопріятныхъ молитвахъ къ Богу“..., по всей вѣроятности, есть та молитва, надъ которой въ спискѣ Царскаго,—№ 112, л. 141, стоитъ надписаніе: „Молитва къ преподобному Сергію чюдотворцу, сътворена бысть во обители его священноинокомъ Сергіемъ Старымъ въ лѣто 7006“ (1498; только на меньшую часть самостоятельна, а на бо́льшую часть взята изъ молитвы Епифанія, которою онъ оканчиваетъ похвальное слово преп. Сергію,—литографич. изд. житія л.л. 371 об. fin. и 377); *третья* молитва, *начин.:* „О небеснаго гражданине Іерусалима, преподобне отче Сергіе! Воззри на насъ милостиво и къ земли приверженныхъ возведи къ высотѣ небеснѣй“..., судя по складу, принадлежитъ митр. Филарету.—Въ одной изъ рукописей Ундольскаго и въ одной изъ рукописей Соловецкихъ читается ненапечатанная молитва преп. Сергію,—Ундольск. № 288, л. 77, Соловецк. № 42 (749), л. 237, нач.: „О великій заступниче рода христіанскаго, теплый ходатаю ко всещедрому Богу о всѣхъ православныхъ“.

Кромѣ двухъ праздниковъ преп. Сергія,—25-го сентября, въ день кончины, и 5-го іюля, въ день обрѣтенія мощей, съ 1585-го года и неизвѣстно—долго ли потомъ въ XVII вѣкѣ, было еще празднуемо преподобному въ одномъ Троицкомъ соборѣ лавры 14-го августа: это въ воспоминаніе переложенія мощей преподобнаго, которое совершено было указаннаго года и числа изъ старой раки въ нынѣшнюю, см. въ Опис. Лаврскк. ркпп. № 366 и Опис. Сунодд. ркпп. *Горск.* и *Невостр.* № 400, л. 160 об..—Въ ркп. Царскаго № 448, л. 138 об., стр. 551, читается надписаніе Сергію Радонежскому чудотворцу (твореніе Шешкова, которому принадлежала рукопись, см. конецъ ея).

меня покрытымъ землей, въ которой вода утѣсняетъ (заливаетъ) мое тѣло". Благочестивый мужъ, отъ видѣнія исполнившись страха и радости, поспѣшилъ сообщить о немъ игумену, которымъ оставался тотъ же ученикъ преподобнаго Никонъ. Выслушавъ разсказъ мужа, Никонъ возвѣстилъ о немъ всему братству монастыря: всѣ возрадовались и положили изнести тѣло преподобнаго изъ земли. Далеко пронеслась вѣсть о намѣреніи монастыря открыть мощи преподобнаго, и на торжество ихъ открытія собрались многія священныя лица и многіе князья, между которыми первенствовалъ крестный сынъ преподобнаго и усердный попечитель его монастыря князь Звенигородско-галичскій Юрій Дмитріевичъ (сынъ Донскаго и братъ тогдашняго великаго князя Василія Дмитріевича). „И тако,—говоритъ повѣствованіе объ открытіи мощей[1],—священный соборъ, открывше чудотворный гробъ, вкупѣ благоуханія и аромать духовныхъ исполнишася и видѣша чудное зрѣніе и умиленія достойно, яко не токмо честное святаго тѣло цѣло и свѣтло соблюдеся, но и одежда его, въ ней же погребенъ бысть, цѣла бяше всяко и тлѣнію никакоже сопричастна, и вода отъ обою страну ковчега (гроба) стояше видима, тѣлесе же святаго и ризъ его никакоже прикасаема". Торжество открытія мощей имѣло мѣсто 5-го іюля 1422-го года[2].

Мы говорили выше, что преподобный Сергій Радонежскій справедливо почитается отцомъ истиннаго монашества въ сѣверной или Московской Руси временъ монгольскихъ, какъ преподобные Антоній и Ѳеодосій Печерскіе были отцами таковаго же монашества въ южной или Кіевской Руси времени домонгольскаго. Настоящій монастырь долженъ находиться если не въ совершенной пустынѣ, то внѣ мірскихъ человѣческихъ жилищъ и въ большемъ или меньшемъ отъ нихъ отдаленіи; въ настоящемъ монастырѣ жизнь монаховъ должна быть не особножитною, а строго общежитною. Этотъ типъ или образецъ монастырей, какъ монастырей настоящихъ, и утвердилъ преподобный Сергій въ Московской Руси на болѣе или менѣе продолжительное время. Послѣ своихъ двухъ монастырей Троицкаго и

Есть извѣстіе, впрочемъ не древнее, а позднѣйшее, о существованіи портретнаго образа преп. Сергія, который списанъ былъ съ него съ живого. Въ Клинцовскомъ подлинникѣ, принадлежащемъ графу Строганову, сообщается объ архіепископѣ Ростовскомъ Ѳеодорѣ, племянникѣ преп. Сергія: „Святый Ѳеодоръ, архіепископъ Ростовскій, сродникъ сый святаго Сергія, писаше святыя иконы; той, егда бысть архимандритомъ въ Симоновскомъ монастырѣ на Москвѣ, написа образъ дяди своего, святаго Сергія чудотворца, зѣло чудно". Въ подлинникѣ, нужно думать, записано достовѣрное или недостовѣрное преданіе, обращавшееся между иконописцами устно. Какъ бы то ни было, но объ этомъ образѣ преп. Сергія, который, по подлиннику, долженъ былъ находиться въ Троицкомъ монастырѣ, совершенно ничего неизвѣстно въ монастырѣ ни въ настоящее время, ни по записямъ прежняго времени.

[1] Обыкновенно усвояемое Пахомію Сербину, но можетъ быть, какъ сказали мы въ примѣчаніи на стрр. 4—11, принадлежащее и самому Епифанію.

[2] Въ сказаніи объ открытіи мощей годъ прямо не обозначенъ, а говорится, что оно (открытіе) имѣло мѣсто спустя 30 лѣтъ по кончинѣ преподобнаго.

Киржачскаго онъ основалъ еще нѣсколько чужихъ монастырей, во исполненіе даванныхъ ему порученій и адресованныхъ къ нему просьбъ: и всѣ монастыри поставилъ если не въ большомъ, то по крайней мѣрѣ въ нѣкоторомъ удаленіи отъ человѣческихъ жилищъ, и во всѣхъ ихъ,—что составляло непремѣнное условіе строенія имъ монастыря, ввелъ общежитіе. Одновременно съ нимъ и съ его одобренія и благословенія или уже послѣ его смерти построили значительное количество монастырей, одинаковыхъ съ его монастырями, его ученики и собесѣдники. И довольно долгое время послѣ него истинными монастырями считались въ Московской Руси только монастыри его образца (типа), такъ что послѣдующіе основатели монастырей, желавшіе, чтобы ихъ монастыри были и считались настоящими монастырями, устрояли ихъ по этому его образцу (хотя въ каждомъ изъ монастырей, со включеніемъ и самаго Троицкаго, настоящее или совсѣмъ строгое общежитіе, вводившееся первоначально, при основаніи каждаго, и держалось потомъ не особенно по долгу)[1].

Послѣ двухъ монастырей своихъ собственныхъ, изъ коихъ одинъ былъ добровольный, а другой, такъ сказать, вынужденный, преподобный Сергій построилъ еще нѣсколько монастырей по порученію великаго князя Дмитрія Ивановича Донскаго, по порученію князя Серпуховскаго Владимира Андреевича и по порученію святаго митрополита Алексія.

Мы уже упоминали о двухъ монастыряхъ Дубенскихъ, построенныхъ преподобнымъ Сергіемъ по порученію великаго князя Дмитрія Ивановича передъ Куликовской битвой и послѣ нея. Кромѣ этихъ двухъ монастырей имъ основаны были по порученію великаго князя еще два монастыря,—

---

[1] Неизвѣстный по имени или анонимный авторъ житія преп. Іосифа Волоколамскаго говоритъ о монастыряхъ, основанныхъ преп. Сергіемъ и его учениками: „бѣяху добрыми обычаи украшени оніи монастыри, яже великій Сергій въдрузи, ова же собою, ова же своими ученики; но по отци Сергіи лѣты (нѣкими) помалу общество мнихъ къ лаврьскому (особножитному) обычаю паче клоняшеся, единъ же Кириловъ монастырь общества (общежитія) уставы соблюдати неврежены мняшеся". Авторъ другаго житія преп. Іосифа Савва, епископъ Крутицкій, говоря о путешествіи преподобнаго по монастырямъ Русскимъ, которое въ 1480—81-мъ году было предпринято имъ съ цѣлію обозрѣнія порядковъ жизни въ монастыряхъ, подобно автору перваго житія, только объ одномъ Кирилловомъ монастырѣ замѣчаетъ, что „бѣ той монастырь не словомъ общій, но дѣлы". Что касается въ отдѣльности до Троицкаго монастыря, то изъ второй половины XV вѣка мы имѣемъ свидѣтельства, что въ немъ уже не было строгаго общежитія; см. посланіе митр. Филиппа къ Троицкому игумену Спиридону отъ 1472-го года въ 1 т. Актовъ Историческихъ, № 278, стр. 510, и въ Памятникахъ *Павлова*, № 104, col. 734, и заемную кабалу второй половины XV вѣка одному Троицкому монаху въ II томѣ Актовъ Юридическихъ *Калачова*, № 126, III, col. 5, изъ которыхъ видно, что Троицкіе монахи имѣли частную собственность (состоявшую даже изъ своихъ собственныхъ у монаховъ лошадей). По словамъ неизвѣстнаго автора житія преп. Іосифа Волоколамскаго, послѣдній былъ въ Троицкомъ монастырѣ въ 1478-мъ году и тогда уже было тамъ особножитіе,—стр. 16 fin. изд. Невоструева.

Московскій Симоновъ и Коломенскій Голутвинъ. Московскій Симоновъ монастырь, поставленный имъ на берегу Москвы рѣки въ разстояніи отъ тогдашняго города верстахъ въ 5—6-ти (первоначально въ честь Рождества Богородицы,—въ настоящее время это приходская церковь въ подмонастырной слободѣ, называемой Старымъ Симоновымъ, а потомъ, по перенесеніи монастыря на новое, нынѣшнее мѣсто,—въ честь Успенія Богородицы) былъ основанъ имъ около 1370-го года[1]; въ строители и игумены монастыря онъ далъ великому князю, по настойчиво выраженному послѣднимъ желанію, племянника своего Ѳеодора[2], котораго великій князь избралъ въ

---

[1] Ставъ игуменомъ Симонова монастыря, Ѳеодоръ, по его житію, избранъ былъ въ духовники великимъ княземъ Дмитріемъ Ивановичемъ и его—государя тысяцкимъ; а послѣдній тысяцкій Московскій умеръ въ 1374-мъ году, такъ что основаніе монастыря должно быть полагаемо за нѣсколько лѣтъ до сего. Церковь Успенія Богородицы, по Воскресенской лѣтописи, была основана Ѳеодоромъ въ 1379-мъ году.—Собр. лѣтт. VIII, 77 fin.—Монастырь Спаса-Преображенія на Старомъ Симоновѣ, основанный нѣкіимъ игуменомъ Аѳанасіемъ, о которомъ говоритъ Строевъ въ Спискахъ іерарховъ, col. 153—154, былъ особый монастырь отъ монастырей Ѳеодоровыхъ.

[2] Епифаній въ житіи преп. Сергія разсказываетъ объ основаніи Ѳеодоромъ Симоновскаго монастыря такъ, что у него (Ѳеодора) явилось собственное желаніе основать монастырь,—что преп. Сергій одобрилъ это желаніе,—что онъ выбралъ мѣсто для монастыря близъ Москвы, на берегу Москвы рѣки и пр. Въ сокращенномъ изложеніи житія, находящемся въ Никоновской лѣтописи, читаются два разсказа объ основаніи Ѳеодоромъ монастыря: первый—тотъ же, что̀ у Епифанія, а второй (сокращенно читаемый также и въ лѣтописномъ сокращеніи житія,—Собр. лѣтт. VI, 121 fin.),—совершенно ему противорѣчащій, въ которомъ говорится, что преп. Сергій хотѣлъ было держать Ѳеодора при себѣ и оставить его своимъ преемникомъ на игуменствѣ, но что онъ долженъ былъ отдать его великому князю (для основанія монастыря близъ Москвы), уступая настоятельнѣйшему желанію послѣдняго,—IV, 227 (разсказы отчасти переплетаются между собой, но мы не станемъ дѣлать подробнаго ихъ разбора съ цѣлію выдѣлить ихъ одинъ изъ другаго, ибо это было бы у насъ излишнимъ). Мы отдаемъ рѣшительное предпочтеніе второму разсказу, видя въ немъ подлинный разсказъ Епифаніевъ (см. прим. на стрр. 8, 11 и 62). Что Ѳеодоръ построилъ монастырь близъ Москвы по желанію великаго князя, это для насъ совершенно понятно, но чтобы онъ могъ имѣть собственное желаніе построить монастырь близъ Москвы, а чтобы преп. Сергій могъ одобрить таковое его собственное желаніе, это было бы для насъ совершенно непонятнымъ. Со стороны Ѳеодора это значило бы идти изъ пустыни въ міръ и нарочито добиваться тѣхъ почестей, которыя ожидали его въ Москвѣ, а со стороны преп. Сергія это значило бы дать свое одобреніе подобному весьма непохвальному желанію.—Греческіе акты, за которыми нельзя впрочемъ признавать безспорной достовѣрности, представляютъ намъ Ѳеодора, замѣшаннаго въ дѣло лжемитрополита Пимина, далеко не въ безукоризненномъ видѣ, см. у *Павл.* въ Памятн., греческихъ актовъ № 33. Что онъ былъ не совсѣмъ свободенъ отъ страсти честолюбія, на это намекается и въ Епифаніевомъ житіи преп. Сергія (по греческимъ актамъ, онъ получилъ санъ архіепископа не отъ патріарха, а отъ Пимина,—у *Павл.* ibidd.).

свои духовные отцы, который, бывъ въ 1384—85-мъ году въ Константинополѣ посломъ великаго князя по дѣламъ церковнымъ, получилъ отъ патріарха своему монастырю право ставропигіи, а себѣ санъ архимандрита, который въ 1387-мъ году былъ поставленъ въ епископы Ростовскіе и который съ титуломъ архіепископа, даннымъ ему отъ патріарха или митрополита и оставшимся послѣ него и его преемникамъ, скончался 28-го ноября 1394-го года).—Коломенскій Голутвинъ монастырь, поставленный въ 4—5 верстахъ отъ города Коломны, при впаденіи Москвы рѣки въ Оку (въ честь Богоявленія Господня) основанъ былъ около 1385-го года; въ строители и настоятели его преподобный Сергій назначилъ ученика своего Григорія (въ настоящее время Голутвинъ монастырь, основанный преп. Сергіемъ, называется Старо-Голутвинымъ монастыремъ. Въ концѣ 1799-го была закрыта епархія Коломенская и въ оставшійся праздным архіерейскій домъ переведены были монахи Голутвина монастыря, съ тѣмъ чтобы по причинѣ ветхости его зданій закрыть его, а монастырь, образованный изъ архіерейскаго дома наименовать въ память его Ново-Голутвинымъ. Но потомъ прежній монастырь былъ возстановленъ и въ отличіе отъ новаго монастыря, который не закрытъ былъ съ его возстановленіемъ, и получилъ названіе Старо-Голутвина монастыря).

По порученію Серпуховскаго, а вмѣстѣ и своего Радонежскаго, князя Владимира Андреевича преподобный Сергій основалъ Серпуховскій Высоцкій монастырь (въ честь зачатія святыя Анны, егда зачатъ святую Богородицу,—Богородицкій Зачатѣйскій). Заложенъ былъ монастырь въ 2-хъ верстахъ отъ города Серпухова, на очень высокомъ берегу рѣки Нары (отъ чего и названіе), въ 1374-мъ году; исполняя настоятельное желаніе князя, преподобный, хотя и съ сожалѣніемъ, далъ въ его строители и игумены одного изъ любимѣйшихъ своихъ учениковъ, по имени Аѳанасія. У жизнеописателя преподобнаго Сергія читаемъ: „и молитъ боголюбивый князь (преподобнаго), да дасть ему единаго отъ ученикъ своихъ, именемъ Аѳанасія; святый же, аще и нужно (тяжко) ему бысть дарованіе, но любовію преклонися на прошеніе, бѣ бо Аѳанасіе въ добродѣтелѣхъ мужъ чуденъ и въ божественныхъ писаніихъ зѣло разумѣнъ и добросписанія много(-а) руки его и до нынѣ свидѣтельствуютъ, и сего ради любимъ зѣло старцу“. Въ 1382-мъ году, оставивъ игуменство въ Высоцкомъ монастырѣ, Аѳанасій ушолъ въ Константинополь, въ монастыряхъ котораго и подвизался, по выраженію его ученика, „яко единъ отъ убогихъ“, а отчасти занимался и книжнымъ дѣломъ[1].

---

[1] О построеніи Серпуховскаго Высоцкаго монастыря, кромѣ Епифанія, говорятъ подъ 1374-мъ годомъ и лѣтописи: Никоновская,—IV, 38 fin. sqq., и Воскресенская,—въ Собр. лѣтт. VIII, 21.—Въ 1697 г. монахомъ Чудова монастыря Каріономъ Истоминымъ написано житіе Аѳанасія, въ которомъ говорится, что онъ былъ родомъ изъ Новгородской области, изъ Обонежской пятины, сынъ священника, но въ сокращеніи житія преп. Сергія, читаемомъ въ Никоновской лѣтописи, говорится, что онъ былъ родомъ Ростовецъ.—IV, 232.

Святому митрополиту Алексію преподобный Сергій не построилъ, а помогъ построить Московскій Андрониковъ или Андроніевъ монастырь. Святой Алексій, возвращаясь въ 1355-мъ году изъ Константинополя, съ поставленія въ митрополиты, застигнутъ былъ бурею на Черномъ морѣ. Моля Бога объ избавленіи отъ опасности, онъ далъ обѣтъ поставить монастырь въ честь святаго или праздника того дня, въ который благополучно пристанетъ къ берегу. Онъ присталъ къ берегу 16-го августа, почему и рѣшилъ построить монастырь въ честь нерукотвореннаго образа Спасителя, которому празднуется въ этотъ день. Бывъ въ Константинополѣ въ другой разъ въ 1356-мъ году, онъ пріобрѣлъ для будущаго монастыря чудную икону нерукотвореннаго Спаса, украшенную золотомъ. Монастырь, мѣсто для котораго было избрано въ разстояніи отъ тогдашняго города Москвы около 3—4 верстъ, на берегу рѣки Яузы, былъ основанъ, по всей вѣроятности, болѣе или менѣе вскорѣ послѣ возвращенія Алексія изъ вторичной поѣздки въ Константинополь, что было въ концѣ 1356-го—началѣ 1357-го года. Рѣшивъ строить монастырь, митрополитъ отправился къ преподобному Сергію, съ которымъ находился, говоря словами жизнеописателя, въ духовномъ союзѣ премногой любви, въ его лавру и испросилъ у него въ строители монастыря ученика его Андроника (отъ котораго монастырь и получилъ названіе. Скончался преп. Андроникъ 13-го іюня 1375-го года).

Два монастыря были построены по благословенію преподобнаго Сергія, которое онъ далъ стороннимъ для него здателямъ, причемъ должно подразумѣвать, что онъ могъ изъявить готовность благословить зданіе монастырей только общежитныхъ. Около 1365-го года преподобный Сергій ходилъ въ Ростовъ для поклоненія святынѣ своего роднаго города. Во время его пребыванія въ Ростовѣ къ нему пришли два пустынника, по имени Ѳеодоръ и Павелъ, и просили его, чтобы онъ своею молитвою положилъ начало монастырю, который они предполагаютъ создать. Это есть существующій до настоящаго времени Борисо-Глѣбскій Устьинскій монастырь, находящійся въ 18-ти верстахъ къ сѣверо-западу отъ Ростова, на берегу рѣки Устье.—Возвращаясь въ томъ же 1365-мъ году изъ Нижняго-Новгорода, преподобный Сергій положилъ своей молитвой, испрошенной у него неизвѣстными строителями, начало монастырю въ Гороховецкомъ уѣздѣ (нынѣшней Владимирской губерніи), на рѣкѣ Клязьмѣ. Это Георгіевская пустыня, давно прекратившая свое существованіе, находившаяся въ Горо-

---

Въ Константинополѣ мы находимъ его сначала въ монастырѣ Іоанна Предтечи, носившемъ прозваніе „Богомъ богатаго“, а потомъ въ Перивлептѣ, см. *Восток.* Опис. Румянц. муз. стрр. 517 и 177. Въ которомъ-то изъ этихъ монастырей онъ купилъ себѣ: „андроѳатъ“,—Никон. лѣт. IV, 39, т. е. аделфатъ,—ἀδελφάτον, что̀ означаетъ пріобрѣтенное единовременнымъ взносомъ извѣстной суммы денегъ право пожизненнаго или же какого-либо опредѣленносрочнаго содержанія въ монастырѣ. Въ 1401 г., находясь въ монастырѣ Перивлептѣ, Аѳанасій перевелъ съ греческаго языка на славянскій языкъ церковный уставъ Саввы Освященнаго (или же только написалъ списокъ готоваго перевода, чего, по неясности и неопредѣленности его послѣсловія, рѣшить нельзя,—*Восток.* стр. 70).

ховецкомъ уѣздѣ на рѣкѣ Клязьмѣ (въ настоящее время село, называемое Георгіевской Слободкой, въ 16-ти верстахъ отъ Гороховца вверхъ по Клязьмѣ, съ деревянною церковію, которая, бывъ относима ко временамъ преп. Сергія, во всякомъ случаѣ очень старая, ибо уже въ 1782-мъ году была капитально ремонтирована).

Ученики и собесѣдники преподобнаго Сергія, которые при его жизни или послѣ его смерти построили общежитные и не только удаленные отъ мірскихъ жилищъ, но по большей части и прямо пустынные монастыри (бывъ перечисляемы въ порядкѣ не хронологическомъ, который не надеженъ, а топографическомъ), суть слѣдующіе: преподобный Меѳодій Песношскій, преподобный Савва Сторожевскій, преподобный Сильвестръ Обнорскій, преподобный Павелъ Обнорскій или Комельскій, преподобный Сергій Нуромскій или Обнорскій, преподобный Аврамій Галичскій или Чухломскій, преподобный Іаковъ Желѣзноборовскій, преподобный Никита Серпуховско-Боровскій, преподобный Стефанъ Махрищскій, преподобный Димитрій Прилуцкій, святитель Діонисій Суздальскій, преподобный Евѳимій Суздальскій, преподобный Кириллъ Бѣлозерскій, преподобный Ѳерапонтъ Бѣлозерско-Можайскій и святитель Стефанъ Пермскій. Восемь первые изъ поименованныхъ суть ученики, а семь послѣдніе—собесѣдники преподобнаго Сергія [1].

Преподобный Меѳодій, о которомъ неизвѣстно ничего біографическаго кромѣ года его смерти, изшолъ отъ преподобнаго Сергія для основанія собственнаго монастыря, какъ нужно думать, болѣе или менѣе задолго до его кончины, ибо, построивъ собственный монастырь, умеръ въ одномъ съ нимъ году, если только запись о годѣ достовѣрна (4 іюня) [2]. Монастырь,

---

[1] Кратко сообщая обыкновенныя свѣдѣнія о поименованныхъ святыхъ и основанныхъ ими монастыряхъ, не считаемъ нужнымъ указывать источниковъ, изъ которыхъ беремъ свѣдѣнія и которые суть житія святыхъ, а за тѣмъ—источники общеизвѣстные.

[2] Къ 6900-му году отъ С. М., который есть 1392-й годъ отъ Р. Х., относится записями кончина очень многихъ святыхъ. Но это можно понимать двояко: или что святой дѣйствительно умеръ въ 1392-мъ году, или что онъ умеръ въ неизвѣстномъ составителямъ записей году, каковая неизвѣстность обозначается въ записяхъ именно круглыми сотенными цифрами.—Измышленіе легенды, будто названіе монастыря не отъ рѣчки Песноши, на которой онъ стоитъ, а отъ того, что преп. Меѳодій *пѣшъ носилъ* черезъ рѣчку лѣсъ для построенія церкви и келлій монастыря, почему-де онъ (монастырь) и долженъ называться не Песношей и Песношскимъ, а Пѣшношей и Пѣшношскимъ (при чемъ смѣло навязывается Русскому языку это небывалое въ немъ слово: пѣшнопа), прежде мы усвояли К. Ѳ. Калайдовичу, который проживалъ въ монастырѣ въ 1815—1816-мъ году и который составилъ его описаніе (въ Отвѣтѣ на статью: „Московскій академическій историкъ о житіи преп. Сергія“, напечатанномъ въ 10-й книжкѣ „Богословскаго Вѣстника“ за 1893-й годъ). Но оказывается, что ему принадлежитъ честь только окончательнаго санкціонированія или утвержденія легенды (въ помянутомъ описаніи монастыря), а что измышлена она кѣмъ-то до него. Авторъ Исторіи іерархіи сообщаетъ свѣдѣнія о монастырѣ подъ

построенный имъ во имя чудотворца Николая и существующій до настоящаго времени, находится въ Московской губерніи, въ 65-ти верстахъ на сѣверо-западъ отъ Троицкой лавры и въ 25-ти верстахъ на тотъ же сѣверо-западъ отъ своего уѣзднаго города Дмитрова, при впаденіи рѣчки Песноши въ рѣку Яхрому.

Преподобный Савва, неизвѣстный по происхожденію, пришолъ къ преподобному Сергію болѣе или менѣе задолго до 1381-го года, ибо въ семъ году, передъ поставленіемъ въ игумены Дубенскаго Шавыкинскаго монастыря, онъ былъ въ его монастырѣ духовникомъ всего братства. Спустя не особенно много времени послѣ смерти преподобнаго Сергія, когда оставленный имъ послѣ себя игуменомъ монастыря Никонъ отказался отъ игуменства для безмолвнаго пребыванія, братія монастыря умолили Савву перейдти изъ Дубенскаго монастыря на игуменство къ нимъ—къ Троицѣ, каковое игуменство онъ и держалъ впродолженіе шести лѣтъ, пока опять не смѣнилъ его на немъ преподобный Никонъ. Послѣ сего около 1400-го года князь Звенигородскій Юрій Дмитріевичъ, которому онъ былъ духовнымъ отцомъ, умолилъ его, чтобы онъ построилъ монастырь близъ Звенигорода на мѣстѣ, называвшемся Сторожами. Во исполненіе желанія князя и на его средства Савва и построилъ Сторожевскій монастырь, въ честь Рождества Божіей Матери (находящійся на берегу рѣки Москвы, при впаденіи въ нее рѣчки Разварни, въ полуторыхъ—двухъ верстахъ отъ Звенигорода). Скончался преподобный Савва 3-го декабря 1407-го года.

Преподобный Сильвестръ, о которомъ такъ же мало сохранилось свѣдѣній, какъ и о Меѳодіи Песношскомъ, основалъ монастырь въ сѣверо-восточномъ углу нынѣшней Ярославской губерніи, на рѣкѣ Обнорѣ, впадающей въ рѣку Кострому (въ честь Воскресенія Христова или Воскресенскій, упраздненный при учрежденіи штатовъ въ 1764-мъ году; въ настоящее время село Воскресенское на Обнорѣ, находящееся въ 20-ти верстахъ отъ

словомъ: Песношскій, при чемъ называетъ его Песношскимъ, Пестушскимъ и Пестушенскимъ, и говоритъ, что онъ имѣетъ названіе отъ рѣки Песноши, на берегу которыя стоитъ,—V, 520—521; но потомъ, когда по порядку алфавита доходитъ до слова Пешношскій, то приводитъ и это названіе монастыря, отсылая за свѣдѣніями къ сл. Песношскій („Пешношскій *Николаевскій* Московской епархіи заштатный мужескій монастырь. Смотр. Песношскій“,—V, 551). Это, очевидно, значитъ, что автору Исторіи іерархіи сообщено было изъ монастыря вмѣстѣ съ его подлиннымъ названіемъ Песношскій и его нововымышленное названіе Пѣшношскій. Но такъ какъ авторъ Исторіи іерархіи ничего не говоритъ въ объясненіе второго названія и такъ какъ онъ пишетъ: Пешношскій, а не Пѣшношскій, т. е. черезъ е, а не черезъ ѣ, то слѣдуетъ думать, что власти монастыря, сообщивъ ему нововымышленное названіе послѣдняго, стѣснились сообщить ему самую легенду о происхожденіи названія. Есть грамота князя Владимира Андреевича Песношскому монастырю 1555 года. Монастырь называется: „Пѣсношской монастырь“, „Пѣсноша“. Начало грамоты, хранящейся въ Архивѣ Министерства Юстиціи, № 3794, напечатано у *Карскаго* въ Очеркѣ славянской Кирилловской палеографіи, стр. 440.

своего уѣзднаго города Любима). Скончался преподобный Сильвестръ, по позднѣйшимъ записямъ, 25-го апрѣля 1379-го года.

Преподобный Павелъ, весьма суровый подвижникъ, пользовавшійся, по увѣренію его житія, большимъ уваженіемъ митрополита Фотія, родился въ Москвѣ отъ благородныхъ и благочестивыхъ родителей въ 1317-мъ году, такъ что былъ моложе преподобнаго Сергія на три года. Постригся въ монашество на 22-мъ году въ одномъ монастырѣ на Волгѣ. Пришедши къ Сергію, сначала время довольное подвизался въ самомъ монастырѣ, а потомъ впродолженіе 15-ти лѣтъ внѣ монастыря, въ отходной или уединенной келліи. Получивъ отъ Сергія благословеніе пойдти въ пустыню, обошолъ многія пустыни и, наконецъ, пришолъ въ Комельскій лѣсъ на рѣчку Грязовицу, въ Грязовецкомъ уѣздѣ нынѣшней Вологодской губерніи, и здѣсь прожилъ въ дуплѣ липы три года. Отсюда перешолъ въ томъ же Комельскомъ лѣсу на рѣчку Нурму, впадающую въ рѣку Обнору, гдѣ въ 1389-мъ году и основалъ существующій до настоящаго времени Троицкій Обнорскій или Комельскій монастырь (получившій названіе не отъ рѣки Обноры, а отъ волости Обнорской, находящейся въ 15-ти верстахъ отъ своего уѣзднаго города Грязовца). Скончался преподобный Павелъ, сдѣлавъ братіи монастыря крѣпкое предсмертное завѣщаніе не разорять устава общежитія, 112-ти лѣтъ отъ роду, 10-го января 1429-го года.

Преподобный Сергій, неизвѣстный по происхожденію, безъ дѣйствительнаго основанія принимаемый нѣкоторыми за Грека, пришолъ къ преподобному Сергію Радонежскому съ Аѳона и, какъ кажется, уже постриженнымъ монаховъ. Пробывъ у Сергія время довольно, онъ испросилъ у него дозволенія отойдти въ пустыню и нашолъ себѣ мѣсто для пустыннаго житія въ томъ же Комельскомъ лѣсу и на той же рѣчкѣ Нурмѣ, что и преподобный Павелъ, въ весьма недалекомъ разстояніи отъ монастыря котораго (верстахъ въ 3—4-хъ) и основалъ свой монастырь во имя всемилостиваго Спаса, въ воспоминаніе происхожденія честнаго и животворящаго креста Господня (Спасскій, называемый въ извѣстіяхъ и Спасопреображенскимъ, вѣроятно, отъ позднѣйшей церкви Преображенія, упраздненной въ 1764-мъ году). Скончался преподобный Сергій 7-го октября 1412-го года.

Преподобный Аврамій, неизвѣстный по происхожденію, пришолъ къ преподобному Сергію въ юныхъ лѣтахъ и подвизался при немъ, между прочимъ особымъ подвигомъ молчанія, то или другое продолжительное время, ибо въ его монастырѣ удостоенъ былъ сана священства. Испросивъ у преподобнаго Сергія благословенія пойдти въ пустыню, удалился въ предѣлы Галичскіе (нынѣшней Костромской губерніи) и здѣсь основалъ одинъ за другимъ четыре монастыря. Первый монастырь—на берегу Галичскаго озера, насупротивъ города Галича, въ честь Успенія Божіей Матери (упраздненный въ 1775-мъ году, въ настоящее время село Успенское или Новый монастырь). Второй монастырь—верстахъ въ 60-ти на сѣверо-востокъ отъ перваго, надъ небольшимъ озеромъ, въ честь положенія честнаго пояса Пречистыя Богородицы (Ризположенскій), называвшійся Великой пустыней (упраздненный въ 1764-мъ году, въ настоящее время село Озерки). Третій

монастырь—верстахъ въ 15-ти на западъ отъ втораго, на рѣкѣ Витѣ, въ честь собора Божіей Матери, называвшійся Верхней пустыней (упраздненный въ концѣ XVII—началѣ XVIII столѣтія, въ настоящее время село Верхняя пустыня или Коровье). Четвертый монастырь—на берегу Чухломскаго озера, насупротивъ города Чухломы, въ честь Покрова Божіей Матери, называемый по своему мѣстоположенію на высокомъ холму или городкѣ, Авраміевымъ Городецкимъ, существующій до настоящаго времени. По житію, преподобный Аврамій скончался 20-го іюля 1375-го года, но должно думать, что на самомъ дѣлѣ значительно позднѣе.

Преподобный Іаковъ, по происхожденію изъ рода Галичскихъ дворянъ Аносовыхъ, вѣроятно—одинъ изъ позднѣйшихъ учениковъ преподобнаго Сергія, неизвѣстно—сколь долго жившій въ его монастырѣ, возвратился на родину, чтобы подвизаться пустынно-житіемъ въ одномъ изъ окружавшихъ Галичъ лѣсовъ, въ самый годъ смерти преподобнаго Сергія, т. е. въ 1392-мъ году. Поселившись въ лѣсу, который отъ находившихся въ немъ минеральныхъ желѣзистыхъ ключей или же залежей желѣзной руды назывался Желѣзнымъ боркомъ, въ мѣстности, отстоящей на 30-ть верстъ къ юго-западу отъ города Галича, на берегу рѣки Тебзы, сначала онъ подвизался въ одиночествѣ, а потомъ устроилъ пустынный монастырь въ честь Іоанна Предтечи, который отъ мѣстности названъ былъ Желѣзноборовскимъ и который существуетъ до настоящаго времени (находясь въ 15-ти верстахъ на юго-востокъ отъ своего уѣзднаго города Буя). Скончался преподобный Іаковъ 11-го апрѣля 1442-го года.

Преподобный Никита не былъ основателемъ собственнаго монастыря, а былъ игуменомъ въ монастырѣ уже готовомъ; но необходимо предполагать о немъ, что онъ, какъ ученикъ преподобнаго Сергія, согласился быть игуменомъ въ монастырѣ только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы въ послѣднемъ введено было общежитіе. Вѣроятно, бывъ выпрошенъ у преп. Сергія Серпуховскимъ княземъ Владимиромъ Андреевичемъ, Никита, какъ передается о немъ въ житіи преподобнаго Пафнутія Боровскаго, былъ то или другое время игуменомъ въ Серпуховскомъ Зачатѣйскомъ монастырѣ (теперь не существующемъ и неизвѣстно когда уничтоженномъ), а потомъ, пришедши въ старость и лишившись зрѣнія, жилъ на покоѣ въ Боровскомъ Покровскомъ, что̀ на Высокомъ, монастырѣ (здѣсь отдалъ былъ игуменомъ въ его руководство новопостриженный преподобный Пафнутій)[1].

Преподобный Стефанъ Махрищскій былъ уроженцемъ южной или Кіевской Руси и постриженникомъ Кіево-Печерскаго монастыря. Неиз-

[1] Преп. Іосифъ Волоколамскій въ своемъ „Отвѣщаніи любозазорнымъ“ говоритъ, что старецъ Никита, ученикъ преп. Сергія и учитель преп. Пафнутія, былъ архимандритъ монастыря Высоцкаго, что̀, примиряя съ житіемъ Пафнутіевымъ, вѣроятно, должно понимать какъ неточное обозначеніе того, что Никита, имѣвъ санъ архимандрита, жилъ въ Высоцкомъ монастырѣ на покоѣ.— Не существующій Никифоръ Боровскій, очевидно, возникъ изъ нашего Никиты Боровскаго.

вѣстно чѣмъ заставленный удалиться изъ Кіева[1], онъ прибылъ въ Москву около 1355-го года. Принятый съ честію великимъ княземъ Московскимъ Иваномъ Ивановичемъ (1353—1359, какъ происходившій, вѣроятно, изъ знатнаго рода), испросилъ у государя землю для монастыря, который и поставилъ въ нынѣшнемъ Александровскомъ уѣздѣ Владимирской губерніи, при впаденіи рѣчки Махры въ рѣку Молокшу, въ разстояніи 35-ти верстъ къ востоку отъ Троицкаго монастыря преподобнаго Сергія (въ 12-ти верстахъ къ югу отъ города Александрова), съ церковью также въ честь святыя Троицы. Это—до настоящаго времени существующій Махрищскій монастырь (состоящій подъ вѣдѣніемъ Троицкой лавры). Бывъ принужденъ удалиться изъ монастыря враждою одной семьи мірскихъ сосѣдей (опасавшихся, что земля, которой владѣютъ они, можетъ быть отнята у нихъ и отдана ему, какъ человѣку, близкому къ великому князю), онъ направился въ предѣлы Вологодскіе и здѣсь послѣ 1371-года основалъ другой монастырь близъ рѣки Сухоны, при потокѣ Юрьевомъ, въ 60-ти верстахъ къ сѣверовостоку отъ Вологды, въ волости Авнежской, такъ же какъ и первый монастырь, въ честь святыя Троицы. Это—Авнежскій Троицкій монастырь, упраздненный въ 1764-мъ году. По приглашенію великаго князя Дмитрія Ивановича Донскаго возвратившись изъ Авнежскаго монастыря въ Махрищскій (причемъ первый поручилъ завѣдыванію своихъ учениковъ Григорія и Кассіана), преподобный Стефанъ скончался 14-го іюля 1406-го года.

Преподобный Димитрій родился въ городѣ Переяславлѣ, въ богатомъ купеческомъ семействѣ. Принялъ монашеское постриженіе и удостоенъ сана священства въ Переяславскомъ Горицкомъ монастырѣ. Вышедъ изъ Горицкаго монастыря, основалъ въ Переяславлѣ собственный монастырь въ честь чудотворца Николая (существующій до настоящаго времени Николаевскій на Болотѣ). Бывъ собесѣдникомъ преподобнаго Сергія, преподобный Димитрій пользовался, подобно ему, уваженіемъ великаго князя Дмитрія Ивановича, который приглашалъ его вмѣстѣ съ Сергіемъ въ воспріемники своихъ дѣтей. Бѣгая славы человѣческой, онъ устремился въ пустыни сѣверныя, въ предѣлы Вологодскіе, и здѣсь сначала избралъ себѣ мѣсто обитанія на рѣкѣ Лежѣ, впадающей съ правой стороны въ рѣку Сухону верстахъ въ 20-ти ниже города Вологды, недалеко отъ селенія Авнеги (по которому волость называлась Авнежскою). Принужденный удалиться съ избраннаго мѣста жителями сейчасъ помянутаго селенія, опасавшимися отнятія имъ у нихъ земли, переселился къ самому городу Вологдѣ и въ 1371-мъ году основалъ монастырь въ 5-ти верстахъ отъ нея, на берегу рѣки Вологды, при лукѣ или изгибѣ послѣдней, отъ чего монастырь и получилъ названіе Прилуцкаго (въ честь праздника

[1] Въ житіи преп. Стефана говорится, что онъ оставилъ Кіевъ вмѣстѣ со многими другими его жителями потому, что имъ овладѣли богомерзскіе латиняне, которые начали утѣснять и насиловать православныхъ. Но Кіевомъ съ 1320-го года владѣли язычники Литовцы, отъ которыхъ никакого утѣсненія православнымъ въ вѣрѣ не было (хотя латинской пропагандѣ и была предоставлена свобода).

Спасителя и Божіей Матери, совершаемаго 1-го августа,—Спасскій, Спасо-Прилуцкій). Бывъ первымъ водворителемъ общежитія въ предѣлахъ Вологодскихъ, преподобный Димитрій скончался за семь съ половиною мѣсяцевъ до преподобнаго Сергія, 11-го февраля того же 1392-го года.

Святитель Діонисій, біографическихъ свѣдѣній о которомъ никакихъ нѣтъ, основалъ близь Нижняго-Новгорода существующій до настоящаго времени Печерскій Вознесенскій монастырь. Начало его знакомства съ преподобнымъ Сергіемъ должно быть относимо къ 1365-му году, когда Сергій, по порученію великаго князя и митрополита, приходилъ въ Нижній-Новгородъ мирить Суздальскихъ князей Дмитрія и Бориса Константиновичей, а монастырь основанъ имъ (Діонисіемъ), по всей вѣроятности, ранѣе 1365-го года. Такимъ образомъ, относительно введенія имъ въ своемъ монастырѣ общежитія нужно думать, что первоначально онъ устроилъ было его особножитнымъ, каковыми были всѣ тогдашніе наши монастыри, но что потомъ, послѣ вступленія въ знакомство съ преподобнымъ Сергіемъ, который представлялъ собою какъ бы олицетвореніе и какъ бы олицетворенную проповѣдь общежитія, превратилъ его въ общежитный. Поставленный святымъ митрополитомъ Алексіемъ въ 1374-мъ году въ епископы Суздальскіе, Діонисій пытался послѣ смерти Алексія восхитить столъ митрополичій у архимандрита Михаила (Митяя); избранный потомъ въ кандидаты на митрополію и самимъ великимъ княземъ, онъ на возвратномъ пути въ Москву изъ Константинополя захваченъ былъ въ Кіевѣ [1], по домогательствамъ митрополита Кипріана, тамошнимъ княземъ Владимиромъ Ольгердовичемъ, въ заключеніи у котораго и скончался 15-го октября 1385-го года.

Преподобный Евѳимій, уроженецъ Нижегородскій, постриженникъ Діонисіевъ въ его Печерскомъ монастырѣ, построилъ въ Суздалѣ, по желанію и на средства князя Бориса Константиновича, существующій до настоящаго времени Спасо-Преображенскій монастырь (извѣстный подъ именемъ Спасо-Евѳиміева). Преподобный Евѳимій сталъ собесѣдникомъ преподобнаго Сергія послѣ того, какъ основалъ свой монастырь, въ которомъ учредилъ общежитіе. Но прежде непосредственнаго знакомства съ Сергіемъ онъ сдѣлался ученикомъ его въ отношеніи къ общежитію чрезъ посредство учителя своего Діонисія. Скончался преподобный Евѳимій 1-го апрѣля 1404-го года [2].

Преподобный Кириллъ, знаменитѣйшій подвижникъ сѣверной, Московской, Руси послѣ самого преподобнаго Сергія, родился въ 1337-мъ году, т. е. въ годъ монашескаго постриженія послѣдняго, въ одномъ Московскомъ дворянскомъ семействѣ и получилъ при крещеніи имя Косьмы. Лишившись родителей въ лѣта юношескія, онъ взятъ былъ на попеченіе родственни-

[1] Діонисій не былъ поставленъ въ митрополиты патріархомъ въ Константинополѣ, какъ это обыкновенно принимается, а имѣлъ быть поставленъ въ митрополиты патріаршими экзархами въ Москвѣ.

[2] Преподобному Евѳимію усвояется еще основаніе Васильевской пустыни, находившейся въ 5-ти верстахъ отъ Гороховца и состоявшей въ завѣдываніи его Суздальскаго Спасскаго монастыря.

комъ умершихъ, однимъ изъ знатнѣйшихъ бояръ великаго князя Дмитрія Ивановича Донскаго, Тимоѳеемъ Васильевичемъ Вельяминовымъ, у котораго снискалъ такое расположеніе и довѣріе къ себѣ, что, когда достигъ зрѣлаго возраста, бояринъ сдѣлалъ его своимъ домоправителемъ или дворецкимъ. При посредствѣ преподобнаго Стефана Махрищскаго Косьма успѣлъ достигнуть того, чтобы бояринъ, очень долго бывшій противъ его постриженія въ монашество, изъявилъ наконецъ свое согласіе на это въ 1380-мъ году, когда ему было отъ роду 43 года. Постригшись въ монашество въ Симоновомъ монастырѣ, у племянника Сергіева Ѳеодора, Кириллъ предался такому суровому подвижничеству, что преподобный Сергій почтилъ его своимъ исключительнымъ уваженіемъ: приходя въ Симоновъ монастырь для посѣщенія племянника, онъ прежде всего, не заходя къ игумену, проходилъ къ Кириллу въ составлявшую мѣсто его послушанія и его подвиговъ хлѣбню, чтобы вести съ нимъ духовную бесѣду. Послѣ возведенія Ѳеодора въ 1387-мъ году въ епископы Ростовскіе Кириллъ поставленъ былъ вмѣсто него архимандритомъ монастыря. Но тяготясь положеніемъ архимандрита, которое обязывало его принимать всѣхъ приходящихъ къ нему и которое лишало его возможности уединенно безмолвствовать, онъ скоро отказался отъ возложенной на него должности и заключился въ келліи (на Старомъ Симоновѣ) для любезнаго ему безмолвія. Однако, въ Москвѣ безмолвіе оказалось для него невозможнымъ: слава его привлекала къ нему изо всѣхъ мѣстъ множество людей, которые искали его бесѣдъ ради душевной пользы. Тогда преподобный Кириллъ рѣшилъ удалиться въ пустыню. Отъ другаго монаха Симонова монастыря, по имени Ѳерапонта, посыланнаго въ Бѣлозерье за монастырскимъ дѣломъ, онъ узналъ, что въ этомъ Бѣлозерьи есть мѣста, удобныя для безмолвствованія, и, согласившись съ тѣмъ же Ѳерапонтомъ, онъ рѣшился удалиться туда. Въ Бѣлозерьи, не доходя 35-ти верстъ до города Бѣлозерска, при трехъ озерахъ и построилъ Кириллъ въ 1397-мъ году свой знаменитый Кириллo-Бѣлозерскій монастырь (во имя Успенія Божіей Матери), въ которомъ ввелъ строгое общежитіе и строжайшій монастырскій уставъ и въ которомъ скончался на 90-мъ году жизни 9-го іюня 1427-го года (въ настоящее время монастырь находится при городѣ Кирилловѣ,—уѣздномъ Новгородской губерніи, отстоящемъ въ 601-й верстѣ къ сѣверовостоку отъ Новгорода, образовавшемся изъ подмонастырной слободы). Около монастыря Кириллова скоро возникло много малыхъ монастырей и пустынь, которые, имѣя его своимъ центромъ, составляли такъ называемое монашеское Заволжье (ибо Кирилловъ монастырь приходился отъ Москвы за Волгой).

Спутникъ преподобнаго Кирилла въ Бѣлозерскія пустыни преподобный Ѳерапонтъ (уроженецъ города Волоколамска, изъ дворянскаго рода Поскочиныхъ) также причисляется нѣкоторыми къ собесѣдникамъ преподобнаго Сергія. Онъ основалъ два монастыря по образцу Сергіеву, т. е. общежитныхъ. Первый монастырь, основанный одновременно съ Кирилловымъ (въ честь Рождества Богородицы) и находившійся въ 15-ти верстахъ отъ него, назывался по имени основателя Ѳерапонтовымъ и за-

крытъ въ 1798-мъ году (въ настоящее время Ѳерапонтова слобода). Второй монастырь есть Можайскій Лужецкій, основанный преподобнымъ Ѳерапонтомъ въ 1408-мъ году близъ города Можайска, по желанію Можайскаго, а вмѣстѣ и Бѣлозерскаго, князя Андрея Дмитріевича, сына Донскаго (также въ честь Рождества Богородицы), существующій до настоящаго времени (находящійся въ одной верстѣ отъ Можайска, на берегу рѣки Москвы). Скончался преподобный Ѳерапонтъ 27-го мая 1426-го года.

Святитель Стефанъ Пермскій. Родился въ Великомъ Устюгѣ отъ одного изъ клириковъ тамошней соборной церкви; принялъ монашество и монашествовалъ въ Ростовскомъ монастырѣ Григорія Богослова; въ 1378-мъ или 1379-мъ году отправился на проповѣдь христіанства къ жившему близъ его родины языческому народу Зырянамъ, большинство котораго и обратилъ въ христіанство въ продолженіи четырехъ-или-пятилѣтней проповѣди до 1382-го года; въ концѣ 1382-началѣ 1383-го года поставленный въ епископы Пермскіе, скончался въ Москвѣ 26-го апрѣля 1396-го года. Преподобный Стефанъ построилъ въ своей новой епархіи и у новокрещеннаго имъ народа четыре монастыря,—не знаемъ, общежитные ли или всѣ ли общежитные, въ теченіе XVIII-го столѣтія всѣ закрытые: Благовѣщенскій и Архангельскій, находившіеся въ его каѳедральномъ городѣ Усть-Выми (при впаденіи рѣки Выми въ рѣку Сысолу, въ настоящее время село Яренскаго уѣзда), служившій мѣстомъ его обитанія или его каѳедральный и въ которомъ также помѣщалось училище для приготовленія священноцерковнослужителей, и потомъ—Ульяновскую Спасскую пустыню, находившуюся на рѣкѣ Вычегдѣ, въ 165-ти верстахъ отъ Усть-Сысольска, въ прямомъ направленіи отъ него на востокъ, и Стефановскую пустыню, находившуюся на рѣчкѣ Вотчинкѣ или Ожинкѣ, впадающей справа въ Сысолу, въ 60-ти верстахъ на югъ отъ Усть-Сысольска[1].

[1] Къ классу или отдѣлу учениковъ и собесѣдниковъ преп. Сергія, которые были основателями монастырей, причисляютъ еще слѣдующихъ: Ѳеодосія и Аѳанасія Череповецкихъ, Пахомія Нерехотскаго, Никиту Костромскаго, Савву Тверскаго, Ксенофонта Тутанскаго и Ѳерапонта Боровенскаго.

Ѳеодосія и Аѳанасія, о которыхъ нѣтъ никакихъ біографическихъ свѣдѣній (кромѣ того, что второму усвояется прозваніе „Желѣзный посохъ“), основавшихъ Череповецкій Воскресенскій монастырь, въ настоящее время—соборъ въ городѣ Череповцѣ (Новгородской губерніи), авторъ Исторіи іерархіи,—VI, 656 sqq,—считаетъ вышедшими изъ Троицкаго монастыря на томъ основаніи, что первоначальная церковь въ монастырѣ была ими построена во имя Св. Троицы и препп. Сергія и Никона Радонежскихъ. Если бы это было и такъ, то очевидно, что основаніе для заключенія было бы далеко недостаточное; но первоначальная, какъ и позднѣйшая, главная церковь монастыря была во имя Воскресенія Христова, отъ чего монастырь и назывался Воскресенскимъ. Во всякомъ случаѣ авторъ Исторіи іерархіи не называетъ Ѳеодосія и Аѳанасія учениками преп. Сергія, какъ дѣлаютъ это дальнѣйшіе изслѣдователи, основываясь будто бы на немъ, но, предполагая, что они вышли изъ Троицкаго монастыря, относительно времени ихъ жизни отзывается незнаніемъ (и если бы построили церковь не только во имя Святыя Троицы, но и препп. Сергія и Никона, то это могло

Итакъ, преподобный Сергій и его ученики и собесѣдники основали до 30-ти монастырей того новаго типа или вида, который мы указывали выше и который по имени его вводителя преподобнаго Сергія можно назвать Сергіевымъ или Сергіевскимъ, именно—монастырей, поставленныхъ если не въ настоящихъ пустыняхъ, то внѣ мірскихъ жилищъ и въ большемъ или меньшемъ отъ нихъ отдаленіи, а въ отношеніи къ образу жизни монаховъ—общинножитныхъ или общежитныхъ.

бы быть только послѣ канонизаціи Никона, а онъ канонизованъ лишь на соборѣ 1547-го года). По актамъ (напечатаннымъ въ Исторіи іерархіи) видно, что монастырь, бывшій домовымъ митрополичьимъ, существовалъ уже въ половинѣ XV вѣка.

Пахомія Нерехотскаго, родившагося во Владимирѣ, постригшагося въ монахи во Владимирскомъ Рождественскомъ монастырѣ, основавшаго свой монастырь близъ города Нерехты Костромской губерніи (Троицкій Сыпановскій, въ 1764-мъ году обращенный въ приходскую церковь) и скончавшагося 23 марта 1384-го года, причисляетъ къ ученикамъ преп. Сергія, не указывая основаній, покойный архимандритъ Леонидъ (см. его приложенія къ Описанію лавры А. В. Горскаго, напечатанныя въ Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей Росс. 1879-го года, стр. 114). Сколько знаемъ, основаній и нѣтъ (если не считать основаніемъ, что церковь монастыря посвящена была святой Троицѣ). Но если справедливо то, что Пахомій ввелъ въ своемъ монастырѣ строгое общежитіе, то, не считаясь ученикомъ или собесѣдникомъ преп. Сергія, онъ долженъ быть считаемъ его подражателемъ.

Никита Костромской, о которомъ нѣтъ никакихъ біографическихъ свѣдѣній кромѣ того, что жилъ при вел. кн. Василіи Васильевичѣ Темномъ (1425—1462), основалъ находящійся въ городѣ Костромѣ Богоявленскій монастырь (въ 1864-мъ году обращенный изъ мужскаго въ женскій). Есть описаніе Богоявленскаго монастыря, напечатанное въ 1837-мъ году подъ заглавіемъ: „Историческія извѣстія о Костромскомъ второклассномъ Богоявленскомъ монастырѣ съ XV по XIX вѣкъ“ и принадлежащее ректору семинаріи архимандриту Аѳанасію, умершему въ санѣ архіепископа Астраханскаго. Въ этомъ описаніи ни единымъ словомъ не намекается на существованіе преданія, которое бы считало старца Никиту (какъ называется основатель монастыря въ монастырскихъ сунодикахъ) за ученика преп. Сергія. А изъ сего съ несомнѣнностію и слѣдуетъ, что наше преданіе создалось или создано только уже въ весьма недавнія времена... (А объединять Никиту Костромскаго съ Никитою Серпуховско-Боровскимъ, какъ видно изъ сказаннаго нами о послѣднемъ, совершенно неосновательно).

Савва Тверской причисляется къ ученикамъ преп. Сергія въ спискѣ учениковъ послѣдняго, читаемомъ въ Академической фундамент. рукописи № 201 (одинъ изъ учениковъ преп. Сергія: „Сава, иже во Твери, въ Савинскомъ монастырѣ“,—л. 332 об.). Въ Саввинскомъ монастырѣ, находившемся въ 20 верстахъ отъ Твери, основанномъ въ 1397-мъ году и закрытомъ въ 1764-мъ году, были два игумена Саввы: старшій изъ фамиліи Бороздиныхъ, по частнѣйшему прозванію Ёра, по всей вѣроятности—основатель монастыря, уходившій потомъ изъ монастыря на Аѳонъ (несправедливо считаемый многими за одно и тоже лице съ преп. Саввою Вишерскимъ, который, бывъ отдѣльнымъ отъ него лицомъ,

Монастырями этими водворено было монашество Сергіева вида, какимъ оно (монашество) и должно быть, въ цѣлой восточной половинѣ тогдашней сѣверной Руси, которую составляли нынѣшнія губерніи: Московская, Владимирская, Нижегородская, Костромская, Ярославская и Тверская. Въ западную цѣлую половину тогдашней сѣверной Руси, состоявшей изъ области Новгородской съ областью Псковскою, не простирались ученики и собесѣдники преподобнаго Сергія, чтобы ставить въ ней нашего вида монастыри (Бѣлозерье, принадлежащее въ настоящее время къ губерніи Новгородской, принадлежало въ древнее время къ области не

только принялъ постриженіе въ его монастырѣ), и младшій, принявшій настоятельство въ монастырѣ спустя пять лѣтъ по уходѣ на Аѳонъ Саввы старшаго и настоятельствовавшій затѣмъ болѣе 50-ти лѣтъ. Нужно было бы считать ученикомъ преп. Сергія, конечно, Савву старшаго, но сомнительно, чтобы это было такъ, потому что объ этомъ ничего не говоритъ преп. Іосифъ Волоколамскій, сообщающій свѣдѣнія объ обоихъ Саввахъ (въ „Отвѣщаніи любозазорнымъ"); годъ основанія монастыря указывается въ записи на одной Сунодальной рукописи, которую см. у преосв. *Филарета* въ Житіяхъ святыхъ подъ 2 марта; вѣроятно, Саввою Бороздинымъ вывезена съ Аѳона славянская Кормчая книга, которую имѣлъ у себя подъ руками Вассіанъ Косой,—Опис. рукопп. Толст. отд. I, № 169).

Ксенофонта Тутанскаго, бывшаго игуменомъ Тутанскаго монастыря, находившагося въ той же Тверской губерніи, на рѣкѣ Тьмѣ, впадающей слѣва въ Волгу на 25 верстъ выше города Твери (въ настоящее время село Тутань въ 30 верстахъ отъ Твери), относитъ къ числу учениковъ преп. Сергія А. В. Горскій по непонятному для насъ недоразумѣнію (Описаніе лавры по изданію архим. Леонида въ Чтенн. стр. 51 fin.). Основаніемъ для А. В—ча относить Ксенофонта къ числу учениковъ преп. Сергія служитъ то, что онъ причисляется къ ученикамъ преподобнаго въ одной Академической рукописи (прим. 6,—разумѣется помянутая Академическая ркп. № 201 съ читаемымъ въ ней спискомъ учениковъ преп. Сергія, въ которой о Ксенофонтѣ Тутанскомъ, какъ одномъ изъ учениковъ Сергія: „преподобный Ксенофонтъ, Тутанского монастыря началникъ, иже въ Тверскомъ уѣздѣ",—л. 332 об.). Но въ рукописи поименовываются ученики преп. Сергія не только въ собственномъ, но и въ отдаленномъ смыслѣ, жившіе спустя много времени послѣ него, а между тѣмъ самъ же онъ (А. В—чъ) приводитъ (стр. 182 нач.) запись строителей монастыря, изъ которой видно, что монастырь построенъ только въ половинѣ XVI вѣка (cfr Строева въ Спискахъ іерарховъ, col. 477, № 38).

Ѳерапонта Боровенскаго, основавшаго Успенскій монастырь въ Калужской губерніи, въ 10-ти верстахъ отъ города Мосальска (закрытый въ 1764-мъ году, въ настоящее время погостъ Боровенскъ) считаетъ ученикомъ преп. Сергія мѣстное преданіе, которое присовокупляетъ, что преподобный, отпуская его отъ себя, благословилъ его иконой Божіей Матери (см. статью о Ѳерапонтѣ Боровенскомъ *гр. М. В. Толстаго* въ Душеполезномъ Чтеніи 1877 года, ч. II, стр. 241). Но такъ какъ въ сохранившемся до сихъ поръ монастырскомъ сунодикѣ 1752-го года Ѳерапонтъ не называется ученикомъ преп. Сергія (у графа Толстаго ibid., стр. 244 fin.), то очень можно подозрѣвать, что преданіе не много древнѣе, чѣмъ преданіе о Никитѣ Костромскомъ...

Новгородской, а Ростовской). Но и сюда скоро было перенесено монашество Сергіево изъ восточной половины Руси. Въ 1382-мъ году былъ въ Псковѣ Суздальскій архіепископъ Діонисій, пріѣзжавшій для того, чтобы устроить здѣсь (равно какъ и въ Новгородѣ) дѣла церковныя (утишить смуту, произведенную стригольниками), что̀ было поручено ему патріархомъ Константинопольскимъ, отъ котораго онъ только что предъ тѣмъ возвратился. Въ бытность свою во Псковѣ Діонисій ввелъ общежитіе въ главномъ тогдашнемъ монастырѣ области Псковской—Снѣтогорскомъ (находящемся въ 5-ти верстахъ отъ Пскова; въ настоящее время—архіерейскій домъ). Изъ Снѣтогорскаго монастыря вышелъ преподобный Евфросинъ Псковскій, который основалъ знаменитый въ области Трехсвятительскій (позднѣе Спасскій, Спасо-Елизаровъ) монастырь и который не только ввелъ въ своемъ монастырѣ общежитіе, но и написалъ для него нарочитый уставъ; а ученики преподобнаго Евфросина были насадителями пустынно-общинножитія вообще въ области Псковской. Изъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря вышелъ преподобный Савватій Соловецкій, одинъ изъ началоположниковъ монашескаго обитанія на Соловецкомъ островѣ (скончался 27-го сентября 1435-го года); а изъ Соловецкаго монастыря распространялось пустынно-общинножитіе по всему Поморью, составляющему нынѣшнюю губернію Архангельскую, изъ котораго въ свою очередь распространялось по всему Прионежью и вообще по всей нынѣшней губерніи Олонецкой. Не знаемъ, кѣмъ именно водворено было общежитіе въ самой области Новгородской (собственно—возстановлено было послѣ древнихъ Антонія Римлянина и Варлаама Хутынскаго), но въ половинѣ XV вѣка, мы находимъ его и въ этой послѣдней области[1].

Прежде чѣмъ строить въ пустынѣ монастырь и въ монастырѣ вводить общежитіе, преподобный Сергій подвизался нѣкоторое время уединеннымъ пустынножитіемъ. Этимъ показалъ онъ образецъ и примѣръ особаго подвига—уединеннаго пустынножитія, которое послѣ него было у насъ очень распространено. Едва не всѣ извѣстные послѣдующіе основатели монастырей, прежде чѣмъ строить монастыри, болѣе или менѣе подолгу подвизались нашимъ подвигомъ, причемъ дѣло было или такъ, что человѣкъ прямо изъ міра шолъ въ пустыню или что онъ уходилъ въ нее изъ монастыря, въ которомъ принялъ постриженіе. Въ XV и XVI столѣтіяхъ всѣ лѣса сѣверной, Московской, Руси были болѣе или менѣе населены уединенными пустынниками. Такимъ образомъ, чтобы имѣть себѣ полное представленіе о преподобномъ Сергіи, не должно забывать, что и эти пустынники, бывавшіе таковыми временно или остававшіеся ими навсегда, составляли сонмъ его чадъ и подражателей,—что они повели свое начало также отъ него.

---

[1] См. въ Актахъ Юридическихъ 1838 г. № 110, IV, стр. 145, написанную въ 1452-мъ году, „данную“ въ Іоанно-Богословскій монастырь, посадника Василія Степановича (скончавшагося въ иночествѣ, съ именемъ Варлаама, въ 1462-мъ году).

Окончимъ наши рѣчи о преподобномъ Сергіи перечисленіемъ тѣхъ извѣстныхъ намъ учениковъ его, которые не исходили изъ его монастыря, чтобы основывать собственные монастыри, но оставались монахами перваго до конца жизни.

Учениковъ этихъ извѣстно намъ не особенно много. При семъ они раздѣляются на двое: объ однихъ мы имѣемъ нѣкоторые, изображающіе ихъ, отзывы, а другихъ знаемъ только по именамъ.

Первые суть: Симонъ, архимандритъ Смоленскій, Исаакій молчальникъ, Симонъ екклесіархъ (уставщикъ), Илія келарь, Епифаній премудрый, Игнатій и преподобный Никонъ, преемникъ преподобнаго Сергія на игуменствѣ.

О приходѣ къ преподобному Сергію архимандрита Симона мы сказали выше (стрр. 32—33). Жизнеописатель преподобнаго отзывается о немъ: „Симонъ же много лѣтъ поживе (въ монастырѣ Сергіевомъ) въ покорении и въ послушаніи, паче же въ странничествѣ и во смиреніи, и всѣми добродѣтельми исполненъ, и въ старости добрѣ преставися къ Богу“.

Объ Исаакіи жизнеописатель преподобнаго Сергія говоритъ, что онъ былъ мужъ зѣло добродѣтельный и что онъ подвизался великимъ воздержаніемъ, удручая тѣло свое постомъ, бдѣніемъ и молчаніемъ. Преподобный Сергій весьма желалъ, было, оставить его послѣ себя настоятелемъ Киржачскаго монастыря; но онъ рѣшительно отказался отъ этого, а вмѣсто того испросилъ у преподобнаго благословеніе принять на себя подвигъ совершеннаго молчанія, которое потомъ и соблюдалъ до конца своей жизни. Когда преподобный благословлялъ Исаакія на желаемый имъ подвигъ, то, по словамъ жизнеописателя, онъ (Исаакій) видѣлъ какъ бы нѣкоторый пламень великій, исшедшій отъ руки преподобнаго и всего его окружившій. Онъ сподобился видѣть сослужащимъ преподобному Сергію ангела Божія и ему вмѣстѣ съ екклесіархомъ Симономъ разсказывалъ преподобный о посѣщеніи Божіей Матери. Въ описи монастыря, составленной въ 1641-мъ году, упоминаются двѣ рукописи его письма, чѣмъ дается знать, что его послушаніемъ или однимъ изъ его послушаній въ монастырѣ было писаніе книгъ. Онъ скончался зимой 1387-го или 1388-го года[1].

О Симонѣ екклесіархѣ жизнеописатель преподобнаго Сергія говоритъ, что онъ былъ „во мнозѣй добродѣтели совершенъ“,—что „и самъ святый старецъ, т. е. преподобный Сергій, свидѣтельствоваше (его) имуща съвершено житіе“. Онъ сподобился видѣть божественный огнь во время причащенія преподобнаго на литургіи. Онъ сподобился быть зрителемъ нѣкоторой части видѣнія „птицъ красныхъ“. Ему вмѣстѣ съ Исаакіемъ разсказывалъ преподобный о посѣщеніи Божіей Матери.

---

[1] Смерть Исаакія относятъ къ 1387 году Никоновская лѣтопись,—IV, 152, и указанный въ предъидущихъ примѣчаніяхъ списокъ учениковъ преп. Сергія, въ которомъ читается: „преподобный Исаакій молчальникъ, иже угодивъ добрымъ житіемъ и преставися въ лѣто 6895“,—л. 332 fin. Къ 1388 году относитъ смерть Исаакія запись, читанная Карамзинымъ,—т. V, прим. 137, col. 60.

О келарѣ Иліи въ одной изъ лѣтописей записано подъ 1384-мъ годомъ: „преставися на пентикостной недѣлѣ (т. е. недѣлѣ святой пятьдесятницы) старецъ Илья, келарь Троицкаго монастыря, добрый и послушливый“ [1].

Епифаній, за свое исключительное краснорѣчіе, съ которымъ написалъ два житія—своего учителя преподобнаго Сергія и святаго Стефана Пермскаго, древними называемый мудрѣйшимъ и премудрѣйшимъ, а у новыхъ носящій титулъ премудраго, былъ, какъ нужно думать, не только человѣкъ исключительный въ умственномъ отношеніи, но отличавшійся и особенно строгою монашескою жизнію, ибо подъ старость былъ въ монастырѣ духовникомъ братіи. Пришедъ къ преподобному послѣ болѣе и менѣе продолжительныхъ странствованій по Востоку, въ возрастѣ приблизительно 30-тилѣтнемъ и живъ въ монастырѣ при немъ самомъ около 16—17-ти лѣтъ, скончался около 1420—22-го года [2].

Игнатій. Этотъ инокъ отъ братства Сергіева, какъ имѣвшій свидѣтельство добродѣтельнаго житія, вскорѣ послѣ кончины преподобнаго удостоился видѣнія, въ которомъ возвѣщалось братству обители, что онъ—преподобный неотступно пребываетъ съ ними: во время одного всенощнаго бдѣнія инокъ видѣлъ Сергія стоящимъ на своемъ мѣстѣ и поющимъ съ братіями [3].

Преподобный Никонъ былъ родомъ изъ города Юрьева Владимирской

---

[1] У Карамзина ibidd. col. 59.

[2] См. объ Епифаніи въ примѣчаніи на стр. 3-ьей и слѣдд. Въ Лаврской библіотекѣ есть пергаменный Стихирарь, написанный въ 1380-мъ году нѣкіимъ Епифаномъ, подъ которымъ съ полною вѣроятностію должно разумѣть нашего Епифанія (№ 22-й). На оборотѣ 1-го листа рукописи, съ котораго начинается текстъ, на нижнемъ полѣ, написано вязью: „**мнογрѣшныи рабъ бй** (Божій) **Єпифанъ в недостоаньи своемь написа сѧ**“ (ся, себѣ). На л. 48-мъ, на нижнемъ полѣ, сдѣлана запись, что „**в лѣ ѯ҃ѡпй мца сент. кѕ**,“ т. е. въ лѣто 6988, мѣсяца сентября 26, „**початъ бы пяти тетр**“ (адъ.) Запись сдѣланаочень мелкимъ полууставомъ, который полуслинялъ, и отъ того весьма трудно читается, но цифра ѯ҃ѡпй въ ней ясна, только буквы *п* и *и* написаны вязью: ги (такъ что чтеніе А. В. Горскаго: ѯ҃ѡѵа, т. е. 6911, по которому онъ относилъ рукопись къ 1303-му году, несомнѣннымъ образомъ ошибочно). На л. 98, на нижнемъ полѣ, подъ 12-мъ мая, въ которое память Епифанія Кипрскаго, написано: „**гнѣ сты Єпифан кипрскии съѩменниче мои. ѥлеисон ми**“. О всѣхъ запискахъ въ рукописи см. *И. И. Срезневскаго* второе изданіе Древнихъ памятниковъ русскаго письма и языка, подъ 1380-мъ годомъ, и Славяно-русскую палеографію, стр. 251 (только въ записи на л. 40-мъ чтеніе „Андрейковъ“ сомнительно, вѣроятнѣе: „Адрониковъ“, а чтеніе: „келарь“ произвольно и ошибочно: слово полуслиняло и остатки его вовсе не позволяютъ предполагать слова: келарь). Попытку объяснить одну изъ записей (по чтенію ея Срезневскимъ) см. въ статьѣ г. *Н. Шлякова*: „Невыясненное извѣстіе изъ жизни преподобнаго Сергія Радонежскаго“, напечатанной въ 41-мъ № „Прибавленій къ Церковнымъ Вѣдомостямъ“ за 1892-й годъ.

[3] Изъ чудесъ преподобнаго Сергія, записанныхъ Пахоміемъ Сербинымъ, чудо 1-е.

области, нынѣшней Владимирской губерніи. Еще въ юныхъ лѣтахъ возъимѣвъ желаніе монашествовать, онъ пошолъ къ преподобному Сергію; но Сергій послалъ его въ Серпуховъ, на Высокое, къ ученику своему Аѳанасію, которымъ онъ и былъ постриженъ въ монашество. Достигнувъ въ монастырѣ Аѳанасія совершеннаго возраста и бывъ сподобленъ священства, онъ возвратился къ преподобному Сергію (можетъ быть, послѣ того какъ Аѳанасій ушолъ изъ монастыря въ Константинополь,—выше стр. 77). Своимъ нравомъ и своею жизнію онъ пріобрѣлъ такую любовь преподобнаго, что этотъ взялъ его къ себѣ въ келлію и рѣшилъ оставить его своимъ преемникомъ на игуменствѣ въ монастырѣ. Бывъ предвозвѣщенъ о своей кончинѣ за 6-ть мѣсяцевъ до нея, Сергій тотчасъ же возложилъ на него игуменство, чтобы самому провести остатокъ дней жизни въ безмолвіи. Болѣе или менѣе вскорѣ послѣ смерти преподобнаго Сергія онъ отказался отъ игуменства, чтобы удалиться для упражненія подвигомъ безмолвія и въ продолженіе 6-ти лѣтъ былъ замѣняемъ на игуменствѣ, которое потомъ опять воспринялъ, Саввою Дубенскимъ (впослѣдствіи Звенигородскимъ). Предъ нашествіемъ на Москву хана Эдигея, которое имѣло мѣсто въ концѣ 1408-го года, преподобный Сергій, явившись ему въ видѣніи вмѣстѣ съ святыми митрополитами Петромъ и Алексіемъ, предъизвѣстилъ его о сожженіи монастыря и вмѣстѣ утѣшилъ обѣщаніемъ, что послѣ того монастырь еще болѣе распространится. Чтобы спасти братію отъ меча Татарскаго, онъ уводилъ ее куда-то въ безопасное отъ Татаръ мѣсто, а когда монастырь дѣйствительно былъ выжженъ Татарами, онъ возобновилъ его въ болѣе пространномъ видѣ. Въ 1422-мъ году онъ открылъ мощи преподобнаго Сергія, а вслѣдъ затѣмъ построилъ надъ мощами преподобнаго вмѣсто деревянной церкви прекрасную каменную. О великой славѣ его между современниками свидѣтельствуетъ его жизнеописатель Пахомій Сербинъ, который говоритъ въ житіи, что „повсюду бѣ Никоново имя слышати, яко священіе нѣкое обносимо и всякими усты человѣческими хвалимо“. Пахомія подтверждаютъ лѣтописи, въ которыхъ подъ 1428-мъ годомъ записано, что „преставись игуменъ Никонъ, чудный старецъ“ [1]. Скончался онъ 17 ноября 1428-го или 1429-го года [2].

---

[1] См. у *Карамз.*, V, прим. 386, col. 159 fin.—Владѣтель Радонежа съ его областью князь Серпуховскій Владимиръ Андреевичъ написалъ въ 1410-мъ году свою предсмертную духовную грамоту „передъ отци своими, передъ игуменомъ передъ Никономъ Радонежъскимъ, передъ игуменомъ передъ Савою Спасьскимъ“,—Собр. госудд. грамм. и договв. I, 79 fin.

[2] Въ сокращеніяхъ Епифаніева житія преп. Сергія Пахомій говоритъ, что Никонъ игуменствовалъ 36 лѣтъ (1392+36=1428), а въ житіи самого Никона говоритъ, что онъ игуменствовалъ 37 лѣтъ (1392+37=1429), какъ это (послѣднее) и по каталогу игуменовъ—архимандритовъ Троицкаго монастыря. Запись на одной Лаврской рукописи, сдѣланная въ 1459-мъ году,— № 264, Типографская лѣтопись и лѣтописи у Карамзина,—см. предъидущ. примѣч., относятъ кончину Никона къ 1428-му году (а составленная въ XVII вѣкѣ „Книга, глаголемая описаніе о Россійскихъ святыхъ“ относитъ его кончину

Вторые ученики преподобнаго Сергія, т. е. извѣстные только по имени, суть:

Трое изъ его начальныхъ сожителей въ пустынѣ, когда онъ началъ принимать къ себѣ послѣднихъ:

Василій, прозваніемъ Сухой, пришедшій къ преподобному однимъ изъ первыхъ съ верху Дубны, т. е. изъ какого-то недалекаго отъ лавры селенія съ сѣверной ея стороны, потому что верховья рѣки Дубны недалеко на сѣверъ отъ лавры (станъ Переяславскаго уѣзда по Переяславской дорогѣ отъ Троицы назывался Верхнедубенскимъ).

Іаковъ, котораго звали Якутой, служившій для общины пустынножителей „посольникомъ“, т. е. посыльнымъ, въ міръ, въ случаѣ какихъ-либо очень важныхъ дѣлъ.

Онисимъ діаконъ, бывшій Ростовскій вельможа, міряниномъ переселившійся изъ Ростова на Радонежъ вмѣстѣ съ родителями преподобнаго Сергія, отецъ другого діакона—Елиссея.

Затѣмъ еще шестеро: преподобный Михей, келейникъ преподобнаго Сергія, присутствовавшій при посѣщеніи преподобнаго Божіею Матерію, скончавшійся 6-го мая 1385-го года[1].

Макарій, удостоившійся вмѣстѣ съ Исаакіемъ молчальникомъ видѣть сослужащаго преподобному Сергію ангела.

Іоанникій и Елиссей. Эти двое, не будучи упоминаемы въ житіи преподобнаго Сергія, изображены вмѣстѣ съ другими его учениками на одной иконѣ, находящейся въ Лаврской ризницѣ. Второй изъ нихъ, вѣроятно, есть упомянутый сынъ діакона Онисима, а о семъ послѣднемъ Елиссеѣ жизнеописатель преподобнаго даетъ знать способомъ своего упоминанія о немъ, что онъ былъ человѣкъ чѣмъ-то знаменитый или извѣстный[2].

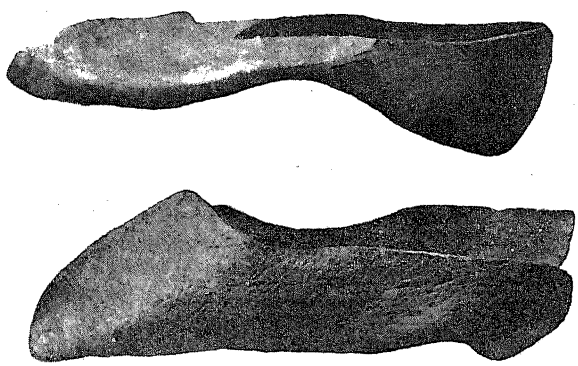
даже къ 1426-му году,—печатн. изд. *гр. М. В. Толстаго* въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн. Росс. 1887 года стр. 77, № 193. Въ такъ называемой Типографской лѣтописи, которая, по мнѣнію митр. Евгенія, составлена именно въ Троицкомъ монастырѣ,—Словарь духовныхъ писателей, сл. Георгій, I, 92 нач., кончина преп. Никона записана подъ 6936-мъ годомъ,—стр. 250. По первоначальному мартовскому счету это будетъ—1428-й годъ, по позднѣйшему сентябрьскому—1427-й годъ; а такъ какъ въ Типографской лѣтописи въ данномъ случаѣ счетъ несомнѣнно еще мартовскій, то по ней пр. Никонъ скончался въ 1428-мъ году.

[1] Въ указанной въ предъидущемъ примѣчаніи „Книгѣ, глаголемой описаніе“... читается о Михеѣ запись: „преподобный отецъ Михей, келейникъ и ученикъ святаго Сергія чудотворца, преставися въ лѣто 6893 маіа въ 6 день“,—печатн. изд. стр. 78, № 194, см. также Лаврскую рукопись № 662 л. 115 fin. Подъ ходившимъ въ слѣдъ преподобнаго Сергія время немало и возливавшимъ воду на руки его, т. е. подъ его келейникомъ, котораго Епифаній указываетъ въ числѣ лицъ, сообщавшихъ ему свѣдѣнія о преподобномъ, обыкновенно разумѣютъ Михея. Но едва ли не вѣроятнѣе разумѣть Никона: этотъ также былъ келейникомъ преп. Сергія, а между тѣмъ у Епифанія вѣроятнѣе разумѣть собираніе свѣдѣній о преподобномъ не при его (преподобнаго) жизни, а послѣ его смерти.

[2] Объ Онисимѣ, отцѣ Елиссея, Епифаній говоритъ: „Онисимъ діаконъ, діаконовъ отецъ Елисея глаголемаго“, л. 90 об. (Въ Лаврской библіотекѣ есть

Варѳоломей и Наумъ. Также не упоминаемые въ житіи преподобнаго Сергія называются самимъ преподобнымъ въ одномъ видѣніи, бывшемъ во время осады лавры Поляками[1].

Объ инокахъ-воинахъ Пересвѣтѣ и Ослябѣ мы сказали выше (стрр. 62—63).



Кожаныя сандаліи преп. Сергія, бывшія 30 лѣтъ на ногахъ его во гробѣ.

очень хорошая пергаменная рукопись 16-ти словъ Григорія Богослова,—№ 8, на которой подпись: „Елисѣевъской", а въ половинѣ XVII вѣка въ Лаврской ризницѣ находилось хорошо написанное и богато украшенное евангеліе тетръ „Елисѣевское",—опись монастыря 1641-го года; возможно, что обѣ рукописи принадлежали нашему Елиссею).

[1] Палицына гл. 50, изд. 1784 г. стр. 164.—Въ одномъ спискѣ святыхъ называется еще ученикъ преп. Сергія Мартирій, см. у *Барсукова* приложеніе къ Источникамъ русской агіографіи, стр. IV, col. 1. Но вѣроятно думать, что этотъ невѣдомый Мартирій ошибочно возникъ изъ Макарія.—Въ сѣверной паперти Троицкаго собора находится икона, на которой изображенъ преп. Сергій съ учениками [снимокъ съ нея см. въ „Житіи и подвигахъ преп. Сергія", составленномъ іеромонахомъ, нынѣ епископомъ, Никономъ, изд. 5-ое, 1904 г. къ стр. 215].

О значеніи преподобнаго Сергія Радонежскаго въ исторіи нашего монашества[1].

Московская духовная академія, которая сегодня имѣетъ честь привѣтствовать васъ какъ ея посѣтителей, находится въ стѣнахъ лавры, подъ кровомъ преподобнаго Сергія, съ 1814 года; слѣдовательно—вотъ уже 78 лѣтъ. Такое продолжительное время даетъ академіи право, а вмѣстѣ съ тѣмъ вмѣняетъ ей и въ обязанность—считать лавру своимъ роднымъ мѣстомъ. Считая лавру своимъ роднымъ мѣстомъ, академія не можетъ не принимать сердечнаго участія во всѣхъ ея радостяхъ. Вчера лавра имѣла великую радость праздновать пятисотлѣтіе кончины преподобнаго Сергія, иначе сказать—великую радость воздавать хвалы и благодаренія угоднику Божію за то, что въ продолженіе пяти сотъ лѣтъ онъ своими молитвами къ Богу хранилъ въ благоденствіи созданную имъ обитель,—и академія, раздѣляя эту великую радость лавры, желаетъ заявить свое участіе самымъ дѣломъ. Какъ учебно-ученое учрежденіе, академія есть представительница научнаго слова, и свойственный ей способъ заявленія участія можетъ состоять въ посвященномъ виновнику празднества употребленіи сего послѣдняго. Итакъ, да будетъ позволено предложить вашему благосклонному вниманію нѣкоторыя чтенія, нѣкоторыя бесѣды о преподобномъ Сергіи Радонежскомъ.

Для того, чтобы подробно излагать святую и чудную жизнь преподобнаго Сергія, потребовалось бы слишкомъ много времени; при томъ же эта святая и чудная жизнь его всѣмъ болѣе или менѣе извѣстна. Выбирая частнѣйшее изъ того, что можетъ быть говорено о преп. Сергіи, мы въ первой бесѣдѣ о немъ скажемъ объ его значеніи въ исторіи нашего русскаго монашества. Значеніе это чрезвычайно велико, а между тѣмъ оно страннымъ какимъ-то образомъ совсѣмъ, или почти что совсѣмъ, не примѣчается, такъ что рѣчи о немъ весьма желательны для установленія правильнаго и надлежащаго взгляда на преподобнаго Сергія и для воздаянія ему всей той славы, которая ему подобаетъ. Имя преподобнаго Сергія обыкновенно произносится вмѣстѣ съ именами преподобныхъ Антонія и

---

[1] Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи Московской духовной академіи, бывшемъ 26 сентября 1892 года. Была напечатана въ ноябрской книжкѣ за 1892 г. „Богословскаго Вѣстника“.

Ѳеодосія Печерскихъ. Этимъ хотятъ заявить признаніе,—и совершенно справедливое,—что преподобный Сергій былъ такой же великій подвижникъ, какъ и преподобные Антоній и Ѳеодосій. Но кромѣ того, что Сергій былъ такимъ же великимъ подвижникомъ, какъ Антоній и Ѳеодосій, онъ имѣетъ еще въ исторіи нашего монашества совершенно такое же значеніе, какое имѣетъ второй изъ двоихъ послѣднихъ, т. е. Ѳеодосій. Преподобный Ѳеодосій былъ у насъ вводителемъ строгаго монашества послѣ принятія нами христіанства отъ Грековъ и послѣ заимствованія нами отъ нихъ вмѣстѣ съ христіанствомъ монашества не совершенно строгаго. Преподобный Сергій былъ возстановителемъ у насъ строгаго монашества, послѣ того какъ оно, бывъ введено у насъ преподобнымъ Ѳеодосіемъ, потомъ съ теченіемъ времени снова уступило мѣсто монашеству не совершенно строгому.

Истинное, строгое, монашество есть, во первыхъ, полное отреченіе человѣка отъ міра, слѣдовательно—полное отреченіе отъ всякаго стяжанія, отъ всякой собственности. Каноническое правило предписываетъ: „монахи не должны имѣть ничего собственнаго“ [1], а толкователи правила Зонара и Вальсамонъ поясняютъ его: „сочетовающіеся монашеской жизни, т. е. воспринимающіе на себя монашество, почитаются умершими для міра: какъ умершіе ничего не имѣютъ, такъ правило требуетъ, чтобы и монашествующіе ничего не пріобрѣтали“. Во-вторыхъ, правила каноническія учатъ [2], что общины монашескія должны воспроизводить собою ту первоначальную общину всѣхъ христіанъ, о которой въ книгѣ Дѣяній апостольскихъ повѣствуется, что у всего множества увѣровавшихъ было одно сердце и одна душа (IV, 32), а это возможно только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы, какъ и было это въ первоначальной общинѣ всѣхъ христіанъ, никто ничего не называлъ своимъ, но все у всѣхъ было общее: иначе—неизбѣжны между людьми распри и ссоры, какъ говорятъ святые Василій Великій и Іоаннъ Златоустый [3], и невозможно между людьми единодушіе, какъ говоритъ преподобный Ѳеодоръ Студитъ [4]. Такимъ образомъ, истинное монашество должно быть строгимъ общежитіемъ, при которомъ бы ни у одного изъ монаховъ не было совершенно ничего собственнаго, но все у нихъ было общее,—общежитіемъ, о которомъ преподобный Ѳеодоръ Студитъ заповѣдуетъ своему преемнику на игуменствѣ въ монастырѣ: „да хранишь всячески, чтобы у братства все было общее и нераздѣльное и ничего ни у кого не было частно-собственнаго (даже) до иголки“ [5]. Считаемъ нужнымъ сдѣлать нѣкоторое такъ сказать примѣчаніе къ нашимъ словамъ: когда мы говоримъ, что истинное монашество должно быть строгимъ общежитіемъ, то вовсе не хотимъ этимъ сказать, чтобы оно состояло въ одномъ обще-

[1] Собора двукратнаго прав. 6.

[2] См. тоже правило.

[3] См. въ Исторіи православнаго монашества на Востокѣ *П. С. Казанскаго*, I, 16.

[4] См. въ нашей Исторіи Русской церкви т. I полов. 2, стр. 504 по 1-му изданію и стр. 609 по 2-му.

[5] Ibid. стр. 682 по 1-му и стр. 788 по 2-му.

житіи, а хотимъ сказать, что его не можетъ быть безъ общежитія (а при этомъ, конечно, разумѣемъ монастыри, а не одинокихъ пустынниковъ) и что именно таковое внѣшнее устройство жизни монашеской необходимо условливается и непремѣнно требуется тѣмъ, чѣмъ монашество должно быть съ внутренней своей стороны.

Строгимъ общежитіемъ и было монашество въ первое время его существованія. Святый Іоаннъ Златоустый пишетъ о современныхъ ему монастыряхъ: „тамъ не говорятъ: это мое, это твое; оттуда изгнаны слова сіи, служащія причиною безчисленнаго множества распрей“ [1]. Но потомъ къ монашеству истинному явилось монашество не совсѣмъ истинное, съ тѣмъ, чтобы вступить съ нимъ въ борьбу, чтобы никогда не уступать ему надъ собой полной побѣды и чтобы по временамъ одерживать надъ нимъ почти совершенную побѣду. Монашество есть исключительный и нарочитый путь, ведущій въ царство небесное; достигнуть царства небеснаго желаютъ всѣ вѣрующіе люди; а поэтому желающихъ идти въ монахи было очень много. Но истинное монашество весьма трудно. При совершенномъ отсутствіи частной собственности жизнь въ общинахъ истинныхъ монаховъ была устроена не такъ, чтобы она представляла одинаковую для всѣхъ прохладу, а такъ, чтобы представляла одинаковую для всѣхъ „всякую скорбь и тѣсноту“,—одинаковую для всѣхъ скудость въ пищѣ, одинаковую для всѣхъ худость въ одеждѣ, одинаковый для всѣхъ тяжелый трудъ, одинаковую для всѣхъ продолжительность церковныхъ молитвъ и бдѣній. И люди, желавшіе идти вѣрнымъ путемъ, ведущимъ въ царство небесное, а въ то же время находившіе путь этотъ слишкомъ труднымъ для себя, рѣшились, такъ сказать, угладить его: они составили себѣ убѣжденіе, что монашество все же останется вѣрнымъ путемъ спасенія, если въ бо́льшей или меньшей степени и облегчить его для себя, какъ послѣ составилось убѣжденіе, будто можетъ спасти человѣка даже и одно возложеніе имъ на себя монашеской одежды. Облегченное, не совсѣмъ строгое, монашество они и ввели. Дѣло было такъ, что человѣкъ богатый постригался въ монахи и поступалъ въ монастырь, но не вступалъ въ общину монаховъ, съ тѣмъ, чтобы, отказавшись отъ всякой собственности, подчиниться всѣмъ требованіямъ общежитія относительно одежды и пищи, трудовъ и общественной молитвы, а ставилъ себѣ въ монастырѣ свою особую келью и въ своей особой кельѣ, оставаясь полнымъ хозяиномъ всего, что имѣлъ прежде, питалъ и одѣвалъ себя какъ хотѣлъ, совсѣмъ не участвовалъ въ общихъ монастырскихъ трудахъ и участвовалъ въ общественныхъ монастырскихъ молитвахъ по своему произволенію. Къ этимъ людямъ, которые желали достигнуть царства небеснаго путемъ монашества углаженнымъ, присоединились люди, которые хотѣли постригаться въ монахи не для самаго монашества, а лишь за тѣмъ, чтобы, какъ говорятъ правила каноническія, величаться одеждою монашескою и чтобы отъ чтимаго одѣянія воспринимать славу благочестія [2]: понятно, что люди эти, принимавшіе на себя

[1] У Казанскаго ibid. I, 16.

[2] Халкидонск. соб. пр. 4, Двукратн. соб. прав. 2.

монашество не для него самого, были за монашество какъ можно болѣе облегченное. Къ сейчасъ указаннымъ двумъ классамъ людей богатыхъ присоединились люди бѣдные, которые начали идти въ монахи за тѣмъ, чтобы при помощи монашеской одежды пріобрѣтать себѣ содержаніе, т. е. въ качествѣ монаховъ выпрашивать себѣ содержаніе у христолюбцевъ: понятно, что и эти люди были за тоже монашество какъ можно болѣе облегченное. Сначала были ставимы особножитныя келліи въ монастыряхъ общежитныхъ, а потомъ стали особножитными цѣлые монастыри. Каждый монахъ въ этихъ монастыряхъ, живя въ своей собственной кельѣ и имѣя свое особое отъ другихъ хозяйство, представлялъ собою такого же особокелейника, каковые суть мірскіе келейники и мірскія келейницы, живущіе гдѣ нибудь цѣлыми слободками. У каждаго монаха особножитнаго монастыря была своя собственная келья, или имъ самимъ поставленная или купленная, какъ готовая; если купленная, то или у наслѣдниковъ прежняго владѣльца или у самого монастыря, смотря по тому, наслѣдникамъ или монастырю отказалъ келью прежній владѣлецъ. Всѣ доходы, которые получалъ монастырь, раздѣлялись между братіей въ извѣстной пропорціи поручно или полично, и затѣмъ каждый самъ питалъ и самъ одѣвалъ себя въ своей кельѣ и вообще былъ полнымъ особымъ хозяиномъ. Въ монастырѣ были іеромонахи (или же и мірскіе священники), которымъ шла за совершеніе службъ особая плата или которые служили изъ найма, а вся остальная братія участвовала въ общественныхъ молитвахъ, сколько хотѣла, при чемъ всякое уклоненіе отъ этихъ молитвъ могло быть извиняемо нуждами хозяйственными.

Если не ошибаемся, у насъ въ Россіи въ настоящее время нѣтъ особножитныхъ монастырей (до недавняго времени были особножитные женскіе монастыри, но теперь, кажется, и ихъ уже нѣтъ). Но эти особножитные монастыри до сихъ поръ есть въ Греціи, до сихъ поръ есть на Аѳонѣ,—изъ 20-ти Аѳонскихъ монастырей 12-ть суть въ настоящее время общежитные и 8-мь особножитные (греческое ихъ названіе—идіоритмы,—ἰδιόρρυθμοι, μοναστήρια ἰδιόρρυθμα, а живущими на Аѳонѣ Русскими имъ усвояется названіе монастырей штатныхъ). Монастыри эти представляютъ истинно печальное зрѣлище. Не говоря уже о томъ, что монахъ-собственникъ представляетъ такую же несообразность, какъ живой мертвецъ, или иначе сказать—что онъ есть мертвецъ притворный и обманный,—въ монастыряхъ этихъ нѣтъ совершенно ничего похожаго на то, чтобы, по примѣру церкви первохристіанской, у всей братіи каждаго монастыря было одно сердце и одна душа. Напротивъ, бѣдные въ нихъ монахи снѣдаются завистью къ богатымъ монахамъ и раболѣпно пресмыкаются передъ послѣдними; а монахи богатые съ презрѣніемъ относятся къ бѣднымъ и трактуютъ ихъ какъ холоповъ, такъ что вмѣсто братства съ единой душой и единымъ сердцемъ царствуютъ въ нихъ барская спѣсь и холопская приниженность. Что касается до подвиговъ монашескихъ, то въ монастыряхъ этихъ, говоря словами одного русскаго, довольно долго жившаго на Аѳонѣ, „дѣло спасенія предоставлено на волю спасающагося и потому каждый живетъ, какъ ему совѣсть позволитъ; имѣетъ деньги,—ѣстъ и пьетъ что

хочетъ (ѣстъ даже и мясное), одѣвается по желанію и никто не имѣетъ права вмѣшиваться въ его дѣла". Монахи общежитныхъ Аѳонскихъ монастырей говорятъ объ особножитныхъ или штатныхъ монастыряхъ своей Святой горы не иначе, какъ съ покачиваніемъ головы, пожиманіемъ плечъ и глубокими вздохами. Что и у насъ въ Россіи жизнь монаховъ особножитныхъ монастырей была не лучше, чѣмъ была и есть она въ Греціи, объ этомъ даетъ намъ знать одно, сохранившееся до настоящаго времени, поученіе XVI—XVII вѣка, посвященное видамъ или формамъ монашеской жизни. Поученіе не описываетъ въ подробности особножитія,—о чемъ въ интересѣ исторіи нельзя не пожалѣть,—но оно надписывается: „Поученіе о общемъ житіи иноческаго сущаго (т. е. настоящаго, истиннаго) чина спасительнаго пребыванія святыхъ отецъ и о самочинномъ, о сваробоицкомъ и худомъ житіи иноческомъ, сирѣчь о особномъ и своевольномъ житіишки, и о скитскомъ о пустынномъ добромъ житіи", и потомъ въ немъ (поученіи) говорится, что монахи, не хотящіе и слышать объ общемъ богопреданномъ житіи, вмѣсто него, „держатъ сваробоицкое житіе, а во всемъ жительствѣ своемъ о всякой вещи сварятся и молвятъ въ пустошь и любятъ держать преокаянное своеволіе и оправданіе и своеобычіе и лѣность". Называя особножитіе сваробоицкимъ житіемъ, авторъ поученія даетъ знать, что отличительную черту быта особножитныхъ монаховъ составляли свары или ссоры изъ-за пріобрѣтенія и изъ-за дѣлежа доходовъ, изъ-за отбиванія другъ у друга благотворителей и благодѣтелей и т. д., слѣдовательно—что въ особножитныхъ монастыряхъ шла прискорбнѣйшая борьба за средства существованія.

Монахи, желавшіе спасаться облегченнымъ способомъ особножитія, явились очень рано, ибо четвертый вселенскій соборъ, бывшій въ 451-мъ году, говоритъ уже о людяхъ, которые надѣвали на себя монашеское платье не для самаго монашества, а для удовлетворенія цѣлей своего честолюбія[1], между тѣмъ какъ должно признать, что люди, желавшіе монашествовать облегченнымъ способомъ явились ранѣе людей, которые хотѣли пользоваться монашествомъ для достиженія цѣлей побочныхъ. Въ первой половинѣ 6-го вѣка императоръ Юстиніанъ между другими своими предписаніями относительно монашеской жизни сдѣлалъ было и то предписаніе, чтобы ни подъ какимъ видомъ не было у монаховъ собственныхъ жилищъ въ монастыряхъ или чтобы не было въ монастыряхъ такъ называемыхъ келлій[2]. Въ послѣдующее время, не смотря на это предписаніе императора Юстиніана, не только осталось особножитіе въ монастыряхъ общежитныхъ, но и большая часть монастырей превратилась изъ монастырей смѣшанныхъ общежитно-особножитныхъ въ монастыри сполна особножитные, такъ что общежитіе, которое есть истинный образъ монашеской жизни, стало у Грековъ только рѣдкимъ исключеніемъ, а особножитіе, которое придумано и введено любителями облегченнаго монашества,

---

[1] Прав. 4.

[2] Новелла 133, гл. 1: Μηδένα (μοναχῶν) παντελῶς ἰδίαν ἔχειν οἴκησιν, μηδὲ τὸ καλούμενον κέλλιον εἴη κατὰ τὸ μοναστήριον.

стало рѣшительно господствующимъ. Когда именно монашество дошло до такого состоянія, сказать не можемъ; но хотя извѣстное намъ положительное свидѣтельство о семъ относится только ко второй половинѣ 12-го вѣка[1], однако должно быть принимаемо болѣе, чѣмъ за вѣроятное, что такъ стало еще до принятія нами христіанства отъ Грековъ, т. е. до конца 10-го вѣка.

Какъ бы то ни было, но, заимствовавъ отъ Грековъ христіанство, вмѣстѣ съ христіанствомъ мы заимствовали отъ нихъ монашество исключительно въ формѣ особножитія, а общежитіе было введено у насъ спустя около 75-ти лѣтъ послѣ принятія нами христіанства преподобнымъ Ѳеодосіемъ Печерскимъ. Жизнеописатели преп. Ѳеодосія—неизвѣстный по имени лѣтописецъ и преп. Несторъ не говорятъ прямо, чтобы онъ, вводя въ своемъ монастырѣ Студійскій уставъ, вводилъ этотъ общежитный уставъ на мѣсто бывшаго дотолѣ въ монастырѣ особножитнаго. Но это, во-первыхъ, необходимо предполагать, во-вторыхъ—относительно этого мы имѣемъ положительныя косвенныя указанія. Если бы первоначальный уставъ Печерскаго монастыря былъ общежитный, то онъ и былъ бы именно Студійскій, такъ что Ѳеодосію не было бы нужды вводить въ монастырѣ въ другой разъ тотъ же уставъ: дѣло въ томъ, что въ Греціи, въ патріархатѣ Константинопольскомъ, изъ котораго было наше монашество, въ тѣхъ весьма немногихъ монастыряхъ, въ которыхъ былъ уставъ общежитный, онъ былъ именно уставъ Студійскій. За симъ, преп. Несторъ, разсказывая о преп. Ѳеодосіи, какъ онъ послѣ поставленія въ игумены монастыря хотѣлъ быть слугою порученной ему братіи, между прочимъ говоритъ, что, тогда какъ братія во время ночи предавались сну, блаженный бралъ раздѣленное (на братію) жито и смоловши (на ручныхъ жерновахъ) часть каждаго брата, ставилъ (каждую часть) на своемъ мѣстѣ, т. е. у дверей келліи каждаго брата[2]. Но если въ Печерскомъ монастырѣ до введенія въ немъ устава Студійскаго каждому брату выдавался на руки его пай жита, съ тѣмъ, чтобы каждый самъ приготовлялъ себѣ муку и изъ муки хлѣбъ, то изъ сего ясно, что въ Печерскомъ монастырѣ до введенія устава Студійскаго было особножитіе, ибо эта поручная раздача каждому монаху его пая зерна, съ тѣмъ, чтобы каждый самъ мололъ его и самъ пекъ себѣ изъ него хлѣбъ, и есть именно особножитіе или представляетъ собою часть порядковъ особножитныхъ. Изъ того, что въ Печерскомъ монастырѣ сначала было особножитіе, а потомъ преп. Ѳеодосіемъ введено было общежитіе, по видимому, не слѣдуетъ прямо, чтобы до Ѳеодосія было особножитіе и во всѣхъ нашихъ монастыряхъ и чтобы общежитіе было впервые введено у насъ только имъ—Ѳеодосіемъ. Но на самомъ дѣлѣ слѣдуетъ это и прямо, а равно имѣемъ относительно этого и косвенныя указанія и

---

[1] Принадлежащее Вальсамону и читаемое въ толкованіи на 41 правило Трулльскаго собора,—у Ралли и П. П, 405, cfr нашей Исторіи Русской церкви т. I полов. 2, стр. 502 по 1-му изданію и стр. 607 по 2-му.

[2] „Братіи на опочители суще блаженный же възьмъ раздѣленое жито и когождо часть измълъ и поставляше на своемь мѣстѣ".

свидѣтельства. Основателемъ Печерскаго монастыря былъ преподобный Антоній; преподобный Антоній несомнѣнно былъ человѣкъ, который предпочиталъ истинное монашество полуистинному или монашество строгое монашеству облегченному; но если бы онъ видѣлъ передъ собою въ Кіевѣ не одни монастыри особножитные, но и общежитные, то онъ и ввелъ бы въ своемъ монастырѣ не особножитіе, а общежитіе. Преп. Несторъ говоритъ, что когда препод. Ѳеодосій пришелъ изъ своего Курска въ Кіевъ съ цѣлію постричься въ одномъ изъ монастырей послѣдняго, то ни въ одномъ монастырѣ не былъ принятъ по причинѣ своей бѣдности. Этотъ признакъ идетъ именно къ монастырямъ особножитнымъ, о которыхъ мы имѣемъ свидѣтельства, что въ нихъ принимаемы были желающіе постригаться въ монахи не иначе, какъ съ взносомъ денегъ или такъ называемаго вклада[1], между тѣмъ какъ общежитный Студійскій уставъ прямо запрещаетъ брать деньги съ желающихъ постригаться въ монахи[2]. Наконецъ, если бы до преп. Ѳеодосія были у насъ монастыри общежитные, то онъ не имѣлъ бы нужды выписывать устава общежитнаго изъ Константинополя, а могъ бы взять его въ одномъ изъ монастырей Кіевскихъ; но на самомъ дѣлѣ онъ именно выписалъ его изъ Константинополя.

Итакъ, первоначально, вмѣстѣ съ принятіемъ христіанства, мы заимствовали отъ Грековъ монашество въ несовсѣмъ собственномъ, въ несовсѣмъ подлинномъ и истинномъ его видѣ особножитія; а совсѣмъ въ собственномъ, совсѣмъ въ подлинномъ и истинномъ видѣ общежитія оно введено было у насъ спустя около 75-ти лѣтъ послѣ принятія нами христіанства—препод. Ѳеодосіемъ Печерскимъ. Но общежитіе, бывъ введено преп. Ѳеодосіемъ, не имѣло у насъ той судьбы, чтобы совершенно вытѣснить собою особножитіе и потомъ навсегда остаться единственною формою нашей монашеской жизни. Если бы это было такъ, то наше монашество явилось бы по своей высотѣ безпримѣрнымъ во всей христіанской православной церкви. Но этого такъ не было. Введенное препод. Ѳеодосіемъ въ его Печерскомъ монастырѣ общежитіе было заимствовано изъ послѣдняго лучшими монастырями прежде бывшими и начало быть заимствуемо и лучшими монастырями вновь устроявшимися и такимъ образомъ стало формою монашеской жизни въ лучшихъ нашихъ монастыряхъ (при оставшемся формою жизни въ худшихъ монастыряхъ особножитіи). Но стало формою жизни въ лучшихъ монастыряхъ не навсегда, а не особенно надолго. Введенное препод. Ѳеодосіемъ строгое общежитіе спустя не слишкомъ продолжительное время послѣ него уступило мѣсто въ монастыряхъ, со включеніемъ и самого Печерскаго, общежитію нестрогому, при которомъ кое-что было общее, но при которомъ предоставлялось и дозволялось каждому монаху имѣть и свою частную собственность. Общежитіе не-

---

[1] Вальсамона или же неизвѣстнаго въ примѣчаніи къ 24-й главѣ 1-го титула номоканона Фотіева у Ралли и П. I, 63.

[2] См. моей Исторіи Русской церкви т. I полов. 2, стрр. 504—505 по 1-му изд. и стрр. 609—610 по 2-му.

строгое какъ будто держалось въ монастыряхъ довольно долго (въ Печерскомъ монастырѣ оно держалось до самаго нашествія Монголовъ)[1]. Но потомъ и оно уступило мѣсто полному особножитію, такъ что монастыри наши опять стали тѣмъ, чѣмъ они были отъ начала нашего христіанства до преп. Ѳеодосія, т. е. единственно и исключительно особножитными.

Но какъ спустя три четверти столѣтія послѣ принятія нами христіанства Богъ воздвигъ преп. Ѳеодосія Печерскаго, чтобы онъ былъ у насъ вводителемъ строгаго монашества, такъ спустя три безъ четверти столѣтія послѣ преп. Ѳеодосія Богъ воздвигъ преп. Сергія Радонежскаго, чтобы онъ былъ у насъ возстановителемъ строгаго монашества. Впрочемъ, если преп. Ѳеодосій былъ вводителемъ строгаго монашества во всей Руси, то преп. Сергій былъ его возстановителемъ въ одной половинѣ Руси. Во времена преп. Ѳеодосія вся Русь составляла одно цѣлое; во времена преп. Сергія она раздѣлялась на двѣ половины: сѣверо-восточную московскую и юго-западную,—въ отношеніи топографическомъ—кіевскую, въ отношеніи политическомъ—литовскую. Преп. Сергій былъ возстановителемъ строгаго монашества въ Руси московской.

Люди, впервые вводящіе въ какой-либо области жизни что-либо лучшее на мѣсто худшаго или же возстановляющіе это лучшее послѣ того, какъ оно существовало и исчезло, называются преобразователями (въ свѣтскомъ языкѣ вмѣсто русскаго слова преобразователь употребляется иностранное слово реформаторъ). И какъ преп. Ѳеодосій былъ преобразователемъ нашего монашества, такъ послѣ него былъ преобразователемъ монашества и преподобный Сергій (нѣкоторые питаютъ у насъ слѣпую ненависть къ слову преобразователь; пусть они знаютъ, что ихъ слѣпая ненависть должна распространяться и на такихъ людей, какъ преподоб. Ѳеодосій и преподобный Сергій). Все хорошее—отъ Бога; тѣмъ болѣе нарочитымъ образомъ отъ Бога все исключительно хорошее: а такова именно истинно преобразовательная дѣятельность, состоящая въ томъ, чтобы въ какой либо области жизни худшее замѣнять лучшимъ. Обыкновенныхъ людей, людскую толпу не поражаетъ зло, существующее въ какой-либо области жизни,—она смотритъ на него какъ на нѣчто нормальное или естественное: но посылаетъ Богъ своего избраннаго мужа, котораго надѣляетъ исключительнымъ нравственнымъ зрѣніемъ для усмотрѣнія зла, исключительною нравственною чувствительностію для того, чтобы быть поражену имъ, и исключительною волею для рѣшимости устранить его,—и избранный Богомъ мужъ, нарочитый Божій посланникъ становится (если позволяютъ обстоятельства) или проповѣдникомъ преобразованія или самымъ преобразователемъ въ той или другой области жизни.

Преподобный Сергій былъ избранный мужъ Божій, предназначенный къ тому, чтобы возстановить строгое монашество въ сѣверной, московской Руси. Онъ почувствовалъ влеченіе къ монашеской жизни въ ранней юности и предавшись чтенію святыхъ книгъ, между которыми, какъ должно думать,

---

[1] См. нашей Исторіи Русской церкви т. I полов. 2, стр. 522 по 1-му изд. и стр. 628 по 2-му изд.

главнымъ образомъ читалъ житія подвижниковъ и патерики, онъ еще юношей и прежде постриженія въ монашество, дошелъ до познанія, чѣмъ должно быть истинное и строжайшее монашество; а дошедши до познанія или одновременно съ тѣмъ, какъ дошелъ до познанія, онъ принялъ и рѣшеніе стать истиннымъ и строжайшимъ монахомъ. Получивъ возможность, послѣ того какъ похоронилъ своихъ родителей, привести въ исполненіе свое намѣреніе постричься въ монашество, преподобный Сергій, бывшій въ это время 22-лѣтнимъ юношей, не пошолъ въ какой нибудь монастырь, а удалился въ пустыню. Всѣ наши тогдашніе монастыри были въ городахъ и селеніяхъ, но жилищемъ строжайшаго монаха должна быть удаленная отъ мірскихъ человѣческихъ жилищъ пустыня, и вотъ, желая быть таковымъ строжайшимъ монахомъ, преп. Сергій и сдѣлалъ это необычное дѣло, чтобы вмѣсто монастыря пойдти для монашествованія въ пустыню. Когда въ пустынѣ у преп. Сергія составился изъ людей, желавшихъ соподвизаться съ нимъ, монастырь, онъ, возстановляя у насъ строгое монашество, ввелъ въ монастырѣ общежитіе.

Относительно этого возстановленія преп. Сергіемъ строгаго монашества въ московской Руси задается тотъ же вопросъ, что и относительно перваго водворенія на Руси строгаго монашества преп. Ѳеодосіемъ Печерскимъ, то есть: правда ли что до преп. Сергія не было въ монастыряхъ московской Руси общежитія и что онъ первый ввелъ его?—Что это дѣйствительно такъ, прежде всего это должно быть принимаемо на основаніи того же заключенія, которое мы указывали выше, говоря о преп. Ѳеодосіи Печерскомъ. Несомнѣнно, что преподобный Сергій былъ ревнитель истиннаго монашества и что если бы ему пришлось выбирать между монашествомъ истиннымъ и не совсѣмъ истиннымъ, то онъ избралъ бы первое. Но если это такъ, то въ случаѣ существованія до него въ монастыряхъ московской Руси вмѣстѣ съ особножитіемъ и общежитія, онъ (Сергій) ввелъ бы въ своемъ монастырѣ при его основаніи не первое, а послѣднее,—не особножитіе, а общежитіе, между тѣмъ какъ онъ первоначально ввелъ въ своемъ монастырѣ особножитіе[1]. Затѣмъ, читается въ нашихъ рукописяхъ посланіе неназываемаго по имени патріарха Константинопольскаго къ неназываемому по имени игумену русскому, въ которомъ патріархъ похваляетъ игумена за то, что онъ устроилъ въ своемъ монастырѣ иноческое житіе, какого нѣтъ въ монастыряхъ русскихъ[2]: игуменъ несомнѣнно есть преподобный Сергій, а подъ иноческимъ житіемъ, котораго не было въ монастыряхъ русскихъ, должно быть разумѣемо

[1] Для людей, незнакомыхъ съ исторіей монашества и съ этимъ такъ называемымъ особножитіемъ, можетъ оставаться непонятнымъ читаемое въ житіи преподобнаго Сергія, что когда пришли къ нему монахи желавшіе подвизаться съ нимъ въ его пустынѣ, то онъ говорилъ имъ: „азъ съ радостію васъ пріемлю, токмо потщитеся создати себѣ комуждо свою келію“ и что потомъ, бывъ игуменомъ монастыря, онъ (Сергій) за плату пристроилъ одному монаху своего монастыря сѣни къ кельѣ. Но въ этомъ непонятномъ для людей, незнакомыхъ съ исторіей монашества, говорится объ особножитномъ монашескомъ бытѣ или указываются черты этого быта.

[2] См. выше стр. 47.

введенное преп. Сергіемъ въ его монастырѣ общежитіе. Далѣе, мы имѣемъ и свидѣтельства болѣе прямыя: намъ сообщается, кто первый послѣ преп. Сергія ввелъ въ монастыряхъ московскихъ общежитіе, котораго прежде въ нихъ не было[1]. Наконецъ, и авторъ похвальнаго слова преподобному Сергію, который есть одинъ и тотъ же съ авторомъ его житія—ученикъ его Епифаній премудрый, называетъ его „начальнымъ общежителемъ“[2], т. е. первымъ вводителемъ общежитія въ монастыряхъ московскихъ.

Преподобный Сергій, какъ это необходимо думать, дошолъ до того знанія и до того убѣжденія, что истинное монашество есть общежитіе, еще прежде чѣмъ приступилъ къ строенію своего монастыря, одновременно съ тѣмъ, какъ дошолъ до знанія и убѣжденія, что строжайшее монашество есть пустынножитіе. Если онъ не поступилъ такъ, чтобы прямо устроить свой монастырь общежитнымъ, а сначала устроилъ его особножитнымъ и ввелъ въ немъ общежитіе только спустя нѣкоторое время,—то онъ поступилъ такъ по требованію благоразумія. Онъ желалъ ввести въ своемъ монастырѣ общежитіе съ тою, одобрявшею и благословлявшею его намѣреніе, грамотою патріарха Константинопольскаго въ рукахъ, которую онъ получилъ потомъ. Но когда онъ основывалъ свой монастырь, онъ былъ 25—26 лѣтнимъ юношей, который успѣлъ прослыть какъ пустынникъ между окрестными монахами, но который еще имѣлъ слишкомъ мало авторитета или значенія, чтобы обращаться къ высшей церковной власти за требуемымъ одобреніемъ. Болѣе или менѣе въ непродолжительномъ времени послѣ основанія монастыря онъ прославился какъ великій подвижникъ; слава подвижника снискала ему тѣсную дружбу св. митрополита Алексѣя; св. Алексѣй доставилъ или исходатайствовалъ ему грамоту патріарха Константинопольскаго, которою одобрялось и благословлялось его намѣреніе ввести въ его монастырѣ общежитіе[3]:—тогда то онъ и приступилъ къ приведенію своего намѣренія въ исполненіе. Вводить въ монастырѣ общежитіе значило отваживаться на такое нововведеніе, къ которому должно было отнестись съ рѣшительнымъ несочувствіемъ и съ положительной враждой огромное большинство монаховъ, ибо людямъ, привыкшимъ къ монашеству весьма облегченному, вовсе не могла понравиться „эта затѣя“ ввести монашество строгое, при чемъ жизнь монашеская изъ жизни

[1] Именно—что этимъ первымъ былъ архимандритъ Петровскаго монастыря *Іоаннъ*, Никон. лѣт. подъ 1377-мъ годомъ, IV, 73 „(Иванъ, архимандритъ Петровскій, бысть первый общему житію начальникъ на Москвѣ“. А о преп. Димитріи Прилуцкомъ, собесѣдникѣ преп. Сергія, сообщается, что онъ первый ввелъ общежитіе въ предѣлахъ Вологодскихъ. О старшемъ братѣ преп. Сергія Стефанѣ говорится въ житіи Сергіевомъ, что онъ, удалившись отъ преподобнаго изъ пустыни, пришелъ въ Москву, въ Богоявленскій монастырь и обрѣлъ себѣ въ послѣднемъ келлію („и обрѣте себѣ келлію“): это значитъ, что въ Богоявленскомъ монастырѣ, какъ и во всѣхъ московскихъ монастыряхъ до преп. Сергія, было особножитіе и что Стефанъ купилъ себѣ келью (а выраженіе: „обрѣте“ значитъ: нашелъ келью, которую можно было купить).

[2] Литографическаго лаврскаго изданія житія преподобнаго Сергія л. 351 об.

[3] См. выше стр. 38 sqq.

прохладной и вольной для однихъ и жизни если не прохладной, то вольной для другихъ, превращалась бы для всѣхъ въ жизнь исполненную скорби и тѣсноты и подчиненную суровой дисциплинѣ. Въ особенности должны были бы возстать на преп. Сергія съ его нововведеніемъ игумены или настоятели монастырей. Игумены особножитныхъ монастырей были своего рода хорошими помѣщиками: они получали половину всѣхъ монастырскихъ доходовъ[1] и жили въ свое удовольствіе, тогда какъ въ монастыряхъ общежитныхъ имъ грозило полное равенство во всемъ съ братіей монастырей, за исключеніемъ преспѣянія передъ братіей въ трудѣ и добродѣтели. И несомнѣнно, что противъ преподобнаго Сергія съ его нововведеніемъ поднялась бы и раздалась бы ожесточенная брань. Въ старое время для обозванія нововводителей, дерзавшихъ посягать на существовавшія злоупотребленія, было у насъ страшное слово, это—еретикъ. Противъ какого бы очевиднаго и вопіющаго злоупотребленія ни поднимались протесты, у защитниковъ злоупотребленій было готово жестокое слово на протестующихъ, представлявшихъ собою нововводителей: „заводите вы ханжи ереси новыя.., бѣса имате въ себѣ вы ханжи"...[2]. Преподобный Сергій не хотѣлъ, чтобы противъ него была поднимаема брань,—не потому, чтобы онъ боялся ея: онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые готовы и рады переносить всякую несправедливую брань, а—потому, какъ должно думать, чтобы не производить смущенія въ церкви Божіей. По сей причинѣ онъ и желалъ получить своему намѣренію, прежде чѣмъ приводить его въ дѣло, благословеніе и формальное одобреніе тогдашняго верховнаго начальника Русской церкви—патріарха Константинопольскаго. Его другъ св. Алексѣй, бывъ такимъ же ревнителемъ истиннаго монашества, какъ и онъ самъ, вполнѣ сочувствовалъ его намѣренію ввести въ своемъ монастырѣ общежитіе, а поэтому и исходатайствовалъ ему отъ Константинопольскаго патріарха грамоту, которою одобрялось и благословлялось его намѣреніе ввести въ своемъ монастырѣ общежитіе.

Преподобный Сергій сдѣлалъ по отношенію къ общежитію только то, что ввелъ его въ своемъ собственномъ монастырѣ. Онъ не представлялъ изъ себя власти, которая бы могла предписать, чтобы общежитіе было введено и въ другихъ монастыряхъ, а что касается до дѣйствительной власти въ лицѣ св. митрополита Алексѣя, то хотя она вполнѣ сочувствовала ему, но въ то-же время не находила возможнымъ или удобнымъ обращаться для водворенія въ нашихъ монастыряхъ общежитія къ своимъ указамъ и къ мѣрамъ принужденія. Однако, сдѣлавъ для общежитія немногое возможное, преподобный Сергій сталъ его возстановителемъ въ нашихъ монастыряхъ: добро взяло верхъ надъ зломъ своею собственною силою. Преп. Сергій, введшій въ своемъ монастырѣ общежитіе, и его монастырь, въ которомъ введено было имъ общежитіе, скоро прославившіеся великою славою на

---

[1] О раздѣленіи доходовъ въ особножитныхъ монастыряхъ см. грамоту неизвѣстнаго митрополита въ Акт. Эксп., т. I, № 381, и въ Памятникахъ древне-русскаго каноническаго права *Павлова*, № 128.

[2] См. въ Исторіи Русской церкви *преосв. Макарія* XI, 175.

всю Россію, черезъ свой примѣръ стали немолчными проповѣдниками того, что истинною формою монашеской жизни должно быть общежитіе; внимая этой проповѣди примѣра преподобнаго Сергія и его монастыря, послѣдующіе лучшіе основатели монастырей, изъ которыхъ многіе были личными учениками или собесѣдниками преподобнаго Сергія, начали основывать не иные монастыри, какъ общежитные; послѣдуя примѣру лучшихъ монастырей новыхъ, начали принимать общежитіе и лучшіе монастыри прежніе. А такимъ образомъ, благодаря преподобному Сергію, общежитіе и было возстановлено въ московской Руси, какъ благодаря преподобному Ѳеодосію Печерскому оно было первоначально водворено во всей Руси...

Итакъ, вотъ какія надлежащія представленія должно имѣть о преподобномъ Сергіи Радонежскомъ! Онъ есть великій подвижникъ въ сонмѣ нашихъ русскихъ подвижниковъ; но, кромѣ этого частнаго, такъ сказать, достоинства или кромѣ этой частной высоты, онъ имѣетъ еще необыкновенно важное общее значеніе въ исторіи нашего русскаго монашества: послѣ преподобнаго Ѳеодосія Печерскаго, который былъ у насъ вводителемъ истинной монашеской жизни въ формѣ общежитія, онъ былъ у насъ возстановителемъ этой истинной монашеской жизни. Значеніе преподобнаго Ѳеодосія Печерскаго въ исторіи нашего монашества признается всѣми по должному: да признается же по должному и значеніе преподобнаго Сергія Радонежскаго!

Но если преподобный Сергій былъ возстановителемъ у насъ истинной монашеской жизни, то мы не почтили бы памяти его достойнымъ образомъ, если-бы въ заключеніе рѣчей о немъ не обратились отъ прошедшаго къ настоящему и не закончили этихъ рѣчей добрыми пожеланіями современному нашему монашеству.

Преподобный Ѳеодосій Печерскій ввелъ у насъ истинное монашество въ видѣ общежитія, и оно, просуществовавъ у насъ не особенно продолжительное время, совершенно исчезло, чтобъ снова уступить свое мѣсто монашеству не совсѣмъ истинному въ видѣ особножитія. Преподобный Сергій Радонежскій возстановилъ у насъ истинное монашество, но и послѣ него не было такъ, чтобы монашество это осталось у насъ навсегда. И послѣ него, какъ послѣ Ѳеодосія, оно падало, а если послѣ паденій снова поднималось, то уже не достигало высоты, на которой было поставлено имъ. Несправедливы были бы мы къ современному нашему монашеству, если-бы сказали, что оно находится на той степени упадка, до которой монашество доходило или на которую оно ниспадало у насъ въ иныя прежнія времена; но мы были бы льстецами и лжецами, если-бы и и сказали, что оно находится на совершенно должной ему высотѣ и что по отношенію къ нему не остается желать ничего большаго. Не вдаваясь въ подробныя рѣчи о недостаткахъ современнаго нашего монашества, для чего здѣсь теперь и не мѣсто и не время, но бывъ побуждаемые воспоминаніями о великомъ человѣкѣ и великомъ угодникѣ Божіемъ, который нѣкогда возстановилъ у насъ истинное монашество, усердно пожелаемъ современному нашему монашеству подняться на ту высоту, на которую оно было возведено преп. Сергіемъ.

II.

Путеводитель по Лаврѣ.

Видъ Св. Троицкія Сергіевы лавры.
(Съ юговосточной стороны.)

Общіе источники и пособія, изъ которыхъ мы брали свѣдѣнія для настоящаго Путеводителя и которыми пользовались при его составленіи, суть слѣдующіе:

1) Рядъ краткихъ историческихъ записей о Троицкомъ монастырѣ съ 1512-го года по 1640-й годъ, читаемый въ одной рукописи, которая принадлежала прежде монастырю, а теперь находится въ Сѵнодальной библіотекѣ, напечатанный А. Ѳ. Бычковымъ подъ именемъ Краткаго лѣтописца Святотроицкія Сергіевы лавры въ III выпускѣ Лѣтописи занятій Археографической Коммиссіи и перепечатанный архим. Леонидомъ въ приложеніяхъ къ его 2-му, 1890-го года, изданію Описанія лавры А. В. Горскаго.

2) Опись Троицкаго монастыря, произведенная въ теченіе 1641—1643-го годовъ наряженной отъ царя Михаила Ѳеодоровича коммиссіей его чиновниковъ, весьма подробная и обстоятельная, такъ что представляетъ изъ себя огромную мелкаго письма рукопись, хранящаяся въ настоящее время въ монастырской ризницѣ.

3 и 4) Двѣ краткія описи монастыря, составленныя—одна въ 1768-мъ году для св. Сѵнода, другая—въ 1785-мъ году для Межевой канцеляріи, къ сочиненію атласа Московской губерніи, находящіяся въ монастырскомъ архивѣ.

5) Краткое историческое описаніе Святотроицкія Сергіевы лавры, съ приложеніемъ знатныхъ произшествій, случившихся въ оной, составленное въ 1781-мъ году намѣстникомъ лавры іеромонахомъ Павломъ Пономаревымъ (скончавшимся въ 1806-мъ году въ санѣ архіепископа Ярославскаго), изданное въ слѣдующемъ 1782-мъ году и потомъ восемь или болѣе разъ переиздаванное, при чемъ каждый разъ было исправляемо и дополняемо соотвѣтственно тому, какихъ перемѣнъ и дополненій требовала дѣйствительность (Первое изданіе 1782-го года и второе изданіе 1790-го года напечатаны съ именемъ составителя; послѣдующія изданія, начиная съ третьяго 1796-го года, такъ какъ были печатаемы уже не составителемъ, въ 1794-мъ году поставленнымъ изъ архимандритовъ Новоспасскихъ въ епископы Нижегородскіе, а монастыремъ, печатались безъ его—составителя имени или безъименно. Первое изданіе, весьма рѣдкое, напечатано подъ заглавіемъ: „Краткое историческое описаніе Святотроицкія Сергіевы Лавры.

Съ присовокупленіемъ произшествій случившихся въ оной. Сочиненное Оныя Лавры Намѣстникомъ Іеромонахомъ Павломъ. Въ Санктпетербургѣ 1792 года." Третье, а безъименное первое, изданіе напечатано подъ заглавіемъ: „Краткое историческое описаніе Свято-Троицкія Сергіевы Лавры съ приложеніемъ знатныхъ произшествій случившихся въ оной, Противу прежняго изданія во многомъ исправленное, и открывшимися вновь обстоятельствами дополненное до 1796 года. Москва. Въ вольной Типографіи А. Рѣшетникова. 1796". Послѣдующія, извѣстныя намъ, изданія относятся къ 1801, 1809, 1815, 1818, 1824 и 1829 годамъ. Съ изданія 1801-го года къ описанію лавры прибавлено описаніе: „и Спасо-Виѳанскаго училищнаго монастыря," а два послѣднія изданія 1824-го и 1829-го годовъ еще: „съ присовокупленіемъ описанія Махрищскаго монастыря" (хотя въ дѣйствительности „Краткое историческое описаніе Махрищскаго монастыря" есть уже въ первомъ изданіи). На изданіи 1809-го года выставлено, что оно есть: „изданіе третіе", и отъ него ведется счетъ дальнѣйшихъ изданій, такъ что изданіе 1829-го года есть седьмое; это значитъ, что счетъ изданій начатъ съ перваго безъименнаго изданія или съ перваго изданія, сдѣланнаго самимъ монастыремъ послѣ составителя описанія. (Преосв. Филаретъ въ Обзорѣ литературы,—II, § 120, утверждаетъ, что описаніе печатаемо было до 1837-го года, но едва ли онъ не ошибается и какъ будто изданіе 1829-го года есть послѣднее изданіе).

6) Автобіографія митр. Платона, напечатанная въ первый разъ, съ несовершенно исправнаго списка, И. М. Снегиревымъ въ приложеніи къ его сочиненію: Жизнь Московскаго митрополита Платона (первое изданіе—1831 г., второе—1856 г.), и во второй разъ, съ автографа, хранящагося въ Лаврской ризницѣ, С. К. Смирновымъ въ 9 и 10 №№ Душеполезнаго Чтенія за 1887-й годъ.

7) Письма митр. Филарета къ намѣстникамъ лавры Аѳанасію и Антонію, изъ коихъ первыя напечатаны въ 38-й части Прибавленій къ твореніямъ святыхъ отцевъ (1886 г. кнн. 3 и 4), а вторыя—отдѣльно, въ четырехъ частяхъ, въ продолженіе 1877—1884 годовъ.

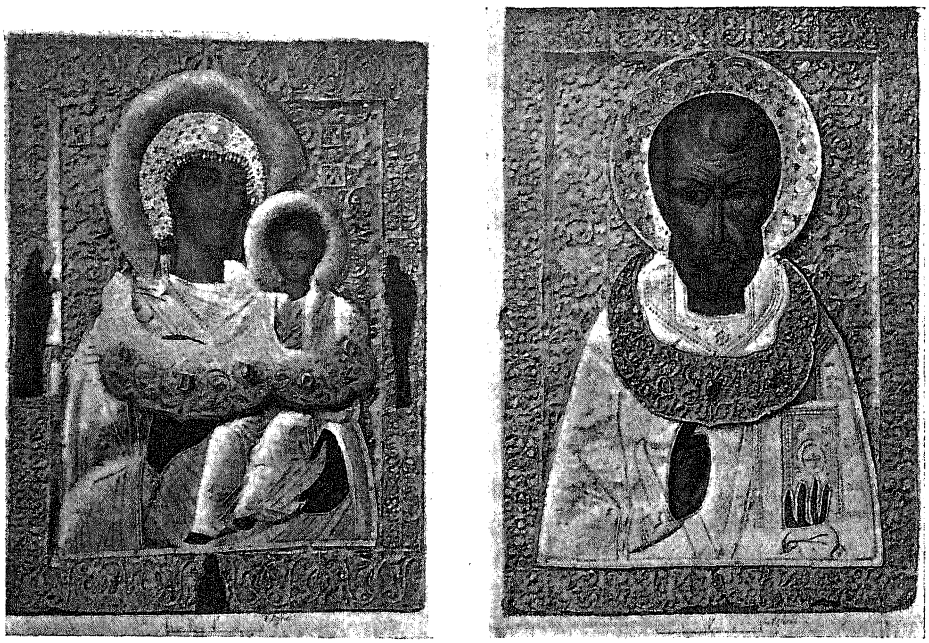
8) Историческое описаніе Святотроицкія Сергіевы лавры, принадлежащее А. В. Горскому, напечатанное въ первый разъ въ 1842-мъ году и потомъ до настоящаго времени перепечатываное восемь разъ, именно—въ 1852, 1857, 1865, 1873, 1878—79, 1882, 1889 и 1890 годахъ. Изъ сихъ восьми изданій два изданія, сдѣланныя архим. Леонидомъ,—1878—79 г., помѣщенное въ Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей Росс., и 1890 г., выданное отдѣльно, напечатаны съ возстановленіемъ подлиннаго текста автора, сокращеннаго митр. Филаретомъ, и снабжены многими приложеніями издателя. Только въ этихъ двухъ изданіяхъ выставлено имя автора описанія, во всѣхъ же остальныхъ изданіяхъ, начиная съ перваго, оно безъ имени автора.

9 и 10) Небольшое количество особенныхъ, но довольно важныхъ, извѣстій находимъ въ принадлежащихъ къ общимъ источникамъ двухъ сочиненіяхъ извѣстнаго славнаго труженика въ области русской исторіи Ге-

рарда Фридерика Миллера, именно—краткомъ описаніи Троицкаго монастыря или запискѣ о немъ, составленной между 1770—1775-мъ годами, и описаніи поѣздки въ Троицкій монастырь, совершонной въ 1778-мъ году. Въ рукописяхъ оба сочиненія сохраняются вмѣстѣ съ другими бумагами Миллера въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Второе сочиненіе было напечатано Миллеромъ, и при томъ на нѣмецкомъ и на русскомъ языкахъ, въ тогдашнихъ нѣмецкомъ и русскомъ журналахъ Академіи Наукъ (Нѣмецкій подлинникъ, котораго мы не видали и который указываемъ по Словарю русскихъ свѣтскихъ писателей *митр. Евгенія*,—въ 3-й части Петербургскаго Нѣмецкаго журнала 1778-го года, Русскій переводъ—въ Новыхъ Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ, ч. XLI, ноябрь 1789-го года, стрр. 28—45).

Принадлежатъ не къ общимъ, а къ частнымъ, источникамъ, но по своей важности для насъ заслуживаютъ быть нарочито упомянутыми статьи [умершаго] іеромонаха лавры, ея бывшаго библіотекаря и составителя описанія ея рукописей, о. Арсенія, каковыя суть: 1) О вотчинныхъ владѣніяхъ Троицкаго монастыря при жизни его основателя, преподобнаго Сергія, напечатанная въ 1877-мъ году, въ VII выпускѣ Лѣтописи занятій Археографической Коммиссіи; 2) Лѣтопись намѣстниковъ, келарей, казначеевъ, ризничихъ, экономовъ и библіотекарей Свято-Троицкой Сергіевой лавры, напечатанная въ 1868-мъ году, въ IV выпускѣ той же Лѣтописи; 3) Доклады, грамоты и другіе акты Троицкаго Сергіева монастыря о служкахъ, напечатанная въ 1867-мъ году, въ III книгѣ Чтеній Общества Исторіи и Древностей Росс. на сей годъ; 4) Историческія свѣдѣнія объ иконописаніи въ Троицкой Сергіевой лаврѣ, напечатанная въ 1873-мъ году, въ Сборникѣ на сей годъ Общества Древнерусскаго Искусства при Московскомъ Публичномъ музеѣ. 5) Очень важно сдѣланное о. Арсеніемъ изданіе двухъ жалованныхъ грамотъ Троицкому монастырю импер. Елизаветы Петровны отъ 11-го іюня 1752-го года, изъ коихъ одна обо всѣхъ вотчинахъ монастыря, а другая обо всѣхъ его подворьяхъ, напечатанныхъ въ 1865-мъ году, въ IV книгѣ Чтеній Общества Исторіи и Древностей Росс. на сей годъ (перепечатанныхъ архим. Леонидомъ въ прибавленіяхъ къ Описанію лавры А. В. Горскаго). 6) Имѣютъ немалую важность для насъ и составленныя о. Арсеніемъ описанія церквей посадскихъ приходовъ: Клементьевскаго (напеч. въ Чтен. Общ. Ист. и Древн. Росс. 1887 г., кн. 2), Рождественскаго (ibid. 1891 г., кн. 3), Пятницкаго (ibid. 1894 г., кн. 4) и Ильинскаго (ibid. 1897 г., кн. 1).

Другія частныя источники и пособія, за исключеніемъ въ первомъ случаѣ общеизвѣстныхъ или относящихся къ исторіи обще-церковной и обще-государственной, указываются въ примѣчаніяхъ.



Иконы: преч. Богородицы Одигитріи и свят. Николая «моленія» (келейныя) преп. Сергія.

I.

Общія свѣдѣнія о монастырѣ.

Исторія монастыря.—Его знаменитость.—Мѣсто его среди другихъ монастырей.—Санъ и богослужебныя преимущества его настоятелей.—Наименованіе лаврой.—Хозяйство и богатство монастыря.—Заимствованіе у него денегъ государями.—Его управленіе.—Количество монаховъ.—Списокъ настоятелей.

Троицкая Сергіева лавра создана въ честь святыя Троицы преподобнымъ Сергіемъ Радонежскимъ.

Преподобный Сергій, носившій въ мірѣ имя Варѳоломея, родился въ 1314-мъ году, въ Ростовской области, отъ одного знатнаго боярина Ростовскаго удѣльнаго княженія, по имени Кирилла (съ супругой, по имени Маріей). Когда было ему около 15-ти лѣтъ, отецъ его вынужденъ былъ обстоятельствами переселиться изъ Ростова въ Московскую область, въ городокъ Радонежъ (см. о немъ ниже, въ главѣ XII), отъ чего и случилось, что, будучи по рожденію Ростовцемъ, онъ возсіялъ какъ подвижникъ Московскій. Въ весьма ранней юности принявъ намѣреніе посвятить себя Богу въ иночествѣ, Варѳоломей привелъ намѣреніе въ исполненіе

послѣ смерти своихъ родителей, на 22-мъ или на 23-мъ году возраста. Рѣшивъ для монашескаго подвижничества пойдти не въ какой нибудь монастырь, а въ лѣсную пустыню, онъ пригласилъ въ товарищи себѣ своего старшаго брата Стефана, который, женившись и вскорѣ послѣ женитьбы овдовѣвъ, постригся въ монахи въ Хотьковомъ монастырѣ (см. о немъ ниже, въ той же XII главѣ) еще при жизни родителей. Въ дремучемъ лѣсу, который простирался отъ Радонежа и отъ Хотькова монастыря на сѣверъ, къ Переяславлю, братья избрали для своего поселенія то мѣсто, на которомъ стоитъ лавра, и именно, такъ какъ лавра занимаетъ значительно обширную площадь, то мѣсто въ ней, на которомъ стоитъ Троицкій соборъ. Если справедливо, что украшеніе всякой мѣстности составляетъ вода, то никакъ нельзя сказать, чтобы братья избрали для своего поселенія мѣсто красивое: правда, они избрали его на берегу рѣчки (въ древнее время называвшейся Консерой, теперь называющейся Кончурой), но рѣчки до того ничтожной и мелкой, что ея мутная вода даже не годилась для употребленія и была замѣняема водою изъ источниковъ или ключей, которыми изобилуетъ мѣсто. Впрочемъ, преподобный Сергій могъ разсуждать, что отсутствіе красоты природы скорѣе содѣйствуетъ, чѣмъ препятствуетъ спасенію; а впослѣдствіи естественный недостатокъ воды восполненъ былъ искуственно, чрезъ устроеніе вокругъ монастыря многихъ прудовъ (бо́льшей части которыхъ не существуетъ въ настоящее время, см. ниже, въ главѣ XI). Отъ волости городка Радонежа или Радонежской, въ которой преподобный Сергій устроилъ свой монастырь, онъ и получилъ прозваніе Радонежскаго.

Поставивъ на избранномъ мѣстѣ келлію для обитанія и церквицу или малую церковь во имя святыя Троицы для молитвы, братья начали пустынножительствовать. Однако Стефанъ очень не долго могъ выносить это пустынножительство и ушолъ отъ Варѳоломея въ Москву, оставивъ его въ пустынѣ одного. Оставшись одинъ, Варѳоломей прежде всего озаботился принять монашеское постриженіе, которое и совершилъ надъ нимъ (перемѣнивъ ему имя Варѳоломея на имя Сергія) приходившій къ нему по его зову въ пустыню нѣкій игуменъ-старецъ, по имени Митрофанъ. Въ минуту постриженія ему было 23 года возраста. „Единъ единствуя“ или одиноко преподобный Сергій прожилъ въ пустынѣ неизвѣстное точнымъ образомъ время отъ двухъ до четырехъ лѣтъ. Къ концу двухлѣтія или четырехлѣтія начала распространяться слава о немъ между окрестными монахами; между послѣдними, одинъ за другимъ, стали находиться люди, возгоравшіеся желаніемъ подвизаться подъ его руководствомъ, и съ поселенія около него этихъ желавшихъ быть ему сопустынниками и зачался его монастырь,—послѣдующая знаменитая Троицкая лавра. Въ непродолжительное время къ преподобному собралось братіи двѣнадцать человѣкъ, и когда одна за другою были поставлены двѣнадцать келлій,—каждымъ приходившимъ своя особая келлія (о чемъ см. выше въ жизнеописаніи, стр. 30) преподобный обнесъ ихъ тыномъ. Въ монастырѣ надлежало быть игумену: сначала игуменство возложено было на старца Митрофана, кото-

рый постригъ Сергія въ монахи и который пришолъ къ нему жить, когда у него составился монастырекъ; а потомъ, когда послѣ весьма недолгаго времени Митрофанъ скончался, игуменство воспринялъ на себя самъ преподобный,—это было въ 1344-мъ году, спустя семь лѣтъ послѣ его пострижения въ монахи и когда ему было 30 лѣтъ возраста.

Въ монастырѣ оставалась та церквица или малая церковь, которую Сергій со Стефаномъ устроили для себя, и келліи его первоначально поставлены были на расчищенной изъ-подъ лѣса полянѣ кое-какъ. Не принесши изъ міра въ пустыню золота и серебра, преподобный не имѣлъ возможности помышлять о благолѣпномъ храмѣ и о благолѣпіи монастыря; но скоро ему дана была эта возможность. Въ непродолжительномъ времени слава его распространилась довольно далеко; пожелалъ жить и подвизаться у него въ пустынѣ одинъ Смоленскій архимандритъ, по имени Симонъ. Симонъ имѣлъ большія деньги, которыя и принесъ съ собою и вручилъ преподобному Сергію на благоустроеніе монастыря. На деньги Симона преподобный поставилъ въ монастырѣ хорошую церковь (подразумѣвается—деревянную), а келліи его привелъ въ порядокъ, именно—расположилъ ихъ кругомъ церкви въ видѣ четвероугольника. Этотъ четвероугольникъ келлій, какъ видно изъ дальнѣйшаго, былъ очень не великъ или не пространенъ, такъ что довольно тѣсно облегалъ церковь; но что касается до самой площади монастыря, которая при этой перестройкѣ его, вѣроятно, опредѣлена была окончательно, то имѣемъ основаніе думать, что она была очень значительна[1]. На большомъ пространствѣ между келліями и тыномъ монастыря со сторонъ восточной и сѣверной (а со сторонъ южной и западной пространство было, какъ и въ настоящее время, не велико) находились монастырскіе огороды и монастырскія хозяйственныя заведенія—коровій и конный дворы, а можетъ быть—и самое гумно.

По мѣрѣ возрастанія славы преподобнаго Сергія какъ подвижника возрастало и усердіе къ нему и его обители людей благочестивыхъ. Величайшее усердіе къ нему людей благочестивыхъ, соотвѣтствовавшее его великой славѣ какъ подвижника, дало ему полную возможность благоустроить свой монастырь такъ, чтобы онъ уже и при немъ самомъ сталъ пресловущей лаврой. А что касается до церкви монастыря, то жизнеописатель преподобнаго говоритъ, что онъ украсилъ ее „всякою подобною (подобающею) красотою“. Всѣ зданія въ монастырѣ, со включеніемъ и церкви, или, какъ сейчасъ скажемъ, со включеніемъ и церквей, были при преподобномъ Сергіи деревянныя. Но совершенно несправедливо было бы полагать, что при зданіяхъ деревянныхъ монастырь преподобнаго Сергія не могъ быть по своему внѣшнему виду благолѣпнымъ, т. е., хотимъ сказать мы, совершенно неосновательно было бы представлять себѣ деревян-

[1] Не менѣе какъ до половины XVII вѣка оставалась цѣлою въ монастырѣ житница преп. Сергія, см. о ней ниже въ главѣ IV; но она находилась въ самомъ сѣверо-восточномъ углу нынѣшняго монастыря. Конный дворъ помѣщался въ самомъ монастырѣ до половины XVI в., см. ниже тамъ же.

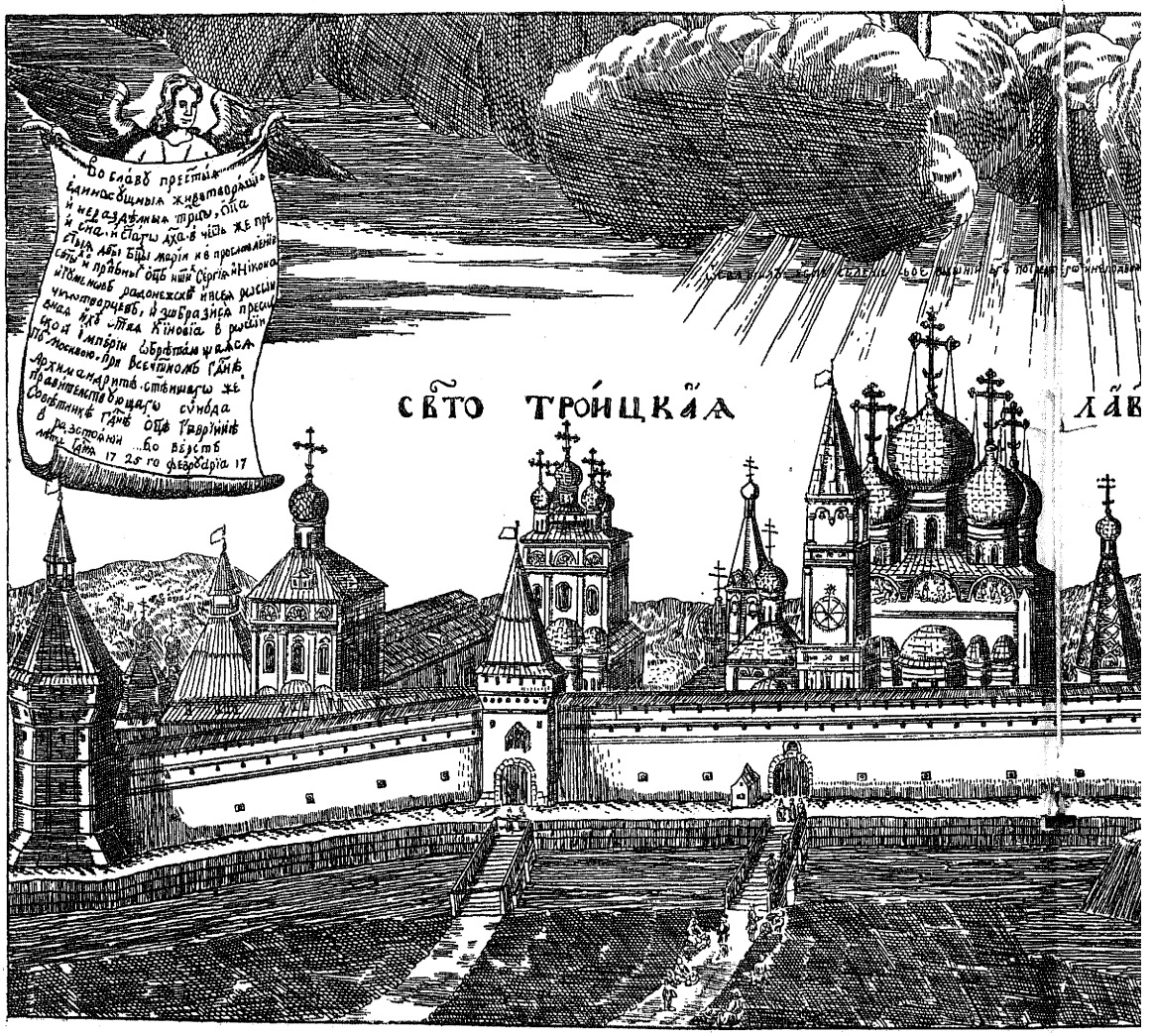
ныя зданія временъ преподобнаго Сергія не иначе, какъ зданіями убогими. Въ древнее время у насъ не процвѣтало зодчество (строительство) каменное, такъ что и самая обыкновенная каменная церковь уже принималась у насъ за церковь великолѣпную; но что касается до зодчества деревяннаго, то оно было у насъ въ древнее время нисколько не ниже, а отчасти даже и выше, чѣмъ въ настоящее время, такъ что у насъ умѣли строить тогда и великолѣпныя деревянныя церкви и великолѣпныя деревянныя хоромы (можетъ показаться невѣроятнымъ, а между тѣмъ извѣстно положительнымъ образомъ, что бывали въ старое время „зѣло чудныя“ деревянныя церкви 37-ми саженъ длины и столькихъ же саженъ вышины, и не называемыя чудными,—30-ти саженъ вышины до креста, и при томъ бывали въ монастыряхъ, не имѣвшихъ никакой особой знаменитости,—*Бычкова* Описаніе сборниковъ Публичн. библіот. I, 8 нач. и 104 fin.).

Симонъ Азарьинъ (бывшій монахомъ, казначеемъ и келаремъ Троицкаго монастыря въ первой половинѣ XVII вѣка) въ житіи архимандрита Діонисія сообщаетъ извѣстіе, что до осады лавры Поляками была въ ней деревянная церковь чудотворца Димитрія Солунскаго, стоявшая на святыхъ воротахъ ея вмѣстѣ съ каменною церковію преподобнаго Сергія (въ настоящее время—Іоанна Предтечи)[1]. Чудотворецъ Димитрій Солунскій былъ ангелъ великаго князя Дмитрія Ивановича Донского (1362—1389), и дѣло необходимо понимать такъ, что церковь первоначально была построена самимъ преподобнымъ Сергіемъ въ честь ангела государя, съ которымъ онъ находился въ тѣсномъ союзѣ духовной любви. Но если преподобнымъ Сергіемъ была поставлена на воротахъ монастырской ограды церковь, то необходимо представлять себѣ ограду эту не какъ тынъ, а какъ настоящую стѣну (подразумѣвается—срубленную изъ дерева, каковыми были тогда почти и всѣ наши городскія крѣпости или, какъ онѣ назывались,—„города“). А изъ сего слѣдуетъ, что тынъ, которымъ обнесенъ былъ монастырь первоначально, замѣнилъ стѣной еще самъ преподобный Сергій.

[1] Въ одномъ видѣніи чудотворецъ Димитрій Солунскій былъ названъ молитвенникомъ за Русь (и за монастырь Троицкій) вмѣстѣ съ преподобнымъ Сергіемъ (въ видѣніи Іоанну Насѣдкѣ, томъ самомъ, которое въ книгѣ Симона Азарьина о новыхъ чудесахъ есть чудо 3-е, по печатн. стр. 23 fin.). По этому поводу Симонъ Азарьинъ началъ довѣдываться о Димитріи Солунскомъ, и относительно результата своего довѣдыванія пишетъ въ житіи: „довѣдавшу же ся мнѣ нынѣ, яко храмъ брусяной чюдотворца Димитрія Селунскаго былъ преже разоренія въ Троицкомъ монастырѣ у церкви каменые Сергія чюдотворца, еже есть на воротехъ, по лѣвую сторону олтаря, на всходѣ, противъ лѣствицы, а разобрану(-а), сказываютъ, та церковь въ осадное время“,—Лаврская ркп. № 700, л. 75 fin. (чудо 19-е, „О явленіи святаго іерею Ѳеодору и отъ болѣзни изцѣленіе“). Церковь, построенная самимъ преподобнымъ Сергіемъ, должна была сгорѣть въ 1408-мъ году, когда монастырь былъ выженъ Татарами, о чемъ ниже; но вѣроятно, что церковь, разобранная во время осады монастыря Поляками, была вторая послѣ Сергіевой, построенная преподобнымъ Никономъ при возобновленіи монастыря послѣ сейчасъ указаннаго уничтоженія его въ 1408-мъ году.

Въ 1382-мъ году, въ августѣ мѣсяцѣ, ханъ Сарайскій Тохтамышъ, низложившій Мамая, сдѣлалъ грозное нашествіе на Москву. Отъ полчищъ Татарскихъ преподобный Сергій удалялся съ своей братіей въ Тверь (въ которую удалялся и митрополитъ Кипріанъ изъ Москвы). Но монастырь его, подвергавшійся опасности быть разграбленнымъ и выжженнымъ, ибо Тохтамышемъ были разосланы отдѣльные отряды войска во всѣ окрестности Москвы, остался невредимымъ.

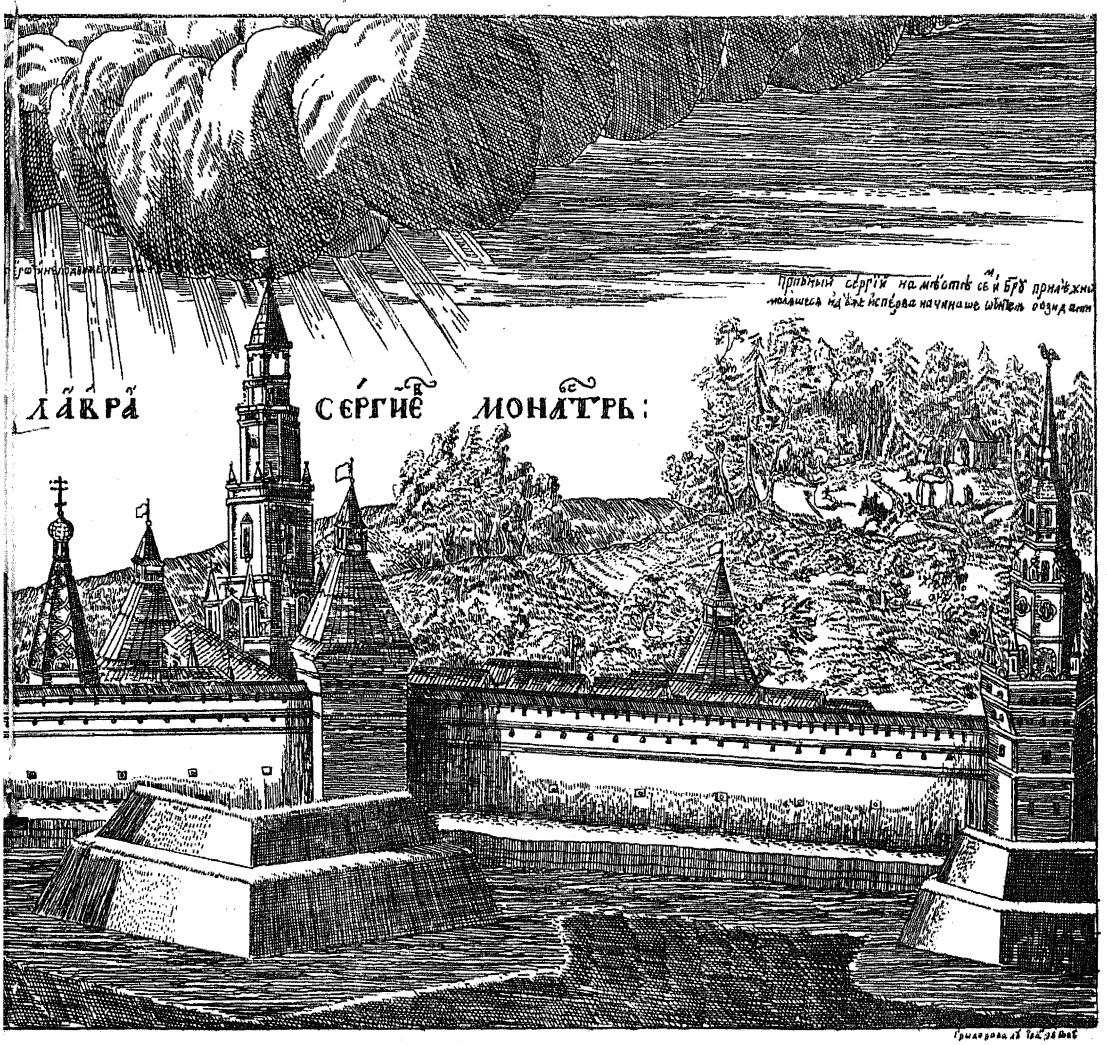
Послѣ 78-ми лѣтъ жизни, послѣ 55-ти лѣтъ монашества и послѣ 48-ми лѣтъ игуменства преподобный Сергій скончался 25-го сентября 1392-го года, поставивъ въ свои преемники за шесть мѣсяцевъ до своей кончины ученика своего Никона.



Видъ Свято-Троицкія Сергіевы лавр
(гравюра Ив. Зубова

Преподобный Никонъ, вскорѣ послѣ смерти преподобнаго Сергія оставлявшій игуменство, чтобы предаваться подвигу безмолвія, и снова воспринявшій его черезъ шесть лѣтъ, въ продолженіе которыхъ былъ замѣняемъ по должности настоятеля монастыря другимъ ученикомъ преподобнаго Сергія преподобнымъ Саввою Дубенско-Звенигородскимъ (о которомъ см. выше въ жизнеописаніи, стр. 80) оставался потомъ игуменомъ до конца 1438-го или 1439-го года (скончался 17 ноября того или другого изъ этихъ годовъ).

Въ нашествіе на Москву Едигѣево, имѣвшее мѣсто въ концѣ 1408-го года, когда не только опустошено было Татарами все великое княженіе, но и сосѣднія области, преподобный Никонъ, бывъ въ видѣніи предъ-



ы лавры въ началѣ XVIII-го вѣка
Зубова 1725 г.)

увѣдомленъ преподобнымъ Сергіемъ объ угрожающей опасности, заблаговременно уводилъ братію монастыря куда-то въ безопасное мѣсто, но самый монастырь былъ совершенно выженъ, такъ что нужно было построить его совсѣмъ вновь. Это преподобный Никонъ и сдѣлалъ. Такъ какъ усердіе благочестивыхъ людей къ монастырю преподобнаго Сергія не только не уменьшилось послѣ его преставленія, но и увеличилось, ибо теперь онъ сталъ болѣе близкимъ къ Богу и болѣе сильнымъ молитвенникомъ за людей, чѣмъ при жизни; такъ какъ самъ преподобный Никонъ пользовался великою славою подвижника („повсюду бѣ,—говоритъ его жизнеописатель,—Никоново имя слышати, яко священіе нѣкое обносимо“) и такъ какъ онъ-Никонъ несомнѣнно былъ прекрасный хозяинъ, положившій прочное начало тому богатству монастыря, которое мы видимъ впослѣдствіи, и умѣвшій находить средства, когда онѣ были нужны,—то вновь построенный имъ монастырь не только не уступалъ въ благоустройствѣ сожженому монастырю самого преподобнаго, но и превосходилъ его. Какъ видно изъ записи на одной рукописи Лаврской библіотеки, церковь возстановленнаго монастыря была освящена 25-го сентября 1411-го года (при чемъ дѣло со всею вѣроятностію должно быть понимаемо такъ, что—церковь хорошая, настоящая, имѣвшая остаться навсегда, послѣ временной церкви поставленной тотчасъ послѣ пожара на скорую руку)[1].

Въ 1422-мъ году, въ слѣдствіе бывшаго видѣнія, открыты были нетлѣнныя мощи преподобнаго Сергія (который былъ погребенъ въ самой церкви монастыря, у южной ея стѣны близь олтарной преграды или по правую сторону входа въ южное предъолтаріе). Послѣ сего преподобный Никонъ воздвигъ надъ мощами преподобнаго Сергія вмѣсто деревянной церкви каменную, по своему времени прекрасную. Это—до настоящаго времени существующій Троицкій соборъ, въ которомъ до настоящаго времени почиваютъ мощи преподобнаго Сергія.

Дальнѣйшая исторія монастыря можетъ быть раздѣлена на два отдѣла; именно—во первыхъ, исторія его зданій; во вторыхъ—исторія имѣвшихъ мѣсто въ немъ замѣчательныхъ произшествій и совершенныхъ его монахами, собственно—настоятелями, замѣчательныхъ дѣяній.

Исторія зданій.

Между зданіями мы укажемъ: въ отношеніи къ церквамъ—постепенное ихъ умноженіе, а въ отношеніи къ прочимъ зданіямъ—замѣну деревяннаго строенія каменнымъ.

Послѣ каменной церкви святыя Троицы, построенной преподобнымъ Никономъ надъ мощами преподобнаго Сергія, всѣ послѣдующія церкви монастыря были каменныя (собственно—кирпичныя, тогда какъ церковь святыя Троицы именно каменная, изъ каменныхъ тёсанныхъ кубовъ). Порядокъ постепеннаго ихъ строенія есть слѣдующій.

---

[1] См. ркп. № 156, л. 252, послѣсловіе.

Преподобный Никонъ, приступивъ къ строенію надъ мощами преподобнаго Сергія каменной церкви, перенесъ бывшую надъ ними деревянную церковь на другое мѣсто, саженъ на 15-ть къ востоку отъ прежняго мѣста (гдѣ теперь Духовская церковь). Въ 1476-мъ году деревянная церковь, посвященная такъ же святой Троицѣ, какъ и на прежнемъ мѣстѣ, замѣнена была каменной[1], такъ что въ монастырѣ стало двѣ каменныя церкви во имя святыя Троицы.

Въ 1512-мъ году поставлены были въ монастырской стѣнѣ каменныя святыя ворота и на нихъ церковь во имя преподобнаго Сергія (съ сохраненіемъ при ней, какъ сказали мы выше, и деревянной церкви святаго Димитрія Солунскаго)[2].

Въ 1548-мъ году была поставлена каменная церковь надъ гробомъ преподобнаго Никона, который причисленъ былъ къ лику святыхъ (канонизованъ) на соборѣ предшествующаго 1547-го года.

Въ 1559-мъ году на мѣстѣ второй Троицкой церкви, складенной въ 1476-мъ году и, вѣроятно, пришедшей въ ветхость (а, можетъ быть, и совсѣмъ упавшей), складена была новая церковь, по прежнему посвященная святой Троицѣ.

Въ послѣдніе годы правленія Ивана Васильевича Грознаго († 18-го марта 1584-го года), неизвѣстно—когда именно, начатъ строеніемъ Успенскій соборъ, оконченный въ 1585-мъ году и освященный 15-го августа сего года.

Въ 1621-мъ году была поставлена у трапезы, находившейся на мѣстѣ нынѣшней колокольни (была прикладена къ ней) церковь преподобнаго Михаила Малеина.

Въ 1623-мъ году вмѣсто прежней церкви преподобнаго Никона складена новая, болѣе обширная.

Въ 1635-мъ году складена больничная церковь Соловецкихъ чудотворцевъ Зосимы и Савватія.

Въ продолженіе 1687—1692-го годовъ была построена новая трапеза съ церковію при ней преподобнаго Сергія, послѣ чего прежняя трапеза и прежняя трапезная церковь, пришедшія въ ветхость, были разобраны.

---

[1] Что церковь была складена кирпичная, а не каменная, это прямо сказано въ Типографской лѣтописи,—стр. 286.

[2] Ворота съ церковію заложены были совершенно въ необычное для каменныхъ воротъ время—3-го октября 1512-го года (Типогр. лѣт. стр. 355 и запись на Лаврск. ркп. № 647), чѣмъ ясно дается знать, что они заложены были по какому-то особенному случаю. Дѣло необходимо понимать такъ, что ихъ рѣшилъ построить отъ себя вел. князь Василій Ивановичъ (который дѣйствительно и присутствовалъ лично какъ при ихъ заложеніи, такъ и при освященіи построенной на нихъ церкви,—тѣ же лѣтопись и рукопись), ища молитвъ и помощи себѣ преп. Сергія въ предстоявшей войнѣ съ Польскимъ королемъ, и заложилъ осенью, не дожидаясь весны, потому что не дожидаясь весны рѣшилъ начать войну (отправился изъ Москвы въ походъ 19-го числа слѣдующаго декабря).

Между 1692-мъ и 1699-мъ годами была перестроена надворотная церковь, при чемъ посвящена была уже не преподобному Сергію (имени котораго была посвящена новая трапезная церковь), а Іоанну Предтечѣ.

Въ 1734-мъ году была построена церковь надъ гробомъ преподобнаго Михея, бывшаго келейникомъ преподобнаго Сергія и удостоившагося присутствовать при посѣщеніи Сергія Божіею Матерію.

Въ 1753-мъ году построена церковь Смоленской Божіей Матери.

Не отдѣльно построены, а устроены въ существовавшихъ зданіяхъ: въ 1758-мъ году въ архимандричьихъ кельяхъ въ честь Казанской Божіей Матери, въ 1853-мъ году въ корпусѣ странноприимной больницы (Варваринскомъ) въ честь святыхъ великомученицъ Варвары и Анастасіи и въ 1875-мъ году въ намѣстничьихъ кельяхъ въ честь Покрова Божіей Матери.

Къ церквамъ принадлежитъ колокольня. Послѣ одной или нѣсколькихъ деревянныхъ колоколенъ извѣстная намъ съ начала XVII вѣка (съ осады лавры Поляками) колокольня монастыря уже каменная, предшествующая нынѣшней, находилась у западной стѣны второй церкви святыя Троицы или нынѣшней Духовской. Когда она была построена, остается неизвѣстнымъ, но, по всей вѣроятности, одновременно съ церковію, т. е. въ 1559-мъ году.

Нынѣшняя колокольня начата строеніемъ въ 1741-мъ году и окончена въ 1756-мъ году, а потомъ надстроена послѣ 1767-го года.

Нынѣшнія стѣны монастыря строены въ продолженіе 10-ти лѣтъ съ 1540-го по 1550-й годъ.

Что касается до келей монастыря, то одновременно съ тѣмъ, какъ превращать ихъ изъ деревянныхъ въ каменныя, произведена была въ отношеніи къ нимъ та перемѣна, что восточная линія ихъ, стоявшая слишкомъ близко къ церквамъ, отодвинута была къ монастырской стѣнѣ. Въ Кратковъ лѣтописцѣ монастыря читаемъ подъ 1556-мъ годомъ: „того же лѣта у живоначальныя Троицы монастырь роздвигали и кельи (должно разумѣть именно восточную линію келей, потому что линія сѣверная, которую также можно было бы отодвинуть къ стѣнѣ, была уничтожена или при этомъ, или нѣсколько ранѣе этого) розносили къ конюшнямъ; а отъ старого мѣста отнесли кельи до нового мѣста 40 саженъ, гдѣ нынѣча стоятъ“.

Западная линія келей начала быть превращаема изъ деревянной въ каменную съ 1552-го года, въ которомъ были поставлены въ этой линіи каменныя больница и келарская. Южная и восточная линіи келей выстроены были каменныя въ 1640-мъ году. Къ 1641-му году, въ которомъ по приказанію государя составлена была подробная опись монастыря, сохранившаяся до настоящаго времени, всѣ кельи въ немъ были каменныя (хотя при этомъ еще уцѣлѣлъ нѣкоторый остатокъ и келей деревянныхъ).

Внѣшній видъ нынѣшнихъ келей, нисколько не говорящій о XVII вѣкѣ, и на самомъ дѣлѣ—не отъ этого вѣка, а отъ гораздо позднѣйшаго времени, о чемъ ниже, въ особой главѣ о кельяхъ (гл. IV).

Каменная трапеза была поставлена неизвѣстно когда до 1621-го года[1].

Каменный царскій дворецъ на мѣсто деревяннаго былъ построенъ въ концѣ царствованія Петра Великаго, между 1718—1721-мъ годами.

(Въ 1892 году по линіи ограды Пафнутіевскаго сада устроенъ странно-пріимный домъ. Въ 1893—1895 гг. устроены съ западной стороны лавры въ Пафнутьевомъ саду: корпусъ „больницы—богадѣльни“ съ церковью пр. Іоанна Лѣствичника вверху и свв. великомученицъ Варвары, Анастасіи и Акилины внизу и длинный „переходный“ корпусъ, перекинутый чрезъ рѣчку Кончуру и соединяющій зданіе больницы—богадѣльни съ лаврою)[2].

Исторія произшествій и дѣяній.

Въ 1442-мъ году Троицкій игуменъ Зиновій примирилъ въ своемъ монастырѣ великаго князя Василія Васильевича съ его двоюроднымъ братомъ Дмитріемъ Юрьевичемъ Шемякой, заставивъ ихъ поцѣловать другъ къ другу крестъ у гроба преподобнаго Сергія[3].

Въ 1446-мъ году (13-го февраля) великій князь Василій Васильевичъ былъ захваченъ въ Троицкомъ монастырѣ по порученію Шемяки Можайскимъ княземъ Иваномъ Андреевичемъ, послѣ чего былъ Шемякою ослѣпленъ[4].

Между 1445-мъ и 1446-мъ годами Троицкій монастырь, власти котораго имѣли неудовольствіе на мѣстнаго Радонежскаго князя, каковымъ

---

[1] По описи 1641-го года на трапезѣ (каменной) стояли одни изъ троихъ, бывшихъ тогда въ монастырѣ, боевыхъ часовъ, подъ которыми со всею вѣроятностію должно разумѣть первые въ монастырѣ таковые часы, сдѣланные, по Краткому лѣтописцу, въ 1556-мъ году, такъ какъ они называются въ описи старыми часами. Но изъ этого нельзя еще съ рѣшительностью заключать, что трапеза каменная поставлена до 1556-го года, ибо часы, сдѣланные ранѣе ея поставленія, могли быть перенесены на нее потомъ (съ колокольни или съ одной изъ стѣнныхъ башенъ).

[2] См. Историческое описаніе Свято-Троицкія Сергіевы лавры. Свято-Троицкая Сергіева лавра. 1902 г., стрр. 13—14.

[3] Что Зиновій примирилъ вел. князя съ Дмитріемъ именно въ своемъ монастырѣ и именно заставивъ ихъ поцѣловать другъ къ другу крестъ у гроба преп. Сергія, это даетъ знать вел. князь въ своемъ обращеніи къ князю Ивану Андреевичу Можайскому, когда въ 1446-мъ году былъ захваченъ послѣднимъ въ Троицкомъ соборѣ Троицкаго монастыря.

[4] Въ заговорѣ Дмитрія Юрьевича и Ивана Андреевича противъ великаго князя участвовали нѣкоторые изъ Троицкихъ монаховъ,—Софійск. 1 лѣт. въ Собр. лѣтт. V, 268; Попова А. Н. Изборникъ изъ Хронографовъ стр. 82 и Софійск. Временн. Строева, II, 49 (говорящій о чернцахъ, но опускающій прямое указаніе лѣтописи: Троецькыхъ). Расположеніе къ Шемякѣ нѣкоторыхъ Троицкихъ монаховъ, вѣроятно, должно быть объясняемо тѣмъ, что отецъ его, Юрій Дмитріевичъ, крестный сынъ преп. Сергія, былъ усерднымъ благотворителемъ и покровителемъ монастыря.

былъ Боровскій князь Василій Ярославичъ, взятъ былъ великимъ княземъ у послѣдняго въ свое непосредственное владѣніе[1].

Въ 1479-мъ году (4 апрѣля) крещенъ былъ въ монастырѣ у Троицы сынъ великаго князя Ивана Васильевича Василій, будущій его преемникъ, чудесно дарованный родителямъ преподобнымъ Сергіемъ[2].

Въ 1510-мъ году вел. князь Василій Ивановичъ, возвратившись въ Москву послѣ взятія Пскова, что было 20-го генваря сего года, 16-го іюня приходилъ къ Троицѣ, „да поставилъ свѣщу негасимую у Сергіева гроба“[3].

Выше мы сказали о поставленіи у Троицы въ 1512-мъ году каменныхъ воротъ и на воротахъ церкви преп. Сергія. Это поставленіе воротъ и надъ ними церкви со всею вѣроятностію должно быть также относимо къ числу событій въ исторіи монастыря. Зданіе заложено было совсѣмъ въ необычное для каменныхъ работъ время, 3-го октября, и со всею вѣроятностію дѣло должно быть понимаемо такъ, что ворота съ церковію на нихъ преп. Сергія были обѣтнымъ дѣломъ со стороны великаго князя Василія Ивановича, которому предстояла война съ Литовцами и который отправился въ походъ на эту войну 19-го декабря (и который въ слѣдующемъ году присутствовалъ при освященіи надворотной церкви).

---

[1] Преп. Іосифъ Волоколамскій пишетъ: „нѣкогда случися князь Василію Ярославичу у святыя Троицы въ Сергіевѣ монастырѣ быти,—бяше той монастырь тогда въ сего отчинѣ, подъ его державою; князь, яко подъ своею рукою имѣяше монастырь, не почиташе игумена и старцевъ, якоже подобаше. Они же возвѣстиша великому князю Василью Васильевичу; онъ же негодоваше и монастырь взялъ въ свое государство и князю Василію Ярославичу не повелѣ обладати Сергіевымъ монастыремъ“. Въ 1445-мъ году Василій Ярославичъ далъ въ монастырь одно село и слѣд. находился съ властями монастыря еще въ хорошихъ отношеніяхъ, см. въ статьѣ *о. Арсенія:* О недвижимыхъ имѣніяхъ Троицкаго монастыря при жизни его основателя, преподобнаго Сергія, стр. 10, § 3, приселокъ Кіясово; а въ 1456-мъ году князь совсѣмъ согнанъ былъ великимъ княземъ съ своего удѣла, который весь присоединенъ былъ къ великому княженію.

[2] См. „Чюдо о чюдесномъ зачатіи и о рожденіи великаго князя Василія Ивановича, всея Руси самодержца“,—у Симона Азарьина въ печатномъ изданіи житія преподобнаго Сергія глава 54, л. 121. Въ чудѣ разсказывается, что у второй супруги Ивана Васильевича Софіи были три дочери, но не было сына,—что одинъ разъ пошла она въ Троицкій монастырь молиться преподобному Сергію о дарованіи ей сына и что когда спускалась она отъ села Клементьева подъ гору къ монастырю, вдругъ видитъ идущаго ей на встрѣчу священнолѣпнаго инока, имѣющаго въ рукахъ своихъ отроча младо, въ которомъ узнала преподобнаго Сергія и который, приблизившись къ ней, неожиданно ввергъ ей отроча въ нѣдра и затѣмъ исчезъ, и что отъ того чудеснаго времени она и зачала сына, который родился 25-го марта 1479-го года. На концѣ чуда говорится, что оно записано митрополитомъ Іоасафомъ, который слышалъ разсказъ о немъ отъ самого великаго князя Ивана Васильевича.

[3] См. запись на уставѣ, написанномъ въ Троицкомъ монастырѣ въ 1497-мъ году и въ настоящее время находящемся въ библіотекѣ И. А. Вахрамѣева, по Описанію А. А. Титова № 778, л. 3, стр. 60.

Въ 1530-мъ году (4-го сентября) крещенъ былъ въ Троицкомъ монастырѣ сынъ великаго князя Василія Ивановича Иванъ, будущій царь Иванъ Васильевичъ Грозный [1].

Въ 1551-мъ году, по ходатайству игумена Артемія, переведенъ былъ къ Троицѣ изъ Тверскаго Отрочаго монастыря преподобный Максимъ Грекъ, который и скончался здѣсь въ 1556-мъ году.

Въ 1552-мъ году царь Иванъ Васильевичъ держалъ свой обратный путь въ Москву изъ-подъ взятой Казани на Троицкій монастырь, въ которомъ, послѣ усердной благодарственной молитвы св. Троицѣ и преп. Сергію, „игумену и братьѣ великія слова съ челобитьемъ говорилъ за ихъ труды и подвиги, (что) ихъ молитвами (онъ—) государь благая получилъ“.

Въ 1564-мъ году, въ ночь съ чудотворцовой памяти, т. е. съ 25-го сентября на 26-е, случился въ монастырѣ большой пожаръ, при чемъ до такой степени погорѣли всякіе запасы на обиходъ монастырскій, что не осталось братіямъ ни на одинъ день запаса снѣднаго [2].

Въ 1586-мъ году (8-го іюля) посѣтилъ монастырь Антіохійскій патріархъ Іоакимъ (первый изъ Греческихъ патріарховъ пріѣзжавшій въ Россію).

Въ 1589-мъ году посѣтилъ монастырь (пробывъ въ немъ 5—10 февраля мѣсяца) Константинопольскій патріархъ Іеремія.

Въ 1594-мъ году царемъ Ѳедоромъ Ивановичемъ было вызвано въ Троицкій монастырь нѣсколько старцевъ Соловецкаго монастыря для улучшенія, какъ нужно думать, въ Троицкомъ монастырѣ порядковъ жизни и веденія хозяйства [3].

---

[1] На смертномъ одрѣ Василій Ивановичъ говорилъ Троицкому игумену Іоасафу: „Помолися, отче, о земскомъ строеніи и сынѣ моемъ Иванѣ и о моемъ согрѣшеніи: далъ Богъ и великій чудотворецъ Сергій мнѣ вашимъ моленіемъ и прошеніемъ у Бога сына Ивана, и язъ крестилъ его у чюдотворца и далъ есми его чюдотворцу и на раку чюдотворцову его положилъ и вамъ есми, отче, своего сына на руки далъ, и вы молите Бога и пречистую Его Матерь и великихъ чюдотворцевъ о Иванѣ о сынѣ и о моей женѣ“...,—2-я Софійск. лѣт. въ Собр. лѣтт. VI, 271 fin..

[2] См. отрывокъ изъ лѣтописи временъ Грознаго, напечатанный въ III томѣ Русской Исторической Библіотеки, издаваемой Археографическою Коммиссіею, col. 233 нач..

[3] Царь Иванъ Васильевичъ Грозный въ своемъ извѣстномъ учительно-обличительномъ посланіи въ Кирилловъ монастырь, писанномъ около 1580-го года, очень непохвально отзывается о Троицкомъ монастырѣ въ отношеніи къ жизни монаховъ и въ отношеніи къ его—монастыря хозяйству. „Въ каково простое житіе,—говоритъ царь, достиже святая та обитель, всѣмъ разумъ имущимъ и хотящимъ видѣти видимо, а дотолѣ и у Троицы было крѣпко житіе...; нынѣ, грѣхъ ради нашихъ, (Троицкій монастырь) хуже и Песноши, какъ дотудова Песношь бывала...; у Троицы въ Сергіевѣ благочестіе изслякло, ино и монастырь оскудѣлъ, не постриженется никто и не дастъ никто ничего“...,—Акт. Историч. т. I, № 204, стрр. 382 и 384 fin.. Что Соловецкіе старцы были вызваны въ Троицкій монастырь для улучшенія его хозяйства, видно изъ того,

Въ 1606-мъ году Троицкій монастырь принималъ въ своихъ стѣнахъ мощи царевича Димитрія, когда онѣ переносимы были изъ Углича въ Москву (въ которую перенесены были 3-го іюня).

Въ томъ же 1606-мъ году перенесены были въ монастырь изъ Москвы и погребены въ паперти Успенскаго собора тѣла Бориса Ѳеодоровича Годунова, его супруги Маріи Григорьевны и его сына Ѳеодора.

Съ 23-го сентября 1608-го года по 12-е января 1610-го года монастырь выдерживалъ знаменитую осаду отъ Поляковъ.

Послѣ освобожденія отъ осады монастырь въ лицѣ архимандрита Діонисія и отчасти келаря Аврамія Палицына принималъ дѣятельное и доблестное участіе въ освобожденіи отъ Поляковъ[1] отечества и оказывалъ свою усердную помощь раззореннымъ и избитымъ Поляками жителямъ Москвы и ея окрестностей.

Въ 1612-мъ году князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій и Кузьма Мининъ, шедшіе на освобожденіе Москвы отъ Поляковъ, пробыли съ своимъ ополченіемъ въ Троицкомъ монастырѣ пять дней (съ 14-го по 18 августа).

Въ 1613-мъ году, въ концѣ апрѣля мѣсяца, Михаилъ Ѳеодоровичъ, идя изъ Костромы въ Москву для занятія царскаго престола, пробылъ въ монастырѣ около недѣли.

Въ продолженіе 1616—1618-го годовъ архимандритъ Діонисій по порученію государя занимался съ товарищами исправленіемъ требника и другихъ богослужебныхъ книгъ, за что, по устроенной противъ него интригѣ, вмѣсто благодарности подвергся страданіямъ.

Въ ноябрѣ 1618-го года монастырь подвергался опасности новой осады отъ королевича Владислава, а 1-го декабря сего года былъ заключенъ миръ между Россіею и Польшею въ принадлежавшемъ монастырю и находящемся отъ него въ 3-хъ верстахъ селѣ (тогда еще бывшемъ деревней) Деулинѣ.

Въ 1619-мъ году (въ іюлѣ—августѣ мѣсяцѣ) посѣтилъ монастырь Іерусалимскій патріархъ Ѳеофанъ.

что нѣсколькіе изъ нихъ занимали должности келаря и казначея, см. статью о. Арсенія: Лѣтопись намѣстниковъ, келарей, казначеевъ, ризничихъ, экономовъ и библіотекарей Свято-Троицкой Сергіевой лавры. На заботы Соловецкихъ старцевъ объ улучшеніи порядковъ жизни въ монастырѣ указываютъ замѣтки объ отмѣнѣ ими нѣкоторыхъ прежде существовавшихъ въ монастырѣ обычаевъ. Такъ, въ одной рукописи, содержащей уставъ Троицкаго монастыря, замѣчено объ утѣшеніи, какое назначалось служащимъ, крылошанамъ и другимъ наканунѣ царскихъ часовъ предъ Рождествомъ Христовымъ: „не бываетъ, Соловляне отставили“,—ркп. Сунодальн. библіот. по Описанію *Горск.* и *Невостр.* № 400, л. 63, стр. 380.

[1] Относительно писанія патріотическихъ призывныхъ грамотъ справедливость требуетъ сказать, что иниціатива въ семъ случаѣ принадлежала Кириллову монастырю, см. царскую грамоту въ Кирилловъ монастырь отъ 18-го августа 1609-го года въ Акт. Экспед. т. II, № 138, стр. 253.

Въ 1641-мъ году, въ слѣдствіе доноса нѣкоторыхъ монаховъ монастыря или его слугъ (о которыхъ нѣсколько ниже) на монастырскія власти, государь приказалъ произвести обстоятельный досмотръ монастыря и его имущества назначенной имъ коммиссіи изъ окольничаго, дворянина и двухъ дьяковъ, каковой досмотръ, бывъ начатъ 1-го сентября нашего года, продолжался около трехъ лѣтъ. Составленная коммиссіей подробная опись монастыря и его имущества, представляющая собою листовую рукопись въ 882 листа, до сихъ поръ хранится въ Лаврской ризницѣ.

Въ 1649-мъ году (по веснѣ) посѣтилъ монастырь Іерусалимскій патріархъ Паисій.

Въ 1652-мъ году (4-го іюля) Троицкій монастырь принималъ въ своихъ стѣнахъ мощи св. митрополита Филиппа, везенныя Никономъ изъ Соловковъ въ Москву.

Въ 1653-мъ году (въ іюнѣ мѣсяцѣ) посѣтилъ монастырь Константинопольскій патріархъ Аѳанасій Пателарій (по мѣсту кончины—Аѳанасій Лубенскій).

Въ 1655-мъ году посѣтили монастырь Антіохійскій патріархъ Макарій (послѣ Троицына дня) и Сербскій патріархъ Гавріилъ (вмѣстѣ съ Макаріемъ или вслѣдъ за нимъ).

Въ 1668-мъ году (во второй половинѣ апрѣля мѣсяца) посѣтили монастырь Александрійскій патріархъ Паисій и (вторично) Антіохійскій патріархъ Макарій[1].

---

[1] Греческіе патріархи, греческіе митрополиты, архіепископы и епископы, греческіе архимандриты, игумены и честные старцы предпринимали поѣздки въ Троицкій монастырь отчасти для того, чтобы удовлетворить своему любопытству видѣть знаменитѣйшій и богатѣйшій монастырь Московской Руси, отчасти для того, чтобы поклониться гробу знаменитѣйшаго святаго Московской Руси, главнымъ же образомъ, какъ должно предполагать, для того, чтобы получить даръ отъ монастыря (хотя противъ этого предположенія и возстаетъ Симонъ Азарьинъ въ предисловіи къ Книгѣ о новыхъ чудесахъ). Если бы сохранились до настоящаго времени „Книги келарской и казенной службы", въ которыхъ велись подробныя записи всякимъ дарамъ и угощеніямъ (по словамъ Симона Азарьина ibid.), тогда мы имѣли бы обстоятельныя свѣдѣнія о дарахъ патріархамъ и всякимъ властямъ Греческимъ. Но помянутыхъ книгъ не сохранилось до настоящаго времени. Имѣемъ мы отдѣльныя свѣдѣнія о дарахъ патр. Іереміи въ 1589-мъ году и патрр. Паисію и Макарію въ 1668-мъ году. Троицкимъ властямъ было приказано отъ государя поднести Іереміи: „образъ Спасовъ чеканенъ съ пеленою, который чуднѣе изъ старыхъ, образъ Сергіево видѣніе, обложенъ серебромъ, вѣнцы съ сканью, кубокъ серебрянъ гривенокъ въ семь ($3^1/_2$ фунта), чару или братину серебряну рублевъ въ 20, сорокъ соболей въ 30 рублевъ, 200 рублей денегъ, 2 полотенца Троицкихъ, 5 братинъ Троицкихъ, ставики Троицкіе, ковшъ Троицкій", и пр., см. у *Карамз.* т. X, прим. 214. Паисію и Макарію было поднесено: „по образу Видѣніе чудотворца Сергія, по образу пречистыя Богородицы, оклады большіе; да имъ же даровъ: по кубку болшему съ кровлею, по бархату золотному, по бархату гладкому, по отласу золотному, по объярямъ, по отласу гладкому, по камкѣ, по два сорока соболей,

Въ 1682-мъ году цари Іоаннъ и Петръ Алексѣевичи и царевна Софія Алексѣевна, избѣгая злоумышленія противъ нихъ со стороны стрѣльцовъ и начальника послѣднихъ князя Хованскаго, послѣ села Коломенскаго и Саввина Сторожевскаго монастыря прибыли въ Троицкій монастырь, какъ представлявшій при своей хорошей и хорошо вооружонной крѣпости наиболѣе безопасное убѣжище, и въ немъ, ожидая прихода къ себѣ служилыхъ людей изъ городовъ и усмиренія стрѣлецкаго бунта, пробыли съ 18-го сентября до начала ноября (возвратились въ Москву 6-го числа послѣдняго мѣсяца)[1].

Въ 1689-мъ году, ночью съ 7-го на 8-е августа, царь Петръ Алексѣевичъ ускакалъ къ Троицѣ изъ села Преображенскаго отъ злоумышленія

по 100 рублей денегъ",—Дворцовые разряды, III, 739. Патр. Іереміи такъ понравилось угощеніе Троицкаго монастыря (нужно думать, что какъ патріарху вселенскому и какъ учредителю Русскаго патріаршества исключительно великолѣпное), что вмѣсто одного дня, много—двухъ предполагавшихся дней, онъ прожилъ въ монастырѣ цѣлые пять дней. А комическія жалобы восточныхъ гостей на то, что изъ уваженія къ нимъ въ монастырѣ до такой степени продолжительно совершали службы церковныя, что они отъ усталости приходили въ совершенное оцѣпененіе и что ихъ угощали великолѣпнѣйшими питьями, но въ такомъ видѣ (до такой степени холодными), что они почти не могли ихъ пробовать и что вообще чрезвычайно пышная монастырская встрѣча въ сущности представляла весьма немалую для нихъ пытку, объ этомъ см. у извѣстнаго Павла Алеппскаго въ его извѣстномъ описаніи путешествія въ Россію Макарія, патріарха Антіохійскаго, въ которомъ онъ подробно разсказываетъ о поѣздкѣ Макарія къ Троицѣ въ 1655-мъ году. Любопытный указъ царя Ѳедора Ивановича о пріемѣ большихъ Греческихъ властей въ Пафнутьевъ Боровскій монастырь отъ 16-го февраля 1592-го года см. въ Исторіи іерархіи, III, 434 (между прочимъ: „и старцовъ бы брали всѣхъ изо всѣхъ монастырей").

[1] Штелинъ въ своихъ Анекдотахъ о Петрѣ Великомъ разсказываетъ, что государь въ это свое пребываніе у Троицы подвергался опасности быть умерщвленнымъ отъ стрѣльцовъ и что его спасло только божественное провидѣніе, именно—что толпа стрѣльцовъ пришла изъ Москвы къ Троицѣ, что Петръ укрылся отъ нихъ съ матерью въ церкви, что злодѣи ворвались въ послѣднюю, что одинъ изъ нихъ уже занесъ ножъ, чтобы заколоть оцѣпенѣвшаго отъ ужаса государя, но былъ удержанъ другимъ, предложившимъ убить государя не въ церкви, а когда онъ выйдетъ изъ церкви, и что въ эту минуту прискакала царская конница, заставившая стрѣльцовъ искать спасенія въ бѣгствѣ,—части 1-й Анекдотовъ № 26, 3-го изданія стр. 81. И въ самомъ монастырѣ разсказывается о попыткѣ стрѣльцовъ убить Петра во время нынѣшней бытности его у Троицы, при чемъ дѣло представляется такъ, будто государь спасся отъ убійцъ подъ престоломъ Успенскаго собора. Но сколько извѣстна намъ исторія настоящаго удаленія Петра къ Троицѣ и его пребыванія въ монастырѣ, должно быть признано за весьма мало вѣроятное, чтобы попытка стрѣльцовъ могла имѣть мѣсто (Соловьевъ ничего не говоритъ о ней,—Ист. т. XIII, 2-го изд. стр. 362 sqq, а Устряловъ,—Исторія царствованія Петра Великаго, I, 279—281, и за нимъ Брикнеръ, Исторія Петра Великаго, Спб. 1882 г., стр. 37—прямо отвергаютъ достовѣрность разсказовъ о ней).

на его жизнь царевны Софіи и стрѣльцовъ и оставался въ лаврѣ до 6-го октября, пока не были казнены виновные и Софія не была заключена въ монастырь.

1-го октября 1742-го года была открыта въ лаврѣ семинарія (учрежденная въ слѣдствіе указа императрицы Анны Іоанновны отъ 21-го сентября 1738-го года).

Въ 1746-мъ году, 17-го мая, случился въ лаврѣ очень большой пожаръ, въ которомъ между прочимъ погибла весьма значительная часть монастырскаго архива.

Въ 1812-мъ году во время занятія Москвы Французами (съ 2-го сентября по 11-е октября) лавра подвергалась опасности быть разграбленною отъ непріятелей, но заступленіемъ преподобнаго Сергія избѣжала этой опасности. Отряду войска, стоявшему въ Дмитровѣ, который находится отъ монастыря въ 40 верстахъ, былъ, было, отданъ приказъ идти на лавру. Но приказъ состоялся передъ выступленіемъ Наполеона изъ Москвы (который вышелъ съ гвардіей 6-го октября), и отрядъ вмѣсто того, чтобы идти на лавру, поспѣшилъ (2-го октября) въ столицу на соединеніе съ главной арміей.

Въ 1814-мъ году была переведена изъ Москвы въ лавру академія, которая и была открыта въ ней 1-го октября этого года, замѣнивъ собою бывшую въ ней семинарію.

[Въ 1892-мъ году—торжественное празднованіе 500-лѣтія со времени кончины преп. Сергія. Описаніе сего см. въ книгѣ: „Свѣтлый праздникъ преп. Сергія 25 сентября 1892 г.“ М. 1892 г.].

Преподобный Сергій, прославившійся при жизни какъ великій, небывалый дотолѣ на Москвѣ, подвижникъ и какъ преобразователь нашего монашества (о чемъ см. выше въ жизнеописаніи, стр. 36 sqq), по смерти своей сталъ славнѣйшимъ святымъ Московской земли и нарочитымъ молитвенникомъ и покровителемъ (патрономъ) государства и государей[1]. Равно и монастырь преподобнаго Сергія, ставъ первымъ монастыремъ Московской Руси еще при его жизни, навсегда остался таковымъ и послѣ его смерти, и не только остался таковымъ, но и выдвинулся изъ ряда прочихъ монастырей, какъ монастырь совсѣмъ особенный и единственный и какъ представлявшій изъ себя знаменитость совершенно исключительную. Какъ о монастырѣ Московіи исключительномъ и особенномъ, говорятъ о немъ

[1] Въ Воскресенской лѣт.,—Собр. лѣтт. VIII, 62, въ записи о кончинѣ преп. Сергія говорится, что онъ „бѣ начальникъ и учитель всѣмъ монастыремъ, иже въ Руси“ (позд. XVII в.).—Царь Алексѣй Михайловичъ называетъ преп. Сергія заступникомъ и крѣпкимъ молитвенникомъ и скорымъ помощникомъ и кормителемъ всѣхъ царей россійскихъ. Акты Эксп., т. IV, № 127, стр. 172.—Цари Іоаннъ и Петръ Алексѣевичи въ 1689 г. называютъ преп. Сергія особнымъ нашего Россійскаго царствія хранителемъ и помощникомъ. Тамъ же, № 300, стр. 448, col. 2.

многіе иностранцы, начиная съ барона Герберштейна (бывшаго въ Россіи два раза—въ 1517-мъ году и вторично въ 1526-мъ году)[1].

[1] Герберштейну Русскіе сообщили свѣдѣнія о Троицкомъ монастырѣ съ примѣсью легенды, которая, очевидно, порождена была молвой о гостепріимствѣ монастыря, или же которую, можетъ быть, сочинилъ самъ онъ, не понявши того, что говорили ему Русскіе. У него читаемъ о монастырѣ (у Старчевскаго p. 30, col. 2 sub fin): Est etiam in Moscovia praecipuum monasterium S. Trinitatis, quod 12 miliaribus Ger. Occidentem versus a Moscovia civitate distat, ubi S. Sergius sepultus, multa miracula edere dicitur, admirabilique gentium et populorum concursu pietateque celebratur. Eo Princeps ipse saepe, vulgus vero quotannis certis diebus conflui monasteriique liberalitate alitur. Perhibetur olla cuprea ibi esse, in qua certi cibi et ut plurimum olus coquitur. Fit autem, ut sive pauci, sive multi eo venerint, semper tamen cibi tantum remaneat, quo ejus monasterii familia saturetur: adeo ut nihil unquam desit, neque superfluat. Т. е.: „Есть въ Московіи знаменитый монастырь Св. Троицы, который находится въ 12 нѣмецкихъ миляхъ къ западу отъ города Москвы, погребенный въ которомъ св. Сергій, какъ говорятъ, творитъ многія чудеса (и который) славится удивительнымъ стеченіемъ людей изъ высшихъ классовъ и изъ простонародія и благочестіемъ. Самъ государь (ходитъ) въ него часто, а простой народъ ежегодно стекается въ извѣстные дни и питается отъ щедрости монастыря. Утверждаютъ, что тамъ есть мѣдный котёлъ, въ которомъ варятся извѣстныя кушанья и наибольшею частію овощи. Бываетъ такъ, что придутъ ли туда немногіе или многіе, всегда пищи остается (въ немъ) столько, что ею насыщается братство монастыря, такъ что никогда не бываетъ ни недостатка, ни излишка“. Такъ какъ въ Троицкомъ монастырѣ постоянно были толпы богомольцевъ изъ простаго народа, которыхъ кормили, и постоянно были гости-богомольцы изъ высшаго сословія, которыхъ угощали (слова митр. Іоасафа къ Стоглавому собору, что въ Троицкомъ монастырѣ „безпрестани гость бываетъ день и ночь“), то въ кухнѣ или кухняхъ монастыря котлы съ приготовляемой пищей, естественно, должны были оставаться на очагѣ или на плитѣ отъ утра до вечера, такъ чтобы по мѣрѣ убыли въ нихъ быть дополняемыми и чтобы такимъ образомъ въ продолженіе цѣлаго дня оставаться полными. Эта естественная неубываемость или полнота котловъ и превращена была легендой въ сверхъестественную или чудесную. Въ старомъ русскомъ переводѣ Гваньини, который беретъ у Герберштейна, говорится о нашемъ чудесномъ котлѣ: „глаголютъ, что тамъ есть ольля супреа (olla cuprea,—мѣдный котелъ), то есть столъ волной на нарочитые праздники“, см. въ Описаніи рукописей Московской духовной академіи архим. Леонида, № 29 (201), л. 156 об., вып. 1, стр. 146. Слова: „то есть столъ волной на нарочитые праздники“ принадлежатъ Русскому переводчику, и, составляя его поясненіе къ словамъ olla cuprea, значатъ, что въ Троицкомъ монастырѣ въ нарочитые праздники бываетъ столъ вольный или свободный для всѣхъ или такой столъ, за который можетъ садиться всякій желающій, при чемъ подразумѣвается, что столъ этотъ бываетъ накрытъ въ продолженіе цѣлаго дня и что вмѣстѣ съ симъ въ продолженіе цѣлаго дня не снимаются съ очага и котлы съ готовимой пищей. Т. е. Русскій переводчикъ Гваньини ограничиваетъ естественную неубываемость или цѣлодневную полноту Троицкихъ котловъ съ приготовляемой пищей только днями нарочитыхъ праздниковъ. Олеарій говоритъ о мѣдномъ котлѣ, о которомъ пишетъ Герберштейнъ, что Русскіе его—Олеаріева времени ничего

Но еще при жизни преподобнаго Сергія ставъ первымъ монастыремъ Русскимъ въ общемъ или общественномъ мнѣніи людей (народа), Троицкій монастырь довольно долгое время не былъ таковымъ въ смыслѣ оффиціальномъ (въ смыслѣ формальнаго признанія со стороны правительства). До 1561-го года его настоятели оставались игуменами. Въ семъ послѣднемъ году, въ слѣдствіе просьбы келаря и братіи монастыря къ царю Ивану Васильевичу прославить царскую обитель, которая есть его царской главы слава и вѣнецъ и царствію его красота и слава отъ востокъ и до западъ, государь сдѣлалъ игумена Троицкаго монастыря архимандритомъ, почтилъ его первенствомъ и старѣйшинствомъ между всѣми архимандритами (до тѣхъ поръ первенство принадлежало архимандриту Владимирскаго Рождественскаго монастыря) и предоставилъ ему значительныя преимущества или отличія въ богослуженіи[1]. Послѣднія преимущества со времени Грознаго были постепенно умножаемы и вся исторія ихъ есть слѣдующая. Первому архимандриту предоставлено было употреблять въ богослуженіи митру, палицу и рипиды; облачаться передъ литургіей на серединѣ церкви; по входѣ въ олтарь съ евангеліемъ, во время пѣнія: „Святый Боже“, осѣнять предстоящихъ благословеніемъ; принимать святые дары въ царскихъ вратахъ; пріобщать святыхъ таинъ старѣйшаго священника и разоблачаться также среди церкви. Патріархъ Іоасафъ 2-й, поставленный 10-го февраля 1667-го года изъ архимандритовъ Троицкихъ, благословилъ своего преемника носить мантію со скрижалями и въ десницѣ носить патерицу или жезлъ деревянный съ позолоченными шипками (яблоками). Патріархъ Іоакимъ въ 1675-мъ году предоставилъ архимандритамъ лавры осѣнять

о немъ не знали,—Русск. перев. въ Чтен. Общ. Ист. и Древн. Росс. 1868 г. кн. IV, стр. 341. Изъ этого съ большею вѣроятностію слѣдуетъ заключать, что легенду сочинилъ самъ Герберштейнъ, не понявъ говорившихъ ему Русскихъ, потому что если бы легенда была сочинена самими Русскими, то едва ли бы потомъ она у нихъ изчезла (въ самомъ монастырѣ мы никогда не слыхали о легендѣ).

[1] Прошеніе къ царю келаря и братіи монастыря—въ Краткомъ лѣтописцѣ лавры, который напечатанъ А. Ѳ. Бычковымъ и перепечатанъ архим. Леонидомъ, подъ 1561-мъ годомъ; настольная грамота митрополита Макарія первому архимандриту монастыря отъ 6-го января 1561-го года въ Исторіи іерархіи,—II, 100; cfr ibid., I, 357 и II, LIX и LXII.—Въ послѣсловіяхъ къ двумъ рукописямъ, написаннымъ въ Троицкомъ монастырѣ вскорѣ послѣ смерти преподобнаго Сергія, въ игуменство его преемника преподобнаго Никона,—одна въ 1414-мъ году, а другая—въ 1425-мъ году (Лаврской библіотеки №№ 165 и 185) монастырь называется обителію царскою („въ обители царьстѣй святыа живоначальныа Троица, въ устроеніи преподобнаго игумена Сергѣя... списася сіа книга“...). Что значитъ тутъ обитель царская, когда въ 1414-мъ и 1425-мъ годахъ не только не было въ Россіи царства, но монастырь Троицкій находился даже и не въ великомъ княженіи, а въ княженіи удѣльномъ (удѣлѣ Радонежскомъ), сказать не можемъ (вѣроятно, слово „царская“ употреблено какъ синонимъ словъ: пресловущая, преименитая, т. е. первый эпитетъ вмѣсто вторыхъ).

дикиріемъ и трикиріемъ. Мѣстоблюститель патріаршаго престола митрополитъ Рязанскій Стефанъ Яворскій усвоилъ имъ въ 1701-мъ году по подобію архимандритовъ Кіевопечерскихъ нашвеніе на мантіи изображеній преподобныхъ Сергія и Никона, крестъ среброкованный на рясѣ и на фелони и среброкованную патерицу[1]. Указомъ Сѵнода отъ 1731-го года, состоявшимся по повелѣнію императрицы Анны Іоанновны, предписано Троицкому архимандриту „въ священнослуженіи все то употреблять и поступать, какъ опредѣлено Кіевопечерскому архимандриту“[2].

Троицкій Сергіевъ монастырь вмѣстѣ съ немногими другими монастырями называется не монастыремъ, а лаврой, что̀ составляетъ почетное наименованіе.

Слово лавра есть греческое (λαύρα, λάβρα) и значитъ улицу, слободу, кварталъ, приходъ (а потомъ имѣетъ и еще нѣсколько частныхъ значеній). Первоначально у Грековъ назывались лаврами такіе монастыри, въ которыхъ каждый монахъ жилъ въ своей особой кельѣ, отдѣленной отъ другихъ келей нѣкоторымъ пространствомъ, и жилъ какъ-бы затворникомъ и отшельникомъ (анахоретомъ, каково было собственное названіе такихъ монаховъ и что̀ по-русски значитъ отшельникъ), въ совершенномъ разобщеніи съ другими братіями монастыря, съ которыми сходился только въ субботы и въ воскресенія для слушанія богослуженія и для пріобщенія тѣла и крови Христовыхъ; состоявъ изъ того или другаго количества отдѣльныхъ келей, монастыри эти представляли изъ себя какъ бы слободы или слободки, а отсюда и названіе ихъ лаврами. Но потомъ стали называть у Грековъ лаврами, какъ и въ настоящее время называютъ, всякіе большіе и многолюдные монастыри. У насъ въ Россіи названіе лавра съ древняго времени употреблялось въ смыслѣ монастыря большого, знатнаго, богатаго, и значило тоже, что̀ именитый, преименитый (словущій, пресловущій) монастырь (а по злоупотребленію—о монастыряхъ особножитныхъ, которые, имѣя сходство съ лаврами по внѣшнему устройству, не имѣли ничего общаго съ ними по существу). Въ старое время были величаемы у насъ лаврами и сами себя такъ величали очень многіе монастыри, а въ видѣ комплимента или любезности можно было употребить это названіе и о всякомъ мало мальски порядочномъ монастырѣ. Въ сейчасъ указанномъ смыслѣ Троицкій монастырь называемъ и величаемъ былъ лаврой съ самаго древняго времени, именно—такъ называетъ и величаетъ его уже жизнеописатель преподобнаго Сергія монахъ Епифаній, составившій

[1] См. настольныя грамоты архимандритамъ лавры въ Исторіи іерархіи, II, 100—143, и также см. ibid. I, 357 sqq. (320, 327), и II, LVIII fin. sqq.

[2] См. ibid., II, 170, указъ № XI. Тогдашній архимандритъ лавры Варлаамъ былъ духовникомъ императрицы и въ слѣдующемъ 1732-мъ году Сѵнодъ, исполняя волю государыни, предоставилъ ему „при отправленіи божественнѣхъ службъ для поданія ему осѣняльныхъ свѣчъ и прочаго послуженія имѣть при себѣ изъ мірскихъ персонъ въ стихаряхъ, колико пристойно, которыхъ ему же архимандриту посвятить и въ чтецы и пѣвцы“. Но это „другимъ архимандритомъ не въ образецъ“,—ibid., стр. 173.

его житіе въ непродолжительномъ времени послѣ его кончины. Но въ позднѣйшее время названію лавра было усвоено оффиціальное значеніе и оно предоставлено было, какъ особое отличіе, только нѣкоторымъ весьма немногимъ монастырямъ (въ настоящее время такихъ монастырей и всего четыре: Кіевопечерская лавра, Троицкая Сергіева лавра, Александроневская лавра и Почаевская лавра). Когда было усвоено названію лавра оффиціальное значеніе, сказать не можемъ; но думаемъ, что съ конца XVII вѣка, съ царской и патріаршей грамотъ Кіевопечерскому монастырю отъ апрѣля и мая 1688-го года, которыми монастырь дѣлается патріаршею ставропигіею и въ которыхъ онъ оффиціально называется лаврой. Троицкому Сергіеву монастырю оффиціальнымъ образомъ усвоено названіе лавры указомъ Елизаветы Петровны отъ 8-го іюня 1744-го года[1].

Едва ли кто не слыхалъ, что въ старое время Троицкій Сергіевъ монастырь былъ необыкновенно богатъ. И дѣйствительно, онъ былъ столько же необыкновенно и исключительно богатъ, сколько необыкновенною и исключительною пользовался славою.

Богатство монастырей въ старое время составляли: вотчины, населенныя крестьянами, собственное хлѣбопашество съ содержаніемъ коровьихъ стадъ и конскихъ табуновъ, рыбныя ловли и соляныя варницы. Самъ преподобный Сергій, какъ съ вѣроятностію надлежитъ думать, еще не имѣлъ населенныхъ крестьянами вотчинъ, а имѣлъ только вокругъ монастыря свои пахатныя поля или свое подъ монастыремъ хлѣбопашество (см. выше въ жизнеописаніи, стр. 43-44). Но со времени его преемника преподобнаго Никона монастырь усердно началъ пріобрѣтать вотчины посредствомъ покупки и началъ усердно быть обогащаемъ ими посредствомъ вкладовъ. Мы не знаемъ, которымъ способомъ монастырь болѣе пріобрѣталъ вотчинъ, но въ сущности тутъ одинъ способъ, ибо и такъ называемыя „свои монастырскія“ деньги были вкладныя деньги. Русскіе люди, имѣя великую вѣру въ молитвы за нихъ преподобнаго Сергія, были исполнены великаго усердія къ его монастырю,—и кто жертвовалъ вотчинами, кто деньгами, а монастырь, который желалъ пріобрѣтенія вотчинъ, спѣшилъ и деньги обращать въ тѣже вотчины посредствомъ покупки послѣд-

---

[1] Санктпетербургской Александроневской лаврѣ при ея основаніи въ 1712-мъ году предоставлено было первенство между великорусскими монастырями, такъ что Троицкая лавра стала второю, по ней. Первенство это принадлежало Александроневской лаврѣ до 1739-го года, когда оно снова возвращено было Троицкой лаврѣ,—Ист. іер. II, 260 (при чемъ должно быть подразумѣваемо, что, бывъ первою въ Великороссіи, она была второй подъ Кіевопечерской лаврой вообще въ Россіи).—Троицкая лавра титулуется не просто Троицкою, но Свято-Троицкою. Это, по примѣру Кіевскихъ монастырей (большая часть которыхъ свято-*такіе-то*),—съ начала XVIII вѣка: подъ Регламентомъ подпись архимандрита лавры есть: „Свято-Троицкаго Сергіева монастыря архимандритъ Тихонъ“; на гравюрѣ лавры, вырѣзанной въ 1725-мъ году гравёромъ Иваномъ Зубовымъ, надпись надъ лаврою есть: „Свято-Троицкая лавра Сергіевъ монастырь“ [см. на стрр. 104—105].

нихъ. Не можемъ мы представить исторіи постепеннаго пріобрѣтенія монастыремъ вотчинъ, но то несомнѣнно, что въ продолженіе всего времени, пока монастыри сохраняли право вотчиновладѣнія, ихъ умноженіе шло непрерывно, безъ всякихъ какихъ-либо остановокъ. Всѣ излишнія деньги шли на пріобрѣтеніе вотчинъ, и такъ какъ излишекъ денегъ отчасти вкладныхъ, отчасти съ вотчинъ уже пріобрѣтенныхъ, былъ великъ, то и случилось, что чрезъ полученіе вкладовъ и черезъ покупку было пріобрѣтено монастыремъ громадное количество вотчинъ. Къ 1764-му году, въ которомъ отобраны были у монастырей вотчины, Троицкій монастырь вмѣстѣ съ приписанными къ нему или приписными монастырями имѣлъ крестьянъ 106,500 душъ[1]. По отношенію къ другимъ монастырямъ эта была совер-

[1] О значительномъ количествѣ недвижимыхъ имѣній или вотчинъ, пожертвованныхъ монастырю при преп. Никонѣ и пріобрѣтенныхъ имъ—Никономъ посредствомъ покупки см. въ статьѣ о. Арсенія: „О вотчинныхъ владѣніяхъ Троицкаго монастыря при жизни его основателя, преподобнаго Сергія". По Кормовой книгѣ, составленной въ 1592-мъ году, у монастыря было около 100 селъ съ неизвѣстнымъ количествомъ деревень, которые достались ему путемъ вкладовъ и противъ числа которыхъ число селъ купленныхъ должно быть полагаемо приблизительнымъ образомъ отъ четверти до трети,—Кормовая книга напечатана архим. Леонидомъ въ прибавленіяхъ къ Описанію лавры А. В. Горскаго.

Патріархъ Филаретъ въ грамотѣ отъ 19-го ноября 1622-го года говоритъ, что „по прежнему уложенью по нынѣшнему государеву цареву и великого князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи указу вотчинъ въ монастырь(-и) давати не велѣно, а велѣно давати деньгами",—Сборникъ Муханова, 1-го изд. № 140, стр. 208, col. 2 (Грамота Троицкому монастырю, чтобы взять ему вмѣсто вотчины деньги). См. Д. П. Лебедева Описаніе актовъ И. Д. Бѣляева, стр. 55, 3; Милютина, О недвижимыхъ имѣніяхъ стр. 479 (не знаетъ этой грамоты).— По вѣдомости, составленной въ 1749-мъ году, крестьянъ и бобылей, принадлежавшихъ лаврѣ съ приписными монастырями было 103,191 душа; по вѣдомости, составленной въ 1752-мъ году, ихъ было 104,939 душъ; а по вѣдомости, составленной въ 1763-мъ году или передъ самымъ отобраніемъ вотчинъ у монастырей—106,501 душа. Передъ 1764-мъ годомъ всѣхъ крестьянъ, принадлежавшихъ архіереямъ и монастырямъ, было 910,866 душъ (*Милютина* О недвижимыхъ имуществахъ духовенства, стр. 564), такъ что лавра владѣла болѣе чѣмъ девятою частью всѣхъ этихъ крестьянъ. Ср. *А. Завьялова* Вопросъ о церковныхъ имѣніяхъ при импер. Екатеринѣ II, Спб. 1900 г.

Если вѣрить Павлу Алеппскому въ его описаніи путешествія патріарха Антіохійскаго Макарія, то онъ утверждаетъ, будто патр. Никонъ присвоилъ было себѣ половину доходовъ Троицкаго монастыря, см. русскій переводъ въ Чтен. Общ. Ист. и Древн. Росс., 1898 г. кн. III, стр. 161 fin. Но что Никономъ присвоено было то или другое, малое или большое, количество вотчинъ Троицкаго монастыря, это дѣйствительный фактъ, см. напр. въ собраніи рукописей И. Д. Бѣляева, находящихся въ Румянцевскомъ музеѣ, отказныя книги Троицкому монастырю на прежде принадлежавшія ему вотчины, „что взялъ Никонъ монахъ", Новгородскаго уѣзда въ Деревской пятинѣ на село Кунью гору и сельцо Сопки съ деревнями и съ пустошьми, 10 декабря 1667 года,—по описанію рукописей, составленному *А. Е. Викторовымъ*, № 98 (1604), стр. 84.

шенная исключительность: самый богатый послѣ Троицкаго крестьянами монастырь—Александроневскій имѣлъ ихъ 25 тысячъ; затѣмъ, изъ старыхъ монастырей два имѣли болѣе 20 тысячъ и семь болѣе 10 тысячъ. Конечно, и малыя указанныя цыфры 20—10 тысячъ—цыфры очень порядочныя, но между 100 и 20 тысячами промежутокъ очень большой[1].

Въ 1714-мъ году Петръ Великій приписалъ было къ Александроневской лаврѣ 1654 двора изъ вотчинъ, принадлежавшихъ Троицкой лаврѣ,—Ист. іер. II, 189 нач.; но Анна Іоанновна, которая имѣла своимъ духовникомъ архимандрита Троицкаго Варлаама, снова возвратила ихъ Троицѣ. Передъ отобраніемъ вотчинъ у монастырей архимандритъ лавры съ братіей обращался было къ императрицѣ съ просьбою, чтобы лавра въ штатъ съ другими монастырями была не положена, какъ была она не положена въ 1701 и 1724 годахъ (изъ коихъ въ первомъ повелѣно было указомъ отъ декабря мѣсяца вѣдать монастырскія вотчины въ Монастырскомъ приказѣ, а во второмъ для завѣдыванія монастырскими вотчинами, указомъ отъ сентября мѣсяца, учреждена была Камеръ-Контора при самомъ св. Сунодѣ). Но императрица, давъ дипломатическій, а въ то же время и не мало саркастическій, вообще, можно сказать, Соломоновскій, отвѣтъ на просьбу, оставила ее безъ послѣдствій, см. предисловіе о. Арсенія къ двумъ жалованнымъ грамотамъ императрицы Елизаветы Петровны Троицкой Сергіевой лаврѣ на всѣ монастырскія владѣнія, а самую просьбу въ подлинникѣ съ подлинникомъ резолюціи на ней императрицы см. въ приложеніяхъ къ составленному имъ же описанію церквей Ильинскаго прихода.—(О тарханныхъ грамотахъ Троицкому монастырю, которыми крестьяне монастыря до царя Михаила Ѳедоровича освобождались отъ всякихъ податей, сборовъ и повинностей государственныхъ, а со времени царя Михаила Ѳедоровича освобождались отъ податей, но не сборовъ, см. въ Описаніи лавры А. В. Горскаго по изданіямъ архим. Леонида, гл. XI sub fin.. Только первая общая тарханная грамота была дана не въ 1551-мъ, а въ 1547-мъ году, см. запись на Лаврск. ркп. № 327).—Тарханныя грамоты архіереямъ и монастырямъ отмѣнены грамотой царя Алексѣя Михаиловича 1672 г., Акт. Ист. т. IV, № 224, стр. 480, и потомъ Ѳедора Алексѣевича 1677 г.,—Акт. Ист. т. V, № 18, стр. 28. См. также въ Судебникѣ Грознаго,—Акт. Ист. т. I, № 153, стр. 229, § 43.—Замѣчательно, что Паисій Ярославовъ и старецъ Артемій, бывшіе рѣшительными противниками монастырскаго вотчиновладѣнія, когда состояли игуменами Троицкаго монастыря, если не покупали вотчинъ, то по крайней мѣрѣ принимали ихъ какъ вкладъ. Это необходимо понимать такъ, что, поступая вопреки собственному убѣжденію, они должны были дѣлать то, чего хотѣли остальныя власти и вообще братія монастыря.—Что Троицкій монастырь, подобно другимъ монастырямъ, имѣлъ многія ссоры и тяжбы съ сосѣдями изъ-за нарушенія межъ и захватовъ земли которою-нибудь стороною, на что̀ противники вотчиновладѣнія указывали какъ на одну изъ темныхъ его сторонъ, объ этомъ свидѣтельствуетъ такой безпристрастный свидѣтель, какъ Симонъ Азарьинъ, см. мѣсто изъ рукописи составленнаго имъ житія архим. Діонисія, опущенное въ печатномъ изданіи житія, приводимое въ сочиненіи *Д. Скворцова:* Діонисій Зобниновскій, архимандритъ Троицкаго Сергіева монастыря, стр. 441 fin..

[1] Впрочемъ, и исключительный монастырь южной Руси—Кіевопечерская лавра, если и далеко не равнялась съ Троицкой Сергіевой лаврой числомъ своихъ крестьянъ, всетаки, не смотря на свои гораздо менѣе благопріятныя

О собственномъ хлѣбопашествѣ монастыря мы не имѣемъ достаточныхъ свѣдѣній; но то несомнѣнно, что оно было очень значительно и что послѣ самого государя едва ли былъ другой хозяинъ, который равнялся бы въ семъ отношеніи съ монастыремъ. Въ 1641-мъ году, какъ это видно изъ описи сего года, въ однихъ только поляхъ, находившихся подъ самымъ монастыремъ, было высѣяно ржи 345 четвертей[1]. А селъ или фермъ съ запашками было у монастыря въ разныхъ мѣстахъ болѣе 10-ти.

Но монастыри въ отношеніи къ способамъ пріобрѣтенія богатства были не только вотчинниками, а, соединяя въ себѣ всѣ виды людей пріобрѣтавшихъ богатство, вмѣстѣ промышленниками и купцами; и что касается до Троицкаго монастыря, то какъ въ первомъ, такъ и въ этомъ второмъ отношеніи онъ выдавался изъ ряда другихъ монастырей. Начиная со времени самого преподобнаго Сергія ему пожертвовано было и имъ пріобрѣтено было много соляныхъ варницъ и начиная со времени преподобнаго Никона ему надавано было много рыбныхъ ловель. Излишки соли, получавшейся съ варницъ, и излишки рыбы, получавшейся на ловляхъ, подобно тому какъ и излишки хлѣба, монастырь продавалъ, при чемъ пользовался привилегіей свободы отъ всякихъ пошлинъ. Вмѣстѣ съ этимъ ему предоставлено было право безпошлинной торговли и значительнымъ количествомъ купленныхъ соли и рыбы. Производя торговлю, подобно другимъ монастырямъ, Троицкій монастырь велъ ее въ такихъ обширныхъ размѣрахъ, что посылалъ свои суда даже за море, т. е. изъ Архангельска въ Норвегію[2].

условія относительно обогащенія ими, имѣла ихъ очень немалое количество, а именно по ревизіи 1782-го года 55,901 душу, см. въ Описаніи Кіевопечерской лавры *митр. Евгенія* приложеніе № 30, Вѣдомость съ ревизскихъ сказокъ 1785 г., гдѣ и въ какихъ волостяхъ Кіевопечерскія лавры было крестьянъ, писанныхъ по ревизіи 1782 г.

[1] Описи л. 562.

[2] Не задолго до кончины преподобнаго Сергія одинъ Галичскій бояринъ пожертвовалъ въ монастырь половину своего солянаго колодезя у Соли Галицкой,—въ нынѣшнемъ городѣ Солигаличѣ Костромской губерніи. Затѣмъ были пожертвованы монастырю и были пріобрѣтены имъ соляныя варницы: въ Усольѣ Переяславскомъ (село Переяславскаго уѣзда, въ 18-ти верстахъ отъ города), въ Нерехтѣ, Большихъ Соляхъ (посадъ Костромской губерніи и того же уѣзда), у Новой Соли близъ Холуя (слободы Владимирской губерніи, Вязниковскаго уѣзда), Ряполовскомъ Стародубѣ (нынѣ селѣ Кляземскій городокъ Владимирской губерніи, Ковровскаго уѣзда), на Холмогорахъ, т. е. или въ городѣ Холмогорахъ или въ его уѣздѣ. Источники свѣдѣній о всѣхъ варницахъ, за исключеніемъ Большесельскихъ, Стародубскихъ и Холмогорскихъ см. въ XI гл. Описанія лавры А. В. Горскаго по изданіямъ архим. Леонида; о Большесольскихъ варницахъ см. у Д. Мейчика въ изслѣдованіи: Грамоты XIV и XV вв. Московскаго Архива Министерства Юстиціи, М. 1883, стр. 139, § 131; о Стародубскихъ варницахъ—у Востокова въ Описаніи Румянцевскаго музея, стр. 84, col. I fin; о Холмогорскихъ варницахъ—въ тарханной грамотѣ царя Василія Ивановича Шуйскаго 1606-го года. Въ 1641—43-мъ году, во время описи монастыря царской ком-

Чтобы читатель имѣлъ нѣкоторое представленіе о богатствѣ и хозяйствѣ или о богатомъ хозяйствѣ Троицкаго монастыря, сообщимъ ему, что̀

миссіей, въ дѣйствіи были три варницы: Солигаличскія, Балахонскія и находившіяся на Лудѣ. Въ 1613-мъ году былъ приписанъ къ Троицкому монастырю Холмогорскій Чухчеремскій монастырь, у котораго были варницы.—При преподобномъ Никонѣ монастырю предоставлена была рыбная ловля: во всей Клязьмѣ, въ участкѣ впадающей въ Клязьму и текущей не въ дальнемъ разстояніи отъ монастыря рѣки Вори (рыбная ловля вмѣстѣ съ бобровой ловлей) и въ озерахъ Смѣхро и Боровомъ, находящихся въ Ковровскомъ уѣздѣ Владимирской губерніи. Послѣ преп. Никона постепенно жалованныя монастырю рыбныя ловли были: въ рѣкахъ Велѣ и Дубнѣ, текущихъ близъ монастыря, въ Ростовскомъ озерѣ и рѣкахъ, въ него впадающихъ, въ нѣсколькихъ участкахъ Волги, именно: отъ бывшаго монастырскаго села Прилукъ, которое находится на самой границѣ Угличскаго уѣзда Ярославской губерніи съ Калязинскимъ уѣздомъ Тверской губерніи, до Ярославскаго рубежа (который полагать неизвѣстно гдѣ), близъ Нижняго Новгорода („Нижегородскія воды“), ниже Казани въ Тетюшахъ и въ Узяхъ и ниже Саратова, на половинѣ разстоянія между нимъ и Камышинымъ, „по конецъ Златыхъ горъ, на стану, называемомъ Черебаево“, въ рѣкахъ Шекснѣ, Камѣ, Сухонѣ, Тезѣ (текущей во Владимирской губерніи и впадающей въ Клязьму), въ озерѣ Ильменѣ, Переяславскомъ озерѣ, въ озерѣ Стержѣ, находящемся въ Осташковскомъ уѣздѣ Тверской губерніи, въ озерѣ Ижво, находящемся въ Дмитровскомъ уѣздѣ Московской губерніи, въ нѣсколькихъ озерахъ, находящихся въ Гороховецкомъ уѣздѣ Владимирской губерніи, которые окружали принадлежавшую монастырю пустыню св. Георгія, и въ нѣсколькихъ озерахъ, находящихся въ Вязниковскомъ уѣздѣ (старой области Ярополческой) той же губерніи, въ рѣкахъ Варзугѣ и Поноѣ, текущихъ въ Лапландіи или на Кольскомъ полуостровѣ и впадающихъ въ Бѣлое море. Источники свѣдѣній обо всѣхъ рыбныхъ ловляхъ кромѣ послѣдняго въ Волгѣ, въ Шекснѣ и въ рѣкахъ Тезѣ и Поноѣ см. у А. В. Горскаго ibid.; о послѣдней Волжской ловлѣ говоритъ Симонъ Азарьинъ въ Книгѣ о новыхъ чудесахъ,—чудо 70, печатн. стр. 115; о ловлѣ въ рѣкѣ Тезѣ см. актъ 1632-го года, напечатанный В. Борисовымъ во Владимирскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ 1857-го года, № 38 (Челобитная Троицкаго Сергіева монастыря прикащика Савинки Нормацкаго); о ловлѣ въ рѣкѣ Поноѣ см. Акт. Экспед. т. I, № 309, стр. 375, и Собраніе историко-юридическихъ актовъ И. Д. Бѣляева, описанное *Д. П. Лебедевымъ*, М. 1881, стр. 34 нач., § 167, о ловлѣ въ Шекснѣ—Акты Юридич. *Калачова*, т. I, № 36, col. 125, и № 63, VII, col. 443, и Акт. Экспед. т. I, № 78, стр. 57. Въ 1641—43-мъ году, во время описи монастыря царской коммиссіей, ловъ рыбы производился только въ трехъ мѣстахъ: въ озерѣ Стержѣ (и до сихъ поръ обильномъ рыбою, особенно уклейкою), въ Волгѣ близъ Тетюшъ и въ Варзугѣ (низовья которой и до настоящаго времени славятся ловлей семги). Въ 1613-мъ году, какъ мы сказали, былъ приписанъ къ Троицкому монастырю Чухчеремскій монастырь, у котораго были рыбныя ловли. По описи 1641—1643 гг. у Чухчеремскаго монастыря были слѣд. рыбныя ловли („дачи Залывскаго попа Овдокима Логинова“): тоня поплавная на р. Двинѣ противъ острова Вавчуги, 2 тони у моря на зимней сторонѣ, тоня Мелешиха выше горъ въ Русскомъ концѣ и тоня въ Чаковѣ; кромѣ того варницы, варничныя угодья и усолья. См. Описи лл. 798 об.—799.—Въ 1700-мъ году былъ приписанъ къ Троиц-

найдено было въ монастырѣ царской коммиссіей, которой поручено было произвести его опись въ 1641-мъ году. Денегъ въ казнѣ было на лицо

кому монастырю Астраханскій Троицкій монастырь, имѣвшій рыбныя ловли въ устьяхъ Волги, о которыхъ см. Акт. Ист. т. I, №№ 193 и 223, стрр. 356 и 423. Астраханскій учугъ Иванчугъ взятъ у лавры въ 1730-мъ году. См. Архивъ правит. Сената, опись указамъ и повелѣніямъ, сост. П. Барановъ, т. II, № 3923.

Вотъ извѣстныя намъ грамоты Троицкому монастырю, касающіяся его торговли:

Грамота Новгородскихъ посадника и тысяцкаго и всего города, данная игумену Мартемьяну (1448—1455) въ подтвержденіе старой жалованной грамоты, которою предоставляется монастырю право безпошлинной торговли,—продажи или покупки, лѣтомъ на 11-ти лодьяхъ, а зимой на соотвѣтственномъ количествѣ возовъ (которое прямо не обозначено), въ Новгородской Двинской области, именно—на Вологдѣ, по всей рѣкѣ Двинѣ, на Холмогорахъ и въ Неноксѣ (въ настоящее время посадъ, находящійся на берегу Бѣлаго моря, въ 72-хъ верстахъ къ западу отъ Архангельска),—Акт. Экспед. т. I, № 42, стр. 32.

Грамота вел. кн. Ивана Васильевича игумену Вассіану (1455—1465), въ подтвержденіе грамоты вел. кн. Василія Васильевича (1425—1433, 1434—1446, 1447—1462), которою предоставляется монастырю, чтобы два его павозка (паузка), ходящіе на Угру (рѣку Калужской губерніи, впадающую въ Оку въ 15 верстахъ выше Калуги) по соль ему, и два его павозка, ходящіе на Бѣлоозеро по рыбу, ходили по соль и по рыбу торговлею, со всякимъ товаромъ, и чтобы оба пути—туда и обратно совершали они совершенно безпошлинно, а также—чтобы безпошлинно ходила на Шексну по рыбу къ праздникамъ Троицы и памяти преп. Сергія набойная лодка,—Акт. Экспед. т. I, № 77, стр. 56 (Относительно Бѣлоозера грамота подтверждена Иваномъ Васильевичемъ въ 1486-мъ году, при чемъ говорится, что ходятъ не два павозка, а павозокъ съ подвозкомъ,—Акт. Экспед. т. I, № 117, стр. 88).

Грамота тому же игумену Вассіану Тверскаго вел. кн. Михайла Борисовича (1461—1486) о безпошлинномъ пропускѣ черезъ Тверское княженіе—лѣтомъ павозка съ подвозкомъ, а зимой ста возовъ, идущихъ въ Новгородъ и изъ Новгорода,—Акт. Экспед. т. I, № 78, III, стр. 57.

Грамота тому же игумену Вассіану Дмитровскаго князя Юрія Васильевича о безпошлинномъ пропускѣ черезъ Дмитровское княжество 300 возовъ, идущихъ въ Новгородъ и изъ Новгорода,—у Мейчика въ изслѣдованіи: Грамоты XIV и XV вв. Московскаго Архива Министерства Юстиціи, стр. 139, § 136.

Грамота Угличскаго князя Андрея Васильевича игумену Макарію (1483—1487) о безпошлинномъ пропускѣ черезъ Угличское княженіе двухъ паузковъ, ходящихъ на Бѣлоозеро, и лодки на Шексну,—Акт. Юридич. Калач., т. I, № 33, col. 123.

Грамота вел. кн. Василія Ивановича (1505—1533), которою предоставляется монастырю безпошлинно ходить съ Вологды на Двину и на Холмогоры и за море на четырехъ насадахъ съ подвозками, а съ Вологды везти на тѣхъ на четырехъ насадахъ съ подвозками хлѣбъ всякой и медъ и хмѣль и всякой товаръ, и продавать и купить соль на Холмогорахъ и на Двинѣ, да купить сто возовъ рыбы, а съ Двины везти соль и рыбу съ (до) Вологды (и) до мона-

13,861 рубль[1], что̀ на наши теперешнія деньги будетъ болѣе 220,000 рублей, и кромѣ того весьма большая сумма была въ раздачѣ по долгамъ (преимущественно своимъ крестьянамъ, но отчасти и всякимъ стороннимъ людямъ)[2]. Хлѣба въ монастырскихъ житницахъ, находившихся въ монастырѣ, было 19,044 четверти и кромѣ того весьма значительное количество въ раздачѣ по долгамъ и въ сельскихъ монастырскихъ житницахъ[3]. Рыб-

---

стыря и до Москвы, на сколько возовъ подъимутся. Грамота вел. кн. Василія Ивановича подтверждается грамотой царя Ивана Васильевича 1582-го года, которая напечатана у Иванова въ Описаніи Государственнаго архива старыхъ дѣлъ, стр. 230.

Грамота царя Ивана Васильевича о безпошлинной посылкѣ въ Астрахань (которая взята была 2-го іюля 1554-го года) по соль и по рыбу двухъ большихъ судовъ. Грамота Ивана Васильевича подтверждается грамотой Ѳедора Ивановича 1588-го года, которая въ Акт. Эксп. т. I, № 336, стр. 405 (при Михаилѣ Ѳедоровичѣ не на двухъ судахъ, а на одномъ суднѣ,—тарханная грамота 1625-го года, см. Акт. Ист. т. III, № 154, стр. 268 нач.; когда-то передъ 1654-мъ годомъ право безпошлинной посылки по соль и по рыбу было у монастыря взято, а въ семъ году опять возвращено,—Акт. Ист. т. IV, № 78, стр. 204 нач.; ср. въ Вивліоѳикѣ, ч. VIII, стр. 102).

Въ тарханныхъ грамотахъ царя Василія Ивановича Шуйскаго 1606-го года и Михаила Ѳедоровича 1617-го года и 1625-го, а вѣроятно—и въ недошедшей до насъ грамотѣ царя Ивана Васильевича 1547-го года, предоставляется монастырю, чтобы, „гдѣ поѣдутъ изъ него черницы или бѣльцы, на которой городъ ни буди, купити чево на монастырской обиходъ или продати“, покупали и продавали совершенно безпошлинно.

Неизвѣстный Англичанинъ, служившій въ Москвѣ въ 1557—58-мъ году, говоритъ, что Русскіе монахи не уступятъ въ торговлѣ никому изъ своихъ соотечественниковъ,—Чтен. Общ. Ист. и Древн. Росс., 1884-го года кн. IV, Извѣстія Англичанъ, стр. 24; а другой Англичанинъ—Антоній Дженкинсонъ въ описаніи своего путешествія въ Москву, относящагося къ тому же 1557—58-му году, говоритъ, что „монастыри ведутъ самую обширную торговлю въ Россіи“, см. въ сочиненіи *С. Середонина*: „Сочиненіе Джильса Флетчера Of the Russe common wealth, какъ историческій источникъ“, стр. 17 нач.; наконецъ, третій Англичанинъ—знаменитый Мильтонъ († 1674) въ своей „Краткой исторіи Московіи“ говоритъ именно о Троицкихъ монахахъ, что они суть первые торговцы въ Россіи, см. русскій переводъ Исторіи, принадлежащій Е. Карновичу и напечатанный въ Отечественныхъ Запискахъ 1860 г., № 7, подъ заглавіемъ: „Сочиненіе Мильтона о Россіи“,—стр. 112. Аврамій Палицынъ въ своемъ Сказаніи объ осадѣ даетъ знать, что у монастыря были очень большіе запасы хлѣба въ Москвѣ,—гл. 59, и хотя онъ не говоритъ прямо, что—для торговли, но это само собою должно быть подразумѣваемо.

[1] Описи л. 366 об.

[2] Изъ чужихъ въ числѣ должниковъ состояли: Черниговскій протопопъ Михаилъ Степановъ Рагуевъ (Роговъ), занявшій сто рублей; князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій, занявшій триста рублей; князь Семенъ Шаховской, занявшій сто рублей.

[3] Описи л. 490.

ныхъ запасовъ въ погребахъ и на сушилахъ было: астраханскія рыбы—4,040 калугъ (слово, въ настоящее время не употребительное въ рыбной торговлѣ и означающее какой-то особый видъ осетра или бѣлуги), 1675 осетровъ, 1500 полурыбниковъ бѣлужьихъ и осетрьихъ, 190 косяковъ бѣлужьихъ, 36 тѣпъ бѣлужьихъ; бѣломорскія рыбы: 1865 семогъ осенней ловли, 3326 семогъ весенней ловли, и потомъ еще: 1935 щукъ вялыхъ, 1245 лещей вялыхъ[1], при чемъ намъ остается неизвѣстнымъ, какую часть годовыхъ запасовъ представляло все сейчасъ перечисленное. На погребахъ и ледникахъ разнаго рода пивъ и разнаго рода медовъ было 51 бочка, при чемъ опять остается неизвѣстнымъ, какою частью годовыхъ запасовъ это было. Меду-сырцу для приготовленія медовъ—питій было 3,358 пудовъ[2]. На конюшенномъ дворѣ ѣздовыхъ лошадей было 431 голова (иноходцевъ, жеребцовъ, санниковъ, коней, мериновъ, жеребчиковъ). На коровьемъ дворѣ подъ монастыремъ было рогатаго скота 53 головы и на коровьихъ дворахъ по селамъ болѣе 500 головъ. На воловомъ (рабочемъ) дворѣ подъ монастыремъ было рабочихъ лошадей 285 головъ и по селамъ, гдѣ были запашки, или по фермамъ, 284 головы[3].

---

[1] Ibid. лл. 458 и 487.

[2] Ibid. л. 458 и 483 об.

[3] Ibid. лл. 537—600.—О невѣроятномъ богатствѣ Троицкаго монастыря ходили легенды. Баронъ Мейербергъ, пріѣзжавшій въ Россію посломъ отъ нѣмецкаго императора въ 1661-мъ году, передаетъ молву, будто у монастыря была зарыта въ землю невѣроятная сумма серебряныхъ рублей, доходившая до 40 милліоновъ,—см. въ сочиненіи Рущинскаго: Религіозный бытъ русскихъ по свѣдѣніямъ иностранныхъ писателей, стр. 140. Относительно скопленія громадныхъ богатствъ въ Троицкомъ монастырѣ иностранцы пишутъ, что князья, бояре и дворяне обыкновенно завѣщали монастырю при смерти много помѣстій съ крестьянами;—что у всѣхъ путешественниковъ, проѣзжавшихъ мимо монастыря, богатыхъ или бѣдныхъ, было въ обычаѣ заходить туда и вносить подаянія святому Сергію, чтобы въ дорогѣ не случилось съ ними какого-нибудь несчастія,—у Рущинск. ibidd.—Царь Иванъ Васильевичъ представлялъ собору 1551-го года, что монастырскія власти позволяютъ себѣ съ богатствами монастырей большія злоупотребленія. Должно быть сказано, что и власти Троицкаго монастыря далеко не были свободны отъ обвиненія въ злоупотребленіяхъ: говоритъ объ этихъ злоупотребленіяхъ такой непредубѣжденный противъ монастыря человѣкъ, какъ Симонъ Азарьинъ, см. мѣсто изъ принадлежащаго ему житія архимандрита Діонисія въ сочиненіи Д. Скворцова: Діонисій Зобниновскій, архимандритъ Троицкаго Сергіева монастыря, стр. 442; а императрица Анна Іоанновна въ своемъ указѣ Сѵноду отъ 1738-го года о сочиненіи инструкціи для управленія Троицкаго Сергіева монастыря, § 4, отзывается о злоупотребленіяхъ съ величайшей рѣзкостью („Что касается въ Троицкомъ монастырѣ до правленія монастырскаго и вотчинъ, въ томъ (т. е. монастырѣ) чтобъ архимандритъ одинъ, ниже келарь, ни казначей особливой власти отнюдь не имѣли, какъ прежде бывало, и что всякъ изъ обители брали, разхищали и раздавали, какъ бы свое собственное“....., въ Полномъ собр. закон. т. X, стр. 619). Архимандритъ Георгій Дашковъ былъ обвиняемъ въ 1718-мъ году казначеемъ и ризничимъ

Извѣстно, что государи наши, послѣ того, какъ сосредоточены были въ монастыряхъ большія богатства, начали обращаться къ позаимствованію у нихъ денегъ для нуждъ государственныхъ и своихъ личныхъ, съ тѣмъ,

---

монастыря въ крайнихъ злоупотребленіяхъ („въ несытомъ мздоимствѣ"), см. Описаніе документовъ и дѣлъ архива св. Сунода, т. I, col. 14 sqq, и т. II, col. 230 fin.; а онъ въ свою очередь обвинялъ своихъ обвинителей, см. у Соловьева въ Ист. т. XVI, стр. 348. Преемникъ Георгія Тихонъ Писаревъ былъ отставленъ въ 1722-мъ году отъ должности потому, что „явился по многимъ непорядочнымъ дѣламъ подозрителенъ" и что на него за время его очень непродолжительнаго правленія сдѣланъ былъ весьма большой начетъ, см. Описанія документовъ и дѣлъ св. Сунода т. II, coll. 541 fin. и 711 и Полнаго собранія постановленій и распоряженій по вѣдомству православнаго исповѣданія т. II, стр. 142 (о злоупотребленіяхъ подручныхъ чиновниковъ—монаховъ одновременно съ настоятелями см. перваго изданія т. VII, coll. 220 и XXXII; см. еще примѣч. 109). Не знаемъ, всегда ли въ старое время хозяйство лавры находилось въ такомъ цвѣтущемъ состояніи, въ какомъ оно представляется по описи 1641-43-го года, но въ новѣйшее время, въ XVIII вѣкѣ, оно бывало иногда въ очень плохомъ состояніи. Въ 1749-мъ году по указу императрицы Елизаветы Петровны составлена была лаврою вѣдомость для св. Сунода, „сколько у нея (лавры) и приписныхъ къ ней монастырей находится мужеска пола душъ, сколько собирается съ нихъ всякихъ доходовъ, на что оные употребляются и что бываетъ годоваго остатка", отпускъ которой сохраняется въ архивѣ лавры. На этомъ отпускѣ митр. Платонъ, извѣстный какъ великій знатокъ хозяйства, написалъ: „по сей вѣдомости усматривается, что въ лаврѣ въ прописные годы (1747-49) хозяйство было самое негодное" (и приведенный нами отзывъ императрицы Анны Іоанновны о злоупотребленіяхъ лаврскихъ властей заставляетъ думать о хозяйствѣ лавры согласно отзыву митр. Платона).—Съ какимъ необыкновенно широкимъ и „неудобь сказаемымъ" барствомъ жили власти монастыря, видно изъ того, что въ половинѣ XVIII вѣка для разъѣздовъ намѣстника, келаря и казначея (не говоря уже объ архимандритѣ) на конюшнѣ монастырской стояло болѣе 80-ти лошадей (см. въ статьѣ о. Арсенія: Лѣтопись намѣстниковъ, келарей, казначеевъ, ризничихъ, экономовъ и библіотекарей лавры, 2-е примѣчаніе къ общимъ рѣчамъ о келаряхъ), и что число служителей при архимандритахъ, когда они жили въ Петербургѣ, доходило до 80-ти слишкомъ человѣкъ (см. въ статьѣ того же о. Арсенія: О служкахъ Троицкаго Сергіева монастыря, стр. 12, прим. 32). А если вѣрить И. М. Снегиреву въ его Воспоминаніяхъ, то онъ говоритъ, что передъ митр. Платономъ архимандриты лавры парились въ своей Корбушской банѣ при поддаваніи на каменку венгерскимъ виномъ, которымъ потомъ они и окачивались и что у одного изъ нихъ были пряжки на башмакахъ (которые носили тогда архимандриты съ шолковыми чулками) стоившія 10 тысячъ рублей,—что каждому монаху въ лаврѣ ежедневно отпускались: бутылка хорошаго кагору, штофъ пѣннаго вина (!!), по купчану меду, пива и квасу, см. въ Русскомъ Архивѣ Бартенева 1886 г., № 3—4, col. 535—536 (указомъ 1744-го года лаврѣ дозволено было безпошлинно покупать пѣннаго вина по 3000 ведеръ на годъ,—Собр. закон. т. XII, № 8960, стр. 135 col. 2).—Въ старое время богатые монастыри наши славились своими многовидными или многосортными квасами, медами, пивами и ягодными водами и вообще прохладительными питьями или такъ называемыми теперь шербетами.

чтобы отдавать имъ долги, какъ выражается Коллинсъ (Англичанинъ, жившій нѣкоторое время въ Россіи при Алексѣѣ Михайловичѣ) ad calendas Graecas, т. е. никогда. Самый богатый монастырь, каковъ былъ Троицкій, конечно, долженъ былъ стать и самымъ крупнымъ заимодавцемъ государей. По свидѣтельству Палицына, первый изъ государей взялъ денегъ у Троицкаго монастыря Борисъ Ѳёдоровичъ Годуновъ. „Борисъ Ѳедоровичъ Годуновъ,—пишетъ Палицынъ,—и той (какъ предшествующіе государи) велію вѣру стяжа къ дому пресвятыя Троицы; и не вѣмъ, что̀ бысть ему (однако, не знаю, отъ чего, что̀ случилось съ нимъ), той первіе взя изъ казны чудотворца Сергія взаймы на ратныхъ людей 15,400 рублевъ". Послѣ Годунова самозванецъ (подразумѣвается—первый, ибо его только признавалъ Троицкій монастырь) взялъ у монастыря 30,000 рублей. Василій Ивановичъ Шуйскій взялъ 20,255 рублей[1]. При вступленіи на царскій престолъ Михаила Ѳёдоровича казна государственная была совершенно пуста, а между тѣмъ деньги были крайне необходимы для ратныхъ людей. Но на этотъ разъ Троицкій монастырь не могъ оказать государству помощи, ибо отъ осаднаго сидѣнія и отъ раззоренія вотчинъ войсками самозванца и Поляками и у него самого вовсе не было денегъ (на этотъ разъ Троицкій монастырь замѣнили именитые люди Строгановы). Ко второй половинѣ правленія Михаила Ѳёдоровича (1613—1645) Троицкій монастырь совершенно

Исключительный Троицкій монастырь и въ этомъ случаѣ не ронялъ своей репутаціи. Обо всѣхъ этихъ напиткахъ монастыря Павелъ Алеппскій отзывается съ великимъ восторгомъ какъ объ „очаровательныхъ" питьяхъ. Одинъ Англичанинъ, бывшій въ Троицкомъ монастырѣ въ половинѣ XVI вѣка, пишетъ объ его напиткахъ: „Монахи свели меня въ погреба и заставили попробовать различныхъ напитковъ: винъ, пива, меду и квасовъ различныхъ цвѣтовъ и способовъ выдѣлки; въ ихъ погребахъ такое множество напитковъ, что, полагаю, немного и государей имѣютъ больше или столько же; здѣшнія посудины или бочки неизмѣримой величины: нѣкоторыя имѣютъ по три и болѣе аршинъ въ высоту и два и болѣе аршина въ діаметрѣ на днѣ; каждая бочка содержитъ отъ шести до семи тоннъ, въ погребахъ нѣтъ бочки собственнаго ихъ издѣлія, которая содержала бы меньше тонны; въ монастырѣ девять и десять подваловъ, наполненныхъ такими бочками; бочки эти рѣдко сдвигаются съ мѣста: у нихъ есть трубы, проходящія сквозь своды подваловъ въ различныя мѣста, по нимъ-то они и льютъ питья внизъ, подставляя бочку подъ трубой для пріема напитковъ, было бы очень трудно стаскивать бочки внизъ по лѣстницамъ", см. Извѣстія Англичанъ о Россіи въ IV кн. Чтен. Общ. Ист. и Древн. Росс., 1884 г., стр. 23 fin.. (Митр. Іоасафъ въ своихъ замѣчаніяхъ на постановленія Стоглаваго собора, писанныхъ именно въ то время, какъ онъ жилъ въ Троицкомъ монастырѣ, говоритъ о квасахъ, которые по нему должны быть въ большихъ монастыряхъ: „а о великихъ обителехъ всякіе бы квасы были—и старые и черствые и выкислые и сладкіе и житные и сыченые и простые: чье каково естество подыметъ, такимъ бо и покоити по немощемъ!"...).

[1] О деньгахъ взятыхъ у Соловецкаго монастыря при Шуйскомъ, Михаилѣ Ѳедоровичѣ и Алексѣѣ Михайловичѣ, см. С. А. Бѣлокурова Матеріалы для Русской исторіи, стр. 60 sqq.

оправился, а поэтому весьма вѣроятно предполагать, что война съ Польшей 1632—1634-го годовъ не обошлась безъ денежной помощи со стороны монастыря, хотя положительныхъ свѣдѣній объ этомъ мы и не имѣемъ[1]. Царь Алексѣй Михайловичъ, по свидѣтельству помянутаго выше (стр. 127—128) Коллинса, въ случаѣ нужды въ деньгахъ на военныя надобности бралъ ихъ у монастырей, а подъ монастырями, конечно, должно разумѣть первымъ Троицкій монастырь. Прямо о Троицкомъ монастырѣ говоритъ извѣстный Павелъ Алеппскій, спутникъ Антіохійскаго патріарха Макарія, что въ Польскую войну онъ пожертвовалъ государю кромѣ запасовъ натурою очень значительную сумму денегъ[2]. Что касается до послѣдующаго времени, то въ царствованіе Ѳедора Алексѣевича, въ 1680-мъ году, взята была 1000 рублей, а въ продолженіе царствованія Петра Великаго взято было до 350,000 или до 400,000 рублей[3]. За остальное время до 1764-го года, когда отобраны были у монастырей вотчины, не имѣемъ свѣдѣній; но со всею вѣроятностію должно предполагать, что заимствованія продолжались или что по крайней мѣрѣ не обходилось безъ нихъ.

Бывъ въ 1764-мъ году лишена своихъ огромныхъ вотчинъ, лавра съ своимъ кормителемъ преподобнымъ Сергіемъ не оскудѣла и послѣ, и въ великую Отечественную войну 1812-го года она пожертвовала на военныя нужды: 70,000 рублей ассигнаціями, 2500 рублей серебромъ и болѣе 5 пудовъ серебра въ слиткахъ и въ посудѣ[4]. А менѣе крупныя пожертвованія она дѣлала и въ другія войны новѣйшаго времени.

---

[1] Въ 1631-мъ году и у бѣдныхъ монастырей, каковъ Антоніевъ Сійскій, взята была половина находившихся на лицо денегъ,—*Берха* Царствованіе Михаила Ѳеодоровича. II, № XIX, 169; въ 1633-мъ и 1634-мъ годахъ были новые сборы съ монастырей,—Собр. государ. грамм. и договв. III, 349.

[2] Павелъ Алеппскій прямо говоритъ, что монастырь пожертвовалъ государю 100,000 рублей; но его прямыя показанія вообще очень не надежны.

[3] О 1000 рублей, взятыхъ при Ѳедорѣ Алексѣевичѣ, см. у *А. В. Горскаго* въ Описаніи лавры, на концѣ рѣчей объ архим. Викентіи (1674—1694). Въ Архивѣ Министерства Иностр. Дѣлъ есть дѣло о 93,000 рублей, взятыхъ въ 1682-мъ году, которые монастырь просилъ потомъ, не знаемъ—успѣшно или безуспѣшно, зачесть въ казенный оброкъ съ его крестьянъ,—Монастырскія дѣла 1683 г. № 53. Объ остальныхъ деньгахъ см. у *С. М. Соловьева* въ Исторіи Россіи, т. XVI, 2 изд. стр. 347-48 (въ монастырскомъ архивѣ хранятся росписки въ забранныхъ въ казну при Петрѣ В. 159,570 рублей).—Въ 1683 году, „въ смутное время“, взяты были у всѣхъ Московскихъ городовыхъ и уѣздныхъ монастырей „наличныя деньги, что были, всѣ безъ остатку“,—Акт. Эксп. т. IV, № 283, стр. 418, col. 2; Дополн. къ Акт. Ист. т. X, № 31.—Занимали у монастыря деньги дочери царя Алексѣя Михайловича: въ іюлѣ 1682-го года дано было Маѳѣ Алексѣевнѣ 40 рублей, въ октябрѣ того же года вообще царевнамъ—30 рублей, въ 1684-мъ и въ 1695-мъ году, въ три раза, Екатеринѣ Алексѣевнѣ—2,500 рублей. Какъ будто занимала у монастыря деньги и царица Прасковья Ѳедоровна.

[4] Повторяемъ А. В. Горскаго въ его Описаніи лавры (въ рѣчахъ объ архим. Платонѣ Левшинѣ); по автобіографіи митр. Платона, можетъ быть, ошибочно: ассигнаціями не 70,000, а 7000 рублей.

Со времени преподобнаго Сергія и до 1561-го года управленіе Троицкаго монастыря состояло изъ игумена, келаря и казначея, а съ 1561-го, когда игуменъ былъ возведенъ въ санъ архимандрита, начало состоять изъ архимандрита, келаря и казначея. Въ 1739-мъ году данъ былъ архимандриту монастыря намѣстникъ[1], а въ предшествующемъ 1738-мъ году предписано было императрицей Анной Іоанновной ввести въ монастырѣ, по примѣру Кіевопечерской лавры, управленіе соборное, чрезъ придачу архимандриту съ намѣстникомъ, келаремъ и казначеемъ извѣстнаго количества соборныхъ монаховъ. Въ 1744-мъ году архимандритъ лавры Арсеній Могилянскій, бывъ произведенъ въ архіепископы Переяславскіе, былъ оставленъ вмѣстѣ съ тѣмъ и архимандритомъ лавры, каковымъ и оставался до отказа своего отъ каѳедры архіепископской—до 1752-го года. Въ 1764-мъ году была уничтожена должность келаря и замѣнена должностію эконома. Въ 1770-мъ году архимандритъ лавры Платонъ Левшинъ, бывъ посвященъ въ архіепископы Тверскіе, оставленъ былъ подобно Арсенію архимандритомъ лавры. Переведенный въ 1775-мъ году въ архіепископы Московскіе, онъ сохранилъ званіе архимандрита лавры, и съ тѣхъ поръ и до настоящаго времени архимандритами лавры состоятъ митрополиты Московскіе.

Игуменъ или архимандритъ монастыря былъ главнымъ начальникомъ послѣдняго во всѣхъ отношеніяхъ, но собственнымъ и нарочитымъ дѣломъ его было надзирать надъ духовною жизнію братіи монастыря и руководить ихъ въ этой жизни (такъ это по уставамъ монашескимъ).—Келарь (изъ греческаго κελλάριος, что̀ значитъ амбарный, отъ κελλάριον—амбаръ, такъ какъ первоначальную службу этого чиновника составляло завѣдываніе амбаромъ съ съѣстными припасами и со всякими хозяйственными запасами и принадлежностями) завѣдывалъ внѣ монастыря: принадлежавшими монастырю вотчинами (бывъ и судіею монастырскихъ кре-

[1] Въ 1666-мъ году въ Крестномъ монастырѣ: архимандритъ, намѣстникъ и строитель,—Чтен. Общ. Ист. и Древн. Росс., 1896 г., кн. I, Смѣсь, стр. 6 fin. Въ 1668 г. въ Иверскомъ монастырѣ архимандритъ и намѣстникъ,—Ист. іерархіи, IV, 249; тоже въ 1678 г.—ibid. 260 (другихъ властей не упоминается). Въ 1688 г. въ Саввиномъ Сторожевскомъ монастырѣ власти: архимандритъ, келарь, намѣстникъ, казначей,—Чтен. Общ. Ист. и Древн. Росс., 1887 г., кн. I, Varia, стр. 161. Въ 1687 г. въ Донскомъ монастырѣ архимандритъ и намѣстникъ, въ приписномъ къ нему монастырѣ тогда же намѣстникъ вмѣсто строителя, такъ что намѣстникъ=строитель,—Описаніе Донск. мон. Забѣлина, стр. 93, 95. Въ Воскресенскомъ Новый Іерусалимъ монастырѣ съ самаго его начала власти: архимандритъ, намѣстникъ, строитель (управлявшій монастырскими вотчинами), казначей, ризничій, книгохранитель,—Исторія монастыря сост. архим. Леонидомъ въ Чтен. Общ. Истор. и Древн. Росс., 1874 г., кн. IV, стр. 126 sqq. Намѣстники въ нашихъ монастыряхъ со времени патр. Никона изъ Малороссіи,—Ист. іер. IV, 220, 249, 260 (архимандритъ, взятый изъ Малороссіи въ Иверскій монастырь, и учреждено въ монастырѣ начальство, какъ въ Малороссіи). А о намѣстникахъ въ Малороссіи см. въ Описаніи Кіевопечерской лавры митр. Евгенія. О должности намѣстника Александроневской лавры по уставу Ѳеофана см. въ Ист. іер., II, 205.

стьянъ), запашками, заводами (конскими и скотскими) и промыслами; а въ самомъ монастырѣ завѣдывалъ: во первыхъ, столомъ братіи и всѣхъ тѣхъ, кто получалъ столъ изъ монастыря (служебники, работники, состоявшіе при монастырѣ стрѣльцы); во-вторыхъ,—пріемомъ и угощеніемъ пріѣзжавшихъ въ монастырь знатныхъ и вообще почетныхъ богомольцевъ. Въ старое время у насъ было принято, чтобы пріѣзжавшіе въ монастыри почетные богомольцы были угощаемы (честимы) въ монастыряхъ, для каковой цѣли существовали въ нихъ особыя гостиныя палаты. Обязанность угощать лежала на келаряхъ, такъ какъ въ ихъ завѣдываніи находились служившіе для угощенія съѣстные припасы и питія[1].—Казначей (названіе Татарское отъ „хазна“, которое у насъ передѣлано было въ казна и которое значитъ сокровище, имѣніе, деньги, усвоенное въ періодъ монгольскій тому монастырскому чиновнику, который прежде имѣлъ Греческое названіе эконома и который въ періодъ домонгольскій былъ выше келаря, первымъ по игуменѣ) завѣдывалъ приходомъ и расходомъ денегъ, всѣми монастырскими зданіями, одѣяніемъ братіи монастыря, всею такъ называемою монастырскою рухлядію и отчасти припасами для стола, при чемъ разграниченіе области завѣдыванія съ келаремъ не совсѣмъ для насъ ясно.—Должность келаря была уничтожена вмѣстѣ съ отобраніемъ у монастырей вотчинъ, какъ чиновника, который завѣдывалъ главнымъ образомъ этими вотчинами. Смѣнившій его экономъ (имя котораго, какъ мы сказали, было домонгольскимъ Греческимъ именемъ казначея) не занялъ его—келаря мѣста, но сталъ подъ казначеемъ, такъ что первымъ по намѣстникѣ архимандрита сталъ этотъ послѣдній[2].

---

[1] Обычай угощенія почетныхъ богомольцевъ въ старое время такъ былъ у насъ силенъ, что, по словамъ царя Ивана Васильевича къ собору 1551-го года, архимандриты и игумены монастырей истощали „весь покой монастырской и богатство и всякое изобиліе съ роды и съ племянники (своими) и съ боляры и съ гостми и съ любимыми друзи“; а что касается до Троицкаго монастыря, то въ немъ, по словамъ митр. Іоасафа въ замѣчаніяхъ на постановленія собора 1551-го года, „безпрестани гость бывалъ день и нощь“.—Для каждаго чина служилыхъ людей въ старое время былъ у Троицы, какъ и вообще въ монастыряхъ, свой особый пріемъ. Въ 1563-мъ году царь Иванъ Васильевичъ предписывалъ Троицкимъ властямъ относительно пріема литовскихъ посланниковъ: „а честь бы есте имъ держали, какъ дѣтемъ боярскимъ середнимъ“,—Сборникъ Русск. Историч. Общества, томъ 71, стр. 135 нач.; Симонъ Азарьинъ въ новыхъ чудесахъ преп. Сергія говоритъ о чинѣ монастырскомъ, „якоже есть обычай въ Сергіевѣ обители честныхъ боляръ почитати“,—№ 46.

[2] Въ 1429-мъ году, какъ значится въ записи на одной рукописи Лаврской библіотеки, писанной въ семъ году, властями Троицкаго монастыря были: игуменъ, строитель и келарь,—№ 715, конецъ, послѣсловіе, Описанія III, 110. Такъ какъ въ послѣдующее время мы находимъ въ нашихъ монастыряхъ строителя какъ чиновника, такъ сказать, сверхштатнаго при штатныхъ чиновникахъ архимандритѣ или игуменѣ, келарѣ и казначеѣ, значеніе и назначеніе котораго остается для насъ не совсѣмъ яснымъ (какъ будто назначавшагося, иногда по крайней мѣрѣ, самимъ государемъ для надзора надъ обыкновенными монастыр-

Вмѣстѣ съ поименованными чинами въ собственномъ смыслѣ были еще чиновники въ несобственномъ смыслѣ или какъ-бы завѣдующіе частями; таковы были церковные чиновники: уставщикъ (по гречески екклесіархъ,—начальникъ церкви) и головщикъ (по гречески доместикъ), и потомъ ризничій и книгохранитель или библіотекарь.

Собственные монастырскіе чины имѣли у себя подручниковъ, которыхъ въ особенности много было у келаря, ибо всѣ частные чиновники по завѣдыванію обширнымъ хозяйствомъ монастыря были его подручниками или находились въ его завѣдываніи.

Второстепенные чины Троицкаго монастыря, такъ же какъ и другихъ монастырей, состояли не изъ однихъ только монаховъ, но и изъ людей свѣтскихъ: этими свѣтскими чиновниками были такъ называемые монастырскіе слуги. Слуги не были работниками или чернорабочими, какъ можно было бы подумать по имени, а именно чиновниками (работники

скими властями, cfr статью *Н. Успенскаго:* О большихъ строителяхъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, напечатанную въ I кн. Чтен. Общ. Ист. и Древн. Росс., 1897 г.), то запись можно понимать двояко—или такъ, что ея строитель есть сейчасъ указанный сверхштатный чиновникъ, при чемъ штатный чиновникъ казначей остался неназваннымъ, или такъ, что ея строитель есть домонгольскій штатный чиновникъ экономъ, который въ домонгольскій періодъ занималъ первое мѣсто по архимандритѣ—игуменѣ. Гораздо вѣроятнѣе разумѣть второе и понимать дѣло такъ, что первоначально въ Троицкомъ монастырѣ учреждены были должности домонгольскія: игуменъ, экономъ, который съ переводомъ названія съ греческаго языка на русскій языкъ сталъ называться строителемъ, и келарь, и что только потомъ произошла въ немъ та перемѣна въ отношеніи къ должностямъ, что экономъ-строитель получилъ названіе казначея и что онъ поставленъ былъ подъ келаремъ. Противъ считаемаго нами за вѣроятнѣйшее можетъ быть сдѣлано то возраженіе, что Епифаній въ житіи преп. Сергія, говоря о поставленіи преподобнымъ чиновниковъ въ монастырѣ по введеніи въ послѣднемъ общежитія, первымъ называетъ келаря. Но весьма возможно, что данное мѣсто житія поправлено въ позднѣйшее время, cfr тоже мѣсто въ Никон. лѣт., ч. IV, стр. 225. Принимая за вѣроятнѣйшее относительно перемѣны въ чиновникахъ то, что̀ принимается нами, должно будетъ сказать, что перемѣна произошла болѣе или менѣе вскорѣ послѣ 1429-го года, ибо подъ 1459-мъ годомъ упоминается уже казначей монастыря (въ 1459-мъ году извѣстный Пахомій Сербинъ написалъ для старца Сергіева монастыря казначіи Сергія одну рукопись, какъ значится въ подписи на рукописи,—Академич. фундамент. № 23. Родительный: казначіи изъ именительнаго: казначія).—О раздѣленіи власти архимандрита, келаря и большаго строителя въ 1668 г. въ Кирилловомъ монастырѣ,—Акт. Эксп., IV, № 163, стр. 216. Строителя назначалъ въ монастырь мѣстный архіерей,—Чтен. Общ. Ист. и Древн. Росс. 1896 г., кн. I, Смѣсь, стр. 10 fin., 13 fin.). Иногда упоминаются два келаря или два казначея монастыря. Это должно разумѣть о келарѣ съ его помощникомъ и о казначеѣ съ его помощникомъ (келарь бо́льшаго и келарь меньшаго послушанія, казначей бо́льшаго и казначей ме́ньшаго послушанія). Въ Соловецкомъ монастырѣ въ 1668-мъ году было келарей въ монастырскихъ вотчинахъ и усольяхъ 16-ть человѣкъ,—Дополнен. къ Акт. Ист., т. V, № 67, § XXIX, стр. 361 col. 1.

же или чернорабочіе назывались служебниками); они соотвѣтствовали дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ государей и были совершенно тоже, что́ дворяне и дѣти боярскіе у архіереевъ[1]. Слуги эти явились у монастырей, съ одной стороны, для всякаго прикащичества по торговлѣ, промысламъ (рыболовство, солевареніе), землеустройству (распахиваніе и заселеніе крестьянами пустошей) и земледѣлію (заведеніе фермъ съ хлѣбопашествомъ и веденіе хлѣбопашества на фермахъ), хожденію по судамъ и пр., гдѣ неудобно было вѣдать дѣла однимъ монахамъ безъ мірскихъ подручниковъ, а съ другой стороны—для отбыванія при ихъ посредствѣ съ монастырскихъ вотчинъ военной службы государству, къ чему они (монастыри) обязаны были наравнѣ и въ одинаковой мѣрѣ со всѣми мірскими вотчинниками и помѣщиками[2]. Но слугъ нужно было содержать, и вотъ, въ видахъ ихъ содержанія или кормленія, монастыри и сдѣлали ихъ своими чиновниками въ собственномъ или тѣснѣйшемъ смыслѣ слова, именно—начали посылать ихъ въ приказы на вотчины, т. е. употреблять ихъ какъ вотчинныхъ надзирателей, управителей. А нарочитое предписаніе Стоглаваго собора, чтобы чернцовъ въ посельскіе не посылать, а посылать по селамъ и въ посельскіе слугъ добрыхъ должно было сдѣлать для слугъ вотчинное приказничество какъ-бы прямой и нарочитой ихъ службой[3]. Само собою понятно, что чѣмъ болѣе было у монастыря вотчинъ, тѣмъ болѣе имѣло быть у него и слугъ; а Троицкій монастырь обладалъ исклю-

---

[1] Павелъ Алеппскій монастырскихъ слугъ называетъ монастырскими архонтами,—Чтен. Общ. Ист. и Древн. Росс. 1898 г. кн. IV, стр. 24 sub fin. См. въ ркп. Вахрамѣева по Описанію *Титова* № 136, л. 15, вып. I, М. 1888 г., стр. 106—о боярскихъ слугахъ кто чей бывалъ послуживецъ. Послужильцы при боярахъ — *Карамзинъ* IV, 149; VI, прим. 201, col. 36; *Бычковъ А. Ѳ.* Описаніе сборниковъ I, 257, 322. Послуживецъ у Рязанскаго вел. князя—Чтен. Общ. Ист. и Древн. Росс. 1898 г., кн. II, Акты XIII—XVII вв., стр. 1 (грамота подложная).—Никоновск. лѣт. VI, 124—125.

[2] Монастыри выставляли своихъ служекъ „конныхъ людей“ въ военную службу „съ боемъ, со всею службою и съ полными запасы“,—Акты Рязанск. края Пискарева, № 50, стр. 126 (въ 1682-мъ году со 100 дворовъ по человѣку). *Милютинъ* О недвижимыхъ имѣніяхъ стр. 388 прим. 747.—Грозный въ 1556 г. (впервые) опредѣлилъ: со 100 четвертей доброй земли—человѣкъ на конѣ и въ полномъ доспѣхѣ, а въ дальній путь на двухъ коняхъ. По соборному опредѣленію 1604 г.—человѣкъ съ 200 четвертей. Въ 1617 г. опять человѣкъ со 100 четвертей. См. у *Неволина.*

[3] Гл. 49, Казанск. изд. стр. 233 fin.. Ср. сейчасъ указанное постановленіе собора 1681-го года. Петръ Великій, возстановляя прежній порядокъ (въ дѣйствительности, вѣроятно, и не нарушавшійся) предписалъ въ указѣ 1701-го года: „въ патріаршихъ, архіерейскихъ и монастырскихъ вотчинахъ посельскимъ старцамъ не быть, а быть прикащикамъ“,—Собранія законовъ т. IV, № 1839. Не задолго до отобранія вотчинъ у монастырей, въ октябрѣ 1757-го года, состоялось было предписаніе импер. Елизаветы Петровны, чтобы вотчинами управляли не монастырскіе служки, а изъ отставныхъ штабъ и оберъ-офицеры,—ibid. т. XIV, № 10765.

чительно большимъ количествомъ вотчинъ. Кромѣ прикащичества и отбыванія военной службы государству слуги еще нужны были въ монастыряхъ для письмоводства, и такъ какъ въ Троицкомъ монастырѣ по причинѣ чрезвычайной обширности его хозяйства письмоводство было огромное, то и слугъ для письменной части, въ качествѣ завѣдующихъ ею и въ качествѣ на самомъ дѣлѣ ведущихъ ее, требовалось очень большое количество (въ 1752-мъ году всѣхъ ихъ, или тѣхъ и другихъ, было 96 человѣкъ). Слуги раздѣлялись въ монастыряхъ на три класса, именно—конныхъ слугъ, подраздѣлявшихся на три статьи: большую, середнюю и меньшую, которые, имѣвъ боевыхъ коней и все воинское снаряженіе, чтобы нести военную службу государеву, и бывъ такимъ образомъ слугами добрыми или справными, посылались въ вотчины на приказы или въ ихъ прикащики, управители (въ 1752-мъ году слугъ, сидѣвшихъ на вотчинныхъ приказахъ, не считая управлявшихъ вотчинами приписныхъ монастырей, было до 65-ти) и въ самомъ монастырѣ занимали мѣста „приказныхъ“, завѣдывавшихъ его канцеляріями и конторами (въ 1752-мъ году, по числу канцелярій и конторъ, ихъ было 8) и „канцеляристовъ“, т. е. по старому словоупотребленію—повытчиковъ или столоначальниковъ, завѣдывавшихъ въ канцеляріяхъ и конторахъ повытьями или столами (въ 1752-мъ году ихъ было 18-ть); подьячихъ или писцовъ, канцелярскихъ чиновниковъ (въ 1752-мъ году ихъ было 61), и пѣшихъ служекъ, которые употреблялись для выполненія разныхъ порученій и для разныхъ посылокъ или были такъ сказать на побѣгушкахъ. Для хожденія въ Москвѣ по приказамъ или по судамъ и потомъ въ Петербургѣ по коллегіямъ у Троицкаго монастыря, какъ и у другихъ большихъ монастырей, жилъ въ Москвѣ, а потомъ въ Петербургѣ, выбиравшійся изъ слугъ постоянный стряпчій.

По своему происхожденію монастырскіе слуги были отчасти изъ монастырскихъ крѣпостныхъ служебниковъ, т. е. выбиравшіеся монастырями изъ лучшихъ служебниковъ и производившіеся въ слуги, отчасти же изъ людей свободныхъ и благородныхъ,—изъ государевыхъ служилыхъ людей, которые вмѣсто службы государю почему либо желали поступать на службу въ монастыри. Само собою понятно, что чѣмъ богаче былъ монастырь, тѣмъ болѣе и между благородными людьми могло находиться охотниковъ поступать на службу къ нему; а Троицкій монастырь былъ самый богатый изъ всѣхъ монастырей (въ слугахъ Троицкаго монастыря бывали даже и князья; а одинъ изъ бывшихъ слугъ Троицкаго монастыря занималъ должность оберъ-прокурора св. Сѵнода,—Аполлосъ Ивановичъ Наумовъ съ 1786-го года по 1791-й годъ)[1].

---

[1] О слугахъ Троицкаго монастыря см. статью *іеромонаха Арсенія:* „Доклады, грамоты и другіе акты Троицкаго Сергіева монастыря о служкахъ“, напечатанную въ III кн. Чтен. Общ. Ист. и Древн. Росс., 1867-го года.—До архим. Діонисія слуги монастыря были большею частію холостые (Симонъ Азарьинъ въ житіи Діонисія говоритъ это безусловно, но мы изъ актовъ знаемъ, что были отчасти и женатые слуги). Требованіе монастырскихъ властей, чтобы

Троицкій Сергіевъ монастырь представлялъ собою между нашими монастырями нѣчто совсѣмъ исключительное въ смыслѣ знатности и знаменитости. А поэтому и „власти“ Троицкаго монастыря,—архимандритъ,

---

слуги жили безженное житіе (Симонъ Азарьинъ ibid.), должно объяснять тѣмъ, что содержаніе женатыхъ слугъ обходилось значительно дороже, ибо до конца XVI вѣка имъ даваемы были въ помѣстья монастырскія деревни (такъ какъ при первоначальной незначительности вотчинъ у монастыря еще не могло быть для нихъ послѣдующаго вотчиннаго управительства), см. въ сочиненіи *Д. М. Мейчика*: Грамоты XIV и XV вв. Московскаго Архива Министерства Юстиціи, М. 1883, стрр. 105 и 106 и у *о. Арсенія* въ указанномъ сочиненіи о служкахъ, стр. 47 (у послѣдняго въ актѣ 1594-го года: „да въ монастырѣ же слугъ женатыхъ, за которыми монастырскіе деревни, шестнадцать человѣкъ“).—Царь Алексѣй Михайловичъ назначилъ (было, но что̀ не соблюдалось), чтобы конныхъ слугъ всѣхъ трехъ статей было въ Троицкомъ монастырѣ 140 человѣкъ (у іером. Арсенія ibid. 59). Такъ какъ число 140-ка человѣкъ вовсе недостаточно было для того, чтобы нести военную службу со всѣхъ монастырскихъ вотчинъ,—то необходимо понимать дѣло такъ, что за недостающее число слугъ-воиновъ предполагалось брать съ монастыря деньги (cfr у Татищева въ изданіи Судебника царя Ивана Васильевича общее въ семъ смыслѣ постановленіе Грознаго относительно архіереевъ и монастырей,—изд. 2, стр. 239, № 171).—Слуги Троицкаго монастыря съ слугами другихъ немногихъ монастырей или же и совсѣмъ одни пользовались особыми преимуществами. Преимущество, которымъ они пользовались съ слугами другихъ немногихъ монастырей, состояло въ томъ, что въ судебныхъ дѣлахъ они сами креста не цѣловали, а вмѣсто нихъ цѣловали крестъ ихъ люди, см. у *Карновича* въ Собраніи узаконеній Русскаго государства, т. I. coll. 420 и 426 и Акт. Ист. т. III, № 10, стр. 11. Преимущество, которымъ пользовались Троицкіе слуги, можетъ быть, одни, состояло въ томъ, что съ древнѣйшаго и до позднѣйшаго времени они свободны были отъ всякихъ государственныхъ податей (слуги представляли объ этомъ начальству въ 1724-мъ году, когда предполагалось было наложить на нихъ подушныя семигривенныя деньги, см. Полнаго собранія постановленій и распоряженій по вѣдомству православнаго исповѣданія т. IV, № 1418, стр. 282).— Слуги Троицкаго монастыря, равно какъ и другихъ монастырей, подобно десятинникамъ архіерейскимъ и воеводамъ царскимъ, посылаемы были для управленія вотчинами на годичный срокъ, послѣ чего до новаго назначенія въ продолженіе двухъ лѣтъ должны были служить монастырю безъ жалованья (царь Алексѣй Михайловичъ: „а на приказѣхъ слугамъ жити по году, а съ приказовъ съѣхавъ служити имъ въ монастырѣ два года“,—у *іером. Арсенія* ibid стр. 59 sub fin.). При такомъ порядкѣ оплаты службы Троицкіе слуги, равно какъ и слуги другихъ монастырей, естественно, заботились не столько о благополучіи крестьянъ, сколько о своихъ доходахъ. И о Троицкихъ именно слугахъ мы знаемъ отзывы, что они были управителями крестьянъ далеко не образцовыми. Ѳеофанъ Прокоповичъ, занимаясь въ 1724-мъ году сочиненіемъ штата духовнаго, между прочимъ спрашивалъ Петра Великаго: „монастырю Троицкому Сергіеву быть ли въ опредѣленіи штатскомъ?“ и прибавлялъ къ вопросу: „а вѣдати подобаетъ, что многіе тамо слуги лишніе суть и очередно въ вотчины посылаются вмѣсто жалованья и не безъ раззоренія крестьянъ богатятся“, см. въ сочиненіи *Чистовича:* Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время, стр. 138. Императрица Анна

келарь и казначей, представляли собою въ средѣ черныхъ (т. е. монастырскихъ) властей нѣчто исключительно высокое и исключительно сановное и аристократическое. „Троицкая власть“,—это было нѣчто необыкновенно громкое. Но въ особенности великъ и знаменитъ былъ келарь Троицкаго монастыря, который былъ господиномъ надъ такимъ количествомъ крестьянъ, какого не имѣлъ рѣшительно ни одинъ мірской вотчинникъ, за исключеніемъ самого государя,—который имѣлъ въ своемъ распоряженіи огромный штатъ чиновниковъ и даже нѣкоторое войско (монастырскихъ стрѣльцовъ и пушкарей) и къ которому, одновременно съ тѣмъ какъ пріѣзжать для молитвы преподобному Сергію, съѣзжалась гостить вся знатная Россія. Келарь Троицкій такъ и назывался великимъ келаремъ (а въ насмѣшку называемъ былъ королемъ)[1].

Іоанновна въ своемъ указѣ о Троицкомъ монастырѣ отъ 21-го сентября 1738-го года, говоритъ, что слуги Троицкіе получали иногда „приказы“ на вотчины посредствомъ дачи-взятокъ и, не боясь Бога, безсовѣстно разоряли монастырскія вотчины и сами только богатились (Стоглавый соборъ, какъ указали мы выше, предписываетъ, чтобы чернцовъ въ посельскіе не посылать, а посылать слугъ добрыхъ; но соборъ 1681-го года, въ виду, какъ должно думать, оказавшейся недоброкачественности слугъ, наоборотъ предписываетъ: „а по мужскимъ монастырямъ для всякаго монастырскаго строенія и для вотчиннаго управленія отъ мірскихъ людей никого не посылать, а посылать архіереомъ отъ духовнаго чина добрыхъ и искусныхъ по своему разсмотрѣнію“,—Акт. Ист. т. V, № 75, стр. 113 col. 2).—При отобраніи вотчинъ у монастырей въ 1764-мъ году бывшихъ монастырскихъ слугъ велѣно было „распредѣлить въ военную и гражданскую службу, кто куда годенъ явится“,—Собр. закон. т. XVI, № 12.060, § 9, стр. 558 нач.

[1] О Георгіи Дашковѣ, какъ келарѣ Троицкаго монастыря, сообщается, что когда онъ ѣздилъ къ своимъ братьямъ въ Алексинъ и въ приписные монастыри, то, забравъ съ собой множество всякихъ припасовъ, отправлялся въ путь огромнѣйшимъ поѣздомъ: бралъ съ собой до полутораста человѣкъ служителей и до двухсотъ лошадей,—что дорогой для ночлеговъ разбивали палатки, около которыхъ держали караулъ отставные гвардейскіе солдаты (жившіе при Троицкомъ монастырѣ на его содержаніи), см. въ сочиненіи *Чистовича:* Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время, стр. 186 (называя келарей Троицкихъ королями и объ архимандритахъ Троицкихъ говорили, что они были патріархами, т. е. были что̀ твои патріархи или не уступали самимъ патріархамъ—ibid. стр. 481).—Котошихинъ говоритъ, что воспріемникомъ или крестнымъ отцомъ царскихъ дѣтей „бываетъ перваго Троицы Сергѣева монастыря келарь старецъ“,—гл. I, § 26 sub fin.. Чтобы всегда было такъ, этого мы не знаемъ. Но воспріемникомъ дѣтей царя Михаила Ѳеодоровича (1613—1645), всѣхъ или же большей части дѣйствительно былъ келарь Троицкаго монастыря Александръ Булатниковъ (1622—1641. Положительно извѣстно, что онъ былъ воспріемникомъ: Ирины Михайловны въ 1627 г., Пелагеи Михайловны въ 1628 г., Алексѣя Михайловича въ 1629 г., Анны Михайловны въ 1630 г., и Софьи Михайловны въ 1633 г., см. Дворцовыхъ Разрядовъ т. I и Дополненія къ Дворцовымъ Разрядамъ, напечатанныя въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн. Росс. 1882 и 1883 гг.). Затѣмъ, знаемъ еще, что сынъ Петра Великаго Александръ въ 1692-мъ году

Мы сказали выше, что въ 1738-мъ году было предписано императрицей Анной Іоанновной ввести въ Троицкомъ монастырѣ по подобію Кіевопечерской лавры управленіе соборное. Въ принципѣ у насъ всегда признавалась обязательность соборнаго управленія монастырей, почему въ монастыряхъ были и соборные старцы; но эти соборные старцы не представляли изъ себя необходимой административной коллегіи, безъ которой бы не могло быть совершаемо дѣло управленія, а представляли изъ себя людей, съ которыми настоятелямъ монастырей вмѣнялось въ обязанность совѣтоваться (такъ это и въ предписаніяхъ преп. Ѳеодора Студита его преемнику, см. нашей Исторіи Русской церкви т. I, 2-я половина, стр. 683, п. 24 по 1-му изд. и стр. 790 по 2-му изд.). При такой постановкѣ дѣла соборность управленія монастырей, признававшаяся у насъ въ теоріи, болѣе или менѣе отсутствовала на практикѣ, какъ даетъ объ этомъ знать царь Иванъ Васильевичъ въ своихъ представленіяхъ собору 1551-го года[1]. Что касается въ частности до Троицкаго монастыря, то въ древнѣйшее время какъ будто существовала въ немъ большая или меньшая соборность управленія. Въ мѣновой вотчинной грамотѣ, написанной при игуменѣ Вассіанѣ Рыло (1455—1466), говорится, что игуменъ съ келаремъ промѣняли свою вотчину на вотчину одного князя, „поговоря съ попы и дьяконы и крилошаны и со всѣми старци монастыря“[2]. Митр. Филиппъ 1-й, ходатайствуя въ 1472-мъ году предъ игуменомъ монастыря Спиридономъ за одного, допустившаго какіе-то большіе проступки монаха монастыря, пишетъ игумену, чтобы онъ простилъ виновнаго „и съ своею братьею, съ старци“[3]. Въ записяхъ на двухъ монастырскихъ рукописяхъ, написанныхъ въ 1524-мъ году, говорится, что онѣ написаны „по благословенію и замышленію Троицкаго Сергіева монастыря игумена Порфирія и (на одной рукописи:) съборныхъ старцевъ (на другой рукописи: „честнаго собора его великихъ старцовъ“); въ записи на рукописи, написанной въ 1528-мъ году, говорится, что она написана повелѣніемъ игумена Александра „и честнаго собора его великихъ старцовъ“[4]. Но что въ половинѣ XVII вѣка не было въ Троицкомъ монастырѣ соборнаго управленія, это даетъ знать опись 1641—43-го года. О монастырскомъ присутственномъ мѣстѣ въ ней говорится: „палаты

воспринятъ былъ отъ купели Троицкимъ келаремъ,—Вивліоѳ. XI, 188.—Между слугами Троицкаго монастыря временно бывалъ великимъ человѣкомъ тотъ, который исправлялъ обязанности Московскаго стряпчаго монастыря, ибо этотъ стряпчій былъ въ Московскомъ приказномъ мірѣ истинною persona magna, о чемъ см. у *о. Арсенія* въ статьѣ о служкахъ, стр. 19 sqq..

[1] Въ 1565-мъ году упоминаются въ Московскомъ Богоявленскомъ монастырѣ старцы соборные. См. Описаніе монастыря, составл. *еписк. Никодимомъ* (*Бѣлокуровымъ*) стр. 23.

[2] См. у *Мейчика* въ указанномъ выше сочиненіи: Акты и грамоты XIV и XV вв., стр. 119, VII, 2.

[3] См. въ Акт. Истор. т. I, № 278 и въ Памятник. *Павлова*, col. 736.

[4] №№ Лаврскихъ рукописей 100, 123 и 721.

соборные, а въ нихъ сидятъ архимоpитъ Ондреянъ, да келарь старецъ Аврамей и казначей старецъ Симонъ для росправы всякихъ монастырскихъ дѣлъ“ и вмѣстѣ съ архимандритомъ, келаремъ и казначеемъ вовсе не называются соборные старцы. Что не было соборнаго управленія въ лаврѣ передъ Анной Іоанновной, это ясно даетъ знать она въ своемъ указѣ о введеніи этого управленія. Въ виду крайнихъ злоупотребленій со стороны монастырскихъ властей, отзывъ о которыхъ мы привели выше, императрица предписываетъ учредить въ лаврѣ такое соборное управленіе, которое бы представляло изъ себя настоящую и, возможно прочную коллегію, устроенную такъ, чтобы она не только была необходимымъ присутственнымъ мѣстомъ, но имѣла дѣйствительную силу обуздывать произволъ архимандрита, келаря и казначея.

Предписаніе императрицы Анны Іоанновны 1738-го года (отъ 21-го сентября) о введеніи въ Троицкомъ монастырѣ соборнаго управленія есть слѣдующее: „что касается въ Троицкомъ Сергіевѣ монастырѣ до правленія монастырскаго и вотчинъ и прочаго, въ томъ (т. е. въ немъ—монастырѣ) чтобъ архимандритъ одинъ, ниже келарь, ни казначей особливой власти отнюдь не имѣли..., а быть правленію въ томъ монастырѣ отчасти подобному тому, какъ въ Кіевопечерской св. лаврѣ, то-есть: опредѣлить соборныхъ монаховъ, выбравъ оныхъ самому Сѵноду, какъ того Троицкаго Сергіева монастыря, такъ и изъ другихъ монастырей, разумныхъ людей, добродѣтельнаго житія и достойныхъ управленія, до двѣнадцати персонъ (кромѣ архимандрита), въ томъ числѣ чтобъ намѣстникъ, келарь и казначей были, которые имѣютъ всѣ оные соборные двѣнадцати(-ть?) монаховъ обще съ архимандритомъ для правленія дѣлъ засѣдать и всякія дѣла порядочно разсуждать и рѣшить на письмѣ, а не на словахъ..., и обще всѣмъ протоколы и приговоры, а не одному архимандриту, подписывать...; и понеже вышепомянутые соборные монахи яко члены правленія въ обители суть, для того въ разсужденіи монастырскихъ и прочихъ дѣлъ свободные голоса имѣть должны...; и архимандритъ самъ собою не имѣетъ власти соборныхъ монаховъ перемѣнять, ниже наказывать, но долженъ писать въ Сѵнодъ и на убылыя мѣста представлять, выбирая общимъ избраніемъ кандидатовъ на одно мѣсто двухъ или трехъ, предая на разсужденіе Сѵнода, кого изъ тѣхъ оный изберетъ и опредѣлитъ“[1].

Въ заключеніе рѣчей объ управленіи Троицкаго монастыря кратко скажемъ о приписныхъ къ нему монастыряхъ, т. е. монастыряхъ, которые, бывъ приписаны къ нему или бывъ отданы въ его завѣдываніе, находились въ его распоряженіи административномъ и хозяйственномъ и которые были

---

[1] Объ этой инструкціи см. у *Соловьева* въ Исторіи, т. XX, стр. 298 fin.. Монастырскія власти были потомъ такого высокаго мнѣнія о своемъ Учрежденномъ соборѣ, что въ докладѣ импер. Екатеринѣ II отъ октября 1764-го года, о которомъ ниже, приравниваютъ его къ государственнымъ коллегіямъ, утверждая, будто онъ опредѣленъ на такихъ же основаніяхъ, какъ и эти послѣднія.

управляемы присылавшимися изъ него строителями. Два приписныхъ монастыря были у Троицкаго монастыря еще при самомъ преподобномъ Сергіи, это—Киржачскій Благовѣщенскій монастырь, основанный имъ самимъ (выше стр. 50), и Гороховецкая Георгіевская пустыня, основанная по его благословенію (выше стрр. 78—79). Послѣ преп. Сергія какъ относительно всего другаго, такъ и относительно приписныхъ монастырей Троицкій монастырь сталъ представлять собою исключеніе. Къ 1561-му году, когда игуменъ монастыря возведенъ былъ въ санъ архимандрита, постепенно умножавшееся число приписныхъ къ нему монастырей, перечисляемыхъ въ настольной грамотѣ архимандриту (Ист. іер. II, 110—111), было 12-ть (Изъ нихъ о Московскомъ Богоявленскомъ монастырѣ, находившемся въ Кремлѣ, см. ниже, въ прибавленіи къ гл. XII). Послѣ 1561-го года къ 1641-му году, когда произведена была перепись монастыря, содержащая въ себѣ краткія рѣчи и о всѣхъ приписныхъ монастыряхъ, этихъ послѣднихъ, отчасти тѣхъ же, что̀ прежде, отчасти новыхъ, замѣнившихъ прежніе закрывшіеся, было 15-ть. Передъ отобраніемъ у монастырей вотчинъ въ 1764-мъ году приписныхъ монастырей, такъ же противъ 1641-го года отчасти старыхъ, отчасти новыхъ, было 13-ть. При отобраніи у монастырей вотчинъ приписнымъ къ лаврѣ монастыремъ оставленъ, каковымъ остается и до сихъ поръ, одинъ Махрищскій монастырь [1].

Въ настоящее время управленіе лавры состоитъ: изъ архимандрита, его намѣстника, казначея, эконома и Учрежденнаго собора, въ 1897-мъ году переименованнаго въ Духовный соборъ.

Архимандритъ лавры есть митрополитъ Московскій (титулуется онъ священно-архимандритомъ). Такъ какъ онъ не живетъ въ лаврѣ, а только пріѣзжаетъ въ нее для монастырскихъ праздничныхъ служеній (Троицынъ день, обрѣтеніе мощей преподобнаго Сергія—5-е іюля и день кончины его—25-е сентября), то онъ управляетъ ею чрезъ намѣстника.

Намѣстникъ митрополита есть въ то-же время архимандритъ Виѳанскаго монастыря [2].

---

[1] Желающіе имѣть обстоятельныя свѣдѣнія о приписныхъ монастыряхъ, найдутъ ихъ въ Описаніи лавры А. В. Горскаго, гл. X, съ указаніемъ на источники свѣдѣній—по изданіямъ архим. Леонида (Только Сергіева Троицкая пустыня, находящаяся подъ Петербургомъ, стала, нужно думать, самостоятельнымъ монастыремъ нѣсколько ранѣе 1764 г., ибо не упоминается какъ приписной монастырь уже въ грамотѣ Елизаветы Петровны 1752-го года).

[2] Чинъ намѣстниковъ перешолъ въ великороссійскіе монастыри изъ малороссійскихъ и впервые является, если не ошибаемся, въ монастыряхъ патр. Никона, первое начальство въ Иверскомъ монастырѣ котораго, построенномъ въ 1653-мъ году, было изъ малороссійскихъ монаховъ (Ср. выше стр. 129, примѣчаніе). Въ Троицкомъ монастырѣ должность намѣстника была учреждена въ 1739-мъ году и до конца XVIII вѣка, пока не было соединено съ должностью настоятельство въ Виѳанскомъ монастырѣ, за немногими случайными исключеніями намѣстники были изъ іеромонаховъ (а до 1739-го года иногда

Учрежденный, теперь Духовный, соборъ состоитъ изъ поименованныхъ должностныхъ лицъ съ обязательнымъ или непремѣннымъ присоединеніемъ къ нимъ ризничаго, какъ чиновника, и потомъ того или другаго количества соборныхъ старцевъ. Въ настоящее время число всѣхъ членовъ собора—11 человѣкъ. Соборные старцы избираются Духовнымъ соборомъ лавры и утверждаются митрополитомъ.

Несомнѣнно, что Троицкій монастырь, ставъ самымъ большимъ монастыремъ сѣверной Руси со времени самого преподобнаго Сергія, постоянно и оставался потомъ таковымъ во все послѣдующее время. Однако мнѣніе иныхъ Русскихъ людей, будто въ старое время бывали въ Троицкомъ монастырѣ тысячи монаховъ, совершенно неосновательно: тысячъ монаховъ, какъ это было въ монастыряхъ Египетскихъ при началѣ монашества въ церкви, никогда не бывало у насъ ни въ одномъ монастырѣ. Правда, если не обманываютъ насъ наши свѣдѣнія, былъ небольшой промежутокъ времени, когда монаховъ въ Троицкомъ монастырѣ было сравнительнымъ образомъ особенно много, но и тутъ дѣло ограничивалось—въ дѣйствительности не вступно половиной тысячи, а въ предположеніи не вступно семью стами. За время самого преподобнаго Сергія, за весь 15-й вѣкъ и за большую часть 16-го вѣка мы не имѣемъ положительныхъ свѣдѣній о числѣ монаховъ въ монастырѣ и имѣемъ только неопредѣленное извѣстіе за 1437—1440-й годъ, что ихъ было въ немъ, подразумѣвая—въ сравненіи съ другими Русскими монастырями, великое множество[1]. Приблизительнымъ образомъ мы можемъ опредѣлить только крайнее бо́льшее ихъ число. Возможность сдѣлать такое опредѣленіе даютъ намъ наши приблизительныя свѣдѣнія о пространствѣ или вмѣстимости келлій монастыря за указанное время. До 1556-го года вмѣстимость келлій, о чемъ см. ниже въ гл. IV, была такова, что наибольшее число монаховъ, которое могло помѣститься въ нихъ, должно быть полагаемо въ 150-ть человѣкъ, такъ что нельзя предполагать, чтобы до сего времени было и когда-нибудь бывало монаховъ въ монастырѣ болѣе этихъ 150-ти человѣкъ. Въ 1556-мъ году протяженіе келлій было значительно увеличено, вмѣстѣ съ чѣмъ могло увеличиться и количество монаховъ. Отъ 1595-го года мы имѣемъ положительное извѣстіе, что въ семъ году было монаховъ въ мо-

---

называется намѣстникомъ келарь монастыря), см. статью *о. Арсенія:* Лѣтопись намѣстниковъ, келарей, казначеевъ, ризничихъ, экономовъ и библіотекарей Свято-Троицкой Сергіевой лавры.

[1] Въ 1437-мъ году одинъ великокняжескій дворянинъ избавился отъ опасности на войнѣ молитвою къ преподобному Сергію и далъ обѣтъ пойдти въ обитель святаго, поклониться мощамъ его и учредить братію. Но потомъ онъ началъ колебаться въ исполненіи своего обѣта, ибо говорилъ самъ съ собой: „мало имѣнія содержу, аще учредити ми толика множества братства и милостыню подати, яко же обѣщахся, боюся убожества, полъимѣнія не останетъ ми ся на потребу“... Чудо „о воинѣ, избавленномъ отъ поганыхъ“ въ литографич. житіи преп. Сергія л. 309 об., см. также въ Полн. собр. лѣтт. VI, 151.

настырѣ или не вступно или съ небольшимъ 200 человѣкъ[1]. Отъ 1641—43-го года мы имѣемъ положительное извѣстіе, что монаховъ въ монастырѣ было тогда 236-ть человѣкъ[2]. Вѣроятно, что въ продолженіе всего XVII вѣка число монаховъ было или нѣсколько бо́льшее или нѣсколько меньшее сейчасъ указаннаго, т. е. колебалось между двумя стами съ четвертью и двумя стами съ половиной, а затѣмъ, что составляетъ помянутый нами промежутокъ времени, когда, въ случаѣ если не обманываютъ насъ наши свѣдѣнія, было особенно много монаховъ въ монастырѣ, имѣемъ мы извѣстіе, что въ 1715-мъ году монаховъ въ монастырѣ было 487-мь человѣкъ

---

[1] Знаменитый въ свое время монахъ Троицкаго монастыря Варсонофій Якимовъ, скончавшійся 9-го октября 1601-го года, написалъ 10-го апрѣля 1595-го года духовное завѣщаніе, въ которомъ приказываетъ „роздать по немъ всей братьѣ (монастыря) по рукамъ по рублю на брата, и малу и велику, а нынѣ, говоритъ онъ, у Троицы 220 братовъ“, см. у *о. Арсенія* въ статьѣ: Лѣтопись намѣстниковъ, келарей и пр., казначеевъ № 19, стр. 33 fin.. Въ числѣ монаховъ Троицкаго монастыря Варсонофій Якимовъ считаетъ и монаховъ находившагося за стѣной его и составлявшаго какъ бы его отдѣленіе Подольнаго монастыря (о которомъ см. ниже въ гл. XI), а количество монаховъ послѣдняго монастыря должно быть полагаемо въ 20-ть человѣкъ съ небольшимъ или безъ небольшаго.

[2] Въ описи монастыря 1641—43-го года содержится поименный списокъ монаховъ монастыря.—Между духовнымъ завѣщаніемъ Варсонофія Якимова и описью монастыря 1641—43-го года имѣемъ извѣстіе о числѣ монаховъ монастыря въ описаніи осады его Поляками, принадлежащемъ Аврамію Палицыну. Палицынъ говоритъ, что во время осады монастыря Поляками отъ свирѣпствовавшей въ немъ цынги умерло 297 братовъ (гл. 37), такъ что все количество монаховъ монастыря должно было бы полагать по нему не менѣе какъ въ 350 человѣкъ. Но или цифра у Палицына совершенно ошибочна или должно разумѣть у него не однихъ собственныхъ монаховъ монастыря, но и пришлыхъ (каковыми могли быть напр. монахи Переяславскихъ и Ростовскихъ монастырей), ибо иначе увеличеніе числа монаховъ монастыря между годами 1595-мъ и 1609-мъ (время свирѣпствованія въ монастырѣ цынги) на цѣлые 150 человѣкъ было бы совершенно необъяснимымъ для насъ и совершенно невѣроятнымъ. Есть свѣдѣнія о числѣ монаховъ въ монастырѣ у иностранныхъ писателей, но онѣ имѣютъ то значеніе, что показываютъ, насколько Русскіе увеличивали число монаховъ монастыря предъ иностранцами и насколько иные изъ иностранныхъ писателей сами способны были къ преувеличеніямъ. Перваго класса писатели суть: Фабри, писавшій въ 1525-мъ году и говорящій, что въ монастырѣ почти всегда бываетъ 300 человѣкъ братіи, и Олеарій, писавшій въ половинѣ XVII вѣка и говорящій, что въ его время монаховъ въ монастырѣ было болѣе 300 человѣкъ; втораго класса писатель есть Павелъ Алеппскій, писавшій во второй половинѣ XVII вѣка, который утверждаетъ, будто монаховъ въ монастырѣ было въ его время 500 человѣкъ (Антоній Поссевинъ, писавшій между 1581—1586-мъ годами, говоритъ, что монаховъ въ монастырѣ около 200 человѣкъ, и это должно быть понимаемо или такъ, что, не довѣряя показаніямъ Русскихъ, онъ сократилъ число монаховъ по своимъ соображеніямъ, или такъ, что ему удалось получить относительно числа монаховъ настоящія свѣдѣнія).

и что по опредѣленіямъ Монастырскаго приказа, который существовалъ съ 1701-го по 1725-й годъ, ихъ предполагалось или назначалось быть въ монастырѣ 674 человѣка[1]. Это неожиданное удвоеніе и болѣе чѣмъ удвоеніе числа монаховъ въ монастырѣ, повторяя все ту же оговорку—если не обманываютъ насъ наши свѣдѣнія, должно будетъ объяснять тѣмъ, что съ 1701-го года, когда былъ учрежденъ Монастырскій приказъ, затруднено было поступленіе монаховъ въ другіе монастыри[2] и что желавшіе постригаться въ монахи должны были устремиться въ Троицкій монастырь, который въ видѣ исключенія не подчиненъ былъ вѣдѣнію Монастырскаго приказа и не подлежалъ его стѣснительнымъ мѣропріятіямъ. Относительно 1746-го года мы имѣемъ извѣстіе, что число монаховъ въ монастырѣ необыкновенно убыло противъ первой четверти восемнадцатаго вѣка, а именно—что вмѣсто 500 не вступно или слишкомъ ихъ стало съ небольшимъ, а можетъ быть даже и безъ чего нибудь одна сотня. Въ 1749-мъ году, по приказанію импер. Елизаветы Петровны, была составлена лаврою для св. Сунода вѣдомость, о которой упоминали мы выше.

По этой вѣдомости, въ 1746-мъ году было въ монастырѣ монаховъ вмѣстѣ съ бѣлыми діаконами и бѣлыми псаломщиками, съ отставными вмѣсто монаховъ солдатами и съ лишенными монашества трудниками, 152 человѣка. Такое необыкновенное уменьшеніе числа монаховъ, если вѣрны наши свѣдѣнія объ ихъ необыкновенномъ увеличеніи, должно объяснять тѣмъ, что въ 1734-мъ году изданъ былъ указъ, чтобы никого не постригать въ монахи кромѣ вдовыхъ священнослужителей и отставныхъ солдатъ, и что хотя указъ и отмѣненъ былъ въ 1740-мъ году, но у властей Троицкаго монастыря, подобно какъ у властей всѣхъ другихъ монастырей, оставался страхъ отвѣтственности за неправильныя постриженія, заставлявшій ихъ совершать этихъ постриженій какъ можно менѣе, что согласно было и съ ихъ собственными выгодами, ибо чѣмъ менѣе было монаховъ, тѣмъ бо́льшая доля изъ доходовъ доставалась каждому наличному монаху, а по преимуществу властямъ монастыря[3]. По штатамъ 1764-го года положено

---

[1] О числѣ монаховъ монастыря въ 1715-мъ году сообщаетъ свѣдѣнія Ландратская сего года книга по Московской губерніи, которыя заимствуются нами не непосредственно изъ нея самой, а черезъ посредство Путеводителя изъ Москвы въ Троице-Сергіеву лавру *И. М. Снегирева*, М. 1856, стр. 28; о числѣ монаховъ монастыря, опредѣленныхъ Монастырскимъ приказомъ, см. у *свящ. М. Горчакова* въ изслѣдованіи: Монастырскій приказъ (1649—1725 г.), Спб., 1868, приложж. стр. 43, № 3.

[2] См. у *Горчакова* ibid. стр. 170 fin..

[3] Гедеономъ Криновскимъ, занимавшимъ мѣсто архимандрита лавры съ 1758-го по 1761-й годъ, написана была записка о расходахъ монастыря, съ цѣлію показать, что монастырь не могъ платить на содержаніе инвалидовъ такой суммы, какая отъ него требовалась. Въ запискѣ этой (напечатана была въ Чтен. Общ. Ист. и Древн. Росс. 1865 г., кн. 4 и перепечатана архим. Леонидомъ въ приложеніяхъ къ Описанію лавры А. В. Горскаго) утверждается, что лавра „содержитъ монаховъ до двухъ сотъ, а иногда и болѣе“. Справедливое

быть монаховъ въ монастырѣ 100 человѣкамъ, именно: архимандриту, намѣстнику, казначею, эконому, духовнику, ризничему, уставщику, іеромонахамъ 30 (изъ коихъ быть и ризничему), іеродіаконамъ 20, монахамъ служебнымъ 20, больничнымъ 20, пономарямъ 4[1].

Въ 1892 г. монаховъ въ Троицкомъ монастырѣ, считая безъ неуказныхъ послушниковъ, было 252 человѣка (67 іеромонаховъ, 38 іеродіаконовъ, 80 монаховъ и 57 послушниковъ), а считая съ неуказными послушниками—402 человѣка.

СПИСОКЪ НАСТОЯТЕЛЕЙ МОНАСТЫРЯ[2].

Игумены:

1. Митрофанъ, весьма не долго, см. выше стр. 31.

2. Преподобный Сергій,—принялъ игуменство въ 1344-мъ году и послѣ 48-лѣтняго устроенія монастыря въ санѣ игумена скончался 25-го сентября 1392-го года.

3. Никонъ, преподобный, и

4. Савва, преподобный, 1-й.

Преподобный Сергій за шесть мѣсяцевъ до своей кончины избралъ въ свои преемники преподобнаго Никона; но этотъ вскорѣ послѣ кончины преподобнаго Сергія удалился съ игуменства, чтобы подвизаться безмолвіемъ. Въ продолженіе шести лѣтъ онъ замѣняемъ былъ на игуменствѣ

по отношенію къ прежнему времени Гедеонъ выдаетъ за дѣйствительное по отношенію къ его времени, изъ желанія убѣдить, кого слѣдовало, въ огромности расходовъ лавры на содержаніе братіи. И напротивъ, передъ зрѣлищемъ того, что немного большее ста человѣкъ количество братіи содержалось на доходы со ста тысячъ крестьянъ или что каждый монахъ содержался на доходы почти съ тысячи крестьянъ, нельзя не воскликнуть, что хотя это есть и несомнѣнно дѣйствительное, но тѣмъ не менѣе совершенно невѣроятное!

[1] При отобраніи вотчинъ у монастырей въ 1764-мъ году монахамъ по составленнымъ штатамъ числа ихъ назначено было жалованье. Монахамъ Троицкаго монастыря назначено было: архимандриту 2000 рублей, намѣстнику 300 рублей, казначею 300 р., эконому 150 р., духовнику, ризничему и уставщику по 50 р., іеромонахамъ и іеродіаконамъ по 13 р., монахамъ служебнымъ и больничнымъ и пономарямъ по 10 р. въ годъ, а всѣмъ вмѣстѣ 1070 рублей въ годъ. Въ 1797-мъ году импер. Павелъ Петровичъ, прибавляя жалованья монахамъ всѣхъ монастырей, между Троицкими монахами прибавилъ: іеромонахамъ, іеродіаконамъ, монахамъ (служебнымъ) и больничнымъ и пономарямъ по 11-ти рублей (въ общемъ, по словамъ митр. Платона въ автобіографіи, 3409 рублей, къ которымъ онъ прибавляетъ еще 1500 рублей на соборныхъ и приказнослужителей).

[2] Списокъ настоятелей, начиная съ преп. Сергія и кончая Викентіемъ, напечатанъ въ Странникѣ 1892 г., № 8, стр. 543—545 (Извѣстія и замѣтки); взятъ изъ рукописи С.-Петербургской дух. академіи № 307, лл. 208—209, послѣдней четверти XVII вѣка.

преподобнымъ Саввою Дубенско-Звенигородскимъ[1], а спустя шесть лѣтъ опять воспринялъ его и скончался на немъ 17-го ноября 1428-го или 1429-го года.

5. Савва 2-й, съ 1428-го или 1429-го года по 1432-й годъ[2].

6. Зиновій, съ 1432-го по 1445-й годъ[3]. О примиреніи имъ великаго князя Василія Васильевича съ княземъ Дмитріемъ Юрьевичемъ Шемякой мы сказали выше стр. 109. Весьма вѣроятно, что по его приглашенію прибылъ въ Россію, и именно—въ Троицкій монастырь, съ Аѳона Пахомій Сербъ, который прославился у насъ какъ составитель житій святыхъ и о которомъ см. выше на стрр. 3 и слѣдд. въ примѣчаніи; былъ человѣкъ книжный и, какъ кажется, пользовавшійся большимъ уваженіемъ.

7. Геннадій Саматовъ, въ 1445-мъ году, считаемый сомнительнымъ.

8. Досиѳей 1-й, въ продолженіе 1445—1448-го годовъ. При немъ въ 1446-мъ году былъ захваченъ въ Троицкомъ монастырѣ великій князь Василій Васильевичъ Дмитріемъ Шемякой, о чемъ также сказали мы выше стр. 109 (лишенъ былъ вел. княземъ игуменства по подозрѣнію, что находился въ сообщничествѣ съ Шемякой). О Троицкихъ чернцахъ, участвовавшихъ въ заговорѣ противъ вел. князя Василія Васильевича см. у Попова въ „Изборникѣ“ стр. 82, у Татищева въ Исторіи, IV, 565 и въ Родословной книгѣ во Временникѣ, X, 21.

9. Мартиніанъ преподобный, ученикъ преподобнаго Кирилла Бѣлозерскаго (о которомъ см. выше въ жизнеопис. стрр. 84—85), игуменъ Ѳерапонтова монастыря (выше тамъ же стрр. 85—86), вызванный изъ послѣдняго великимъ княземъ Василіемъ Васильевичемъ въ игумены Троицкіе въ 1447-мъ году, опять удалившійся въ Ѳерапонтовъ монастырь въ 1455-мъ году, скончавшійся 12-го января 1483-года, канонизованный на соборѣ 1549-го года[4].

---

[1] Въ 1404-мъ году преп. Савва былъ уже игуменомъ Сторожевскимъ и монастырь Сторожевскій былъ уже въ этомъ году болѣе или менѣе устроенъ имъ (см. Акт. Ист. т. I, № 15, стр. 23); а изъ сего и слѣдуетъ, что онъ замѣнялъ Никона на игуменствѣ Троицкомъ (послѣ игуменства Дубенскаго) болѣе или менѣе вскорѣ послѣ смерти преп. Сергія.

[2] Что если не въ 1428-мъ, то 1429-мъ году Савва былъ игуменомъ Троицкимъ, это видно изъ записей на двухъ, написанныхъ въ семъ году, рукописяхъ, см. Лаврскк. ркпп. №№ 239 и 715.

[3] Что Зиновій скончался не въ 1433-мъ году, а не ранѣе какъ въ 1435-мъ, видно изъ того, что въ семъ послѣднемъ году дана была ему грамота Боровскимъ, а вмѣстѣ и Радонежскимъ, княземъ Василіемъ Ярославичемъ, см. въ статьѣ *о. Арсенія* О вотчинныхъ владѣніяхъ Троицкаго монастыря, стр. 10—11.— На одной Лаврской рукописи, написанной въ 1420-мъ году, читается запись: „господину игумену Зиновію“,—№ 669. Это, съ перваго взгляда недоумѣнное, значитъ, что рукопись, написанная въ 1420-мъ году, поднесена или подарена Зиновію была не въ томъ же 1420-мъ году, а позднѣе, когда онъ сталъ игуменомъ.

[4] 4-го августа 6956-го года Мартиніанъ былъ игуменомъ Ѳерапонтова монастыря,—Акт. Эксп. т. I, № 41, стр. 31, а 29-го декабря того же 6956-го года онъ былъ игуменомъ Троицкимъ,—Акт. Ист. т. I, № 40, стр. 75. Это

10. Вассіанъ Рыло, ученикъ преподобнаго Пафнутія Боровскаго, поставленный въ 1455-мъ году[1], въ 1466-мъ году переведенный въ архимандриты Московскаго придворнаго Спасскаго монастыря, въ 1467-мъ году назначенный въ архіепископы Ростовскіе; духовникъ великаго князя Ивана Васильевича, смѣлый его обличитель въ нашествіе Ахматово и авторъ знаменитаго посланія къ нему на Угру.

11. Спиридонъ, изъ монаховъ Чудовскихъ, съ 1467-го по 1474-й годъ, называемый отъ Іосифа Волоколамскаго, который зналъ его лично, великимъ старцемъ[2].

12. Аврамій, съ 1474-го по 1478-й годъ[3].

13. Паисій (Пасѣй, Пасѣя) Ярославовъ, постриженникъ Каменскаго монастыря на Кубенскомъ озерѣ (какъ принимаютъ), монахъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря и одинъ изъ первыхъ представителей такъ называемаго заволжскаго образа мыслей, учитель преподобнаго Нила Сорскаго, одинъ изъ знаменитыхъ старцевъ своего времени, весьма уважавшійся великимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ, который желалъ было видѣть его митрополитомъ Русскимъ, на соборѣ 1503-го года поднимавшій вмѣстѣ съ преподобнымъ Ниломъ вопросъ объ отобраніи у монастырей вотчинъ; неохотно принявшій игуменство Троицкое въ 1479-мъ году и отказавшійся отъ него въ 1482-мъ году, о чемъ въ Софійской лѣтописи записано: „принуди его князь великій у Троицы въ Сергѣевѣ монастырѣ игуменомъ быти, и не може чернцовъ превратити на Божій путь,—на молитву и на постъ и на воздержаніе, и хотѣша его убити, бяху бо тамо бояре и князи постригшеися, не хотяху повинутися, и остави игуменство“.

14. Іоакимъ, въ 1482—1483-мъ году.

15. Макарій, съ 1483-го по 1488-й годъ[4].

16. Аѳанасій 1-й, Сукъ, съ 1488-го по 1490-й годъ[5].

значитъ, что счетъ (оффиціальный) былъ тогда еще не сентябрскій, а мартовскій, и что Мартиніанъ поставленъ въ игумены Троицкіе между августомъ и декабремъ 1448-го года.

[1] Упоминается какъ игуменъ Троицкаго монастыря 10-го марта 1455-го года,—Акт. Экспед. т. I, № 56, стр. 41.

[2] Что при игуменѣ Спиридонѣ не было уже въ Троицкомъ монастырѣ общежитія, а было такое особножитіе, что нѣкоторые монахи его имѣли даже собственныхъ лошадей, это видно изъ посланія къ нему митр. Филиппа,—Акт. Ист. т. I, № 278, и Памятнн. *Павлова* № 104 (и противъ подобнаго-то особножитія, нѣтъ сомнѣнія, и возсталъ было второй преемникъ Спиридона на игуменствѣ Паисій Ярославовъ, пришедшій изъ строго общежитнаго еще тогда монастыря преп. Кирилла Бѣлозерскаго).

[3] Упоминается какъ игуменъ Троицкій 25-го декабря 1474-го года и 19-го апрѣля 1478-го года,—запись на Лаврск. ркп. № 224 и грамота у *Мейчика*, стр. 145, № 198.

[4] Упоминается какъ игуменъ Троицкій въ январѣ 1488-го года,—Акт. Экспед. т. I, № 122, стр. 91.

[5] Аѳанасій присутствовалъ на соборѣ, бывшемъ 17 октября 1490-го года,—Собр. лѣтт. IV, 158, и VI, 38, 240.

17. Симонъ Чижъ, съ 1490-го по 1495-й годъ, потомъ митрополитъ всероссійскій.

18. Серапіонъ 1-й, преподобный, переведенный изъ игуменовъ Дубенскаго Шавыкинскаго монастыря, съ 1495-го по 1506-й годъ, потомъ архіепископъ Новгородскій; изъ-за ссоры съ Іосифомъ Волоколамскимъ, при чемъ оскорбленъ былъ имъ великій князь Василій Ивановичъ, въ 1509-мъ году низведенный съ каѳедры и подвергнутый отлученію, скончавшійся у Троицы 16-го марта 1516-го года (мѣстный святой Троицкой лавры).

19. Досиѳей 2-й, въ 1506—1507-мъ году[1].

20. Памва 1-й, Мошнинъ, съ 1508-го по 1515-й годъ[2].

21. Іаковъ Кашинъ, изъ монаховъ Троицкихъ, ученикъ Серапіоновъ, съ 1515-го по 1520-й годъ.

22. Порфирій 1-й, изъ пустынниковъ Бѣлозерскихъ, устроившій близъ Кириллова Бѣлозерскаго монастыря собственную пустыню, которая носила названіе Порфиріевой пустыни, поставленный если не въ 1520-мъ году, то въ самомъ началѣ 1521-го года (Типогр. лѣт. стр. 373 fin.), за смѣлое обличеніе великаго князя Василія Ивановича въ одномъ непохвальномъ дѣяніи удаленный съ мѣста въ 1524-мъ году[3].

23. Арсеній Сахарусовъ (Сухарусовъ), преподобный, изъ постриженниковъ Троицкихъ и подвижниковъ Вологодскихъ, съ 1525-го по 1527-й годъ, удалившійся съ игуменства для безмолвія опять въ пустыни Вологодскія, основавшій тамъ два монастыря и скончавшійся 24-го августа 1550-го года (въ святцахъ: Арсеній Комельскій, по мѣсту кончины его въ основанномъ имъ Ризположенскомъ монастырѣ, который, находясь въ Комельскомъ лѣсу, называется по его имени и по лѣсу Арсеніевымъ Комельскимъ)[4].

---

[1] Упоминается какъ игуменъ Троицкій 30-го сентября 1506-го года и 25-го апрѣля 1507-го года,—Акт. Экспед. т. I, №№ 145 и 148, стрр. 117 и 119.

[2] По записи въ одной Лаврской рукописи,—№ 647, Памва Мошнинъ преставился 6-го мая 1520-го года. Слѣдовательно, въ 1515-мъ году онъ оставилъ игуменство и жилъ послѣ этого въ монастырѣ на покоѣ. А преемникъ его Іаковъ Кашинъ поставленъ въ мартѣ 1515-го года,—Типогр. лѣт. стр. 362.

[3] Въ Уставѣ церковномъ, принадлежавшемъ Аврамію Палицыну и приложенномъ отъ него въ лавру, а теперь находящемся въ числѣ рукописей Сѵнодальной библіотеки, между прочимъ читается замѣчаніе, что въ великую субботу на утрени, когда совершалось „надгробное величаніе, у Троицы въ Сергіевѣ прежъ сего бывали бѣлыа ризы (на игуменѣ и священникахъ), игуменъ же Пероирей,—при чемъ, по всей вѣроятности, разумѣется именно Порфирій 1-й,—уставилъ постныа ризы“, см. въ Опис. сѵнодд. ркпп. *Горск. и Невостр.* № 391, л. 206, стр. 335 нач.

[4] Что въ 1505-мъ году Арсеній подвизался въ какомъ-то изъ Вологодскихъ монастырей, это видно изъ записи на одной рукописи, которая была написана имъ въ семъ году, см. Ист. іер. III, 296.—Порфирій удаленъ съ мѣста въ сентябрѣ 1524-го года, Арсеній поставленъ въ январѣ 1525-го года,—

24. Александръ, въ 1528—1529-мъ году[1].

25. Іоасафъ 1-й, Скрипицынъ, съ 1529-го по 1539-й годъ, потомъ митрополитъ всероссійскій, сведенный съ каѳедры митрополичьей въ 1542-мъ году и скончавшійся у Троицы (послѣ заточенія въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ) неизвѣстно когда до 1561-го года (принимаютъ, что 27-го іюля 1555-го года).

26. Порфирій 2-й, съ 1539-го по 1541-й годъ.

27. Алексѣй, съ 1541-го по 1543-й годъ, потомъ архіепископъ Ростовскій, скончавшійся на покоѣ въ Троицкомъ монастырѣ.

28. Порфирій 3-й, въ 1543-мъ году, правившій всего пять недѣль.

29. Никандръ, съ 1543-го по 1545-й годъ, потомъ (послѣ удаленія съ игуменства на покой?) архіепископъ Ростовскій.

30. Іона Щелепинъ, изъ келарей монастыря, съ 1545-го по 1549-й годъ.

31. Серапіонъ 2-й, Курцовъ, изъ келарей монастыря, съ 1549-го по 1551-й годъ, потомъ архіепископъ Новгородскій.

32. Артемій, постриженникъ преп. Корнилія Комельскаго, ученикъ Порфирія, бывшаго игумена Троицкаго, и подвижникъ его пустыни[2], одинъ изъ самыхъ видныхъ представителей Бѣлозерскаго или заволжскаго образа мыслей; поставленный въ игумены въ половинѣ мая 1551-го года и отказавшійся отъ игуменства черезъ шесть съ половиной мѣсяцевъ, такъ какъ нашолъ его неполезнымъ для своей души; въ концѣ 1553-го — началѣ 1554-го года подвергнутый соборному суду и отчасти за дѣйствительное нѣкоторое вольномысліе, главнымъ же образомъ, какъ увѣряетъ Курбскій, по происканъ его враговъ—такъ называемыхъ „любостяжателей“, лишенный священнаго сана, отлученный отъ церкви и заточенный въ Соловки; бѣжавшій изъ Соловковъ въ Литву и прославившійся тамъ борьбою за православіе противъ еретиковъ; одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей своего времени; по его ходатайству преподобный Максимъ Грекъ переведенъ былъ къ Троицѣ изъ Тверскаго Отрочаго монастыря.

Типогр. лѣт. стр. 381.—Подъ игуменомъ Троицкимъ, котораго будто бы посылалъ вел. князь къ дьяку Ѳедору Жареному подговаривать, чтобы этотъ солгалъ на Максима Грека,—Акт. Эксп. т. I, № 172, стр. 144, долженъ быть разумѣемъ именно Арсеній.

[1] Въ январѣ (27-го) 1529-го года Александръ былъ Троицкимъ игуменомъ,—Акт. Ист. т. I, № 132, стр. 193, а въ октябрѣ (22-го) того же 1529-го года называетъ себя бывшимъ Троицкимъ игуменомъ,—запись на одной принадлежавшей ему рукописи, теперь находящейся въ библіотекѣ Ярославскаго купца И. А. Вахрамѣева,—по описанію *А. А. Титова* № 778 (былъ живъ въ 1534-мъ году,—ibid.).

[2] Въ библіотекѣ бывшей Царскаго есть рукопись, написанная въ 1536-мъ году инокомъ Артемьемъ, постриженникомъ Корнилія Комельскаго, жившимъ въ Порфиріевой пустынѣ,—въ Опис. Строева № 25, стр. 11. Несомнѣнно, что это есть нашъ Артемій (который потомъ приглашаемъ было былъ въ игумены Корниліева монастыря).

33. Гурій Лужецкій, изъ архимандритовъ Можайскаго Лужецкаго монастыря, съ 1552-го по 1554-й годъ, потомъ епископъ Рязанскій.

34. Иларіонъ, Кирилловецъ, т. е. изъ Кириллова Бѣлозерскаго монастыря, въ 1554—1555-мъ году, въ продолженіе восьми съ половиной мѣсяцевъ.

35. Іоасафъ 2-й, Черный, съ 1555-го по 1560-й годъ[1].

Архимандриты:

36. Елевѳерій, поставленный въ 1560-мъ году, возведенный въ архимандриты 6-го января 1561-го года, остававшійся архимандритомъ до слѣдующаго 1562-го года (или же до 1564-го года, когда былъ поставленъ въ епископы Суздальскіе?).

37. Меркурій, Дмитровецъ, т. е. урожденецъ города Дмитрова, постриженникъ Троицкій, бывшій въ монастырѣ казначеемъ, съ 1562-го (или 1564-го) по 1566-й годъ.

38. Кириллъ 1-й, съ 1566-го по 1568-й годъ[2], потомъ митрополитъ всероссійскій.

39. Памва 2-й, въ 1568-мъ—1569-мъ году, въ продолженіе двадцати пяти недѣль (посланный Грознымъ въ заточеніе).

40. Ѳеодосій 1-й, Вятка, съ 1569-го по 1572-й годъ (удалившійся на покой или отставленный). Переведенъ изъ архимандритовъ Андрониковскихъ.

41. Памва во второй разъ, съ 1572-го по 1575-й годъ.

42. Варлаамъ 1-й, съ 1575-го по 1577-й годъ.

43. Іона 2-й, съ 1577-го по 1584-й годъ.

44. Митрофанъ, Дмитровецъ, съ 1584-го по 1588-й годъ[3].

45. Кипріанъ, Балахонецъ, т. е. урожденецъ города Балахны, съ 1588-го по 1594-й годъ[4].

46. Кириллъ 2-й, Завидовъ, переведенный въ 1594-мъ году изъ архимандритовъ Новгородскаго Антоніева монастыря, въ 1605-мъ году поставленный въ архіепископы Ростовскіе[5].

---

[1] Упоминается какъ игуменъ Троицкій въ октябрѣ 1555-го года,—Акт. Экспед. т. I, № 244, стр. 267.

[2] Поставленъ въ архимандриты между 1-мъ и 25-мъ августа 1566-го года,—Акт. Экспед. т. I, №№ 272 и 273, стрр. 308 и 309.

[3] Любопытная приговорная память Митрофану при его вступленіи въ должность архимандрита напечатана въ III томѣ Актовъ Юридич. *Калачова*, № 274, col. 25.

[4] 15-го марта 1588-го года архимандритомъ Митрофанъ, 10-го іюня того же года—Кипріанъ: Акт. Экспед. т. I, №№ 336 и 339.

[5] Въ Новгородѣ за введеніе въ Антоніевомъ монастырѣ строгаго общежитія Кириллъ едва не былъ отравленъ, см. *гр. М. В. Толстаго* Святыни и древности Великаго Новгорода, стр. 148.

47. Іоасафъ 3-й, переведенный въ 1605-мъ году изъ игуменовъ Пафнутьева Боровскаго монастыря, выдержавшій въ монастырѣ осаду Поляковъ, тотчасъ послѣ осады возвратившійся или возвращенный въ Пафнутьевъ монастырь и здѣсь убитый Поляками 5-го іюля 1610-го года при взятіи и разграбленіи монастыря Сапѣгой.

48. Діонисій Зобниновскій, Ржевитинъ, т. е. родомъ изъ города Ржева, преподобный, поставленный въ февралѣ 1610-го года, скончавшійся 10-го мая 1633-го года, принимавшій дѣятельное (прославившее лавру) участіе въ освобожденіи отечества отъ Поляковъ, усердно заботившійся о призрѣніи раззоренныхъ и избитыхъ Поляками жителей Москвы, исправлявшій требникъ и другія богослужебныя книги и подвергавшійся за свои исправленія страданіямъ, одинъ изъ знаменитыхъ мужей своего времени (мѣстный святой Троицкой лавры). Объ обвиненіи его и келаря Авраамія Палицына въ неблаговидномъ пріобрѣтеніи мѣста для мельницы,—Акты Юридич. 1838 г. № 37, стр. 85 col. 2 нач.

49. Нектарій Вязлетинъ (Вявлетинъ, Вязмитинъ) изъ игуменовъ Песношскихъ, съ 1633-го по 1640-й годъ[1].

50. Адріанъ, изъ игуменовъ Ярославскаго Толгскаго монастыря, съ 1640-го по 1656-й годъ[2].

51. Іоасафъ 4-й, Новоторжецъ, т. е. урожденецъ г. Торжка, изъ архимандритовъ Владимирскаго Рождественскаго монастыря, съ 1656-го по 1667-й годъ, въ которомъ поставленъ былъ въ патріархи Всероссійскіе.

52. Ѳеодосій 2-й, Арзамасецъ, бывшій священникъ села Подсосенья, постриженникъ Троицкій, поставленный изъ архимандритовъ Новгородскаго Юрьева монастыря, съ 1667-го по 1674-й годъ[3].

53. Викентій, изъ архимандритовъ Владимирскаго Рождественскаго монастыря, съ 1674-го по 1694-й годъ[4].

---

[1] Архимандритъ Нектарій съ келаремъ Александромъ Булатниковымъ, равно какъ и преемникъ его Адріанъ, занимаясь частнымъ, такъ сказать, земледѣльчествомъ, бралъ на оброкъ въ Патріаршемъ приказѣ пустыя церковныя земли, находившіяся въ Московскомъ уѣздѣ, см. въ Чтен. Общ. Ист. и Древн. Росс. 1886 г., кн. IV, Историческіе матеріалы о церквахъ и селахъ XVI—XVIII столѣтій, стр. 186.

[2] Въ одномъ сказаніи, читаемомъ въ одной бывшей монастырской рукописи, говорится, что отъ отца архимандрита Андреяна было заповѣдано въ 7159-мъ году, „дабы братія трапезовали всѣ вкупѣ за столомъ, а не по кельямъ бы покой чинили,“—Академич. фундамент. № 201, л. 368, „сказаніе о чюдеси пречистые Богородицы чюдотворные иконы Казанскіе Михайлова моленія Обросимова“. А изъ одной записи во вкладной монастырской книгѣ видно, что при немъ пища соборныхъ старцевъ была лучшая, чѣмъ прочей братіи, см. Списокъ погребенныхъ въ Троицкой лаврѣ отъ основанія монастыря до 1880 года, М. 1880, № 839.

[3] Въ настольной грамотѣ архимандриту Ѳеодосію читается предписаніе: „а мірскихъ людей мужеска пола и женска ему архимандриту Ѳеодосію въ духовность себѣ не принимати“,—Ист. іер. II, 115.

[4] При архимандритѣ Викентіи, 1-го марта 1684-го года, сдѣлано было „постановленіе о томъ, въ какихъ церквахъ лавры и какія службы отправлять

54. Іовъ, постриженникъ Троицкій, изъ архимандритовъ Московскаго Петровскаго монастыря, съ 1694-го по 1697-й годъ, въ которомъ поставленъ былъ въ митрополиты Новгородскіе.

55. Евѳимій, постриженникъ Троицкій, изъ архимандритовъ Московскаго Знаменскаго монастыря, съ 1697-го по 1700-й годъ.

56. Иларіонъ Властевинскій, изъ архимандритовъ Новоспасскаго монастыря, съ 1701-го года по 1704-й, въ которомъ поставленъ въ митрополиты Крутицкіе.

57. Сильвестръ Холмскій (Волынскій), изъ архимандритовъ Новгородскаго Юрьева монастыря, съ 1704-го года по 1708-й, въ которомъ поставленъ въ митрополиты Нижегородскіе.

58. Іоасафъ 5-й, изъ архимандритовъ Московскаго Петровскаго монастыря, съ 1708-го по 1710-й годъ.

59. Георгій Дашковъ, изъ келарей лавры, съ 1711-го по 1718-й, въ которомъ поставленъ въ епископы Ростовскіе (см. выше стрр. 136 и ниже въ гл. V-ой).

60. Тихонъ Писаревъ, изъ архимандритовъ Ярославскаго Спасскаго монастыря, съ 1718-го по 1722-й годъ (отставленный за злоупотребленія).

61. Гавріилъ Бужинскій, изъ Малороссіянъ, учившійся въ Кіевской Академіи, бывшій учителемъ и проповѣдникомъ въ Московской Славяно-греко-латинской академіи, изъ префектовъ послѣдней съ 1718-го года оберъ-іеромонахъ флота, въ 1721-мъ году поставленный въ архимандриты Костромскаго Ипатскаго монастыря и получившій должность директора и протектора всѣхъ школъ и типографій, находившихся въ вѣдѣніи св. Сунода, съ 1722-го по 1726-й годъ архимандритъ лавры; указами отъ 24-го іюня и 12-го іюля 1726-го года назначенъ былъ въ епископы Тверскіе (см. Архивъ Правит. Сената, Опись указамъ и повелѣніямъ, составилъ П. Барановъ, т. II, №№ 1788 и 1805) и затѣмъ по смерть въ 1731-мъ году епископъ Рязанскій (когда переведенъ сюда въ 1726-мъ году, указа въ цит. книгѣ нѣтъ); исполнявшій разныя ученыя порученія Петра Великаго и бывшій придворнымъ проповѣдникомъ, одинъ изъ видныхъ людей Петровскаго времени[1].

и какое вознагражденіе давать за это чернымъ священникамъ"; но, къ сожалѣнію, Лаврской рукописи, въ которой читается это постановленіе, въ настоящее время нѣтъ въ Лаврской библіотекѣ, см. предисловіе къ IX тому Полнаго собранія русскихъ лѣтописей, стр. IX.

[1] Указъ импер. Екатерины о назначеніи преемника Гавріилу архим. Варлаама читается: „Честнѣйшій отецъ! Понеже Троицкій Сергіевъ монастырь нынѣ въ худомъ состояніи находится, а наипаче, какъ мы слышали, что монахамъ хлѣбъ даютъ овсяный,—того ради на мѣсто бывшаго въ томъ монастырѣ архимандрита Гавріила, который нынѣ опредѣленъ епископомъ, велѣли мы перевесть въ Троицкій монастырь васъ архимандритомъ и надѣемся, что вы тотъ монастырь исправите и въ доброе состояніе приведете", см. у *Чистовича* въ сочиненіи Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время, стр. 273, прим. 2 (Если при 100,000 крестьянъ монахамъ Троицкимъ дѣйствительно давали овсяный хлѣбъ,—такъ

62. Варлаамъ Высоцкій, изъ архимандритовъ Переяславскаго Данилова монастыря, съ 1726-го по 1737-й годъ, бывшій духовникомъ императрицъ Екатерины 1-й и Анны Іоанновны, построившій находящуюся подъ Петербургомъ Троицкую Сергіеву пустыню[1].

63. Арсеній 2-й, Вороновъ, изъ архимандритовъ Вологодскаго Прилуцкаго монастыря, въ 1737—1738-мъ году, очень не долго.

64. Амросій Дубневичъ, изъ архимандритовъ Кіевскаго Злато-

это есть нѣчто столь поразительное, что ничего болѣе поразительнаго не представитъ никакое интендантское вѣдомство... Что вмѣстѣ съ своими предшественниками Георгіемъ Дашковымъ и Тихономъ Писаревымъ болѣе или менѣе былъ виновенъ „въ худомъ состояніи“ Троицкаго монастыря и Гавріилъ, объ этомъ слѣдуетъ заключать изъ того, что потомъ онъ обвиняемъ былъ въ раззореніи Рязанской епархіи, см. дѣло о немъ, хранящееся теперь въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи, кн. 11/776. Въ бытность его епископомъ Рязанскимъ поступали на него жалобы, по которымъ производилось слѣдствіе, см. Архивъ Правит. Сената, Опись указамъ и повелѣніямъ, сост. *П. Барановымъ* т. II, №№ 2489 и 3433. Въ 1722-мъ году монахи Троицкаго монастыря не ходили обѣдать въ трапезу, а получали пищу порціями къ себѣ въ кельи, ибо объ одномъ монахѣ говорится, что „давать ему пищу противъ дву братовъ“, см. въ статьѣ *о. Арсенія:* Лѣтопись намѣстниковъ, келарей и пр. стр. 39, № 48 (а что это было въ то время общимъ обычаемъ всѣхъ монастырей, слѣдуетъ заключать изъ указа Петра Великаго отъ 12-го апрѣля 1722-го года о содержаніи въ монастыряхъ отставныхъ солдатъ, въ которомъ предписывается: „служилымъ людямъ старымъ и увѣчнымъ давать рядовымъ противъ черницовъ, а офицерамъ и унтеръ-офицерамъ по полторы порціи“...).—На первомъ листѣ книги библіотеки Московской дух. академіи M. Alfonsi Ciaconii Vitae et gesta summorum pontificum, Romae, 1601, (шифръ 2/181) запись Бужинскаго: Ex libris Gabrielis Theodorowicz Buginsky.

[1] Варлаамъ въ мірѣ Василій Антипіевъ, уроженецъ Московской губерніи, до монашества былъ священникомъ Рождественскаго собора, что вверху на сѣняхъ Московскаго Кремлевскаго дворца. Въ бытность священникомъ избранный въ духовники царевной Наталіей Алексѣевной, сестрой Петра Великаго († 1716), онъ черезъ нее, какъ должно думать, и сталъ духовникомъ Екатерины; а Анна Іоанновна, вѣроятно, взяла его въ свои духовники по примѣру Екатерины, когда онъ, можетъ быть, успѣлъ уже создать себѣ репутацію хорошаго духовника. См. о немъ статью *архим. Леонида* въ Русскомъ Архивѣ Бартенева за 1874-й годъ, кн. I, coll. 568—580.—Весьма плохой отзывъ о немъ Гавріила Бужинскаго, болѣе или менѣе, какъ можно думать, условленный тѣмъ, что онъ обвинялъ Гавріила въ присвоеніи нѣкоторыхъ цѣнныхъ монастырскихъ вещей, см. въ Описаніи документовъ и дѣлъ св. Сунода, т. VII, col. 275. Новый плохой отзывъ о немъ *Чистовича*—въ сочиненіи Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время, стр. 270 sqq., а хорошій *С. М. Соловьева*—въ Исторіи, т. XIX, стр. 295. Изъ писемъ императрицы Анны Іоанновны къ Московскому главнокомандующему графу С. А. Салтыкову, напечатанныхъ въ 8-мъ № Русскаго Архива за 1900 г., видно, что государыня чрезвычайно почитала своего „батюшку“, какъ она величаетъ въ письмахъ Варлаама. Статью *А. А. Титова* о немъ см. въ Русскомъ Архивѣ за 1901 г. кн. 1-я.

верхо-Михайловскаго монастыря, бывшій ректоръ Кіевской академіи, вызванный въ 1739-мъ году въ Троицкій монастырь съ цѣлію открытія въ немъ семинаріи, но прежде чѣмъ успѣлъ это сдѣлать, поставленный въ 1742-мъ году въ епископы Черниговскіе.

65. Кириллъ 3-й, Флоринскій, изъ архимандритовъ Московскаго Заиконоспасскаго монастыря и ректоровъ Славяно-греко-латинской академіи, съ 1742-го года по 1744-й годъ; 1 октября 1742-го года открывшій въ лаврѣ семинарію.

66. Арсеній Могилянскій, въ 1744-мъ году назначенный изъ придворныхъ проповѣдниковъ, въ томъ же 1744-мъ году поставленный въ архіепископы Переяславскіе, но и при семъ сохранившій званіе архимандрита лавры, въ 1752-мъ году удалившійся на покой (съ 1757-го года митрополитъ Кіевскій)[1].

67. Аѳанасій Вольховскій, изъ келарей лавры и ректоровъ лаврской семинаріи, съ 1753-го года по 1758-й, въ которомъ поставленъ въ епископы Тверскіе.

68. Гедеонъ Криновскій, изъ архимандритовъ Саввина Сторожевскаго монастыря, съ 1758-го года по 1761-й, въ которомъ поставленъ въ епископы Псковскіе (знаменитый придворный проповѣдникъ).

69. Лаврентій Хоцятовскій, изъ придворныхъ іеромонаховъ, бывъ каковымъ состоялъ въ должности уставщика придворныхъ пѣвчихъ, съ 1761-го по 1766-й[2].

---

[1] Епархія Переяславская, въ епископы которой былъ поставленъ Арсеній, бывъ отдѣлена отъ Московской епархіи, въ слѣдствіе слишкомъ большой обширности послѣдней указомъ св. Синода отъ 18-го іюля 1744-го года, существовала 44 года, по май 1788-го года. Епископъ именовался Переяславскимъ и Дмитровскимъ. Ее составляли города: Александровъ, Дмитровъ, Можайскъ, Гжатскъ, Верея, Волоколамскъ и Руза. См. статью *свящ. А. Свирѣлина:* „Древняя Переяславская епархія“ въ приложеніяхъ ко II тому Трудовъ третьяго археологическаго съѣзда въ Кіевѣ.

[2] Объ архим. Іовѣ см. въ Словарѣ историческомъ о писателяхъ духовнаго чина *митр. Евгенія* и статью *И. Чистовича* въ Странникѣ 1861-го года, № 2.—О Сильвестрѣ Холмскомъ—статья *П. В. Знаменскаго* въ Православномъ Обозрѣніи 1878-го года, № № 4 и 5, и въ сочиненіи *И. Чистовича:* „Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время“ (см. index).—О Георгіи Дашковѣ статья *Чистовича* въ Православномъ Обозрѣніи 1863-го года, № 1 и въ *его же* сейчасъ указанномъ сочиненіи: Ѳеофанъ Прокоповичъ.—О Гавріилѣ Бужинскомъ—въ Словарѣ *митр. Евгенія*, въ Исторіи Московской Славяно-греко-латинской академіи *С. К. Смирнова*, стр. 207, статья *свящ. С. Родосскаго* въ Странникѣ 1863-го года, № № 2—4, и у *Чистовича* въ Ѳеофанѣ Прокоповичѣ.—О Кириллѣ Флоринскомъ— у *С. К. Смирнова* ibid., стр. 198 и въ статьѣ *Н. Попова:* „Придворныя проповѣди въ царствованіе Елизаветы Петровны“, напечатанной во II т. Лѣтописей русской литературы и древностей, стр. 7 sqq.—Объ Арсеніи Могилянскомъ у *митр. Евгенія* въ Описаніи Кіевософійскаго собора, стр. 227 sqq. [и *свящ. Н. Шпачинскаго:* Кіевскій митрополитъ Арсеній Могилянскій и состояніе Кіевской митрополіи въ его правленіе, Кіевъ, 1907 г.].—Объ Аѳанасіи Вольховскомъ

Архіепископы и митрополиты:

70. Платонъ Левшинъ. Родился 29-го іюня 1737-го года въ селѣ Чашниковѣ, находящемся въ 37-ми верстахъ отъ Москвы по Петербургскому шоссе (въ мірѣ Петръ Георгіевичъ и собственно не Левшинъ, а Левшиновъ, которое передѣлано въ Левшинъ позднѣе [1]); учился въ Славяно-греко-латинской академіи, въ которой въ 1751-мъ году еще прежде окончанія ученія сдѣланъ учителемъ поэзіи и публичнымъ катихизаторомъ; въ 1758-мъ году переведенъ въ Лаврскую семинарію въ учители реторики, при чемъ 14-го августа этого года принялъ въ лаврѣ монашество; въ 1759-мъ году сдѣланъ префектомъ семинаріи и учителемъ философіи, а въ 1762-мъ году ректоромъ и учителемъ богословія; въ 1763-мъ году взятъ въ законоучители къ великому князю Павлу Петровичу, вмѣстѣ съ чѣмъ сдѣланъ придворнымъ проповѣдникомъ; въ 1766-мъ году поставленъ въ архимандриты лавры; въ 1770-мъ году назначенъ въ архіепископы Тверскіе, съ сохраненіемъ званія архимандрита лавры, въ 1775-мъ году переведенъ въ архіепископы Московскіе, изъ которыхъ въ 1787-мъ году переименованъ въ митрополиты; скончался 11-го ноября 1812-го года и погребенъ въ построенномъ имъ Виѳанскомъ монастырѣ. Платонъ есть знаменитый іерархъ Русской церкви, человѣкъ прекрасныхъ нравственныхъ качествъ; а что касается до него, какъ архимандрита лавры, то безъ преувеличенія можно сказать, что онъ былъ лучшимъ архимандритомъ изъ

въ Исторіи Троицкой лаврской семинаріи *С. К. Смирнова*, стр. 94 fin..— О Гедеонѣ Криновскомъ—у *митр. Евгенія* въ Словарѣ и у *митр. Платона* въ автобіографіи (съ великою похвалой отзывается какъ о человѣкѣ и съ величайшею похвалой какъ о проповѣдникѣ).—О Лаврентіи Хоцятовскомъ отзывъ Платона, что былъ „человѣкъ неученый, но добродушный и учащихъ и учащихся усердный любитель“,—въ автобіографіи.

[1] Самъ Платонъ, какъ даетъ онъ знать въ своей автобіографіи, не былъ переименовываемъ изъ Левшинова въ Левшина (ибо до самаго постриженія своего въ монашество называетъ себя въ автобіографіи Левшиновымъ). Переименованъ былъ или переименовалъ себя изъ Левшинова въ Левшина братъ его Александръ, который былъ протоіереемъ Московскаго Успенскаго собора (въ 1769 и 1771-мъ годахъ онъ еще Левшиновъ, см. Описаніе библіотеки Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ *Строева*, II, № 148, § 31, стр. 161 и статью „О мятежахъ въ городѣ Москвѣ и въ селѣ Коломенскомъ, 1648, 1662 и 1771 гг.“, напечатанную въ III кн. Чтеній Общ. Ист. и Древн. Росс. за 1890-й годъ, стрр. 366 и 438 нач.; а въ 1783-мъ году—уже Левшинъ, см. напечатанное имъ въ семъ году Историческое описаніе Московскаго Успенскаго собора; въ 1789 г. Левшинъ—Вивліоѳика *Новикова* т. X, стр. 470), и по брату стали потомъ и самого Платона вмѣсто Левшинова называть Левшинымъ (напр. въ Ист. іер. I, 92, и II, 183).— Написаніе фамиліи не черезъ *ъ*, а черезъ *е*, нужно понимать, вѣроятно, такъ, что она произошла или производима была не отъ лѣвши (лѣвой руки), а отъ Лѣвши или Лѣвшино, производныхъ отъ Левъ, хотя, съ другой стороны, могла быть и грамматическая вольность, по которой напр. Снегиревы пишутся не черезъ *ъ*, а черезъ *е*.

всѣхъ до него бывшихъ: онъ почти заново перестроилъ лавру, а олтарь Троицкаго собора украсилъ такъ, что великолѣпіе послѣдняго, можно сказать, напоминаетъ храмъ Соломоновъ (кромѣ того, что̀ сейчасъ есть въ олтарѣ, нужно еще смотрѣть великолѣпнѣйшую одежду на престолъ, хранящуюся теперь въ ризницѣ) [1].

71. Августинъ Виноградскій. Родился въ Москвѣ, въ 1766-мъ году, учился въ Перервинской семинаріи и Московской академіи, училъ въ академіи, въ Перервинской и Троицкой семинаріяхъ, былъ ректоромъ послѣдней семинаріи и академіи; въ 1804-мъ году посвященъ въ епископы Дмитровскіе, викаріи Московской митрополіи; въ 1811-мъ году по болѣзни митрополита Платона ему поручено было завѣдываніе всѣми дѣлами Московской епархіи; въ 1812-мъ году получилъ титулъ архіепископа Дмитровскаго и сдѣланъ архимандритомъ лавры; въ 1818-мъ году переименованъ въ архіепископы Московскіе; скончался 3-го марта 1819-го года и погребенъ въ Успенскомъ соборѣ лавры.

72. Серафимъ Глаголевскій, урожденецъ города Калуги, воспитанникъ Калужской, Перервинской и Троицкой семинарій и Московской академіи, учитель Троицкой семинаріи и академіи, съ 1790-го года префектъ послѣдней, а съ 1799-го года ректоръ ея и епископъ Дмитровскій, съ 1804-го года епископъ Вятскій, съ 1805-го года епископъ Смоленскій, съ 1812-го года архіепископъ Минскій, съ 1814-го года архіепископъ Тверскій, съ 1819-го года митрополитъ Московскій, съ 1821-го года митрополитъ Петербургскій († 86-ти лѣтъ, 17-го января 1843-го года).

73. Филаретъ Дроздовъ. Родился въ городѣ Коломнѣ 26-го декабря 1782-го года (въ мірѣ Василій Михайловичъ); учился въ Коломенской и Лаврской семинаріяхъ; въ 1803-мъ году былъ опредѣленъ учителемъ Греческаго и Еврейскаго языковъ въ послѣдней семинаріи; въ 1806-мъ году обратилъ на себя вниманіе митрополита Платона своими двумя проповѣдями, сказанными—одна 12-го января, въ день освобожденія лавры отъ Поляковъ, а другая въ великую пятницу, которыя привели митрополита въ восторгъ и по которымъ онъ призналъ въ немъ „отличнѣйшаго проповѣдника“ (справедливо говоритъ Платонъ о себѣ въ своей автобіографіи, приложимое далеко не ко всѣмъ знаменитымъ людямъ, что „безъ зависти похвалялъ, ежели въ комъ усматривалъ особенныя дарованія и ихъ ободрять и по возможности награждать за удовольствіе почиталъ“); въ томъ же 1806-мъ году былъ назначенъ въ семинаріи учителемъ поэзіи, какъ имѣвшій „отличную къ поэзіи и риторикѣ склонность“, и вмѣстѣ проповѣдникомъ при лаврѣ, а въ 1808-мъ году назначенъ учителемъ высшаго краснорѣчія и риторики, съ оставленіемъ въ должности проповѣдника; 16-го ноября того же 1808-го года принялъ монашество; въ 1809-мъ году вытребованъ

[1] Въ архивѣ лавры есть дѣло 1768-го года „о росписаніи суммы о покупкѣ въ 1769-мъ году припасовъ“. Изъ дѣла этого слѣдуетъ, что тогда еще монахи не обѣдали въ трапезѣ, а носили пищу къ себѣ въ кельи, ибо въ немъ говорится, что намѣстнику полагалось двѣ порціи, а казначею—полторы порціи.

въ Петербургъ и назначенъ инспекторомъ семинаріи и въ томъ же году сверхъ того назначенъ ректоромъ состоявшаго при семинаріи Александро-Невскаго уѣзднаго училища; въ 1810-мъ году переведенъ баккалавромъ богословскихъ наукъ въ Петербургскую академію; въ 1812-мъ году опредѣленъ ректоромъ академіи; 5-го августа 1817-го года посвященъ былъ въ епископы Ревельскіе, викаріи Петербургскаго митрополита, съ оставленіемъ ректоромъ академіи; въ 1819-мъ году назначенъ на Тверскую каѳедру съ возведеніемъ въ санъ архіепископа; въ 1820-мъ году переведенъ былъ на Ярославскую каѳедру, 3-го іюля 1821-го года переведенъ на каѳедру Московскую, въ 1826-мъ году возведенъ въ санъ митрополита; скончался 19-го ноября 1867-го года на 85-мъ году жизни и погребенъ въ лаврѣ, въ Филаретовской церкви, прикладенной къ Духовской церкви.

74. Иннокентій Веніаминовъ. Родился 26-го августа 1797-го года въ селѣ Ангинскомъ Иркутской губерніи (вмѣсто отцовской фамиліи Поповъ получилъ фамилію Веніаминова въ честь Иркутскаго архіерея); еще во время ученія въ Иркутской семинаріи женился (что тогда допускалось) и опредѣленъ въ діаконы къ городской Благовѣщенской церкви; по окончаніи ученія въ семинаріи въ 1818-мъ году, не бывъ посланъ въ академію по причинѣ своей рановременной женитьбы, назначенъ былъ въ учители приходскаго училища, при чемъ до 1821-го года за неимѣніемъ свободнаго священническаго мѣста въ городѣ оставался діакономъ; въ 1821-мъ году рукоположенъ во священники къ той же Благовѣщенской церкви, при которой былъ діакономъ; въ 1823-мъ году, когда епископу Иркутскому послѣдовалъ указъ отъ св. Сунода послать священника въ колоніи Россійско-Американской компаніи, на островъ Уналашку, и когда рѣшительно не находилось охотниковъ ѣхать, изъявилъ добровольное желаніе отправиться на проповѣдь слова Божія язычникамъ; въ 1839-мъ году овдовѣлъ и, принявъ монашество, 15-го декабря 1840-го года посвященъ въ епископы Камчатскіе; въ 1850-мъ году возведенъ въ санъ архіепископа; 5 января 1868-го года назначенъ въ митрополиты Московскіе; скончался 31-го марта 1879-го года и погребенъ въ лаврѣ, въ Филаретовской церкви.

75. Макарій Булгаковъ. Родился 19-го сентября 1816-го года въ селѣ Сурковѣ Курской губерніи, Новооскольскаго уѣзда; высшее образованіе получилъ въ Кіевской академіи, въ которой на послѣднемъ году ученія, 15-го февраля 1841-го года, принялъ монашество и въ которой по окончаніи ученія оставленъ былъ баккалавромъ русской церковной и гражданской исторіи, въ 1842-мъ году переведенъ былъ въ Петербургскую академію, въ баккалавры богословскихъ наукъ и въ томъ же году назначенъ инспекторомъ академіи; въ 1850-мъ году опредѣленъ ректоромъ академіи, а въ 1851-мъ году посвященъ въ епископы Винницкіе, викаріи Подольскіе, съ оставленіемъ въ званіи ректора академіи; въ 1857-мъ году назначенъ на Тамбовскую каѳедру, съ 1859-го по 1868-й годъ занималъ Харьковскую каѳедру, при чемъ въ 1862-мъ году возведенъ въ санъ архіепископа; въ 1868-мъ году былъ переведенъ на каѳедру Литовскую; 8-го

апрѣля 1879-го былъ назначенъ въ митрополиты Московскіе; скончался 9-го іюня 1882-го года и погребенъ въ лаврѣ, въ Успенскомъ соборѣ[1].

[1] Біографія митр. Платона написана *И. М. Снегиревымъ* и напечатана четыре раза,—въ первый разъ въ 1818-мъ году подъ заглавіемъ: Начертаніе жизни и дѣяній Московскаго митрополита Платона съ приложеніемъ нѣкоторыхъ его писемъ и рѣчей; во второй разъ въ 1822-мъ году подъ заглавіемъ: Изложеніе жизни и дѣяній Московскаго митрополита Платона; въ третій разъ въ 1831-мъ году [съ заглавіемъ на титулѣ: Начертаніе житія Московскаго митрополита Платона, а на особомъ литографированномъ съ портретомъ и автографомъ митр. Платона шмуцтитулѣ: Житіе Платона митрополита Московскаго]; въ четвертый разъ въ 1856-мъ году подъ заглавіемъ: Жизнь Московскаго митрополита Платона. Всѣ изданія—въ двухъ частяхъ; второе изданіе—исправленное и дополненное; [третье изданіе называется: „новое изданіе вновь написанное"—на титулѣ 1-ой части, вышедшей въ 1831 г., и „другое изданіе послѣ напечатаннаго въ 1831 г. съ дополненіями"—на титулѣ 2-ой части, вышедшей въ 1835 г.]; четвертое изданіе, называемое новымъ изданіемъ,—пересмотрѣнное и значительно дополненное, съ портретомъ м. Платона и съ его автографомъ, съ приложеніемъ Путешествія Платона въ Кіевъ и по другимъ Россійскимъ городамъ въ 1804-мъ году, имъ самимъ описаннаго, и его автобіографіи. Первое и второе изданія безъ обозначенія имени автора [въ третьемъ изданіи на титулахъ буквы: И. С. и Ив. Сн., но предисловіе подписано полностью: Иванъ Снегиревъ]; въ предисловіи къ четвертому не совсѣмъ понятное умолчаніе о второмъ изданіи. См. еще о митр. Платонѣ въ Исторіи Московскаго епархіальнаго управленія со времени учрежденія св. Сѵнода *Н. Розанова* и у *С. К. Смирнова* въ Исторіяхъ Московской славяно-греко-латинской академіи и Троицкой лаврской семинаріи. Автобіографія митр. Платона, напечатанная Снегиревымъ съ не совсѣмъ исправнаго списка, перепечатана съ автографа *С. К. Смирновымъ* въ Душеполезномъ Чтеніи 1887-го года, № № 8 и 9.—Біографія архіеп. Августина написана тѣмъ же *И. М. Снегиревымъ* и напечатана, сколько знаемъ, два раза: въ 1824-мъ году подъ заглавіемъ: Біографическія черты изъ жизни архіепископа Московскаго Августина, и въ 1848-мъ году подъ заглавіемъ: Очеркъ жизни архіепископа Московскаго Августина съ портретомъ преосвященнаго. Еще объ Августинѣ см. у *Розанова* въ указанной выше Исторіи епархіальнаго управленія.—Послѣ нѣсколькихъ краткихъ біографій митр. Филарета обширная его біографія составлена профессоромъ Московской духовной академіи *И. Н. Корсунскимъ* и напечатана статьями въ журналѣ: Вѣра и Разумъ въ продолженіе 1884—1893 годовъ, при чемъ московскій періодъ дѣятельности Филарета выданъ и отдѣльной книгой подъ заглавіемъ: Святитель Филаретъ, митрополитъ Московскій.—Біографія митр. Иннокентія составлена *И. П. Барсуковымъ* и напечатана въ 1883-мъ году подъ заглавіемъ: Иннокентій, митрополитъ Московскій и Коломенскій по его сочиненіямъ, письмамъ и разсказамъ современниковъ. Дополненіемъ къ ней служатъ статьи объ Иннокентіи *И. Н. Корсунскаго*, напечатанныя въ журналѣ Вѣра и Разумъ за 1898-й годъ.—Біографія м. Макарія составлена *прот. Ѳ. И. Титовымъ* подъ заглавіемъ: Макарій (Булгаковъ), митрополитъ Московскій и Коломенскій, т. I (1816—1857 гг.), Кіевъ, 1895 г.; т. II (1857—1868 гг.), Кіевъ, 1903 г.. Некрологъ митр. Макарія и его послужной списокъ напеч. въ 30-й (за 1882 г.) части Прибавленій къ Твореніямъ свв. отцевъ.

76. Іоанникій Рудневъ. Родился въ 1827-мъ году, въ селѣ Верхнемъ Скворчемъ, Тульской губерніи, Новосильскаго уѣзда; высшее образованіе получилъ въ Кіевской академіи, въ которой въ 1849-мъ году, съ принятіемъ монашества, оставленъ былъ баккалавромъ Священнаго Писанія, а въ 1856-мъ году назначенъ инспекторомъ; въ 1858—1859-мъ году былъ ректоромъ Кіевской семинаріи; въ 1859—1860-мъ году ректоромъ Кіевской академіи, а съ 1860-го по 1864-й годъ ректоромъ Петербургской академіи, при чемъ въ 1861-мъ году посвященъ былъ въ епископы Выборгскіе, викаріи Петербургскіе; въ 1864-мъ году назначенъ въ епископы Саратовскіе, въ 1873-мъ въ епископы Нижегородскіе, при чемъ въ 1877-мъ году возведенъ въ архіепископы; въ 1877-мъ году переведенъ въ экзархи Грузіи; 27-го іюня 1882-го года назначенъ въ митрополиты Московскіе, 17-го ноября 1891-го года переведенъ въ митрополиты Кіевскіе.

77. Леонтій Лебединскій. Родился 22-го января 1822-го года въ селѣ Новой Калитвѣ Воронежской губерніи, Острогожскаго уѣзда; высшее образованіе получилъ въ Петербургской академіи, въ которой передъ окончаніемъ ученія въ 1847-мъ году принялъ монашество; по окончаніи ученія назначенъ былъ профессоромъ Петербургской семинаріи, но въ томъ же 1847-мъ году переведенъ инспекторомъ въ Кіевскую семинарію, а въ 1852-мъ году назначенъ инспекторомъ Кіевской академіи; съ 1856-го года по 1860-й проходилъ должность ректора въ семинаріяхъ Владимирской, Новгородской и Петербургской, при чемъ, бывъ ректоромъ послѣдней семинаріи, 13-го марта 1860-го года посвященъ въ епископы Ревельскіе; въ 1863-мъ году назначенъ на каѳедру Подольскую, на которой въ 1873-мъ году возведенъ въ санъ архіепископа; въ 1874-мъ году переведенъ былъ на каѳедру Херсонскую, а въ 1875-мъ году на каѳедру Холмско-Варшавскую; 17-го ноября 1891-го года назначенъ митрополитомъ Московскимъ; скончался 1-го августа 1893-го года и погребенъ въ лаврѣ, въ Успенскомъ соборѣ.

78. Сергій Ляпидевскій. Родился 9-го мая 1820-го года въ г. Тулѣ; высшее образованіе получилъ въ Московской академіи, въ которой передъ окончаніемъ ученія въ 1844-мъ году принялъ монашество; по окончаніи ученія оставленъ былъ при академіи баккалавромъ; въ 1848-мъ году назначенъ въ ней инспекторомъ, а въ 1857-мъ году—ректоромъ; 1-го января 1861-го года посвященъ въ епископы Курскіе; въ 1880-мъ году переведенъ въ епископы, съ возведеніемъ въ санъ архіепископа, Казанскіе, въ 1881-мъ году Кишиневскіе, а въ 1891-мъ Херсонскіе; назначенъ въ митрополиты Московскіе 9-го августа 1893-го года; скончался 11-го февраля 1898-го года и погребенъ въ лаврѣ, въ Успенскомъ соборѣ.

79. Владимиръ Богоявленскій. Родился въ 1847-мъ году въ селѣ Малой Моршкѣ Моршанскаго уѣзда Тамбовской губерніи; высшее образованіе получилъ въ Кіевской академіи, въ которой окончилъ курсъ ученія, со степенью кандидата, въ 1874-мъ году; по окончаніи ученія назначенъ былъ въ преподаватели Тамбовской семинаріи; въ 1882-мъ году оставилъ службу въ семинаріи и рукоположенъ во священники къ одной

изъ церквей города Козлова; 8-го февраля 1886-го года, послѣ того какъ лишился супруги, принялъ монашество и назначенъ настоятелемъ, съ возведеніемъ въ санъ архимандрита Козловскаго Троицкаго монастыря, изъ котораго въ томъ же году перемѣщенъ въ настоятели Новгородскаго Антоніева монастыря; 21-го мая 1888-го года посвященъ въ епископа Старорусскаго, викарія Новгородской епархіи; 19-го января 1891-го года назначенъ въ епископы Самарскіе; 18-го октября 1892-го года назначенъ архіепископомъ Карталинскимъ и Кахетинскимъ, экзархомъ Грузіи, съ званіемъ члена св. Сѵнода; 21-го февраля 1898-го года назначенъ въ митрополиты Московскіе.

Намѣстники архимандритовъ лавры были изъ іеромонаховъ не только до тѣхъ поръ, пока архимандриты были именно архимандритами, но довольно долгое время и послѣ того, какъ званіе архимандрита присвоено было архіепископамъ-митрополитамъ Московскимъ (за исключеніемъ трехъ случаевъ, когда переведены были изъ другихъ монастырей готовые—два архимандрита и одинъ игуменъ). Съ 1797-го года, въ слѣдствіе указа императора Павла, они—архимандриты и вмѣстѣ съ тѣмъ настоятели Виѳанскаго монастыря.

Послѣдній намѣстникъ изъ архимандритовъ лавры, котораго могутъ помнить самые старые изъ живущихъ людей, есть Аѳанасій. Онъ былъ изъ духовнаго званія, изъ Тамбовской губерніи; родился въ 1769-мъ году, въ монахи постриженъ въ лаврѣ въ 1802-мъ году, намѣстникомъ былъ съ 1818-го года по 1831-й годъ (скончался 23-го февраля послѣдняго года и погребенъ за олтаремъ Сошественской церкви). Сколько мы слыхали о немъ отъ людей заставшихъ и знавшихъ его, былъ человѣкъ хорошій, но плохой хозяинъ и начальникъ очень слабый, такъ что лавра была при немъ очень запущена (въ отношеніи къ зданіямъ) и очень распущена (въ отношеніи къ братіи). Былъ хорошій (какъ говорятъ) иконописецъ и памятникомъ его искусства считается находящаяся на паперти Зосимо-Савватіевской церкви большаго размѣра икона: Живоносный источникъ (какъ будто не представляющая изъ себя выдающагося произведенія живописи).

За Аѳанасіемъ до настоящаго времени слѣдуютъ:

Антоній, изъ вольноотпущенныхъ дворовыхъ людей одной Нижегородской помѣщицы; родился въ 1789-мъ году; монашество принялъ въ Арзамасской Высокогорской пустынѣ въ 1822-мъ году; въ 1826-мъ году сдѣланъ строителемъ пустыни; въ 1831-мъ году переведенъ въ намѣстники лавры; скончался 12-го мая 1877-го года и погребенъ въ паперти Филаретовской церкви. Имѣлъ очень большую извѣстность и пользовался очень большимъ почитаніемъ въ обществѣ, бывъ между прочимъ надѣленъ даромъ увлекательнаго собесѣдованія; лавра въ отношеніи своего внѣшняго благоустройства весьма много ему обязана[1].

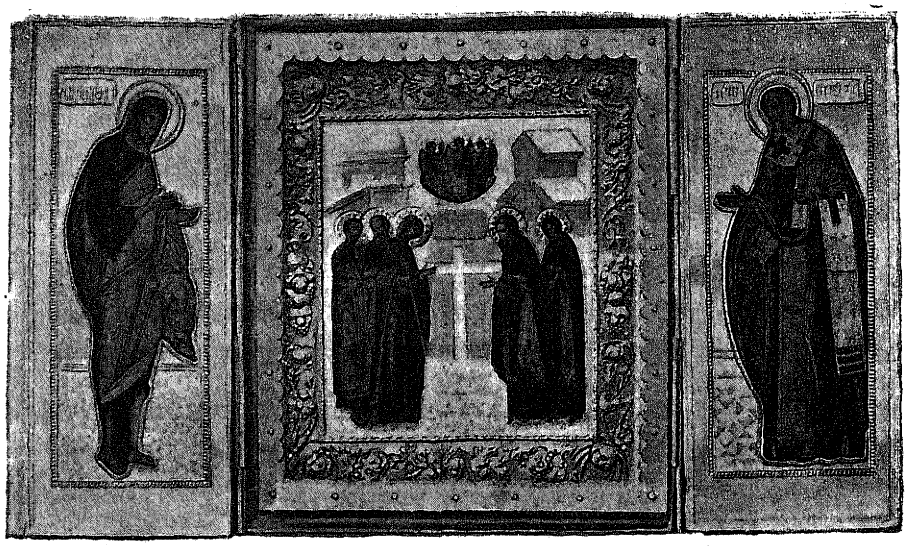
[1] Біографія Антонія, написанная *П. С. Казанскимъ,* въ Православномъ Обозрѣніи 1878-го года. Отзывъ о немъ далеко не похвальный, но не заклю-

Леонидъ Кавелинъ. Изъ дворянской фамиліи Кавелиныхъ; родился въ 1822-мъ году; до 1852-го года служилъ въ военной службѣ (мірское имя Левъ Александровичъ); въ 1852-мъ году поступилъ въ послушники Оптиной пустыни, а въ 1855-мъ году былъ постриженъ въ монахи; съ 1857-го года по 1859-й годъ былъ въ составѣ нашей Іерусалимской миссіи; съ 1859-го по 1863-й годъ іеромонахомъ Оптиной пустыни; съ 1863-го года по 1865-й начальникомъ нашей Іерусалимской миссіи; съ 1865 года по 1869-й годъ—начальникомъ нашей посольской церкви въ Константинополѣ; съ 1869-го года по 1877-й годъ—настоятелемъ Воскресенскаго Новоіерусалимскаго монастыря; 3-го іюля 1877-го года назначенъ въ намѣстники лавры; скончался 22-го октября 1891-го года и погребенъ за олтаремъ Духовской церкви, рядомъ съ намѣстникомъ Аѳанасіемъ. Извѣстный нашъ неутомимый разыскатель въ области славяно-русскихъ церковныхъ древностей и чрезвычайно плодовитый (хотя и писавшій съ черезчуръ большою, значительно вредившею дѣлу, торопливостію) писатель.

Павелъ Глѣбовъ, въ мірѣ Петръ, сынъ діакона гор. Скопина Рязанской губерніи. Родился въ 1827-мъ году; послѣ ученія въ духовномъ училищѣ съ 18-ти-лѣтняго возраста послушникъ и монахъ Саввино-Сторожевскаго монастыря; съ 1858-го года казначей Саввина монастыря; съ 1876-го года экономъ Ярославскаго архіерейскаго дома; съ 1877-го года намѣстникъ Ярославскаго Толгскаго, приписаннаго къ архіерейскому дому, монастыря; въ намѣстники лавры назначенъ 21-го декабря 1891-го года; [скончался 1 марта 1904 года и погребенъ въ Зосимовой пустыни Владимирской губерніи].

[Товія, въ мірѣ Трофимъ Тихоновъ Цимбалъ, изъ вольноотпущенныхъ графа Д. Н. Шереметева крестьянъ слободы Шеляхиной Алексѣевской волости Бирюченскаго уѣзда Воронежской губерніи. Въ 1852-мъ году поступилъ въ Святогорскую пустынь Харьковской губерніи послушникомъ, въ 1860-мъ году постриженъ въ монашество и возведенъ въ санъ іеродіакона. Въ 1862 г. перешелъ въ лавру, въ 1871 г. возведенъ въ санъ архидіакона, въ 1888 г. въ іеромонахи и назначенъ казначеемъ лавры, въ 1892 г. архимандритомъ. 9 іюня 1893 г. назначенъ намѣстникомъ Московскаго Чудова монастыря, съ 1901-го года состоялъ благочиннымъ Московскихъ мужскихъ монастырей, съ 1903-го года настоятелемъ Московскаго Знаменскаго монастыря. Съ 6 марта 1904 года намѣстникъ Свято-Троицкой Сергіевой лавры].

чающій въ себѣ нѣкоторой доли правды, извѣстной *А. О. Смирновой*—въ Русскомъ Архивѣ Бартенева за 1895-й годъ, № 8, стр. 458 (см. также Октябрскую книжку Сѣвернаго Вѣстника 1895-го года, стр. 131. Въ отзывѣ говорится и о томъ, что Антоній былъ, какъ это дѣйствительно всѣми принималось за положительное, побочный сынъ царевича Грузинскаго, владѣтеля села Лыскова).



Образъ Видѣнія Божіей Матери преп. Сергіемъ.

II.

Стѣна монастырская съ башнями въ ней.

Первоначальная деревянная стѣна.—Разширеніе монастыря при построеніи каменной стѣны.—Построеніе этой каменной стѣны.—Ея размѣры и устройство.—Башни, находившіяся и находящіяся въ стѣнѣ.—Нарядъ или артиллерійскія орудія на стѣнѣ въ прежнее время.—Прежнія и нынѣшнія жилыя и нежилыя помѣщенія въ стѣнѣ и въ башняхъ.—Ворота въ стѣнѣ.—Ровъ, бывшій около стѣны, надол(о)бы и бастіоны.—Кровля стѣны.

Когда около пустынной келліи преподобнаго Сергія образовался монастырекъ, онъ обнесъ его тыномъ. Но монастырекъ превратился въ настоящій и большой монастырь еще при жизни его самого, и этотъ настоящій и большой монастырь еще имъ самимъ вмѣсто не подобавшаго такому монастырю тына обнесенъ былъ болѣе или менѣе хорошей стѣной, подразумѣвается—деревянной, на святыхъ воротахъ которой была поставлена церковь во имя великомученика Димитрія Солунскаго, ангела великаго князя Дмитрія Ивановича Донскаго[1]. Послѣ 1408-го года, когда монастырь сожженъ

[1] Городовыя или крѣпостныя деревянныя стѣны рублены были у насъ въ такъ называемые тарасы, что̀ есть средневѣковое латинское te(a)rracia, te(a)rracea, te(a)rrasia отъ terra земля (перешедшее къ намъ или при посредствѣ Поляковъ, у которыхъ, такъ же какъ у Чеховъ, есть taras, tarasować, или же Нѣмцевъ, у которыхъ также есть tarras, tarass) и значитъ: земляная насыпь, земляное искусственное возвышеніе (терраса). Проводились параллельно одна

былъ Татарами, стѣна вмѣстѣ со всѣмъ монастыремъ была возстановлена преподобнымъ Никономъ, при чемъ по прежнему на святыхъ воротахъ ея была поставлена церковь св. Димитрія. Въ 1512-мъ году вел. княземъ Василіемъ Ивановичемъ вмѣсто деревянныхъ святыхъ воротъ были поставлены въ стѣнѣ каменныя ворота съ церковью на нихъ во имя преподобнаго Сергія (но съ сохраненіемъ при новой каменной церкви и прежней деревянной церкви, см. выше стр. 102—103). Наконецъ, вмѣсто деревянной стѣны складена была каменная, существующая до настоящаго времени.

При этой кладкѣ каменной стѣны монастырь былъ нѣсколько разширенъ. Разширеніе можетъ быть предполагаемо на двухъ сторонахъ—восточной и сѣверной, а на другихъ двухъ сторонахъ—южной и западной нельзя предполагать его потому, что иначе прежнее разстояніе между стѣной и Троицкимъ соборомъ нужно было бы представлять слишкомъ малымъ. Не знаемъ, на обѣихъ ли сторонахъ—восточной и сѣверной монастырь былъ нѣсколько разширенъ, но несомнѣнно, что онъ былъ разширенъ на первой изъ нихъ. Надворотная церковь находится въ настоящее время не въ линіи стѣны и не надъ воротами ея, а впереди стѣны во внутрь монастыря на 7-мь саженъ, на особой аркѣ, къ заднимъ угламъ которой примыкаютъ линіи келей (съ обѣихъ сторонъ, а въ самой стѣнѣ надъ воротами, противъ надворотной церкви, особая отъ нея и уже въ собственномъ смыслѣ надворотная башня. [См. на приложенныхъ къ книгѣ фототипическихъ таблицахъ II, V и XV и на современномъ планѣ лавры: надворотная церковь № 8, въ собственномъ смыслѣ надворотная башня № 28]. Это необходимо понимать такъ, что церковь стоитъ на линіи прежней деревянной стѣны и что на 7-мь саженъ, которыя между церковію и теперешней стѣной, была отнесена отъ прежней стѣны эта послѣдняя. Что касается до сѣверной стороны, на которой теперь разстояніе стѣны отъ центра монастыря или Троицкаго собора самое бо́льшее, то очень можетъ быть, что и здѣсь монастырь былъ также разширенъ, однако и здѣсь, судя по мѣстоположенію житницы преп. Сергія, находившейся въ сѣверо-восточномъ углу монастыря (см. ниже въ гл. IV), разширеніе не должно быть предполагаемо бо́льшимъ, чѣмъ на восточной сторонѣ.

Относительно строенія каменной стѣны мы не имѣемъ точныхъ и обстоятельныхъ свѣдѣній. 12-го марта 1540-го года, въ слѣдствіе просьбы игумена монастыря Порфирія, разрѣшено было Троицкимъ крестьянамъ брать безпошлинно и безплатно на строеніе монастырской стѣны камень и известь, гдѣ бы и на чьихъ бы земляхъ они ихъ не нашли; и должно

другой двѣ, иногда три, а иногда даже четыре стѣны, въ разстояніи одна отъ другой около сажени; внутреннее пространство между стѣнами раздѣлялось посредствомъ поперечныхъ стѣнокъ или перегородокъ на клѣтки, техническое названіе которыхъ было: городни; клѣтки насыпались землей и щебнемъ,—и эти, насыпанныя землей и щебнемъ, клѣтки и представляли изъ себя тарасы. Такъ ли именно, т. е. въ видѣ ли городовой или крѣпостной стѣны („въ стѣну по городовому“) была поставлена преп. Сергіемъ стѣна вокругъ монастыря, сказать не можемъ, но очень возможно, что именно такъ.

думать, что съ весны 1540-го года и начата была кладка стѣны. Въ 1550-мъ году игуменъ Серапіонъ просилъ царя, чтобы Троицкіе крестьяне уѣздовъ Переяславскаго, Дмитровскаго и Радонежскаго, бывъ освобождены отъ всякихъ работъ по строенію и починкѣ „городовъ“ или крѣпостей въ названныхъ уѣздахъ, имѣли единственною своею повинностію въ семъ отношеніи поддержаніе стѣны монастыря; и должно думать, что въ 1550-мъ году и была окончена кладка стѣны. Такимъ образомъ, нужно полагать, что кладка была производима въ теченіе 10-ти лѣтъ: для такого монументальнаго сооруженія, какъ Троицкая монастырская стѣна, это есть время очень непродолжительное. Въ теченіе послѣднихъ 4-хъ лѣтъ изъ 10-ти крестьяне Троицкіе, на которыхъ лежала поставка и доставка всякаго матеріала, пользовались свободой отъ всякихъ государственныхъ податей и повинностей, а въ 1545-мъ году, когда предпринятъ былъ походъ на Казань, они освобождены были отъ сбора всякихъ военныхъ запасовъ.

Опись монастыря 1641-го года полагаетъ длину стѣны, по измѣренію ея тогдашнею саженью, въ $547^1/_2$ саженъ. Длина ея по нынѣшнему измѣренію есть 642 сажени.

Вышина стѣны—4 сажени, а съ южной и западной сторонъ, изъ коихъ первая представляетъ собою подгоріе, а вторая—отчасти косогоръ, отчасти ровное мѣсто, имѣющее впадину (овражекъ), она достигаетъ 6-ти, 7-ми саженей и болѣе.

О толщинѣ стѣны обыкновенно говорятъ такъ, что людей, не видавшихъ ея, вводятъ въ заблужденіе. Толщина стѣны, говорятъ, 3 сажени и болѣе . . . 3 сажени или 9 аршинъ, это чрезвычайно большая толщина. На самомъ дѣлѣ стѣна и имѣетъ 3 сажени толщины и вовсе не имѣетъ ихъ, и въ общемъ она представляетъ не такую массу, какую воображаютъ себѣ люди не видавшіе ея по простому показанію, что толщина ея 3 сажени. Стѣна состоитъ изъ двухъ частей: изъ самой стѣны и изъ прикладенной къ ней съ внутренней стороны галлереи, по которой бы ходить кругомъ ея (стѣны) и съ которой бы дѣйствовать противъ лѣзущаго на нее непріятеля. Стѣна, взятая вмѣстѣ съ прикладенной къ ней галлереей, дѣйствительно имѣетъ толщины 3 сажени и болѣе; но безъ галлереи, сама себѣ, она только полтора аршина съ 2 вершками или 1 аршинъ и 10 вершковъ, что вовсе не будетъ толщиной стѣны малой по сравненію съ другими тогдашними крѣпостями (каковую крѣпость представляла и наша стѣна), но съ другой стороны не будетъ представлять и чего нибудь необыкновеннаго. Галлерея, прикладенная къ стѣнѣ и имѣющая ширины до $7^1/_2$ аршинъ и болѣе, и по сравненію съ галлереями другихъ стѣнъ и сама по себѣ очень широка (слыхали мы, что-де на стѣнѣ Троицкой, при чемъ разумѣется именно галлерея, могутъ разъѣхаться двѣ тройки: съ осторожностію дѣйствительно какъ будто могутъ разъѣхаться)[1]. Хотя стѣна сама по себѣ вовсе и не 3 сажени толщины, но такъ какъ она идетъ на

[1] Галлерея кругомъ крѣпостной стѣны съ внутренней стороны по гречески περίπατος, см. у Дюканжа Gloss. Graecit. это слово.

пространствѣ цѣлыхъ 642 саженъ, то вмѣстѣ съ галлереей, не включая даже и башенъ, она несомнѣнно представляетъ сооруженіе очень монументальное. Болѣе или менѣе долгое время она представляла изъ себя въ Московской Руси совсѣмъ первую по массивности крѣпость, но и постоянно оставалась она крѣпостью первоклассною.

По верху стѣны, какъ это и у всѣхъ старыхъ крѣпостныхъ стѣнъ, идутъ зубцы, а между зубцами нѣсколько пониже ихъ, косыя отверстія внизъ (амбразуры), чтобы можно было видѣть подошедшаго къ стѣнѣ непріятеля и можно было дѣйствовать противъ него. Надъ косыми отверстіями небольшія прямыя четвероугольныя отверстія съ неизвѣстнымъ для насъ назначеніемъ (тѣмъ назначеніемъ, чтобы въ нихъ вставляемы и выпускаемы были наружу брусья, на которые снаружи могли бы быть настилаемы палати, технически называвшіяся кроватями, для скатыванія съ послѣднихъ на подступившихъ къ стѣнѣ непріятелей такъ называемыхъ катковъ или хорошо округленныхъ бревенъ?).

Прикладенная къ стѣнѣ галлерея имѣетъ два яруса—верхній подъ зубцами стѣны (на 1 аршинъ съ 5 вершками ниже ихъ) и середній, т. е. въ срединѣ ея (галлереи) вышины; снизу подъ середнимъ ярусомъ не сплошная масса стѣны, а въ уровень съ землей идетъ въ стѣнѣ рядъ полукруглыхъ или аркообразныхъ печуръ.

Сколько было поставлено въ стѣнѣ башенъ при ея сооруженіи, остается неизвѣстнымъ. Къ 1641-му году, когда произведена была опись монастыря, башенъ было 12-ть. Онѣ суть слѣдующія: 1) надъ святыми воротами монастыря, противъ надворотной церкви (см. стр. 161), плоская или четвероугольная башня Красная, называвшаяся такъ потому, что была главною башнею; 2) на юговосточномъ углу круглая башня Пятницкая, называвшаяся такъ по своему мѣсту противъ Пятницкой церкви; 3) въ срединѣ южной стѣны четвероугольная башня Луковая, называвшаяся такъ потому, что противъ нея, гдѣ теперь Пафнутьевъ садъ, былъ луковый огородъ; 4) у югозападнаго угла четвероугольная башня Водяная, называвшаяся такъ потому, что подъ нею были ворота, ведшія на воду,—на рѣчку Кончуру и на прудъ, который былъ устроенъ противъ нея на рѣчкѣ посредствомъ плотины; 5 и 6) въ южной половинѣ западной стѣны двѣ четвероугольныя башни, изъ которыхъ первая отъ Водяной называлась Погребною и Пивною, потому что на монастырѣ были противъ нея погреба, а внѣ монастыря—пивной дворъ, и изъ которыхъ вторая называлась Келарскою, потому что она была пристроена къ келарской палатѣ, составлявшей гостиные покои; 7) въ западной стѣнѣ близъ сѣверозападнаго угла или же на самомъ сѣверо-западномъ углу четвероугольная башня Плотничная (о названіи которой см. ниже); 8) въ сѣверной стѣнѣ близъ сѣверо-западнаго угла круглая башня о двухъ верхахъ, называвшаяся Конюшенной, потому что противъ нея за оврагомъ и за рѣчкой были монастырскія конюшни, и Каличьей—не совсѣмъ ясно отъ чего (см. ниже); 9 и 10) въ сѣверной стѣнѣ двѣ четвероугольныя башни, изъ которыхъ первая отъ Конюшенной называлась Соляной, по устроенному въ низу ея

амбару для соли, а вторая—Кузничной (о названіи которой ниже); 11) на сѣверо-восточномъ углу круглая башня, называвшаяся Житничной отъ находившихся близъ нея монастырскихъ житницъ; 12) въ восточной стѣнѣ между Житничной и Красной башнями четвероугольная башня Сушильная, называвшаяся такъ, вѣроятно, отъ бывшаго устроеннымъ на верху ея сушила.

Изъ этихъ 12-ти башенъ въ настоящее время остаются девять: 1) надворотная Красная, 2) Пятницкая, иногда потомъ называемая еще Пороховой, 3) Луковая, 4) Водяная, называемая теперь Соляной, 5) Плотничная, 6) Конюшенная или Каличья, 7) Соляная, получившая потомъ названіе Звонковой, 8) Житничная, называемая теперь Красной и Утичьей или Уточьей и 9) Сушильная, называвшаяся потомъ еще Келарской и Ректорской. Что касается до остальныхъ трехъ башенъ, то Кузничная уничтожена совсѣмъ (неизвѣстно—когда), а Погребная или Пивная и находившаяся недалеко отъ нея Келарская обращены въ жилье такъ, что уже не смотрятъ башнями (намѣстничьи кельи).

О пристройкѣ митрополитомъ Платономъ святыхъ воротъ къ Красной башнѣ или собственно о пристройкѣ къ ея святымъ воротамъ наружнаго портала читается въ Краткомъ описаніи лавры: „при всей великолѣпности (монастырской) ограды не было особенныхъ святыхъ вратъ, кои бы приличествовали толь огромному строенію; для того въ прошломъ 1807 году тщаніемъ преосвященнаго митрополита Платона устроены вновь весьма красивыя святыя врата готической архитектуры предъ башнею, надъ вратами стоящею: снаружи оныя украшены полуколоннами и карнизами изъ бѣлаго камня; на куполѣ, покрытомъ бѣлымъ желѣзомъ, поставлено изображеніе преподобнаго Сергія съ мѣднымъ вызолоченнымъ крестомъ, а пониже купола съ передней и другихъ двухъ сторонъ помѣщены пирамиды и другія очень искусно сдѣланныя фигуры“ [Доплатоновскій видъ ея см. на приложенной фототипической таблицѣ II-ой]. Въ недавнее время, именно—въ 1855-мъ году, Красная башня совершенно перестроена, при чемъ внѣшній видъ ея (фасадъ) значительно измѣненъ противъ прежняго, равно какъ порталъ у нея сдѣланъ или къ ней придѣланъ иной противъ Платоновскаго. На перестроенной башнѣ были, было, поставлены часы, но они скоро перестали ходить и были сняты (хотя циферблатъ остается и до сихъ поръ)[1].

Нынѣшняя Пятницкая башня не есть первоначальная, но на мѣсто упавшей первоначальной вновь построенная около 1640-го года, о каковомъ построеніи говоритъ Симонъ Азарьинъ въ чудесахъ преподобнаго Сергія[2]. Въ серединѣ башни находится круглый каменный столбъ, имѣющій въ діаметрѣ сажень или полторы сажени и идущій отъ низу до са-

---

[1] Лежащія въ святыхъ воротахъ три пушки представляютъ собою остатокъ монастырскаго арсенала, о которомъ см. во гл. IV.

[2] См. напечатаннаго Симономъ въ 1646-мъ году житія преподобнаго Сергія главу 88-ю, листъ 175.

мого верху сквозь всѣ своды башни. О столбѣ этомъ ходятъ легенды. Называя его мѣшкомъ, говорятъ, что онъ пустой или полый внутри и что его устроилъ царь Иванъ Васильевичъ Грозный, чтобы казнить опальныхъ, именно—что внизу столба, и безъ того очень высокаго, была еще прикопана болѣе или менѣе глубокая яма, что на днѣ ямы были натыканы ножи остріями вверхъ и что осужденныхъ бросали съ верха столба на эти ножи. Легенда усвояетъ устроеніе мѣшка царю Ивану Васильевичу, очевидно, потому, что при немъ построена стѣна съ башнями; только она по праву легенды не знаетъ или не хочетъ знать, что стѣна съ башнями построена при Иванѣ Васильевичѣ задолго до того, какъ онъ сталъ тираномъ, и не обращаетъ вниманія на ту великую несообразность, что мѣстомъ для казненія опальныхъ Грозный избралъ именно Троицкій монастырь (устраняя эту несообразность, нѣкоторые вѣрующіе въ легенду и не желающіе разстаться съ нею предполагаютъ, что въ мѣшкѣ казнимы были Грознымъ опальные Троицкіе монахи; но предполагать это послѣднее значитъ допускать ту еще бо́льшую и совсѣмъ колоссальную несообразность, что для казни четырехъ-пяти монаховъ, подвергшихся опалѣ, царь приказалъ устроить нашъ столбъ, при чемъ устроить его въ башнѣ уже готовой было весьма трудно, ибо нужно было проламывать всѣ ея своды и при чемъ невозможно было устроить его въ одинъ часъ по мановенію волшебнаго жезла, тогда какъ Грозный, рѣшивъ казнить подвергшихся его опалѣ монаховъ, конечно, не откладывалъ казни на многіе мѣсяцы). Но во всякомъ случаѣ легенда объ ужасномъ назначеніи столба совершенно устраняется тѣмъ, что, какъ мы сказали, нынѣшняя Пятницкая башня построена не при Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ, а при Михаилѣ Ѳёдоровичѣ. Допуская, что столбъ дѣйствительно полый внутри и что только ходы въ него теперь закладены (а въ этомъ рѣшительно увѣряли насъ), можно было бы признать вѣроятнымъ дѣлаемое нѣкоторыми предположеніе, что, бывъ раздѣленъ каменными сводами или деревянными настилками на нѣсколько этажей, столбъ служилъ мѣстомъ тюремнаго заключенія или ареста для преступниковъ (изъ числа какъ самихъ монаховъ, такъ и монастырскихъ мірскихъ чиновниковъ или слугъ и крестьянъ). Но и это невѣроятно въ виду того, что въ описи монастыря 1641-го года намъ прямо называются монастырскія тюрьмы,—одна для монаховъ и, вѣроятно, для чиновниковъ, находившаяся въ самомъ монастырѣ, у Конюшенныхъ воротъ, другая, для крестьянъ, въ селѣ Клементьевѣ. Дѣйствительное назначеніе столба Пятницкой башни, какъ со всею вѣроятностію надлежитъ думать, есть архитектурное, а именно то, чтобы, опёрши на него своды башни, сдѣлать послѣдніе болѣе твердыми. Это заставляетъ предполагать Симонъ Азарьинъ, когда говоритъ, что на мѣсто упавшей первоначальной башни склали новую, но что у новой башни, когда она была складена развалились всѣ своды—и верхніе и нижніе[1]. Пороховой

[1] Въ 10-ти бо́льшихъ (а по нѣкоторымъ—во всѣхъ 23-хъ) башняхъ, находящихся въ стѣнѣ Кириллова Бѣлозерскаго монастыря, строенной въ продолженіе 1633—1666-го годовъ, „стоятъ внутри каменные столбы, раздѣленные на

башня называлась иногда или иными въ XVIII вѣкѣ, вѣроятно, отъ хранившагося тогда подъ нею пороха (о которомъ см. стр. 170—171). По словамъ нѣкоторыхъ, подъ Пятницкой башней былъ тайный выходъ изъ монастыря. Но сколько извѣстно, тайнаго выхода изъ монастыря подъ башней не было и нужно думать, что сказаніе о немъ явилось отъ смѣшенія нашей башни съ Сушильною, близъ которой дѣйствительно былъ тайный выходъ изъ монастыря (о чемъ см. въ гл. XIII, объ осадѣ монастыря Поляками). Можно было бы думать, что за тайный выходъ были принимаемы тѣ подкопы подъ башней, которые во время осады монастыря Поляками были ведены изъ монастыря на встрѣчу подкопу, веденному подъ башню послѣдними. Но необходимо думать, что при перестройкѣ башни въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича подкопы были засыпаны.

Водяная башня описи монастыря 1641-го года, называемая въ настоящее время Соляной, не есть та самая башня, которая въ описи, а новая и именно—складенная во время самого производства описи (которая, какъ мы сказали выше, продолжалась, начиная съ сентября 1641-го года, около трехъ лѣтъ). Въ описи при описаніи стѣны и башенъ говорится о нашей башнѣ: „на воротахъ (водяныхъ) башня четвероугольная, вверху поперегъ башни четыре сажени, вдоль по городу (т. е. по стѣнѣ) пять саженъ съ полусаженью, внизу въ воротехъ въ проѣздѣ полторы сажени, затворы въ воротехъ деревянные“. Это, очевидно, не нынѣшняя башня, такъ какъ нынѣшняя не четвероугольная, а круглая, и не на воротахъ, а съ боку воротъ, рядомъ съ ними. Но затѣмъ при описаніи казны монастырской въ описи читается: „въ наугольной башнѣ отъ Водяныхъ воротъ меду сырцу въ кадяхъ двѣ тысячи сто шестьдесятъ пудъ..., подъ Наугольною башнею въ погребѣ астараханскія рыбы“... Это, очевидно, есть нынѣшняя Наугольная башня, ибо она подлѣ Водяныхъ воротъ (а не на нихъ) и подъ нею (а не подъ Надворотною башнею) могъ быть погребъ. Изъ сейчасъ сказаннаго и слѣдуетъ, что нынѣшняя башня построена во время производства описи. Остатки прежней башни до сихъ поръ видны надъ воротами снаружи, изъ саду. Нынѣшнее названіе башни—Соляная, вѣроятно, отъ того, что въ ней хранилась соль; теперь въ низу ея—кухня для рабочихъ, а вверху живутъ пѣвчіе мальчики и послушники.

Когда Погребная или Пивная башня обращена въ жилое помѣщеніе, точныхъ свѣдѣній не имѣемъ, но имѣемъ то неточное свѣдѣніе, что между 1745-мъ и 1780-мъ годами. Въ Лаврской библіотекѣ хранится книга съ планами и фасадами зданій лавры, на бѣломъ переднемъ листѣ кото-

---

ярусы, или такъ называемые мѣшки, куда, по преданію, сажали преступниковъ или плѣнныхъ“. Но 10 столбовъ или даже 23 столба, очевидно, не для сажанія преступниковъ (къ которымъ плѣнные присоединены совсѣмъ безъ смысла).—Что монаховъ дѣйствительно сажали въ каменныя тюрьмы съ закладкой въ послѣднихъ кирпичемъ дверей и оконъ и только съ оставленіемъ небольшаго окна для дачи хлѣба и воды, см. Акт. Юридич. 1838 г., № 307, IV, стр. 323. Монаху бывало „жестокое смиреніе по монастырскому обыкновенію“,—Чтен. Общ. Ист. и Древн. Росс., 1897 г., кн. I, стр. 50, статья Успенскаго.

рой читаются двѣ надписи,—первая: „Сія книга по імянному Ея Императорскаго Величества словесному указу дана возвратно въ Троицкую лавру іюня 3-го дня 1745-го года для строенія по ней. Арсеній Архіепископъ Переславскій"; вторая: „По сей книгѣ, какіе есть на планахъ и фасадахъ наклейки, то сіе учинено вновь по точному Лавры положенію, въ какомъ она находилася въ 1789-мъ году. Платонъ Митрополитъ Московскій. 1790-го года августа 29-го д.". По наклейкѣ на планѣ митр. Платона видно, что до 1745-го года башня оставалась еще башней, а затѣмъ въ дѣлѣ 1780-го года о перестройкѣ ризницы упоминается о жиломъ въ ней помѣщеніи, именно тѣхъ же лѣтнихъ намѣстничьихъ покоевъ, что и въ настоящее время. Впрочемъ, для помѣщенія не жилаго, а хозяйственнаго, наша башня служила уже въ половинѣ XVII вѣка (см. нѣсколько ниже о жилыхъ и нежилыхъ помѣщеніяхъ въ стѣнѣ монастыря и въ башняхъ).

Келарская башня не была построена вмѣстѣ съ самой стѣной, а была пристроена къ ней, именно—къ находившимся въ ней (стѣнѣ) келарскимъ или гостинымъ палатамъ, позднѣе. Со всею вѣроятностію должно думать, что она была пристроена къ келарскимъ палатамъ при перестройкѣ этихъ послѣднихъ, которая имѣла мѣсто въ 1643-мъ году[1]. Бывъ построена въ 1643-мъ году, она попала въ опись монастыря 1641-го года потому, что, какъ не много выше сказали мы, производство описи тянулось около трехъ лѣтъ. Башня прямо и складена была съ тѣмъ, чтобы служить жилымъ помѣщеніемъ, именно—стать частью келарскихъ палатъ.

Нынѣшняя Плотничная башня складена когда-то послѣ описи 1641-го года, въ замѣнъ прежней, ибо по описи—башня эта четвероугольная, тогда какъ нынѣшняя—круглая. Если на видѣ лавры XVII вѣка вѣрно показано мѣсто прежней башни въ стѣнѣ, то нынѣшняя и находится не на мѣстѣ прежней: нынѣшняя на самомъ сѣверо-западномъ углу, тогда какъ прежняя показана на видѣ въ западной стѣнѣ близъ угла. Названіе башни, вѣроятно,—отъ того, что въ ней была плотничья мастерская (митр. Платонъ производилъ кн. Щербатову названіе башни, но, нужно думать, по простой собственной догадкѣ, отъ того, что прежде него—Платона противъ башни былъ плотничный дворъ; самое названіе плотничный дворъ, вмѣсто: лѣсной дворъ какъ будто есть названіе не употребительное). Въ позднѣйшее время башня называлась еще Оружейной—или отъ находившейся по близости ея Оружейной палаты, или же, вѣроятнѣе, отъ того, что, по разобраніи въ 1779-мъ году Оружейной палаты, въ ней хранилось оставшееся въ лаврѣ оружіе.

Конюшенная или Каличья башня была перестраиваема два раза: въ 1651-мъ году и въ продолженіе 1758—1771-го годовъ. Въ описи 1641-го года о первоначальной башнѣ сказано: „на конюшенныхъ воротехъ башня круглая о дву верьхахъ"; двуверхою она изображена и на видѣ лавры XVII вѣка.

---

[1] О перестройкѣ келарской палаты въ 1643-мъ году см. Симона Азарьина въ новыхъ чудесахъ, по печатн. изд. стр. 57.

Названіе башни—Каличья нѣкоторые производятъ отъ того, что около бывшихъ подъ нею воротъ собирались калики или странствующіе богомольцы. Но это совершенно неосновательно, ибо собираться у нашихъ воротъ каликамъ или странствующимъ богомольцамъ не было никакого смысла: въ ворота эти только ходили конюха, только выѣзжали и въѣзжали монастырскія власти, такъ что ни о какихъ подачахъ милостыни, для которыхъ бы калики собирались у воротъ, не могло быть и рѣчи. Должно думать, что названіе: Каличьи есть сокращеніе изъ калитечьи и дано воротамъ потому, что въ нихъ была калитка, которая всегда оставалась отпертою, тогда какъ самыя ворота отпирались и отворялись лишь въ случаѣ надобности. Опись 1641-го года говоритъ, что въ нашихъ воротахъ была „рѣшотка опускная деревянная". Это значитъ, что ворота въ башнѣ были устроены по настоящему—по крѣпостному, ибо опускныя рѣшотки были обычны въ городовыхъ или крѣпостныхъ воротахъ.

Соляная башня получила нынѣшнее названіе Звонковой, вѣроятно, отъ того, что на ней или у ней висѣлъ колоколъ, въ который давали звонки семинаристамъ, когда учреждена была въ монастырѣ семинарія, занимавшая то мѣсто, которое занимаетъ теперь академія, при чемъ семинаристы именно жили въ стѣнѣ монастырской между Каличьей и Соляной, позднѣйшей Звонковой, башнями (см. ниже въ гл. X, объ академіи). Названіе Кузничной башни остается для насъ не совсѣмъ понятнымъ. Нужно было бы объяснять тѣмъ, что близъ нея находились кузницы. Но кузницы, какъ мы знаемъ, находились въ другомъ мѣстѣ (гдѣ именно, см. въ главѣ IV, о кельяхъ и прочихъ зданіяхъ). Остается предполагать, что извѣстное намъ изъ описи 1641—43-го года мѣсто кузницъ было ихъ новымъ мѣстомъ и что прежде онѣ дѣйствительно находились близъ башни или подъ нею самой.

Башня на сѣверо-восточномъ углу, называвшаяся прежде Житничной, а теперь называемая Красной и Утичьей, складена на мѣсто прежней въ 1650-мъ году[1]. Называется она Красной или потому, что прежде одна изъ всѣхъ башенъ была окрашена въ красный цвѣтъ или же за свою архитектурную красоту, а Утичьей или Уточьей потому, что на шпицѣ ея поставлена утка (которая бывала прежде позолочена и стрѣляніемъ въ которую будто бы забавлялся Петръ Великій во время своего житья у Троицы)[2].

---

[1] О перестройкѣ Конюшенной или Каличьей башни въ 1651-мъ году и Житничной въ 1650-мъ году говоритъ Симонъ Азарьинъ тамъ же, печатн. изд. стрр. 70 и 88. О перестройкѣ Конюшенной башни въ 1758-мъ году—въ Краткомъ описаніи лавры.—Объ опускныхъ рѣшоткахъ въ городовыхъ или крѣпостныхъ воротахъ (по нѣмецки Fallgatter) см. въ Акт. Истор., т. V, № 52, стр. 81, col. 2 sub fin. (Изображеніе рѣшотки можно видѣть въ Иллюстрированномъ археологическомъ словарѣ,—Illustrirtes archäologisches Wörterbuch,—*Мюллера* и *Мотеса*, Fig. 460). О желѣзной опускной рѣшоткѣ въ воротахъ говоритъ Павелъ Алеппскій,—Чтенія Общ. Ист. и Древн. Росс., 1898 г., кн. IV, стр. 37 sub fin.

[2] По другому варіанту, забавлялся стрѣляніемъ съ башни дикихъ утокъ, плававшихъ въ Бѣломъ прудѣ, который передъ башнею за старой гостинницей

Сушильная башня называлась еще Келарской и Ректорской отъ того, что въ корпусѣ келей, который стоялъ впереди нея и на мѣстѣ котораго стоитъ теперь Академическій инспекторскій корпусъ, жили сначала нѣкоторое время келари монастыря, а потомъ ректоры Лаврской семинаріи.

Монастырская стѣна представляла изъ себя настоящую крѣпостную стѣну, а монастырь со своей стѣной представлялъ изъ себя настоящую крѣпость (и при томъ, по сравнительной твердости своей стѣны, крѣпость первокласную). Само собою понятно, что крѣпость была вооружена артиллеріей, а иначе она и не имѣла бы смысла. Когда послѣдовало это вооруженіе артиллеріей, мы не имѣемъ прямыхъ свѣдѣній, но необходимо предполагать, что тотчасъ же послѣ того, какъ была сооружена стѣна. А весьма возможно и вѣроятно даже и то, что была вооружена артиллеріей уже и деревянная стѣна, предшествующая каменной. Башни стѣны представляли изъ себя бойницы; въ каждой башнѣ было по три боя: верхній, середній и нижній или подошвенный, и всѣ три боя всѣхъ башенъ и были вооружены артиллеріей или, какъ тогда говорилось, во всѣхъ трехъ бояхъ всѣхъ башенъ былъ поставленъ нарядъ.

Въ 1641-мъ году, во время описи монастыря, на 12-ти башняхъ его находилось 90 артиллерійскихъ орудій. По родамъ эти орудія были: пушки съ пятипудовымъ ядромъ, которыхъ было впрочемъ всего одна, стоявшая у Конюшенныхъ воротъ, пищали затинныя (что значитъ: стѣнныя, застѣнныя, отъ „затинъ“—стѣна, стѣнка, перегородка, закрытіе, и при чемъ подъ стѣнами разумѣются брустверы городовыхъ или крѣпостныхъ стѣнъ, послявянски называвшіяся забралами, греческ. προμαχών, латинск. propugnaculum; ср. въ словарѣ Мюллера и Мотеса сл. Zinne, Tinne—Mauerspitze въ Etymol. Wörterbuch von Müller'a, ч. II, стр. 554),—малыя артиллерійскія орудія, не много большія ружья, соотвѣтствующія нынѣшнимъ, или недавно бывшимъ, „крѣпостнымъ ружьямъ“, пищали полковыя (что значитъ походныя, полевыя) и полуторныя (среднія артиллерійскія орудія, 12-ти и 13-ти пядей или четвертей длины, съ ядрами въ 6-ть гривенокъ или фунтовъ), тюфяки (греческ. τουφέκιον,—малыя артиллерійскія орудія, назначенныя, какъ кажется, для стрѣлянія картечью) и арганки (нужно: органки, нѣмецк. Orgel, Orgelgeschütz,—малыя артиллерійскія орудія, представлявшія собой старыя митральёзы, именно—состоявшія изъ соединенія трехъ и четырехъ стволовъ). Кромѣ орудій на башняхъ находилось нѣсколько козъ со смолой (служившихъ къ тому, чтобы растопленной смолой лить въ лѣзущаго на стѣну непріятеля), а на стѣнѣ у Водяной башни стоялъ мѣдный котёлъ ведеръ во сто, который, по словамъ описи, держали для осаднаго времени на приступныхъ людей,—варили въ

(который прежде, до построенія гостинницы, былъ значительно болѣе, чѣмъ теперь, такъ какъ весь или почти весь дворъ гостинницы представляетъ засыпанную его часть, и на который, по увѣренію одного 90-лѣтняго, найденнаго нами въ Посадѣ, старика, дѣйствительно прилетали дикія утки), въ воспоминаніе-де чего при Елизаветѣ Петровнѣ и поставлена на башнѣ позолоченая утка.

немъ варъ, а въ самой башнѣ не совсѣмъ для понятнаго намъ употребленія находилось восемь парусовъ.

Кромѣ орудій разставленныхъ по башнямъ, былъ еще запасъ ихъ въ особомъ оружейномъ амбарѣ или арсеналѣ и, вѣроятно—за непомѣстительностію амбара, подъ навѣсомъ, но вообще запасъ не особенно большой, а по своему качеству, какъ кажется, болѣе годный для музея, чѣмъ для дѣйствительнаго употребленія. Впрочемъ, зелія или пороху было цѣлыхъ 600 пудовъ.

Въ описаніи перваго стрѣлецкаго бунта или „Созерцаніи краткомъ" Сильвестра Медвѣдева говорится, что цари Іоаннъ и Петръ Алексѣевичи съ царевной Софіей потому и удалились отъ стрѣльцовъ въ Троицкій монастырь, что—„монастырь каменный и оружія въ немъ много", и что, „пришедше въ той монастырь, великія сторожи и караулы стѣнные учинили и по причиннымъ (болѣе опаснымъ) мѣстамъ пушки и всякое ружье ко опасенію и на оборону уготовили и всякой полковой строй устроили"[1].

Отъ 1725-го года мы имѣемъ вѣдомость объ оружіи, находившемся въ Троицкомъ монастырѣ. По этой вѣдомости въ монастырѣ было: пушекъ чугунныхъ 22, тюфяковъ желѣзныхъ 3, пищалей полковыхъ 134, ядеръ разныхъ колибровъ 2832, козъ осадныхъ 1, сабель 1177, пистолетовъ 1583, винтовокъ 5, карабиновъ и карабинныхъ стволовъ ветхихъ 482, мушкетовъ 336, фузей 632[2].

Краткое описаніе лавры говоритъ, что оружіе всякое древнее, отъ времени осады хранившееся въ монастырѣ, въ Оружейной палатѣ, по указу 1756-го года взято въ Военно-походную канцелярію фелдцейхмейстера графа Петра Ивановича Шувалова[3]. Но на самомъ дѣлѣ взято было не все оружіе. Миллеръ въ своемъ описаніи лавры, составленномъ между 1770—1775-мъ годами говоритъ: „Военныхъ орудій (въ лаврѣ) 15 пушекъ чугунныхъ на станкахъ разной величины отъ 8 до 15-фунтовыхъ, изъ которыхъ въ высокоторжественные дни временемъ производится пальба; есть нѣсколько пушекъ и безъ станковъ стариннаго маниру, которые весьма тонки и долги,—въ обоихъ концахъ равно имѣютъ въ діаметрѣ не болѣе двухъ вершковъ, но оные не употребляются; въ Оружейной палатѣ[4] хранятся старинные шлемы, колчуги, мечи чрезвычайной величины и тяжести; было также немалое число и огнестрѣльнаго мелкаго оружія, но оное все почти взято по указу въ прошломъ 1756-мъ году въ Военную походную покойнаго генерала фельдцейхмейстера графа Петра Ивановича Шува-

[1] См. въ Чтен. Общ. Ист. и Древн. Росс., 1894 г. кн. IV, стр. 114.

[2] Вѣдомость въ Описаніи документовъ и дѣлъ, хранящихся въ архивѣ св. Сунода, т. IV, приложж. col. LXXVI нач.

[3] Указъ отъ 23 января 1757 г. о доставленіи изъ монастырей старинныхъ военныхъ орудій въ Военную походную канцелярію см. у Свирѣлина въ Описаніи Переяславскаго Никитскаго монастыря стр. 75: „изъ монастырей, гдѣ есть, латы, кольчуги, ружья, знамена и другія старинныя военныя орудія доставить для храненія въ Военную походную канцелярію".

[4] [Видъ ея см. на приложенной фототипической таблицѣ № X].

лова канцелярію". Въ одномъ дѣлѣ Лаврскаго архива 1767-го года говорится, что къ пріѣзду императрицы приготовлялось пороху на 500 выстрѣловъ, считая на каждый выстрѣлъ по 1½ фунта. Въ описаніи посѣщенія лавры императрицею Екатериною въ 1775-мъ году говорится, что ея величество вступила въ лавру при колокольномъ звонѣ и 101-мъ пушечномъ выстрѣлѣ.

Къ 1823-му году было въ лаврѣ 20-ть пушекъ или большихъ пищалей и нѣкоторое количество мелкаго оружія. Изъ 20-ти пушекъ 17-ть употреблены на огражденіе обелиска (см. ниже гл. VIII) и 3 лежатъ въ святыхъ воротахъ. Что касается до мелкаго оружія, то въ 1829-мъ году, по приказу императора Николая, двѣ сабли и сѣдло, принадлежавшія Пожарскому и Минину, сданы для храненія въ Московскую Оружейную Палату; ружья, бердыши, кольчуги и локотникъ отъ латы сданы въ Кремлевскую экспедицію для отсылки въ Петербургъ, къ министру императорскаго двора. Въ 1872-мъ году посланы были лаврою въ Москву на Политехническую выставку и послѣ выставки не были возвращены ей, такъ что по опредѣленію Учрежденнаго собора исключены изъ описи: желѣзный каркасъ, пять желѣзныхъ наконечниковъ, пищаль желѣзная трехфунтовая, данная въ 1633-мъ году Дм. М. Пожарскимъ, пушечка чугунная и два ядра. Въ настоящее время, за исключеніемъ трехъ указанныхъ выше пушекъ, нѣтъ въ лаврѣ ни крупнаго, ни мелкаго оружія (если не причислять къ оружію такъ называемаго чесноку, который хранится въ ризницѣ и о которомъ см. въ описаніи послѣдней, въ гл. V).—Въ 1865-мъ году хотѣли было откуда-то прислать въ монастырь большое количество стараго оружія; но митр. Филаретъ отписался отъ „множества безполезныхъ ветхостей" ссылкой на неимѣніе въ монастырѣ мѣста для нихъ.

Жилыя и нежилыя помѣщенія въ стѣнѣ и башняхъ въ 1641-мъ году, во время производства описи, были слѣдующія:

Не далеко отъ Водяной башни, въ трехъ (тогдашнихъ) саженяхъ отъ нея на востокъ къ Луковой башнѣ, была въ стѣнѣ палата (полатка) въ 4 сажени, въ которой жили и дѣлали, т. е. занимались своимъ мастерствомъ, деревщики; палатка эта въ наружную сторону выступала изъ стѣны, ибо находившаяся въ ней пищаль поставлена была вдоль стѣны, дуломъ къ Луковой башнѣ („у Водяныхъ воротъ, въ полаткѣ у деревщиковъ пищаль полковая, стоитъ по стѣнѣ къ Луковой башнѣ").

Подъ Водяной башней былъ погребъ и помѣщенія для съѣстныхъ припасовъ.

Въ Пивной башнѣ были: въ верхнемъ бою сушило, въ середнемъ бою Квасная палатка, въ нижнемъ бою пивная поварня; но при этомъ во всѣхъ бояхъ стояли и орудія (какъ будто въ стѣнѣ же находилась передъ Пивной башней Сытная палата, т. е. палата для сыченія медовъ, которая вмѣстѣ съ башней занимала въ стѣнѣ 13-ть тогдашнихъ саженей).

Отступя 5-ть (тогдашнихъ) саженей отъ Пивной башни и на протяженіи 20-ти (тогдашнихъ) саженъ находилась въ стѣнѣ или замѣняла собою стѣну келарская палата, съ маслобойней, съ гостинной и служней поварнями внизу.

Въ Плотничной башнѣ по всей вѣроятности была плотничная мастерская (въ описи 1641-го года при описаніи наряда на городѣ или артиллеріи на стѣнѣ говорится о „жилетцкомъ крыльцѣ“ у этой башни, но плотники жили далѣе, о чемъ сейчасъ).

Въ сѣверной стѣнѣ „послѣ наряду, что̀ на городѣ (на стѣнѣ) отъ Конюшенныхъ воротъ“ (разумѣется нарядъ средняго боя Конюшенной башни, который былъ съ боковъ ея на стѣнѣ, ибо въ ней самой были ворота) сдѣланы были три палатки, въ которыхъ жили: стрѣльцы, кузнецы и плотники.

Въ той же сѣверной стѣнѣ,—въ середнемъ ея или ея галлереи этажѣ, въ разстояніи 6-ти (тогдашнихъ) саженъ отъ Житничной башни была двусаженная житничная палатка, которая называется въ описи новою.

Въ 1892 г. жилыя помѣщенія въ стѣнѣ и въ башняхъ были слѣдующія: въ южной части восточной стѣны отъ святыхъ воротъ до Пятницкой башни помѣщается богадѣльня для монаховъ (по отношенію къ богадѣльнѣ, находящейся у Зосимо-Савватіевской церкви, такъ сказать, второстепенная) и для сторонніхъ людей; въ Пятницкой башнѣ, обращенной въ жилое помѣщеніе въ 1840-мъ году, живутъ мальчики, обучающіеся иконописанію; въ южной стѣнѣ отъ Пятницкой башни къ Луковой—аптека съ лабораторіей; въ той же стѣнѣ подлѣ Соляной (Водяной) башни помѣщеніе для пѣвческихъ спѣвокъ; въ Соляной (Водяной) башнѣ, приспособленной для жилья въ 1853-мъ году: внизу кухня для рабочихъ, вверху живутъ пѣвчіе мальчики и послушники; въ западной стѣнѣ на всемъ ея протяженіи находятся монашескія кельи и вообще жилыя помѣщенія; въ Плотничной башнѣ—литографія и фотографія[1]; въ сѣверной стѣнѣ между Плотничной и Каличьей башнями—столярная мастерская; въ той же стѣнѣ между Каличьей и Звонковой башнями—слесарная мастерская.

Южная часть площади монастыря представляетъ собою косогоръ. Такъ какъ дождевая вода должна сбѣгать съ этого косогора подъ южную монастырскую стѣну, то въ предохраненіе стѣны отъ размыва водою, неизвѣстно когда вдоль нея со внутренней стороны, отъ Пятницкой башни и до Водяныхъ воротъ, былъ выкопанъ ровъ, изъ котораго вода такъ или иначе, вѣроятно, была спускаема потомъ за монастырь. Ровъ этотъ былъ засоренъ при починкѣ южной стѣны, въ 1777-мъ году былъ чищенъ (дѣло о чищеніи рва надписывается: „Рва вырытіе около ограды съ полуденной стороны“, заставляя ошибочно предполагать, будто ровъ вновь вырытъ). Въ 1832-мъ году, послѣ принятія другихъ соотвѣтственныхъ мѣръ противъ воды, онъ былъ засыпанъ.

---

[1] [Нынѣ, въ 1908 г., литографія помѣщается въ новой пристройкѣ, а прежнее ея помѣщеніе занято школой; фотографія несмотря на прекрасные снимки древностей, сдѣланные завѣдывавшимъ ею о. Антоніемъ, по волѣ Духовнаго собора, совсѣмъ уничтожена].

Ворота въ стѣнѣ.

По описи 1641-го года ворота въ стѣнѣ монастырской были четверы: Святыя, подъ надворотной или Красной башней и подъ надворотной церковью; Конюшенныя, подъ Конюшенной или Каличьей башней; Водяныя, подъ Водяной башней или, когда башня надъ самыми воротами была уничтожена и вмѣсто нея была поставлена новая рядомъ съ ними, на углу,—подлѣ Водяной башни, и Пивныя, а можетъ быть—и никакъ не называвшіяся, подъ Пивной башней, ведшія на Пивной дворъ, который находился за монастыремъ подлѣ нашей башни. Въ описи не упоминаются нынѣшнія въѣздныя на монастырь ворота, находящіяся въ восточной стѣнѣ, въ разстояніи отъ святыхъ воротъ 8-ми или $8^1/_2$ саженъ къ сѣверу, противъ Успенскаго собора, и потому называемыя Успенскими. Неупоминаніе описью о воротахъ нужно понимать не такъ, чтобы она почему нибудь опустила сказать о нихъ, но такъ, что ихъ еще не было: это видно изъ рѣчей ея о рвѣ, который находился передъ восточной стѣной монастыря и о которомъ сейчасъ ниже. Послѣ описи ясно говоритъ о воротахъ Павелъ Алепскій, бывшій въ монастырѣ съ Антіохійскимъ патріархомъ Макаріемъ въ 1655-мъ году. Слѣдовательно, ихъ проломъ въ стѣнѣ или ихъ устроеніе должно относить къ пространству времени между 1641—1655-мъ годами.

О святыхъ воротахъ Павелъ Алепскій говоритъ, что они назначены были только для входа патріарха и царя. Если бы предположить, что такъ было и до устроенія нынѣшнихъ въѣздныхъ или Успенскихъ воротъ, то нужно было бы предполагать, что для входа и для въѣзда въ монастырь всѣхъ служили Конюшенныя и Водяныя ворота. Но предполагать это весьма невѣроятно, ибо тогда монастырь оставался бы невходнымъ съ своей главной восточной стороны и входить въ него нужно было бы окольными и дальными путями, обошедши всю южную или всю сѣверную его сторону. Поэтому, свидѣтельство Павла Алепскаго, признавая его надежность, нужно будетъ понимать такъ, что Святыя ворота были затворены и закрыты для всѣхъ послѣ того, какъ устроены были Успенскія ворота. (Черезъ новыя и какъ бы добавочныя къ Святымъ ворота все таки не дозволено было въѣзжать въ монастырь на лошадяхъ, а только открытъ былъ другой пѣшій входъ черезъ нихъ въ послѣдній вмѣсто Святыхъ воротъ, которыя, бывъ съ сего времени затворены, начали быть отворяемы только въ торжественныхъ случаяхъ[1]. Запрещеніе въѣзжать на монастырь на лошадяхъ, послѣ XVII вѣка по временамъ нарушавшееся, оставалось въ силѣ по крайней мѣрѣ до 1852-го года. Въ 1854-мъ году, когда мы пріѣхали въ академію, какъ будто оно уже было отмѣнено (по крайней мѣрѣ по отношенію къ академіи, въ которую привезъ насъ нашъ ямщикъ). Во всякомъ случаѣ оно отмѣнено со времени открытія желѣзной дороги отъ Москвы

[1] Въ настоящее время Святыя ворота зимой постоянно затворены, а лѣтомъ постоянно отворены для пѣшаго вхожденія.

до Троицы (12-го августа 1862-го года), когда въ Посадѣ явились легковые извощики, чтобы доставлять богомольцевъ отъ станціи желѣзной дороги въ монастырь и когда интересъ этихъ богомольцевъ потребовалъ или заявилъ себя въ томъ смыслѣ, чтобы извощики не только довозили ихъ до воротъ монастыря, но и въ самомъ монастырѣ до Троицкаго собора[1].

Въ настоящее время вороты также четверы: Святыя, въѣздныя Успенскія, Водяныя и Каличьи. Послѣднія ворота, такъ какъ некому и не для чего въ нихъ входить, обыкновенно затворены. Пивныя ворота, служившія спеціальной цѣли проѣзда на Пивной дворъ, закрыты, какъ нужно думать, съ уничтоженіемъ Пивнаго двора, а это послѣднее случилось когда-то въ самомъ концѣ XVIII-го—въ первой четверти XIX-го столѣтія. Надъ Успенскими воротами, не надъ пролётомъ ихъ въ стѣнѣ, а надъ пролётомъ между кельями, въ линію съ надворотною церковію, была, неизвѣстно когда послѣ половины XVII вѣка построенная, башня съ часами, называвшаяся потому Часовою, которая по причинѣ ветхости была разобрана въ 1826-мъ году[2].

Крѣпостныя стѣны (что представляла собою Троицкая монастырская стѣна) были окружаемы у насъ въ старое время рвами и надолбами.

У Троицкой стѣны ровъ былъ не кругомъ ея, а по одной восточной сторонѣ съ нѣкоторой частію сѣверной стороны[3]. На бо́льшей части сѣверной стороны и на сторонѣ западной ровъ былъ не нуженъ, а вмѣстѣ и невозможенъ по естественнымъ условіямъ мѣстности, потому что съ бо́льшей части сѣверной стороны и со всей западной стороны монастырь стоитъ на оврагахъ. Съ южной стороны ровъ могъ бы быть прокопанъ (какъ онъ и былъ прокопанъ въ 1777-мъ году); но такъ какъ южная стѣна идетъ по подгорью, по каковой причинѣ здѣсь она выше, чѣмъ обыкновенно, и такъ какъ находится надъ уступомъ къ дальнѣйшей низинѣ,—то, нужно думать, признавали здѣсь ровъ ненужнымъ, считая стѣну достаточно безопасною отъ приступовъ или штурмовъ и безъ него. На сѣверной сторонѣ, на которую ровъ нѣсколько заворачивался съ восточной стороны, онъ сведенъ былъ въ оврагъ, подходящій къ стѣнѣ монастырской противъ Соляной или Звонковой башни (а на юговосточномъ углу онъ сходилъ

[1] О строгомъ запрещеніи въѣзда въ монастырь на лошадяхъ въ 1764-мъ году см. въ статьѣ *С. К. Смирнова:* „Древнія надгробныя надписи, открытыя въ Троицкой лаврѣ", напечатанной въ Трудахъ перваго Археологич. съѣзда, II, 418, прим.; о невъѣздѣ въ лавру на лошадяхъ въ концѣ XVIII вѣка см. въ дѣлѣ Лаврскаго архива 1808-го года № 23; о невъѣздѣ въ 1834-мъ году см. письмо митр. Филарета къ намѣстнику Антонію № 39; о запрещеніи въѣзда въ 1852-мъ году см. дѣло Лаврскаго архива сего года № 3, л. 198.

[2] Въ описи лавры 1768-го года читается объ этой башнѣ: „По оной же (восточной) линіи ворота, называемые Успенскіе; на нихъ часовая колоколня; на той колоколнѣ боевые часы и двѣ полатки; вокругъ той колоколни переходы каменные; оная колоколня крыта гонтомъ". [Видъ Святыхъ и Успенскихъ воротъ въ XVIII в. см. на приложенной фототипической таблицѣ № II].

[3] [См. изображеніе его на снимкѣ вида лавры начала XVIII-го вѣка, помѣщенномъ на стрр. 104—105, равно какъ и на приложенныхъ фототипическихъ таблицахъ №№ II, V, VI, XV и XVI].

въ оврагъ или въ подгоріе противъ середины Пятницкой башни: ясное его изображеніе въ помянутой выше книгѣ плановъ и фасадовъ лаврскихъ зданій, см. фототипическіе снимки). Опись 1641-го года говоритъ о рвѣ: „около города (стѣны) ровъ; противъ воротъ Красные башни мостъ деревяной на каменныхъ сводахъ; въ проѣздѣ мостъ трехъ саженъ съ получетвертью; подъ мостомъ полатка, а изъ полатки по рву на обѣ стороны пушечные бои; рву глубина двѣ сажени съ получетію, ширина четыре сажени съ полусаженью; отъ Красные же башни по обѣ стороны мосту во рву отъ города (отъ стѣны) выкладено во всю стѣну (т. е. стѣну рва, которая отъ монастырской стѣны) каменемъ бѣлымъ и кирпичемъ“ (неупоминаніе описью о другомъ мостѣ и свидѣтельствуетъ, что проѣздныхъ Успенскихъ воротъ тогда еще не было). Палицынъ въ описаніи осады лавры Поляками говоритъ, что подлѣ Сушильныя башни были изъ монастыря въ ровъ потайныя ворота. Ровъ засыпанъ не особенно давно, а именно—сѣверная половина до Святыхъ воротъ въ 1823-мъ году, а южная половина до Пятницкой башни когда-то потомъ ранѣе 1836-го года[1]. Разстояніе между стѣной и рвомъ приблизительно было сажени въ три-четыре (между стѣной и рвомъ можно было проѣзжать, какъ это видно изъ помянутой выше книги плановъ и фасадовъ, см. фототипическіе снимки).

Надолбы или надолобы (происхожденіе названія которыхъ неясно) представляли собою въ старой фортификаціи совершенно тоже, что въ новѣйшей фортификаціи представляютъ собою палисады, т. е. это были линіи загражденій, которыя дѣлались изъ болѣе или менѣе толстыхъ столбовъ, вертикально врытыхъ въ землю на такомъ разстояніи одинъ отъ другаго, чтобы нельзя было пролѣзать между ними и чтобы нельзя было, охватывая ихъ руками, выдергивать ихъ изъ земли. Что касается до ихъ верховъ, то эти послѣдніе устроялись двояко. Если нужно было сдѣлать загражденіе отъ пѣшихъ людей, каковую цѣль имѣли всѣ надолбы городовыя или крѣпостныя, то верхи надолбинъ дѣлались заостренными и верхнее поперечное скрѣпленіе ихъ проводилось, такъ или иначе—черезъ прибивку планокъ со стороны или чрезъ пропусканіе сквозь продолбленные

[1] О засыпаніи сѣверной половины рва въ 1823-мъ году, при чемъ срытъ былъ и бастіонъ, находившійся передъ Сушильною башнею, говоритъ Краткое описаніе лавры; о засыпаніи южной половины рва передъ 1836-мъ годомъ говоритъ А. Н. Муравьевъ въ своемъ Путешествіи по святымъ мѣстамъ русскимъ, первое изданіе котораго напечатано было въ 1836-мъ году,—стр. 51 нач..—Ровъ, облицованный отчасти камнемъ, отчасти кирпичемъ, только со стороны къ монастырю (о чемъ ясно говоритъ и Миллеръ въ своемъ описаніи лавры), съ противоположной необлицованной стороны съ теченіемъ времени болѣе или менѣе осыпался (о чемъ ясно даетъ знать тотъ же Миллеръ, говоря, что ширина рва, имѣющаго пять аршинъ глубины, не можетъ быть измѣрена, такъ какъ „съ восточной, т. е. внѣшней, стороны дѣланъ онъ неравномѣрно, но съ нѣкоторыми рытвинами“). По осыпямъ стало возможнымъ сходить въ ровъ. Въ слѣдствіе этого богомольцы и площадные торговцы сдѣлали его своимъ отхожимъ мѣстомъ. Крайняя загрязненность рва и была причиной, по которой онъ былъ засыпанъ сначала на половину, а потомъ и совсѣмъ.

внутри уши, подъ заостреніями; если же нужно было сдѣлать загражденіе отъ конныхъ людей, каковую цѣль имѣли надолбы, ставившіяся длинными линіями въ степи отъ Крымскихъ Татаръ,—то на верхахъ надолбинъ нарѣзывались шипы, на которые, имѣя продолбленныя, соотвѣтственныя шипамъ, дыры или мѣста, и набивались верхи, носившіе техническое названіе наметовъ и наметныхъ слегъ“ [1].

У Троицкой монастырской стѣны были надолбы во время осады лавры Поляками. Но такъ какъ онѣ не упоминаются въ описи монастыря 1641-го года, то можно думать, что онѣ сдѣланы или поставлены были только на время осады, хотя, съ другой стороны, въ описи онѣ очень могли быть и опущены. Не зная того, временно ли являлись или постоянно были у монастырей стѣны надолбы, мы не знаемъ и того, насколько онѣ окружали стѣну—всю ли или же только отчасти: у Палицына упоминаются надолбы на восточной сторонѣ и потомъ какъ будто на сѣверной. Если надолбы были у стѣны и послѣ осады лавры Поляками въ качествѣ постояннаго крѣпостнаго дополненія къ ней, то вѣроятно, что онѣ уничтожены или снесены очень давно.

Противъ сѣверовосточнаго угла монастырской стѣны или противъ прежней Житничной, а нынѣшней Утичьей, башни уцѣлѣлъ до сихъ поръ нѣкоторый остатокъ искусственнаго возвышенія.

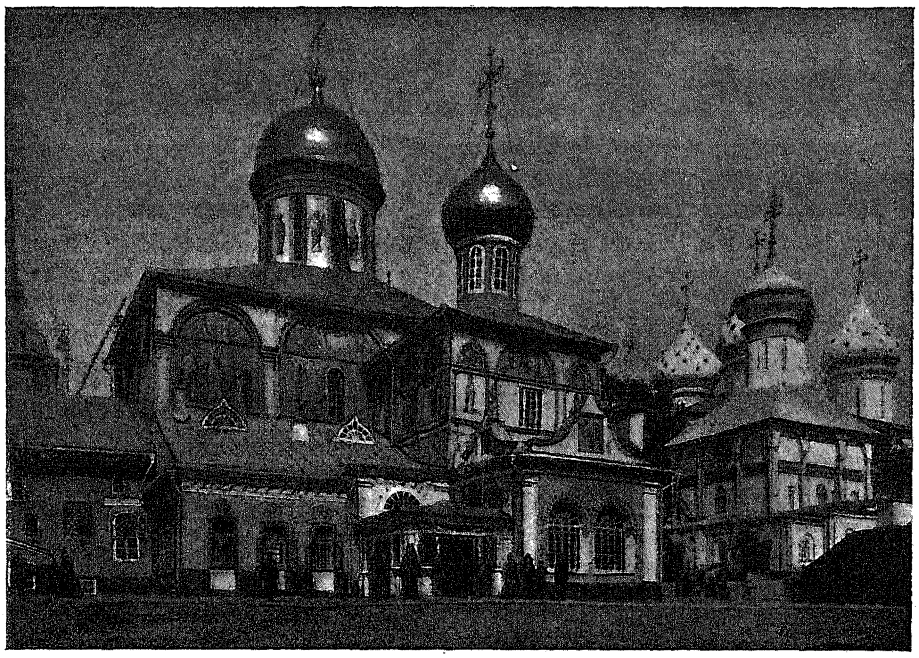
Относительно сего въ Краткомъ описаніи лавры читаемъ: „четыре наугольныя башни и двѣ среднія, одна на восточной, а другая на сѣверной сторонѣ окружены регулярными крѣпостными бастіонами...; крѣпостныя бастіонныя строенія, окружающія башни, сдѣланы, по преданію, при государѣ Петрѣ первомъ послѣ спасенія его въ семъ монастырѣ отъ стрѣлецкаго мятежа“. А Миллеръ въ описаніи лавры, ссылаясь на очевидныхъ свидѣтелей, говоритъ, что бастіоны сдѣланы по повелѣнію Петра Великаго содержавшимися въ монастырѣ плѣнными Шведами въ 1710—1711-мъ году (чертежи бастіоновъ въ помянутой книгѣ плановъ и фасадовъ, см. въ приложеніи таблицы II, V, VI, XV и XVI).

Кровля на монастырской стѣнѣ и на башняхъ до 1812-го года была деревянная. Въ семъ году митр. Платонъ покрылъ желѣзомъ восточную и южную стороны стѣны, а перекрытіе желѣзомъ остальныхъ двухъ стѣнъ и башенъ произведено было послѣ его смерти въ продолженіе 1813—1814-го годовъ [2]. Башни потомъ перекрыты по новому (нынѣшнему) рисунку, начиная съ 1829-го или 1830-го года.

---

[1] Кіевъ на видѣ 1651-го года, напечатанномъ при I-мъ томѣ Памятниковъ, издаваемыхъ Временною коммиссіею для разбора древнихъ актовъ № 1, окруженъ тыномъ, который, вѣроятно, представляетъ собою надолобы. См. ихъ также въ азбукѣ Каріона Истомина подъ буквой ы (тынъ).

[2] О перекрытіи желѣзомъ башенъ вмѣстѣ со стѣною не говорится прямо, но необходимо подразумѣвать это: изъ описи монастыря 1785-го года мы знаемъ положительно, что въ семъ году кровля на башняхъ была деревянная; но еслибы Платонъ перекрылъ ихъ желѣзомъ послѣ 1785-го года, то онъ не преминулъ бы сказать объ этомъ въ своей автобіографіи.



Троицкій соборъ и церкви преп. Никона и Св. Духа (съ южной стороны).

III.

Церкви, палатки при церквахъ и колокольня.

Въ настоящее время въ лаврѣ 15-ть церквей. Онѣ суть: 1) Троицкій соборъ, 2) Никоновская церковь, 3) Духовская или Сошественская церковь, 4) Филаретовская церковь, 5) Успенскій соборъ, 6) Смоленская церковь, 7) Трапезная церковь преподобнаго Сергія, 8) церковь преподобнаго Михея, 9) Больничная (такъ называемая) церковь преподобныхъ Зосимы и Савватія Соловецкихъ, 10 и 11) Іоанна списателя лѣствицы, а подъ нею церковь великомученицъ Варвары, Анастасіи, и Акилины, 12) надворотная церковь Іоанна Предтечи, 13) домовая церковь Казанской Божіей Матери (въ митрополичьихъ покояхъ), 14) домовая церковь Покрова Богородицы (въ намѣстничьихъ кельяхъ) и 15) Всѣхъ святыхъ (подъ Успенскимъ соборомъ). Палатокъ при церквахъ двѣ: Серапіоновская или трехъ мощей при Троицкомъ соборѣ и Максимовская при Духовской церкви.

1. Троицкій соборъ.

Значеніе собора въ монастырѣ.—Деревянныя церкви до нынѣшней каменной.—Построеніе нынѣшней каменной церкви: время, когда начато ея строеніе; матеріалъ, изъ котораго она построена; ея размѣры и форма, ея красота; ея ктиторы и продолженіе

времени ея строенія.—Внѣшность собора: позолота купола (главы), позолота кровли, роспись стѣнъ; пристройка папертей.—Внутренность собора; замѣчательное въ олтарѣ; бывшій придѣлъ въ южномъ отдѣленіи олтаря; иконостасъ и мѣстныя иконы; царскія врата; рака съ мощами преподобнаго Сергія; замѣчательныя иконы въ церкви; ковчегъ съ мощами; стѣнная живопись; паникадила и лампады.—Настилка чугуннаго пола вмѣсто деревяннаго и обращеніе собора изъ холоднаго въ теплый.—Погребенные въ соборѣ.—Записи въ сѣверной паперти собора.

Троицкій соборъ или церковь во имя святыя Троицы есть главная церковь монастыря, по которой онъ называется Троицкимъ и въ которой почиваютъ мощи преподобнаго Сергія. Церковь принято называть соборомъ потому, что между многими церквами лавры она есть главная и что именно въ ней совершаются торжественныя соборныя служенія (кромѣ нашей Троицкой церкви усвоено названіе собора еще другой церкви монастыря—Успенской, какъ представляющей собою вторую главную церковь монастыря).

Преподобный Сергій, удалившись для подвижничества въ лѣсную пустыню, началъ съ того, что поставилъ себѣ въ пустынѣ церквицу или маленькую церковь во имя святыя Троицы,—эта церквица или маленькая церковь (подразумѣвается—деревянная, какъ и двѣ послѣдующія до нынѣшней) и была родоначальницей нынѣшняго Троицкаго собора. Спустя нѣкоторое время послѣ того, какъ около пустынной келліи преподобнаго Сергія составился монастырь, онъ получилъ возможность замѣнить маленькую церковь большой или настоящей церковью, что онъ и сдѣлалъ. Эта вторая его церковь сгорѣла въ 1408-мъ году, въ нашествіе Едигеево, когда Татарами выжженъ былъ весь монастырь. Вмѣсто сгорѣвшей церкви преподобный Никонъ, преемникъ преподобнаго Сергія, при которомъ имѣлъ мѣсто пожаръ, поставилъ въ возобновленномъ имъ монастырѣ третью церковь святой Троицы, которая освящена была 25-го сентября 1411-го года. Въ 1422-мъ году при томъ же преподобномъ Никонѣ были обрѣтены нетлѣнными мощи преподобнаго Сергія, и надъ мощами Сергія Никонъ рѣшилъ поставить вмѣсто деревянной церкви, какова была поставленная имъ, какъ и двѣ предшествующія, поставленныя самимъ Сергіемъ, каменную церковь;—эта каменная церковь святыя Троицы, построенная преподобнымъ Никономъ, и есть донынѣ существующій Троицкій соборъ.

О построеніи собора мы не имѣемъ точныхъ и подробныхъ свѣдѣній. Если преподобный Никонъ принялъ рѣшеніе поставить каменную церковь надъ мощами преподобнаго Сергія еще до ихъ открытія, такъ что заблаговременно приготовилъ матеріалъ,—то и къ строенію собора могло быть приступлено тотчасъ по обрѣтеніи мощей, которое имѣло мѣсто 5-го іюля указаннаго 1422-го года. Если же рѣшеніе построить каменную церковь надъ мощами преподобнаго Сергія было принято Никономъ уже по ихъ обрѣтеніи или только при ихъ обрѣтеніи, то нужно будетъ думать, что остальная часть лѣта и осень 1422-го года были употреблены на приготовленіе матеріала и что самое строеніе церкви начато было лишь весной слѣдующаго 1423-го года. Деревянная церковь, стоявшая надъ мощами

преподобнаго Сергія, была перенесена на новое мѣсто (гдѣ теперь Духовская церковь), и въ ней, конечно, находились (были поставлены) мощи, пока была строена каменная церковь.

Церковь была построена въ собственномъ смыслѣ каменная, т. е. именно изъ камня (бѣлаго, тёсаннаго), изъ котораго тогда строили на Москвѣ всѣ каменныя церкви, а не изъ кирпича, изъ котораго начали строить на Москвѣ каменныя церкви нѣсколько позднѣе (со второй половины XV вѣка). По своимъ размѣрамъ церковь очень не велика: она 9-ти саженъ въ длину вмѣстѣ и съ олтаремъ и 6-ти саженъ въ ширину. По своей формѣ она—однокупольная (одноглавая), съ двумя подкупольными столпами въ серединѣ ея и двумя въ стѣнкѣ, отдѣляющей олтарь отъ нея самой, съ тремя олтарными полукружіями (абсидами). Мы не знаемъ, имѣлъ ли бы преподобный Никонъ возможность построить бо́льшую церковь, нежели какую онъ построилъ; но что онъ построилъ церковь очень небольшую, на что дивятся многіе богомольцы, видя крайнюю тѣсноту собора,—то нѣтъ въ этомъ ничего удивительнаго. Во времена преподобнаго Никона на Москвѣ еще не клали большихъ каменныхъ церквей, а клали еще только малыя церкви, приблизительно тѣхъ же размѣровъ, что́ и церковь, построенная имъ (и самый тогдашній каѳедральный соборъ митрополитовъ всероссійскихъ въ Москвѣ представлялъ ту же малую каменную церковь, что́ и всѣ другія каменныя церкви на Москвѣ; единственное исключеніе составлялъ Владимирскій Успенскій соборъ Андрея Боголюбскаго, но преподобному Никону, конечно, не могло придти на мысль равняться съ Боголюбскимъ, ибо это пока не приходило на мысль даже и самимъ князьямъ Московскимъ). Построивъ церковь, преподобный Никонъ хотѣлъ, чтобы она была украшена и стѣнною живописью. Трудъ росписанія церкви онъ „умолилъ“ взять на себя знаменитыхъ живописцевъ (и иконописцевъ) того времени—монаховъ Московскаго Андроникова монастыря (такъ сказать филіальнаго или сыновняго по отношенію къ Троицкому, какъ построеннаго ученикомъ преподобнаго Сергія, см. выше стр. 78), Даніила Чернаго и Андрея Рублева (послѣдній не только славился въ свое время, но и послѣ былъ признаваемъ за величайшаго Русскаго живописца и иконописца, такъ что представлялъ собою какъ бы Русскаго Рафаэля).

Жизнеописатель преподобнаго Никона Пахомій Сербъ называетъ церковь, построенную Никономъ, прекрасною, при чемъ, какъ необходимо думать, разумѣетъ не только ея внутреннее украшенію живописью, но и ея наружный видъ. Смотря въ настоящее время на Троицкій соборъ снаружи, нельзя сказать о немъ, чтобы онъ былъ прекрасенъ по своему наружному виду: небольшая церковь приземистая и какъ-то тяжеловатая—такъ онъ высматриваетъ теперь. Но наружный видъ собора испортили прикладенныя къ нему церковь преподобнаго Никона и паперти и потомъ еще передѣлка древней кровли по фронтонамъ или полукругамъ, которыми оканчивались стѣны (см. приложенный къ книгѣ видъ монастыря XVII вѣка) на нынѣшнюю четырехскатную. Отнимите отъ собора пристройки, возстановите древнюю кровлю,—и получится небольшая легкая и изящная церковь, которую дѣйствительно можно будетъ назвать прекрасною.

Преподобный Никонъ построилъ Троицкій соборъ при содѣйствіи почитателей памяти преподобнаго Сергія между князьями и боярами. Главнымъ между этими почитателями памяти преподобнаго Сергія, наиболѣе содѣйствовавшимъ Никону въ построеніи церкви, былъ крестный сынъ или крестникъ преподобнаго Сергія князь Звенигородско-Галическій Юрій Дмитріевичъ (сынъ Донскаго). Начавъ строить церковь въ 1422-мъ или 1423-мъ году, преподобный Никонъ строилъ и устроялъ ее почти до самой своей кончины, которая послѣдовала 17-го ноября 1428-го или 1429-го года (Пахомій говоритъ, что Никонъ, „по совершеніи церковнемъ мало пребывъ и мѣсяца ноемвріа въ недугъ тѣлесный впадъ“, скончался).

Первоначально соборъ покрытъ былъ деревомъ. Въ 1510-мъ году былъ покрытъ жестью куполъ (глава) собора, что, по всей вѣроятности, сдѣлалъ вел. кн. Василій Ивановичъ въ благодарность преп. Сергію за счастливое подчиненіе имъ въ семъ году (20-го января) своей власти вольнаго Пскова, ибо по возвращеніи изъ Пскова онъ поставилъ негасимую свѣчу у Сергіева гроба[1]. Когда потомъ была покрыта желѣзомъ кровля собора, не имѣемъ точныхъ свѣдѣній, но или передъ 1556-мъ годомъ или въ этомъ самомъ году, ибо въ этомъ году царь Иванъ Васильевичъ позолотилъ куполъ (главу) собора съ его крестомъ, и невѣроятно было бы предполагать, чтобы при позолоченномъ куполѣ собора царь оставилъ деревянною его кровлю. Около 1720-го года вся желѣзная кровля собора была покрыта червоннымъ листовымъ золотомъ, при чемъ, вѣроятно, изъ старой пофронтонной она была передѣлана на нынѣшнюю четырехскатную (при чемъ или послѣ чего олтарныя абсиды или полукружія сдѣланы были выше посредствомъ надкладки на нихъ, которая теперь надъ ихъ карнизами, и при чемъ теперь передъ нами—та загадочная для непосвященныхъ архитектурная странность, что карнизы абсидъ не подъ самой ихъ кровлей, но аршина на полтора ниже ея). Въ 1750-мъ году позолота была возобновлена. Въ 1779-мъ году стѣны собора съ наружной стороны были росписаны подъ мраморъ. Въ 1805-мъ году кровля собора по прежнему желѣзу покрыта мѣдью, которая позолочена особеннымъ искусствомъ (неизвѣстно въ чемъ состоявшимъ) и обшита кругомъ подзорами изъ бѣлаго желѣза или жести.—О наружной окраскѣ собора до 1745-го года не имѣемъ свѣдѣній. По книгѣ плановъ и фасадовъ этого послѣдняго года не особенно, вѣроятно, давняя, не далѣе какъ Петровская, окраска его подъ темноватый мраморъ[2]. Въ

[1] Въ одной рукописи, написанной въ Троицкомъ монастырѣ въ 1497-мъ году, читается запись: „Лѣта 7018 (1510) ходилъ велики(й князь въ) Новгородъ, да и Псковъ взялъ мѣсяца генваря 20 д. А пришедъ на Москву былъ въ Сергіевѣ монастырѣ мѣсяца іюня 16, да поставилъ свѣщу негас(имую) у Сергіева гроба. Того же лѣта побили верхъ желѣзомъ (подразумѣвается бѣлымъ, т. е. жестью) у Троици въ Сергіевѣ монастырѣ мѣсяца маія 19“. Рукопись въ настоящее время въ библіотекѣ Ярославскаго купца И. А. Вахромѣева,—по описи *А. А. Титова* № 778.

[2] [Видъ собора и планъ его изъ сей книги см. на приложенной фототипической таблицѣ № VII].

1779-мъ году она возобновлена была подъ тотъ же мраморъ. Въ настоящее время надъоконный верхъ остающейся открытою алтарной стѣны собора и простѣнки между дверями и окнами сѣверной паперти покрыты священными изображеніями, при чемъ надъ окнами алтарной стѣны—такъ называемыя клейма или священныя изображенія въ круглыхъ и кругло-овальныхъ рамкахъ (въ двѣ линіи—подъ кровлей надъ карнизомъ, который по причинѣ позднѣйшей надкладки довольно низко, и подъ карнизомъ надъ окнами), а въ простѣнкахъ между окнами паперти—изображенія отдѣльныхъ святыхъ въ натуральную величину, все же свободное пространство алтарной стѣны и папертныхъ стѣнъ окрашено блѣдно-розовою краской[1].

Западный притворъ или западная трапеза пристроена къ собору когда-то до 1584-го года, ибо въ одномъ актѣ этого года она упоминается какъ существующая[2], а проходъ между трапезою и ризницею накрытъ кровлею и загороженъ стѣнками и такимъ образомъ превращенъ какъ-бы въ паперть (которою онъ и называется, но которой на самомъ дѣлѣ не составляетъ, оставаясь именно проходомъ) въ 1793-мъ году. Изъ одного документа узнаемъ, что трапеза до 1642-го года имѣла покровомъ своимъ не каменные своды, а деревянный потолокъ и кровля ея была тесовая[3], а изъ описи лавры 1768-го года видно, что у ней было крыльцо на югъ, ибо по описи—у собора съ полуденной стороны (безъ Никоновской церкви), два крыльца каменныя, крытыя тёсомъ[4]. Сѣверная паперть пристроена къ собору когда-то

[1] Находятся еще священныя изображенія въ не закрытыхъ папертями и Никоновской церковію подкровельныхъ камарахъ или полукруглыхъ печурахъ на южной и сѣверной стѣнахъ собора. Относительно этихъ послѣднихъ изображеній нужно думать, что онѣ написаны не въ позднѣйшее только время, а напротивъ въ болѣе или менѣе древнее время (послѣ котораго потомъ большее или меньшее количество разъ письмо возобновляемо было), ибо назначеніе камаръ именно и состояло (или по крайней мѣрѣ было полагаемо) въ томъ, чтобы въ нихъ помѣщаемы были священныя изображенія.

[2] Въ соборномъ приговорѣ монаховъ Троицкаго монастыря новопоставленному игумену Митрофану 1584-го года, напечатанномъ въ III томѣ Актовъ Юридическихъ Калачова, № 274, col. 26 (упоминается не какъ еще трапеза или заднее отдѣленіе церкви, а какъ паперть или сѣни къ церкви).

[3] Въ 1642-мъ году Троицкія власти докладывали царю Михаилу Ѳедоровичу: „въ Троицкомъ Сергіевѣ монастырѣ у соборной церкви живоначальные Троицы паперть покрыта тёсомъ и та кровля поогнила и теча большая, и о томъ какъ государь царь и великій князь Михаилъ Ѳедоровичъ всеа Русіи укажетъ: надъ тою папертью по прежнему ли велитъ покрыть тёсомъ или каменные своды здѣлать укажетъ?“ Государь приказалъ „здѣлать сводъ каменной, укрѣпя на столпахъ“. См. въ статьѣ іеромон. Арсенія о служкахъ стр. 54. Послѣ того, какъ сдѣланъ былъ сводъ, паперть, вѣроятно, и превращена была въ трапезу съ постановкой въ ней иконостаса. Что касается до нынѣшняго устройства трапезы, то, вѣроятно, его именно разумѣетъ митр. Филаретъ въ письмѣ къ намѣстнику Антонію отъ 17-го апрѣля 1832-го года, когда говоритъ: „устроеніе трапезы Троицкаго собора, какъ описываете, должно быть хорошо“.

[4] Павелъ Алепскій говоритъ, что въ западной паперти собора двои двери,—Чтен. Общ. Ист. и Древн. Росс. 1898 г., кн. IV, стр. 30.

до 1768-го года, ибо въ сейчасъ помянутой описи лавры сего года она уже упоминается („при той церкви съ сѣверной стороны паперть на столбахъ каменныхъ, покрыта желѣзомъ"). Въ 1793-мъ году она была передѣлывана, а потомъ еще передѣлывана въ 1829-мъ году.—Южная паперть, составляющая проходъ между Никоновскою церковію и Серапіоновскою палаткою, сдѣлана, т. е. обращена изъ открытаго прохода въ закрытый, вѣроятно, въ 1783-мъ году, одновременно съ тѣмъ, какъ перестроена была Серапіоновская палатка; во всякомъ случаѣ она есть на одномъ планѣ лавры конца XVIII-го—начала XIX-го столѣтія.

Въ олтарѣ собора замѣчательны: одежда на престолѣ, сѣнь надъ престоломъ, дарохранительница, запрестольный подсвѣчникъ и кресло для архіерейской каѳедры.

Одежда на престолѣ серебряная, кованая, съ барельефными украшеніями, очень хорошей работы, принесенная въ даръ Задонскимъ купцомъ М. И. Шапошниковымъ въ 1884-мъ году.

(Объ одеждѣ, бывшей на престолѣ собора въ 1641-мъ году, читается въ описи монастыря сего года: „въ олтарѣ на престолѣ индитья бархатъ золотной полосатъ, розныхъ цвѣтовъ, на индитьѣ напита пелена, около (по краямъ) низана жемчюгомъ, а въ середкахъ крестъ, низанъ жемчюгомъ же съ каменьемъ на черномъ бархатѣ". Великолѣпная одежда на престолъ изъ золотаго глазета, устроенная митр. Платономъ, находится въ ризницѣ).

Сѣнь надъ престоломъ, дарохранительница, подсвѣчникъ и кресло устроены тщаніемъ митрополита Платона.

Сѣнь—серебряная, кованая, мѣстами золоченая; поддерживается четырьмя круглыми столпами, которые украшены позолоченными виноградными кистями. Серебра въ ней, какъ показываетъ подпись на одномъ изъ столповъ, болѣе шести пудовъ съ половиной; золота—три фунта сорокъ золотниковъ; стоимость ея, какъ отмѣчаетъ митр. Платонъ въ своей автобіографіи,— двадцать тысячъ рублей; устроена въ 1809-мъ году (исправлена въ 1833—34-мъ году).

Дарохранительница—въ видѣ Сіонской горницы, серебряная, позолоченая, украшенная драгоцѣнными каменьями и эмалью, поставлена за престоломъ на особой подставѣ, имѣющей видъ узкаго стола. Серебра въ ней 23 фунта, золота 9 фунтовъ. На ней читается надпись: „Устроенъ сей Сіонъ въ Троицкую Лавру по усердію Сѵнода Члена, Преосвященнаго Митрополита Московскаго и оныя Лавры Архимандрита Платона собственнымъ его иждивеніемъ 1803 года" (нынѣшняя подстава или тумба изъ мельхіора съ самымъ лучшимъ посеребреніемъ, сдѣлана въ 1867-мъ году). Въ прежнее время эта дарохранительница стояла не за престоломъ, а сначала предъ иконостасомъ, на лѣвой сторонѣ, противъ Богородичнаго образа на особомъ налоѣ (здѣсь она показана, бывъ называема сдѣланною изъ золота, въ Краткомъ описаніи лавры изданія 1809-го и 1818-го годовъ), потомъ надъ царскими вратами (здѣсь она показана въ Краткомъ описаніи изданія 1824-го и 1829-го годовъ); за престоломъ же стояла другая дарохранительница (называемая дароносицей), которая теперь находится въ ризницѣ

(серебряная, рѣдкой восточнаго вкуса сканной или филигранной работы, убранная изумрудами, лалами и брилліантами).

Запрестольный подсвѣчникъ, поставленный за дарохранительницей, сдѣланъ изъ серебра въ видѣ дерева съ семью вѣтвями, на которыхъ семь позолоченныхъ свѣтильниковъ (чашъ для лампадокъ). Вѣсу въ немъ 2 пуда. На немъ надпись: „Твоя отъ Твоихъ приносимъ Тебѣ, Всеблагій Боже, чрезъ Христа Твоего, великаго и вѣчнаго Архіерея, грѣшный рабъ Твой Платонъ. Пріими, яко вдовицы двѣ лептѣ. 1795 года“[1].

Кресло для архіерейской каѳедры чеканное серебряное, отчасти позолоченое, въ которомъ серебра 2 пуда и 13 золотниковъ, а золота 53 золотника, начато быть дѣлаемо митр. Платономъ въ 1811-мъ году или въ 1812-мъ, а окончено послѣ его смерти въ 1813—1814 году.

Въ южномъ отдѣленіи алтаря или въ южномъ предолтаріи (діаконикѣ) въ старое время находился придѣлъ въ честь Похвалы Богородицы (празднованіе въ пятую субботу великаго поста или субботу акаѳиста)[2]. Когда былъ устроенъ придѣлъ и когда уничтоженъ, свѣдѣній не имѣемъ: первое, извѣстное намъ, упоминаніе о немъ относится къ 1559-му году, послѣднее—къ 1680-му году[3]. Въ описи лавры 1641-го года придѣлъ подробно описывается (мѣстныхъ образовъ въ его иконостасѣ было три; надъ мѣстными образами были еще два ряда иконъ, изъ коихъ въ одномъ ряду, называвшемся деисусомъ, было ихъ семь, а въ другомъ ряду, называвшемся тябломъ, девять, а всѣхъ иконъ съ запрестольными, наджертвенничными и настѣнными было до 50-ти). Принимая, что придѣлъ устроенъ былъ въ воспоминаніе явленія преподобному Сергію Божіей Матери, не невѣроятно будетъ усвоять его устроеніе самому преподобному Никону. Уничтоженъ онъ въ концѣ XVII или началѣ XVIII вѣка, конечно, за крайней тѣснотой (на планѣ Троицкаго собора въ упомянутой выше книгѣ плановъ и фасадовъ 1745-го года его уже нѣтъ, см. приложенную фототипическую таблицу № VII).

---

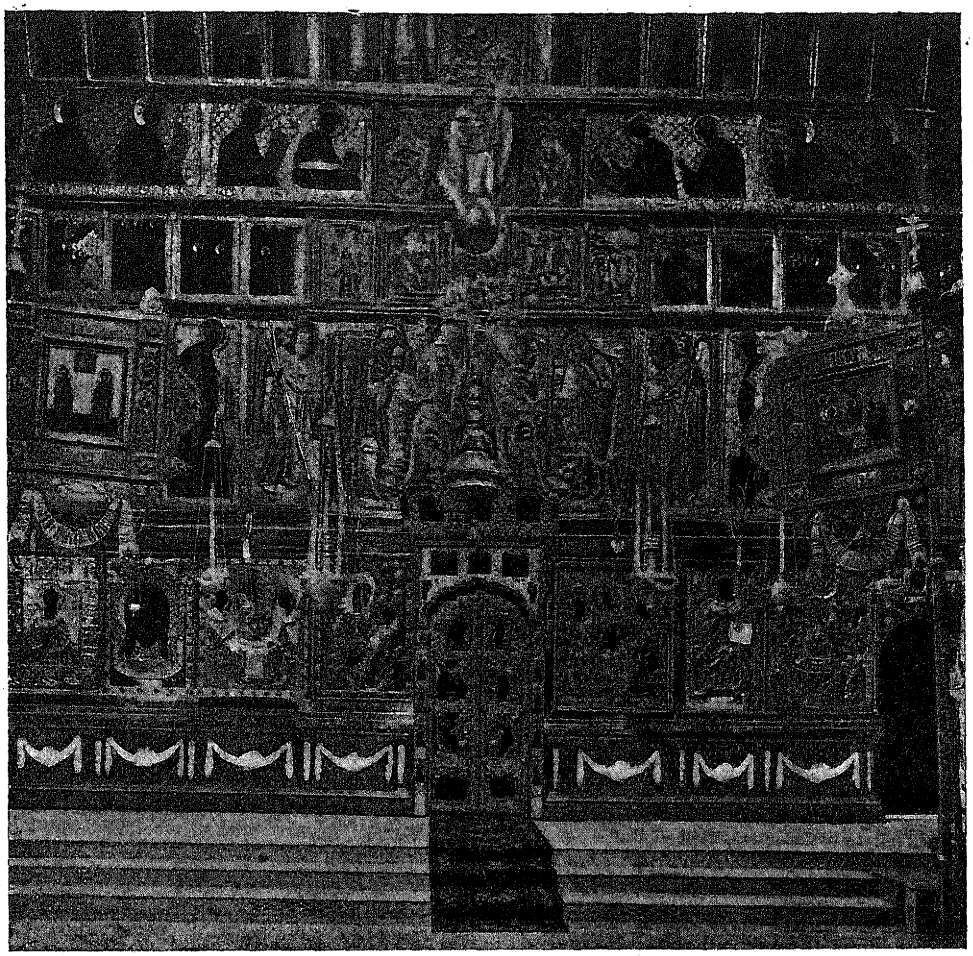
[1] [Этотъ подсвѣчникъ, пришедшій въ ветхость, въ 1898 г. исправленъ и помѣщенъ въ Трапезной церкви за престоломъ, а на мѣсто его поставленъ точно такой же подсвѣчникъ, сдѣланный въ томъ же 1898 г. иждивеніемъ лавры изъ стараго серебра, хранившагося въ ризницѣ. См. Историч. описаніе св. Троицкія Сергіевы лавры. Св. Тр. С. Л. 1902 г., стрр. 16—17].

[2] Переводъ на русскій языкъ акаѳиста Божіей Матери, читаемаго въ субботу на 5-й недѣлѣ вел. поста,—въ Прибавлл. къ творр. свв. отцд. ч. XIV, 1855 г., стр. 139. О несѣдальной пѣсни (περὶ τοῦ ἀκαθίστου ὕμνου есть изслѣдованіе *М. К. Параникаса*, помѣщенное въ одномъ греческомъ журналѣ, см. Византійскій Временн. т. III, вып. I, стр. 215 sub fin. См. Извѣстія Академіи Наукъ т. VI, № 5, стр. 440 и Православные Русскіе акаѳисты *А. Попова*, Казань 1903 г., стр. 54 sqq.

[3] См. Описаніе славянскихъ рукописей, хранящихся въ ризницѣ Свято-Троицкой Сергіевой лавры архим. Леонида, напечатанное въ 4-й книгѣ Чтеній Общ. Ист. и Древн. Росс. 1880-го года,—№ 13, стр. 35 и Выходовъ государей стр. 691 (25 сентября 1680 года).

Всякій иконостасъ состоитъ изъ двухъ частей: изъ рамъ, такъ или иначе устроенныхъ и такъ или иначе украшенныхъ, въ которыя вставляются иконы, и изъ иконъ, которыя вставлены въ рамы. Въ первомъ смыслѣ иконостаса въ Троицкомъ соборѣ, собственно говоря, нѣтъ, потому что въ немъ сохранены тѣ помѣщенія для иконъ, которыя употреблялись у насъ до появленія нынѣшнихъ рѣзныхъ иконостасовъ и которыя состояли въ простыхъ подставахъ и простыхъ полкахъ. Мѣстныя иконы въ соборѣ поставлены на простой гладкой стѣнкѣ или зашивкѣ и отдѣляются одна отъ другой вставленными между ними полукруглыми нетолстыми планками. Надъ мѣстными иконами довольно широкій карнизъ, но совершенно гладкій, состоящій изъ наклонно или навѣсно поставленной доски. Затѣмъ—ряды полокъ съ пришитыми къ краямъ ихъ значительно толстыми полукруглыми засторонками (брусьями), а иконы на полкахъ отдѣляются одна отъ другой такъ же какъ мѣстныя иконы, т. е. проложенными между нихъ нетолстыми полукруглыми планками. Иконостасъ этотъ, состоящій изъ гладкой стѣнки подъ мѣстными иконами, изъ гладкаго карниза надъ ними, изъ полокъ съ брусьями подъ четырьмя прочими рядами иконъ и изъ нетолстыхъ полукруглыхъ планокъ между всѣми иконами, впервые былъ обложенъ серебряными позолоченными листами въ 1672-мъ году, что̀ сдѣлалъ стольникъ Иванъ Васильевичъ Яновъ, всего потратившій серебра и золота на 760 рублей (такъ какъ въ описи лавры 1768-го года говорится, что иконостасъ собора „мѣстами обитъ серебромъ“, то слѣдуетъ, что Яновъ обложилъ его серебромъ не весь сполна). Въ 1779-мъ году иконостасъ, бывъ возобновленъ въ отношеніи къ дереву, вторично (и уже сполна) обитъ былъ золоченымъ серебромъ. (Митр. Платонъ, сдѣлавшій новаго фасона новые иконостасы во всѣ прочія лаврскія церкви, очевидно, не рѣшился поднять руки на старую простоту иконостаса Троицкаго собора и устроилъ его новый, о чемъ говоритъ въ своей автобіографіи, по подобію прежняго). А въ 1850-мъ году стѣнка подъ мѣстными иконами и еще вновь обложена золоченымъ серебромъ.

Что касается до иконостаса во второмъ смыслѣ или какъ собранія иконъ, то въ семъ смыслѣ иконостасъ собора есть самый полный, какой у насъ въ Русской церкви принятъ, именно—пятирядный или пятипоясной (пятиярусный). Расположеніе рядовъ или поясовъ въ немъ, отступая нѣсколько отъ принятаго нынѣ, но согласное съ расположеніемъ рядовъ или поясовъ въ иконостасѣ Московскаго Успенскаго собора, есть: 1) мѣстныя иконы, 2) рядъ такъ называемый апостольскій (старый деисусъ, представляющій собою рядъ всѣхъ новозавѣтныхъ святыхъ), 3) рядъ праздничный или двунадесятыхъ праздниковъ (тогда какъ по принятому нынѣ расположенію—сначала надъ мѣстными иконами этотъ рядъ, а надъ нимъ предшествующій), 4) рядъ пророческій и 5) рядъ праотеческій съ поставленными на его иконы херувимами. Мѣстныя иконы иконостаса суть: по правую сторону царскихъ вратъ—икона святой Троицы, икона Спасителя, сѣдящаго на престолѣ, икона Успенія Божіей Матери; по лѣвую сторону царскихъ вратъ: икона Божіей Матери, икона святыя Троицы, икона Спасителя на убрусѣ или Нерукотвореннаго Образа, икона преподобнаго Сергія, (за сѣверными дверями въ углу) икона преподобныхъ Сергія и Никона.



Иконостасъ Троицкаго собора.

Мѣстныя иконы всѣ въ полныхъ чеканныхъ ризахъ (т. е. ризахъ, которыми закрыты не однѣ только поля иконъ, но и всѣ изображенія на нихъ, за исключеніемъ ликовъ и рукъ у послѣднихъ) или золотыхъ (каковы обѣ иконы святой Троицы) или же серебряныхъ позолоченыхъ (каковы всѣ прочія иконы), съ болѣе или менѣе богатымъ украшеніемъ драгоцѣнными камнями. Затѣмъ, въ полныхъ серебряныхъ позолоченыхъ ризахъ пять среднихъ иконъ втораго ряда, пять среднихъ иконъ третьяго ряда, три среднія иконы четвертаго ряда и одна средняя икона пятаго ряда, а всѣ прочія иконы иконостаса съ серебрянымъ позолоченымъ такъ называемымъ басменнымъ или басебнымъ (отъ басма) окладомъ полей; херувимы на верху праотцевъ вырѣзаны изъ серебряныхъ битыхъ листовъ. Икона святой Троицы, находящаяся по правую сторону царскихъ вратъ, въ описи монастыря 1641-го года называется чудотворною. Золотая риза на нее, украшенная драгоцѣнными камнями, сдѣлана царемъ Борисомъ Ѳедоровичемъ Годуновымъ въ 1600-мъ году. На другую икону святой Троицы,

находящуюся по лѣвую сторону царскихъ вратъ, золотая риза сдѣлана царемъ Иваномъ Васильевичемъ Грознымъ[1]. Изъ прочихъ мѣстныхъ иконъ до 1641-го года была обложена чеканною ризою одна икона Успенія Бо-

[1] Старообрядческій Клинцовскій иконописный подлинникъ, принадлежащій гр. Строганову, увѣряетъ, что одна изъ иконъ Троицы написана Андреемъ Рублевымъ, именно говоритъ: „преподобный Андрей Радонежскій иконописецъ, прозваніемъ Рублевъ, писаше многія святыя иконы, чудны зѣло и украшенны; бѣ той Андрей прежде живяше въ послушаніи преподобнаго отца Никона Радонежскаго: той повелѣ ему при себѣ написати образъ Пресвятыя Троицы въ похвалу отцу своему Сергію чудотворцу". Но въ описи монастыря 1641-го года ни которая икона Троицы не усвояется Андрею Рублеву, а только находящаяся по правую сторону царскихъ вратъ называется чудотворною. Митр. Филаретъ въ одной своей запискѣ, написанной противъ Ровинскаго по тому поводу, что этотъ говоритъ объ иконѣ Троицы, находящейся на правой сторонѣ отъ царскихъ вратъ, будто она писана древнимъ Итальянскимъ художникомъ, утверждаетъ: „въ Сергіевой лаврѣ постоянно сохраняется преданіе, что сей образъ писанъ Андреемъ Рублевымъ при преподобномъ Никонѣ". Но должно думать, что люди, которые дѣлали для митрополита справку, выдали ему за постоянное Троицкое преданіе то, что̀ говоритъ Клинцовскій подлинникъ (Такъ какъ А. В. Горскій въ своемъ Описаніи лавры вовсе не говоритъ о принадлежности иконы Рублеву, то и справка должна быть усвояема не ему).—Царь Иванъ Васильевичъ прежде Бориса Ѳедоровича, какъ должно думать, сдѣлалъ ризу на ту икону Троицы, которая занимала высшее мѣсто или находилась на правой сторонѣ. Почему потомъ, послѣ Годунова до 1641-го, иконы перемѣнены мѣстами, не можемъ сказать: можетъ быть, потому, что именно въ этотъ промежутокъ времени икона, находящаяся теперь на правой сторонѣ, прославилась чудотвореніями.— Въ 1641-мъ году чудотворный образъ Троицы находился въ особой кіотѣ, у которой были затворы, стоявшіе отдѣльно отъ образа и приставлявшіеся къ нему только на время, о чемъ въ описи монастыря нашего года читается: „у чюдотворново образа кіотъ обложенъ серебромъ басмою, вверху написано отечество (Богъ Отецъ), по сторонамъ Борисъ и Глѣбъ, вѣнцы рѣзные, кругомъ строка чеканная: поклонимся Отцу и Сыну и Святому Духу, на верху крестъ, обложенъ серебромъ басмою золоченъ; у кіота затворы на четырехъ цкахъ, на нихъ писано троицкое дѣяніе, обложенъ серебромъ басмою, вѣнцы рѣзные, подписаны на финифтѣ, а поставлены тѣ затворы на лѣвой сторонѣ отъ церковныхъ сѣверскихъ (sic) дверей съ краю, а къ образу живоначалные Троицы ставятся на время".—Троицкій монастырь, въ который принесенъ былъ въ 1567-мъ году образъ Троицы, написанный иконникомъ діакономъ Никифоромъ Грабленымъ, о чемъ говоритъ 2-я Новгородская лѣтопись,—Собр. лѣтт. III, 161 fin., есть не нашъ Троицкій Сергіевъ, а Троицкій Клопскій, находящійся близъ Новгорода.—Иконы Спасителя на убрусѣ и Спасителя на престолѣ считаются произведеніями кисти знаменитаго придворнаго иконописца второй половины XVII вѣка Симона Ушакова, при чемъ принимается, что первая икона написана въ 1677-мъ году, а вторая—въ 1685-мъ году, см. статью Г. Д. Филимонова: Симонъ Ушаковъ и современная ему эпоха русской иконописи, напечатанную въ Сборникѣ Общества древне-русскаго искусства на 1873 годъ, стрр. 46 fin. и 50. Но обѣ иконы упоминаются въ описи 1641-го года. Можетъ быть, дѣло нужно понимать такъ, что Ушаковъ написалъ вновь тѣ же самыя

жіей Матери, а остальныя басмою, и именно—Спасителя на престолѣ, Спасителя на убрусѣ и Божіей Матери—серебромъ, а преп. Сергія—золотомъ (а иконы Сергія и Никона въ описи 1641-го года не упоминаются). Икона преп. Сергія вмѣсто золотой басменной ризы обложена чеканною серебряною золоченою въ 1825-мъ году, а когда обложены были чеканными ризами другія три иконы, остается неизвѣстнымъ. Басменный окладъ полей на иконахъ прочихъ рядовъ иконостаса упоминается въ описи 1641-го года и возобновленъ былъ въ 1779-мъ году, а чеканныя ризы на 14-ть иконъ сдѣланы разными благотворителями въ продолженіе 1849—1856-го годовъ.

Въ 1641-мъ году, во время описи монастыря царской коммиссіей, иконостасъ собора состоялъ не изъ пяти рядовъ, какъ теперь, а изъ семи рядовъ, которые были: 1) мѣстныя иконы, 2) тябло (всякія небольшихъ размѣровъ иконы), 3) деисусъ, 4) второе или среднее тябло (такъ же съ разными небольшими иконами, какъ и первое), 5) праздники, 6) пророки, 7) праотцы съ херувимами[1]. Чтобы понять, какъ умѣщались семь рядовъ, когда и теперешніе пять рядовъ подходятъ подъ самый сводъ церкви, необходимо предполагать, что мѣстныя иконы стояли на самомъ или почти что на самомъ полу (и дѣйствительно, второй рядъ нынѣшняго иконостаса или первый рядъ прежняго деисуса въ старое время бывалъ иногда такъ низко, что люди высокаго роста могли цѣловать находившіяся въ немъ иконы). Когда иконостасъ убавленъ былъ на два ряда, не имѣемъ прямыхъ свѣдѣній, но должно думать, что или передъ обивкой его въ 1672 г. или при передѣлкѣ и обивкѣ его 1779 г. (въ ризницѣ лавры хранится недоступно по не совсѣмъ понятной причинѣ для ученаго пользованія нѣсколько описей лаврскихъ церквей: въ нихъ, вѣроятно, содержатся искомыя прямыя свѣдѣнія).

Царскія врата, съ изображеніемъ на нихъ въ клеймахъ Благовѣщенія Богородицы и четырехъ евангелистовъ, устроены царемъ Михаиломъ Ѳедоровичемъ. Надъ ними читается современная ихъ устроенію надпись: „Сіи царскіе двери въ домъ живоначалныя Троицы и преподобнаго Сергія чюдотворца лѣта 7151-го (1643) Божіею милостію, повелѣніемъ великаго государя царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича, всея Русіи самодержца, и ево благовѣрной царицы великой княгини Евдокеи Лукьяновны и ихъ благовѣрныхъ чадъ, здѣланы". А во вкладной монастырской книгѣ записано: „152-го (1643) сентября въ 19-й день государь царь и великій князь Михаилъ Ѳеодоровичъ всея Русіи пожаловалъ прислалъ въ домъ

иконы?—Въ Краткомъ описаніи, начиная съ изданія 1796-го года и кончая послѣднимъ изданіемъ 1829-го года, упоминаются „два образа преподобнаго Сергія, украшенные златымъ окладомъ съ драгоцѣнными каменьями". [Ср. *В. П. Гуръяновъ.* „Двѣ мѣстныя иконы св. Троицы въ Троицкомъ соборѣ Св. Тр. Сергіевой лавры и ихъ реставрація", М. 1906 г., и *Н. П. Лихачевъ* „Манера письма Андрея Рублева", Спб. 1907 г., изд. О. Л. Др. П.].

[1] Вѣроятно думать, что мелкихъ размѣровъ иконы, поставленныя въ первомъ и во второмъ тяблахъ иконостаса, представляли собою выборъ изъ тѣхъ иконъ, которыя приносимы были въ монастырь на гробахъ разныхъ, погребенныхъ въ немъ, богатыхъ людей.

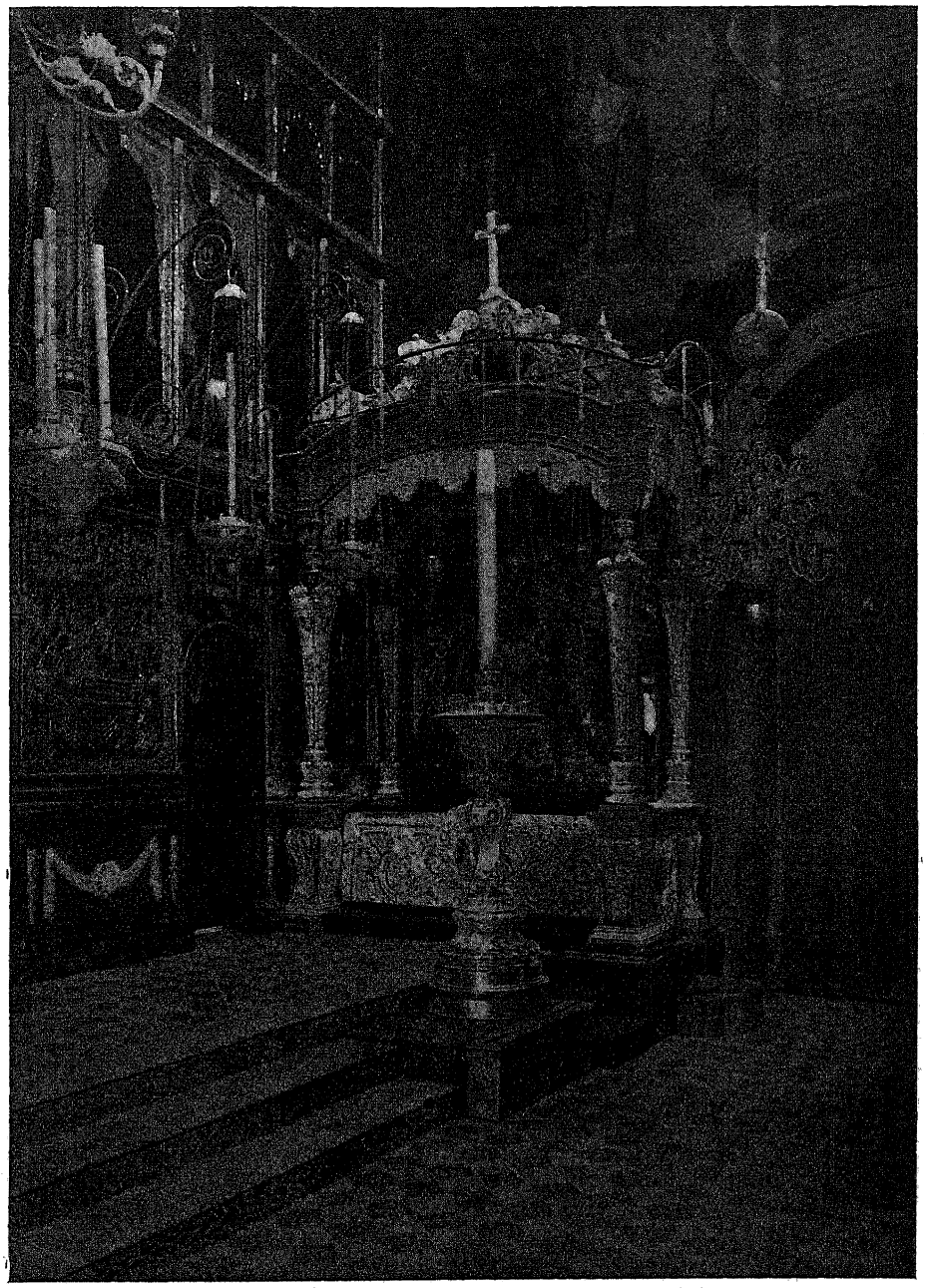
живоначалныя Троицы..., въ церковь живоначалныя Троицы двери царскіе: на створѣхъ Благовѣщеніе пресвятыя Богородицы и евангелисты чеканные съ финифтями; сѣнь (надъ дверями) и столбцы обложены серебромъ чеканнымъ золоченымъ".

Прежде нынѣшнихъ царскихъ вратъ Михаиломъ Ѳедоровичемъ были было сдѣланы въ соборъ въ 1638-мъ году другія царскія врата, о которыхъ въ описи монастыря 1641-го года, какъ о находившихся тогда въ соборѣ, читается: „двери царскіе новые, рѣзные, золочены сусальнымъ золотомъ и серебромъ, и на нихъ сорокъ вставокъ въ кіотцахъ, писаны святые на празелени, вѣнцы серебряные, рѣзные, золочены, межь травъ писано разными красками. И во 146-мъ (7146-1638) году марта въ 1 день государь царь и великій князь Михаилъ Ѳеодоровичъ всея Русіи за тѣ царскіе двери, за золото и за серебро и за краски и за денежное и хлѣбное жалованье, что дано мастеромъ въ два года (т. е. мастерамъ монастырскимъ, которые дѣлали двери въ монастырѣ), пожаловалъ далъ въ монастырскую казну за все, во что тѣ царскіе двери стали по росписи, сто тритцать одинъ рубль, осмнатцать алтынъ, четыре деньги". Куда дѣвались эти первыя царскія двери, сдѣланныя на счетъ государя въ самомъ монастырѣ, остается неизвѣстнымъ (можетъ быть, государь взялъ ихъ въ Москву, въ одну изъ дворцовыхъ церквей).

Царскія двери 1643-го года, теперь находящіяся въ соборѣ, въ началѣ XIX-го столѣтія были было обмѣниваемы съ серебряными царскими дверями Никоновской церкви, но потомъ опять возвращены на свое мѣсто. Въ изданіяхъ Краткаго описанія лавры 1796-го и 1801-го годовъ читается о царскихъ дверяхъ: „Царскіе двери и съ сѣнью всѣ покрыты чеканнымъ серебромъ, устроенные царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ"; а въ изданіяхъ съ 1809-го по 1829-й годъ читается о нихъ: „Царскія двери, всѣ кованныя серебреныя, мѣстами вызолоченныя, въ коихъ вѣсу 4 пуда, 13 фунтовъ, устроенныя одною благочестивою вкладчицею, а прежде бывшія, устроенныя царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ, покрытыя чеканнымъ серебромъ, перенесены въ церковь преподобнаго Никона".

Рака съ мощами преподобнаго Сергія находится у южной стѣны церкви подлѣ иконостаса или между олтарной стѣной и южными дверями въ церковь.

По изнесеніи изъ земли въ 1422-мъ году мощи переложены были изъ гроба, въ которомъ онѣ находились въ землѣ, въ нарочито приготовленную раку. Рака эта была такъ же деревянная, какъ и гробъ, а отличалась отъ него, какъ должно думать, бо́льшимъ или меньшимъ украшеніемъ посредствомъ рѣзьбы, раскрашенія, посеребренія или золоченія. Въ деревянной ракѣ мощи преподобнаго Сергія находились до 15-го августа 1585-го года, когда онѣ переложены были въ серебряную позолоченую раку, устроенную царемъ Иваномъ Васильевичемъ Грознымъ при участіи нѣкоторыхъ другихъ чтителей памяти преподобнаго (по крайней мѣрѣ тетки его-государя княгини Старицкой Евфросиніи и сына послѣдней, а его-государя двоюроднаго брата, князя Владимира Андреевича). Имѣемъ указаніе, что рака



Рака преподобнаго Сергія.

эта приготовлялась не менѣе 25-ти лѣтъ и прямое извѣстіе, что она приготовлялась именно 29-ть лѣтъ[1]. Такая необыкновенная продолжительность

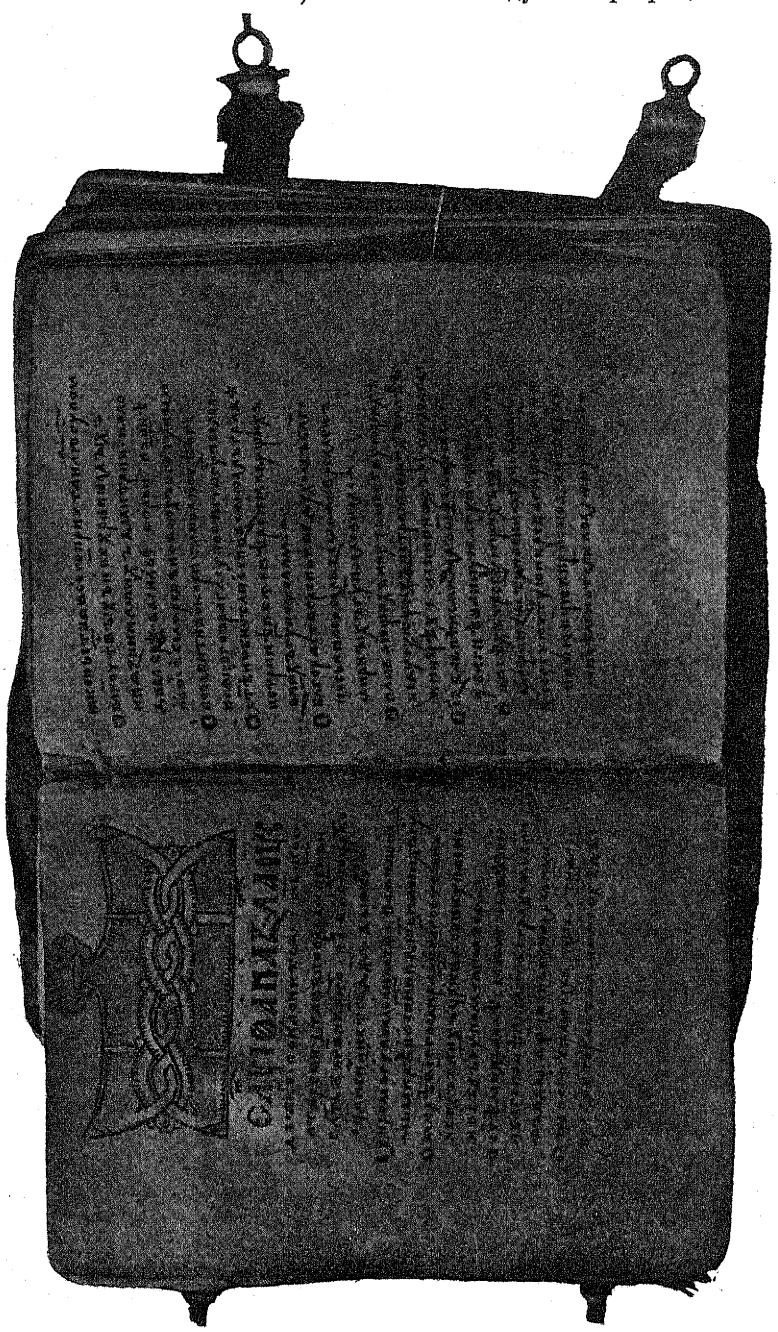
[1] Во вкладной книгѣ монастыря записано: „1559 г. княгиня Евфросинія съ сыномъ своимъ княземъ Владимиромъ Андреевичемъ дали вкладу въ раку чюдотворца Сергія денегъ 600 рублевъ, да перстень золотъ, а въ немъ яхонтъ

работы должна быть объясняема тѣмъ, что требовалось слишкомъ большое время на изготовленіе орнаментовъ или украшеній раки и прикладовъ къ ней, а можетъ быть почему нибудь происходили и болѣе или менѣе продолжительныя остановки въ работѣ. На ракѣ сдѣлано пять круговъ или круглыхъ клеймъ,—три на продольной открытой сторонѣ и по одному на сторонахъ поперечныхъ, на которыхъ, какъ говорится въ описи монастыря 1641-го года, „чеканено житіе чюдотворца Сергія“, именно—вычеканены избранныя мѣста текста изъ житія. О верхней доскѣ раки, которой теперь уже нѣтъ, въ описи 1641-го года сказано: „на верхней цкѣ образъ чудотворца Сергія чеканной“. Прежняя верхняя доска въ 1835-мъ году замѣнена новой,—серебряной, чеканной[1]. Прикладъ къ ракѣ составлялъ образъ святыя Троицы, который поставленъ былъ надъ главой преподобнаго Сергія

лазоревъ“. Изъ этой записи, кромѣ участія княгини Евфросиніи съ сыномъ въ сооруженіи раки, видно и то, что послѣдняя начата быть дѣлаема не позднѣе какъ въ 1559-мъ году. Прямое извѣстіе, что рака была дѣлаема въ продолженіе 29-ти лѣтъ, а именно—что ее начали дѣлать въ 1556-мъ году, читается въ одной лѣтописи XVII вѣка, находящейся въ библіотекѣ Петербургской духовной академіи № 298 (той, на которую Карамзинъ ссылается подъ именемъ Александроневской лѣтописи и часть которой недавно напечатана въ III томѣ Русской Исторической Библіотеки, издаваемой Археографическою Коммисіею), см. въ 3-мъ томѣ Странника 1892 года (сентябрь) статейку: О ракѣ преп. Сергія, стр. 153—154. О награжденіи царемъ Ѳедоромъ Ивановичемъ 24-го августа 1585-го года 14-ти человѣкъ серебряныхъ мастеровъ, дѣлавшихъ раку преп. Сергія, см. въ Дополн. къ Акт. Ист. т. I, № 131, стр. 210, col. 2. О лежаніи преподобнаго Сергія въ деревянной ракѣ до нашей серебряной читается въ одной Академической рукописи (фундам. № 201, л. 253 об.) запись: „Сергій чюдотворецъ лежалъ въ ракѣ древяной 163 лѣта, а преложеніе мощемъ его изъ древяные раки въ серебряную въ лѣто 7093 году августа въ 15 день“. Въ XVII вѣкѣ воспоминаніе преложенія мощей преп. Сергія было празднуемо въ Троицкомъ соборѣ лавры 14-го августа, о чемъ въ одной, содержащей Троицкій уставъ, рукописи этого вѣка подъ 14-мъ августа записано: „въ той же день празнуемъ преложеніе мощемъ преподобнаго и богоноснаго отца нашего Сергія чюдотворца,—бдѣніе со свѣщами, а поютъ все, яко указася сентября 25, а празднуютъ въ одной церкви въ Троицѣ“,—Опис. ркпп. Cунод. библіот. *Горск.* и *Невостр.* № 400, л. 160 об..—Прежняя рака, по приказанію царя Ѳеодора Ивановича, разнята была на иконы (какъ говорится это въ надписи на иконѣ Видѣніе Богоматери преп. Сергіемъ, написанной именно на доскѣ отъ раки въ 1588-мъ году и находящейся теперь надъ южными олтарными дверями Троицкаго собора).—Игумена Страстнаго монастыря Евгенія Озерова пишетъ въ своихъ Запискахъ, что въ бытность ея въ лаврѣ 1 августа 1869-го года ей открывали главу преп. Сергія,—въ Русскомъ Архивѣ Бартенева, 1898 г. № 8, стр. 392 sub fin..

[1] Прежняя верхняя доска была не металлическая, а только обложенная металломъ деревянная кипарисовая; она также употреблена была на иконы (въ архивѣ лавры дѣло 1835-го года, за № 60, о написаніи иконъ,—двухъ большихъ и нѣсколькихъ малыхъ, на снятой съ раки преп. Сергія деревянной крышкѣ).

и о которомъ въ описи 1641-го года читается: „А надъ главою чюдотворца Сергія образъ живоначальные Троицы золотъ, чеканной, въ вѣнцѣ у Троицы яхонтъ лазоревъ, да два лалика, да четыре жемчюги на спнѣхъ, да около низано жемчюгомъ...; а по сторонамъ у живоначалные Троицы надъ главою же чюдотворца Сергія рѣзаны двѣ иконы на яшмѣ..., а по полямъ на цкѣ двадцать святыхъ золоты“... (гдѣ теперь находится этотъ образъ, остается намъ неизвѣстнымъ). Въ 1737-мъ году императрица Анна Іоан-



Служебникъ преподобнаго Сергія.

новна устроила надъ ракой великолѣпную серебряную сѣнь на четырехъ столбахъ, въ которую пошло серебра болѣе 25-ти пудовъ. Съ открытыхъ сторонъ раки, одной продольной и одной поперечной, вставлены между низами столбовъ сѣни—служащія вмѣсто рѣшотокъ глухія засторонки или стѣнки, которыя имѣютъ такой видъ, что какъ-будто составляютъ вторую раку или футляръ для раки, почему и можно встрѣчать въ описаніяхъ не совсѣмъ правильныя или неточныя рѣчи, что Анна Іоанновна сдѣлала около раки Грознаго другую раку. Въ кругломъ клеймѣ поперечной засторонки читается слѣдующая запись: „Самодержавнѣйшая всероссійская императрица Анна Іоанновна, въ славу дивнаго Бога во святыхъ своихъ, въ честь преподобнаго Сергія Радонежскаго, славнаго въ Россіи чудотворца, сіе его блаженныхъ останковъ хранилище среброкованнымъ строеніемъ по теплѣйшему своему благоговѣинству украсить повелѣла отъ мірозданія 7245-го года, отъ воплощенія Жизнодавца 1737-го года“. До двадцати лампадъ, висящихъ надъ ракою преподобнаго Сергія, составляютъ приношенія высочайшихъ особъ и чтителей памяти преподобнаго изъ частныхъ лицъ.

У раки преподобнаго находятся иконы его „моленія“ или бывшія его келейныя—Богородицы Одигитріи и Николая чудотворца. Здѣсь же находятся принадлежавшіе ему: священническая риза, епитрахиль, поручи, деревянный посохъ, аналавъ отъ схимы, ножикъ съ влагалищемъ и ложка[1] (снимки см. на стр. 100, 193 и др.; въ описи 1641-го года о ризѣ, епитрахили и поручахъ: „Ризы чюдотворцâ Сергія—крашенина вишнева, оплечье и круживо и потрахѣль и поручи изуѳрь (если то же, что зуфь, то—шерстяная матерія) синя“).

На сѣверной сторонѣ церкви, противъ раки преподобнаго Сергія, для симметріи съ сѣнію надъ послѣдней, устроена сѣнь надъ иконою Тихвинской Божіей Матери.

Надъ южными дверями въ олтарь стоитъ небольшой складной образъ видѣнія Божіей Матери преподобнымъ Сергіемъ, написанный въ 1588-мъ году на доскѣ отъ прежней деревянной раки преп. Сергія, которая послѣ переложенія мощей преподобнаго въ нынѣшнюю раку разнята была на иконы. Царь Алексѣй Михайловичъ бралъ съ собой этотъ образъ въ Польскій походъ 1654-го года[2], и послѣ того онъ былъ посылаемъ въ армію: въ Шведскую войну Петра Великаго, въ 1812-мъ году, въ Крымскую войну

---

[1] Обычай носить на поясѣ ножикъ и ложку, каковая пара съ влагалищемъ или футляромъ называлась связней, оставался у насъ еще въ XVII вѣкѣ и въ описаніи напр. казны патр. Филарета упоминается нѣсколько такихъ связней, состоявшихъ изъ ножика булатнаго и ложечки каповой, см. Русск. Историч. Библіотеки, издаваемой Археографич. Коммиссіею, т. III, col. 928. Павелъ Алепскій говоритъ о деревянной посудѣ, даваемой въ Троице-Сергіевомъ монастырѣ на благословеніе: ножъ, ложка и посохъ,—Чтен. Общ. Ист. и Древн. Росс. 1898 г., кн. IV, стр. 34.

[2] Образъ „Видѣніе Сергіево“ былъ посылаемъ Грозному подъ Казань въ 1552-мъ году или списокъ съ образа посланъ въ даръ,—Собраніе лѣтт. VI, 312.

1855-го года, въ Турецкую войну 1877-го года [и въ Японскую войну въ 1904—1906 гг.; снимокъ см. на стр. 160][1].

Въ соборѣ есть двѣ иконы, получившія раны во время осады монастыря Поляками. Это иконы—архангела Михаила и Николая чудотворца.

Священническая риза и епитрахиль преп. Сергія (темно-синей камки.

[1] [По возвращеніи изъ послѣдней войны она была исправлена иконописцемъ В. П. Гурьяновымъ. См. его брошюру: Икона явленія Божіей Матери преп. Сергію и пр.... М. 1907 г.].

Икона архангела Михаила, стоящая теперь въ первомъ верхнемъ ярусѣ иконостаса, находилась во время осады монастыря Поляками въ томъ же ряду иконъ, что̀ и нынѣ, но только въ ярусѣ не первомъ, а второмъ верхнемъ (въ деисусѣ надъ тябломъ, см. стр. 185)[1]. Объ ея прошибеніи Польскимъ ядромъ читается у Палицына: „въ Михайловъ день святаго архистратига (1608-го года) поющимъ (осажденнымъ) вечерню... во время псалмопѣнія внезапу удари ядро въ большой колоколъ (колокольня находилась у западной стѣны Духовской церкви) и сплывъ въ олтарное окно пресвятыя Троицы и пробивъ въ деисусѣ у образа архистратига Михаила доску подлѣ праваго крыла (разумѣется крыло архистратига) и ударися по столпу скользь и сплы въ стѣну и отшибеся въ насвѣщникъ предъ образомъ святыя живоначальныя Троицы и наязви свѣщникъ и отразися въ лѣвой крилосъ и развалися“. Пробоина на иконѣ закрыта (если не ошибаемся) новой ризой.—Икона Николая чудотворца, стоящая теперь на южной стѣнѣ западной паперти, во время осады монастыря Поляками стояла въ самой церкви, на сѣверной стѣнѣ близъ иконостаса, гдѣ стоитъ теперь икона Тихвинскѡй Божіей Матери съ сѣнію. Она поражена была ядромъ въ одинъ день съ иконой архангела Михаила и тотчасъ или вскорѣ за этой послѣдней. У Палицына читается: „въ той же часъ (какъ поражена была икона архангела Михаила) иное ядро прорази желѣзные двери съ полуденные страны у церкви живоначальныя Троицы (пробитыя двери и до сихъ поръ стоятъ на своемъ мѣстѣ, а чтобы понять, какъ онѣ могли быть пробиты, нужно припомнить, что южной паперти у собора тогда не было), и проби доску мѣстнаго образа великаго чудотворца Николы выше лѣваго плеча подлѣ вѣнца, за иконою же ядро не объявися“. Пробоина и до сихъ поръ видна на иконѣ.

Передъ мѣстною иконою преподобныхъ Сергія и Никона, находящеюся въ углу за сѣверными дверями въ олтарь, стоитъ на обложенной серебромъ подставкѣ, имѣющей видъ налоя, ковчегъ съ частицами 129-ти мощей, приложенный въ монастырь въ 1858-мъ году фрейлиной Е. И. Нарышкиной, которой, бывъ родовою собственностію Нарышкиныхъ, достался по наслѣдству.

Въ сѣверной паперти собора, на восточной стѣнѣ, находится икона, на которой изображенъ преподобный Сергій съ своими учениками. Это, вѣроятно, есть та икона, которая въ 1641-мъ году стояла на задней сторонѣ лѣваго столпа и о которой въ описи читается: „образъ мѣстной (т. е. большой) — обитель живоначалные Троицы въ лицахъ, написанъ преподобный чюдотворецъ Сергѣй со ученики“[2].

Относительно иконъ на подкупольныхъ столпахъ въ описи 1641-го года

---

[1] А другая икона архангела Михаила, стоящая на сѣверной сторонѣ лѣваго подкупольнаго столба, стоитъ тутъ съ самаго времени ея поставленія въ 1562—1566-мъ году, см. *о. Архенія* Лѣтопись намѣстниковъ, келарей, казначеевъ и пр., стр. 33, казначеевъ № 10.

[2] [Снимокъ ея, какъ уже сказано, помѣщенъ въ „Житіи и подвигахъ преп. Сергія“, составленномъ іеромонахомъ, нынѣ *епископомъ*, *Никономъ*, изд. 5-ое, 1904 г., къ стр. 215].

читается: „на столпахъ надъ правымъ и надъ лѣвымъ крылосами и кругъ столповъ иконы дѣланы новые во 144-мъ (1636-мъ) году, обложены литыми оловянными образцами, а образцы золочены сусальнымъ золотомъ". Гладкія кіоты, въ которыхъ стояли иконы, замѣнены были рѣзными, вѣроятно, при митр. Платонѣ. Объ этихъ вѣроятныхъ Платоновскихъ кіотахъ даетъ нѣкоторое представленіе митр. Филаретъ въ письмѣ намѣстнику Антонію отъ 11-го февраля 1833-го года, въ которомъ пишетъ: „Иконостасъ около столповъ Троицкаго собора передѣлать подлинно пора; но при этомъ надобно подумать, нельзя ли его сдѣлать менѣе: онъ много убавляетъ мѣста въ соборѣ маломъ и загораживаетъ иконостасъ алтаря...; мнѣ думается, что колонны по угламъ нужно сдѣлать тонкія, готическаго характера, а фронтоны—не наклоненные, какъ теперь, но прямые, и въ нихъ вмѣсто пустой рѣзьбы не худо помѣстить небольшія иконы, какихъ много даромъ стоитъ въ ризницѣ". Теперешнія кіоты сдѣланы или въ семъ 1833-мъ году или же въ слѣдующемъ 1834-мъ году, а въ 1835-мъ году онѣ обложены—по тумбамъ бронзою, а выше тумбъ серебромъ.

Соборъ впервые расписанъ былъ стѣннымъ письмомъ, какъ мы сказали выше, тотчасъ по его построеніи преподобнымъ Никономъ, при чемъ трудъ его расписанія принадлежалъ знаменитымъ живописцамъ того времени, монахамъ Московскаго Андроникова монастыря, Даніилу Черному и Андрею Рублеву. Послѣ преподобнаго Никона живопись была возобновлена въ 1635-мъ году, а потомъ была возобновляема въ 1779-мъ, 1834—1835-мъ, 1854—1855-мъ и 1904—1905 [Сафоновымъ] годахъ, а въ олтарѣ была еще возобновляема и поправляема (по указаніямъ и помимо указаній митр. Филарета) въ 1843-мъ году. Что въ живописи иконописцемъ послѣ всѣхъ ея возобновленій остается древняго, рѣшить очень трудно (если не ошибаемся, то при возобновленіи 1854—1855-го года предоставлена была новымъ художникамъ, не къ пользѣ дѣла, особенно большая свобода)[1].

[1] О возобновленіи стѣнной живописи въ соборѣ въ 1635-мъ году говоритъ Симонъ Азарьинъ въ новыхъ чудесахъ преп. Сергія,—чудо 15, печатн. изд. стр. 48—49, а „лѣтопись" о семъ возобновленіи живописи, которая была написана „вокругъ по стѣнамъ" собора, см. въ Вивліоѳикѣ, XVI, 311 fin. По словамъ И. М. Снегирева въ Путеводителѣ изъ Москвы въ Троице-Сергіеву лавру, стр. 89, эта лѣтопись вдоль стѣнъ замѣнена была сумволомъ вѣры при росписаніи 1854—1855-го года. Относительно этого (1635-го года) возобновленія живописи мы не можемъ отвѣтить на вопросъ: такъ какъ по описи 1641-го года на всѣхъ трехъ стѣнахъ Троицкаго собора было много иконъ въ кіотахъ, то была ли живопись за иконами или же онѣ закрывали пустыя мѣста стѣнъ?— Отъ 24-го августа 1855-го года митр. Филаретъ писалъ намѣстнику Антонію: „Отъ двухъ или трехъ благородныхъ посѣтителей лавры извѣстно, что они соблазнились картиною страшнаго суда въ Троицкомъ соборѣ, гдѣ въ адѣ написаны люди съ епалетами и журналистъ съ торчащею изъ кармана тетрадью. Если что подобное допущено, постарайтесь на сихъ дняхъ поправить. Соблазнились и изображеніемъ святителя Николая на соборѣ, ударяющаго въ ланиту Арія. Это, помнится, видѣлъ и я: и, конечно, лучше не представлять дѣйствія, которое соборъ осудилъ и которое Видящій сердца простилъ, но

Между задними подкупольными столбами собора виситъ на цѣпяхъ огромное паникадило, серебряное, круглое, украшенное иконами (подобное такъ называемымъ хоросамъ греческихъ Аѳонскихъ монастырей), начатое быть дѣлаемо митр. Платономъ въ 1811-мъ или 1812-мъ году и оконченное послѣ его смерти въ 1813-мъ или 1814-мъ году, имѣющее вѣсу около пяти пудовъ. Три другія паникадила предъ иконостасомъ и всѣ лампады предъ мѣстными образами также серебряныя (какъ паникадила, такъ и лампады передѣланныя изъ прежнихъ при намѣстникѣ Антоніи). О большомъ паникадилѣ, висѣвшемъ въ 1641-мъ году предъ иконостасомъ, въ описи сего года читается: „Передъ деисусомъ противу царскихъ дверей паникадило большое мѣдяное, нѣмецкое дѣло, а у него въ первомъ ряду двѣнадцать шандановъ, да въ другомъ ряду и въ третьемъ по шти шандановъ, вверху и посередъ вылиты люди, подъ паникадиломъ яблоко болшое серебряное чеканное, середи яблока подпись кругомъ золочена, подъ большимъ яблокомъ яблочко золотое рѣзное съ чернью, на немъ четыре продушины, подъ золотымъ яблочкомъ кисть, золото съ серебромъ скано, около кисти вверху низано жемчугомъ“. Паникадило, висящее теперь въ трапезной церкви, какъ будто есть это самое паникадило. О теперешнемъ большомъ паникадилѣ, висящемъ предъ иконостасомъ и передѣланномъ при намѣстникѣ Антоніи, въ описи ризницы 1735-го года сказано, что матеріалъ на него есть вкладъ (стольника) Ѳедора Ивановича Янова (скончавшагося въ 1724-мъ году и погребеннаго въ монастырѣ) съ племянниками, а что мастерство и позолота монастырскія.

Какой первоначально былъ полъ собора, нѣтъ свѣдѣній, но съ вѣроятностію нужно думать, что—такой же, какой въ XVII вѣкѣ, именно—каменный, лещадной, ибо подобные полы во времена преп. Никона у насъ были настилаемы въ каменныхъ церквахъ. О полѣ собора въ половинѣ XVII вѣка Павелъ Алеппскій пишетъ: „полъ этой церкви состоитъ изъ широкихъ плитъ четырехъугольныхъ такого огромнаго размѣра, что ни въ самомъ Алеппо не найдете подобныхъ; говорятъ, что царь Иванъ привезъ ихъ изъ Новгорода, гдѣ есть каменоломни“ [1]. Въ описи лавры 1768-го года о полѣ собора читается: „полъ въ церкви изъ дикаго камня плитной, въ олтарѣ и трапезѣ чугонной плитной же“. Весь соборъ вмѣсто камня выстланъ чугуномъ въ 1779-мъ году, [который въ 1905 г. замѣненъ Метлахскими плитками].

которое, конечно, не должно быть примѣромъ для подражанія. Но это не безъ основанія написано. Соблазнились еще и тѣмъ, что у Арія на шеѣ изображенъ злой духъ. И въ семъ случаѣ не нужно было выставлять для всѣхъ, что видѣли только прозорливцы“. Отъ 1-го сентября того же 1855-го года митрополитъ писалъ намѣстнику: „Благодарю, что сдѣлали исправленіе въ стѣнномъ иконописаніи. Много было толковъ о семъ: лучше, чтобы они не возобновлялись въ сіе время“ (во время пребыванія государя въ Москвѣ).—Какую великую свободу позволялъ себѣ покойный о. Антоній не только въ отношеніи къ стѣнной живописи, но и въ отношеніи къ древнимъ и важнымъ иконамъ, см. въ книгѣ *гр. М. В. Толстова:* Хранилище моей памяти, кн. I, стр. 83—84.

[1] Чтенія Общ. Ист. и Др. Росс. 1898 г., кн. IV, стр. 30.

Изъ холоднаго теплымъ соборъ сдѣланъ въ 1835-мъ году. Въ XVII вѣкѣ защищались въ немъ отъ зимней стужи тѣмъ, что выстилали полъ его войлоками (какъ даетъ знать опись 1641-го года); а передъ намѣстникомъ Антоніемъ будто бы тѣмъ, что, возвращаясь такъ сказать къ первобытной простотѣ, настилали на полу его сѣно.

Въ юго-западномъ углу собора погребены два князя, сыновья Владимира Андреевича Храбраго или Донскаго (сподвижника Дмитрія Ивановича Донскаго въ Куликовской битвѣ) Андрей Младшій, бывшій именно княземъ Радонежскимъ, и Симеонъ, въ монашествѣ Савва, скончавшіеся отъ мора оба въ одномъ и томъ-же 1426-мъ году (что было при преподобномъ Никонѣ. Запись, читаемая на мѣдной доскѣ, вставленной въ указанномъ мѣстѣ въ южную стѣну, что въ церкви погребенъ князь Андрей, „во иноцѣхъ Савва“, принадлежащая митрополиту Платону, сдѣлана ошибочнымъ образомъ). А подъ западной папертью собора въ числѣ многихъ другихъ погребенъ извѣстный дѣятель Смутнаго времени князь Дмитрій Тимоѳеевичъ Трубецкой (скончавшійся въ 1625-мъ году, по которомъ даны въ монастырь богатые вклады).

Въ сѣверной паперти собора читаются слѣдующія двѣ, высѣченныя на камнѣ, записи:

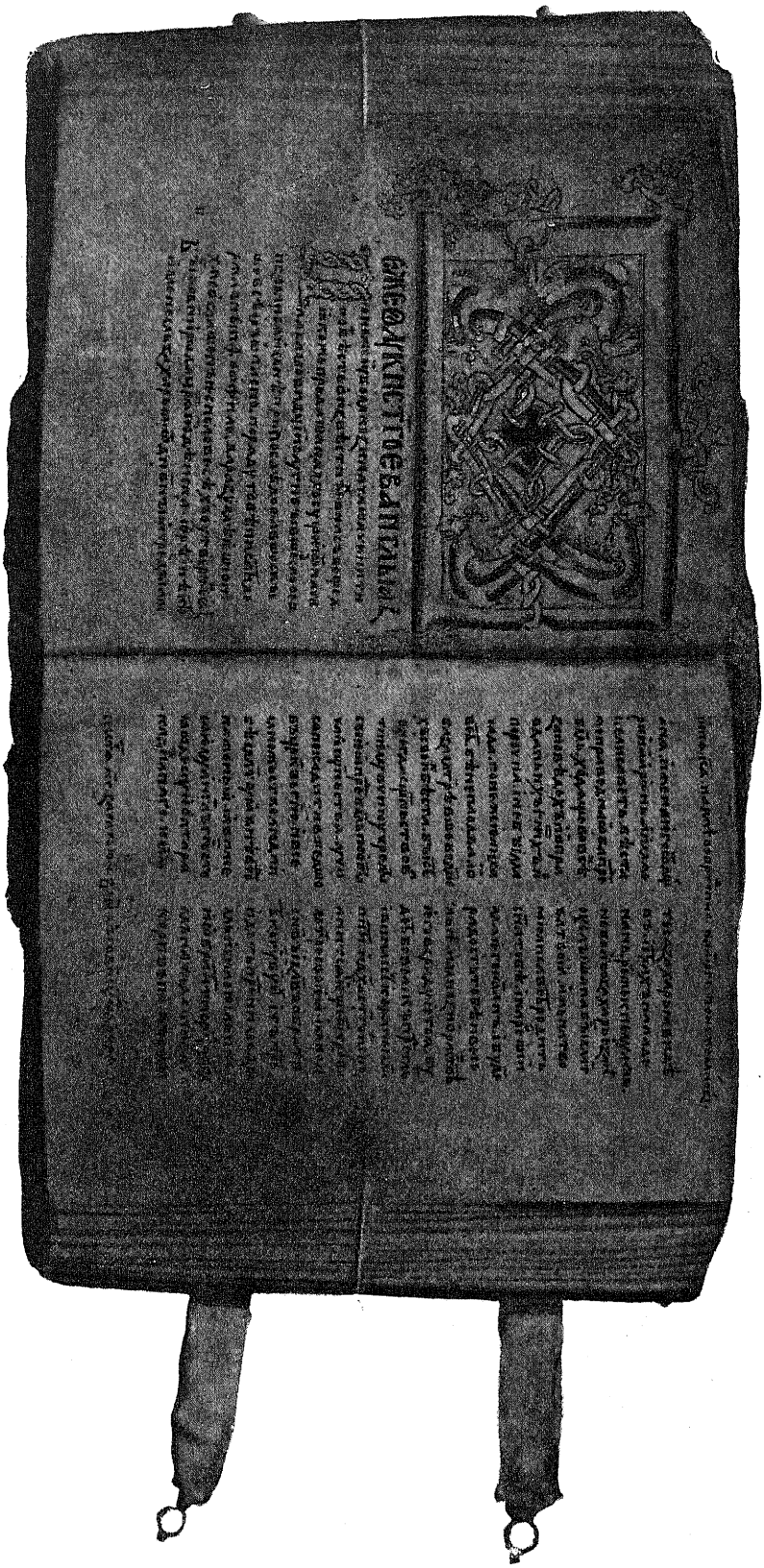
I. „Въ славу Богу Всемогущему, молитвами здѣ почивающаго угодника, среди смертныя язвы въ Москвѣ и окрестъ самого мѣста сего свирѣпѣвшія лѣта отъ Рождества Христова 1771 не токмо живущія въ обители сей, но и внѣ оныя принадлежащихъ ей служителей ни въ чемъ же невредимыхъ чудесно сохранившему, аще обитель и бѣ отверста всѣмъ приходящимъ, на память незабвенную будущимъ родамъ толикаго чудесе и благодѣянія изсѣченъ камень сей лѣта 1774“.

II. „Слава Тріединому Богу, и въ наше время помянувшему древнія свои къ обители сей милости, егда оную и отъ новыя всегубительныя язвы, отъ надменнаго повелителя Франціи, въ 1812-мъ году въ отечество наше вторгшагося, многіе грады, веси и первопрестольную даже Москву огнемъ и мечемъ опустошившаго и отъ градовъ Дмитрова и Богородска алчныя руки и къ симъ мѣстамъ простиравшаго, покровомъ Пречистыя Матере своея милостиво пріосѣни и молитвами преподобнаго Сергія и Никона огради, изъ градовъ оныхъ въ постыдное внезапу обрати бѣгство нечестивыя врага полчища на 2-й день Октоврія тогожъ 1812 года.

Въ приснопамятную благодарность за таковое къ обители сей благодѣяніе Божіе изсѣченъ камень сей, 1813 года!“ [1].

---

[1] Изъ письма митр. Филарета къ намѣстнику Аѳанасію отъ 6-го марта 1824-го года видно, что въ которой-то изъ надписей была „заключена еретическая мысль“ (митрополитъ поручалъ намѣстнику исправить „безтолковыя выраженія“ въ надписи по совѣту съ ректоромъ академіи).—Въ письмѣ къ намѣстнику Антонію отъ 25-го октября 1835-го года митр. Филаретъ говоритъ о какомъ-то неизвѣстномъ тайномъ хранилищѣ въ Троицкомъ соборѣ, именно: „тайное хранилище въ Троицкомъ соборѣ задѣлывать не надлежало и для того,



Евангеліе преподобнаго Никона.

2. Никоновская церковь.

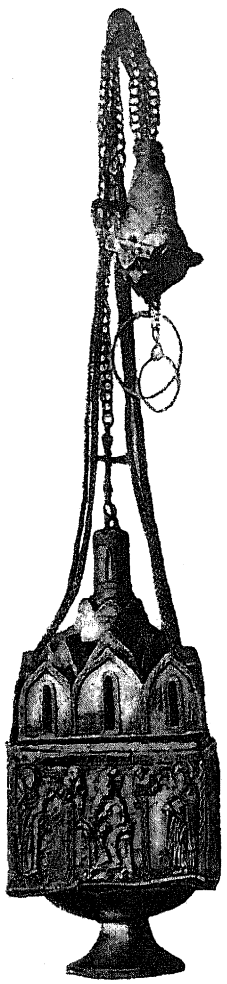
Никоновская церковь, т. е. церковь во имя преподобнаго Никона, ученика и преемника Сергіева на игуменствѣ въ монастырѣ, поставлена надъ его—Никона гробомъ (біографическія свѣдѣнія о преподобномъ Никонѣ см: выше стрр. 91—92). Преподобный Никонъ погребенъ внѣ Троицкаго собора, у южной его стѣны, противъ того мѣста, на которомъ въ самомъ соборѣ погребенъ былъ преподобный Сергій: поэтому Никоновская церковь пристроена къ Троицкому собору, имѣя одною изъ своихъ стѣнъ его одну стѣну.

Преподобный Никонъ былъ причисленъ къ лику святыхъ на соборѣ 1547-го года, и церковь надъ его гробомъ была поставлена въ слѣдующемъ 1548-мъ году[1]. Въ 1623-мъ году, т. е. спустя 75-ть лѣтъ, на мѣсто этой первой церкви поставлена новая, бо́льшая противъ нея, церковь; эта вторая церковь и остается до настоящаго времени. Имѣя длины не много болѣе половины Троицкаго собора, а именно—4 сажени, 2 аршина, она нѣсколько выдается своимъ олтаремъ впередъ олтаря собора, а ея задняя или западная стѣна въ разстояніи одного аршина отъ южныхъ дверей въ соборъ; ширина ея—4 сажени съ половиной, такъ что она почти совсѣмъ квадратная. Нельзя предполагать, чтобы нынѣ существующая церковь была увеличена противъ первой церкви въ длину, потому что при меньшей чѣмъ теперь длинѣ эта первая церковь не захватывала бы гроба преподобнаго Никона; слѣдовательно, должно предполагать, что увеличеніе сдѣлано въ ширину и что первая церковь, имѣвъ ту же длину, какую имѣетъ и нынѣшняя церковь, была уже нынѣшней.

Въ описи монастыря 1641-го года сказано, что глава на церкви обита нѣмецкимъ желѣзомъ (жестью), а крестъ на главѣ золоченъ. Неизвѣстно когда до 1768-го года, но, вѣроятно, одновременно съ тѣмъ, какъ покрыта была золотомъ кровля Троицкаго собора (около 1720-го года) позолочены были глава и кровля и нашей церкви, при чемъ, вѣроятно, кровля церкви, подобно кровлѣ собора, передѣлана изъ пофронтонной въ четырехскатную (и при чемъ сдѣлана была еще бо́льшая надкладка надъ олтарной абсидой, чѣмъ надъ абсидами Троицкаго собора, такъ что карнизъ у ней еще ниже, чѣмъ надъ абсидами собора). Въ 1780-мъ году позолота креста и главы была возобновлена. Въ 1805-мъ году одновременно съ кровлей Троицкаго собора кровля и глава церкви были покрыты золоченой мѣдью, а крестъ на главѣ вновь вызолоченъ листовымъ червоннымъ золотомъ, и тогда же, какъ и на Троицкомъ соборѣ, подзоры подъ кровлей

чтобы воздухъ былъ незапертой; но не надобно показывать сію старинную новость."—Въ Монастырскихъ письмахъ, въ письмѣ XV, отъ 12 марта 1843 года говорится совсѣмъ непонятно для насъ, что тогда жилъ подъ олтаремъ Троицкой церкви одинъ старичекъ самъ третій. Вѣроятно, тутъ обмолвка или опечатка: Троицкой вмѣсто Смоленской.

[1] Въ 1590 г. пѣли паннихиду преп. Никону,—Дополн. къ Акт. Ист., т. I, № 135, стр. 216.



Кадило пр. Никона.

сдѣланы изъ бѣлаго желѣза или изъ жести. О наружной окраскѣ церкви въ описи лавры 1768-го года говорится: „вся та церковь съ лица (при чемъ разумѣется бывшее тогда, какъ и теперь остающееся единственно открытымъ, лицо восточной или алтарной стѣны) окрашена разными красками". Въ 1779-мъ году она была расписана мраморомъ подъ одинъ видъ съ Троицкимъ соборомъ. А въ 1840-мъ году расписаніе мраморомъ замѣнено въ верхней половинѣ ея (алтарной ея стѣны)—священными изображеніями въ клеймахъ (надъ карнизомъ, который, какъ мы сейчасъ сказали, по причинѣ надкладки надъ нимъ далеко отъ кровли) и изображеніями отдѣльныхъ святыхъ (подъ карнизомъ и надъ окнами, между тонкими колонками или какъ бы жгутами, протянутыми—между оконъ отъ карниза до низу, а надъ окнами—до сихъ послѣднихъ).

Паперть къ церкви (съ южной стороны) пристроена когда-то до 1768-го года, ибо въ описи лавры этого года о ней уже говорится, именно: передъ церковію „каменная паперть, покрыта тёсомъ; при ней (паперти) затворы столярные створчатые стеколчетые выкрашены красною краскою". Въ 1840-мъ году паперть передѣлана. Въ томъ же 1840-мъ году сдѣланы двери изъ церкви на западъ (въ теперешнюю южную паперть Троицкаго собора, а дотолѣ онѣ были только на югъ, на западъ же было окно).

Престолъ въ церкви серебряный, чеканный, совершенно одинаковый съ престоломъ Троицкаго собора и пожертвованный въ 1883-мъ году тѣмъ же И. И. Шапошниковымъ, что и престолъ Троицкаго собора. Царскія врата въ церкви—серебряныя, кованныя, мѣстами вызолоченныя,—тѣ самыя, которыя были было переносимы въ Троицкій соборъ и о которыхъ мы сказали выше (стр. 188; они пожертвованы между 1801-мъ—1809-мъ годами М. П. Салтыковой).

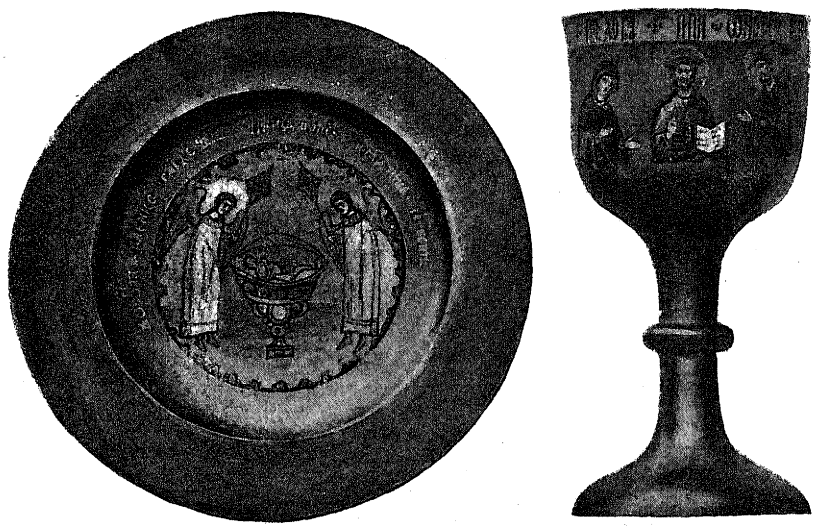
Надъ царскими вратами древняя икона Іерусалимской Божіей Матери, украшенная золотою ризою (поставленная надъ вратами въ 1840-мъ году).

Иконостасъ, сдѣланный на мѣсто первоначальнаго въ 1779-мъ году, былъ поновляемъ въ 1840-мъ году, а потомъ поновленъ въ 1878-мъ году.

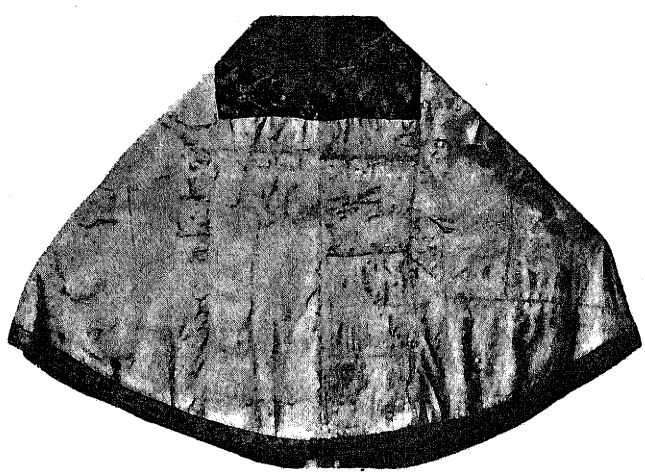
Впервые церковь была расписана внутри въ 1635-мъ году. Послѣ того живопись возобновляема была три раза: въ 1779-мъ, 1840-мъ и 1878-мъ годахъ.

Въ сѣверозападномъ углу церкви, вдоль сѣверной стѣны, стоитъ рака (надгробіе) надъ мощами преподобнаго Никона, которыя находятся въ землѣ или подъ спудомъ. Въ половинѣ XVII вѣка, какъ видно изъ описи

монастыря 1641-го года, рака (называемая въ описи гробницей) была деревянная, обитая камкой. Въ 1779-мъ году митрополитъ Платонъ сдѣлалъ новую деревянную раку, которую позолотилъ по полименту червоннымъ золотомъ; впослѣдствіи рака, сдѣланная митрополитомъ Платономъ (?), была покрыта сверху серебромъ, а съ боковъ посеребреной мѣдью. [Въ 1900 г. сдѣлана была новая серебряная рака, устроенная усердіемъ москов. купца А. П. Каверина, по проэкту академика-архитектора И. И. Поздѣева, снимокъ ея см. въ Житіи преп. Сергія, составл. еписк. Никономъ, стр. 222]. Надъ ракой на сѣверной стѣнѣ въ серебряномъ окладѣ стоитъ древняя икона явленія преподобному Никону преподобнаго Сергія съ святыми митрополитами Петромъ и Алексѣемъ для предъувѣдомленія его о раззореніи монастыря Татарами.



Деревянные сосуды, употреблявшіеся въ служеніи преп. Никономъ.



Богослужебная священническая риза преп. Никона.

Въ половинѣ XVII вѣка надъ престоломъ церкви стояла весьма узорочная (затѣйливая) сѣнь, о которой въ описи монастыря 1641-го года читается: „Надъ престоломъ шатеръ о пяти верхахъ со кресты, древенъ (-янъ), верхи обиты нѣмецкимъ желѣзомъ, на болшомъ верху по желѣзу волненіе морское (кровля волнообразная), образъ Господа Саваоѳа въ силахъ (т. е. окружоннаго херувимами и серафимами); да у шатра жь четыре доски, рѣзаны на проемъ (насквозь,—разумѣются гребни); у шатра же деисусъ—двѣнатцать иконъ въ бочкахъ рѣзныхъ, да межу бочекъ травы болшіе рѣзные же, столбцы и доски рѣзные и бочки и по травамъ рѣзь золочено сусальнымъ золотомъ и серебромъ и краски разцвѣчено. Поставленіе (т. е. нашъ шатеръ) соборного старца Мисаила Новосилцова“.

Въ той же половинѣ XVII вѣка на сѣверныхъ дверяхъ церкви, какъ на тѣхъ же дверяхъ и нѣкоторыхъ другихъ Лаврскихъ церквей, былъ „написанъ крестъ Господень съ копьемъ и тростію, (а) по сторонѣ креста ангели“ (на другихъ дверяхъ: „и херувими“).

[На монастырской колокольнѣ] виситъ колоколъ (вѣсомъ пудовъ въ 20-ть), слитый въ монастырь при преподобномъ Никонѣ, который слылъ за „чудотворцовъ“ т. е. за принадлежащій самому преподобному Сергію. На колоколѣ читается надпись: „[іс. хс. † нк. В славу стыя і живончальныя Троица сврши си колокол в лѣта блгочиваго великого князя Василія Дмитріевича і архіепископа Фотія, митрополита Киевскаго всея Руси, во обитель прдобнаго отца нашего Сергія, при настоятельствѣ от(ца) ншего Никона игумена, въ лѣто 6928 (1420), индикта 13, мца августа 15, на Успеніе прчистыя Влаца нашея Богородица Мария]“.

3. Духовская церковь.

Преподобный Никонъ, приступивъ къ строенію для мощей преподобнаго Сергія каменной церкви вмѣсто деревянной, перенесъ эту послѣднюю церковь на другое мѣсто, нѣсколько далѣе къ востоку, именно—на то мѣсто, гдѣ стоитъ теперь наша Духовская церковь, и посвятилъ ее (деревянную церковь) на новомъ мѣстѣ также имени святыя Троицы (въ этой прежней деревянной церкви, перенесенной на новое мѣсто, какъ сказали мы выше, находились и мощи преподобнаго Сергія, пока строилась каменная церковь). Въ 1476-мъ году вмѣсто деревянной церкви построена была каменная (кирпичная) церковь, снова посвященная имени святыя Троицы. Въ 1554-мъ году по приказанію царя Ивана Васильевича на мѣстѣ первой каменной церкви поставлена новая каменная церковь, также посвященная святой Троицѣ. Эта вторая каменная церковь и есть нынѣшняя Духовская церковь. Когда послѣ Ивана Васильевича вмѣсто Троицкой стала она называться Духовской, не знаемъ; но въ описи монастыря 1641-го года она называется уже Духовскою, съ прибавленіемъ частнѣйшаго обозначенія: „середняя“ (какъ называется или обозначается она и въ другихъ актахъ)[1].

[1] Павелъ Алепскій называетъ ее изящною,—Чтен. Общ. Ист. и Древн. Росс., 1898 г., кн. IV, стр. 32.

Церковь имѣетъ въ длину 7 саженъ съ 2-мя аршинами, въ ширину 6 саженъ; однокупольная (одноглавая), внутри четырехстолпная (съ двумя столпами въ срединѣ церкви и двумя въ олтарной преградѣ).

Въ описи монастыря 1641-го года читается о наружности церкви: „церковь середняя Сшествіе святаго Духа[1], камена, верхъ—одна глава, обита нѣмецкимъ желѣзомъ, крестъ рѣшетчатъ, золоченъ". Въ 1768-мъ году, какъ значится въ описи лавры этого года, церковь и съ олтаремъ еще была покрыта тесомъ. Въ 1780-мъ году тщаніемъ митр. Платона глава ея была позолочена червоннымъ листовымъ золотомъ и тогда же, вѣроятно, вмѣсто теса она покрыта была желѣзомъ; по крайней мѣрѣ въ описи лавры 1785-го года говорится, что всѣ церкви монастыря, а слѣдовательно—и наша Духовская, покрыты желѣзомъ. Въ 1808-мъ году, по замышленію митр. Платона, глава церкви была „отдѣлана на подобіе искусственной небесной сферы", о чемъ въ Краткомъ описаніи лавры читается: „по срединѣ проведенъ изъ мѣдныхъ аршинныхъ позлащенныхъ листовъ поясъ; сверху подъ яблокомъ сдѣлано мѣдное сіяніе и мѣстами по голубой землѣ положены мѣдныя, позлащенныя, разной величины, звѣзды, снизу по золоту украшено приличнымъ къ тому росписаніемъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, такъ-же по голубой землѣ, положены мѣдныя позлащенныя звѣзды, и крестъ на сей главѣ вновь позлащенъ листовымъ червоннымъ золотомъ". Платонову отдѣлку на подобіе небесной сферы глава отчасти сохраняетъ и до настоящаго времени (не совсѣмъ ясно говоритъ Краткое описаніе, но какъ будто только при митрополитѣ Платонѣ деревянная кровля на церкви замѣнена была желѣзной, см. конецъ главы IV)[2].

Нынѣшній иконостасъ церкви, трехъ-ярусный, розоваго дерева, сдѣланъ въ 1866-мъ году и замѣнилъ собою иконостасъ, сдѣланный митрополитомъ Платономъ въ 1778-мъ году.

Стѣннымъ письмомъ церковь впервые была росписана въ 1655-мъ году по приказанію патріарха Никона и съ пособіемъ отъ него въ 200 рублей. Потомъ письмо было возобновляемо въ 1788-мъ году и возобновлено въ 1866-мъ году.

Въ южномъ отдѣленіи олтаря церкви (діаконикѣ) при ея построеніи былъ устроенъ придѣлъ въ честь Усѣкновенія честныя главы Іоанна Предтечи,—ангела царя Ивана Васильевича (чѣмъ дается предполагать, что церковь была построена если не совсѣмъ на деньги государя, то болѣе или менѣе съ значительною его помощью). Придѣлъ существовалъ очень долгое время (въ описи монастыря 1641-го года онъ описывается) и былъ упраздненъ только въ 1774-мъ году. Въ 1568-мъ году была погребена въ придѣлѣ, какъ должно думать—по приказанію государя, родственница его—княгиня Марѳа Васильевна Бѣльская, жена князя Ивана Дмитріевича Бѣль-

---

[1] Въ Малороссіи до сихъ поръ Духовъ день въ воскресенье, а Троицынъ день въ понедѣльникъ,—Бандуриста Закревскаго, см. Троицкія пѣсни.

[2] Часть этой церкви см. на видѣ Троицкаго собора и окружающихъ его зданій, на стр. 177.

скаго (Марѳа Васильевна, дочь князя Василія Васильевича Шуйскаго, была внука царевича Казанскаго Петра, до крещенія—Даира Кудайгула, женатаго на дочери вел. кн. Ивана Васильевича III, и была выдана Грознымъ за Бѣльскаго въ 1554-мъ году)[1].

4. Филаретовская церковь.

Филаретовская церковь или церковь во имя святаго Филарета Милостиваго (память котораго 1-го декабря) прикладена въ 1867-мъ году къ южной стѣнѣ Духовской церкви (на иждивеніе покойнаго П. Г. Цурикова) съ тою мыслію или въ томъ намѣреніи, чтобы она служила усыпальницей для митрополита Филарета. Скончавшійся 19-го ноября того же 1867-го года митрополитъ Филаретъ дѣйствительно и былъ въ ней погребенъ. Послѣ Филарета погребенъ въ ней его преемникъ по каѳедрѣ митрополитъ Иннокентій, скончавшійся 31-го марта 1879-го года. А на паперти или въ притворѣ церкви погребенъ намѣстникъ лавры архимандритъ Антоній, скончавшійся 12-го мая 1877-го года.

Въ иконостасѣ церкви и пяти кіотахъ помѣщены иконы, которыя поднесены были митрополиту Филарету въ день 50-лѣтняго юбилея его архіерейства — 5-го августа 1867-го года. Въ двухъ шкафахъ находятся архіерейскія богослужебныя одежды, въ которыхъ митрополитъ Филаретъ служилъ въ послѣдніе дни жизни.

Въ церкви этой, какъ усыпальницѣ митрополита Филарета, учреждено непрерывное чтеніе псалтыри о упокоеніи его, равно какъ усопшихъ братій обители и прочихъ православныхъ христіанъ и благотворителей лавры[2].

5. Успенскій соборъ.

Успенскій соборъ построенъ по подобію Московскаго Успенскаго собора или представляетъ копію сего послѣдняго (въ общемъ, съ нѣкоторыми отступленіями въ частностяхъ). Онъ пятикупольный или пятиглавый, шестистолпный внутри, при чемъ четыре столпа въ самой церкви и два въ олтарной перегородѣ или стѣнѣ, пятиапсидный или съ пятью (а не тремя) олтарными полукружіями. Размѣры его: длина 19-ть саженей со стѣнами,

---

[1] См. *Карамзина*, т. VIII, прим. 586, col. 79; *А. Ѳ. Бычкова* Описаніе сборниковъ Импер. Публичной библіотеки, стр. 2, 140, 400. Въ верховьяхъ рѣки Вори, на сѣверозападъ отъ Радонежа, было село Бѣли и его (Бѣльскія) деревни. См. Собраніе госуд. грам. и догов., ч. I, стрр. 32, 34, 44, 255, 257, 261, 263, 376. Чтенія Общ. Ист. и Древн. Росс. за 1886 г., кн. III, стр. 83, 85, 97, 110. *М. С. Богомбскій* Историкогеографическій очеркъ предѣловъ Московской епархіи, М. 1894 г., стр. 29.

[2] Сенаникъ, вѣчный сенаникъ, повсядневный сельникъ (отъ село, т. е. тетрадь поминовенная, въ которую записаны давніе села?) и вседневный списокъ см. въ Описаніи Московскаго Богоявленскаго монастыря, сост. *еписк. Никодимомъ (Бѣлокуровымъ)* стр. 25 fin..

ширина 13-ть саженей и 1 аршинъ со стѣнами, вышина до 10 саженей, а съ южной стороны (такъ какъ мѣстность—нѣкоторый косогоръ или угоръ) и болѣе. Соборъ называется именно соборомъ (а не церковію), какъ вторая главная церковь въ монастырѣ послѣ Троицкаго собора (іеромонахи и іеродіаконы лавры раздѣляются на два собора—первый и второй: главная церковь перваго собора есть Троицкій соборъ; главная церковь втораго собора есть Успенскій соборъ).

Исторія построенія собора остается неизвѣстною. Онъ освященъ 15-го августа 1585-го года, что̀ было вторымъ годомъ правленія царя Ѳеодора Ивановича послѣ смерти отца, который умеръ 18-го марта 1584-го года. Но такъ какъ нельзя предполагать, чтобы очень большая церковь была складена и совсѣмъ приготовлена къ освященію въ одно лѣто—два лѣта,—то должно думать, что она начата строеніемъ въ тотъ или другой изъ послѣднихъ годовъ правленія Ивана Васильевича Грознаго. На чьи средства построена церковь—монастырскія или царскія, не знаемъ; но на основаніи того обстоятельства, что въ соборѣ устроены были два придѣла въ честь ангеловъ царя и царицы, представляется вѣроятнымъ думать, что церковь построена на средства государя или по крайней мѣрѣ съ весьма значительной помощью отъ него. Относительно побужденій, по которымъ построенъ соборъ, можемъ сказать слѣдующее. Есть запись о трехъ чудесахъ преп. Сергія, сдѣланная въ 1558-мъ году и читаемая въ одной рукописи Импер. Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ (№ 321, л. 605). Въ предисловіи къ записи говорится, что царь Иванъ Васильевичъ съ митрополитомъ Макаріемъ и всѣмъ освященнымъ соборомъ, съ игуменомъ и старцами Троицкаго монастыря рѣшилъ было построить въ монастырѣ большую церковь св. Троицы на мѣсто малой Никоновой, но что потомъ отложилъ намѣреніе изъ опасенія, что это можетъ быть неугоднымъ преп. Сергію. Такъ, дополняя это извѣстіе предположеніями, можно думать, что царь Иванъ Васильевичъ, отложивъ мысль построить большую церковь св. Троицы для мощей преп. Сергія, потомъ рѣшилъ во изъявленіе своего усердія къ преподобному все таки построить въ монастырѣ большую церковь, хотя и не съ назначеніемъ быть его—преподобнаго усыпальницею: монастырь давно сталъ знаменитымъ монастыремъ, обнесенъ былъ великолѣпной каменной стѣной, но не было въ немъ ни одной большой каменной церкви..... Въ 1556-мъ году въ Троицкомъ монастырѣ произведено было то преобразованіе въ отношеніи къ зданіямъ, что монашескія келліи, бывшія до тѣхъ поръ очень близко къ Троицкому собору, отнесены были къ стѣнамъ монастыря, а бывшія по-за кельямъ службы вынесены вонъ изъ монастыря. При этомъ образовалась на монастырѣ между церквами (Троицкимъ соборомъ и Духовскою церковью) и восточной линіей келей большая площадь (вмѣсто прежде бывшихъ и застроенныхъ службами задворковъ). Образованіе на монастырѣ большой площади вѣроятно поставлять въ связь съ построеніемъ Успенскаго собора двоякимъ образомъ. Можетъ быть, очистили большую площадь потому, что надумали построить въ монастырѣ большую церковь; можетъ быть, явив-

шаяся большая площадь, представлявшая изъ себя пустырь и требовавшая замѣщенія, повліяла на осуществленіе явившейся прежде мысли о построеніи въ монастырѣ большой церкви. Если бы принимать, что церковь начата была строеніемъ въ послѣднее время царствованія Ивана Васильевича, то съ нѣкоторою вѣроятностію могло бы быть предполагаемо, что церковь была со стороны государя одною изъ умилостивительныхъ жертвъ Богу за убіеніе сына, имѣвшее мѣсто 15-го ноября 1582-го года.

Въ церкви четыре престола: главный въ честь Успенія Божіей Матери и боковые во имя—великомученика Ѳеодора Стратилата (память 8-го февраля и 8-го іюня), мученицы Ирины (16-го апрѣля) и Николая чудотворца. Два первые придѣла, находящіеся въ двухъ южныхъ боковыхъ отдѣленіяхъ олтаря и посвященные ангеламъ царя Ѳедора Ивановича и его супруги, устроены при самомъ построеніи церкви; а третій придѣлъ—во имя Николая чудотворца, находящійся въ крайнемъ сѣверномъ предолтаріи, устроенъ во время осады лавры Поляками, какъ обѣтная церковь по случаю свирѣпствовавшей въ монастырѣ повальной болѣзни цынги, и освященъ 9-го мая 1609-го года[1].

Съ западной стороны находилась у собора большая паперть, построенная одновременно съ нимъ самимъ, „которая послѣ сдѣлана была трапезою“ (Кратк. описаніе), т. е. которая изъ сѣней къ церкви чрезъ поставленіе въ ней иконъ обращена была потомъ въ заднюю часть самой церкви. По причинѣ, должно думать, ветхости она была разобрана въ 1780—81-мъ году[2]. На планѣ собора въ книгѣ плановъ и фасадовъ она изображена съ тремя крыльцами или входами—западнымъ, сѣвернымъ и южнымъ [см. въ концѣ фототипическую таблицу № VIII]; по Описанію лавры 1768-го года у ней были два крыльца, при чемъ должны быть разумѣемы крыльца западное и южное; съ двумя крыльцами—западнымъ и южнымъ она изображена и на видѣ лавры XVII вѣка [см. въ концѣ таблицу № I].

Въ Краткомъ лѣтописцѣ Троицкаго монастыря подъ 1621-мъ годомъ читается: „того же лѣта у великія церкви Успенія Пречистыя Богородица верхи (куполы или главы) устроены бѣлымъ желѣзомъ и кіоты верхніе надъ олтаремъ (арки или полукруглыя нѣкоторыя углубленія снаружи) подписаны“. Въ описи монастыря 1641-го года читается: „церковь Успенія пречистые Богородицы камена, о пяти верхахъ, главы обиты нѣмецкимъ желѣзомъ, и на середней главѣ крестъ золоченъ, а четыре креста обиты нѣмецкимъ желѣзомъ“. Между 1754-мъ и 1758-мъ годами середняя глава была позолочена червоннымъ листовымъ золотомъ. Въ 1806-мъ году глава эта вся

[1] Объ устроеніи будто бы королевой Нидерландской Анной Павловной двухъ придѣловъ въ соборѣ см. Указатель къ Собранію мнѣній и отзывовъ м. Филарета слова Анна пророчица и Анна Павловна, стр. 21 col. 2 и Успенскій соборъ стр. 622.

[2] Что паперть разобрана была въ 1780—81-мъ году передъ самымъ строеніемъ нынѣшняго крыльца, это видно изъ дѣла о построеніи нынѣшней ризницы. Въ дѣлѣ говорится, что въ 1782-мъ году выбирали бутовой камень бывшей трапезы Успенскаго собора для фундамента новой ризницы.

покрыта мѣдью и вызолочена такъ-же, какъ кровля на Троицкомъ соборѣ, а въ 1807-мъ году меньшія четыре главы покрыты были голубою краскою и украшены мѣдными разной величины вызолоченными звѣздами. Въ настоящее время середняя глава золоченая, четыре боковыя главы выкрашены въ бѣлый цвѣтъ и покрыты разной величины мѣдными золоченными звѣздами.—Въ настоящее время главы собора имѣютъ форму луковицъ, а кровля на немъ четырехскатная. И то и другое есть позднѣйшее: первоначальныя главы были полусферическія (каковы до сихъ поръ главы на Московскомъ Успенскомъ соборѣ и какова до сихъ поръ глава на лаврскомъ Троицкомъ соборѣ), а крыша—по полукруглымъ фронтонамъ (какова она до сихъ поръ на Московскомъ Успенскомъ соборѣ и съ какою изображенъ и нашъ соборъ на видѣ лавры XVII вѣка, см. таблицу № I). Въ 1781-мъ году, послѣ того какъ разобрана была паперть собора, сдѣлано было вмѣсто нея нынѣшнее западное крыльцо съ надписью на фронтонѣ: „Вѣдомому Богу". Въ 1836-мъ году соборъ былъ обложенъ по низу дикимъ камнемъ. Въ 1898-мъ году подъ юго-западной частью собора сдѣлана усыпальница для умирающихъ митрополитовъ Московскихъ съ наружнымъ ходомъ въ нее въ южной стѣнѣ подлѣ южнаго крыльца въ соборъ. [Здѣсь погребены митрополиты Московскіе: Леонтій († 1 августа 1893 г.) и Сергій († 11 февраля 1898 г.). Усердіемъ московской купеческой вдовы Е. С. Ляминой устроена церковь во имя Всѣхъ Святыхъ съ тѣмъ, чтобы заупокойныя служенія въ ней по митр. Сергіѣ—совершались еженедѣльно по средамъ, субботамъ и воскресеньямъ, а также въ дни его рожденія и кончины. Иконостасъ въ этой церкви мраморный][1].

Въ главномъ олтарѣ собора запрестольный крестъ утвержденъ надъ двуглавымъ орломъ, который по преданію вырѣзанъ Петромъ Великимъ. Пятиярусный, рѣзной, огромныхъ размѣровъ, иконостасъ сдѣланъ на мѣсто первоначальнаго въ половинѣ прошедшаго столѣтія. Расположеніе рядовъ иконъ въ немъ иное, чѣмъ въ Троицкомъ соборѣ, а именно—совсѣмъ то, какое принято въ настоящее время, т. е. мѣстныя иконы, праздники, ряды: апостольскій, пророческій и праотеческій. Изъ четырехъ серебряныхъ ризъ на мѣстныхъ иконахъ три ризы—на иконахъ св. Троицы, Спасителя на престолѣ и Успенія Божіей Матери сдѣланы въ 1854-мъ году Московскимъ купцомъ Е. К. Маловымъ, а четвертая риза на иконѣ Благовѣщенія сдѣлана на монастырскій счетъ въ 1880-мъ году. Серебряныя лампады передъ мѣстными иконами, въ числѣ 9-ти, даны царями Іоанномъ и Петромъ Алексѣевичами въ 1686-мъ году, какъ видно изъ сдѣланныхъ на нихъ надписей. Въ олтарѣ вдоль иконостаса, поверхъ дверей, устроены, подобно тому какъ это въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ и нѣкоторыхъ другихъ большихъ старыхъ (сохраняющихъ старые, XVIII-го вѣка, иконостасы, напр. въ Московскомъ Донскомъ монастырѣ, соборѣ г. Смоленска и др.) церквахъ, три ряда или три яруса хоръ (галлерей). На хорахъ этихъ

[1] См. Историч. описаніе Св. Тр. Сергіевы лавры. Св. Т. С. Л. 1902 г., стр. 26.

поютъ пѣвчіе въ праздникъ Успенія Божіей Матери, при чемъ для того, чтобы пѣніе слышно было въ церкви, вынимается изъ верхняго ряда иконостаса нѣсколько иконъ (а назначеніе этихъ хоръ есть то, чтобы въ случаѣ нужды и по мѣрѣ нужды вынимать съ нихъ иконы изъ иконостаса и чтобы вообще при помощи ихъ содержать въ опрятности сей послѣдній). Въ 1880—81-мъ году рѣзьба иконостаса исправлена и онъ вызолоченъ вновь, а также и иконы очищены отъ позднѣйшихъ исправленій и реставрированы (равно какъ исправлены и бронзированы и находящіяся въ соборѣ паникадила).

Въ описи монастыря 1641-го года упоминается какая-то верхняя палатка, находившаяся въ Успенскомъ соборѣ: „въ церкве пресвятые Богородицы Успеніе въ верхней полаткѣ деисусъ вышитъ на пеленѣ, тафта червчата“... (описаніе пелены и болѣе ничего).

Стѣннымъ письмомъ соборъ впервые покрытъ былъ въ 1684-мъ году; оно произведено было на деньги (4 тысячи рублей), которыя оставилъ для сей цѣли архіепископъ Рязанскій Моусей, скончавшійся и погребенный въ нашемъ соборѣ въ 1651-мъ году (см. о немъ сейчасъ ниже). Отчасти живопись была возобновлена въ 1777-мъ году, а вполнѣ была возобновлена въ продолженіе 1865—1866-го годовъ (на иждивеніе Московскаго купца О. П. Тюляева). Никакъ нельзя отозваться о живописи съ особенной похвалой въ отношеніи художественномъ и если когда было бы извинительно и желательно отступленіе отъ древняго подлинника, такъ это въ нашемъ случаѣ.

У южной стороны собора, близъ иконостаса, на томъ мѣстѣ, гдѣ въ Троицкомъ соборѣ находится рака съ мощами преподобнаго Сергія, до 1786-го года стоялъ гробъ преподобнаго Сергія, въ которомъ онъ былъ было погребенъ въ землѣ и изъ котораго мощи его, по изнесеніи ихъ изъ земли, переложены были въ новую раку. Въ описи монастыря 1641-го года читается: „у полуденныхъ дверей (собора) гробъ древянъ чюдотворца Сергія, въ которомъ мощи обрѣли, верхняя доска разнята на иконы, а въ то мѣсто верхняя доска новая, на ней написанъ образъ чюдотворца Сергія; на гробу покровъ отласъ таусинной, ветхъ, на немъ шитъ образъ розными шолки, а вѣнецъ шитъ золотомъ и серебромъ, подпись шита золотомъ; въ кіотахъ образовъ надъ гробомъ чюдотворца Сергія“... (около 30-ти). Въ 1786-мъ году гробъ перенесенъ былъ въ церковь Виѳанскаго монастыря, въ которой (изъ двухъ нынѣшнихъ въ старой Платоновской) и находится до настоящаго времени.

Бронзовая рѣшотка по солеѣ собора сдѣлана въ 1880-мъ году. Въ томъ же году насланъ нынѣшній плитяный полъ вмѣсто бывшаго чугуннаго.

Въ соборѣ находятся надгробные памятники надъ погребенными въ немъ: въ сѣверо-западномъ углу—королевой Маріей Владимировной и ея дочерью королевной Евдокіей; по южной половинѣ западной стѣны или направо отъ входа: архіепископомъ Рязанскимъ Моусеемъ, архіепископомъ Московскимъ Августиномъ и митрополитомъ Московскимъ Макаріемъ.— Марія, въ монашествѣ Маѳа, Владимировна была дочь Старицкаго

князя Владимира Андреевича, двоюроднаго брата Ивана Васильевича Грознаго (внука Ивана Васильевича III, отравленнаго Грознымъ вмѣстѣ съ женой и сыновьями въ 1569-мъ году). Въ 1573-мъ году Грозный выдалъ ее замужъ за Датскаго принца Магнуса, который изъявилъ готовность стать Ливонскимъ королемъ, подручникомъ Московскаго царя, и который, получивъ титулъ короля, но не видавъ королевства, ибо Грозный только мечталъ, но не въ состояніи оказался создать послѣднее, въ 1578-мъ году бѣжалъ отъ царя съ женой къ Польскому королю Стефану Баторію[1]. Въ Польшѣ въ 1580-мъ году родилась у Магнуса отъ Маріи Владимировны дочь, по имени Евдокія, которая крещена была въ нашу православную вѣру. Послѣ смерти Магнуса, случившейся въ 1583-мъ году, Годуновъ (какъ принимаютъ) ложными обѣщаніями заставилъ Марію Владимировну возвратиться въ Россію, а по возвращеніи ея въ Россію принудилъ ее принять монашество (съ именемъ Марѳы) и поселилъ ее въ Подсосенскомъ монастырѣ, находившемся въ 7-ми верстахъ отъ лавры, что̀ нынѣ село Подсоснино. Дочь ея Евдокія скончалась 18-го марта 1589-го года, а она сама жила до 1614-го года, при чемъ время осады лавры Поляками провела въ послѣдней, бывъ замѣшана въ сплетни объ измѣнѣ; скончалась въ Московскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ (ибо Подсосенскій монастырь былъ уничтоженъ Поляками) въ іюлѣ мѣсяцѣ указаннаго года до 17-го числа (надпись на самомъ памятникѣ невѣрна).—Моусей, архіепископъ Рязанскій, въ мірѣ (Максимъ) былъ протопопомъ Московскаго Благовѣщенскаго собора и духовникомъ царя Михаила Ѳеодоровича; принялъ монашество въ Троицкомъ монастырѣ, вѣроятно, въ 1635-мъ году, ибо подъ симъ годомъ записанъ его вкладъ въ монастырь; бывъ поставленъ въ архіепископы Рязанскіе 10-го января 1638-го года, скончался въ Рязани 15-го февраля 1651-го года, послѣ чего перевезенъ былъ для погребенія къ Троицѣ; онъ оставилъ послѣ себя, какъ мы сказали, 4 тысячи рублей на украшеніе стѣннымъ письмомъ Успенскаго собора.—Архіепископъ Московскій Августинъ скончался 3-го марта 1819-го года (см. о немъ въ спискѣ настоятелей № 71).—Митрополитъ Московскій Макарій скончался 9-го іюня 1882-го года (ibid. № 75).

На паперти или въ трапезѣ Успенскаго собора погребены были тѣла царя Бориса Ѳедоровича Годунова, его супруги Маріи Григорьевны, его сына Ѳеодора и его дочери Ксеніи, въ монашествѣ Ольги. Борисъ Ѳедоровичъ Годуновъ, скончавшійся 13-го апрѣля 1605-го года, погребенъ былъ въ усыпальницѣ царской—Архангельскомъ соборѣ, но когда въ іюнѣ 1605-го года Москва признала самозванца, то тѣло его было выкопано изъ могилы въ соборѣ и вмѣстѣ съ тѣлами убитыхъ тогда (10-го іюня) его супруги и сына погребено было въ Варсонофьевскомъ дѣвичьемъ монастырѣ (находившемся въ Варсонофьевскомъ переулкѣ между Рождественской и Лубянской улицами,—убогомъ, но бывшемъ не на „убогихъ домахъ“). По прика-

[1] Ср. *С. А. Бѣлокурова*: О библіотекѣ Московскихъ государей, стр. 258 прим.

занію царя Василія Ивановича Шуйскаго, тѣла Бориса Ѳедоровича, его супруги и сына съ честью перенесены были къ Троицѣ въ 1606-мъ году, а несчастнѣйшая Ксенія Борисовна погребена была, согласно ея предсмертной просьбѣ къ царю Михаилу Ѳедоровичу, вмѣстѣ съ родителями послѣ ея кончины во Владимирскомъ Успенскомъ или въ одномъ изъ Суздальскихъ женскихъ монастырей, послѣдовавшей 30-го августа 1622-го года[1]. Когда была уничтожена паперть Успенскаго собора, могилы всѣхъ четверыхъ оказались на волѣ, подъ открытомъ небомъ, и надъ ними устроена была донынѣ находящаяся надъ ними палатка. Въ описи монастыря 1641-го года читается о гробницахъ Бориса Ѳедоровича и членовъ его семьи на паперти Успенскаго собора: „въ паперти надъ гробницами образовъ, гдѣ положенъ царь Борисъ и царица Марья и царевичъ Ѳедоръ и царевна Ольга: въ кіотѣ два образа мѣстныхъ, писаны на празелени, образъ живоначальные Троицы, образъ пресвятые Богородицы Коневскіе, образъ Бориса и Глѣба, писаны на золотѣ; вверху надъ большими образами шесть образовъ окладные, въ кіотѣ два образа окладныхъ—образъ Спасовъ да видѣніе чюдотворца Сергія; у гробницъ четыре свѣчи поставные восковые, насвѣчники желѣзные; на гробницахъ же царя Бориса и царицы и царевны три покрова черные, на царевичевѣ гробницѣ покровъ червчатъ, повся-

---

[1] При убіеніи матери и брата оставленная въ живыхъ, чтобы поступить на ложе самозванца, послѣ довольно продолжительнаго пребыванія въ гаремѣ послѣдняго, она была пострижена въ монахини съ именемъ Ольги въ Горицкомъ Воскресенскомъ монастырѣ, находящемся на Шекснѣ, въ 6-ти верстахъ отъ г. Кирилова и отъ Кириллова-Бѣлозерскаго монастыря. Вызванная отсюда царемъ Иваномъ Васильевичемъ Шуйскимъ для сопровожденія тѣлъ своихъ родителей изъ Москвы къ Троицѣ, она осталась потомъ жить, чтобы быть близъ гробовъ родителей, въ Подсосенскомъ монастырѣ, находившемся въ 7-ми верстахъ отъ Троицкаго монастыря, который былъ ктиторіею ея отца. При подступленіи Поляковъ подъ Троицкій монастырь она укрылась въ стѣнахъ этого послѣдняго со всѣми старицами Подсосенскаго монастыря и провела въ немъ все время осады. По окончаніи осады (12-го января 1610-го года), такъ какъ при этомъ разрушенъ былъ Поляками Подсосенскій монастырь, она поселилась въ Московскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ, который во второй половинѣ августа 1610-го года заняли тѣ же Поляки и въ которомъ, вѣроятно, она подверглась новому безчестію, какъ намекаетъ одно извѣстіе о ней (см. у *Платонова* въ Сказаніяхъ о смутн. времени, стр. 153, прим.). Послѣ взятія монастыря у Поляковъ Русскими 27-го мая 1611-го года и послѣ его разрушенія (чтобы опять не засѣли въ немъ Поляки) она, бывъ до нага ограблена (вмѣстѣ съ королевой Марьей Владимировной) подлыми казаками Заруцкаго (Собр. госудд. грамм. и договв. II, 585, col. 1 нач.), отослана была вмѣстѣ съ другими старицами монастыря во Владимиръ. Во Владимирскомъ Успенскомъ монастырѣ или же въ одномъ изъ Суздальскихъ монастырей она и скончалась,—отрывокъ грамоты царя Михаила Ѳедоровича Суздальскому архіепископу о погребеніи Ксеніи Борисовны въ Акт. Экспед., т. III, № 125, стр. 176. Арсеній Елассонскій въ своихъ мемуарахъ называетъ ее „красивѣйшею“. Труды Кіевской духовной академіи 1899 г. апрѣль, стр. 635.

дневные, на нихъ шиты кресты".—Соборная паннихида надъ гробницами Годуновыхъ ежегодно поется 1-го мая (ошибочно какъ-то принятаго за день кончины Бориса Ѳедоровича).

Не одинъ разъ, сколько знаемъ, возникала мысль, чтобы по возможности хорошо отдѣлать Успенскій соборъ и чтобы на лѣта, когда въ лаврѣ бываетъ очень большое стеченіе богомольцевъ, переносить въ него мощи преподобнаго Сергія изъ слишкомъ тѣснаго Троицкаго собора. Нельзя не пожелать, чтобы мысль эта была приведена въ исполненіе[1].

6. Смоленская церковь.

На томъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ теперь Смоленская церковь или церковь въ честь Смоленской иконы Божіей Матери (иконы Божіей Матери, именуемой Одигитріей) въ началѣ XVIII вѣка стояло каменное зданіе, въ которомъ помѣщались служнія или людскія трапеза и поварня (это собственно была братская поварня, обращенная въ служнюю трапезу-поварню послѣ того, какъ на мѣсто прежней братской трапезы, при которой она была и которая находилась тамъ, гдѣ теперь колокольня, была построена нынѣшняя трапеза, см. ниже въ гл. IV). На наружной стѣнѣ зданія стояла икона Смоленской Божіей Матери. Въ 1730-мъ году эта икона представилась въ сонномъ видѣніи одному монастырскому псаломщику, который имѣлъ пригнутыя къ спинѣ и изсохшія руки и который послѣ сего получилъ исцѣленіе. Для прославившейся чудотвореніемъ иконы зданіе трапезы-поварни въ 1735-мъ году, по именному указу импер. Анны Іоанновны, и обращено было въ церковь Смоленской иконы Божіей Матери. Но зданіе скоро оказалось ветхимъ и на деньги, пожертвованныя графомъ А. Г. Разумовскимъ въ количествѣ 4654 рублей 38 копѣекъ (!), по разобраніи старой церкви, была поставлена новая церковь, существующая до настоящаго времени. Новая церковь начата была строеніемъ въ 1746-мъ году, окончена въ 1748-мъ году и освящена въ присутствіи императрицы Елизаветы Петровны 6-го іюня 1753-го года.

Церковь овальной фигуры; въ окружности имѣетъ 19-ть саженъ, а въ діаметрѣ отъ горняго мѣста до западныхъ дверей—5-ть саженъ. Глава на церкви вызолочена червоннымъ листовымъ золотомъ въ 1780-мъ году. Въ 1854-мъ году къ церкви пристроена паперть и она, бывъ вся реставрирована, сдѣлана теплою (въ первоначальномъ своемъ видѣ церковь, не смотря на свои малые размѣры, имѣла, какъ видно изъ описи лавры 1768-го года, три крыльца, т. е. на западъ, сѣверъ и югъ, изъ бѣлаго камня)[2].

---

[1] [Во время ремонта Троицкаго собора 1904—1905 г.г. мощи преп. Сергія находились здѣсь въ лѣтнее время].

[2] [Планъ и видъ церкви изъ книги плановъ и фасадовъ (Альбома 1745 г.) см. на приложенныхъ здѣсь фототипическихъ таблицахъ №№ IX и XIII. Теперешній видъ церкви см. на рисункѣ на стр. 227].

Иконостасъ въ церковь, вызолоченный червоннымъ золотомъ, былъ устроенъ тѣмъ же графомъ Разумовскимъ, которымъ была построена и самая церковь. Въ 1756-мъ году графъ П. Б. Шереметевъ устроилъ на икону Смоленской Божіей Матери ризу и окладъ серебряные, вокругъ украшенные жемчугомъ, и алмазную корону съ разными каменьями. Въ 1781-мъ году церковь была росписана голубою краскою съ пристойными украшеніями. Въ 1854-мъ году иконостасъ церкви сдѣланъ подъ мраморъ и стѣны ея вновь росписаны.

7. Трапезная церковь преподобнаго Сергія.

Трапезная церковь во имя преподобнаго Сергія вмѣстѣ съ самой трапезой построена въ продолженіе 1686—1692-го годовъ, монастырскимъ иждивеніемъ, по приказанію царей Іоанна и Петра Алексѣевичей (о прежней трапезѣ, находившейся на мѣстѣ нынѣшней колокольни, съ церковію при ней преподобнаго Михаила Малеина, ангела царя Михаила Ѳедоровича, см. ниже въ главѣ IV). Въ длину вмѣстѣ съ алтаремъ, трапезою и папертью, включая и стѣны, церковь имѣетъ 34 сажени, въ ширину, также со стѣнами,—9-ть саженъ. Окна церкви обставлены рѣзными колоннами (которыя до 1837-го года были изъ камня, а теперь изъ алебастра?)[1], которыя расписаны разными красками; снаружи стѣны росписаны на подобіе шахмата (такъ это было въ XVIII вѣкѣ, такъ это съ недавняго времени и теперь). Вокругъ церкви идетъ открытая галлерея на сводахъ, имѣющая протяженія до 100 саженей, высланная чугуномъ. Крыльца, ведущія на галлерею, въ настоящее время простыя, въ старое время были украшены рѣзными колоннами и рѣзными фигурами[2], а главное изъ нихъ сѣверо-западное и находилось не на самомъ сѣверо-западномъ концѣ галлереи, а прямо противъ входа въ паперть за Михеевскою церковію и было устроено иначе, чѣмъ теперь, а именно—какъ приставленная къ галлереѣ площадка съ всходами на нее съ двухъ сторонъ—восточной и западной (на сейчасъ указанномъ мѣстѣ и въ сейчасъ указанномъ видѣ находимъ крыльцо въ много разъ помянутой выше книгѣ плановъ и фасадовъ 1745-го года), [см. ниже на приложенныхъ фототипическихъ таблицахъ VI и XVI].

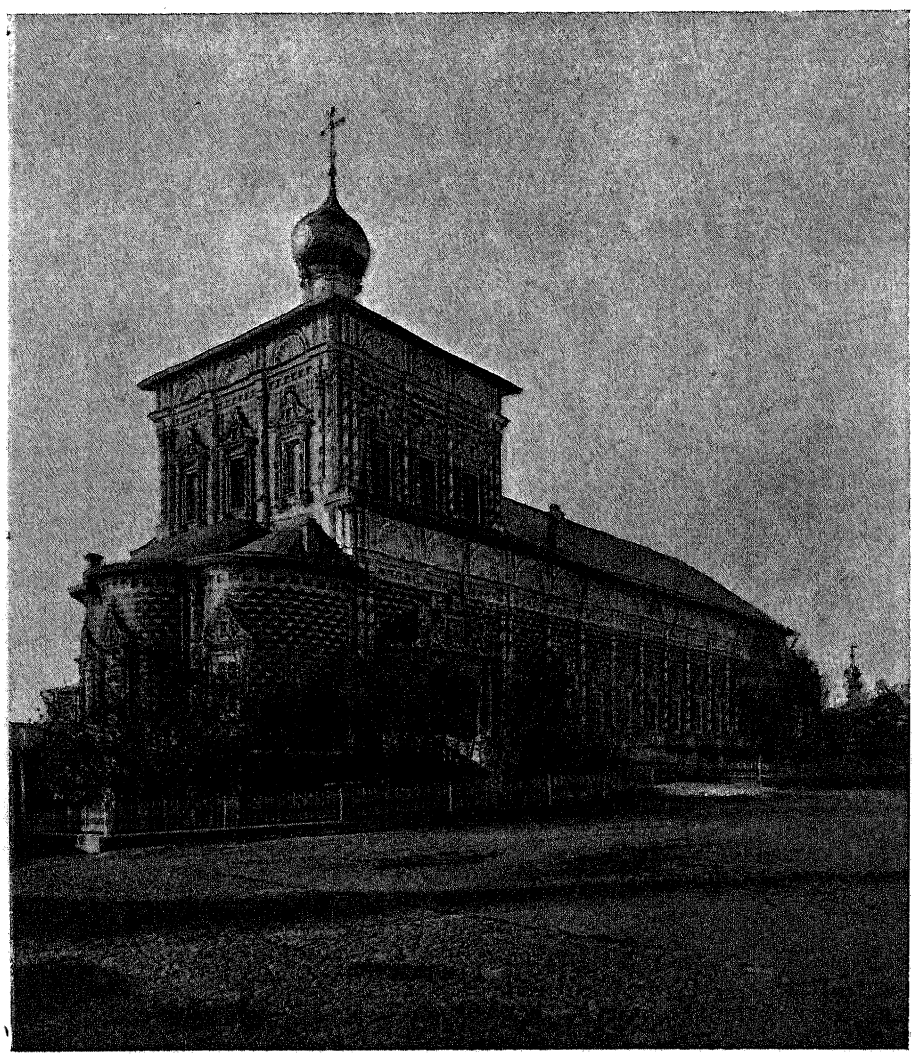
---

[1] Митр. Филаретъ спрашиваетъ намѣстника Антонія въ письмѣ отъ 7-го іюня 1837-го года: „прежнія украшенія около трапезной церкви были, кажется, изъ камня, а не изъ алебастра: нынѣшняя работа изъ алебастра на воздухѣ будетъ ли прочна?“

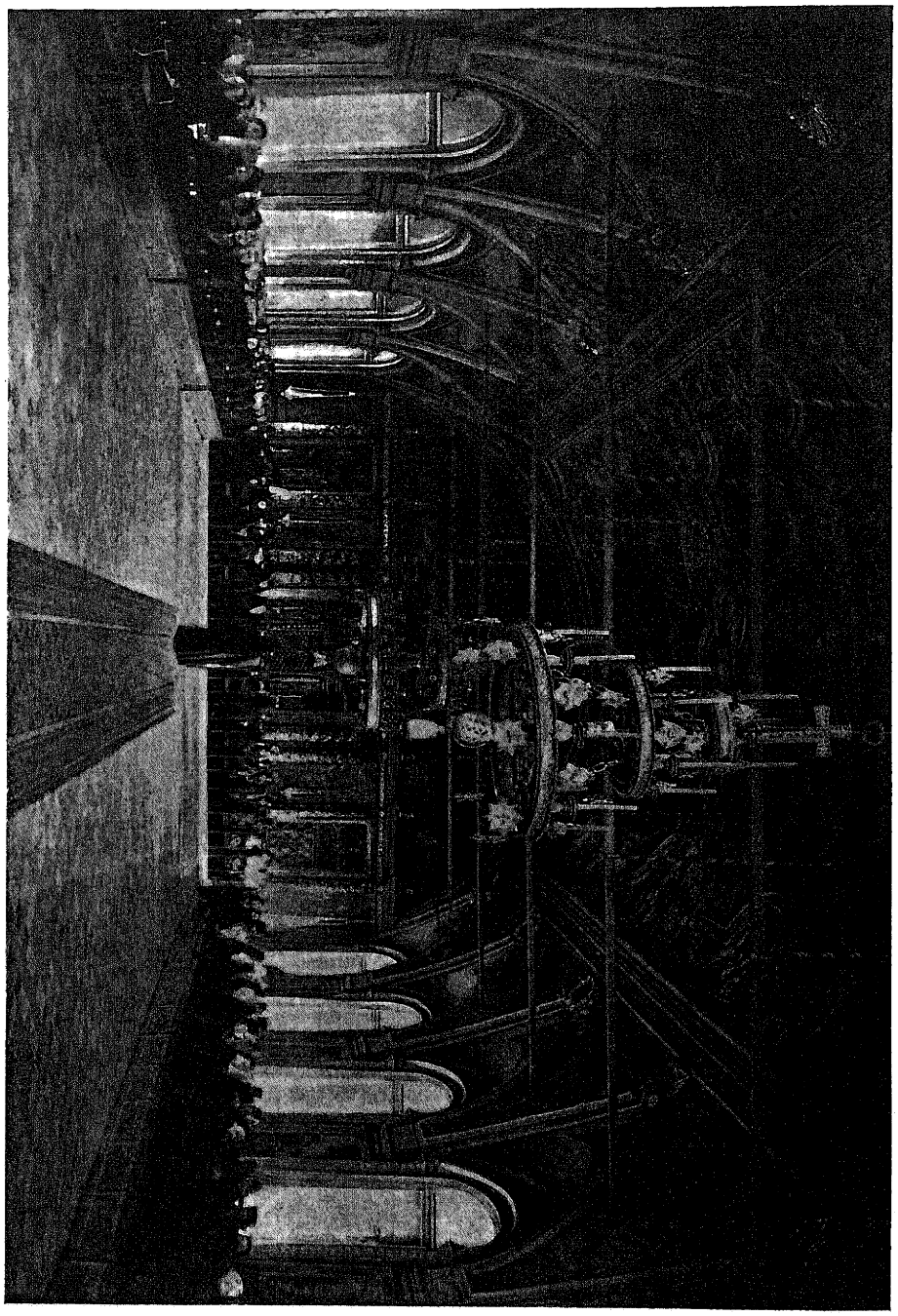
[2] Впрочемъ, относительно крылецъ Краткое описаніе противорѣчитъ самому себѣ: въ первомъ, 1782-го года, изданіи ясно говорится о нихъ, какъ о крыльцахъ, ведущихъ на галлерею; во второмъ и третьемъ, 1790-го и 1796-го годовъ, изданіяхъ говорится такъ, что скорѣе должно разумѣть крыльца на галлерею, а не съ галлереи въ церковь, но можно разумѣть и второе, а начиная съ изданія 1801-го года такъ, что должно разумѣть второе. Если принимать это второе, то крыльца съ галлереи въ церковь или крыльца въ церковь, стоящія на галлереѣ, и до сихъ поръ остаются цѣлыми.

Глава и крестъ на церкви были вызолочены червоннымъ золотомъ между 1752-мъ и 1758-мъ годами, а въ 1808-мъ году покрыты золоченою мѣдью, какъ середняя глава на Успенскомъ соборѣ. „Надъ сею трапезою,— говоритъ Краткое описаніе лавры,— особливаго примѣчанія достойна желѣзная кровля, сдѣланная искуснѣйшимъ механическимъ образомъ, ибо она поддерживается однимъ равновѣсіемъ, чрезъ уменьшеніе у одной части черезъ другую тяжести". Эта замѣчательная кровля сдѣлана въ 1749-мъ году послѣ бывшаго въ лаврѣ въ предшествующемъ 1746-мъ году большаго пожара, замѣнивъ собою бывшую до пожара деревянную кровлю.

О нынѣшнемъ иконостасѣ церкви и о нынѣшней живописи церкви и трапезы, которые, какъ почти и все въ теперешней лаврѣ, идутъ отъ



Трапезная церковь преп. Сергія.



Соборный столъ въ трапезѣ въ большой праздникъ.
(къ стр. 215).

митрополита Платона, тоже Краткое описаніе говоритъ: „Оная церковь съ олтаремъ, трапезою и сѣньми (папертью) украшена внутри и росписана превосходною живописью (до которой, какъ значится въ описи лавры 1768-го года, стѣны и своды церкви были убраны штукатурною работою и мѣстами раскрашены краскою): въ ней иконостасъ, позлащенной и мѣстами по серебру прикрытой голубою краскою, сдѣланъ вновь, и святыя иконы, кромѣ нижнихъ мѣстныхъ образовъ, написаны наилучшею живописною работою, а на стѣнахъ клеймы позлащены червоннымъ золотомъ, а прочія штукатурныя фигуры посеребрены; краски же положены въ олтарѣ вердеповаго (зеленаго), въ церкви голубаго, въ трапезѣ палеваго, а въ сѣняхъ розоваго цвѣта, которое все внутреннее украшеніе сдѣлано въ 1778 и 1780 годахъ тщаніемъ преосвященнаго митрополита Платона". Между 1840—1847-мъ годами стѣнная живопись была возобновлена. Въ 1883-мъ году иконостасъ позолоченъ вновь, а живопись опять возобновлена. Передъ амвономъ виситъ большое мѣдное паникадило съ литыми изображеніями Спасителя и 12-ти апостоловъ,—вкладъ царя Ивана Васильевича Грознаго (какъ будто оно есть то паникадило, которое въ 1641-мъ году находилось въ Троицкомъ соборѣ и о которомъ мы привели выше слова описи монастыря сего года); а костяной шаръ подъ паникадиломъ, по преданію, работы Петра Великаго.—Въ церкви съ олтаремъ полъ мраморный, а въ трапезѣ—чугунный. [Въ олтарѣ за престоломъ нынѣ находится серебрянный седмисвѣщникъ, устроенный митроп. Платономъ, см. выше стр. 183].

Надъ церковію, именно—надъ одною церковію безъ трапезы, находится верхній этажъ. Въ этомъ верхнемъ этажѣ помѣщается монастырская библіотека.

Самая трапеза не служитъ для вседневнаго употребленія; въ ней только учреждаются соборные столы въ большіе праздники и въ высокоторжественные дни [см. снимокъ на стр. 214]; а будничная трапеза братіи—въ пристройкѣ къ трапезѣ съ южной стороны.

Подъ трапезною церковію и подъ трапезой устроены братская кухня и хлѣбопекарня со всякими амбарами и кладовыми для съѣстныхъ припасовъ и страннопріимная столовая для простаго народа (служащая главнымъ образомъ для зимы, ибо лѣтомъ, за исключеніемъ дней ненастныхъ, народъ кормится на открытомъ воздухѣ, на поставленныхъ у столовой столахъ), заведенная намѣстникомъ Антоніемъ въ 1834-мъ году.

8. Михеевская церковь.

Михеевская церковь или церквица, такъ какъ размѣрами она очень не велика, построена надъ гробомъ преподобнаго Михея, бывшаго ученикомъ и келейникомъ преподобнаго Сергія, въ честь явленія преподобному Сергію Божіей Матери съ апостолами Петромъ и Іоанномъ, при каковомъ явленіи сподобился присутствовать и преподобный Михей (о семъ явленіи см. выше стр. 67). Церковь построена въ 1734-мъ году по особому усердію къ преподобному Михею архимандрита лавры Варлаама

Высоцкаго, на что испрошено было высочайшее соизволеніе и разрѣшеніе св. Сунода (въ описяхъ лавры 1768-го и 1785-го годовъ и въ нѣкоторыхъ монастырскихъ актахъ церковь называется церковію Смоленской Божіей Матери; въ описи 1768-го года „церковь во имя пресвятыя Богородицы Смоленскія, гдѣ гробница преподобнаго Михея чудотворца“...., и потомъ о собственной Смоленской церкви: „церковь во имя Смоленскія жъ пресвятыя Богородицы“)...

Фигурой церковь шестиугольная; длина ея—5 саженей, ширина 2 сажени. Покрыта бѣлымъ желѣзомъ или жестью вмѣсто дерева послѣ пожара 1746-го года, въ который она горѣла. Въ 1781-мъ году она росписана внутри и въ ней сдѣланъ былъ новый позолоченный иконостасъ. Въ 1842-мъ году ея внутреннее устройство было возобновлено (при ея освященіи 27-го сентября сего года митр. Филаретъ произнесъ одну изъ наиболѣе знаменитыхъ своихъ проповѣдей). Въ 1871-мъ году на иждивеніе купца М. И. Шапошникова произведена полная ея реставрація: иконостасъ ея вновь вызолоченъ, гробница преподобнаго Михея (находящаяся у южной стѣны церкви) покрыта новою серебряною ризою, стѣнное росписаніе возобновлено, глава и крестъ вызолочены черезъ огонь.

Замѣчательна кровля на церкви: она по своей формѣ есть такъ называемая голландская, какъ бы двуэтажная. Въ прошломъ столѣтіи этой кровлей были покрыты въ лаврѣ всѣ корпуса келей, а теперь она сохранилась только на нашей церкви.

На видѣ лавры XVII вѣка [см. въ приложеніи таблицу № I] между Духовскою церковію и бывшею тогда южною линіею келей, на мѣстѣ которой стоитъ теперешняя трапезная церковь, показана палатка „преподобнаго Михея чудотворца“. Но въ Краткомъ описаніи лавры говорится, что до построенія церкви гробъ преподобнаго Михея стоялъ подъ парадным трапезнымъ крыльцомъ, т. е. подъ сѣверо-западнымъ крыльцомъ трапезы, которое, какъ мы сейчасъ сказали (въ рѣчахъ о трапезной церкви) въ прежнее время находилось прямо противъ входа въ паперть трапезы, за Михеевской церковью. Если описаніе не ошибается, то это необходимо понимать такъ, что при построеніи трапезной церкви надгробная палатка пришлась подъ крыльцомъ церкви и что она была уничтожена, при чемъ сохранено было только находившееся въ ней надгробіе надъ могилой преподобнаго. А изъ этого будетъ слѣдовать, что церковь поставлена не надъ гробомъ, а близъ гроба преподобнаго (странно, что при самомъ построеніи церкви не сдѣлали того, что̀ сдѣлали послѣ, а именно—что не перенесли крыльца далѣе, такъ чтобы церковь могла быть поставлена надъ самымъ гробомъ преподобнаго Михея). [См. въ концѣ книги фототипич. таблицы подъ №№ V, VI, XV и XVI].

Преподобный Михей естъ мѣстный святой Троицкой лавры.

9. Больничная [бывшая] церковь преподобныхъ Зосимы и Савватія Соловецкихъ,

находящаяся въ линіи западнаго или такъ называемаго казначейскаго корпуса келей, построена въ продолженіе 1635-го—1637-го годовъ, о чемъ въ Краткомъ лѣтописцѣ монастыря записано подъ первымъ годомъ: „Того же лѣта почали дѣлать больницы новые каменные, четыре келіи, и церковь каменна преподобныхъ чюдотворцовъ Зосимы и Савватія Соловецкихъ, и совершена же бысть въ лѣто 7145 (1637-е) и священа бысть архимаритомъ Нектаріемъ того же лѣта мѣсяца августа въ 5 день". Тогдашній келарь лавры Александръ Булатниковъ былъ изъ монаховъ Соловецкихъ и по его усердію, какъ должно думать, церковь и посвящена была Соловецкимъ чудотворцамъ. Длина ея съ олтаремъ и съ находящеюся при ней трапезой 10 саженъ съ половиной; ширина—5 саженъ. Верхъ ея имѣетъ форму коническую, шатровую. [См. на снимкѣ, помѣщенномъ на стр. 227].

По описи монастыря 1641-го года у церкви было пять колоколовъ, а по описи монастыря 1768-го года при ней показана стоявшая неизвѣстно гдѣ и представлявшая изъ себя неизвѣстно что̀, колокольня: „при той церкви колокольня каменная жъ".

Больница при церкви съ самаго перваго времени, какъ и до [послѣдняго] времени, была не больницей въ собственномъ смыслѣ слова, а богадѣльней для престарѣлыхъ монаховъ монастыря, не могшихъ нести никакихъ послушаній, которыхъ опись 1641-го года называетъ „старцами больничными", а позднѣйшіе нѣкоторые акты „немощными старичками" (о церкви Зосимы и Савватія жители Посада выражались: служба старичковъ, пошолъ молиться къ старичкамъ, молился у старичковъ).

[Въ настоящее время церковь Зосимы и Савватія служитъ мѣстомъ исповѣди и причащенія св. Таинъ для богомольцевъ, для которыхъ здѣсь ежедневно бываетъ всенощная и правило ко св. Причащенію][1].

10. Церковь св. Іоанна Лѣствичника.

Устроена въ 1893—1896 г.г. при новомъ зданіи больницы-богадѣльни, въ третьемъ этажѣ, вдаваясь частію въ это зданіе, а частію выступая изъ него на востокъ. Иконостасъ здѣсь весь золоченый, полъ мозаичный, стѣны росписаны иконописью въ 1901 г. Палеховскимъ иконописцемъ Н. М. Сафоновымъ. Въ сей церкви имѣется, за лѣвымъ клиросомъ, въ сребропозлащенномъ складнѣ-ковчегѣ довольно большая часть св. мощей великомученика Пантелеимона, а за правымъ клиросомъ—врѣзана въ икону часть одежды, прилегавшей къ мощамъ святителя Ѳеодосія Черниговскаго чудотворца. Заслуживаетъ вниманія паникадило въ видѣ креста изъ виноградныхъ лозъ съ 33 лампадами по числу лѣтъ земной жизни Спасителя. Рисунокъ иконостаса и паникадила см. въ книгѣ *епископа Никона* Житіе и подвиги преп. Сергія, изд. 5-ое, 1904 г., стрр. 121 и 239].

[1] См. Историч. описаніе лавры, 1902 г., стр. 30.

11. Церковь мученицъ Варвары, Анастасіи и Акилины.

Церковь мучч. Варвары и Анастасіи первоначально была устроена въ 1853-мъ году въ верхнемъ этажѣ корпуса [бывшей] страннопріимной, а вмѣстѣ и монашеской, больницы, называемаго по ней Варваринскимъ (на иждивеніе графини Варвары Александровны Татищевой, въ схимномъ иночествѣ Анастасіи). [Нынѣ этотъ корпусъ называется Пѣвческимъ, такъ какъ въ немъ помѣщаются малые пѣвчіе, для которыхъ тутъ же открыта въ 1901 году церковно-приходская школа][1].

Въ этой церкви помѣщалась большая, во весь ростъ, икона преподобнаго Сергія, которая носится по домамъ жителей Посада и которая, какъ должно думать, служила верхней доской для деревянной раки преподобнаго Сергія, пока онъ лежалъ въ этой ракѣ (см. выше рѣчи о Троицкомъ соборѣ)[2].

[Нынѣ церковь св. великомученицъ Варвары, Анастасіи и Акилины находится въ новомъ зданіи больницы-богадѣльни, въ нижнемъ полуэтажѣ, куда перенесена изъ прежней больницы; освящена въ 1901 году. Здѣсь помѣщаются покойники, умирающіе въ лаврской больницѣ, для чтенія надъ ними евангелія или псалтиря и для отпѣванія][3].

О самой больницѣ въ собственномъ смыслѣ слова, монашеской и страннопріимной, см. ниже въ гл. VII.

12. Надворотная церковь Іоанна Предтечи.

Церковь стоитъ не надъ самыми святыми воротами въ монастырь, надъ которыми стоитъ башня, а впереди святыхъ воротъ (или стѣны, въ которыхъ ворота) на 7-мь саженъ, на особой аркѣ (при чемъ въ монастырѣ принято считать и называть святыми воротами главнымъ образомъ именно эту арку). Подобное мѣстоположеніе надворотной церкви необходимо объяснять такъ, что она стоитъ на самомъ мѣстѣ надворотной церкви, бывшей при преподобномъ Сергіи, и на линіи стѣны, какъ послѣдняя шла при преподобномъ, а что нынѣшняя каменная стѣна (построенная въ продолженіе 1540—1550-го годовъ) отодвинута далѣе отъ прежней стѣны на то разстояніе, которое между нею и церковію.

Преподобный Сергій поставилъ надъ святыми воротами своего монастыря, послѣ того какъ благоустроилъ его, церковь во имя великому-

---

[1] См. Историч. описаніе лавры, 1902 г., стр. 30.

[2] Должно впрочемъ думать не съ совершенною увѣренностію, ибо икона какъ будто слишкомъ длинна и (главное) по толщинѣ своей какъ будто слишкомъ массивна для верхней доски раки. (А на возникающій при сей несовершенной увѣренности вопросъ: куда же дѣвалась верхняя доска отъ прежней раки преп. Сергія съ его изображеніемъ, могъ бы быть данъ предположительный отвѣтъ, что она взята была государемъ въ Москву).

[3] См. Историч. описаніе лавры, 1902 г., стр. 31.

ченика Димитрія Солунскаго, ангела великаго князя Дмитрія Ивановича Донскаго,—деревянную церковь на деревянныхъ, какъ и вся стѣна, воротахъ. Въ 1512-мъ году въ деревянной стѣнѣ монастыря сдѣланы каменныя (кирпичныя) ворота, на которыхъ была поставлена церковь во имя преп. Сергія съ придѣломъ во имя св. Василія Парійскаго, ангела тогдашняго великаго князя Василія Ивановича, при чемъ сохранена была и прежняя деревянная церковь Димитрія Солунскаго (см. выше стрр. 102—103). Когда была кладена монастырская каменная стѣна, церковь 1512-го года, какъ приходившаяся въ сторонѣ отъ нея (т. е. впереди ея), осталась нетронутою и существовала до 1693-го года. Въ семъ послѣднемъ году она была разобрана и на ея мѣстѣ въ продолженіе 1693—1699-го годовъ (на иждивеніе именитыхъ людей Строгоновыхъ) была построена новая, донынѣ существующая, церковь, которая была посвящена уже не имени преподобнаго Сергія, такъ какъ его имени была посвящена только что передъ тѣмъ построенная трапезная церковь, а имени Іоанна Предтечи (въ честь его рождества).

Церковь имѣетъ въ длину 9 саженъ, считая вмѣстѣ съ галлереей, которой она окружена, въ ширину—7-мь саженъ. До 1806-го года она имѣла пять главъ, а въ этомъ году четыре боковыя главы были сняты, „для лучшей, какъ говорится въ Краткомъ описаніи лавры, соразмѣрности съ небольшою величиною церкви“. Въ большой пожаръ, бывшій въ лаврѣ 17-го мая 1746-го года, церковь совершенно выгорѣла, такъ что послѣ того въ продолженіе 1753—1760-го годовъ была отдѣлана совершенно заново (освящена въ присутствіи импер. Екатерины 1-го іюня 1763-го года). Въ 1827-мъ году въ ней возобновлено было настѣнное письмо.

Въ описи монастыря 1641-го года читается описаніе прежней церкви преподобнаго Сергія и придѣла въ ней святаго Василія Парійскаго („Церковь чудотворца Сергія на воротехъ камена, глава и крестъ обиты нѣмецкимъ желѣзомъ, а въ ней двери царскіе, сѣнь и столпцы... Въ предѣлѣ Василія Парійскаго двери царскіе, сѣнь и столпцы... У церкви же Сергія чюдотворца два колокола не велики“). [См. фототипич. таблицы подъ №№ II, V и XV].

13. Домовая церковь Казанской Божіей Матери (въ митрополичьихъ покояхъ).

Устроена въ 1758-мъ (или, какъ по описи лавры 1768-го года,—въ 1762-мъ) году. До 1795-го года была въ честь Казанской Божіей Матери. Съ 1795-го года по 1881-й годъ была во имя апостоловъ Петра и Павла. Съ 1881-го года опять—въ честь Казанской Божіей Матери. До послѣдняго переустройства церкви иконостасъ въ ней былъ полотняный, пожертвованный митрополиту Платону (какъ говорили) съ какого-то отслужившаго свою службу корабля.

14. Домовая церковь Покрова Божіей Матери (въ намѣстничьихъ кельяхъ).

Устроена для больнаго намѣстника архимандрита Антонія въ 1875-мъ году.

15. Церковь Всѣхъ Святыхъ.

Устроена подъ Успенскимъ соборомъ (см. выше стр. 207).

Серапіоновская палатка или палатка трехъ мощей.

Палатка пристроена къ западной половинѣ южной стѣны Троицкаго собора. Она получила свое первое и собственное названіе отъ имени Серапіона, архіепископа Новгородскаго, который скончался въ лаврѣ 16-го марта 1516-го года и надъ гробомъ котораго она была поставлена (см. о немъ въ спискѣ настоятелей лавры № 18, а отъ чего второе названіе, сейчасъ ниже). Вѣроятно она поставлена въ 1559-мъ году, когда послѣ обрѣтенія и погребенія въ новомъ гробѣ мощей Серапіона, у могилы его начали твориться знаменія, какъ говорится въ его житіи. Въ описи монастыря 1641-го года упоминается о покровахъ кутняныхъ и тафтяныхъ, которые кладутся „на митрополитовъ, гдѣ Серапіонъ чюдотворецъ“, при чемъ во множественномъ „митрополитовъ“ кромѣ митр. Іоасафа, жившаго на покоѣ и скончавшагося въ Троицкомъ монастырѣ разумѣется еще митр. Ѳеодосій, также скончавшійся у Троицы въ октябрѣ мѣсяцѣ 1476-го года[1]. Вѣроятно думать, что палатка съ перваго раза была сдѣлана такъ, чтобы вмѣщать въ себѣ не одинъ гробъ Серапіона, но и гробы митрополитовъ, т. е. не весьма маленькой, а болѣе или менѣе просторной. Но что первоначально она имѣла все таки меньшіе размѣры, чѣмъ теперь, видно изъ того, что архимандритъ Діонисій, который лежитъ теперь въ ней, былъ положенъ не въ ней, а внѣ ея, противъ ея дверей (которые, слѣдовательно, были первоначально на югъ)[2]. Опись лавры 1768-го года говоритъ, если не ошибается, о современной ей, крытой еще тёсомъ, Серапіоновой палаткѣ, что она строена въ 1700-мъ году. Въ 1783-мъ году митр. Платонъ построилъ новую палатку на мѣсто бывшей до него. Въ 1829-мъ году крыша на палаткѣ передѣлана подъ одну линію съ папертью (Троицкаго собора) на

---

[1] Въ описи 1641 г. такъ читается: „3 покрова зеленыхъ кутняныхъ, 5 покрововъ лазоревыхъ кутняныхъ, 4 покрова кутняныхъ дымчатыхъ, покровъ брусничной цвѣтъ кутняной, покровъ желтъ кутнянъ, 2 покрова таѳтяные. Кладутца на митрополитовъ, гдѣ Серепіонъ чудотворецъ“ (л. 122).

[2] Въ спискѣ надгробій Троицкаго Сергіева монастыря XVII вѣка, напечатанномъ Ундольскимъ, читается: „противъ палаточныхъ дверей архіепископа Серапіона (лежатъ:) архимандритъ Діонисій, преставися 141 (1633) года, мая въ 10 день“...

той сторонѣ, съ фронтономъ подъ видъ фронтовъ, что на (паперти?) Никоновской церкви, а восточная стѣнка ея, бывшая дотолѣ деревянною, замѣнена каменною[1]. Въ 1853-мъ году иконостасъ палатки былъ позолоченъ, а вообще она получила нынѣшній весьма благообразный видъ, съ нынѣшнимъ богатымъ убранствомъ, при намѣстникѣ Антоніи (передъ которымъ она служила будто бы складомъ разной рухляди церковной).

Въ палаткѣ находятся три, устроенные митрополитомъ Платономъ, надгробія или надгробные памятника (раки, какъ говорятъ, употребляя слово въ несобственномъ смыслѣ) надъ могилами лежащихъ въ ней: архіепископа Серапіона, о которомъ мы сказали, митрополита Московскаго Іоасафа, скончавшагося въ лаврѣ 27-го іюля 1555-го года (см. о немъ въ спискѣ настоятелей № 25) и архимандрита Діонисія, скончавшагося 10-го мая 1633-го года (отъ трехъ ракъ палатка кромѣ Серапіоновской и называется еще палаткой трехъ мощей, при чемъ второе названіе гораздо болѣе употребительно, чѣмъ первое). Лежащія на ракахъ изображенія усопшихъ не Платоновскія, а новѣйшія, [сдѣланныя въ 1899 г. на иждивеніе лавры изъ стараго серебра, хранившагося въ ризницѣ]; Платоновскія же находятся теперь въ скиту, на паперти деревянной Успенской церкви (А что касается до могилы митр. Ѳеодосія, то послѣ 1641-го года она какъ-то и почему-то пришла въ забвеніе и бывшее надъ ней надгробіе когда-то изчезло, такъ что, по Краткому описанію лавры, никакого слѣда ея въ монастырѣ не осталося).

Со времени же, какъ должно думать, митрополита Платона принимается, что палатка стоитъ на мѣстѣ кельи преподобнаго Сергія и что здѣсь имѣло мѣсто посѣщеніе преподобнаго Божіею Матерію (сравни слѣдующую IV главу о кельяхъ). Поэтому, въ палаткѣ поставлена икона, изображающая это посѣщеніе Божіею Матерію преподобнаго, на которую въ недавнее время благочестивыми вкладчиками сдѣлана серебряная позолоченная риза съ великолѣпнымъ золотымъ вѣнцомъ и короною надъ главой Божіей Матери.

Со времени намѣстника Антонія въ палаткѣ каждую пятницу, въ три съ половиной часа по полудни, поется всенощная съ акаѳистомъ Божіей Матери, а каждую субботу послѣ литургіи въ Никоновской церкви, которая въ этотъ день начинается въ ней въ четыре часа утра, поется молебенъ Божіей Матери.

Въ палаткѣ въ особыхъ ковчегахъ хранятся: кисть правой руки архидіакона Стефана и камень отъ гроба Господня, принесенные А. Н. Муравьевымъ изъ Іерусалима въ 1850-мъ году. [Въ иконостасѣ—икона св. Николая чудотворца, пожертвованная С. Ѳ. Воейковымъ въ 1895 г. Ею преп. Сергій благословилъ родоначальника Воейковыхъ, боярина сербскаго Воейка Войтеговича Терновскаго при крещеніи его митр. Кипріаномъ въ 1384 г. въ Чудовомъ монастырѣ[2].

---

[1] Дѣло лаврскаго архива 1828-го года, № 50.

[2] Историч. описаніе лавры. 1902 г., стрр. 23—24.

Максимовская палатка.

Палатка пристроена къ сѣверной стѣнѣ Духовской церкви и получила названіе отъ имени преподобнаго Максима Грека, надъ гробомъ котораго она была поставлена.

Преподобный Максимъ Грекъ, знаменитый своимъ великимъ умомъ и своею ученостію, а также своею необыкновенною (пророческою) ревностію о правдѣ Божіей, прибывшій съ Аѳона въ Россію въ 1518-мъ году, навлекшій на себя гнѣвъ великаго князя Василія Ивановича и митрополита Даніила въ 1525-мъ году и послѣ сего проведшій весьма многіе годы въ темничномъ и нетемничномъ заключеніи, сперва въ Іосифовомъ Волоколамскомъ монастырѣ, а потомъ въ Тверскомъ Отрочемъ монастырѣ, переведенъ былъ изъ послѣдняго монастыря къ Троицѣ, по ходатайству почитателя его и его образа мыслей игумена Артемія, въ 1551-мъ году и скончался здѣсь въ 1556-мъ году (неизвѣстнаго мѣсяца и числа). Палатка (часовня) надъ его гробомъ поставлена между 1651—1656-мъ годами, при архим. Адріанѣ, въ слѣдствіе бывшихъ въ первомъ году знаменій отъ гроба[1]. До митр. Платона она была маленькою; Миллеръ въ своемъ описаніи лавры, написанномъ между 1770—1775-мъ годами, говоритъ о ней: „близъ церкви Сошествія Святаго Духа въ придѣланной малой палаткѣ есть гробница съ образомъ ученаго Грека преподобнаго Максима, монаха Ватопедскаго“... По описи лавры 1768-го года, при кровлѣ Духовской церкви (тесовой) палатка была покрыта лещедью. Въ 1796-мъ году митр. Платонъ перестроилъ ее съ цѣлію ея увеличенія. Съ тою же цѣлію постепеннаго увеличенія она была перестраиваема при митр. Филаретѣ въ 1847-мъ и въ 1867-мъ годахъ (въ послѣдній разъ—для приведенія ея въ симметрію съ пристроенною къ южной сторонѣ Духовской церкви Филаретовскою церковію). Надгробіе преподобнаго Максима Грека находится въ югозападномъ углу палатки, а вся она составляетъ теперь (и собственно представляетъ изъ себя) монастырскую лавку для продажи иконъ, крестовъ и другихъ священныхъ предметовъ.

Колокольня.

Лаврская колокольня есть одна изъ первыхъ въ Россіи колоколенъ по вышинѣ и, какъ думаемъ, есть самая первая въ Россіи колокольня по красотѣ,—изящно стройная и не смотря на всю свою массивность высматривающая чрезвычайно легкою (и какъ-то характернымъ образомъ элегантною). Она представляетъ изъ себя четвероугольную башню въ пять этажей, которые одинъ за другимъ постепенно уменьшаются въ объемѣ,

---

[1] Въ одномъ спискѣ записи о знаменіяхъ, имѣвшихъ мѣсто 10-го іюля 1651-го года, читается: „и отъ того дни (послѣ того) повелѣніемъ архимарита Андреяна содѣлаша надъ нимъ часовню“, см. въ книгѣ *С. А. Бѣлокурова:* О библіотекѣ Московскихъ государей въ XVI столѣтіи (Москва, 1898), приложж. стр. X, прим..

изъ которыхъ нижній—глухой, а всѣ остальные съ широкими пролетами, оставляющими отъ стѣнъ только углы, изъ которыхъ второй и третій обставлены по угламъ колоннами, а четвертый и пятый полуколоннами, и изъ которыхъ всѣ эти четыре обставлены по выступамъ угловъ вазами (второй этажъ колокольни значительно менѣе перваго, а постепенное уменьшеніе идетъ уже далѣе, такъ что башню представляютъ изъ себя собственно четыре этажа колокольни, начиная со втораго, а первый этажъ составляетъ какъ-бы пьедесталъ башни). На верху колокольни поставленъ своеобразный двойной куполъ, нижняя половина котораго имѣетъ форму большой ложчатой чаши, поставленной на подставѣ, а верхняя половина имѣетъ форму такой же малой чаши, опрокинутой внизъ и поставленной на подставѣ, возвышающейся изъ первой чаши, и который вѣнчается крестомъ на яблокѣ. Подъ большой чашей купола на дугахъ пятаго яруса поставлены клейма, имѣющія форму гербовыхъ щитовъ, съ вензелевыми буквами императрицы Екатерины, при которой сооруженъ куполъ, и съ императорскими коронами. Первоначально колокольня была построена трехъэтажною съ фонаремъ или башенкой на верху, но потомъ надъ нею были надстроены еще два этажа и она получила нынѣшній видъ [см. фототопич. таблицу № IX].

Колокольня начата была строиться по повелѣнію императрицы Анны Іоанновны, но уже послѣ ея смерти, при Елизаветѣ Петровнѣ въ 1741-мъ году и окончена въ первоначальномъ видѣ въ 1756-мъ году. Надстроены два верхніе яруса, придавшіе колокольнѣ иной видъ противъ первоначальнаго и сдѣлавшіе ее такою въ отношеніи къ архитектурной красотѣ, какъ мы ее охарактеризовали, послѣ 1767-го года митрополитомъ Платономъ (16-го іюля 1766-го года назначеннымъ въ архимандриты лавры, съ 10-го октября 1770-го года по 21-е января 1775-го года архіепископомъ Тверскимъ, сохранившимъ при семъ и званіе архимандрита лавры). Вышина колокольни 41 сажень и одинъ аршинъ (а безъ купола 34 сажени и одинъ аршинъ, такъ что куполъ имѣетъ вышины 7 саженъ); каждая сторона нижняго этажа, представляющаго изъ себя квадратный четвероугольникъ, въ ширину—12 саженъ и одинъ аршинъ; каждая сторона втораго этажа—7 саженъ; клейма подъ чашею, которыя съ низу кажутся аршинными квадратами, на самомъ дѣлѣ имѣютъ вышины и ширины около 3-хъ саженъ. Куполъ и клейма подъ большой его чашей вызолочены черезъ огонь червоннымъ золотомъ.

Всѣхъ колоколовъ на колокольнѣ съ часовыми и съ негодными къ употребленію—42 (полный звонъ—25 колоколовъ).

Большіе колокола суть:

1. Царь-колоколъ[1], болѣе котораго нѣтъ въ Россіи въ дѣйствительномъ употребленіи, имѣющій вѣсу 4,000 пудовъ (по сказкѣ мастеровъ, его

[1] О лаврскомъ царь-колоколѣ, а также и о другихъ большихъ лаврскихъ колоколахъ, см. статью *о. Архенія:* „О царь-колоколѣ Свято-Троицкой Сергіевой лавры", напечатанную въ Запискахъ Археологическаго Общества 1880-го

лившихъ,—4,065 пудовъ), при языкѣ, имѣющемъ вѣсу около 90 пудовъ, вылитый въ лаврѣ въ 1748-мъ году, повѣшенный на колокольню (на середину втораго яруса) въ 1759-мъ году, употребляемый для звона въ двунадесятые праздники и высокоторжественные дни.

2. Корноухій (названный такъ отъ того, что имѣетъ не мѣдныя, а желѣзныя уши) или воскресный, вылитый въ лаврѣ въ 1683-мъ году, имѣющій вѣсу 1275 пудовъ, висящій въ западномъ пролетѣ втораго яруса.

3. Годуновскій или поліелейный, вылитый для лавры царемъ Борисомъ Ѳеодоровичемъ Годуновымъ въ 1600-мъ году, вѣсъ котораго точнымъ образомъ неизвѣстенъ и опредѣляется разно—отъ 1700 до 2,000 пудовъ, имя Годунова въ надписи на которомъ срублено въ 1744-мъ году по приказанію императрицы Елизаветы Петровны, висящій въ восточномъ пролетѣ втораго яруса (прежде Годуновскій былъ воскреснымъ, а поліелейнымъ Корноухій).

4. Лебедь или славословный (т. е. употребляемый въ тѣ дни, когда положено пѣть великое славословіе), вылитый для лавры въ 1594-мъ году Борисомъ Ѳедоровичемъ Годуновымъ, имѣющій вѣсу 625 пудовъ, висящій на серединѣ третьяго яруса колокольни.

5. Переспоръ (названный такъ потому, что при общемъ звонѣ или звонѣ во вся забиваетъ другіе колокола) или вседневный, вылитый по заказу лавры въ Москвѣ въ 1780-мъ году, имѣющій вѣса 315 пудовъ и 28 фунтовъ, висящій въ четвертомъ или предпослѣднемъ ярусѣ колокольни.

6. Панихидный колоколъ, купленный въ Москвѣ въ 1796-мъ году, имѣющій вѣсу 106 пудовъ и 25 фунтовъ, висящій въ восточномъ пролетѣ третьяго яруса.

О колоколѣ преподобнаго Никона, который еще въ 1641 г. (см. опись) висѣлъ на колокольнѣ, въ числѣ малыхъ колоколовъ, см. выше въ рѣчахъ объ этой послѣдней церкви (стр. 202).

На колокольнѣ находятся большіе боевые часы, съ циферблатами вверху третьяго яруса на всѣ четыре стороны, выбивающіе не только часы, но и четверти, сдѣланные въ 1781—1784-мъ году однимъ Тульскимъ ружейникомъ.

Въ нижнемъ ярусѣ колокольни устроена въ 1855-мъ году рухлядная палата, раздѣленная на два этажа.

Нынѣшняя колокольня поставлена не на мѣстѣ прежней колокольни, а на мѣстѣ прежней трапезы. Прежняя колокольня находилась или вплотную у западной стѣны Духовской церкви, надъ входомъ въ нее, или же, между Троицкимъ соборомъ и Духовскою церковію, но только ближе къ послѣдней [1]. Изъ описи монастыря 1641-го года мы выпишемъ рѣчи о

года. См. также докладъ сената отъ 5-го іюня 1730-го года о сложеніи недоимки съ Троицкаго монастыря въ количествѣ 5000 р. за мѣдь, отпущенную въ 1714 г. на перелитіе большаго колокола. См. Архивъ Прав. Сената, Опись указамъ и повелѣніямъ, сост. *П. Барановъ* томъ II, № 3781.

[1] Что говоритъ о мѣстоположеніи колокольни опись монастыря 1641-го года, приводится нами въ текстѣ. Въ первомъ, 1782-го года, изданіи Краткаго опи-

прежней колокольнѣ съ дополнительными рѣчами о всѣхъ бывшихъ тогда въ лаврѣ колоколахъ и о бывшихъ тогда въ ней башенныхъ часахъ.

„Въ Троицкомъ монастырѣ межь церквей пресвятые Троицы и Сшествія святаго Духа колоколница каменая. А на колоколницѣ колоколовъ большихъ и середнихъ и меншихъ:

Колоколъ болшой благовѣстной, стоитъ вверху, благовѣстятъ въ него въ празднества болшіе, а сколько въ немъ пудъ вѣсу, не подписано.

Колоколъ другой благовѣстной, вѣсу въ немъ шестьсотъ двадцать пять пудъ, благовѣстятъ въ полелиостные (sic, т. е. поліелеостныя, поліелейныя) празднества.—Оба тѣ колокола дачи царя и великаго князя Бориса Ѳедоровича всеа Руссіи (въ числѣ нынѣшнихъ эти колокола указаны выше подъ №№ 3-мъ и 4-мъ).

Колоколъ благовѣстной, долгой языкъ, слободцкой (изъ Александровой слободы?), благовѣстятъ въ него въ простые дни—во вторникъ, въ четвергъ, въ субботу.

Колоколъ чюдотворцовъ (разумѣется колоколъ преподобнаго Никона), благовѣстятъ въ него въ понедѣльникъ, въ среду, въ пятокъ.

Колоколъ застолный (которымъ братія созывалась въ трапезу), стоитъ въ среднемъ ряду.

На церкве Сшествія святаго Духа пять колоколъ: колоколъ нефимонной, колоколъ съ очапомъ, колоколъ—благовѣстятъ въ него въ государевъ приходъ о подъёмѣ съ монастыря, колоколъ всполошной, колоколъ разшибенъ, бывалъ нефимонной.

Да вверху на колоколницѣ середнихъ колоколъ: два колокола повсядневные, четыре колокола краснаго звону, два колокола призвонные, симскіе (пожертвованные кѣмъ либо изъ фамиліи Симскихъ?), два колокола зазвонные, восемь колоколовъ призвонныхъ меншихъ.

санія лавры говорится, что колокольня съ западной стороны Духовской церкви надъ ея папертію, а въ послѣдующихъ изданіяхъ говорится, что она съ западной стороны Духовской церкви предъ ея папертію. На не совсѣмъ надежномъ видѣ лавры XVII вѣка она вплотную примыкаетъ къ Духовской церкви, а на болѣе надежномъ видѣ 1725-го года [см. на стрр. 104—105] мѣстоположеніе между Троицкимъ соборомъ и Духовскою церковію не можетъ быть опредѣлено съ точностію. Палицынъ въ описаніи осады монастыря Поляками говоритъ, что осажденные держали стражу для наблюденія за Поляками на церкви Св. Духа,—гл. 41 нач.; если онъ разумѣетъ именно колокольню, то слова его надлежитъ понимать такъ, что колокольня вплотную примыкала къ Духовской церкви, составляя съ нею одно цѣлое. Въ спискѣ надгробій лавры, составленномъ въ половинѣ XVII вѣка, говорится объ одной могилѣ: „противъ западныхъ дверей церкви Сошествія св. Духа у колокольницы“. По этому указанію мѣста—колокольня какъ будто не вплотную къ западной сторонѣ церкви. То обстоятельство, что на Духовской церкви были свои колокола, какъ видно изъ приводимой въ текстѣ выдержки изъ описи монастыря 1641-го года, заставляетъ считать болѣе вѣроятнымъ предположеніе, что колокольня была не вплотную къ церкви (хотя съ другой стороны колокола на церкви могли составлять какъ бы дополненіе къ колоколамъ, находившимся на прилегавшей вплотную къ ней колокольнѣ).

Колоколъ часовой новыхъ болшихъ часовъ.

Колоколъ часовой старыхъ часовъ.

Два колокола перечастные (sic) невелики, что стоятъ у часовъ на трапезѣ.

И всего на болшой колоколницѣ и на церкве Сшествія святаго Духа и часовыхъ болшихъ и среднихъ и меншихъ тритцать два колокола.

Въ монастырѣ жь трои часы боевые: часы старые, стоятъ на трапезѣ (сдѣланы были въ 1556-мъ году, о чемъ въ Краткомъ лѣтописцѣ монастыря подъ нашимъ годомъ записано: „того же лѣта здѣлали у живоначалныя Троицы часы болшіе, а дѣлалъ тѣ часы діаконъ старецъ Тихонъ Ноугородецъ"); другіе часы новые, болшіе, дѣланы во 139-мъ (1631) и во 140-мъ (1632) году, стоятъ на колоколницѣ у болшаго колокола; третіе часы на круглой (Пятницкой или Житничной) башнѣ, у нихъ колоколъ боевой, да два колокола перечастные" (sic).

Кромѣ колокольни во время составленія описи еще были колокола—у церкви преподобнаго Сергія надворотной и у больничной церкви Зосимы и Савватія Соловецкихъ: „У церкви Сергія чюдотворца два колокола не велики... У Соловецкихъ чюдотворцовъ колоколъ благовѣстной, да четыре колокола зазвонныхъ, всѣ не велики" (на видѣ лавры XVII вѣка шатеръ на церкви Зосимы и Савватія не глухой, какъ теперь, а съ пролетомъ, въ которомъ повѣшены колокола. А по книгѣ плановъ и фасадовъ 1745-го года колокола повѣшены на придѣлкѣ къ низу шатра, имѣющей видъ балкончика или бесѣдки. См. выше стр. 217 упоминаніе о Зосимо-Савватіевской колокольнѣ).

По Краткому описанію лавры, старая колокольня была разобрана въ 1738-мъ году, когда собирались приступить къ строенію новой колокольни. Можетъ быть, описаніе говоритъ и правду; но вѣроятнѣе предполагать, что старую колокольню разобрали не ранѣе, какъ готова была новая колокольня, а это послѣднее случилось только въ 1756-мъ году (хотя, съ другой стороны, могло быть, что старую колокольню разобрали еще до приступа къ строенію новой потому, что она грозила опасностію паденія, каковымъ именно обстоятельствомъ могло быть вызвано и построеніе новой колокольни).

Западная линія келей и Смоленская церковь.

IV.

Кельи и прочія зданія.

Первоначальный безпорядокъ въ монастырѣ въ отношеніи къ кельямъ.—Упорядоченный видъ, который далъ монастырю преподобный Сергій.—Преобразованіе относительно расположенія келей, произведенное въ половинѣ XVI вѣка.—Превращеніе келей изъ деревянныхъ въ каменныя.—Значеніе въ исторіи келей осады монастыря Поляками.—Кельи и прочія зданія по описи монастыря 1641-го года.—Перемѣны въ отношеніи къ кельямъ и прочимъ зданіямъ отъ 1641-го года до настоящаго времени.

Преподобный Сергій удалился изъ міра для монашескаго подвижничества въ лѣсную пустыню. Въ лѣсу онъ расчистилъ полянку и на полянкѣ поставилъ келью и церковь. Когда явились люди, желавшіе жить

съ нимъ въ пустынѣ и когда этимъ желавшимъ онъ позволилъ селиться около себя,—то первыя кельи поставлены были на разширенной болѣе или менѣе полянкѣ кое-какъ, въ безпорядкѣ, такъ что образовавшійся изъ нихъ монастырекъ представлялъ собой безпорядочную слободку. По нѣкоторомъ времени преподобный Сергій получилъ возможность придать своему монастырю видъ настоящаго благоустроеннаго монастыря, что̀ онъ и сдѣлалъ. Замѣнивъ первоначальную маленькую церковь настоящею большою церковію, онъ расположилъ кельи вокругъ церкви правильнымъ, болѣе или менѣе тѣснымъ, четвероугольникомъ. При этомъ подъ монастырь въ смыслѣ огороженнаго стѣной пространства онъ занялъ очень большую, немного меньшую нынѣшней, площадь и устроилъ дѣло такъ, что по-за кельямъ или сзади келей, между ними и стѣной монастыря, расположилъ зданія и постройки служебныя или такъ называемыя службы. Этотъ видъ правильнаго, болѣе или менѣе тѣснаго вокругъ церкви или—такъ какъ потомъ явилась другая церковь—вокругъ церквей, четвероугольника келей со службами по-за нимъ и сохранялъ монастырь очень долгое время, а именно—до 1556-го года. Въ этомъ послѣднемъ году для разширенія площади монастыря вокругъ церквей произведено было въ отношеніи къ расположенію келей преобразованіе. Восточная линія ихъ четвероугольника отодвинута была отъ церквей на 40 саженъ далѣе къ стѣнѣ, при чемъ находившіяся за нею конюшни были вынесены вонъ изъ монастыря. Южная линія келей, которую некуда было отодвигать, такъ какъ она и безъ того стояла близко къ стѣнѣ, была протянута вдоль по стѣнѣ до отодвинутой восточной линіи. Сѣверная линія, которая по мѣсту также могла бы быть отодвинута, не была отодвинута, а была уничтожена, потому что за нею была братская трапеза и потому что въ томъ же году за нею были поставлены государевы кельи, т. е. дворецъ для пріѣздовъ государя въ монастырь. Что касается до западной линіи келей, то ихъ рядъ, состоявшій не изъ обыкновенныхъ монашескихъ келей, а изъ келей, имѣвшихъ служебное назначеніе и занятыхъ чиновниками, которые завѣдывали службами (келарская палата и келья келаря, казенная палата и келья казначея, соборная палата, больница), по всей вѣроятности, протянутъ былъ изъ четвероугольника по всей стѣнѣ (въ направленіи къ сѣверу) еще до 1556-го года.

Такимъ образомъ, послѣ преобразованія относительно расположенія келей, произведеннаго въ 1556-мъ году, внутренняя площадь монастыря около церквей очистилась и всѣ зданія его расположились вдоль его стѣнъ. Послѣ 1556-го года площадь монастыря нисколько не прибавилась, а осталась таже самая, что̀ и прежде, но въ отношеніи къ внѣшнему виду монастырь измѣнился: прежде съ своимъ тѣснымъ четвероугольникомъ келей вокругъ церквей и съ большими промежутками между кельями и стѣной на сторонахъ восточной и сѣверной онъ имѣлъ видъ маленькаго монастыря съ большими задворками; теперь, съ отнесеніемъ келей къ стѣнамъ и съ очищеніемъ внутренней площади около церквей, онъ получилъ видъ настоящаго большаго монастыря.

Изъ деревянныхъ въ каменныя кельи начали быть превращаемы въ 1552-мъ году, когда въ западной ихъ линіи складены были каменныя больница и келарская (т. е. палата для угощенія келаремъ почетныхъ гостей). Послѣ этого таже западная линія превращалась изъ деревянныхъ въ каменныя постепенно, исторія каковаго превращенія остается намъ мало извѣстною; а что касается до линій южной и восточной, то онѣ заразъ складены были каменныя вмѣсто деревянныхъ въ 1640-мъ году[1]. Однако и къ 1640-му году, какъ увидимъ сейчасъ ниже, оставались еще въ монастырѣ въ видѣ исключенія и кельи деревянныя.

Въ исторіи келей, какъ въ исторіи и всего монастыря, имѣетъ значеніе осада монастыря Поляками: во время осаднаго сидѣнія кельи, на наибольшую часть бывшія тогда еще деревянными, были приведены въ такое состояніе, что, вѣроятно, чуть не всѣ перестраиваемы были вновь. Народа собралось въ монастырь изъ его окрестностей, чтобы укрыться отъ Поляковъ, очень много, такъ что далеко не хватило для всѣхъ помѣщенія, и оставшіеся безъ помѣщенія создавали себѣ, по свидѣтельству Палицына, кущи или лачуги, расхищая дерева и каменья изъ существовавшихъ зданій („мнози же человѣцы безъ покрова суще и расхищаху всяка древеса и каменіе на созданіе кущамъ"). Власти Троицкаго монастыря писали царю изъ осады въ концѣ 1609-го года: „а намъ, государь, въ осадѣ тѣснота и нужа великая: по дрова не выпустятъ, отъ келей кровли и задніе сѣни и чюланы сожжены, а нынѣ жжемъ житницы"[2] (которыя находились въ монастырѣ и о которыхъ сейчасъ ниже). Въ 1620-мъ году для царя Михаила Ѳеодоровича были поставлены въ монастырѣ новыя хоромы: это весьма вѣроятно понимать такъ, что прежнія хоромы царя Ивана Васильевича приведены были въ осадное время въ такое состояніе, что оказывались негодными для житья.

Опись монастыря 1641-го года подробно перечисляетъ всѣ находившіяся въ немъ зданія, хотя не всегда точно и не всегда понятно обозначаетъ ихъ мѣстоположеніе. Мы передадимъ опись, сопровождая ея частныя показанія нашими, гдѣ можемъ и гдѣ нужно, замѣчаніями и дополненіями.

„На монастырь взшедъ,—начинаетъ опись съ государева пріѣзднаго дворца,—на правой сторонѣ противъ церквей живоначальные Троицы и пречистые Богородицы Успенія хоромы государя царя и великого князя Михаила Ѳеодоровича всеа Русіи".

---

[1] На восточной сторонѣ монастыря въ 1628-мъ году были поставлены двѣ полаты (каменныя) по обѣ стороны Святыхъ воротъ, а въ слѣдующемъ 1629-мъ году двѣ полаты по правую сторону Святыхъ воротъ (Краткій лѣтописецъ монастыря). Это не кельи для жилья, а зданія съ какимъ-либо служебнымъ назначеніемъ (какъ показываетъ названіе, ибо кельи называются именно кельями, а не полатами). Когда въ 1640-мъ году были ставлены кельи, палаты, вѣроятно, были разобраны или вошли въ составъ келей. Во всякомъ случаѣ не имѣемъ о нихъ никакихъ дальнѣйшихъ свѣдѣній.

[2] Акт. Ист. т. II, № 240, стр. 284 col. 1 fin.

Первый пріѣздный дворецъ для государей былъ построенъ въ монастырѣ при Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ въ 1556-мъ году одновременно съ тѣмъ, какъ произведено было въ монастырѣ преобразованіе относительно расположенія братскихъ келей. Упоминаемый въ описи дворецъ не есть тотъ же дворецъ Ивана Васильевича Грознаго, называемый только именемъ царствующаго государя, а дворецъ новый, построенный на мѣсто дворца Ивана Васильевича въ 1620-мъ году. Это даетъ знать сохранившаяся во вкладной монастырской книгѣ запись подъ нашимъ годомъ, что одна помѣщица, по фамиліи Григорьева, позволила монастырю въ своихъ вотчинахъ въ Переяславскомъ уѣздѣ „на государевы хоромы краснаго лѣсу высѣчь 1000 бревенъ, да на брусье 300 бревенъ". Дворецъ, какъ это видно изъ сейчасъ указанной записи и изъ сличенія его съ дворцомъ царицынымъ, равно какъ и изъ его изображенія на видѣ лавры XVII вѣка, былъ не каменный, а деревянный [см. въ приложеніи таблицу № I]. На видѣ онъ имѣетъ странную, едва ли соотвѣтствующую дѣйствительности, форму: поставлены въ линію шесть отдѣльныхъ домиковъ, каждый съ своимъ особымъ наружнымъ всходомъ, надъ каждымъ изъ которыхъ кровля или навѣсъ. Судя по числу бревенъ, высѣченныхъ для его построенія, слѣдуетъ думать, что онъ былъ значительно большой. Указаніе описи, что дворецъ находился противъ Троицкаго и Успенскаго соборовъ и его мѣстоположеніе на видѣ лавры XVII вѣка даютъ знать, что онъ находился на мѣстѣ донынѣ существующаго Петровскаго дворца, составляющаго главный академическій корпусъ [см. въ приложеніи фототипич. таблицу подъ № XII], иначе—что этотъ послѣдній дворецъ поставленъ потомъ на его мѣстѣ (со всею вѣроятностію слѣдуетъ думать, что въ свою очередь нашъ дворецъ былъ поставленъ на мѣстѣ дворца Ивана Васильевича или, иначе сказать, весьма вѣроятно думать, что дворцы, начиная съ перваго изъ нихъ, занимали одно и тоже мѣсто; а мнѣніе, что дворецъ Ивана Васильевича находился на мѣстѣ теперешней академической столовой, недавно превращенной въ столовую изъ академической библіотеки, ни на чемъ не основано, см. ниже гл. X). На видѣ лавры XVII вѣка при дворцѣ показанъ съ юго-восточнаго угла садъ съ прудомъ.

„На другой сторонѣ, на монастырь взшедъ на лѣво, противъ церкви чюдотворца Никона, хоромы государыни царицы и великіе княгини, да государя царевича, двѣ полаты, промежъ ихъ сѣни каменные".

Были ли поставлены особые государынины хоромы при Иванѣ Васильевичѣ, не имѣемъ свѣдѣній. Мѣсто нашихъ хоромъ—лѣвая отъ входа половина теперешнихъ архіерейскихъ покоевъ (та половина ихъ, въ которой домовая церковь, а восточную половину занимали архимандричьи кельи) и затѣмъ галлерея трапезы съ нѣкоторою, можетъ быть, частію и ея самой (разумѣя въ галлереѣ и въ трапезѣ то, что противъ церкви, т. е. югозападный уголъ). На видѣ лавры XVII вѣка хоромы изображены именно такъ, какъ описаны въ описи, т. е. какъ двѣ деревянныя палаты съ каменными сѣнями между ними (онѣ не съ самаго края южной линіи, на которомъ стоятъ архимандричьи кельи, а составляютъ 3—5-ю палаты

отъ края). Хоромы стояли не отдѣльно, а въ линіи съ монашескими кельями южной стороны [см. въ приложеніи таблицу № I].

„На лѣвой же сторонѣ на монастырь взшедъ, вдоль по монастырю, отъ Водяныхъ воротъ съ угла, четыре кельи деревянные съ сѣнми архимарита Ондреяна... У архиморичихъ же келей келья каменая, передѣлана на двое (раздѣлена на двѣ половины, комнаты), старово дѣла (т. е. складенная до 1640-го года, когда складенъ корпусъ), поземные (т. е. одноэтажныя, подразумѣваются двѣ половины), живутъ въ нихъ архимаричьи сторожи (три человѣка); подъ каменною жъ кельею погребъ да ледникъ".

Мѣсто архимандричьихъ келей, находившихся съ края отъ Водяныхъ воротъ въ южной линіи келей, есть правая отъ входа половина теперешнихъ архимандричьихъ келей или митрополичьихъ покоевъ. Такъ какъ нѣтъ никакого основанія предполагать, чтобы настоятельскія кельи переносимы были съ мѣста на мѣсто, то со всею вѣроятностію надлежитъ думать, что архимандричьи кельи XVII вѣка стояли, а правая половина теперешнихъ митрополичьихъ покоевъ стоитъ на мѣстѣ кельи преподобнаго Сергія (что мѣстомъ воспоминанія о явленіи преподобному Сергію Божіей Матери избрана Серапіоновская палатка, противъ этого совершенно ничего не можетъ быть сказано, но чтобы на мѣстѣ палатки находилась келья преподобнаго Сергія, это вовсе не можетъ быть признано за вѣроятное: съ какой стати смиреннѣйшій преподобный Сергій поставилъ бы свою келью не въ ряду другихъ келей, а отдѣльно отъ нихъ?) [1]. На видѣ лавры XVII вѣка—поземная каменная палата съ самаго края, а кельи архимандричьи, съ дверями и однимъ окномъ внизу и тремя окнами вверху,—между нею и царицыными хоромами (а изображены какъ каменныя, безъ проведенія линій для обозначенія бревенъ, или по забвенію живописца, или потому, что въ случаѣ проведенія линій послѣдній не въ состояніи былъ бы отдѣлить ихъ отъ хоромъ царицыныхъ, которыя, какъ деревянныя, тоже съ линіями). Позади келей архимандрита, у стѣны монастырской, были еще небольшія хоромы, см. ихъ въ западной линіи келей.

„Отъ полатъ государя царевича (далѣе по линіи къ востоку) кельи каменыя, дѣланы ново,—келья камена, передѣлана на двое, передъ нею сѣни каменые же, гостина. Подъ гостиными кельи подклѣты,—въ одномъ живутъ пѣшіе служки, а въ другомъ подклѣтѣ живутъ конные слуги, которымъ доведетца въ монастырѣ дневать и ночевать".

Гостиныя кельи, какъ необходимо думать, назначены были для свиты царицы или же для свиты царя и царицы. Мѣсто ихъ, какъ и значительной части дальнѣйшихъ келей южной линіи, занято теперь трапезою съ ея церковію. „Дѣланы ново" значитъ, что складены въ 1640-мъ году, какъ и весь южный корпусъ (равно какъ и восточные корпуса) келей, о чемъ въ Краткомъ лѣтописцѣ монастыря читается: „лѣта 7148-го (1640-го)

[1] Рѣчи Павла Алеппскаго о деревянной келіи преп. Сергія см. въ Чтен. Общ. Ист. и Древн. Росс. 1898 г., кн. IV, стр. 35.

живоначалныя Троица въ Сергіевѣ въ монастырѣ поставлены кельи каменные по обѣ стороны Святыхъ воротъ (т. е. восточная линія) и въ порядъ отъ архимаричьихъ келей (наша южная линія)".

Отъ гостиныхъ келей шли кельи монашескія. Всѣ онѣ были двухъэтажныя,—верхнія кельи и подклѣты. Раздѣлялись на пять особыхъ отдѣленій (съ пятью особыми крыльцами, какъ изображено на видѣ лавры XVII вѣка). Въ верхнихъ кельяхъ во всѣхъ пяти отдѣленіяхъ жили монахи; что касается до подклѣтовъ, то въ подклѣтѣ перваго отъ гостиныхъ келей отдѣленія жили книжные переплетчики, которые переплетали монастырскія книги, въ подклѣтѣ втораго отдѣленія жили монахи, а три остальные подклѣты были пусты.

Поперегъ монастыря, отъ Пятницкой башни къ Святымъ воротамъ, былъ корпусъ келей двухъэтажный, раздѣлявшійся на четыре особыя отдѣленія (съ четырьмя крыльцами, какъ изображено на видѣ лавры XVII вѣка, при чемъ одно крыльцо служило для всхода и въ кельи и въ надворотную церковь). Сзади этого корпуса келей были три кельи деревянныя, которыя принадлежали (должно со всею вѣроятностію подразумѣвать—какъ частная собственность) тѣмъ старцамъ, противъ каменныхъ келей которыхъ онѣ находились и о назначеніи которыхъ говорится, что онѣ для зимняго времени („позади тѣхъ келей,—каменныхъ,—келья деревянная тѣхъ же старцевъ для зимнево времени").

По другую сторону Святыхъ воротъ къ бывшимъ житницамъ, которыя расположены были отъ сѣверо-восточнаго угла монастыря по сѣверной его сторонѣ, или къ Житничной башнѣ, былъ корпусъ келей двухъэтажный, состоявшій изъ десяти особыхъ отдѣленій, при чемъ дѣло, какъ кажется, должно быть понимаемо такъ, что корпусъ шедшимъ по его срединѣ коридоромъ раздѣлялся на двѣ половины—переднюю на монастырь и заднюю къ стѣнѣ.

На западной сторонѣ или вдоль западной стѣны, какъ мы сказали, шла линія не келей монашескихъ, за однимъ и, какъ нужно думать, случайнымъ исключеніемъ, а службъ отчасти въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова, отчасти въ смыслѣ высшемъ, какъ вѣдомствъ монастырскаго управленія (каковы вѣдомства келаря и казначея) съ кельями самихъ чиновниковъ завѣдывавшихъ, отчасти въ смыслѣ особенномъ (ризница, больница).

„Отъ Водяныхъ воротъ поперегъ монастыря (отъ юга къ сѣверу):

„Кельи деревяные на подклѣтѣхъ, живутъ въ нихъ старой архиморитъ Нехтарей (его келейникъ и два монаха), подклѣты стоятъ пусты".

Эти кельи разумѣли мы, говоря объ исключеніи; считаемъ мы исключеніе случайнымъ, предполагая, что самъ Нектарій поставилъ кельи для себя и что послѣ его смерти онѣ были снесены.

„Противъ тѣхъ келей (архимандрита Нектарія) хоромы, изба съ компотою; въ верху живетъ въ нихъ рѣзецъ, въ подклѣтѣхъ обогрѣваютца пушкари, которые днюютъ и ночюютъ (въ монастырѣ)".

Слово „противъ" въ нашемъ случаѣ значитъ насупротивъ. Насупротивъ келей, стоявшихъ у Водяныхъ воротъ на западной сторонѣ, должны

были стоять кельи по другую сторону воротъ у южной стѣны, иначе сказать—при выходѣ воротами въ садъ—однѣ кельи на правой рукѣ у западной стѣны, другія—на лѣвой у южной стѣны, за архимандричьими кельями.

„Подлѣ стараго архимарита Нектарьевы кельи—келья тройня, деревяные съ сѣнми, что бывалъ старой Розрядъ, поставленъ былъ прежнему келарю старцу Александру Булатникову (который былъ келаремъ съ 1622-го по 1641-й годъ), а нынѣ отведены сидѣть въ нихъ для счетного и сыскного дѣла.

„Отъ тѣхъ келей погребы и ледники каменые; на нихъ полата каменая съ одного (одна на погребахъ и на ледникахъ), а въ полатѣ полатки передѣланы (передѣлены, перегорожены): полатка гостиная, полатка, гдѣ меды ставятъ. Позади гостиной полатки кельи деревяные, живетъ въ нихъ чашникъ старецъ; противъ чашниковыхъ келей полатка, живутъ въ нихъ (sic) погребные сторожи".

Погреба и ледники были противъ носившей имя первыхъ Погребной (иначе Пивной) башни[1]. Гостиная палатка на погребахъ, какъ нужно думать, представляла собою отдѣленіе келарской гостиной палаты и служила, вѣроятно, для угощенія въ ней чашникомъ, который, состоя подъ начальствомъ келаря, былъ непосредственнымъ завѣдующимъ погребами, гостей менѣе знатныхъ. Подъ палаткой, гдѣ меды ставятъ, вѣроятно, должно разумѣть палатку, въ которой меды-питья ставились для выстаиванія; если упоминаемая въ другомъ мѣстѣ палата сытная есть она же, то она будетъ палатой, въ которой меды сытились и оставлялись для выстаиванія. Что погреба и ледники не въ самой стѣнѣ, а отдѣльно отъ нея, видно изъ того, что позади гостиной палатки, которая была на погребахъ, находилась келья чашника.

„Отъ того сряду противъ соборные церкви живоначалные Троицы келья камена, живутъ въ ней понамари (двое), да просвирники (двое). Поверхъ той кельи полата, а въ ней ризная казна".

„Подлѣ того сряду кельи каменые, живетъ въ нихъ келарь старецъ Аврамей Подлѣсовъ (съ келейникомъ); въ подклѣтѣхъ живутъ келарскіе сторожи".

Послѣ 1641-го года и ризница перестроена и дальнѣйшая западная линія келей была перестраиваема, такъ что мѣсто келей келаря съ увѣренностію указать нельзя. Но съ большою вѣроятностію должно полагать, что находящіеся сзади нынѣшней ризницы пріемные архіерейскіе покои (т. е. покои, назначенные для пріѣзжающихъ архіереевъ) занимаютъ мѣсто нашихъ келей.

„Подлѣ келаревыхъ келей полаты гостиные, теплая и лѣтняя, словетъ келарская, да чюланъ каменой, а въ теплой келарской гостиной полатѣ живетъ старецъ. А надъ келарскими полаты сушило каменое; а подъ келарскою въ подклѣтѣхъ масло бьютъ конопляное".

---

[1] Отзывы Павла Алеппскаго о погребахъ съ напитками и о самыхъ напиткахъ,—см. Чтен. Общ. Ист. и Древн. Росс. 1898 г., кн. IV, стр. 25—27, 37.

„Подлѣ келаревыхъ келей“ нужно понимать не въ томъ смыслѣ, чтобы далѣе отъ нихъ по линіи, а въ томъ смыслѣ, что сзади ихъ. Келарскія гостиныя палаты были поставлены въ самой монастырской стѣнѣ. Онѣ начинались въ разстояніи пяти саженъ отъ Погребной или Пивной башни и имѣли протяженія или длины двадцать саженъ (что келарскія гостиныя палаты находились въ самой стѣнѣ монастырской, составляя часть нынѣшнихъ намѣстничьихъ келей, это совершенно ясно говоритъ опись 1641-го года при описаніи стѣнъ и башенъ,—это совершенно ясно видно изъ рѣчей Симона Азарьина въ новыхъ чудесахъ о перестройкѣ этихъ палатъ въ 1643-мъ году, и какъ находящіяся въ стѣнѣ монастырской онѣ изображены и на видѣ лавры XVII вѣка).

Назначеніе келарскихъ гостиныхъ келей или келарской, какъ мы говорили выше, состояло въ томъ, чтобы келарь принималъ и потчивалъ въ нихъ почетныхъ богомольцевъ. Этихъ почетныхъ богомольцевъ, какъ нарочно пріѣзжавшихъ, такъ и проѣзжавшихъ мимо, было у Троицы всегда очень большое число. Митрополитъ Іоасафъ въ своихъ замѣчаніяхъ на постановленія Стоглаваго собора говоритъ, что въ Троицкомъ монастырѣ „безпрестани гость бываетъ день и нощь“. Относительно второй указанной категоріи гостей, т. е. проѣзжавшихъ мимо, иностранцы передаютъ, что никто не проѣзжалъ мимо монастыря безъ того, чтобы не заѣхать въ него, ибо иначе опасались несчастія съ собой въ дорогѣ (Въ 1654-мъ году былъ было кѣмъ-то поднимаемъ вопросъ о сокращеніи расходовъ монастыря на проѣзжихъ гостей, которыхъ не только въ самомъ монастырѣ кормили, но и на дорогу довольствовали хлѣбными и рыбными и питейными запасами. Дѣло доходило до царя Алексѣя Михайловича, который положилъ свою резолюцію: „гостемъ и всякимъ проѣзжимъ и прохожимъ людемъ противъ чюдотворцовы заповѣди воздавать достойная честь и всякой покой имъ чинить, понеже бо о томъ великій чюдотворецъ Сергій заповѣда ученикомъ своимъ“[1]. О заповѣди преподобнаго Сергія см. выше въ его жизнеописаніи стрр. 45—47.)

„Отъ того сряду полата казначейская, гдѣ сидитъ казначей старецъ Симонъ (Азарьинъ) для казенного збору, а въ полатѣ и у казны живутъ (два монаха и два сторожа). А посторонь той полаты полатка съ комнотою крѣпостная (архивъ крѣпостныхъ актовъ на вотчинныя владѣнія) и крѣпостная приказана старцу Исидору Нармо(а)цкому; а передъ нею въ передней живутъ казначейскіе полаты сторожи. А по обѣ стороны и позади казначейскіе полаты и поверхъ—полаты со всякою монастырскою казною; а подъ полаты погребы каменые“.

Казначейская палата находилась въ линіи нынѣшнихъ келей, начиная собой линію. Какъ представлять себѣ крѣпостную полату „посторонь“ казначейской палаты, т. е. не въ рядъ съ нею, а съ боку ея, не совсѣмъ ясно. На видѣ лавры XVII вѣка спереди линіи келей, противъ того мѣста, гдѣ должна быть полагаема въ нихъ казначейская палата, стоитъ башня.

[1] См. въ статьѣ *о. Арсенія* „О служкахъ Троицкаго монастыря“, стр. 59.

Можетъ быть, въ этой башнѣ, дѣйствительно приходившейся „посторонь“ казначейской палаты, и была крѣпостная палата.

„Подлѣ казенныхъ полатъ кельи каменые, да назади келья деревяная, живетъ въ нихъ казначей старецъ Симанъ, а съ нимъ (келейникъ и пять старцевъ). А подъ тѣми кельи погребъ каменой“.

(На видѣ лавры XVII вѣка сначала отъ Троицкаго собора надписано: „палата казенная“, потомъ: „келарская палата“. Это ошибка: должно быть на оборотъ).

„Отъ казначейскихъ келей кельи на подклѣтехъ пусты.

„Полаты соборные, а въ нихъ сидятъ архимоpитъ Ондреянъ, да келарь старецъ Аврамей и казначей старецъ Симонъ для росправы всякихъ монастырскихъ дѣлъ, а въ полатѣ сторожи (двое). Подъ соборными полатами въ подклѣтѣхъ живутъ оловянишники (одинъ), да съ нимъ живутъ служебники перемѣняясь; подъ полатами погребъ каменой.

„Подъ церковію Соловецкими чюдотворцы кельи, живутъ въ нихъ старцы болничные (61 человѣкъ); а подъ болницами погребы каменые. Подъ церковію Соловецкихъ чюдотворцовъ полата каменая (невразумительно, какъ представлять себѣ взаимное положеніе погребовъ и палаты, но рѣчь передается нами вѣрно); отъ тое полаты въ рядъ полата же, ставятъ въ ней капусту соленую“.

Этимъ кончается западная подстѣнная линія зданій (если только уже и палата, въ которой ставятъ капусту, не внѣ линіи).

Далѣе въ описи указываются слѣдующія зданія:

„Подлѣ той полаты (предшествующей, въ которой ставится капуста) онбаръ деревяной, въ немъ стоитъ городовой нарядъ: пищали полуторные и полковые и тюфяки и иной мелкой нарядъ“.

На мѣсто деревяннаго амбара неизвѣстно когда потомъ была складена каменная двухъ-ярусная или двухъ-этажная оружейная палата[1]. Авторъ Краткаго описанія лавры, еще заставшій эту палату (разобранную въ 1779-мъ году), опредѣляетъ ея мѣсто: позади Смоленской церкви къ Каличьей башнѣ и нѣсколько ко дворцу, т. е. съ сѣверной стороны Смоленской церкви и нѣсколько впереди ея ко дворцу или къ ректорскому академическому корпусу. Можно предполагать, что каменная палата поставлена на мѣстѣ деревяннаго амбара. Но вѣроятнѣе думать, что она поставлена на другомъ мѣстѣ и что амбаръ былъ сломанъ только тогда, когда она была складена. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ амбаръ нужно будетъ отодвигать назадъ, что̀ будетъ согласоваться и съ указаніемъ его мѣста въ описи. При позднѣйшей оружейной палатѣ находилась неизвѣстно когда складенная двухъ-этажная келья для монаха оружейнаго и для его послушанія (т. е., какъ вѣроятно, мастерской для починки мелкаго оружія).

Приписанное въ описи въ другомъ мѣстѣ, но относящееся сюда, читается: „въ городѣ же у Конюшенныхъ воротъ тюрма“. Выраженіе: „въ городѣ“ можетъ быть понимаемо двояко,—или что въ монастырѣ, или

[1] [См. ея видъ на фототипической таблицѣ № X].

что въ монастырской стѣнѣ. Который смыслъ оно имѣетъ въ нашемъ случаѣ, нельзя рѣшить. Дальнѣйшихъ свѣдѣній о тюрьмѣ не имѣемъ.

„Противъ болницы полата каменная, куютъ въ ней кузнецы монастырьское всякое желѣзное дѣло".

Каменная кузница поставлена въ монастырѣ въ 1624-мъ году. Краткая лѣтопись монастыря, записавшая объ ея поставленіи, опредѣляетъ ея мѣсто „за братцкою поварнею", а на мѣстѣ братской поварни XVII вѣка стоитъ Смоленская церковь. Авторъ Краткаго описанія лавры указываетъ мѣсто кузницы (разобранной въ 1743-мъ году) также за Смоленской церковью, безъ указанія ея мѣстоположенія въ отношеніи къ оружейной палатѣ. За Смоленской церковью будетъ не противъ больницы, а въ бокъ отъ нея, и вѣроятно, что опись нѣсколько грѣшитъ противъ точности.

„Подлѣ кузничной полаты поварня братцкая каменая, посторонь той братцкой поварни—поварни каменые же, стряпаютъ въ нихъ въ государевъ приходъ; у поваренъ же хлѣбенная изба. Противъ поваренъ двѣ кельи деревяные, живутъ въ нихъ поваренной большой старецъ" (и меньшихъ шестеро).

Какъ мы сказали, на мѣстѣ братской поварни XVII вѣка находится Смоленская церковь.

„Противъ соборныхъ полатъ подлѣ трапезы изба деревяная болшово хлѣбенново старца (и хлѣбодара), подлѣ избы онбаръ съ хлѣбы; противъ хлѣбенной избы кельи деревяные, живутъ въ нихъ старцы мукасеи и которые квашни мѣсятъ и хлѣбы пекутъ (17-ть человѣкъ)".

„Трапеза братцкая съ хлѣбодарнею..., подъ трапезою хлѣбня и иныя службы...; на трапезѣ келья, живетъ въ ней часовникъ старецъ".

Трапеза находилась на мѣстѣ нынѣшней колокольни, а изба хлѣбеннаго старца, амбаръ съ хлѣбами и изба мукосѣевъ и квашниковъ должны быть полагаемы съ сѣверной ея стороны, къ поварнѣ, на которой они и показаны на видѣ лавры XVII вѣка. Если часы, стоявшіе на трапезѣ (выше стр. 226) поставлены были на ней съ самаго начала, то онѣ сдѣланы были въ 1556-мъ году, и слѣдовательно построеніе трапезы нужно было бы относить къ болѣе раннему времени, каковымъ вѣроятнымъ раннимъ временемъ былъ бы 1552-й годъ, когда поставлены каменныя больница и келарская.

При трапезѣ была церковь преподобнаго Михаила Малеина (ангела царя Михаила Ѳедоровича), поставленная (приставленная къ трапезѣ) въ 1621-мъ году. Въ описи читается объ этой церкви при описаніи другихъ церквей: „церковь преподобнаго Михаила Малеина, камена, на подклѣтѣ, у трапезы, верхъ у церкви одинъ, глава и крестъ обиты желѣзомъ нѣмецкимъ"... О самой трапезѣ при описаніи церкви сообщается: „трапеза подписана настѣннымъ письмомъ". (Павелъ Алеппскій въ своемъ описаніи поѣздки патріарха Макарія въ Троицкій монастырь даетъ знать, что старая трапеза, какъ и нынѣшняя, состояла изъ двухъ трапезъ—праздничной и будничной. О праздничной трапезѣ онъ говоритъ, будто она никогда не открывалась, какъ только въ присутствіи царя, т. е. будто въ ней монахи

обѣдали единственно въ тѣ разы, какъ бывалъ въ монастырѣ царь; по его словамъ, она представляла изъ себя большую залу, сводъ которой опирался на столбъ, стоявшій въ ея серединѣ, что̀ будетъ какъ въ Московской Грановитой палатѣ, по подобію которой дѣйствительно у насъ строились большія залы и по подобію которой въ самомъ Троицкомъ монастырѣ была построена лѣтняя келарская палата).

Восточная линія келей по правую сторону Святыхъ воротъ со входа на монастырь не доходила до самаго сѣверовосточнаго угла или до самой сѣверной стѣны, но кончалась тамъ, гдѣ кончается теперь академическій инспекторскій корпусъ. Далѣе къ углу и отъ угла по сѣверной стѣнѣ до оружейнаго амбара шли житницы, отчасти монастырскія, отчасти служни и крестьянскія: „отъ братцкихъ (восточныхъ) келей въ уголъ (сѣверовосточный) и хъ Конюшеннымъ воротамъ монастырскіе житницы, а отъ монастырскихъ житницъ для всякаго обереженья служни и уѣздныхъ людей житницы и онбары и клѣти по оружейные онбары“.

Пространство, занятое житницами, составляло Житничный дворъ, который, какъ можно думать, отгороженъ былъ отъ монастыря особымъ заборомъ. Кромѣ житницъ была на дворѣ келья, въ которой жили житничные старцы, и „анбаръ, идѣже приходъ и росходъ хлѣбу писаху“, т. е. житничная контора, и потомъ на дворѣ же стояла, замѣшавшись между житницами не совсѣмъ понятнымъ образомъ, палата каменная съ пищальнымъ порохомъ.

Въ половинѣ XVII вѣка оставалась цѣлою житница преподобнаго Сергія, т. е., какъ нужно думать, житница, поставленная преподобнымъ Никономъ на мѣстѣ житницы преподобнаго Сергія, сгорѣвшей въ 1408-мъ году, когда монастырь выженъ былъ Татарами. Симонъ Азарьинъ въ новыхъ чудесахъ сообщаетъ, что христолюбивые люди брали трески (щепочки) отъ порога или отъ угла ея на исцѣленіе зубнымъ болѣзнямъ и всякимъ скорбямъ („Житница преподобнаго чюдотворца Сергія и донынѣ Богомъ соблюдаема цѣла на память и на удивленіе преподобныхъ трудовъ его, отъ нея же христолюбивіи отъ прага или угла трески емлюще зубнымъ болѣзнемъ и всякимъ скорбемъ на исцѣленіе и относятъ въ домы своя, благодаря Бога и преподобнаго“)[1].

Не упоминается въ нарочитомъ описаніи зданій, но упоминается въ переписи запасовъ, амбаръ соляной, находившійся гдѣ-то за Успенскимъ соборомъ („да въ анбарѣ за церковью пресвятые Богородицы Успенія семьдесятъ двѣ рогожи, т. е. куля, соли“. На видѣ лавры XVII вѣка какъ будто изображенъ амбаръ у юго-западнаго угла трапезы собора: можетъ быть, это и есть нашъ амбаръ).

„На монастырѣ жь два колодезя, одинъ у поваренъ, а другой противъ архимаричихъ келей, надъ нимъ срубъ брусеной высокъ, верхъ шатромъ, покрытъ тёсомъ; изъ того колодезя вода трубами приведена къ погребомъ

[1] О ней говоритъ Павелъ Алеппскій.—Чтен. Общ. Ист. и Древн. Росс., 1898 г., кн. IV, стр. 35.

для медвеныхъ ставокъ, а какъ понадобитца изъ того колодезя вода опричь медвеныхъ ставокъ, и изъ колодезя мѣденою трубою подымаютъ воду вверхъ вóротомъ, а труба стоитъ въ колодези всквозь цѣпникъ болшой и изъ трубы льется вода въ цѣпникъ".

На монастырѣ было два пруда (кромѣ пруда въ царскомъ саду)[1]. Одинъ прудъ былъ позади житницъ, между ними и братскими кельями, слѣдовательно—на мѣстѣ теперешней академической библіотеки („на монастырѣ жь прудъ позади житницъ, отъ пруда жь и отъ братцкихъ келей въ уголъ и хъ Конюшеннымъ воротамъ монастырскіе житницы"...; но въ книгѣ плановъ и фасадовъ 1745-го года показанъ прудъ, если только нашъ, а не позднѣе выкопанный, у сѣверной стѣны монастыря близъ Житничной башни). Другой прудъ былъ у трапезы или у поваренъ; въ этотъ послѣдній прудъ проведена была вода посредствомъ каменной трубы изъ Верхняго пруда, который былъ за монастыремъ и который есть нынѣшній Бѣлый прудъ, находящійся за старой лаврской гостинницей („по лѣвую сторону Красные башни промежъ башенъ же Сушилные и Житничные проведена изъ-за города изъ Верхнево пруда сквозь монастырь къ хлѣбнѣ и къ поварнямъ труба камена").

Укажемъ теперь перемѣны, произшедшія съ кельями и съ прочими зданіями съ 1641-го года до настоящаго времени, при чемъ будемъ держаться того же порядка, который въ описи.

Вмѣсто деревянныхъ государевыхъ хоромъ, поставленныхъ въ 1620-мъ году, въ концѣ первой четверти XVIII вѣка построенъ былъ каменный дворецъ, называвшійся также чертогами. Въ настоящее время это—академическій ректорскій корпусъ. См. о немъ ниже въ гл. X [и фототипическую таблицу № XII].

Царицыны хоромы имѣли быть уничтожены, когда въ 1687-мъ году было приступлено къ строенію нынѣшней трапезы, такъ какъ эта послѣдняя заняла ту или другую часть ихъ мѣста.

Когда вмѣсто деревянныхъ архимандричьихъ келей построены нынѣшнія каменныя, называемыя теперь митрополичьими покоями, такъ какъ теперь архимандритъ лавры есть митрополитъ, остается неизвѣстнымъ; но представляется вѣроятнымъ думать, что—одновременно съ трапезою (которая построена въ продолженіе 1687—1692-го годовъ) или въ слѣдъ за нею: одна изъ палатъ въ покояхъ или кельяхъ, именно—та, въ которой теперь домовая церковь, носила названіе патріаршей палаты (какъ назначенная для патріарховъ въ случаѣ ихъ пріѣзда въ монастырь), но едва ли бы получила она свое названіе, если бы кельи были строены, когда въ Россіи уже не было патріарховъ (послѣдній патріархъ Адріанъ скончался 15-го октября 1700-го года). 17-го мая 1746-го года былъ въ лаврѣ великій пожаръ, въ который выгорѣли всѣ его монашескія кельи. Слѣдовательно, послѣ пожара въ 1746-мъ году всѣ кельи, а въ томъ числѣ и архимандри-

[1] Павелъ Алеппскій считаетъ всего 3 пруда,—Чтен. Общ. Ист. и Древн. Росс., 1898 г., кн. IV, стр. 35.

чьи, были возобновлены. Въ нынѣшнемъ своемъ видѣ онѣ отъ митрополита Платона, который въ 1769-мъ году покрылъ ихъ желѣзной крышей вмѣсто деревянной (такъ по Краткому описанію лавры, которое, какъ нужно думать, нѣсколько ошибается, ибо онѣ значатся какъ крытыя желѣзомъ въ описи лавры 1768-го года), а въ продолженіе 1777—1778-го годовъ росписалъ (и украсилъ лѣпной работой) внутри, а снаружи съ сѣверной стороны (которою кельи смотрятъ на монастырь) придалъ имъ „порядочный“ фасадъ (изъ книги плановъ и фасадовъ 1745-го года видно, что антресоли надъ покоями на южную сторону также надстроены митрополитомъ Платономъ). Наружность покоевъ остается послѣ Платона въ одномъ и томъ же видѣ до настоящаго времени, но внутри они нѣсколько были передѣлываемы и отдѣлываемы при всѣхъ послѣдующихъ митрополитахъ (о характерѣ убранства или отдѣлки залы покоевъ, бывшемъ передъ митр. Филаретомъ, нѣсколько даетъ знать этотъ послѣдній своимъ вопросомъ намѣстнику Антонію въ одномъ, непомѣченномъ мѣсяцемъ, письмѣ 1837-го года: „возобновляя внутренность залы, неужели вы сдѣлаете ее такъ же пестрою, какъ была?“). Галлерея по стѣнѣ монастырской отъ покоевъ до Луковой башни была сдѣлана или митр. Платономъ или еще до него, ибо при немъ уже упоминается (въ описи 1768-го года говорится о бесѣдкѣ въ Луковой башнѣ: „отъ полуденной стороны близь архимандричьихъ келей состоитъ (въ оградѣ монастырской) каменная галлерея; въ ней по накатному потолку убрано штукатурною и лѣпною работою; крыта тесомъ“).

Зала митрополичьихъ покоевъ, называвшаяся прежде царской палатой, украшена портретами государей съ государынями и архимандритовъ лавры. Портреты государей и государынь суть (не въ порядкѣ ихъ размѣщенія въ залѣ, а въ порядкѣ хронологическомъ): Іоанна Васильевича Грознаго (1533—1584), Іоанна Алексѣевича (1682—1696) съ его супругой Парасковьей Ѳедоровной († 1723), Натальи Кириловны Нарышкиной, второй супруги царя Алексѣя Михайловича († 1694), Петра Великаго (1682—1725) съ Екатериной 1-й (1725—1727), Петра 2-го (1727—1730), Анны Іоанновны (1730—1740), Елизаветы Петровны (1741—1761), Екатерины Великой (1762—1796,—въ одной изъ другихъ комнатъ еще другой портретъ Екатерины) и Павла Петровича (1796—1801) съ Маріей Ѳедоровной († 1828). Портреты архимандритовъ лавры суть: преподобнаго Діонисія (1610—1633, въ спискѣ настоятелей № 48)[1], Аѳанасія Вольховскаго (1752—1758, послѣ епископа Тверскаго и Ростовскаго, № 67), Гедеона Криновскаго (1758—1761, послѣ епископа Псковскаго, № 68), Лаврентія Хоцятовича (1761—1766, № 69), митрополита Платона (1766—1812, № 70), архіепископа Авгу-

[1] Симонъ Азарьинъ въ житіи преподобнаго Діонисія говоритъ: „Егда же во гробъ положено было тѣло его, тогда вси со услажденіемъ на него взирали: ибо лице его было благолѣпно, очи и уста веселы, яко (аки) смѣющіеся; сего ради многіе отъ иконописецъ (монастырскихъ) любве ради благолѣпіе лица его списали, дабы таковый блаженный мужъ у всѣхъ въ памяти вѣчно пребывалъ“. Изъ словъ этихъ слѣдуетъ то, что до насъ могъ дойти болѣе или менѣе дѣйствительный портретъ преподобнаго Діонисія.

стина (1812—1819, № 71) и митрополита Филарета (1821—1867, № 73,— большая фотографія съ малаго портрета).—Сохранилась въ покояхъ старинная изъ росписныхъ изразцовъ печь.

При построеніи трапезной церкви была уничтожена и значительная часть южнаго корпуса келей, остатокъ отъ котораго представляетъ собой нынѣшней Варваринскій корпусъ. Въ описи лавры 1768-го года онъ значится имѣющимъ 16 саженъ съ аршиномъ длины и 7 саженъ съ полуаршиномъ ширины. Возобновленный послѣ пожара 1746-го года корпусъ стоялъ до 1827-го года, когда былъ разобранъ и когда на его мѣстѣ поставленъ былъ новый корпусъ. Въ 1840-мъ году новый корпусъ горѣлъ и былъ возобновленъ. Прежде чѣмъ называться по церкви Варваринскимъ, корпусъ назывался Донскимъ (и просто Домомъ: въ архивѣ лаврскомъ есть дѣло о вырытіи въ 1811-мъ году кладезя противъ Дону, т. е. нашего корпуса, и трапезнаго олтаря). Отъ чего корпусъ назывался Донскимъ, сказать не можемъ. (Можетъ быть, отъ того, что онъ былъ подъ горой, на низу, въ каковомъ значеніи употребляется выраженіе: на дону, cfr въ Словарѣ Даля сл. низъ; можетъ потому, что онъ былъ ссыльнымъ корпусомъ для монаховъ худыхъ нравовъ, представлявшихъ собою своего рода Донское казачество). Въ 1892-мъ году кромѣ Варваринской церкви въ немъ помѣщались: въ верхнемъ этажѣ братская больница, въ нижнемъ этажѣ— монастырская аптека и больница для странниковъ и вообще людей стороннихъ[1].

Пристройка къ южной монастырской стѣнѣ за трапезою жилыхъ помѣщеній для монаховъ, служащихъ на поварнѣ и въ трапезѣ, (должно подразумѣвать—по-за рву, о которомъ сказали мы выше, стр. 172) сдѣлана когда-то до 1768-го года, ибо по описи лавры сего года значится пристроенными къ стѣнѣ служебныхъ монашескихъ келей: пять съ каменнымъ противъ нихъ полисадникомъ, двѣ и три,—всего десять на протяженіи въ общемъ 31 сажени. А о дровяномъ сараѣ, неизвѣстно когда поставленномъ, митр. Филаретъ пишетъ намѣстн. Антонію отъ 19 марта 1832-го года: „дровяной сарай за трапезною церковію подвинуть къ оградѣ, какъ пишете, я согласенъ".

Восточная линія келей горѣла въ пожаръ 1746-го года и была возобновлена послѣ него, какъ и остальныя линіи. Затѣмъ—южная половина этой линіи, отъ Пятницкой башни до Святыхъ воротъ (называемая теперь Предтеченскою) „была возобновлена съ лучшимъ противъ прежняго расположеніемъ" въ продолженіе 1820—1821-го годовъ, а южная половина сѣверной половины (сколько ея теперь принадлежитъ монастырю) была съ основанія перестроена въ 1816-мъ году. Другая, сѣверная, половина сѣверной половины линіи отошла въ 1814-мъ году къ академіи,—это инспекторскій академическій корпусъ, о которомъ см. ниже въ гл. X, объ академіи. Эта сѣверная половина сѣверной половины линіи, отошедшая къ академіи, во второй половинѣ XVIII вѣка носила названіе келарскихъ келей (такъ

[1] [Нынѣ, 1908 г., помѣщаются: иконописная школа, келіи и хлѣбная].

называется въ Краткомъ описаніи). Происхожденіе названія необходимо объяснять такъ, что келари жили въ нашей половинѣ половины линіи то или другое послѣднее время передъ уничтоженіемъ ихъ должности въ 1764-мъ году. Вѣроятно думать, что изъ западнаго корпуса келей они перешли въ нашъ восточный корпусъ въ 1739-мъ году, когда учреждена была должность намѣстника и когда намѣстники заняли подъ свое жилье ихъ бывшія кельи. Поперечныя стѣнки въ Успенскихъ воротахъ отъ стѣны монастырской къ корпусамъ келей для загражденія заднихъ дворовъ за этими послѣдними и сторожка въ воротахъ сдѣланы въ 1783-мъ году, а когда послѣ сего года сдѣлана находящаяся противъ сторожки зимняя лавка для продажи деревяннаго масла и иконъ, не имѣемъ свѣдѣній.

Лавка для продажи книгъ, находящаяся у Святыхъ воротъ, на лѣвой рукѣ отъ входа (и весьма неудачно загораживающая видъ въ лѣвую сторону), построена въ 1895-мъ году.

На западной сторонѣ монастыря послѣ 1641-го года явился новый корпусъ келей, это—корпусъ, который прикладенъ къ монастырской стѣнѣ на протяженіи отъ старой Водяной, а теперешней Соляной, башни до бывшей Пивной башни (лѣтнихъ намѣстничьихъ покоевъ) и который теперь называется Пѣвческимъ. Корпусъ складенъ въ два пріема въ продолженіе 1781—1783-го годовъ. На протяженіи 34-хъ саженей, начиная отъ Водяной башни и до старой стройки, состоявшей изъ погребовъ и ледниковъ съ палатой на верху ихъ (выше стрр. 232—233) онъ складенъ или прикладенъ былъ къ стѣнѣ въ 1781-мъ году. За тѣмъ, сейчасъ помянутая старая стройка, являвшаяся теперь неудобною, на протяженіи 9-ти саженей была разобрана, и въ 1783-мъ, а можетъ быть — и 1782-мъ году, вмѣсто нея была сдѣлана прикладка къ корпусу „подъ одно съ нимъ лицо“ или онъ еще былъ протянутъ по стѣнѣ на 9-ть саженей, такъ что всего составилось 43 сажени. Корпусъ складенъ былъ съ тѣмъ назначеніемъ, чтобы перевести въ него на житье соборныхъ пѣвчихъ, прежнее помѣщеніе которыхъ предполагалось къ уничтоженію, о чемъ сейчасъ ниже.

Вмѣсто ризничной палаты 1641-го года въ 1782-мъ году былъ складенъ новый, существующій до настоящаго времени, ризничный корпусъ. Въ Лаврскомъ архивѣ есть большое и любопытное дѣло о построеніи новой ризницы (1780-го года № 51), но, къ сожалѣнію, не во всемъ совершенно понятное безъ плана, который долженъ былъ при немъ находиться, но котораго при немъ нѣтъ. Павелъ Алеппскій говоритъ о старой ризницѣ, что въ серединѣ трапезы Троицкаго собора была потайная въ нее дверь (вып. 4-й, М. 1898 г., стр. 30), не объясняя, въ чемъ состояла эта потайность. Дѣло объясняетъ ее, хотя и не съ совершенною обстоятельностію, именно—даетъ знать, что ходъ изъ трапезы собора въ ризницу, „самой узкой и неспособной“, состоявшій „изъ малой двери“ и послѣ построенія новой ризницы задѣланный, находился „вверху“ и велъ прямо въ ризницу безъ лѣстницы къ послѣдней, находившейся во второмъ этажѣ, изъ ея нижняго этажа или изъ наружнаго крыльца. Должно понимать это такимъ образомъ, что въ трапезѣ Троицкаго собора, въ верху западной ея стѣны, подъ сводомъ,

была сдѣлана малая дверь, къ которой всходили по приставной лѣстницѣ,—когда нужно приставлявшейся и когда не нужно отставлявшейся,—что отъ этой двери сдѣланъ былъ глухой висячій переходъ прямо къ ризницѣ, т. е. ко второму этажу, и что такимъ образомъ хода въ ризницу не было видно ни изъ трапезы собора, ни снаружи, что въ первомъ случаѣ нельзя было проникнуть въ дверь безъ приставной лѣстницы (которая могла быть убираема), а во второмъ случаѣ—безъ разломки стѣнъ прохода. О мѣстности старой и новой ризницы говорится въ дѣлѣ, что она „есть косогористое, а особливо съ западной и южной стороны". Между старой ризницей и трапезой Троицкаго собора, разстояніе между которыми было пять аршинъ, находился естественный или, можетъ быть, искусственный, ровъ, имѣвшій глубины въ сѣверномъ концѣ два аршина, и въ южномъ концѣ три аршина съ половиной, и ходъ въ усыпальныя палатки, которыя подъ трапезой собора, былъ съ запада, изъ этого рва. Къ 1782-му году ризница состояла не изъ одной палаты, какъ въ 1641-мъ году, а изъ нѣсколькихъ соединенныхъ между собою палатъ или флигелей, именно, начиная съ сѣвера—флигеля, въ верхнемъ этажѣ котораго жилъ экономъ, а въ нижнемъ—ризничій, трехъ палатъ ризничныхъ съ находившимися подъ ними кельями и чуланами понамарей и нежилыми палатками, изъ которыхъ одна, находившаяся подъ боковой или съ боку на задней сторонѣ пристроенной ризничной палатой, давая знать о мѣстности, называлась палаткой „на пескахъ", и флигель, въ которомъ жили пѣвчіе. Всѣ эти флигеля и палаты были соединены между собою „не ровно", выдаваясь одинъ изъ-за другаго и одна изъ-за другой то въ одну, то въ другую сторону и имѣя окна не на одной высотѣ, такъ что весь этотъ корпусъ „дѣлалъ Троицкому собору великое безобразіе". Изъ трапезы собора были два хода въ кельи ризничаго и понамарей съ двумя дверями въ стѣнѣ трапезы. Ходы эти, „примыкаясь къ трапезѣ (какъ-то) неровно, (также) дѣлали собору великое безобразіе". Вмѣстѣ со всѣмъ этимъ безобразіемъ корпусъ пришолъ отъ давняго построенія въ совершенную ветхость и сталъ небезопасенъ къ паденію. По обѣимъ причинамъ и рѣшено было построить новую ризницу вмѣсто старой, стройка которой, какъ мы сказали, произведена была лѣтомъ 1782-го года. [Планъ и фасадъ ризницы изъ книги плановъ и фасадовъ см. на таблицѣ № X].

Въ 1641-мъ году „сряду" отъ ризницы находились или вплотную къ ней примыкали кельи келаря. Это тѣ кельи, въ которыхъ передъ 1782-мъ годомъ жили экономы и которыя сломаны со всѣмъ ризничнымъ корпусомъ. Въ нынѣшнемъ ризничномъ корпусѣ на мѣстѣ бывшихъ келарскихъ—экономскихъ келей находятся кельи запасныя архіерейскія, именно—назначенныя для помѣщенія пріѣзжающихъ въ лавру архіереевъ. Жили ли экономы то или другое время въ этихъ новыхъ кельяхъ или же они напостоянно переселились въ нынѣшнее свое помѣщеніе, находящееся въ верхнемъ этажѣ корпуса, что̀ между Святыми и Успенскими воротами, передъ сломкой стараго ризничнаго корпуса, сказать не можемъ (cfr нѣсколько ниже).

Въ 1641-мъ году сзади келаревыхъ келей въ монастырской стѣнѣ, на протяженіи 20-ти саженъ отъ Пивной или Погребной башни, находились

келарскія гостиныя палаты. Это—нынѣшнія намѣстничьи кельи съ сѣнями передъ ними и канцеляріей Духовнаго собора. Должность намѣстника въ лаврѣ учреждена въ 1739-мъ году. Такъ какъ на него вмѣсто келаря была возложена обязанность принимать и угощать почетныхъ богомольцевъ[1], то нужно думать, что онъ поселился въ кельяхъ келаря, а что келарь тогда перешолъ въ сѣверо-восточный корпусъ, получившій отъ его житья въ немъ названіе келарскаго (выше стрр. 240—241). Когда намѣстникъ перешолъ на житье въ келарскія палаты, а его мѣсто въ келаревыхъ кельяхъ занялъ экономъ, сказать не можемъ, но вѣроятно—въ 1764-мъ году, когда учреждена была должность экономa въ лаврѣ и были отобраны отъ нея вотчины, или вскорѣ послѣ этого года. Лишонная вотчинъ и посаженная на казенное жалованье (штаты), въ росписаніи котораго на пріемъ гостей была ассигнована ничтожная сумма („обще властямъ для пріѣзжихъ и праздниковъ и на рыбу братіи 500 рублей"), лавра, вѣроятно, сразу же и прекратила денно-нощный и роскошный пріемъ гостей, такъ что келарскія палаты стали ненужными для ихъ прежней цѣли[2]. Келарскихъ палатъ, представлявшихъ изъ себя большія залы, было двѣ—зимняя, теплая и лѣтняя, холодная, а между ними было келарское крыльцо—выступившій нѣсколько изъ стѣны наружу (отъ чего и названіе: крыльцо) проходъ между палатами и вдававшійся внутрь между ними съ внутренней стороны, длиной ок. 3 саж. Въ настоящее время зимняя келарская палата съ келарскимъ крыльцомъ составляетъ жилище намѣстника, при чемъ крыльцо разширено противъ прежняго черезъ пристройку съ внутренней стороны или со стороны монастыря между палатами продольной стѣны, захватившей то пространство, на которое вдавалось крыльцо внутрь между палатами. А лѣтняя келарская палата теперь раздѣлена стѣной на двѣ половины, изъ которыхъ одна составляетъ сѣни къ кельямъ намѣстника, а другая—канцелярію Духовнаго собора. Когда увеличено было крыльцо и подѣлена была палата надвое, точнымъ образомъ остается неизвѣстнымъ. Говорится о передѣлкѣ намѣстничьихъ келей въ дѣлѣ о постройкѣ новой ризницы и есть особое дѣло о томъ же 1782-го года (№ 13); за тѣмъ есть таковое же дѣло 1828-го года (№ 50-й). Но въ двухъ первыхъ дѣлахъ говорится о томъ, что предполагалось сдѣлать, и не говорится о томъ, что было сдѣлано; въ третьемъ дѣлѣ, дополненіемъ къ которому служатъ письма митр. Филарета къ намѣстнику Аѳанасію 1828—1830-го годовъ,

---

[1] Что по учрежденіи должности намѣстника обязанность принимать и угощать почетныхъ богомольцевъ перешла отъ келаря къ нему, это даетъ знать митр. Платонъ въ своей автобіографіи, когда говоритъ: „намѣстничью должность (на которую назначенъ былъ въ мартѣ 1763-го года) Платонъ и принялъ неохотно и проходилъ съ тягостію, поелику съ нею соединено было не только смотрѣніе за монахами и всегдашнее принятіе гостей, но и хлопотливое въ соборѣ вотчинными дѣлами приказное правленіе".

[2] Отъ почета, которымъ окружали Сирійцевъ Троицкія власти, первые плакали. Чтен. Общ. Ист. и Древн. Росс., 1898 г. кн. IV, стр. 28.

говорится не столько о передѣлкѣ келей, сколько о несостоявшемся обмѣнѣ ихъ на помѣщеніе Учрежденнаго собора, а что говорится о передѣлкѣ, то остается невразумительнымъ. Изъ первыхъ двухъ дѣлъ видно, что до постройки новой ризницы ходъ въ намѣстничьи кельи былъ не теперешній, не черезъ лѣтнюю келарскую палату, а по наружной галлереѣ, шедшей подлѣ южной стѣны этой палаты (къ которой, дѣлая „нѣкоторую непристойность“, выходилъ нужникъ ризничаго),—что лѣтняя палата, которая дотолѣ еще не была передѣлана и которую еще и не предполагалось передѣлить на двое, не была проходною, такъ какъ не имѣла дверей на сѣверную сторону, бывъ входна только съ келарскаго крыльца, съ запада,—что сейчасъ указанныя двери только предполагалось въ ней сдѣлать, съ цѣлію черезъ нее устроить ходъ въ намѣстничьи кельи. Въ нарочномъ дѣлѣ о кельяхъ говорится о намѣстничьей приборной палатѣ, находившейся за ризницей, и подъ нею банѣ, которыя пришли въ совершенную ветхость и которыя предположено было сломать. Относительно помѣщенія Учрежденнаго собора, на которое предполагалось было обмѣнять намѣстничьи кельи въ дѣлѣ 1828-го года говорится: „по ветхости намѣстничьихъ келлій нынѣ занимаемыхъ передѣлить Учрежденный соборъ отъ кладовой отца казначея до парадной лѣстницы, что̀ подъ башнею, для келлій намѣстническихъ съ тѣмъ, чтобы башню разобрать“. Можетъ быть, келарская палата передѣлена надвое въ 1849-мъ году, когда настроено было надъ нею помѣщеніе для живописной, передѣлена съ тою цѣлію, чтобы поперечною, проведенною въ ней, стѣной придать бо́льшую крѣпость ея сводамъ, очутившимся подъ поломъ живописной.—Что примыкавшая къ келарскимъ палатамъ съ юга Пивная башня обращена была въ жилое помѣщеніе въ видѣ лѣтнихъ намѣстничьихъ келей и что эти лѣтнія намѣстничьи кельи упоминаются подъ 1780-мъ годомъ, мы сказали выше (стрр. 166—167).

О перестройкахъ западной линіи келей, начиная отъ ризницы, въ Краткомъ описаніи лавры читаемъ: „въ 1742-мъ году декабря 8-го дня именнымъ ея императорскаго величества государыни императрицы Елисаветы Петровны указомъ, даннымъ бывшему лаврскому настоятелю архимандриту Кириллу, велѣно линію начиная отъ церкви святыя Троицы и больничную церковь по усмотрѣнію и разсужденію какъ наилучше перестроить. По силѣ котораго ея императорскаго величества повелѣнія та линія называемая Казначейская, въ послѣдовавшіе потомъ 1743, 744 и 745 годы, при настоятелѣ обители преосвященномъ Арсеніи перестроена. Въ нихъ окны и двери прибавлены въ свѣту и приведены въ надлежащій видъ. При нихъ на восточную сторону сдѣлана на каменныхъ столбахъ съ сводами во всю линію галлерея, а въ томъ мѣстѣ, гдѣ она кончится, для хода въ намѣстничьи, казначейскія и экономскія кельи у крыльца сдѣлана каменная башня. Въ 1746-мъ году маія 17 былъ великій пожаръ, который зачался сперва въ домѣ лаврскаго слуги Варлаамова и отъ котораго какъ на оградѣ деревянная кровля съ кровлями башенными, такъ и всѣ братскія кельи, что въ нихъ было деревяннаго, погорѣли. Послѣ сего случая тѣ кельи возобновлены и приведены уже въ надлежащій и порядоч-

ный по архитектурѣ видъ и въ нихъ окны въ стѣну прибавлены, а съ наружи на монастырь сдѣланы галлереи деревянные на каменныхъ столбахъ".

Послѣ того какъ Елизавета Петровна повелѣла „какъ наилучше перестроить" западную линію келей, ей подаваемъ былъ на усмотрѣніе проэктъ перестройки (онъ въ книгѣ плановъ и фасадовъ 1745-го года)[1]. По проэкту, почему-то не вполнѣ осуществленному, предполагалось поставить башни на обоихъ концахъ линіи, и башни нѣсколько иной, болѣе нарядной, формы, чѣмъ существующая. Входъ въ намѣстничьи и прочія кельи до башни былъ рядомъ съ нею (башнею) съ южной стороны, прямо противъ сѣверо-западнаго угла сѣверной паперти Троицкаго собора. Экономскія кельи, которыя упоминаются вмѣстѣ съ намѣстничьими и казначейскими кельями, какъ видно изъ сказаннаго выше, дѣйствительно, были въ этой линіи келей, въ ризничномъ корпусѣ, сзади, по длинѣ самой ризницы (см. листъ 1-й [фототипич. таблица № VI] общій планъ лавры: „ризница церковная и при ней келіи экономскія"). Относительно крылецъ со всею вѣроятностію нужно думать, что на всю линію было одно крыльцо и что частнѣйшіе входы въ кельи были съ галлереи, а именно—представлять себѣ дѣло такъ, что первоначально у этой линіи келей, также какъ у южной и восточной, были наружныя крыльца,—что когда отломаны были эти крыльца, то не сдѣлано было внутреннихъ лѣстницъ, а сдѣлана была галлерея, имѣвшая замѣнять крыльца, а на галлерею сдѣланъ одинъ общій ходъ[2]. Съ галлереей во всю длину линія оставалась до 1820-го года. Въ продолженіе 1820-го и 1821-го годовъ она была возобновлена, при чемъ галлерея была уничтожена, а для входа въ келліи были сдѣланы внутреннія лѣстницы, и при чемъ линія получила тотъ простѣйшій видъ, который она имѣетъ въ настоящее время (въ изданіи Краткаго описанія 1818-го года читаются слова: „въ семъ состояніи они и до нынѣ пребываютъ", а въ изданіи 1824-го года этихъ словъ уже не читается. Въ изданіи 1818-го года, какъ и предшествующихъ, говорится, что башня служила для хода въ намѣстничьи, казначейскія и экономскія кельи, а въ изданіи 1824-го года, что только въ намѣстничьи келліи, чѣмъ и дается знать, что для хода въ казначейскія кельи сдѣлана внутренняя лѣстница. Упоминаніе объ экономскихъ кельяхъ въ 1818-мъ году и неупоминаніе въ 1824-мъ году, можетъ быть, должно быть понимаемо такъ, что въ промежуткѣ этихъ годовъ экономы пересе-

---

[1] [Планъ и фасадъ западной линіи келлій изъ книги плановъ и фасадовъ см. на фототипической таблицѣ № XI. Теперешній фасадъ см. на снимкѣ на стр. 227].

[2] Въ описи 1768-го года говорится: „на той (западной) линіи крыльцо каменное, сдѣланное галдареею, оное крыльцо строено изъ лаврской суммы въ 749 году"; въ описи 1785-го года говорится: „Казначейской и больничной флигель въ длину на 61 сажени съ аршиномъ, поперегъ на 6 саженяхъ; въ томъ флигелѣ два парадные крыльца, изъ коихъ надъ однимъ башня съ галлереею". Но подъ вторымъ крыльцомъ опись 1785-го года, по всей вѣроятности, разумѣетъ входъ въ больничную церковь Зосимы и Савватія, котораго мы въ нашихъ рѣчахъ не разумѣемъ.

лились съ прежняго мѣста на нынѣшнее. Что касается до нынѣшняго простѣйшаго вида западной линіи келій, то, нужно думать, къ нему относятся слова митр. Филарета въ письмѣ къ намѣстнику Антонію отъ 31-го декабря 1861-го года по поводу одного, предполагавшагося намѣстникомъ, долга: „и я не хвалилъ предшественниковъ, что ввели лавру въ долгъ, чтобы изуродовать западный корпусъ келлій". Въ 1849-мъ году, какъ мы упоминали, надстроено надъ Учрежденнымъ соборомъ и надъ сѣнями намѣстничьихъ келей нынѣшнее помѣщеніе иконописной, а въ продолженіе 1858—59-го годовъ надъ казначейскимъ корпусомъ келей надкладенъ третій этажъ.

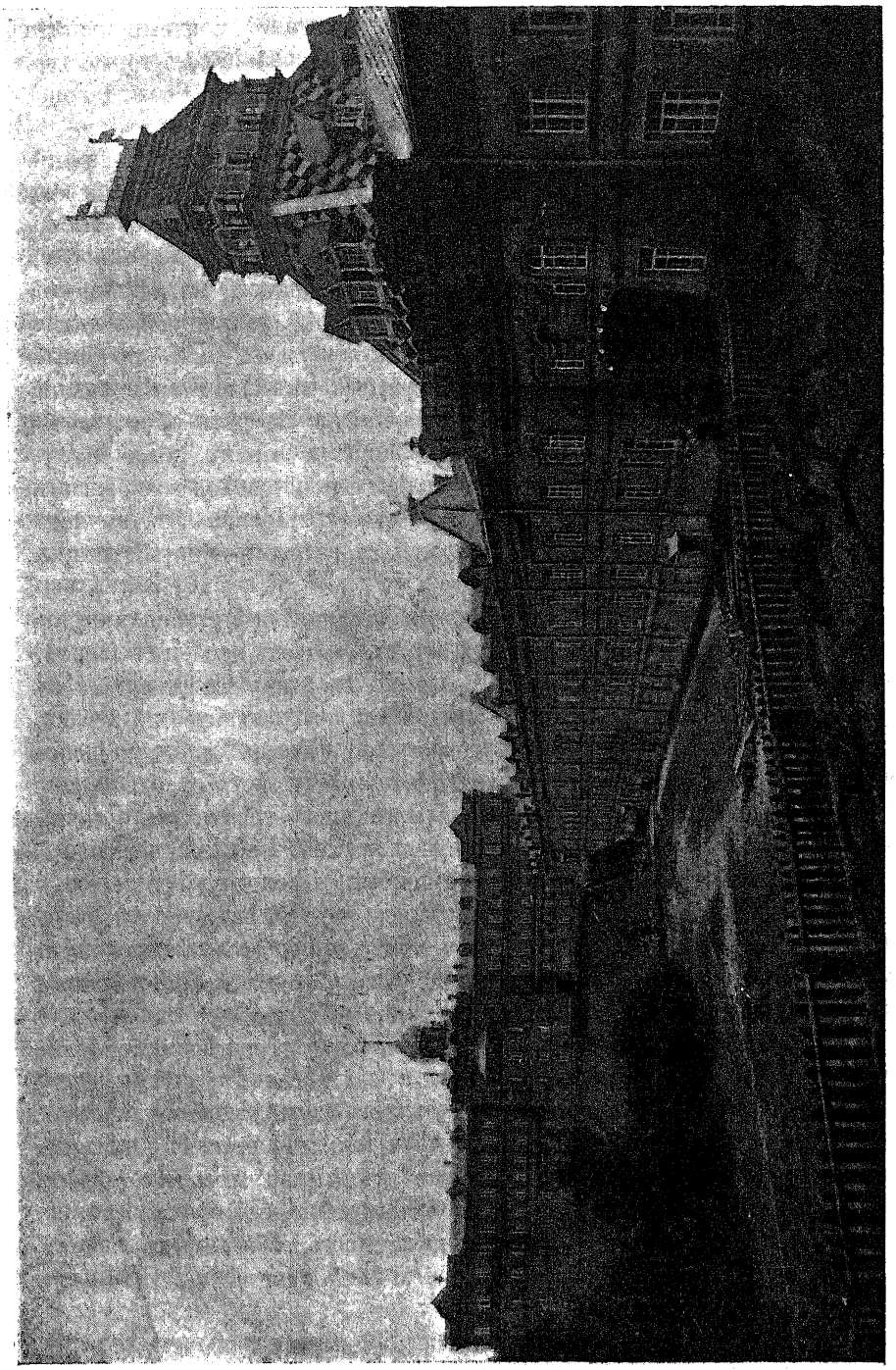
(Односкатный на 14-ти столбахъ навѣсъ для дровъ, находящійся за казначейскимъ корпусомъ, сдѣланъ въ 1829-мъ году).

Прежняя трапеза со всѣми окружавшими ее кельями и строеніями, за исключеніемъ поварни, была разобрана или тотчасъ или вскорѣ послѣ построенія нынѣшней трапезы, церковь которой была освящена 24-го іюля 1692-го года. Оставленная поварня обращена была въ служнюю поварню (которая до тѣхъ поръ была подъ келарскими гостиными палатами), а въ 1735-мъ году въ ней устроена была церковь Смоленской Божіей Матери. Поварня государева, находившаяся посторонь братской поварни, если не была разобрана, когда въ концѣ первой четверти XVIII вѣка построенъ былъ новый каменный дворецъ, что̀ нынѣ ректорскій академическій корпусъ, то по всей вѣроятности была разобрана, когда въ 1735-мъ году изъ братской поварни была устроена Смоленская церковь, ибо, находясь посторонь церкви, она находилась бы вовсе не на мѣстѣ.

Стоявшія за Смоленской церковью кузница и келья оружейнаго монаха были разобраны въ слѣдствіе имяннаго указа императрицы Елизаветы Петровны, „для лучшаго въ монастырѣ проспекта и пространства", въ 1743-мъ году. А находившаяся здѣсь же Оружейная палата была разобрана въ 1779-мъ году (а объ оружіи см. выше стрр. 169—171).

На Житенномъ дворѣ по описи лавры 1768-го года было десять деревянныхъ на каменномъ фундаментѣ двухъэтажныхъ житницъ, мѣрою каждая по десяти саженъ въ длину и по пяти въ ширину, построенныхъ въ продолженіе 1753—1754-го годовъ. Рядъ ихъ, какъ видно изъ одного документа, начинался отъ учительскаго семинарскаго корпуса, который шолъ отъ чертоговъ къ монастырской стѣнѣ по линіи теперешняго класснаго (бывшаго баккалаврскаго) корпуса [см. фототипич. таблицы №№ XI и XII]. Въ 1773-мъ году, за употребленіемъ двухъ житницъ на другія стройки, ихъ было восемь, при чемъ четыре были съ хлѣбомъ, а четыре стояли пустыми. Въ 1785-мъ году, за употребленіемъ трехъ житницъ еще на другія стройки и одной, кажется, за продажей, ихъ оставалось четыре. Когда вынесены изъ монастыря всѣ житницы и Житничный дворъ совсѣмъ былъ очищенъ, не имѣемъ точныхъ свѣдѣній; но, по всей вѣроятности, до 1797-го года, когда по приказанію импер. Павла на мѣстѣ нынѣшней академической больницы была построена семинарская больница (о чемъ см. въ гл. X).

[О новыхъ зданіяхъ въ Пафнутьевомъ саду, построенныхъ въ 1892—1896 годахъ, въ „Историческомъ описаніи Свято-Троицкія Сергіевы лавры" (Св. Тр. Серг. лавра, 1902 г., стр. 38—39) читаемъ слѣдующее:



Новыя постройки лавры въ Пафнутьевомъ саду.

1. Новый странноприимный домъ, находится на южной сторонѣ лавры, по линіи ограды Пафнутьевскаго сада; устроенъ въ 1892 г. ко дню торжественнаго празднованія 500-лѣтія со времени блаженной кончины святаго основателя лавры, преподобнаго Сергія, и въ ознаменованіе сего торжества. Зданіе двухъ-этажное съ подвальнымъ полуэтажемъ, длиною 34 саж. 1 арш., шириною 8 саж. Здѣсь можетъ помѣститься до 2000 богомольцевъ.

2. Больница-богадѣльня, построена въ 1893—1895 гг. Это зданіе находится съ западной стороны на противоположномъ отъ лавры берегу рѣчки Кончуры; длина его 36 саж., ширина 8, а на концахъ, съ выступами, 12 саженъ; съ восточной стороны, обращенной къ лаврѣ, оно 4-хъ этажное, а съ противоположной стороны, обращенной къ Ильинской улицѣ, 3-хъ этажное. По срединѣ зданія, къ востоку, выступаетъ церковь во имя св. Іоанна Лѣствичника, вдаваясь трапезною своею частію въ самый корпусъ, который раздѣляется ею на двѣ равныя части: южная половина составляетъ больницу на 100 и болѣе кроватей, а сѣверная—богадѣльню для престарѣлыхъ изъ монашествующихъ лавры и мірянъ, долго послужившихъ при лаврѣ и отъ старости или болѣзни лишившихся возможности существовать своимъ трудомъ. Подъ церковію св. Іоанна Лѣствичника находится внизу аптека, а подъ нею—церковь св. великомученицъ Варвары, Анастасіи и Акилины.

3. Переходный или мастерской корпусъ, соединяющій вышепомянутое зданіе больницы-богадѣльни съ лаврской оградой, а чрезъ нее—и съ лаврой. Это зданіе устроено въ 1895—6 г. г., имѣетъ въ длину 69 саженъ, а въ ширину 5 саж. Оно перекинуто чрезъ широкій и довольно глубокій оврагъ, по которому протекаетъ рѣчка Кончура. Поэтому вышина зданія, по положенію мѣстности—различна: на оконечностяхъ оно имѣетъ съ одной стороны одинъ этажъ, а съ другой—два, а въ срединѣ—три этажа; у самой же лаврской стѣны оно поднимается до 6-ти этажей. Верхній, чердачный этажъ представляетъ собой длинную полутемную переходную галлерею—изъ лавры въ больницу-богадѣльню. По сторонамъ этой галлереи расположены разныя кладовыя. Посредине зданія, внизу, поперекъ его перекинута арка чрезъ рѣчку Кончуру, которая при построеніи этого зданія направлена на это мѣсто по прямой линіи, а ранѣе русло ея проходило извилинами въ разныя стороны. Въ этомъ зданіи внизу помѣщается баня, раздѣленная на двѣ половины—для братіи и для рабочихъ; затѣмъ идутъ мастерскія: слесарня, столярня, плотничная; здѣсь же помѣщается лаврская типографія, открытая въ 1895 году для печатанія Троицкихъ листковъ и другихъ лаврскихъ изданій—и переплетная мастерская; надъ типографіей находится редакція Троицкихъ листковъ, и помѣщенія для братій, состоящихъ при названныхъ издательскихъ учрежденіяхъ, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ въ лаврѣ (бывшему) казначею оной, архимандриту Никону, нынѣ епископу Вологодскому].

Авторъ Краткаго описанія лавры говоритъ о первоначальныхъ кельяхъ монастыря до ихъ перестройки Арсеніемъ Могилянскимъ, что онѣ были съ малыми окнами, которыя сдѣланы были безъ всякаго порядка, что къ

нимъ для всхода придѣланы были деревянныя большія крыльца, и что такимъ образомъ онѣ представляли изъ себя нѣчто весьма непорядочное. Вообще, авторъ описанія, какъ это онъ прямо говоритъ и какъ это даетъ онъ знать своимъ тономъ, считаетъ первоначальныя кельи монастыря за нѣчто убогое и жалкое и совсѣмъ недалекое отъ настоящаго безобразія. Но имѣть такія представленія о первоначальныхъ кельяхъ монастыря, о которыхъ авторъ описанія, самъ уже не заставшій ихъ, говоритъ съ чужихъ словъ и къ которымъ онъ чувствуетъ нерасположеніе, питавшееся людьми XVIII вѣка ко всему старому, было бы далеко неосновательно. Окна дѣйствительно были небольшія, но вовсе не были сдѣланы безъ всякаго порядка, а напротивъ, какъ видимъ на изображеніи лавры XVII вѣка, совсѣмъ въ надлежащемъ архитектурномъ порядкѣ. Крыльца дѣйствительно были большія деревянныя, но, составляя нѣчто необычайное для насъ и для нашихъ глазъ, вовсе не составляли онѣ безобразія, а благодаря старательной узорочности, съ которою онѣ сдѣланы, какъ это видимъ на томъ же изображеніи XVII вѣка, онѣ прямо служили къ украшенію келей. Вообще, прежнія кельи монастыря, насколько мы можемъ судить о нихъ по изображенію лавры XVII вѣка, были положительно хорошими и въ своемъ родѣ очень красивыми, при чемъ если сравнивать ихъ съ нынѣшними кельями, отличающимися слишкомъ большой (какъ говорятъ—казарменной) простотой своей архитектуры, то никакъ нельзя будетъ сказать рѣшительно, что предпочтеніе должно отдать послѣднимъ.

Выше, дѣлая выдержку изъ Краткаго описанія о западной линіи келей, мы привели его слова обо всѣхъ кельяхъ, что послѣ пожара 1746-го года „кельи возобновлены и приведены въ надлежащій и порядочный видъ и въ нихъ окна къ свѣту прибавлены, а съ наружи на монастырь сдѣланы галлереи деревянные на каменныхъ столбахъ“. Относительно галлерей дѣло должно быть понимаемо такъ, что ими обнесены были всѣ линіи келей монастырскихъ, за исключеніемъ только келей архимандричьихъ или же со включеніемъ и сихъ послѣднихъ. О галлереяхъ (деревянныхъ переходахъ на каменныхъ стѣнахъ) у всѣхъ или вдоль всѣхъ линій келей, за исключеніемъ келей архимандричьихъ, говорятъ описи лавры 1768-го и 1785-го годовъ; о галлереяхъ у всѣхъ линій келей, со включеніемъ и келей архимандричьихъ, говоритъ Миллеръ въ своемъ описаніи лавры, составленномъ между 1770—1775-мъ годами. Этотъ второй пишетъ: „Архимандричьи и властиныя, также братскія и учительскія кельи о двухъ этажахъ съ открытыми на каменныхъ столбахъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и на сводахъ, утверждающимися переходами по всѣмъ четыремъ сторонамъ монастыря изрядно построенныя, придаютъ оному немалое украшеніе“. Выше мы сказали, что галлерея у западной линіи или у западнаго корпуса келей была уничтожена въ 1820—1821-мъ году. Вѣроятно, что около того же времени были уничтожены галлереи и другихъ линій или корпусовъ.

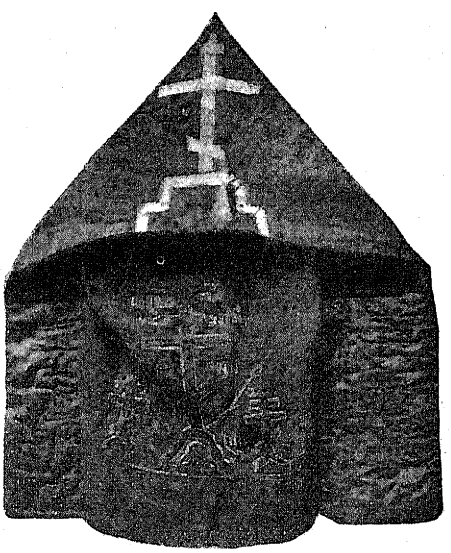
Въ первой половинѣ XVIII вѣка, какъ это видимъ въ книгѣ плановъ и фасадовъ 1745-го года, всѣ зданія лавры были покрыты такъ называемой голландской крышей (какъ бы двухъэтажной и имѣющей видъ катафалка),

которая замѣнена была на всѣхъ зданіяхъ нынѣшней простой крышей при митр. Платонѣ.

Всѣ зданія въ лаврѣ, не исключая и царскихъ чертоговъ и со включеніемъ даже и двухъ церквей (Духовской и Михеевской) до митр. Платона покрыты были деревомъ и постепенно всѣ перекрыты желѣзомъ при немъ.

Замощеніе камнемъ дорогъ въ монастырѣ начато было (и, можетъ быть, въ одинъ пріемъ и произведено было) въ 1784-мъ году.

Что задворки монастыря оставались такъ сказать въ первобытномъ состояніи до позднѣйшаго времени, видно изъ того, что какая-то яма за свѣчной, находящейся въ нижнемъ этажѣ казначейскаго или западнаго корпуса, была завалена только въ 1832-мъ году.



Аналавъ отъ схимы преп. Сергія.

V.

Ризница.

Ризница находится сзади Троицкаго собора, отдѣляясь отъ него узкимъ проходомъ (или, если проходъ принимать, какъ онъ принимается, за вторую паперть Троицкаго собора, будучи соединяема съ послѣднимъ этою второю его папертью). О зданіи ризницы мы сказали въ предшествующей главѣ (стрр. 241—242), а здѣсь мы скажемъ объ ея содержаніи или о хранящихся въ ней священныхъ предметахъ и вещахъ.

Ризница Троицкаго монастыря, насколько есть въ ней предметовъ дорогихъ и драгоцѣнныхъ (насколько она есть ризница такъ сказать праздничная), составилась подобно ризницамъ другихъ монастырей наибольшею частію изъ приношеній и вкладовъ. Естественно, что въ монастырь самый почитаемый, каковъ былъ и есть Троицкій, и вклады были дѣлаемы и дѣлаются самые богатые. А по сей причинѣ совершенно естественно, что и ризница монастыря, составлявшаяся изъ таковыхъ вкладовъ въ продолженіе пяти столѣтій, представляетъ богатство необыкновенное. Груды золота и серебра, масса драгоцѣнныхъ каменьевъ и жемчуга, самыя дорогія, какія только могли быть приготовляемы и пріобрѣтаемы у насъ, матеріи, возможно совершенные образцы вышивательнаго (золотошвейнаго) искусства,—вотъ передъ чѣмъ невольно разбѣгаются глаза у обозрѣвателя ризницы и при созерцаніи чего вырываются невольныя восклицанія удивленія. Но должно быть еще принимаемо, что старая ризница сохранилась до насъ не въ совершенной своей цѣлости. Кромѣ того, что иное обветшало, иное передѣлано, иное по приказанію высшаго начальства отдано въ другія мѣста, существуютъ основанія допускать еще отдѣлъ иного, которое при стеченіи несчастныхъ обстоятельствъ и безъ всякихъ обстоятельствъ было расхищено [1].

---

[1] Что во время осады лавры Поляками въ казнѣ ея, причемъ должна быть разумѣема и казна ризная или ризничная, дѣялось „не добрѣ добро“ и что была опасность, что казна вся будетъ разволочена, см. письмо воеводы кн. Долгорукова къ Аврамію Палицыну въ Акт. Истор. т. II, № 242, § II, стр. 288, col. 2. Преемникъ Іосифа Дѣвочкина въ должности казначея Іосифъ Панинъ (1611—1619) отставленъ былъ отъ мѣста за растрату очень большой суммы монастырскихъ денегъ,—*о. Арсенія*, Лѣтопись намѣстниковъ, келарей и пр., казначеевъ № 30. Знаменитый въ свое время келарь Александръ Булатниковъ (1622—1641) извѣстенъ крайне непохвальнаго свойства продѣлкой, ко-

Впрочемъ, самымъ дорогимъ почитается въ ризницѣ то, что въ отношеніи къ цѣнѣ вещественной или цѣнѣ въ собственномъ смыслѣ этого слова есть отчасти самое дешевое, отчасти же далеко не самое дорогое. Это—священные и не священные предметы, остающіеся отъ преподобныхъ Сергія и Никона. Предметы эти суть слѣдующіе:

1. Деревянные богослужебные сосуды преподобнаго Сергія, именно—потиръ, дискосъ и проскомидійное блюдце. Окрашены красной краской; на потирѣ—изображеніе Спасителя съ Божіею Матерію и Предтечей и на противоположной сторонѣ отъ этого изображенія—крестъ съ тростію и копіемъ; на дискосѣ изображеніе агнца въ видѣ младенца, лежащаго въ чашѣ и осѣняемаго двумя ангелами, съ надписью кругомъ: [„придите і ядите, се есть тѣло Мое, еже за вы ломимое Новаго Завѣта во оставление грѣховъ“]; на блюдцѣ изображеніе Знаменія Божіей Матери. Поддонъ потира расколотъ, а дискосъ не имѣетъ поддона или подставы и представляетъ собой просто маленькую тарелку [см. снимокъ на стр. 253].

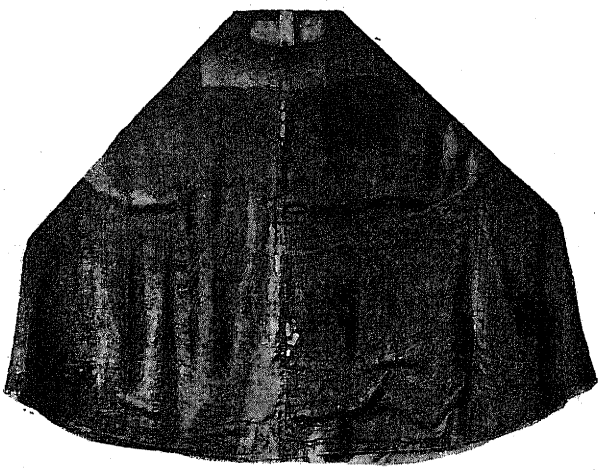
торую онъ дозволилъ себѣ съ тою цѣлію, чтобы свою худую вотчину (онъ былъ изъ дворянъ) обмѣнять на хорошую вотчину монастырскую,—принадлежащее Симону Азарьину житіе архим. Діонисія, глава, надписанная: „О терпѣніи и страданіи святаго за вотчину чудотворца Сергія“, гдѣ подъ экономомъ долженъ быть разумѣемъ именно келарь Александръ Булатниковъ. Георгій Дашковъ, бывшій казначеемъ лавры въ 1707-мъ году, былъ обвиняемъ отъ его преемника въ должности казначея, что не сдалъ по росписнымъ книгамъ жемчуга, золотыхъ и серебряныхъ вещей и парчей многаго числа, см. Описанія документовъ и дѣлъ св. Сѵнода т. I, col. 2. О наказаніи кнутомъ и ссылкѣ въ Сибирь на вѣчное житье служителя Троицкаго Сергіева монастыря Сакѣева за ложный доносъ на Георгія см. Архивъ правит. Сената, опись указамъ и повелѣніямъ, сост. *П. Барановъ*, т. II, № 3608 (указъ отъ 5-го ноября 1729-го года). Гавріилъ Бужинскій обвиняемъ былъ отъ его преемника на архимандритіи лавры въ присвоеніи двухъ золотыхъ панагій, см. ibid. т. VII, col. 273. Когда Анна Іоанновна въ своемъ указѣ отъ 21-го сентября 1738-го года предписываетъ начальству Троицкаго монастыря: „въ церквахъ иконостасовъ и прочаго и церковной утвари безъ особливаго нашего указа отнюдь ничего не передѣлывать и не перемѣнять каменья, жемчуга, запонъ и прочаго изъ одной въ другую утварь“, то ясно, что разумѣетъ бывшія при семъ дотолѣ большія или меньшія злоупотребленія; а когда въ томъ же указѣ императрица говоритъ, что прежде того бывало, „что всякъ (изъ властей монастыря, каковы архимандриты, келарь и казначей) изъ обители брали, разхищали и раздавали какъ бы свое собственное“, то, должно думать, разумѣетъ между прочимъ и ризницу, см. еще примѣч. на стрр. 126—127. Могутъ быть указаны и нѣкоторые вклады, которыхъ въ настоящее время неизвѣстно. Симонъ Азарьинъ въ новыхъ чудесахъ преп. Сергія говоритъ, что патр. Іосифъ, получивъ исцѣленіе отъ болѣзни по молитвамъ къ преп. Сергію, „многъ вкладъ, златоглавы (?) и прочія вещи въ Сергіеву казну принесе“,—чудо 40. Но никакихъ вкладовъ патр. Іосифа въ ризницѣ лавры теперь нѣтъ. Тотъ же Симонъ Азарьинъ въ своемъ изданіи житія преп. Сергія говоритъ о двухъ чашахъ, зѣло предивныхъ, серебрянныхъ позлащенныхъ, принесенныхъ въ даръ монастырю Донскими казаками, стр. 147. Но, сколько знаемъ, ни одной изъ этихъ двухъ чашъ никакой теперь не находится.

Деревянные сосуды, употреблявшіеся въ служеніи преп. Сергіемъ.

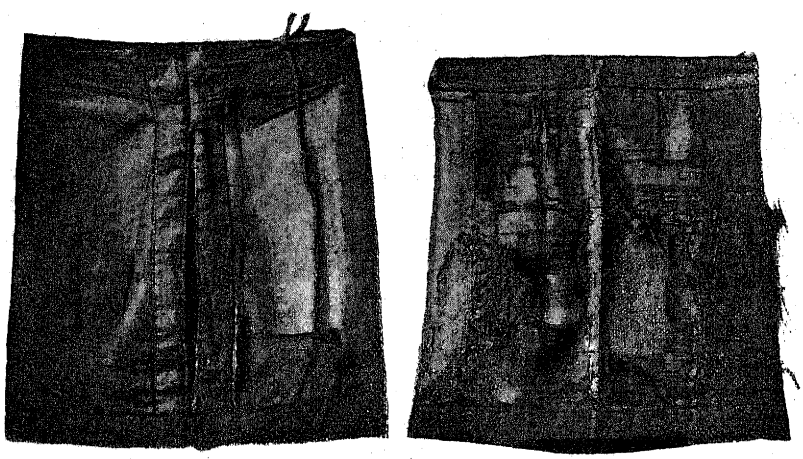
2. Деревянные богослужебные сосуды преподобнаго Никона,—тѣ же самые, что̀ и преподобнаго Сергія. Во всемъ похожи на послѣдніе, за исключеніемъ того, что по краямъ потира читается надпись: [„пити от нея, сѣ есть кровь Моя Новаго Завѣта во оставление грѣховъ“; см. снимокъ на стр. 201][1].

[1] Странно, что ни объ однихъ, ни о другихъ сосудахъ не упоминаетъ (если не ошибаемся) опись монастыря 1641-го года. Какъ бы то ни было, но отъ этихъ деревянныхъ сосудовъ не должно дѣлать несправедливыхъ заключеній объ убогой нищетѣ преподобныхъ Сергія и Никона. Преподобный Сергій подвизался въ пустынѣ одинъ, а нѣкоторое время и съ собравшеюся къ нему братіей дѣйствительно при такой убогой нищетѣ, что единственно доступными для него богослужебными сосудами были сосуды деревянные. Но когда прославился онъ какъ подвижникъ, что̀ случилось не въ особенно продолжительномъ времени по основаніи имъ монастыря,—то его почитателями, къ которымъ принадлежали не только окрестные жители, не только князь Радонежскій съ своими боярами, но и великій князь Московскій съ своими боярами, ему доставлены были средства въ такомъ большомъ достаткѣ, что при благоустроеніи монастыря во всѣхъ отношеніяхъ онъ имѣлъ полную возможность завести и серебряные богослужебные сосуды. О преподобномъ Никонѣ и говорить нечего: при немъ монастырь преподобнаго Сергія сталъ уже просто богатымъ монастыремъ и если онъ завелъ сохранившееся до настоящаго времени серебряное позолоченое кадило [см. на стр. 200], то, конечно, въ состояніи былъ завести таковые же богослужебные сосуды. На деревянные сосуды преподобныхъ Сергія и Никона, если они дѣйствительно принадлежатъ имъ, должно смотрѣть не какъ на такіе сосуды, которые единственно они въ состояніи были бы пріобрѣсти, а какъ на такіе сосуды, которые они употребляли по буднямъ или завсе; это-же послѣднее должно объяснять отчасти простотой ихъ времени вообще, отчасти ихъ собственной особенной любовью къ простотѣ. А если не сохранилось до настоящаго

3. Богослужебная священническая риза преподобнаго Сергія. Изъ бумажной темноцвѣтной нетонкой ткани; крестикъ подъ оплечьемъ и звѣздица на подолѣ крашенинные. Въ описи монастыря 1641-го года упоминается, но не описывается (о другой ризѣ, находящейся у раки преподобнаго, см. выше стр. 192) [см. снимки ниже и на стр. 193].



Священническая риза преп. Сергія
(изъ бумажной темноцвѣтной ткани).

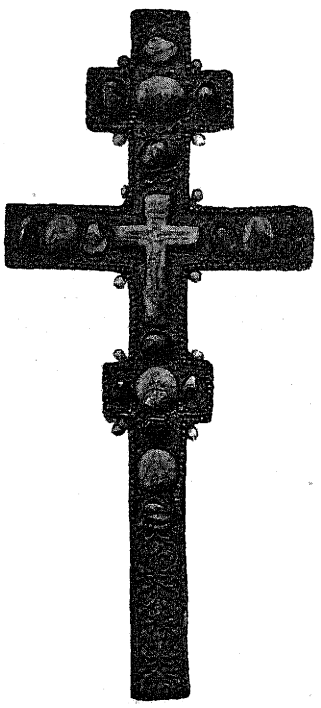


Поручи преп. Сергія.

времени ихъ серебряныхъ богослужебныхъ сосудовъ, то на вопросъ о семъ— простой отвѣтъ: они могли быть послѣ передѣланы или передѣлываны, т. е. или передѣланы одинъ разъ, что было достаточно для того, чтобы они перестали считаться сосудами преподобныхъ Сергія и Никона, или даже передѣлываны нѣсколько разъ.

4. Богослужебная священническая риза преподобнаго Никона. Изъ бѣлой камки (шолковой цвѣтной матеріи), съ оплечьемъ и крестомъ парчевыми. Въ описи 1641-го года описывается: „риза чюдотворца Никона, камка бѣла, ветха, оплечье камка червчата (красная) з золотомъ и серебромъ и съ шелки, круживо шито золотомъ и серебромъ“ [см. снимокъ на стр. 201].

5. Крестъ, присланный преподобному Сергію Константинопольскимъ патріархомъ Филоѳеемъ (о чемъ см. выше стр. 37). Воздвизальный или напрестольный, осмиконечный, съ болѣе длинною чѣмъ у насъ теперь дѣлается, рукоятью или частію продольнаго дерева подъ подножіемъ, деревянный, обложенный золотомъ и украшенный драгоцѣнными камнями. На задней сторонѣ читается надпись конца XVI—начала XVII вѣка, къ которому относится и окладъ: [„Сіи стый крстъ прислалъ стѣишіи патріархъ Цриграда кѵръ Филоѳей, вселенскіи учител, свое блґословеніе къ прпбномоу игуменоу Троецкомоу Сергію чюдотворцу въ дні блґочстива и велика князя Дмітріа Івановича всея Русия и стѣишаго Алеѯия чюдотворца, митрополіта Кіевскоѳ и всея Русия, на блґословеніе самодрьцу, гдрю всеа Русі, великому кнзю и его блґовѣрнымъ кнзмъ и всѣмъ православнымъ християномъ“]. Подъ этой надписью, сдѣланной чернью, нацарапано острымъ орудіемъ: „дѣлал Андрѣко (Андрейко) Петров Ізмалов (Измайловъ)“. Въ описи монастыря 1641-го года о нашемъ крестѣ читается: „Крестъ воздвизалной, животворящее древо (т. е. съ частію въ немъ животворящаго древа), обложенъ золотомъ, чеканенъ...; назади подпись, что прислалъ цареградской патріархъ Филоѳей“ [см. снимокъ на сей страницѣ].



Крестъ, присланный преп. Сергію Константинопольскимъ патріархомъ Филоѳеемъ.

6. Служебникъ, усвояемый преподобному Никону[1], но на самомъ дѣлѣ принадлежавшій преподобному Сергію, пергаменный, въ 12-ю долю листа,

[1] Служебникъ выдается за Никоновскій, вѣроятно, потому, что доски его покрыты одной матеріей съ евангеліемъ преподобнаго Никона, о которомъ сейчасъ. Описаніе служебника, равно какъ и всѣхъ другихъ рукописей, хранящихся въ ризницѣ, сдѣланное архим. Леонидомъ, см. въ 4-й книгѣ Чтеній Общ. Ист. и Древн. Росс. 1880-го года. Въ описи монастыря 1641-го года, а также въ описи книгамъ, въ степенныхъ монастыряхъ находящимся, напечатанной Ундольскимъ, упоминаются „два служебника на харатьѣ (пергаминѣ), свертки на деревцѣ, чюдотворца Сергія“. Къ сожалѣнію, ни одного изъ этихъ свертковъ или свитковъ на деревцѣ не сохранилось до настоящаго времени. (Въ нашихъ русскихъ библіотекахъ свертки или свитки эти, т. е. славянскіе свитки, представляющіе собою

мелкаго уставнаго письма, [см. снимокъ на стр. 191], содержащій литургіи Іоанна Златоустаго, Василія Великаго и преждеосвященныхъ даровъ съ началомъ послѣдованія святыхъ богоявленій (далѣе еще слѣдуютъ молитвы святаго причащенія, но на бумагѣ и позднѣйшаго,—XVI вѣка, письма), написанный въ 1381—1382-мъ году (какъ это видно изъ поминовенія князей на первой эктеніи, ибо поминается князь Иванъ, сынъ князя Серпуховскаго, а вмѣстѣ и Радонежскаго, Владимира Андреевича Храбраго, родившійся весной 1381-го года, и не поминается князь Андрей, сынъ великаго князя Дмитрія Ивановича, родившійся 14-го августа 1382-го года).

7. Евангеліе преподобнаго Никона, такъ называемое тетръ (греческое слово, порусски значащее: четверо, съ подразумѣваемымъ: евангеліе—четвероевангеліе), т. е. содержащее всѣхъ евангелистовъ вполнѣ, а не изборъ только изъ нихъ богослужебныхъ чтеній (что̀ называлось евангеліемъ апракосъ), пергаменное, въ 8-ю долю листа, писанное мелкимъ уставомъ, съ позднѣйшею надписью: „Евангеліе четвертное, на харатьѣ, Никона чудотворца. А не отдати его никому". [См. снимокъ на стр. 198].

8. Кадило преподобнаго Никона, серебряное, позолоченное, четвероугольное, имѣющее видъ церкви, съ вычеканеннымъ на передней сторонѣ его деисусомъ (Спаситель, Божія Матерь и Іоаннъ Предтеча), а на прочихъ сторонахъ—апостолами, вѣсомъ въ два фунта; на немъ надпись: „в лѣто 6913 (1405) сие кадило создано бы къ сѣй Трци замышленьемъ игуменомъ Никономъ (т. е. замышленіемъ игумена Никона), при бл҃говѣрномъ князи великомъ Васильи Дмитре(евичѣ)]". Въ старое время при встрѣчахъ пріѣзжавшихъ въ монастырь государей обыкновенно было употребляемо это кадило преподобнаго Никона: „встрѣчаютъ государя во святыхъ вратѣхъ архимандритъ со крестомъ, а болшой діаконъ съ кадиломъ съ Никоновскимъ". [См. снимокъ на стр. 200].

9. Кожаныя сандаліи преподобнаго Сергія, въ которыхъ онъ былъ погребенъ и которыя при изнесеніи мощей его изъ земли, послѣ 30-ти лѣтняго нахожденія въ послѣдней, оказались совершенно не поврежденными; по внѣшнему виду или по формѣ онѣ суть востроносыя и мелкія

полные или неполные служебники, необыкновенно рѣдки: намъ извѣстенъ и всего одинъ примѣръ свитка XV вѣка, содержащаго литургію св. Іоанна Златоустаго и находящагося теперь въ Петербургской Публичной библіотекѣ (пергаминнаго, длиной въ 7 аршинъ съ $1^1/_2$ вершк.), и еще указаніе на другой свитокъ, того же XV вѣка (также пергаминный, длиной въ 17-ть аршинъ), содержащій полный служебникъ,—*Строева* Описаніе рукописей Царскаго, № 561, стр. 631. Но у Грековъ, носивъ названіе κοντάκιον' овъ, свитки были очень обычны, а у Болгаръ и у Сербовъ, если не очень, то довольно употребительны, см. *Дюканжа* Gloss. Graecit. подъ сл. κοντάκιον, *Мартины* Словарь подъ сл. volumes, *П. Сырку* изслѣдованіе: „Къ исправленію богослужебныхъ книгъ въ Болгаріи въ XIV вѣкѣ", т. I, стр. IX, указывающаго свидѣтельства архимм. Порфирія Успенскаго и Леонида Кавелина, также изданную Обществомъ любителей древней письменности брошюру *Помяловскаго:* „Два пергаменные литургійные κοντάκια"). Ср. на стр. 28-ой, прим. 2-ое.

туфли или башмаки; каждая изъ одного или изъ цѣльнаго куска довольно толстой и жосткой кожи; дратва или вервь, которою онѣ сшиты были, пропала, такъ что теперь онѣ съ распавшимися швами[1] [см. снимокъ на стр. 94].

Богослужебныя принадлежности и вообще священные предметы, хранящіеся въ ризницѣ и именно составляющіе часть ризницы дорогую и драгоцѣнную, подлежащую обозрѣнію и заслуживающую таковаго, по классамъ суть слѣдующіе:

I. Напрестольные (воздвизальные) кресты, украшенные золотомъ и серебромъ, жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями и отчасти сдѣланные при этомъ изъ матеріала какого-либо особеннаго.

Нарочито могутъ быть указаны:

1. Крестъ золотой, съ мощами святыхъ, украшенный бурмицкими зернами (крупнымъ жемчугомъ) и драгоцѣнными камнями, пожертвованный, какъ видно изъ надписи, вычеканенной на немъ ниже подножія, въ 1678-мъ году царевной Ириной Михайловной.

2. Крестъ изъ восточнаго хрусталя, съ изображеніемъ Распятія, Божіей Матери и Іоанна Богослова, украшенный двумя яхонтами, съ серебря-

[1] Находится еще въ ризницѣ золотой, украшенный драгоцѣнными камнями, большой шейный крестъ, формою четвероконечный, который принимается за крестъ, возложенный святымъ митрополитомъ Алексіемъ на преподобнаго Сергія, о чемъ см. выше стр. 58. Но возлагалъ ли святой Алексій на преподобнаго Сергія золотой крестъ, съ тѣмъ, чтобы оставить ему послѣдній какъ даръ, или не возлагалъ, это составляетъ вопросъ, вѣроятнѣйшій отвѣтъ на который есть отрицательный. Правда, жизнеописатель преподобнаго Сергія монахъ Епифаній положительно говоритъ, что возложилъ („и повелѣ митрополитъ изнести крестъ съ парамандомъ, златомъ же и каменіемъ драгоцѣннымъ украшенъ, и даруетъ святому..., и тако возложивъ,—подразумѣвается: крестъ,—своими рукама на святаго, яко нѣкое обрученіе"...). Но увѣреніе Епифанія, желающаго почему-то возложить золотой крестъ на преподобнаго Сергія, весьма мало вѣроятно по существу дѣла. Золотой крестъ, о которомъ идетъ рѣчь, былъ крестъ архіерейскаго богослужебнаго параманда, см. выше стр. 58, прим. 1. Святой Алексій, желавшій оставить преподобнаго Сергія своимъ преемникомъ на митрополіи, хотѣлъ возложить на него крестъ или собственно парамандъ съ крестомъ какъ нѣкое обрученіе архіерейству, т. е. возложить послѣ того, какъ Сергій изъявитъ свое согласіе. Но преподобный Сергій рѣшительно отказался отъ архіерейства: съ какой же бы стати святой Алексій возложилъ на него крестъ? А представлять дѣло такъ, будто святой Алексій возложилъ крестъ на преподобнаго Сергія хитростію и обманомъ, въ надеждѣ, что съ крестомъ на шеѣ онъ не откажется отъ архіерейства, конечно, было бы весьма странно (и митр. Филаретъ держится того мнѣнія, что крестъ не былъ возлагаемъ св. Алексіемъ на преп. Сергія). Крестъ, несомнѣнно очень древній (только цѣпь его весьма новая) и какъ будто цареградскаго дѣла, т. е. вывезенный изъ Константинополя, можетъ быть, и дѣйствительно отъ архіерейскаго параманда, т. е. приложенъ въ монастырь по какомъ-нибудь архіереѣ (не невозможно предположеніе, что именно по святомъ Алексіѣ), но столько-же можетъ быть и то, что онъ приложенъ по какомъ-нибудь міряниѣ.

ной ручкой. Во вкладной книгѣ объ этомъ крестѣ записано: „7126 (1618) года князь Димитрій Тимоѳѣевичъ Трубецкой далъ вкладу по матери своей княгинѣ инокинѣ Капителинѣ, да по братѣ своемъ князѣ Меркурьѣ, да по женѣ своей княгинѣ Марьѣ, крестъ благословенной (т. е. благословящій) хрусталенъ, съ каменьемъ съ яхонты, по цѣнѣ за 100 рублей". 100 рублей 1618-го года на наши теперешнія деньги будутъ 1400 рублей. Самъ князь Дмитрій Тимоѳеевичъ Трубецкой погребенъ въ лаврѣ, см. ниже главу VI, кладбища.

3. [Крестъ императора Юстиніана, о которомъ въ теперешней оффиціальной лаврской описи такъ пишется: „Крестъ деревянный рѣзной изъ жезла Моисеева, греческой работы, обложенъ мѣстами сканнымъ золотомъ, на немъ рѣзныя изображенія: Распятіе Господне, Господскіе праздники. Рукоять обложена позлащеннымъ серебромъ. Во влагалище вкладывается слюда, обложенная сребропозлащенною рамкою съ рѣзною надписью: „сей крестъ великаго Устиніана царя составленъ отъ чудотворнаго Моисеева жезла, имъ же прейде море изъ Египетской земли и отдалъ его царь Устиніанъ въ Синайскую гору въ монастырь мученицы Екатерины, идѣже лежатъ мощи ея во дни пятаго собора и оттуду принесъ Діонисій митрополитъ Ираклійскій лѣта 7132". Сей крестъ изъ жезла Моисеева устроенъ царемъ Іустиніаномъ въ 545 году и отданъ имъ въ Синайскую гору въ монастырь великомуч. Екатерины 553 года, оттуда Ираклійскій митрополитъ Діонисій принесъ его въ Москву въ 1624 г., а княгиня Соломанида Мезецкая пожертвовала его въ лавру 1634 г. декабря въ 26-й день".—О пріѣздѣ этого митрополита Діонисія не сохранилось никакихъ документовъ въ „Греческихъ дѣлахъ" Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, а слѣд. ничего не говорится и въ „Сношеніяхъ Россіи съ Востокомъ по дѣламъ церковнымъ", ч. II-я, Спб. 1860 г.].

II. Евангелія напрестольныя, обложенныя и украшенныя такъ же, какъ кресты.

Нарочито могутъ быть указаны:

1. Евангеліе вмѣстѣ съ апостоломъ, такъ называемое апракосъ или представляющее дневныя чтенія изъ евангелія и апостола по церковному порядку, писанное на пергаминѣ, въ листъ, XII—XIII вѣка, обложенное серебромъ, съ слѣдующею надписью, вычеканенною на верхней доскѣ оклада: „въ лѣто 6852 (1344) мѣсяца декабря осьмыйнадесять день, на память святаго мученика Севастіана, создано бысть евангеліе се (т. е. окладъ на евангеліе, которое само болѣе древняго времени) благовѣрнымъ княземъ великимъ Семеономъ Ивановичемъ".

2. Евангеліе въ листъ, писанное на пергаминѣ, оболоченное бархатомъ, по верхней доскѣ обложенное золоченымъ серебромъ, имѣющее ту особенность, что три обрѣза его, для предохраненія отъ пыли, закрыты придѣланными къ доскамъ (въ позднѣйшее противъ самаго оклада время) пластинками, также серебряными золочеными. По краямъ оклада находится слѣдующая надпись: [„В лѣ. 6900. . . мр.[1] индикта 31 (число относится не

[1] [Послѣ цыфровыхъ буквъ: ѕ҃ѕ҃ц написано вязью: мц. мр.=слѣдуетъ читать: мѣсяца марта?].

къ индикту, а къ мѣсяцу) оковано бы еѓе се при велицѣм князѣ Васльи Дмитреевіч всея Рус. при пресвщнм. Киприан. митрополит Киевском всея Ру. повелѣньемъ ра. Бья (раба Божія) Федора Андрѣевич"]. Подъ Ѳеодоромъ Андреевичемъ, который въ 1392-мъ году приказалъ оковать наше евангеліе, должно разумѣть одного изъ двухъ тогдашнихъ московскихъ бояръ, носившихъ это имя—или Ѳедора Андреевича Кошку, сына Андрея Кобылы, родоначальника Романовыхъ, или Ѳедора Андреевича Свибла, но котораго именно остается неизвѣстнымъ[1].

3. Евангеліе печатное, обложенное золотомъ, украшенное лалами, изумрудами, яхонтами, алмазами и бурмицкими зернами, данное въ монастырь въ 1632-мъ году царемъ Михаиломъ Ѳедоровичемъ и его отцемъ патріархомъ Филаретомъ.

4. Евангеліе печатное, сверху обложенное золотомъ, снизу позолоченнымъ серебромъ, украшенное яхонтами и изумрудами, данное въ монастырь послѣ 1633-го года бояриномъ Никитою Ивановичемъ Романовымъ.

III. Богослужебные сосуды, золотые и серебряные, а отчасти и изъ особаго матеріала, украшенные драгоцѣнными камнями и жемчугомъ.

Могутъ быть нарочито указаны:

1. Потиръ изъ рудожелтаго мрамора, обложенный золотомъ и съ золотымъ поддономъ. На немъ вверху, по краю чаши надпись: [„піите от нея всі, се есть кровь Моя Новаго завѣта, іже за вы і за многія изливаемая во оставленіе грѣховъ. Милосердьем Вседержителя істіннаго Бā в иера (?) в манастырь прд", т. е. преподоб., продолженіе надписи въ верхней части поддона въ 8-ми клеймахъ: „ннаго отца нашего ігумена Серьгі сданъ бысть хрлюбивымъ великімъ кнземъ Васильемъ Васільевічемъ си потірь в црквь стую Трцю в лѣто „ѕ-ное ц-ное из-е", 6957=1449]. Внизу на поддонѣ: „А дѣлалъ Иванъ Фоминъ".

Въ описи монастыря 1641-го года о нашемъ потирѣ читается: „потиръ каменъ, аспидъ чюбаръ, окованъ золотомъ, а на потирѣ дирка, а для того у него вставлена чаша золота".

2. Сосуды золотые съ принадлежностями, украшенные драгоцѣнными камнями, вѣсомъ въ 6 фунтовъ, данные, какъ видно изъ надписи на нихъ, Борисомъ Ѳедоровичемъ Годуновымъ въ 1597-мъ году.

[1] Если не ошибаемся, это именно евангеліе слыветъ въ ризницѣ Голтяевскимъ. Но Голтяй или Голтяевъ, на дочери котораго женатъ былъ Серпуховскій князь Ярославъ Владимировичъ и на внукѣ котораго отъ дочери женатъ былъ вел. кн. Василій Васильевичъ, былъ не Ѳедоръ Андреевичъ, а Ѳедоръ Ѳедоровичъ. Такъ какъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ Голтяевъ былъ сынъ Ѳедора Андреевича Кошки, который иногда называется и Кошкинымъ Голтяевымъ, то, можетъ быть, какой-нибудь ученый перемѣшалъ двухъ Ѳедоровъ и слѣдуя указанію ученаго и ризничіе стали называть евангеліе Голтяевскимъ. Или же, можетъ быть, былъ въ ризницѣ какой-нибудь, теперь неизвѣстный, вкладъ Голтяева,—онъ былъ человѣкъ очень богатый, вѣроятно, одинъ изъ первыхъ богачей своего времени, и какъ нибудь перемѣшанъ съ нашимъ евангеліемъ (Къ опредѣленію личности вкладчика евангелія Ѳедора Андреевича можетъ служить то, что, судя по изображеніямъ святыхъ на окладѣ евангелія, жена его называлась Елизаветой).

3. Сосуды золотые, данные въ 1644-мъ году по думномъ дьякѣ Иванѣ Тарасовичѣ Курбатовѣ Грамотинѣ, знаменитомъ, но далеко не безъупречной репутаціи, дѣльцѣ своего времени (который † въ 1648-мъ году и погребенъ въ Троицкомъ монастырѣ, сдѣлавъ очень много вкладовъ въ монастырь).

4. Сосуды золотые, такъ называемой сканной работы, украшенные брилліантами, устроенные митрополитомъ Платономъ въ 1788-мъ году.

5. Сосуды золотые съ принадлежностями, украшенные алмазами и антиками, пожалованные императрицей Екатериной Великой въ 1795-мъ году[1].

IV. Воздухи и покровы на богослужебные сосуды изъ дорогихъ матерій, съ вышитыми на нихъ изображеніями, украшенные драгоцѣнными камнями и жемчугомъ[2].

---

[1] Палицынъ увѣряетъ, что царь Василій Ивановичъ Шуйскій послѣ удаленія изъ-подъ монастыря Поляковъ взялъ изъ него сосуды золотые и серебряные позолоченые, оставивъ въ немъ только немногіе и худшіе серебряные,—гл. 61, изд. 1784 г. стр. 200. Но увѣреніе Палицына нельзя не признать очень сомнительнымъ, потому что все дѣло представляется имъ въ какомъ-то совсѣмъ невѣроятномъ видѣ. Онъ увѣряетъ, будто Шуйскій, подстрекаемый нѣкоторыми небоящимися Бога людьми, послалъ въ монастырь, только что выдержавшій осаду, своего дьяка Семенку Самсонова, чтобы ограбить его и его сидѣльцевъ, и будто „Семенка, по повелѣнію самодержавнаго, достальныхъ (уцѣлѣвшихъ отъ оружія Поляковъ и отъ бывшей въ монастырѣ повальной болѣзни) осадныхъ сидѣльцевъ повелѣ всѣхъ грабити неповинно, не токмо мірскую чадь и вдовъ, но и иноковъ и священныхъ чинъ и останцы монастырстіи и до послѣдняго плата, имже горькія слезы утираху". Послѣ этого совсѣмъ невѣроятнаго и совсѣмъ непонятнаго Палицынъ говоритъ и о взятіи Шуйскимъ изъ монастыря дорогихъ сосудовъ: „Посемъ же взятъ послѣднюю казну, издавна старое сокровище дачи государей и великихъ князей и царей и боляръ и прочихъ христолюбцовъ—сосуды златые и сребреные позлащены, иже велицѣй цѣнѣ достойны, оставляетъ же въ обители отъ сосудовъ сребреныхъ малая нѣкая и худѣйшая". Если бы Шуйскій дѣйствительно взялъ изъ монастыря золотые сосуды, то первые сосуды, которые онъ долженъ бы взять, это—сосуды Годунова; а между тѣмъ они-то и цѣлы до сихъ поръ въ монастырѣ. Палицынъ увѣряетъ, будто Шуйскій забралъ останцы монастырстіи и до послѣдняго плата; но потомъ самъ же говоритъ, что „церковная сокровища, ризы, стихари и патрахили саженые" (низанные жемчугомъ) оставались цѣлыми въ монастырѣ и послѣ Шуйскаго (самъ Палицынъ привозилъ ихъ подъ Москву, занятую Поляками, въ закладъ стоявшимъ подъ ней казакамъ,—гл. 77, стр. 243).

[2] Воздухъ большой называется *покровомъ*, а меньшіе—*воздухами;* а *воздухомъ* называется пасхальная плащаница. См. Описаніе документовъ и дѣлъ, хранящихся въ архивѣ св. Синода, т. I, col. LXXII fin. Описаніе Синодд. ркпп. *Горск. и Невостр.*, № 400, стр. 384 fin. Исторія іерархіи, VI, 751—752. *Графа Толстаго* Новгородъ стр. 52. Симеонъ Солунскій говоритъ, что на большомъ воздухѣ часто бываетъ изображеніе мертваго Іисуса и что поэтому онъ называется епитафіемъ (плащаницей),—въ Патрол. Миня t. 155 col. 288, De sacra liturgia, cap. 96. *Кондаковъ Н. П.* Памятники христіанскаго искус-

Воздухъ и покровы изъ краснаго штофа, украшенные жемчугомъ и драгоцѣнными камнями,—вкладъ царя Михаила Ѳедоровича.

Воздухъ и покровы изъ золотой парчи, украшенные жемчугомъ и драгоцѣнными камнями,—вкладъ царя Ѳедора Алексѣевича 1677-го года.

V. Одежды на престолъ и жертвенникъ, представляющія относительно матеріала и украшеній тоже, что̀ воздухи.

Одежда на престолъ, изъ золотаго глазета, со всѣхъ сторонъ низанная жемчугомъ, котораго на ней болѣе 8-ми фунтовъ, и украшенная драгоцѣнными камнями, устроенная митрополитомъ Платономъ въ 1795-мъ году.

Предъ этою великолѣпнѣйшею одеждою должно на минуту остановиться.

Одежда на жертвенникъ, изъ малиноваго бархата, низанная жемчугомъ, котораго на ней около 2 фунтовъ, и по мѣстамъ украшенная каменьями, устроенная митрополитомъ Платономъ въ томъ же 1795-мъ году.

VI. Иконы въ ризахъ золотыхъ и серебряныхъ золоченыхъ, украшенныхъ жемчугомъ и драгоцѣнными камнями.

Иконъ въ лаврской ризницѣ, отчасти и большихъ размѣрами или мѣстныхъ (иконостасныхъ), главнымъ же образомъ—малыхъ размѣрами, моленныхъ или молебныхъ (какія обыкновенно употребляются въ домахъ для моленія), можно сказать—цѣлая масса (если позволительно въ данномъ случаѣ такъ выразиться): не только наставлены ими цѣлые шкафы, но еще разставлены онѣ по верхамъ чуть не всѣхъ шкафовъ ризницы. Все это огромное собраніе иконъ образовалось, съ одной стороны—изъ келейныхъ иконъ, остававшихся послѣ умершихъ монаховъ, а съ другой стороны—изъ прикладовъ въ монастырь по сторонним лицамъ, погребеннымъ въ немъ. Иконъ, богато украшенныхъ, которыя стоятъ въ ризницѣ отдѣльными (такъ сказать) коллекціями, очень не малое количество.

Весьма желательно, чтобы иконы были разобраны знающимъ человѣкомъ и чтобы замѣчательныя между ними,—сами по себѣ или по своимъ окладамъ или по лицамъ, которымъ принадлежали, были отобраны.

VII. Панагіи, украшенныя драгоцѣнными камнями и жемчугомъ.

Нарочито могутъ быть указаны:

1. Панагія, пожалованная въ 1734-мъ году императрицею Анною Іоанновною бывшему ея духовникомъ архимандриту лавры Варлааму съ изображеніемъ Тайной Вечери, подъ которою читается нѣмецкая подпись: Das Blut Jesus Christi des Sohnes Gottes macht uns frey von allen Sünden, т. е. кровь Іисуса Христа, Сына Божія, освобождаетъ насъ отъ всѣхъ грѣховъ, украшенная алмазами.

2. Панагія, пожалованная императрицей Елизаветой Петровной архіепископу Переяславскому (1744—1752) и вмѣстѣ архимандриту лавры Арсенію Могилянскому, съ изображеніемъ на финифти—на одной сторонѣ

ства на Аѳонѣ стр. 258. (Въ описи монастыря 1641-го года воздухи съ вышитыми на нихъ изображеніями распятія Господня или положенія Спасителя во гробъ называется сударями).

нерукотвореннаго образа Спасителя, а на другой сторонѣ Божіей Матери, съ портретомъ государыни на задней сторонѣ подвѣски подъ нее, украшенная драгоцѣнными камнями.

3. Панагія, устроенная митрополитомъ Платономъ изъ агата, на которомъ естественной игрой природы изображены Распятіе и молящійся предъ нимъ на колѣнахъ человѣкъ, осыпанная брилліантами и жемчугомъ (и у которой на задней сторонѣ вырѣзана надпись: Παναγία ἐκ λίθου ἀχειροποιήτου, ἰδία δαπάνῃ ἀρχιεπισκόπου Πλάτονος. 1784, т. е. Панагія изъ нерукотвореннаго камня, собственнымъ иждивеніемъ архіепископа Платона).

4. Панагія, пожалованная императрицей Маріей Александровной митрополиту Филарету, золотая въ видѣ креста, съ изображеніемъ Знаменія Божіей Матери на сердоликѣ, вставленномъ въ ея середину, украшенная брилліантами и изумрудами.

VIII. Митры, украшенныя золотыми дробницами (пластинками четвероугольно-продолговатой или круглой формы), жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями.

Нарочито могутъ быть указаны:

1. Митра, украшенная по червчатому бархату золотыми дробницами съ изображеніями святыхъ,—вкладъ царя Бориса Ѳедоровича Годунова.

2. Митра, низанная жемчугомъ по серебряной, вызолоченной доскѣ, украшенная драгоцѣнными камнями, изъ коихъ одинъ рубинъ оцѣненъ въ 20 тысячъ рублей,—пожалованная въ монастырь императрицей Анной Іоанновной.

3. Митра, низанная жемчугомъ и драгоцѣнными камнями по золотому глазету, пожалованная императрицей Елизаветой Петровной въ 1744-мъ году.

IX. Богослужебныя ризы съ принадлежностями, изъ дорогихъ матерій, украшенныя жемчугомъ и драгоцѣнными камнями.

Нарочито могутъ быть указаны:

1. Ризы изъ серебряной парчи по малиновой землѣ, съ оплечьемъ, украшеннымъ жемчугомъ и драгоцѣнными камнями, устроенныя императрицей Анной Іоанновной.

2. Ризы изъ золотой парчи по малиновой землѣ, имѣющія оплечье, украшенное жемчугомъ и драгоцѣнными камнями, устроенныя изъ убора великой княжны Екатерины Іоанновны, сестры императрицы Анны Іоанновны, съ добавленіемъ украшеній съ прежнихъ лаврскихъ ризъ.

3. Ризы изъ пунцоваго бархата, низанныя жемчугомъ, съ крестомъ на оплечьи и другими украшеніями изъ драгоцѣнныхъ камней, устроенныя императрицей Екатериной Великой и въ отношеніи къ украшеніямъ, такъ сказать, доустроенныя въ лаврѣ, черезъ перенесеніе на нихъ нѣкоторой части первыхъ съ прежнихъ ризъ.

Много ризъ и стихарей, епитрахилей и поручей, низанныхъ жемчугомъ, взято было изъ Троицкаго монастыря, для раздачи по разнымъ мѣстамъ, въ 1645-мъ году[1].

[1] См. напечатанную *о. Арсеніемъ* въ 3-й кн. Чтеній Общ. Исторіи и Древн. Росс. за 1864-й годъ „Роспись вещамъ, посланнымъ изъ ризницы Троицкаго Сергіева монастыря въ Грановитую палату".

X. Покровы на раку преподобнаго Сергія, большею частію съ его изображеніемъ во весь ростъ, шитые золотомъ, серебромъ и шелками и иногда украшенные жемчугомъ, а также покровы на раку преподобнаго Никона.

Старшій изъ покрововъ на раку преподобнаго Сергія, приложенныхъ государями, усвояется преданіемъ великому князю Василію Дмитріевичу. Такъ какъ мощи преподобнаго Сергія открыты (изнесены изъ земли) 5-го іюля 1422-го года, а великій князь Василій Дмитріевичъ скончался 27-го февраля 1424-го года, то изъ сего слѣдуетъ, что покровъ, на которомъ вышито шелками и золотомъ изображеніе преподобнаго Сергія, началъ быть изготовляемъ тотчасъ же по открытіи мощей и что онъ былъ возложенъ на раку съ мощами въ самомъ непродолжительномъ времени послѣ ихъ открытія. Изъ приложеній послѣдующихъ государей хранятся въ ризницѣ покровы на раку преподобнаго Сергія: великаго князя Василія Ивановича, приложенный въ 1524-мъ году; царя Ивана Васильевича Грознаго, приложенный въ 1581-мъ году; Ѳедора Ивановича, съ изображеніемъ святыя Троицы и молящихся передъ нею преподобныхъ Сергія и Никона, приложенный въ 1592-мъ году (на покровѣ вышиты двѣ подписи: первая, что онъ сдѣланъ по повелѣнію Ивана Васильевича въ 1565-мъ году; вторая, что онъ приложенъ въ монастырь Ѳедоромъ Ивановичемъ въ 1592-мъ году; дѣло, по всей вѣроятности, нужно понимать такъ, что Иванъ Васильевичъ приказалъ вышить изображеніе святыя Троицы съ молящимися предъ нею преподобнымъ Сергіемъ и Никономъ не какъ покровъ на раку перваго изъ нихъ, а для повѣшенія гдѣ либо у себя во дворцѣ, и что потомъ Ѳедоръ Ивановичъ приложилъ его въ монастырь, въ качествѣ покрова на раку); царя Бориса Ѳедоровича Годунова; царя Василія Ивановича Шуйскаго; царя Алексѣя Михайловича (шитый шелками, по мѣстамъ низанный жемчугомъ и украшенный драгоцѣнными камнями), приложенный въ 1668-мъ году; императрицъ Анны Іоанновны и Екатерины Великой (послѣдній съ изображеніемъ не преподобнаго Сергія, а креста).

Изъ покрововъ на раку преподобнаго Сергія, приложенныхъ частными людьми, замѣчателенъ по богатству украшенія покровъ, приложенный по именитомъ человѣкѣ Дмитріѣ Андреевичѣ Строгановѣ, который въ 1670-мъ году погребенъ въ Троицкомъ монастырѣ. На покровѣ этомъ изображеніе преподобнаго Сергія и многія событія его жизни вынизаны жемчугомъ.

Покойнымъ государемъ Александромъ Николаевичемъ приложенъ въ 1856-мъ году послѣ коронаціи покровъ на главу преподобнаго Сергія, украшенный жемчугомъ и драгоцѣнными камнями.

Изъ покрововъ, приложенныхъ государями на раку преподобнаго Никона, хранятся въ ризницѣ трои: царя Ѳедора Ивановича, царя Михаила Ѳедоровича и его отца патріарха Филарета Никитича, приложенный въ 1633-мъ году, и императрицы Анны Іоанновны.

XI. Пелены подвѣсныя къ иконамъ, т. е. пелены, которыя въ прежнее время подвѣшивались къ мѣстнымъ иконамъ, какъ въ иныхъ мѣстахъ онѣ и до сихъ поръ подвѣшиваются къ иконамъ особенно чтимымъ,

Пелена, приложенная въ монастырь въ 1499-мъ году второю супругою великаго князя Ивана Васильевича III, греческою царевною Софіею Ѳоминичною Палеологъ и, какъ должно думать, назначенная для одного изъ двухъ образовъ Святыя Троицы, находящихся въ иконостасѣ Троицкаго собора; на пеленѣ вышита серебромъ слѣдующая надпись: [„лѣта 7007 (1499)-го создана сия пелена при блговѣрномъ великомъ князе Иване Васильевич всея Руси и при его сыне великом князе Василье Ивановиче и при архиепископе Симане митрополите, замышлениемъ и повелением црвны Црьгородцкыя великою княгинею Московъскою Соѳьею великого князя Московъского. Молилася Троице живоначалныя и Серьгею чюдотворьцу и приложила сии пелену"].

Пелена, приложенная царемъ Борисомъ Ѳедоровичемъ Годуновымъ во второй годъ царствованія, т. е. въ 1599-мъ году, украшенная золотыми дробницами, жемчугомъ и драгоцѣнными камнями, при чемъ золота на ней около 4-хъ фунтовъ, жемчугу болѣе 4-хъ фунтовъ, а одинъ изъ камней показанъ по старой оцѣнкѣ въ 2,000 рублей (что на теперешнія деньги будетъ около 30,000 рублей).

XII. Плащаницы пасхальныя.

Плащаница изъ красной камки, шитая золотомъ, серебромъ и шелками, приложенная, какъ видно изъ вышитой на ней надписи, въ 1561-мъ году княземъ Владимиромъ Андреевичемъ Старицкимъ, двоюроднымъ братомъ Грознаго, и его матерію княгинею Евфросиніею.

Плащаница изъ фіолетоваго бархата, шитая шелками и украшенная жемчугомъ, съ изображеніемъ на краю ея молящагося митрополита Платона, устроенная послѣднимъ въ 1796-мъ году.

XIII. Кадила, ладонницы, архіерейскіе посохи, блюда, чаши, ковши и нѣкоторыя вещи, относящіяся къ церковной утвари, которыя, вышедъ изъ употребленія, сданы въ ризницу на храненіе.

Золотое кадило, украшенное драгоцѣнными камнями, вѣсомъ болѣе 5-ти фунтовъ съ половиной, приложенное царемъ Михаиломъ Ѳедоровичемъ въ 1616-мъ году.

Серебряная ладонница въ видѣ пятиглавой церкви, о которой въ описи монастыря 1641-го года говорится: „ладонница Іерусалимъ, серебряная, уголчатая (угловатая), со крестомъ, а на ней деисусъ стоящей" (ладонницы—Іерусалимы, въ видѣ церквей, до сихъ поръ въ употребленіи на Аѳонѣ; въ большіе праздники діаконы носятъ ихъ при каѳеніи на лѣвомъ плечѣ).

Золотой посохъ, украшенный брилліантами, яхонтами и изумрудами, вѣсомъ 6½ фунтовъ, пожалованный императоромъ Александромъ Николаевичемъ митрополиту Филарету въ 1856-мъ году послѣ коронаціи.

Блюдо золотое, данное царемъ Иваномъ Васильевичемъ въ 1569-мъ году, по царицѣ Марьѣ Темрюковнѣ (которая † 1-го сентября 1569-го года), имѣющее вѣсу, какъ обозначено въ надписи на немъ, 14 гривенокъ, 36 золотниковъ.

Серебряная чаша, „проскуры носити", данная знаменитымъ старцемъ

Троицкаго монастыря второй половины XVI вѣка Варсонофіемъ Якимовымъ († 9-го октября 1601-го года).

Серебряная водосвятная чаша, вѣсомъ въ 19 фунтовъ, данная келаремъ Александромъ Булатниковымъ (1622—1641).

Ковшъ серебряный съ надписью: „Василій, Божіею милостію господарь всея Руси и великій князь", при чемъ разумѣется великій князь Василій Ивановичъ, занимавшій престолъ съ 1505-го года по 1533-й годъ.

Паникадильце серебряное, обложенное золотомъ, къ ракѣ преподобнаго Сергія, данное царемъ Иваномъ Васильевичемъ въ 1568-мъ году.

Трисвѣщникъ серебряный, вѣсомъ въ 1 пудъ и 15-ть фунтовъ, данный для поставленія предъ чудотворнымъ образомъ святыя Троицы царемъ Борисомъ Ѳедоровичемъ Годуновымъ въ 1601-мъ году.

Двѣ огромныя серебряныя лампады, не имѣющія такъ называемыхъ шандановъ или мѣстъ для вставленія свѣчъ, но представляющія собою чаши съ выпуклыми днами и употреблявшіяся такимъ образомъ, что въ нихъ наливался воскъ, который горѣлъ въ нихъ при помощи положенныхъ въ него свѣтиленъ, пожертвованныя—одна Борисомъ Ѳедоровичемъ Годуновымъ, а другая—его дядей Дмитріемъ Ивановичемъ Годуновымъ (лампады, какъ должно думать, вѣшались на праздники—одна предъ чудотворнымъ образомъ святыя Троицы, а другая—предъ ракою преподобнаго Сергія, ибо въ описи монастыря 1641-го года о лампадахъ нашего вида или устройства, которыя должны быть принимаемы за вседневныя или всегдашнія (будничныя) читается: „двѣ лампады мѣдяные, полужены, одна предъ чюдотворнымъ образомъ живоначалныя Троицы, а другая у чюдотворцовы Сергіевы раки; наливаютца воскомъ").

XIV. Нецерковныя вещи, хранящіяся въ ризницѣ:

Трость съ набалдашникомъ, осыпаннымъ брилліантами и изумрудами, пожалованная императоромъ Павломъ митрополиту Платону.

Солоница съ изображеніемъ всѣхъ Русскихъ гербовъ, пожалованная ему же императрицей Екатериной Великой.

Три настольные портрета императоровъ: Александра I, Николая I и Александра II, соединенные вмѣстѣ и осыпанные брилліантами, пожалованные митрополиту Филарету въ день пятидесятилѣтія его архіерейства—5 августа 1867-го года.

Старинное верхнее платье, называемое то феряземъ, то становымъ кафтаномъ, и усвояемое царю Ивану Васильевичу Грозному[1].

[1] Въ старое время былъ обычай жертвовать въ монастыри (равно какъ и въ приходскія церкви) по богатымъ людямъ остававшуюся послѣ нихъ одёжу, и въ Троицкомъ Сергіевомъ монастырѣ въ старое время, какъ видно изъ его описи 1641-го года, такой одёжи было очень много. Нашъ ферязь или кафтанъ и представляетъ собою остатокъ отъ этой жертвованной одёжи. Чтобы онъ принадлежалъ именно Ивану Васильевичу Грозному, это представляется очень сомнительнымъ, ибо едва ли бы на поминъ о Грозномъ дана была въ монастырь такая нероскошная одёжа, какъ нашъ ферязь или кафтанъ (и если бы была дана, то читалась бы запись о ней въ описи 1641-го года, тогда какъ въ описи записи не читается).

Узда и пороховница, усвояемыя князю Дмитрію Михайловичу Пожарскому[1].

Такъ называемый „Троицкій чеснокъ“, представляющій собою остатокъ отъ запасовъ бывшей Оружейной палаты монастыря. Это—небольшіе желѣзные трехлапники (трехлапые якорьки), имѣющіе вострые концы у лапъ и такія же зазубрины, какія дѣлаются у рыболовныхъ крючковъ, и потомъ имѣющіе ручку, обдѣланную такъ же, какъ и лапы, т. е. съ вострымъ концомъ и зазубриной, и слѣдовательно представляющую тоже, что̀ и каждая изъ лапъ. Какъ ни бросить этотъ трехлапникъ (собственно—четырехлапникъ), онъ всегда будетъ торчать однимъ концомъ вверхъ. Въ старое время, начиная съ классическаго греческаго, эти трехлапники были употребляемы, чтобы преграждать дорогу непріятельской конницѣ и портить ея лошадей (называются они чеснокомъ неправильно; ихъ дѣйствительное названіе: рогульки желѣзныя, пометныя или подметныя каракули, а чеснокомъ, что есть передѣланное изъ „частикъ“, назывались ряды кольевъ съ заостренными верхами, которые набивались въ городовыхъ рвахъ или по берегамъ городовыхъ рвовъ).

[1] Въ старое время были жертвуемы въ монастыри по умершимъ даже и узды, подъ условіемъ, разумѣется, что онѣ были дорогія. Запись объ одной уздѣ, пожертвованной въ Троицкій монастырь читается въ описи 1641-го года: „Узда и похви и паперьсть (принадлежности сѣдла—нагрудный и подхвостный ремни) оправлено (sic) серебромъ, золочена, у узды лысина (бляха), дана по князѣ Иванѣ Васильевичѣ Куракинѣ“. Не невозможно, что именно эта Куракинская узда и усвояется Дмитрію Михайловичу Пожарскому (а Куракинъ, вѣроятно, по ошибкѣ названъ Васильевичемъ вмѣсто Семеновича, который погребенъ былъ у Троицы въ 1632-мъ году).

VI.

Библіотека и архивъ.

Въ допетровское время монастыри были у насъ представителями просвѣщенія (тогдашняго ограниченнаго). По этой причинѣ въ монастыряхъ сосредоточивались и собранія или библіотеки книгъ, которыя,—разумѣя книги учительныя, а не богослужебныя, до самаго Петра были почти исключительно рукописныя. Библіотека рукописей Троицкаго монастыря представляетъ собою одну изъ лучшихъ монастырскихъ библіотекъ рукописей.

Ея заведеніе, о чемъ говорили мы выше, должно быть усвояемо самому преподобному Сергію (стрр. 28 и 33). Какъ умножалась она потомъ, это могло бы быть опредѣлено приблизительнымъ образомъ, если бы было приведено въ извѣстность, сколько каждаго вѣка рукописей находится въ библіотекѣ,—также лишь приблизительнымъ образомъ, ибо въ опредѣленіи времени рукописей, не имѣющихъ годовъ, весьма возможны ошибки и для самыхъ опытныхъ и намеганныхъ палеографовъ. Такъ какъ помянутаго не сдѣлано, то мы можемъ указать два періода въ исторіи умноженія библіотеки—до 1641-го года и послѣ. По описи монастыря, произведенной въ этомъ году, въ немъ было до 700 рукописей; въ настоящее время въ немъ на лицо 823, и кромѣ того—до 200 рукописей, бывъ взяты изъ него въ библіотеку семинаріи, находятся въ библіотекѣ академіи, и неизвѣстное количество №№, взятыхъ изъ него въ Москву „книгъ печатнаго дѣла исправленія ради“ и „на обличеніе раскольниковъ“, находятся въ Сѵнодальной библіотекѣ, отчасти въ Типографской библіотекѣ, отчасти неизвѣстно гдѣ[1].

Спеціалисты и желающіе неспеціалисты могутъ ознакомиться съ нею изъ ея обстоятельнаго описанія, составленнаго бывшимъ библіотекаремъ лавры о. іеромонахомъ Арсеніемъ и напечатаннаго покойнымъ А. Н. Поповымъ въ Чтеніяхъ Императ. Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ за 1878-й годъ, подъ заглавіемъ: „Описаніе славянскихъ рукописей библіотеки Свято-Троицкой Сергіевой лавры“. Въ предисловіи, предпосланномъ описанію, сообщаются и историческія свѣдѣнія о библіотекѣ. [Кромѣ руко-

---

[1] Объ указѣ 1720-го года, повелѣвающемъ отобрать изъ всѣхъ монастырей „древнія жалованныя грамоты и другія курьозныя письма оригинальныя, также книги историческія рукописныя и печатныя, гдѣ какія потребныя къ извѣстію найдутся“, см. Собраніе мнѣній и отзывовъ митр. Филарета, т. III, стр. 494; Описаніе документовъ и дѣлъ св. Синода т. I, col. 707.

писей, описанныхъ здѣсь, въ библіотекѣ находятся еще рукописи, поступившія въ библіотеку послѣ составленія этого описанія и значащіяся въ особой „дополнительной описи Лаврской библіотеки 1860 г.“ (по 1887-й годъ здѣсь записано 278 №№].

Помѣщается она надъ трапезною церковію, въ находящемся надъ нею верхнемъ этажѣ ея зданія (въ ея кумполѣ, какъ говорятъ).

Архивъ лавры, если бы сохранился весь въ цѣлости, былъ бы огромный, ибо письмоводство въ ней, при громадномъ количествѣ ея вотчинъ, было чрезвычайно обширное. Но въ 1746-мъ, въ великій пожаръ бывшій въ лаврѣ 17-го мая сего года, значительная часть архива сгорѣла. Впрочемъ, и теперь нельзя сказать, чтобы онъ былъ очень скудный, и для людей, желающихъ заниматься исторіей монастырскаго вотчиновладѣнія, несомнѣнно, онъ содержитъ очень богатый матеріалъ[1].

Въ продолженіе 1860—1876-го годовъ, во исполненіе предписанія начальства, произведена была опись всего имущества лавры, въ томъ числѣ и архива. Опись архива, составляя 8-ю главу всей описи лавры (такъ называемой „главной“), вмѣстѣ съ 9-й главой, содержащей опись плановъ, переплетена въ особую книгу, на лицевой сторонѣ передней переплетной доски которой оттиснуто: „Главной описи отдѣлъ III, вотчин. архивъ и планы, 1860 года“[2]. По этой описи въ архивѣ лаврскомъ находятся: 517-ть №№ отдѣльныхъ всякаго рода актовъ и 302 №№ сборниковъ всякаго рода актовъ, представляющихъ изъ себя болѣе или менѣе толстыя книги.

Хранится архивъ въ одномъ мѣстѣ съ рукописями и находится въ завѣдываніи лаврскаго библіотекаря.

[Кромѣ того въ Духовномъ соборѣ находятся дѣла Учрежденнаго и Духовнаго Соборовъ съ 1764-го года. Къ нимъ (по 1873-й годъ) составленъ особый „Алфавитъ“ въ 1880-мъ году „при Намѣстникѣ Сергіевой лавры о. архимандритѣ Леонидѣ, стараніемъ письмоводителя іеромонаха Моисея, трудами монаха Августилія“].

---

[1] *Иконниковъ* въ своемъ Опытѣ русской исторіографіи говоритъ: „хотя въ пожаръ 17 мая 1746 г. сгорѣли дѣла въ соборѣ лавры, но въ домовой конторѣ настоятеля лавры Арсенія архіеп. Переяславскаго сохранились почти всѣ въ подлинникахъ“, дополн. къ I т. стр. CLXIV. Слова Иконникова должно разумѣть не о всѣхъ дѣлахъ лаврскаго архива, а только о крѣпостныхъ актахъ, т. е. объ актахъ, на основаніи которыхъ лавра владѣла вотчинами и промыслами,—купчихъ, данныхъ, вкладныхъ... Подлинники этихъ актовъ, отобранные у лавры, какъ и у другихъ монастырей, при отобраніи у монастырей вотчинъ (и въ полномъ или не полномъ видѣ хранящіеся теперь въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи), если не совершенно всѣ, то почти всѣ сохранились въ спискахъ и находятся въ тѣхъ 302-хъ сборникахъ дѣлъ лаврскаго архива, которые мы сейчасъ указываемъ.

[2] О томъ, что такое описи монастырей главныя и дополнительныя, см. въ Запискѣ митр. Филарета о необходимости улучшенія способовъ сохраненія въ церквахъ и монастыряхъ различныхъ утварныхъ вещей отъ 18-го марта 1853-го года, напечатанной въ III томѣ Собранія мнѣній и отзывовъ, стр. 499 fin.

VII.

Больница монашеско-страннопріимная и кладбища.

Кладбище явилось въ лаврѣ, разумѣется, съ первымъ въ ней покойникомъ, а больница въ собственномъ смыслѣ слова (послѣ больницы въ несобственномъ смыслѣ слова для „старичковъ“, о которой см. выше стр. 217) заведена въ ней только въ весьма недавнее сравнительно время. Но не имѣя никакой связи по времени или хронологической, онѣ имѣютъ тѣсную связь между собою по существу: лежащій въ больницѣ долженъ помышлять о кладбищѣ и большая часть лежащихъ въ больницѣ дѣйствительно и отправляется на кладбище.

До Петра Великаго у насъ совсѣмъ не было врачей (за исключеніемъ врачей иностранныхъ, которые выписывались изъ-за границы для самихъ государей), а поэтому вовсе не могло быть у насъ и больницъ въ собственномъ смыслѣ слова. Со времени Петра Великаго, заведшаго обученіе медицинѣ при трехъ учрежденныхъ имъ главныхъ военныхъ госпиталяхъ—Московскомъ, Петербургскомъ и Кронштадтскомъ, у насъ явились свои врачи. Но въ продолженіе всего XVIII столѣтія, не смотря на основаніе въ 1755-мъ году Московскаго университета съ медицинскимъ факультетомъ, размноженіе числа врачей шло весьма не быстро, вмѣстѣ съ чѣмъ весьма не быстро могли размножаться въ Россіи и больницы. Первый врачъ явился въ лаврѣ не столько для самихъ монаховъ, сколько для учениковъ заведенной въ ней семинаріи. Этотъ семинарскій врачъ упоминается подъ 1747-мъ годомъ (въ вѣдомости расходовъ лавры на сей годъ, при чемъ о большой еще рѣдкости врачей у насъ въ то время даетъ знать огромное получавшееся имъ жалованіе—400 рублей въ годъ противъ 230 рублей, которые получали ректоръ и префектъ)[1]. Но послѣ пріобрѣтенія врача далеко не

---

[1] При врачѣ (лекарѣ) бывали для обученія лекарскому искусству изъ семинаристовъ три человѣка, которымъ по ихъ окладамъ полагалось,—не видно, всѣмъ вмѣстѣ или каждому порознь, 44 рубля.—Въ реэстрѣ состоящимъ за лаврою дворовымъ мѣстамъ, садамъ и пр., отъ 27-го октября 1768-го года

вдругъ явились больницы, и именно—спустя очень значительное время послѣ сего явилась больница семинарская и спустя довольно значительное время послѣ семинарской больницы явилась больница монастырская: первая заведена была въ 1797-мъ году, а вторая послѣ первой (съ 1814-го года ставшей больницею академическою) въ 1828-мъ году. Монастырская больница помѣщена была въ Донскомъ или Варваринскомъ корпусѣ.

При самомъ преподобномъ Сергіи и долгое время послѣ него, до 1556-го года, братскія келліи стояли въ монастырѣ довольно тѣснымъ четвероугольникомъ вокругъ Троицкаго собора. Должно со всею вѣроятностію думать, что братія монастыря и стороннія лица, желавшія погребаться въ монастырѣ, были погребаемы не по-за кельямъ или такъ сказать на задворкахъ монастыря, а внутри четвероугольника келей вокругъ церкви и что вышли изъ этого четвероугольника келей лишь тогда, когда уже совсѣмъ не стало въ немъ мѣста (извѣстны нѣкоторые примѣры погребенныхъ въ монастырѣ до 1556-го года въ такихъ мѣстахъ, которыя должны были приходиться внѣ четвероугольника)[1]. Когда въ 1556-мъ году братскія келліи были отодвинуты къ стѣнамъ монастыря и когда между тѣмъ число мірянъ, желавшихъ погребаться въ монастырѣ, очень увеличилось, то, можно сказать, весь монастырь, за исключеніемъ сѣверной его стороны, превратился въ одно сплошное кладбище. Въ XVI—XVII столѣтіи весь монастырь, за исключеніемъ сѣверной стороны, на которой были монастырскія житницы, дворецъ государевъ, оружейная палата и кузница, покрытъ былъ рядами могилъ, между которыми оставались только дороги для прохода (представляла изъ себя сплошное кладбище и вся та обширная площадь, которую заняла построенная въ концѣ XVII столѣтія нынѣшняя трапеза, ибо она была поставлена не на мѣстѣ прежняго корпуса келей,—линію послѣдняго указываетъ остающійся отъ него Варваринскій корпусъ, а впереди, на незастроенной и сплошь занятой могилами площади передъ корпусомъ).

Оставался монастырь сплошнымъ кладбищемъ и до не особенно давняго времени. И однако вовсе почти совсѣмъ нѣтъ въ немъ теперь надгробныхъ памятниковъ не только древнихъ, но и старыхъ. Простое объясненіе сего есть то, что онъ очищаемъ былъ отъ памятниковъ. Въ 1722-мъ году (отъ 12 апрѣля) Петромъ Великимъ былъ выданъ указъ, чтобы у приходскихъ церквей и въ монастыряхъ надгробные каменья сравнять

упоминается: „лекарскій дворъ съ огородомъ“, который по плану лавры 1779-го года находился на Переяславской улицѣ, на лѣвой рукѣ идя отъ монастыря, первымъ выше Бѣлаго пруда (гдѣ теперь недавно купленный монастырскій домъ).

[1] Преподобный Михей, скончавшійся ранѣе самого преподобнаго Сергія, нѣтъ сомнѣнія, погребенъ былъ Сергіемъ вблизи Троицкаго собора. Если же послѣ палатка его оказалась въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ собора, то со всею вѣроятностію должно понимать это такъ, что когда преп. Никонъ приступилъ къ строенію каменнаго собора, то перенесъ кости Михея на новое мѣсто.

съ землей, и во исполненіе сего указа должно было послѣдовать очищеніе монастыря отъ памятниковъ. Послѣ Петра, когда указъ его пришелъ въ забвеніе, монастырь снова сдѣлался, было, сплошнымъ кладбищемъ. Но новое очищеніе его отъ памятниковъ, по предписанію ли высшаго начальства, или самъ собою и только по дозволенію митрополита, произвелъ намѣстникъ Антоній въ началѣ своего намѣстничества, когда онъ вообще очищалъ монастырь отъ грязи, доставшейся ему отъ его предшественника.

Въ настоящее время въ монастырѣ четыре кладбища: у Смоленской церкви, у Успенскаго собора, съ восточной стороны Духовской церкви и по южной сторонѣ трапезы противъ Михеевской церкви. Три послѣднія кладбища суть старыя кладбища (середнее изъ нихъ,—у Духовской церкви, остается безъ особой ограды), а первое кладбище есть новое, устроенное въ началѣ сороковыхъ годовъ XIX вѣка. Нѣсколько старыхъ надгробныхъ памятниковъ сохранилось на Успенскомъ кладбищѣ (противъ западной половины южной стѣны)[1].

Въ прежнее время именитые и богатые люди имѣли великое усердіе къ тому, чтобы быть погребенными въ Троицкомъ монастырѣ, у преподобнаго Сергія. Въ слѣдствіе сего въ Троицкомъ монастырѣ было погребено по тому или другому количеству лицъ изъ множества знатныхъ родовъ. Но людей извѣстныхъ исторически погребено у Троицы очень немного. Изъ стараго времени можемъ назвать четверыхъ. Это, во-первыхъ, князь Дмитрій Тимоѳеевичъ Трубецкой, сначала слуга Тушинскаго царька, а потомъ товарищъ князя Пожарскаго по освобожденію Москвы отъ Поля-

---

[1] У одной старой сохранившейся надгробной каменной плиты отпиленъ верхъ, вершка 4 ширины, и лежитъ у плиты отпиленный, будучи къ ней приставленъ. Объ этомъ памятникѣ съ отпиленнымъ верхомъ ходитъ легенда. Говорятъ, подъ нимъ похороненъ человѣкъ, котораго Петръ Великій хотѣлъ за что-то ошельмовать мертваго и что для этого его ошельмованія и приказалъ отпилить верхъ у его памятника. Къ возникновенію легенды для объясненія страннаго обстоятельства, что отпиленъ верхъ у плиты, нужно думать, подало поводъ то, что подъ плитой погребенъ Лопухинъ. Но погребенный подъ плитой Лопухинъ—не отецъ царицы Евдокіи Ѳедоръ Абрамовичъ и не братъ Абрамъ Ѳедоровичъ (первый и второй съ дѣтьми погребены въ Московскомъ Андрониковомъ монастырѣ), а дѣдъ Абрамъ Никитичъ, въ схимномъ иночествѣ Александръ, скончавшійся 2-го августа 1685-го года, т. е. за четыре года до женитьбы Петра на Евдокіи, и шельмовать его послѣднему было совершенно не за что (надпись, находящуюся на плитѣ, см. въ Вивліоѳикѣ, XVI, 322, и въ надписяхъ Троицкой Сергіевой лавры, изданныхъ архим. Леонидомъ, № 146). Относительно страннаго обстоятельства, что отпиленъ верхъ у плиты, вѣроятно думать, что почему нибудь и для чего нибудь былъ надпиленъ верхъ у нея, что въ щель попала вода и что зимой и разорвало морозомъ надпиленное мѣсто (покойный И. М. Снегиревъ, не знавшій о надписи на плитѣ, передаетъ въ своихъ Путевыхъ запискахъ о Троицкой лаврѣ варіантъ легенды о ней: „на южной сторонѣ Успенскаго собора у одного надгробнаго камня надъ схимникомъ изъ стрѣльцевъ отпиленъ и приставленъ приголовокъ онаго въ царствованіе Петра I“,—стр. 34 нач.).

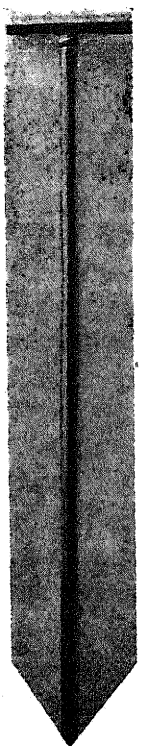
ковъ, скончавшійся 24-го іюня 1625-го года и погребенный подъ западной папертью Троицкаго собора (въ третьей отъ входа съ юга палаткѣ)[1].—Во-вторыхъ, Прокопій Петровичъ Ляпуновъ, убитый казаками подъ Москвой 22-го іюля 1611-го года, сначала погребенный въ Москвѣ при Благовѣщенской церкви на Воронцовомъ полѣ, а къ Троицѣ перевезенный сыномъ (а можетъ быть, и по распоряженію царя Михаила Ѳедоровича, ибо вмѣстѣ съ нимъ перевезенъ и погибшій вмѣстѣ съ нимъ его защитникъ отъ казаковъ Иванъ Степановичъ Ржевскій) въ 1613-мъ году; могила его находилась у паперти Успенскаго собора, которая была у сего послѣдняго съ западной стороны и именно—во второмъ ряду на правой рукѣ отъ лѣстницы на паперть, бывшей съ южной стороны (въ одномъ XVII вѣка спискѣ надгробныхъ надписей читается: „идучи изъ паперти церкви пречистыя Богородицы, т. е. Успенскаго собора, у лѣстницы, на лѣвой сторонѣ родъ Булатниковыхъ; въ другомъ ряду отъ мосту, т. е. отъ той же лѣстницы, Дмитрій Ѳедоровичъ Скуратовъ, представися 136 (1627) году ноября въ 26 день, Прокофей Ляпуновъ да Иванъ Ржевской, убиты 119 (1611) года, іюля въ 22 день“).—Втретьихъ, бояринъ Михаилъ Борисовичъ Шеинъ, мужественно защищавшій Смоленскъ отъ Сигизмунда въ 1609—1611-мъ году но въ 1634-мъ году (28-го апрѣля) за неудачное веденіе войны противъ сына Сигизмундова Владислава казненный (по мнѣнію нѣкоторыхъ—несправедливо) какъ измѣнникъ; его могила находилась подлѣ олтарной стѣны Духовской церкви[2]. —Вчетвертыхъ, правнукъ предшествующаго, бояринъ и полководецъ Петра Великаго, Алексѣй Семеновичъ Шеинъ, скончавшійся 12-го февраля 1700-го года; его могила находилась близъ могилы прадѣда.—Изъ новыхъ извѣстныхъ людей можемъ назвать одного—Ивана Сергѣевича Аксакова, скончавшагося 24-го января 1886-го года; могила его на Успенскомъ кладбищѣ.—Изъ людей, извѣстныхъ не вообще, а въ сферѣ духовной,

---

[1] А. Н. Муравьевъ въ первомъ изданіи своего Путешествія по св. мѣстамъ русскимъ, напечатанномъ въ 1836-мъ году, говоритъ, что для высокихъ думъ и великихъ воспоминаній намѣстникъ Антоній послалъ его подъ своды Трапезной церкви, на гробы подвижниковъ земли русской—великаго и несчастнаго защитника Смоленска боярина Михаила Шеина и славнаго освобожденіемъ Москвы князя Дмитрія Трубецкаго,—стр. 59. Что касается до Шеина, то нужно понимать дѣло такъ, что намѣстникъ, снявъ его памятникъ съ его могилы, положилъ его (памятникъ) подъ галлереей Трапезной церкви; но памятникъ Трубецкаго, погребеннаго подъ трапезой Троицкаго собора, намѣстникъ не имѣлъ никакой причины выносить изъ-подъ трапезы собора, гдѣ онъ и теперь находится, и должно думать, что А. Н-чъ присоединяетъ Трубецкаго къ Шеину просто для того, чтобы представлять себя размышляющимъ не надъ памятникомъ одного знаменитаго человѣка, а надъ памятниками двоихъ (если только не было такъ, что памятникъ выносимъ былъ изъ-подъ трапезы Троицкаго собора временно, по случаю починки или передѣлки находящихся подъ ней палатокъ).

[2] О немъ см. въ Исторіи *С. М. Соловьева*, т. IX, стр. 236 и въ Русской Старинѣ 1898 г., декабрь, статью *Д. И. Иловайскаго*.

можетъ быть названъ протоіерей Петръ Спиридоновичъ Делицынъ, бывшій профессоромъ академіи въ продолженіе 45-ти лѣтъ и скончавшійся 30-го ноября 1863-го года; могила его также на Успенскомъ кладбищѣ (о другихъ академическихъ см. въ главѣ X, академическое кладбище)[1].



Посохъ преп. Сергія.

[1] О погребенныхъ въ лаврѣ см. „Списокъ надгробій Троицкаго-Сергіева монастыря, составленный въ XVII вѣкѣ“, напечатанный *Ундольскимъ* во 2-мъ № Чтеній Общ. Ист. и Древн. Росс. за 1846 г., и перепечатанный *архим. Леонидомъ* въ числѣ приложеній (№ VIII) къ Историческому описанію лавры *А. В. Горскаго*, и „Списокъ погребенныхъ въ Троицкой Сергіевой лаврѣ отъ основанія оной до 1880 года“ (Москва, 1880).—Михаилъ Глинскій, дядя Елены Васильевны, жены вел. кн. Василія Ивановича, похороненъ у Троицы,—Карамз. VIII, 10 нач.

VIII.

Успенскій колодезь, бассейнъ и памятникъ (обелискъ).

Колодезь, бассейнъ и памятникъ имѣютъ между собою ту связь, что находятся въ одномъ мѣстѣ, иначе сказать—связь топографическую. Хронологическій порядокъ ихъ (старшинство по времени существованія) есть тотъ, что—колодезь, памятникъ и бассейнъ.

Колодезь, находящійся въ оградѣ Успенскаго собора, противъ его юго-западнаго угла,—отъ половины XVII вѣка. У Успенскаго собора, съ западной его стороны, до послѣдней четверти XVIII-го столѣтія была паперть (о которой мы сказали выше,—стр. 206). Въ 1644-мъ году оказалось поврежденіе папертной стѣны въ юго-западномъ углу, почему и рѣшено было подъ уголъ подвести быкъ или контрафорсъ. Когда выкопали ровъ для фундамента быка, то неожиданно во рву явилась ключевая вода (открылся источникъ жильной воды). Отъ воды явившагося источника получилъ исцѣленіе одинъ монахъ монастыря, а одинъ слуга монастыря, выразившій невѣріе къ цѣлебной силѣ воды, постигнутъ былъ смертію. Въ слѣдствіе этого власти монастырскія и приказали обдѣлать надъ водой, признавая ее за богодарованную, колодезь каменный (при чемъ ровъ, вѣроятно, былъ нѣсколько углубленъ; въ настоящее время колодезь имѣетъ глубины около 2-хъ саженей)[1]. Когда поставлена надъ колодеземъ, отъ воды котораго, по увѣренію Симона Азарьина, получались исцѣленія и потомъ, нынѣшняя башня или часовня, остается неизвѣстнымъ[2]. Авторъ Краткаго описанія лавры, заключая отъ сходства архитектуры башни съ архитектурой трапезы (именно—украшающихъ одну и другую рѣзныхъ колоннъ) предполагаетъ, что башня построена одновременно съ трапезой, которая была строена въ продолженіе 1687—1692-го годовъ, и предположеніе это должно быть признано за весьма вѣроятное (какъ видно изъ

---

[1] Павелъ Алеппскій говоритъ, что Успенскій колодезь устроенъ въ видѣ кельи,—Чтенія Импер. Общ. Ист. и Древн. Росс., 1898 г., кн. IV, стр. 32 fin.

[2] Симонъ Азарьинъ въ печатн. житіи преп. Сергія,—вставка послѣ главы 88, между лл. 175 и 176, и въ новыхъ чудесахъ,—гл. 25, печатн. стр. 63 fin.

книги плановъ и фасадовъ, башня колодезя своимъ сѣверо-восточнымъ угломъ вплотную примыкала къ юго-западному углу бывшей паперти собора), [см. приложенные фототипическіе снимки V, VI, VIII и XIII].

Въ 1808-мъ году снятъ съ башни осмерикъ и вмѣсто него поставлена одна изъ главъ, снятыхъ съ Предтеченской церкви, а изъ восьми фальшивыхъ оконъ ея или фронтоновъ оставлены четыре, а четыре сломаны.

Бассейнъ, находящійся между Успенскимъ колодеземъ и памятникомъ и представляющій собою большую чашу на тумбѣ,—чугунный подъ большимъ чугуннымъ балдахиномъ, устроенъ въ 1872-мъ году на иждивеніе Н. Г. Рюмина. Вода, проведенная изъ монастырскаго водопровода, идетъ въ бассейнъ чрезъ водруженный въ немъ мѣдный позолоченный крестъ (т. е. чрезъ подѣланные въ крестѣ дыры). Въ бассейнѣ совершается освященіе воды въ день Богоявленія, въ Преполовеніе и 1-го августа.

Памятникъ, находящійся за бассейномъ и представляющій собою поставленный на тумбѣ обелискъ (четвероугольную, высѣченную изъ цѣльнаго камня, колонну, отъ низу къ верху постепенно нѣсколько утончающуюся), съ мѣднымъ вызолоченнымъ шаромъ на верху, вышиной въ 14 аршинъ, поставленъ „въ прославленіе обители“ митрополитомъ Платономъ въ 1792-мъ году. Въ обелискъ вдѣланы съ трехъ сторонъ солнечные часы съ золоченными черезъ огонь стрѣлками, а въ тумбу со всѣхъ четырехъ сторонъ вставлены овальныя изъ бѣлаго мрамора доски, на которыхъ вырѣзаны надписи, возвѣщающія славу монастыря.

Надписи эти суть:

1. *На южной сторонѣ:*

D. O. M.

(т. е. Deo Optimo Maximo,—Богу совершеннѣйшему, величайшему).

Три были несчастливыя для Россіи времена; и въ оныхъ сія обитель къ сохраненію отечества содѣйствовала и спомоществовала.

Было Татарское иго, кое не одинъ вѣкъ угнетало Россію. Великій Князь Дмитрій Іоанновичъ Донскій сражался съ Татарами подъ предводительствомъ Мамая. Св. Сергій тому содѣйствовалъ и молитвами, и совѣтомъ, и посланіемъ на поле сраженія двухъ иноковъ Пересвѣта и Ослябя, и писаніемъ ободрительнымъ при самомъ въ бой вступленіи, обнадеживая извѣстною побѣдою, одержаніемъ которыя положено основаніе къ сверженію наконецъ ига Татарскаго.

2. *На восточной сторонѣ:*

Злоключеніе было отъ Поляковъ. По злокозненному коварству Римскаго Папы съ Езуитами, вымысливъ они лже-Димитрія, и подъ его именемъ, довели было Россію до края бѣдствій. Обитель сія ко избавленію всѣми образы не токмо спомоществовала, но всѣхъ сыновъ Отечества дѣйствія, предпріятія, ревнованія, совершенія духомъ своимъ оживляла. И хлѣбомъ во время глада снабдѣвала, и многими деньгами нуждамъ Отечества служила. Даже жертвовала и самыми церковными драгоцѣнными утварями. Но и долговременную выдержала осаду; и тѣмъ сѣверныя страны, а чрезъ нихъ и самую Столицу и всю Россію предохранила.

3. *На сѣверной сторонѣ:*

Притомъ и во всѣ грады изъ сея же обители летали увѣщательныя грамоты, возбуждающія на помощь Столицы, кои и воздѣйствовали въ нижнихъ градахъ, особливо же въ достопамятномъ Нижегородскомъ гражданинѣ, Козьмѣ Мининѣ. Но и самому по бури возсіявшему ведру, единодушнымъ избраніемъ Царя Михаила Ѳеодоровича, и совершенному мятежей успокоенію, сія же обитель соучаствовала. Ибо и самому миру промыслъ благоволилъ заключену быть подъ стѣнами сея обители въ селѣ Деулинѣ.

Во всѣхъ же оныхъ славныхъ дѣяніяхъ отличилъ себя Троицкій Келарь Аврамій Палицынъ, и Архимандриты сея обители: Іоасафъ и Діонисій.

4. *На западной сторонѣ:*

Во время стрѣлецкихъ мятежей, Петръ 1-й, сей мужъ, толико собою славный, и толико Россію прославившій, для сохраненія своей жизни двукратно находилъ убѣжище внутрь сея священныя ограды.

Въ прославленіе сея обители и въ вѣчную память великихъ мужей, Св. Сергія, Архимандритовъ: Іоасафа и Діонисія, и Келаря Аврамія, поставилъ и посвятилъ сей памятникъ

Платонъ Митрополитъ Московскій и Архимандритъ сея Лавры 1792 года.

„Они на Небесахъ: имъ слава не нужна,
„Къ подобнымъ насъ дѣламъ должна вести она".

Въ 1823-мъ году сдѣлано вокругъ памятника своеобразное огражденіе, а именно—вмѣсто столбовъ вкопаны въ землю пушки (желѣзныя, остававшіяся въ лаврѣ отъ ея прежняго арсенала), казенными частями вверхъ, и по пушкамъ повѣшены гирляндами толстыя желѣзныя цѣпи (всѣхъ столбовъ 18-ть, но дѣйствительныхъ пушекъ употреблено въ дѣло 17-ть, ибо одинъ столбъ—изъ поддѣльной, деревянной, пушки).

IX.

Иконописная, свѣчная, просфорня и литографія съ фотографіей.

Преданіе возводитъ начало иконописанія въ Троицкомъ монастырѣ ко времени самого преподобнаго Сергія, называя иконописцемъ его племянника Ѳеодора, скончавшагося въ санѣ архіепископа Ростовскаго. Послѣ иконописцевъ изъ монаховъ и такъ сказать иконописцевъ-любителей монастырь завелъ иконописцевъ, какъ своихъ ремесленниковъ, вмѣстѣ съ другими, нужными ему, ремесленниками, болѣе или менѣе въ первое время своего существованія, если уже не при преподобномъ Никонѣ, который долженъ быть считаемъ такъ сказать началоположникомъ полнаго хозяйственнаго устройства монастыря, то не позднѣе половины XV вѣка. Монастырю нужны были иконы для поднесенія князьямъ (великому и удѣльнымъ) и знатнѣйшимъ боярамъ (великаго князя и удѣльныхъ), а равнымъ образомъ для раздачи на благословеніе людямъ знатнымъ и незнатнымъ; ежегодное количество иконъ для сейчасъ указанныхъ цѣлей должно было требоваться очень не малое: а поэтому и совершенно естественно было монастырю завести для ихъ изготовленія своихъ иконниковъ. Какъ бы то ни было, но не позднѣе половины XV вѣка мы уже находимъ ихъ въ монастырѣ. Съ половины XV вѣка иконописное мастерство не прекращало своего существованія въ немъ до настоящаго времени, хотя и доходило до того, что еле существовало.

Свѣдѣнія наши о томъ, какъ велико было у монастыря число иконописцевъ, пока онъ могъ имѣть ихъ изъ своихъ служебниковъ или своихъ, такъ сказать, крѣпостныхъ, т. е. до 1764-го года, когда отобраны у монастырей вотчины, состоятъ въ слѣдующемъ немногомъ: въ 1624-мъ году въ подмонастырныхъ слободахъ было 8 дворовъ, принадлежавшихъ иконникамъ; въ 1641-мъ году было 15-ть дворовъ, принадлежавшихъ иконникамъ; при этомъ, сколько было во дворахъ всѣхъ иконниковъ, ни въ первомъ, ни во второмъ случаѣ не указывается, потому что называются только

хозяева дворовъ; въ 1678-мъ году было 24 двора, принадлежавшихъ иконникамъ, при чемъ опять не указывается удовлетворительнымъ образомъ число самыхъ иконниковъ.

Обученіе ремеслу—искусству иконописанія, пока не было заведено въ монастырѣ школы его, какъ должно думать, происходило такимъ образомъ, что дѣти учились у своихъ отцевъ и что мальчики не изъ дѣтей иконописческихъ, если случалось, что таковые выбирались въ иконописцы, были отдаваемы властями монастырскими въ ученіе тѣмъ или другимъ мастерамъ.

Въ 1746-мъ году, благодаря учрежденію въ лаврѣ семинаріи (которая открыта въ ней 2-го октября 1742-го года, см. гл. X), заведена была въ монастырѣ школа иконописанія, именно—архимандритъ лавры, архіепископъ Переяславскій, Арсеній Могилянскій предписалъ въ нашемъ году обучать иконописанію желающихъ обучаться ему семинаристовъ, къ которымъ потомъ, въ 1753-мъ году, присоединены были мальчики изъ принадлежавшей монастырю извѣстной Холуйской слободы (Вязниковскаго уѣзда Владимирской губерніи). Обученіе живописи семинаристовъ, какъ кажется, скоро было прекращено; ученики изъ Холуянъ удалились изъ лавры, когда въ 1764-мъ году освобождены были монастырскіе крестьяне; но школа все таки не прекратила своего существованія: въ нее начали быть набираемы дѣти оставленныхъ лаврѣ послѣ 1764-го года штатныхъ служителей. Впрочемъ, въ продолженіе цѣлыхъ 70-ти лѣтъ съ 1764-го года до покойнаго намѣстника лавры Антонія школа едва-едва существовала: обучалось въ ней мальчика по три—по четыре, а многое—по пяти—шести. При этомъ, въ продолженіе нашихъ 70-ти лѣтъ и число иконописцевъ—мастеровъ было у лавры самое незначительное. Антоній, назначенный въ намѣстники лавры въ 1831-мъ году, начавъ принимать въ школу не однихъ дѣтей штатныхъ служителей, но и всѣхъ желающихъ, постепенно довелъ школу до значительной многолюдности. Вмѣстѣ съ этимъ онъ же придалъ нынѣшніе значительно широкіе размѣры и существующей въ монастырѣ со школою иконописной мастерской. Въ 1885-мъ году переведено было въ лавру, для присоединенія къ ея школѣ иконописанія, Московское епархіальное училище иконописанія, заведенное въ 1873-мъ году и въ Москвѣ помѣщавшееся тамъ, гдѣ теперь епархіальное Маріинское женское училище [въ Замоскворѣчьи, на Большой Ордынской улицѣ], при чемъ переданы были лаврѣ и отпускаемыя на содержаніе училища средства. Въ 1902 г. въ лаврской иконописной школѣ съ присоединеннымъ къ ней епархіальнымъ училищемъ обучалось 70 мальчиковъ, изъ которыхъ 40, принадлежащіе къ духовному званію, суть „епархіальные“, представляющіе собою переведенное въ лавру училище, а 30, набранные изъ всякихъ другихъ званій, суть собственно лаврскіе, представляющіе собою въ точнѣйшемъ смыслѣ лаврскую школу. Всѣ епархіальные, содержимые на переданныя лаврѣ средства, жили въ самомъ монастырѣ и именно—помѣщались въ Пятницкой башнѣ; изъ собственныхъ лаврскихъ 16-ть жили также въ самомъ монастырѣ и находясь на полномъ содержаніи лавры помѣщались при самой иконописной, а осталь-

ные 14-ть, будучи дѣтьми жителей Посада, ходили ночевать къ родителямъ. Въ иконописной мастерской число мастеровъ не всегда одинаковое,—иногда бо́льшее, иногда меньшее, смотря по количеству работъ, но вообще или немного большее или немного меньшее 15-ти человѣкъ[1].

Нынѣшнее очень удобное помѣщеніе школы и мастерской надъ сѣнями къ намѣстничьимъ кельямъ и надъ Духовнымъ соборомъ устроено намѣстникомъ Антоніемъ въ 1849-мъ году (а прежде школа и мастерская имѣли весьма неудобное, говорятъ, помѣщеніе подъ намѣстничьими кельями, гдѣ теперь помѣщаются лаврскіе портные).

Если какое заведеніе въ лаврѣ можетъ быть названо самымъ древнимъ, такъ это именно свѣчная: она явилась въ монастырѣ, можно сказать, прежде самого монастыря. Преподобный Сергій, удалившись въ пустыню и поставивъ для себя въ пустынѣ малую церковь, имѣлъ нужду въ восковыхъ свѣчахъ для совершенія въ церкви богослуженія (которое онъ отправлялъ въ ней все, за исключеніемъ литургіи): и конечно, онъ самъ приготовлялъ („каталъ“) для себя свѣчи, какъ послѣ онъ приготовлялъ ихъ для составившагося у него въ пустынѣ монастыря (выше стр. 41). Не можетъ подлежать сомнѣнію, что со времени преподобнаго Сергія свѣчная существовала потомъ въ монастырѣ непрерывно, ибо нельзя допустить, чтобы когда-нибудь монастырь закрывалъ свою свѣчную съ тѣмъ, чтобы пользоваться покупными свѣчами.

Въ настоящее время свѣчная помѣщается въ нижнемъ этажѣ казначейскаго или западнаго корпуса (ходъ въ казначейское крыльцо. Въ XVII вѣкѣ, какъ даетъ знать приложенный къ книгѣ видъ лавры этого вѣка, воскобойня помѣщалась въ западной монастырской стѣнѣ по южную сторону Пивной башни). Работаютъ въ свѣчной (приготовляющей свѣчи только для монастыря, но не на продажу) 4 мастера.

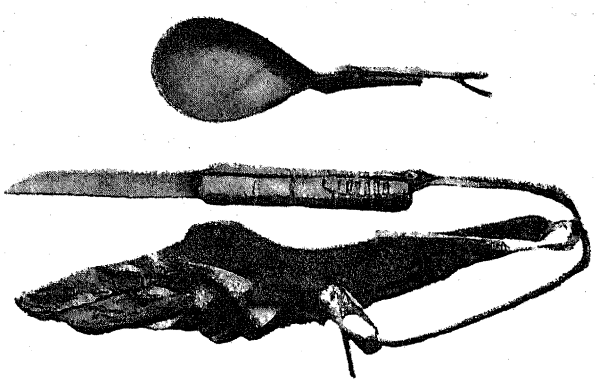
Въ описи монастыря 1641-го года значится, что просфорниковъ было тогда въ лаврѣ и всего двое. Изъ этого слѣдуетъ, что въ XVII вѣкѣ расходъ просфоръ въ лаврѣ былъ очень небольшой. По вѣдомости о расходахъ лавры, составленной въ 1749-мъ году, количество муки, употребленной на просфоры было 80 пудовъ, а по вѣдомости 1769-го года на просфорню полагается 12-ть саженъ дровъ, такъ что расходъ просфоръ, повидимому, былъ тогда даже значительно меньшій, чѣмъ въ XVII вѣкѣ (изъ 80-ти пудовъ приходится муки [почти по 9 фунтовъ] на каждый день года). Не знаемъ, съ какихъ позднѣйшихъ годовъ началось (вѣроятно думать, что съ намѣстника Антонія), но въ настоящее время расходъ просфоръ въ лаврѣ огромный, такъ что работаетъ въ просфорнѣ не менѣе 30-ти человѣкъ (главнымъ образомъ послушники, но отчасти и нанятые міряне). Въ 1641-мъ году просфорня помѣщалась подъ ризницей; отсюда она когда-то, во всякомъ случаѣ не позднѣе какъ передъ разобраніемъ старой ризницы,

---

[1] См. статью *о. Арсенія:* „Историческія свѣдѣнія объ иконописаніи въ Троицкой Сергіевой лаврѣ“, напечатанную въ Сборникѣ Общества древне-русскаго искусства при Московскомъ Публичномъ Музеѣ на 1873 годъ.

перемѣщена была въ нижній этажъ экономскаго корпуса, находящагося между Святыми и Успенскими воротами; вынесенная изъ экономскаго корпуса въ 1826-мъ году, она находилась до 1836-го года неизвѣстно намъ гдѣ на западной сторонѣ, а съ 1836-го года она находится на нынѣшнемъ своемъ мѣстѣ, въ нижнемъ этажѣ того же казначейскаго корпуса, что̀ и свѣчная (Думаемъ, что нѣтъ въ лаврѣ болѣе труднаго послушанія, чѣмъ послушаніе просфорниковъ, ибо люди цѣлый день съ утра до вечера находятся въ страшной жарѣ, въ которой едва можно дышать. Пусть они утѣшаютъ себя тѣмъ, что первымъ просфорникомъ въ монастырѣ былъ самъ преподобный Сергій,—выше стр. 41).

Литографія заведена въ лаврѣ въ 1843-мъ году, при чемъ ея первоначальнымъ назначеніемъ было приготовленіе для иконописной школы вѣрныхъ снимковъ съ древнихъ, имѣющихся въ церквахъ и ризницѣ лавры, иконъ. Фотографія заведена въ лаврѣ съ первоначальною цѣлію болѣе вѣрнаго копированія древнихъ иконъ и достопамятныхъ по святынѣ и древности вещей, въ лаврской ризницѣ хранящихся, въ 1859-мъ году. Въ послѣднее время литографія съ фотографіей, служа своимъ первоначальнымъ цѣлямъ, съ которыми заведены, служили и той цѣли, чтобы приготовлять разныя изображенія для продажи (въ фотографіи, если не ошибаемся, снимались съ желающихъ и карточки). Помѣщались литографія и фотографія въ одномъ мѣстѣ—въ верхней половинѣ Плотничной (сѣверо-западной угольной) башни. [Съ устройствомъ въ 1895—1896 гг. особаго „Мастерскаго корпуса“, см. выше стр. 247, литографія переведена сюда, будучи соединена съ типографіей; фотографія же, снимки коей съ древнихъ вещей лавры, сдѣланные завѣдывавшимъ ею о. Антоніемъ, являются наилучшими, закрыта, во волѣ Духовнаго собора, какъ не приносящая лаврѣ дохода].



Ложка и ножикъ съ футляромъ, принадлежащіе преп. Сергію.

X.

Московская духовная академія и бывшая прежде нея въ лаврѣ духовная семинарія.

Съ 1814-го года въ стѣнахъ лавры помѣщается Московская духовная академія.

Академія заняла въ лаврѣ мѣсто бывшей въ ней семинаріи; поэтому мы сначала скажемъ о сей послѣдней. Семинарію предписала учредить въ лаврѣ императрица Анна Іоанновна указомъ отъ 21-го сентября 1738-го года. Дѣйствительно была она открыта при Елизаветѣ Петровнѣ 2-го октября 1742-го года. До 1764-го года или до отобранія у монастырей вотчинъ семинарія находилась на содержаніи лавры и составляла ея такъ сказать собственное или принадлежавшее ей учебное заведеніе, которое находилось въ полномъ вѣдѣніи ея и административномъ. Съ 1764-го года семинарія начала получать содержаніе помимо лавры изъ коллегіи экономіи, вмѣстѣ съ чѣмъ она стала и независимою отъ лавры въ административномъ отношеніи, а лишь находящеюся въ ея стѣнахъ и на ея землѣ (но такъ какъ съ 1775-го года архимандритомъ лавры сталъ митрополитъ Московскій, а отъ митрополита семинарія зависѣла какъ отъ своего епархіальнаго архіерея, то при независимости отъ лавры она стала зависѣть отъ ея архимандрита; въ подобной же независимости отъ лавры и зависимости отъ ея архимандрита находится и академія). До 1764-го года въ ученики семинаріи набираемы были дѣти священно-церковнослужителей Троицкой десятины, каковую, какъ административную единицу, составляли до 35-ти окружающихъ лавру селъ (см. въ слѣдующей XI главѣ о Рождественской церкви), дѣти священно-церковнослужителей лаврскихъ вотчинныхъ селъ, т. е. селъ, находившихся въ вотчинахъ лавры, и потомъ—до самаго 1764-го года дѣти лаврскихъ слугъ, а въ продолженіе первыхъ восьми лѣтъ послѣ открытія семинаріи до 1750-го года дѣти и лаврскихъ крестьянъ; кромѣ того, съ 1744-го года по 1752-й годъ, когда Арсеній Могилянскій, бывъ архіепископомъ Переяславскимъ, оставался и архимандритомъ лавры,—дѣти священно-церковнослужителей Переяславской епархіи. Не только тотчасъ по открытіи семинаріи, но и очень долгое время послѣ отцы отдавали своихъ дѣтей въ ученіе съ великой неохотой, такъ что до самаго 1764-го года лаврою производимы были насильственные

наборы учениковъ чрезъ командированныхъ для этого солдатъ. Въ 1768-мъ году св. Сѵнодомъ предписано было посылать въ лаврскую семинарію священно-церковнослужительскихъ дѣтей изъ епархій Московской, Переяславской и Суздальской, а Платонъ, поставленный въ 1770-мъ году изъ архимандритовъ лавры въ архіепископы Тверскіе, но сохранившій при этомъ и званіе архимандрита, присоединилъ священно-церковнослужительскихъ дѣтей своей Тверской епархіи, при чемъ принимаемы были священно-церковнослужительскія дѣти и изъ всѣхъ другихъ епархій. Въ 1779-мъ году Платонъ, ставшій съ 1775-го года архіепископомъ Московскимъ, предписалъ было принимать священно-церковнослужительскихъ дѣтей только изъ Московской епархіи, а изъ другихъ епархій не иначе, какъ съ его дозволенія, но за случавшимся недостаткомъ своихъ Московскихъ кандидатовъ предписаніе было отмѣняемо и въ семинарію принимаемы были священно-церковнослужительскія дѣти изъ епархій Переяславской, Суздальской и Тверской. Кромѣ дѣтей священно-церковнослужительскихъ были принимаемы въ семинарію въ видѣ исключенія дѣти дворянъ, чиновниковъ, купцовъ и иностранцевъ.

При открытіи семинаріи въ нее набрано было учениковъ 104 человѣка (изъ нихъ только 12 человѣкъ—дѣти священно-церковнослужителей, а остальные—дѣти лаврскихъ слугъ, приказныхъ и подъячихъ, дѣти лаврскихъ солдатъ и ремесленниковъ). Потомъ число учениковъ въ семинаріи было отъ 150 до 340 человѣкъ.

До преобразованія духовно-учебныхъ заведеній 1808-го года семинаріи не имѣли одного для всѣхъ, опредѣленнаго и обязательнаго, курса или круга наукъ, но въ однихъ изъ нихъ онъ былъ обширнѣе, въ другихъ уже, при чемъ все дѣло зависѣло отъ мѣстныхъ архіереевъ. Курсъ или кругъ наукъ въ лаврской семинаріи былъ одинъ и тотъ же съ Московской Славяно-греко-латинской академіей, иначе сказать — самый полный (состоявъ изъ нынѣшнихъ училища и семинаріи, вмѣстѣ академія и семинарія имѣли по 8-ми классовъ, которые, начиная снизу, были: 1) аналогія или фара (классъ чтенія или приходскій,— приготовительный), 2) инфима (низшій), 3) грамматика, 4) синтаксима, 5) піитика, 6) реторика, 7) философія, 8) богословія)[1]. При этой полнотѣ курса наукъ семинарія въ правленіе митрополита Платона (1775—1812 гг.) находилась сравнительнымъ и относительнымъ образомъ въ блестящемъ состояніи, такъ что весьма значительно выдавалась изъ ряда другихъ семинарій и была принимаема за своего рода академію. Въ 1798-мъ году императоръ Павелъ, приравнивая семинарію къ академіи или совсѣмъ уравнивая ее съ послѣдней, по причинѣ одинаковости курса ученія въ ней съ этою, своимъ указомъ причислилъ къ ея округу пять семинарій: Ярославскую, Суздальскую, Вологодскую, Костромскую и Архангельскую, съ тѣмъ, чтобы черезъ каждые два года было посылаемо въ нее изъ этихъ семинарій по два ученика.

[1] Чему учить въ каждомъ классѣ (и между прочимъ въ аналогіи и инфимѣ) см. въ Исторіи Кіевской академіи *іером. Макарія Булгакова*, Спб., 1843 г., стр. 54 и 126.

Первоначально семинарія помѣщалась: въ двухъ палатахъ (комнатахъ) подъ чертогами или царскимъ дворцомъ, что нынѣ ректорскій академическій корпусъ; въ трехъ палатахъ, сдѣланныхъ въ монастырской стѣнѣ за чертогами,—здѣсь помѣщались поварня и пекарня, и въ верхнемъ этажѣ трехъ-этажнаго длиннаго и узкаго корпуса, который тянулся отъ чертоговъ до восточной монастырской стѣны (половину мѣста его къ чертогамъ занимаетъ теперь академическій классный, бывшій баккалаврскій, корпусъ). Въ 1747-мъ году были построены внѣ монастыря за Каличьей башней двѣ деревянныя свѣтлицы, въ которыхъ предполагалось помѣстить столовую и поварню, но въ которыхъ на самомъ дѣлѣ поселены были ученики (мѣсто этихъ свѣтлицъ или бурсъ опредѣляется тѣмъ, что на семинарскомъ огородѣ, который былъ при нихъ, стоятъ теперешнія монастырскія конюшни). Въ 1767-мъ году, по приказанію митрополита Платона, были отдѣланы еще три покоя (комнаты) подъ чертогами. Въ 1773-мъ году къ двумъ свѣтлицамъ, бывшимъ за монастыремъ, прибавлена еще одна. Въ 1775-мъ году изъ свѣтлицъ (бурсъ) за монастыремъ жившіе въ нихъ семинаристы переведены были въ самый монастырь, въ которомъ было устроено для нихъ жилье, раздѣленное на 9-ть покоевъ, въ монастырской стѣнѣ, между Каличьей и Соляной, позднѣйшей Звонковой, башнями (при чемъ вторая башня, какъ мы сказали выше, получила свое позднѣйшее названіе Звонковой, вѣроятно, отъ того, что на ней или у ней повѣшенъ былъ колоколъ для даванія звонковъ). Относительно того, гдѣ были классы или гдѣ читались лекціи, можемъ сказать только, что съ 1781-го года лекціи читались въ палатахъ подъ чертогами, которыя были на южную сторону или на монастырь (тогда какъ въ палатахъ на сѣверъ, къ стѣнѣ, были жилыя комнаты семинаристовъ). Библіотека помѣщалась сначала въ угольной юговосточной палатѣ подъ чертогами, а потомъ съ 1778-го года подъ монастырской колокольней. Учителя имѣли квартиры въ среднемъ этажѣ того трехъ-этажнаго, длиннаго и узкаго, корпуса, о которомъ мы сказали. Ректоръ и префектъ (соотвѣтствовавшій нынѣшнему инспектору) до 1775-го года жили, вѣроятно, вмѣстѣ съ учителями въ сейчасъ указанномъ корпусѣ, а съ 1775-го года они начали жить въ бывшемъ келарскомъ корпусѣ, на мѣстѣ котораго стоитъ теперь инспекторскій академическій корпусъ. Въ 1797-мъ году, по указу императора Павла, была построена для семинаристовъ позади чертоговъ больница съ аптекой. [См. въ приложеніи фототипическія таблицы V, VI, XI, XII и XVI]. Въ 1802—1803-мъ году митрополитъ Платонъ на мѣстѣ царскихъ (принадлежавшихъ къ дворцу и уже прежде разобранныхъ) кухонь поставилъ двухъ-этажный корпусъ, въ верхнемъ этажѣ котораго помѣщена была библіотека и сдѣлана зала для торжественныхъ собраній (авдиторія), а въ нижнемъ этажѣ устроена столовая съ кухней и хлѣбней,—это бывшая академическая библіотека, нынѣшняя столовая[1].

[1] Свѣдѣнія о лаврской семинаріи взяты главнымъ образомъ изъ ея исторіи, написанной *С. К. Смирновымъ*, подъ заглавіемъ: „Исторія Троицкой семина-

Московская духовная академія есть прежняя Московская Славяно-греко-латинская академія. Она представляетъ собою первое настоящее учебное заведеніе, которое во второй половинѣ XVII вѣка основано было въ Московской Руси или первое учебное заведеніе, которое со второй половины XVII вѣка начало распространять въ этой Руси настоящее просвѣщеніе, иначе сказать—она представляетъ собою учебное заведеніе, съ котораго начинается исторія настоящаго просвѣщенія въ Московской Руси.

Академія, замышленная царемъ Ѳедоромъ Алексѣевичемъ и патріархомъ Іоакимомъ въ 1680-мъ году, была открыта въ Москвѣ при царяхъ Іоаннѣ и Петрѣ Алексѣевичахъ съ правительствующей Софьей Алексѣевной и при томъ же патріархѣ Іоакимѣ въ 1686-мъ году. Она помѣщена была въ Заиконоспасскомъ монастырѣ, что̀ на Никольской улицѣ.

Помѣщеніе для академіи было выбрано въ высшей степени неудачно, ибо Никольская улица, представляющая собою одинъ изъ центровъ Московской торговли, есть одна изъ самыхъ шумныхъ улицъ въ Москвѣ. Въ 1737-мъ году во время бывшаго въ Кремлѣ и Китаѣ городѣ сильнаго пожара сгорѣлъ между прочимъ и Заиконоспасскій монастырь съ находившеюся въ немъ академіей. При этомъ случаѣ поднятъ былъ вопросъ о переведеніи академіи въ другое мѣсто. Тянувшись въ продолженіе 10-ти лѣтъ до 1747-го года вопросъ рѣшонъ былъ тѣмъ, чтобы перевести академію въ Донской монастырь; послѣдовалъ было относительно сего и высочайшій указъ, но въ Донскомъ монастырѣ не было готовыхъ помѣщеній, а у Сѵнода не нашлось денегъ для построенія новыхъ зданій,—и академія (кое-какъ учиненная послѣ пожара) была оставлена на старомъ мѣстѣ. Въ 1776-мъ году опять состоялся было высочайшій указъ, чтобы для академіи, „стоящей на крайне неудобномъ для училищъ мѣстѣ“ сыскать другое лучшее мѣсто,—и опять отсутствіе денегъ остановило дѣло. Въ 1799-мъ году Сѵнодомъ вторично рѣшено было перевести академію въ Донской монастырь, а на постройку новыхъ зданій въ монастырѣ приказано было откладывать ежегодно изъ штатной суммы, ассигнованной на академію и состоявшей изъ 12-ти тысячъ рублей, по 2 тысячи рублей, а съ 1807-го года, когда штатная сумма была удвоена, по 4 тысячи рублей, такъ что къ 1814-му году, когда академія имѣла быть преобразована по новому, 1808-го года, „начертанію правилъ о образованіи духовныхъ училищъ“, всей суммы скоплено было 30 тысячъ рублей. Но когда въ маѣ 1814-го года начаты были приготовленія къ преобразованію академіи, кто-то неожиданно подалъ мысль перевести ее вмѣсто Донскаго монастыря въ лавру, съ тѣмъ, чтобы воспользоваться для ея помѣщенія бывшими въ

ріи“, и напечатанной въ 1867-мъ году. Довольно интересныя свѣдѣнія о ней сообщаются въ книгѣ *А. В. Смирнова:* Урожденцы Владимирской губерніи, получившіе извѣстность на различныхъ поприщахъ общественной жизни, Владиміръ, 1896, въ главѣ 14-й о М. М. Снегиревѣ. См. также статью „Первоначальное народное училище въ Свято-Троицкой Сергіевой лаврѣ“, Журналъ Мин. Нар. Просв., ч. LXVI (Указателя стр. 247 col. 2).

лаврѣ царскими чертогами, употребивъ на ихъ приспособленіе къ помѣщенію и на прибавку къ нимъ помѣщеній накопленныя 30 тысячъ рублей,— и неожиданно поданная кѣмъ-то неизвѣстнымъ мысль и была приведена въ исполненіе (если не ошибаемся, мысль была подана тогдашнимъ архіепископомъ Московскимъ Августиномъ чрезъ бывшаго тогда ректоромъ Петербургской академіи Филарета и была поддержана симъ послѣднимъ). На новомъ мѣстѣ академія была торжественно открыта 1-го октября 1814-го года, въ праздникъ Покрова Божіей Матери [1], а чтеніе лекцій или ученіе началось въ ней спустя потомъ 20 дней, 20-го октября.

Въ настоящее время Московская духовная академія, находящаяся съ 1814-го года въ лаврѣ, есть одна изъ четырехъ, существующихъ въ Россіи, православныхъ духовныхъ академій (остальныя три: Санктпетербургская, Кіевская и Казанская), которыя представляютъ собою высшія учебныя заведенія духовнаго вѣдомства, имѣющія своею цѣлью доставлять высшее богословское образованіе.

Не касаясь исторіи академіи за время ея существованія въ лаврѣ [2], мы скажемъ только объ ея помѣщеніи въ послѣдней или о зданіяхъ, которыя она занимаетъ.

Академія помѣщается въ настоящее время въ шести корпусахъ, которыя суть: ректорскій, классный, инспекторскій и корпуса занимаемые студенческой столовой, библіотекой и больницей. Въ ректорскомъ корпусѣ находятся: въ верхнемъ этажѣ—актовая зала, квартира ректора, академическая церковь, археологическій музей и помѣщеніе для студентовъ изъ

[1] Въ Московскихъ Вѣдомостяхъ 1814-го года, въ № 82-мъ, отъ 14-го октября, напечатана корреспонденція отъ Троицы, подъ заглавіемъ: „Изъ Троицкой Сергіевой лавры“, въ которой описывается торжество открытія академіи. Въ весьма недлинной корреспонденціи сообщается, что въ 9 часовъ утра 1-го октября студенты, назначенные къ продолженію наукъ въ академіи, слушали (въ Троицкомъ соборѣ) божественную литургію, которую совершалъ соборнѣ преосв. Августинъ, архіепископъ Дмитровскій, и что послѣ литургіи отправлено молебствіе, т. е. пѣтъ молебенъ. По окончаніи службы учащіе и учащіеся, приложась къ мощамъ преп. Сергія, шли по два въ рядъ въ царскіе чертоги, назначенные высочайшимъ указомъ для академіи. По совершеніи въ залѣ академической конференціи водоосвященія и по возглашеніи многолѣтія государю императору, всей августѣйшей фамиліи и св. Сѵноду прочтенъ инспекторомъ академіи архимандритомъ Филаретомъ именной его величества указъ, данный въ 30 день августа сего года Коммиссіи духовныхъ училищъ. Послѣ сего академіи ректоръ архимандритъ Сѵмеонъ произнесъ приличную сему достопамятному произшествію рѣчь, и баккалавръ богословскихъ наукъ Григорій Левицкій читалъ разсужденіе о нравственныхъ качествахъ воспитанника духовной академіи. „Въ продолженіе сего дѣйствія были пѣты сочиненные на сей случай канты, а въ заключеніе всего преосвященнѣйшій архіепископъ Августинъ сказалъ краткое наставленіе студентамъ и благословилъ изготовленную для нихъ въ особенной залѣ трапезу“.

[2] Которую см. въ „Исторіи Московской духовной академіи до ея преобразованія (1814—1870)“ *С. К. Смирнова*, напечатанной въ 1879-мъ году.

священниковъ и монаховъ; въ нижнемъ этажѣ—студенческіе номера или помѣщенія.

Въ инспекторскомъ корпусѣ находятся квартира инспектора и студенческія помѣщенія. Въ классномъ корпусѣ находятся классы или аудиторіи, квартиры помощниковъ инспектора и помощника библіотекаря и студенческія помѣщенія.

Ректорскій корпусъ, какъ мы нѣсколько разъ говорили, есть бывшій царскій дворецъ, называвшійся обыкновенно чертогами. Документовъ о построеніи дворца нѣтъ, такъ что и исторія его строенія настоящимъ образомъ неизвѣстна. Обыкновенно усвояютъ его построеніе архимандриту Тихону Писареву, который занималъ мѣсто архимандрита съ 1718-го по 1722-й годъ, на томъ основаніи, что дворецъ назывался Писаревскимъ. Но самый дворецъ не назывался Писаревскимъ, а назывался такъ только садъ, который былъ противъ дворца (главнымъ образомъ—противъ теперешняго класснаго академическаго корпуса). Миллеръ въ своемъ описаніи лавры говоритъ о построеніи дворца: „сіе зданіе по архитектурѣ примѣчается быть строено при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ“. Авторъ Краткаго описанія лавры, по всей вѣроятности, имѣя въ виду именно Миллера, описаніе котораго могло быть у него въ рукахъ, говоритъ: „нѣкоторые полагаютъ, что сей дворецъ построенъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ“. Едва ли не должно быть признано наиболѣе вѣроятнымъ мнѣніе такъ сказать срединное между тѣмъ, которое теперь принимается и которое высказываютъ Миллеръ и авторъ Краткаго описанія лавры, именно—что дворецъ былъ построенъ одновременно съ тѣмъ, какъ была строена трапезная церковь, съ которой онъ имѣетъ сходство по архитектурѣ. Приступивъ къ строенію трапезной церкви должны были сломать дворецъ царицынъ, часть мѣста котораго заняла церковь (см. стрр. 230—231), послѣ чего для царя и для царицы остался одинъ дворецъ, прежній царевъ; могли найдти тѣснымъ для обоихъ этотъ дворецъ, а сіе и могло побудить къ тому, чтобы построить новый общій дворецъ, достаточный для помѣщенія царя и царицы. Во всякомъ случаѣ дворецъ построенъ до 1702-го года, ибо голландскій путешественникъ Корнилій Де-Бруинъ, бывшій у Троицы 3-го января сего года, уже говоритъ о немъ[1]. Если вѣрить Карамзину въ его Историческихъ воспоминаніяхъ и замѣчаніяхъ по пути къ Троицкой

[1] Корнилій Де-Бруинъ говоритъ о дворцѣ: „палаты его царскаго величества, великолѣпныя и царскія снаружи, находятся по правую сторону (отъ входа въ монастырь) и ходъ въ нихъ идетъ двумя различными (т. е. особыми) лѣстницами; передовая сторона этихъ палатъ чрезвычайно обширна; онѣ имѣютъ нѣсколько ярусовъ, но внутренность ихъ не соотвѣтствуетъ наружной красотѣ; трапезная иноковъ, другое большое зданіе, стоитъ противъ палатъ (за главною церковію монастыря, т. е. Успенскимъ соборомъ, который принимаетъ Де-Бруинъ за главную церковь лавры какъ самую большую въ ней церковь) и видомъ похожа на оныя; всѣ окна украшены маленькими колонками и камни расписаны различными красками“,—русскій переводъ путешествія Де-Бруина въ Чтеніяхъ Импер. Общества Ист. и Древн. Росс., 1872 г. кн. I, стр. 37.

лаврѣ, что назывался Писаревскимъ не только садъ, находившійся передъ учительскимъ корпусомъ, на мѣстѣ котораго стоитъ академическій классный корпусъ, но и самый этотъ корпусъ, то, нужно было бы представлять дѣло такъ, что къ дворцу выстроенному до 1702 г. Тихонъ Писаревъ сдѣлалъ пристройку, т. е. этого бывшаго учительскаго корпуса. По словамъ Миллера въ Географическомъ лексиконѣ Россійскаго государства *Полунина*, напечатанномъ въ 1773-мъ году, въ статьѣ о Троицкой лаврѣ, императрица Елизавета Петровна въ 1742-мъ году изволила исправить, распространить и украсить дворецъ. Что касается до украшенія, то извѣстно, что по приказанію императрицы въ 1745-мъ и 1748-мъ годахъ были убраны лѣпною работою своды въ аппартаментахъ или залахъ верхняго этажа дворца. Убранство это, бывшее сполна лѣпнымъ только въ двухъ залахъ, сохраняется и до настоящаго времени: въ крайней юго-западной или смотрящей на монастырь залѣ (теперь передней части актовой залы) изображены:—слава, въ видѣ женщины, трубящей въ трубу, и побѣды Петра Великаго съ надписями; въ крайней сѣверо-западной залѣ, смотрящей къ монастырской стѣнѣ (теперь боковой части актовой залы)—эмблемы и надписи, выражающія желаніе и радость Россіи видѣть на престолѣ Елизавету[1]. Въ остальныхъ залахъ, въ которыхъ сохранилась лѣпная работа, именно—до восточной четверти дворца, въ которой академическая церковь, нѣтъ лѣпныхъ изображеній, а только лѣпныя бордюры или рамки для помѣщенія живописныхъ изображеній (которыя есть, но которыя послѣ Елизаветы много разъ переписывались); кромѣ того на стѣнахъ трехъ лицевыхъ комнатъ ректорской квартиры — нѣсколько барельефныхъ, въ круглыхъ рамкахъ, погрудныхъ фигуръ, изображающихъ князей, или княжескихъ такъ называемыхъ медальёновъ. Къ Елизаветинскимъ же украшеніямъ должны быть отнесены двѣ печи изъ росписнаго и фигурнаго изразца. Относительно распространенія императрицею дворца должно думать, что она не увеличила самаго зданія дворца, а увеличила помѣщеніе въ немъ черезъ сдѣланныя пристройки къ нему. Таковыми пристройками, если принимать, что бывшій учительскій корпусъ, примыкавшій къ дворцу съ востока, построенъ Тихономъ Писаревымъ, нужно будетъ считать два флигеля, которые находились сзади дворца и сейчасъ помянутаго корпуса и изъ которыхъ одинъ, бывъ одноэтажнымъ, двадцати двухъ саженей длины и пяти саженей ширины находился на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь академиче-

[1] Подробное описаніе лѣпныхъ изображеній см. въ Исторіи Троицкой лаврской семинаріи *С. К. Смирнова*, прилож. I, стр. 561.—См. также „Переписку Я. Грота съ П. А. Плетневымъ“, т. III, Спб. 1896 г. стр. 450 (Русская Старина 1897 г., май, стр. 407) и *гр. Толстова М. В.* Воспоминанія о моей жизни и ученіи въ Посадѣ стр. 26.—*Карамзинъ* говоритъ въ своихъ „Историческихъ воспоминаніяхъ и замѣчаніяхъ“, что въ двухъ комнатахъ дворца „стоятъ алебастровыя изображенія всѣхъ нашихъ князей и государей съ самаго Рюрика, сдѣланныя съ медалей (что на стѣнахъ?), которыя не весьма удачно изобрѣтены художникомъ“. Куда дѣвались эти изображенія, которыхъ нѣтъ ни въ академіи, ни (сколько знаемъ) въ монастырѣ, остается неизвѣстнымъ.

ская столовая, и составлялъ царскую кухню, а другой, бывъ трехъэтажнымъ, тридцати двухъ саженей длины и двухъ саженей съ двумя аршинами ширины, стоялъ въ томъ же направленіи отъ дворца и корпуса къ монастырской стѣнѣ приблизительно противъ середины класснаго академическаго корпуса[1]. Относительно исправленія императрицей дворца совершенно ничего не можетъ быть сказано.

До 1770-го года на дворцѣ была тесовая кровля и только въ этомъ году онъ былъ покрытъ желѣзомъ. О наружности дворца Краткое описаніе лавры говоритъ: „царскіе чертоги, каменные о двухъ ярусахъ на 40 саженяхъ длины и девяти саженъ ширины и съ стѣнами: расписанные снаружи разными красками на подобіе шахмата и убранные въ пристойныхъ мѣстахъ, а особливо столбы у оконъ изразцовыми разными фигурами: съ

[1] О кухнѣ въ описи лавры 1768-го года читается: „за оными чертогами (т. е. царскими) кухня каменная объ одномъ аппартаментѣ, въ ней пять покоевъ, да два очага, полъ кирпичный, потолки деревянные накатные, крыта тѣсомъ, мѣрою длины двадцать двѣ, поперегъ пять саженъ; строена въ 743 году лаврскою суммою". О другомъ флигелѣ въ той же описи читается: „линія отъ чертоговъ къ сѣверной сторонѣ до ограды каменная, о трехъ аппартаментахъ, обветшалая и запустѣлая, мѣрою въ длину тридцать двѣ, поперегъ двѣ сажени и два аршина, крыта черепицею; въ оной линіи половъ и оконницъ не имѣется и во всѣхъ аппартаментахъ имѣются разсѣлины, подмазка и подбѣлка обвалились, крышка и фундаментъ ветхи". О назначеніи линіи узнаемъ изъ подписи подъ ней въ книгѣ плановъ и фасадовъ 1745-го года, которая есть: „планъ и фасадъ покоямъ для знатныхъ придворныхъ служителей". Что теперешняя академическая столовая, бывшая библіотека, поставлена митр. Платономъ въ 1802—1803-мъ году на мѣстѣ кухни, а не нашей линіи, это ясно даетъ знать онъ въ своей автобіографіи, когда говоритъ: „примѣтивъ, что богословская палата (семинаріи) тѣсна и темна, а для трапезы семинаріи палата не только темна и тѣсна, но и сыра, разсудилъ (Платонъ) все вновь построить, на основаніи бывшаго за нынѣшними чертогами и уже упраж(зд)неннаго дворца царя Ивана Васильевича (это мнѣніе Платона должно быть признаваемо ошибочнымъ, см. выше стр. 230), гдѣ послѣ устроены были для нынѣшняго дворца кухни". Изъ дѣла о построеніи новой ризницы узнаемъ, что въ 1782-мъ году для фундамента этой ризницы выбирали бутовой камень изъ разобраннаго флигеля для знатныхъ служителей (называемаго въ дѣлѣ „бывшимъ старымъ дворцомъ"), а дворцовая кухня, упоминаемая какъ остающаяся еще цѣлою въ изданіи Краткаго описанія 1796-го года, была разобрана когда-то между 1796—1802-мъ годами. Относительно флигеля для знатныхъ придворныхъ служителей, если предполагать, что онъ построенъ Елизаветой Петровной, остается для насъ непонятнымъ то, что въ какіе нибудь 20—25 лѣтъ могъ онъ придти въ такую крайнюю ветхость: или онъ съ первой же минуты послѣ построенія былъ брошенъ на произволъ судьбы или же, можетъ быть, онъ и не Елизаветинскій, а еще Петровскій, современный тому учительскому корпусу, построеніе котораго есть основанія усвоять Тихону Писареву. А во всякомъ случаѣ остается для насъ совершенно непонятнымъ, что онъ не былъ употребленъ для жилья семинаристовъ (былъ такъ худъ, что не видѣли возможности починить? Но если такъ, то почему же долго не разбирали?).

южной стороны оныхъ имѣются два парадные для всхода великолѣпные крыльца съ фронтонами, на коихъ арматура и короны позлащенные устроены въ 1775-мъ году и во всю линію (зданія) открытая на столбахъ изъ бѣлаго камня регулярныхъ (т. е. какъ слѣдуетъ, форменно обдѣланныхъ) галлерея, которая дѣлаетъ прекрасный видъ". Со словъ людей, которые еще застали сейчасъ помянутые всходы въ чертоги, они описываются[1]: „на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ находятся два входа въ академическій садъ, противъ колокольни и противъ Успенскаго собора (и противъ нынѣшнихъ крылецъ у чертоговъ) начинались каменные всходы или лѣстницы, съ каменнымъ же балюстрадомъ, прерываемые площадкою по серединѣ и оканчивавшіеся также площадкою; надъ этою послѣднею площадкою, ведущею въ сѣни, устроены были деревянныя, столярныя, съ рѣзною работою и со столпами, парадныя крыльца, и надъ ними деревянный же куполъ съ пьедесталомъ, на которомъ стояла фигура, неизвѣстно кого представлявшая" [См. въ приложеніи фототип. таблицу № XII; ср. таблицы V, VI, XV и XVI]. Галлерея и крыльца уничтожены въ 1815-мъ году.—Въ бывшемъ дворцѣ, а теперешнемъ ректорскомъ корпусѣ, помѣщается домовая академическая церковь въ честь Покрова Божіей Матери, занимая восточную четверть верхняго этажа дворца. Она устроена въ 1870-мъ году, а въ 1892-мъ году значительно расширена черезъ прикладку на восточной сторонѣ олтаря и чрезъ присоединеніе къ ней большей части бывшихъ передъ нею съ запада большихъ сѣней.

Классный корпусъ, вплотную примыкающій къ чертогамъ или къ ректорскому корпусу съ восточной стороны, прежде называвшійся баккалаврскимъ, потому что въ немъ были квартиры холостыхъ баккалавровъ (нынѣшнихъ доцентовъ) и вообще наставниковъ Академіи, складенъ двухъэтажнымъ (не считая подвальнаго этажа) въ 1839-мъ году, а третій этажъ накладенъ надъ нимъ въ 1884-мъ году. До 1839-го года на его мѣстѣ находился, такъ же какъ и онъ вплотную примыкая къ чертогамъ и простираясь до самой монастырской стѣны, на протяженіи 37-ми или 40-ка саженъ, длинный и узкій трехъэтажный корпусъ, построеніе котораго, какъ сказали мы, есть вѣроятность усвоять архимандриту Тихону Писареву. Въ описи лавры 1768-го года объ этомъ корпусѣ читается: „по линіи отъ сѣверной стороны учительскіе келліи о трехъ апартаментахъ (этажахъ); въ нижнемъ (апартаментѣ) полатокъ кладовыхъ четыре, въ среднемъ келей восемь, да двои сѣни, въ тѣхъ келіяхъ и сѣняхъ потолки накатные; въ верхнемъ келей восемь же и двои сѣни съ каменными сводами; оная линія мѣрою въ длину тридцать семь саженъ съ полуаршиномъ (по Краткому описанію—сорокъ саженъ), поперегъ двѣ сажени съ половиною, крыта тёсомъ; передъ тѣми келіями по обѣимъ сторонамъ (т. е. лицевой южной и задней сѣверной) переходы деревянные на каменныхъ столбахъ" (изъ книги плановъ и фасадовъ видно, что проѣздъ подъ зданіемъ на Житничный дворъ или въ сѣверовосточный уголъ монастыря былъ на восточномъ его концѣ близъ монастырской стѣны).—Поперечная пристройка къ сѣверо-

[1] *С. К. Смирновымъ* въ Исторіи Троицкой лаврской семинаріи, стр. 15.

восточному углу корпуса, для увеличенія студенческихъ помѣщеній и для устройства входа къ классамъ съ настоящей швейцарской, сдѣлана въ 1894-мъ году.

Передъ ректорскимъ и класснымъ корпусами находится академическій садъ. И прежде здѣсь находился садъ, но нынѣшній садъ есть новый. О прежнемъ садѣ читается въ Краткомъ описаніи лавры: „внутри лавры на правой сторонѣ со входу отъ Святыхъ воротъ подлѣ дворца есть садъ регулярный, сдѣланный изъ разныхъ проспектовъ, обнесенный снаружи каменною стѣною съ балюстрадомъ и столбами, оный садъ разводилъ такъ, какъ и имѣющійся по серединѣ его прудъ копалъ, бывшій въ лаврѣ настоятель архимандритъ Тихонъ Писаревъ, отъ котораго имени и показанный садъ называется Писаревскимъ". Въ саду были 24 гряды, на которыхъ для семинаристовъ сажали лукъ, картофель, свеклу. Въ 1780-мъ году митрополитъ Платонъ приказалъ ежегодно отпускать изъ семинарской суммы по 12 рублей на засажденіе сада плодовитыми деревьями. Писаревскій садъ уничтоженъ, а бывшій въ немъ прудъ заваленъ, вскорѣ послѣ перевода академіи въ лавру (изъ книги плановъ и фасадовъ видно, что садъ находился противъ теперешняго класснаго корпуса и потомъ не противъ всего дворца, а только противъ восточной его трети, или что онъ занималъ то пространство, которое занимаетъ восточная часть теперешняго сада, засаженная деревьями; и въ описи лавры 1765-го года говорится, что регулярный садъ съ липовыми аллеями, называемый Писаревскій, находился передъ учительскими кельями близъ царскихъ чертоговъ. Прудъ былъ въ саду, по книгѣ плановъ и фасадовъ, съ западнаго края его или противъ теперешней церкви). [См. въ приложеніи фототипическія таблицы №№ V, VI, XV и XVI].—Нынѣшній академическій садъ насаженъ въ 1843-мъ году (находящіеся въ саду противъ ректорскаго корпуса и именно—ректорской квартиры четыре кедра посажены полутораршинными въ октябрѣ 1868-го года).

Инспекторскій корпусъ стоитъ на мѣстѣ келарскаго монастырскаго корпуса (см. выше гл. IV, стрр. 240—241). По разобраніи послѣдняго, онъ складенъ въ 1815-мъ году.

Корпусъ, занимаемый студенческой столовой, есть тотъ складенный митрополитомъ Платономъ въ 1802—1803-мъ году корпусъ, о которомъ сказали мы выше (стр. 283). По переводѣ академіи въ лавру его бывшая семинарская авдиторія въ продолженіе двухъ курсовъ или четырехъ лѣтъ служила богословскимъ классомъ, а потомъ, когда богословскій классъ былъ устроенъ въ двухъ, соединенныхъ въ одно, восточныхъ палатахъ дворца (обращенный послѣ въ залу для публичныхъ экзаменовъ и гдѣ теперь церковь), весь онъ занятъ былъ академической библіотекой (разумѣемъ верхній этажъ, а нижній этажъ, въ которомъ у семинаріи была столовая съ кухней и хлѣбной, сдѣланъ былъ кладовой для разнаго хозяйственнаго старья и хлама). Въ 1877-мъ году, когда построена была новая библіотека, нашъ корпусъ обращенъ въ столовую, при чемъ кухня помѣщена въ нижнемъ его этажѣ.

Библіотека, стоящая въ линіи съ инспекторскимъ корпусомъ въ разстояніи отъ него 4-хъ саженъ, построена, какъ сейчасъ сказали мы, въ 1877-мъ году[1].

Больница, стоящая на мѣстѣ построенной въ 1796-мъ году деревянной больницы, складена одноэтажною въ 1835-мъ году, а въ 1884-мъ году надкладенъ надъ нею второй этажъ (а больница 1797-го года перевезена на находящуюся за монастыремъ академическую усадьбу, на которой и до сихъ поръ стоитъ цѣлою и обитаемою, составляя задній на ней домъ)[2].

Съ 1814-го до 1833-го года баня въ академіи была деревянная, доставшаяся ей отъ семинаріи. Съ 1833-го года по 1847-й академія пользовалась монастырской баней. Въ 1847-мъ году построена нынѣшняя каменная баня, которая въ 1894-мъ году значительно увеличена черезъ сдѣланную къ ней пристройку.

Кромѣ сада передняго есть еще при академіи садъ задній за класснымъ корпусомъ, между столовой и больницей. И при семинаріи былъ задній садъ, который по приказанію митрополита Платона началъ быть разводимъ въ 1786-мъ году. Но семинарскій садъ былъ по ту сторону столовой, между Звонковой и Каличьей башнями или сзади чертоговъ. Теперешній академическій садъ, вѣроятно, насаженъ въ одно время или около одного времени съ переднимъ академическимъ садомъ.

Все кончается смертью: закончимъ и мы наши рѣчи объ академіи ея кладбищемъ, что дастъ намъ поводъ вписать въ нашу книгу имена умершихъ почитаемой памяти профессоровъ академіи.

Кладбище академіи, не особенно давно, въ концѣ 1871-го года, заведенное ею, находится въ западномъ отдѣленіи ея сада, по лѣвую сторону дорожки изъ монастыря къ ректорскому крыльцу ректорскаго корпуса, и именно—вдоль рѣшотки, отдѣляющей академическій садъ отъ Смоленскаго

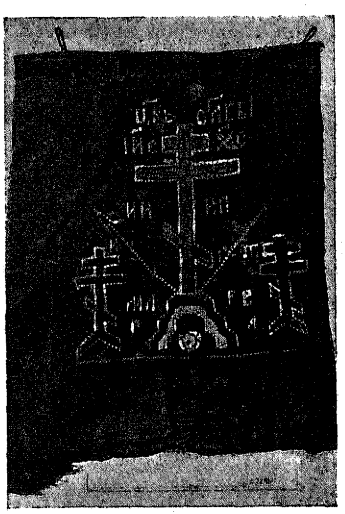
---

[1] Желающіе познакомиться съ содержаніемъ библіотеки академіи могутъ читать: въ Исторіи академіи *С. К. Смирнова* гл. VI, посвященную рѣчамъ о библіотекѣ,—стр. 279 sqq, въ Опытѣ русской исторіографіи *Иконникова* отдѣлъ: „Библіотека Московской духовной академіи“,—I, 723 fin. sqq, и статью: *И. Н. Корсунскаго:* „Библіотека Московской духовной академіи“, напечатанную въ журналѣ Книговѣдѣніе, 1894 г. № 1. Описаніе 164-хъ рукописей фундаментальной библіотеки, сдѣланное *архим. Леонидомъ*, напечатано въ Чтеніяхъ Импер. Общества Исторіи и Древностей Росс. за 1887-й годъ, а описаніе 236-ти рукописей Волоколамскихъ (взятыхъ изъ Волоколамскаго монастыря), сдѣланное *іеромонахомъ* (Волоколамскаго монастыря) *Іосифомъ*, напечатано въ тѣхъ же Чтеніяхъ за 1882-й годъ.

[2] Одинъ студентъ втораго курса академіи (1816—1820) говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что въ его время больница академическая находилась въ саду, см. у *С. К. Смирнова* въ Исторіи академіи, стр. 322. Но нужно думать, что воспоминателю измѣнила память и что садъ, видѣнный имъ въ одно изъ позднѣйшихъ посѣщеній академіи, принялъ онъ за садъ, бывшій въ его время; въ 1854-мъ году, когда мы пріѣхали учиться въ академію, садъ былъ еще очень молодой. Можетъ быть, воспоминатель разумѣетъ не дѣйствительный садъ, а цвѣтникъ или даже цвѣтничекъ, бывшій передъ окнами больницы.

кладбища лавры. На немъ погребены: Александръ Васильевичъ Горскій, скончавшійся 11 октября 1875-го года, Петръ Симоновичъ Казанскій, скончавшійся 14-го февраля 1878-го года, Сергѣй Константиновичъ Смирновъ, скончавшійся 16-го февраля 1889-го года, [архимандритъ Григорій Борисоглѣбскій, бывшій инспекторъ академіи, скончавшійся 18-го ноября 1893-го года, Дмитрій Ѳедоровичъ Голубинскій, скончавшійся 23 ноября 1903-го года, и Павелъ Ивановичъ Горскій-Платоновъ, скончавшійся 21-го октября 1904-го года].

Съ названными лицами должны быть помянуты въ качествѣ академическихъ покойниковъ особенно чтимой памяти: Ѳедоръ Александровичъ Голубинскій, Петръ Спиридоновичъ Делицынъ, Егоръ Васильевичъ Амфитеатровъ и Викторъ Дмитріевичъ Кудрявцевъ. Ѳедоръ Александровичъ скончался 22-го августа 1854-го года на своей родинѣ въ Костромѣ и погребенъ на одномъ изъ Костромскихъ кладбищъ; Петръ Спиридоновичъ, скончавшій 30-го ноября 1863-го года, погребенъ на лаврскомъ Успенскомъ кладбищѣ; Егоръ Васильевичъ, скончавшійся 17-го мая 1888-го года, и Викторъ Дмитріевичъ, скончавшійся 3-го декабря 1891-го года, погребены на посадскомъ Вознесенскомъ кладбищѣ (Петръ Спиридоновичъ погребенъ не на академическомъ кладбищѣ потому, что оно заведено уже послѣ его смерти, а Егоръ Васильевичъ и Викторъ Дмитріевичъ погребены не на немъ потому, что, бывъ людьми женатыми, желали быть положены вмѣстѣ со своими супругами, которыя у обоихъ умерли ранѣе ихъ самихъ).



Парамандъ преп. Сергія.

XI.

Окружность монастыря и нынѣшній посадъ.

Восточная сторона монастыря.

Съ восточной стороны передъ монастыремъ находится принадлежащая ему обширная площадь, называемая Красною. Площадь окружаютъ: монастырскія гостинницы,—Старая и Новая, монастырскій домъ, отдаваемый въ аренду подъ трактиръ, и посадскіе ряды. За Новой гостинницей Домъ призрѣнія. На площади—лаврская часовня, лаврскій колодезь и ряды принадлежащихъ лаврѣ лавокъ. Къ стѣнѣ монастырской на большую ея половину пристроены лавки. Вдоль сѣверной половины стѣны, отъ Успенскихъ воротъ до Красной или Уточьей башни, идетъ монастырскій бульваръ.

Площадь, въ настоящее время ровная и вымощенная, какъ подобаетъ быть городской площади, стала таковою съ не особенно давняго времени. Митр. Филаретъ приказывалъ осенью 1823-го года, съ тѣмъ, чтобы приказъ его исполненъ былъ весной слѣдующаго года: „противъ Святыхъ и въѣздныхъ (Успенскихъ) воротъ по срединѣ площади возвышенныя неровныя мѣста срыть, подъѣздъ отъ Пятницкой церкви выровнять отъ бывшихъ тутъ бугровъ, рытвинъ и ямъ, до самой Пятницкой башни и до Святыхъ воротъ, также и другія мѣста площади вплоть до часовни по срединѣ ея и около ограды мѣста, начиная отъ Ректорской башни до въѣздныхъ воротъ выровнять, то срывая землю, то засыпая ею ямы“. Окончательно выровнялъ площадь и замостилъ ее камнемъ намѣстникъ Антоній (а что касается до времени, съ котораго она существуетъ, какъ настоящая площадь и съ котораго послѣ 1764-го года составляетъ безспорную собственность монастыря, то въ 1793-мъ году она только была предназначена по плану и въ семъ же году, въ слѣдствіе ходатайства митр. Платона, распоряженіемъ главнокомандующаго Московскаго оставлена въ владѣніи лавры)[1].

---

[1] Зависимость Красногорской площади отъ лавры утверждена высочайшимъ положеніемъ отъ 9 августа 1827-го г. Въ февралѣ 1835-го г. соборъ лавры предложилъ іеромонаху Филарету порученіе о постановкѣ границъ площади вокругъ лавры по силѣ распоряженія кн. Прозоровскаго. См. Богословскій Вѣстникъ 1901 г., май, стр, 82, 84, 91, статья *свящ. Н. А. Романскаго.*

Гостинница для знатныхъ и вообще почетныхъ гостей очень долгое время находилась въ самомъ монастырѣ, это—келарскія гостиныя палаты, о которыхъ говорили мы выше (гл. IV, стр. 234). Но въ гостиныхъ келарскихъ палатахъ предлагалось только угощеніе, но не давалось помѣщенія для остановокъ и для ночлега[1]. Какъ было съ этимъ помѣщеніемъ, пока гостинница находилась въ самомъ монастырѣ, не имѣемъ указаній; но должно думать, что пріѣзжавшіе и проѣзжавшіе знатные люди, такъ же какъ и всѣ другіе, останавливались на постоялыхъ дворахъ, находившихся въ селѣ Клементьевѣ[2]. Когда-то до 1746-го года была устроена монастыремъ гостинница („гостиный домъ“) для ночлега и остановки знатныхъ пріѣзжавшихъ и проѣзжавшихъ людей по близости его самаго (монастыря). Эта гостинница, находившаяся по Краткому описанію, при подошвѣ Красной горы, бывъ деревянною, сгорѣла въ пожаръ 1746-го года. Вторая гостинница, также деревянная, была поставлена на томъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ теперь Новая монастырская гостинница. Бывъ, вѣроятно, построена изъ стараго матеріала (изъ какой нибудь прежней стройки), эта вторая гостинница по причинѣ крайнихъ ветхостей была разобрана въ 1777-мъ году[3]. Вмѣсто и на мѣстѣ второй гостинницы въ томъ же 1777-мъ году была поставлена третья гостинница—каменная одноэтажная, надъ которою въ 1822-мъ году былъ надстроенъ деревянный этажъ. Къ этой старой гостинницѣ или сверхъ этой старой гостинницы въ 1823-мъ году была построена новая большая каменная гостинница, которая есть теперешняя Старая гостинница. Прежняя старая гостинница сгорѣла въ 1838-мъ году и на ея мѣстѣ былъ поставленъ Домъ призрѣнія лицъ женскаго пола. Въ 1863-мъ году на передней части земли, занимаемой Домомъ призрѣнія, построена нынѣшняя Новая гостинница. Каменный фли-

---

[1] Павелъ Алеппскій говоритъ, что въ Троицкомъ монастырѣ позволяется оставаться только одну ночь,—Чтен. Общ. Ист. и Древн. Росс. 1898 г., кн. IV, стр. 26.

[2] Павелъ Алеппскій сообщаетъ, что Антіохійскій патріархъ Макарій по пріѣздѣ къ Троицѣ для отдыха съ дороги передъ вступленіемъ въ самый монастырь поставленъ былъ въ Клементьевѣ на одномъ постояломъ дворѣ,—Чтенія Общ. Ист. и Древн. Росс., 1898 г. кн. IV, стр. 25; въ англійскомъ переводѣ съ арабскаго: at an inn; а Выходы патріаршіе, напечатанные въ V томѣ Дополненій къ Актамъ Историческимъ, говорятъ, что Александрійскій патріархъ Паисій останавливался въ Клементьевѣ слободѣ на подворьѣ. У Ананіи Ѳедорова въ Собраніи о Суждалѣ въ краткой передачѣ житія митр. Суздальскаго Иларіона сказано, что онъ, бывъ въ Троицкомъ монастырѣ до постриженія въ монахи, „обнощева близь обители святаго въ гостинницѣ“,—стр. 168 sub fin.; но въ подлинномъ житіи Иларіоновомъ сказано: „въ слободѣ тамо у нѣкоего живущаго обнощеваша“ (Иларіонъ съ товарищемъ),—моего экземпляра л. 13 об.—Въ 1696 г. у монастырей гостиные дворы съ гостиными кельями за стѣнами или внѣ ихъ,—Акт. Эксп. т. IV, № 313, стр. 464.

[3] [Видъ и планъ Гостиннаго двора изъ книги плановъ и фасадовъ—на фототипич. таблицѣ № XIV; см. также таблицу № II].

гель съ западной стороны старой гостинницы складенъ въ году, полукаменный флигель съ сѣверной стороны той же гостинницы, съ лавками въ нижнемъ этажѣ, поставленъ въ году, а каменный флигель на дворѣ той же гостинницы складенъ въ году. Относительно времени, когда были закрыты въ монастырѣ келарскія палаты и прекращено было въ нихъ угощеніе знатныхъ и почетныхъ богомольцевъ, какъ мы говорили выше, должно думать, что это случилось тотчасъ по отобраніи у монастыря вотчинъ.

Лаврскій каменный домъ, стоящій черезъ дорогу отъ Новой лаврской гостинницы, рядомъ съ посадскими торговыми рядами, занимаемый трактиромъ, построенъ въ 1822—23-мъ году съ назначеніемъ быть ему монастырской богадѣльней. Поэтому мы скажемъ здѣсь вообще о монастырской богадѣльнѣ.

Какъ говорили мы выше (стр. 46), есть немалая вѣроятность усвоять заведеніе богадѣльни при монастырѣ самому преп. Сергію. Заведенная самимъ преподобнымъ или же спустя нѣкоторое время послѣ него, богадѣльня была поставлена подъ монастыремъ у Пятницкой церкви при большой Московской дорогѣ (съ тою, какъ нужно думать цѣлію, чтобы проѣзжіе и прохожіе могли подавать милостыню богадѣленнымъ)[1]. Послѣ мужской богадѣльни, каковою была первоначальная, когда-то до 1642-го года заведена была женская богадѣльня, которая была поставлена при той же Московской дорогѣ, близъ теперешней Вознесенской церкви[2]. Въ 1746-мъ году обѣ богадѣльни сгорѣли и послѣ сего соединены въ одно мѣсто или въ одну богадѣльню, которая была поставлена при большой дорогѣ на какомъ-то, точно неизвѣстномъ мѣстѣ, которое было послѣ признаваемо совершенно неприличнымъ для ней и которое по всей вѣроятности есть то самое мѣсто, гдѣ мы находимъ ее въ позднѣйшее время, именно—Красногорская площадь. Въ 1768-мъ году прежняя богадѣльня (по всей вѣроятности, построенная изъ стараго лѣса) пришла въ крайнюю ветхость и было поднято дѣло о постройкѣ новой богадѣльни, при чемъ, какъ мы сейчасъ указали, былъ возбужденъ вопросъ и объ ея перенесеніи на новое мѣсто, по причинѣ совершеннаго неприличія для ней ея стараго мѣста. Скоро ли была построена богадѣльня и была ли перестроена, не имѣемъ свѣдѣній. Въ 1818-мъ году Московскій губернаторъ писалъ архіепископу Августину: „на Красногорской торговой площади находится донынѣ принадлежащая монастырю Святотроицкія Сергіевой лавры ветхая деревяннаго строенія богадѣльня, составляющая собою по ветхости строенія и всегдашней неопрятности одно только безобразіе“. Намѣстникъ лавры въ своемъ представленіи Августину (какъ нужно думать, въ отвѣтъ на его

---

[1] Подъ 1556 г. упоминаются бывшія у Троицы больницы и богадѣльни въ Никон. лѣт., VII, 271 нач.

[2] См. *Забѣлина* Бытъ русскихъ царицъ, матеріалл. стр. 14. О мѣстѣ богадѣльни на большой дорогѣ, близъ теперешней Вознесенской церкви, говоритъ Ландратская книга по Москвѣ 1715-го года.

запросъ) признавалъ, что „лаврская богадѣльня дѣйствительно ветха и стоитъ не на мѣстѣ“ и предлагалъ построить новую на томъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ теперь лаврскій домъ, отдаваемый подъ трактиръ. Августинъ написалъ на представленіи намѣстника: „по сему исполнить“, съ чего въ 1818-мъ году и началось дѣло о построеніи новой богадѣльни вмѣсто старой, которая, какъ видно на планѣ Красногорской площади, находящемся въ дѣлѣ о строеніи новой богадѣльни (1817-го года № 20), стояла въ линію съ часовней, саженяхъ въ 7—8-ми отъ нея на сѣверъ. Послѣ Августина и послѣ перваго его преемника Серафима богадѣльня была построена при второмъ его преемникѣ Филаретѣ, какъ мы сказали, въ 1822—1823-мъ году. Это именно есть тотъ домъ, который стоитъ рядомъ съ посадскими торговыми рядами и который теперь отдается подъ трактиръ (а старая богадѣльня, „по предположенію очистки площади“, еще до построенія и до начала строенія новой богадѣльни, была сломана въ 1821-мъ году).

Что касается до призрѣваемыхъ въ богадѣльняхъ, то прежде всего должно быть сказано, что какъ въ Троицкихъ, такъ и вообще въ нашихъ Русскихъ богадѣльняхъ до не особенно давняго времени было не такъ, чтобы богадѣленные жили на всемъ на готовомъ, т. е. кромѣ помѣщенія имѣли готовый столъ и готовое одѣяніе, а такъ, что имѣли только помѣщеніе и что затѣмъ они, каждый поручно, получали годовое, состоявшее въ хлѣбномъ зернѣ или въ мукѣ натурой и въ деньгахъ, жалованіе, на которое каждый долженъ былъ самъ содержать себя столомъ и самъ приготовлять себѣ одежду; при этомъ богадѣленнымъ вовсе не запрещалось пополнять жалованіе прошеніемъ милостыни и при этомъ иные изъ нихъ могли и не жить въ богадѣльняхъ, а только получать жалованье[1]. Пока не были отобраны у монастырей вотчины, Троицкій монастырь, будучи весьма богатъ хлѣбомъ, вѣроятно, давалъ своимъ богадѣленнымъ нескудные пайки или раціоны хлѣбныхъ припасовъ (хотя, будучи весьма богатъ и деньгами, на эти послѣднія былъ, вѣроятно, вовсе не щедръ). Когда отобраны были у монастырей вотчины и имъ положено было жалованье, лавра въ отношеніи къ ассигновкѣ изъ казны денегъ на ея богадѣльни въ 1768-мъ году была сравнена съ архіерейскими каѳедрами 1-го класса, именно—ассигновано было на содержаніе въ ея богадѣльняхъ 50-ти человѣкъ мужчинъ и женщинъ, по 5-ти рублей въ годъ каждому и каждой, а всего 250 рублей; а въ 1798-мъ году импер. Павелъ Петровичъ по просьбѣ митр. Платона, прибавилъ еще по 5-ти рублей на каждаго и каждую или другіе 250 рублей.

Относительно числа содержавшихся въ лаврскихъ богадѣльняхъ до XVIII вѣка мы вовсе не имѣемъ свѣдѣній, а съ XVIII вѣка наши свѣдѣнія весьма скудны. Въ ландратской книгѣ по Москвѣ за 1715-й годъ сообщается о женской богадѣльнѣ, находившейся тогда при большой дорогѣ близъ Вознесенской церкви, что въ трехъ кельяхъ, изъ которыхъ она

[1] О выдачѣ богадѣленнымъ жалованья въ 1821 г. см. въ Описаніи Новоспасскаго монастыря, М. 1821 г., стр. 47 прим.

состояла, всего было 65-ть человѣкъ. Въ 1774-мъ году Учрежденный соборъ лавры представлялъ митр. Платону, что изъ Коллегіи экономіи выдается на содержаніе богадѣленныхъ 50-ти человѣкъ, но что въ дѣйствительности состоитъ въ богадѣльняхъ 102 человѣка, и спрашивалъ: сколько содержать. Платонъ положилъ резолюцію: „содержать впредь не болѣе 80 человѣкъ, изъ коихъ мужеска 35, женска 45, да на моемъ коштѣ 6 мужеска и 6 женска, выдавая на каждаго и на каждую по 2 рубли въ годъ". Внутреннее помѣщеніе каменнаго богадѣленнаго дома, построеннаго въ 1822—23-мъ году, было приспособлено къ помѣщенію въ немъ 6 человѣкъ обоего пола.

Послѣ помѣщенія богадѣльни въ новомъ зданіи и до занятія должности намѣстника архим. Антоніемъ и именно—какъ будто болѣе или менѣе не задолго до этого послѣдняго, произошла съ ней та, вовсе неизвѣстная намъ по своимъ причинамъ и въ своей исторіи, перемѣна, что изъ мужско-женской она стала одною только женскою[1] (такъ что, начавъ мужскою, кончила обратно тому и не совсѣмъ понятно одною женскою).

Въ 1838-мъ году въ пожаръ, случившійся на Переяславской улицѣ, сгорѣла старая лаврская гостинница, на мѣстѣ которой стоитъ нынѣшняя Новая гостинница, и намѣстникъ Антоній, желавшій присоединить къ женской богадѣльнѣ и другія женскія благотворительныя заведенія, но не имѣвшій мѣста для нихъ при богадѣльнѣ, усадьба дома которой крайне мала и тѣсна, перенесъ ее (богадѣльню) на мѣсто сгорѣвшей гостинницы и къ 1842-му году устроилъ ее здѣсь вмѣстѣ съ женской больницей (которую устроилъ было уже и при сгорѣвшей гостинницѣ) и женской странно-пріимной подъ именемъ Дома призрѣнія, при чемъ для богадѣльни и больницы устроилъ и собственную домовую церковь (и послѣ чего прежній богадѣленный домъ началъ быть отдаваемъ подъ трактиръ)[2]. Въ 1863-мъ году, когда Домъ призрѣнія еще не получалъ самостоятельности и представлялъ изъ себя благотворительное учрежденіе, принадлежавшее лаврѣ, на лицевой къ Красной площади сторонѣ его усадьбы, была построена, какъ мы сказали, нынѣшняя лаврская Новая гостинница, при чемъ въ его распоряженіи осталась еще очень большая площадь земли сзади его (гдѣ прежде принадлежавшая монастырю земля была увеличена пожертвованной ему

---

[1] Въ изданіи Краткаго описанія лавры 1829-го года говорится о богадѣльнѣ такъ, что какъ будто она еще оставалась мужско-женской (повторяются слова изданія 1824-го года, что, внутреннее устройство зданія, т. е. новой богадѣльни, приспособлено къ помѣщенію въ немъ 60 человѣкъ безпомощныхъ, престарѣлыхъ и немощныхъ обоего пола). А біографъ архим. Антонія П. С. Казанскій говоритъ, что „изъ благотворительныхъ учрежденій существовала (при лаврѣ до Антонія) одна женская богадѣльня въ монастырскомъ корпусѣ, примыкающемъ къ каменнымъ лавкамъ на горѣ", что „въ ней призрѣвалось до 60 старухъ съ порядочнымъ помѣщеніемъ, но (что) каждая изъ нихъ должна была готовить пищу сама для себя".

[2] На что митр. Филаретъ сначала весьма было не соглашался, но потомъ согласился,—письма его къ намѣстнику Антонію №№ 347 и 348.

усадебной землей помянутой выше графини В. А. Татищевой, на иждивеніе которой устроена въ монастырѣ Варваринская церковь). Въ 1865-мъ году было устроено въ Домѣ призрѣнія училище для дѣвочекъ, а еще ранѣе въ 1861-мъ году было переведено въ него изъ монастыря училище для мальчиковъ. Это послѣднее училище заведено было намѣстникомъ Антоніемъ въ 1838-мъ году и помѣщалось сначала въ Донскомъ или Варваринскомъ корпусѣ, потомъ въ Соляной, старой Водяной, башнѣ, изъ которой перемѣщено въ Домъ призрѣнія. Съ 1879-го года Домъ призрѣнія существуетъ какъ благотворительное учрежденіе независимое отъ лавры (и только получающее отъ нея бо́льшую часть своего содержанія). Въ составъ Дома призрѣнія, находящагося подъ покровительствомъ императрицы Маріи Ѳедоровны и именуемаго Александро-Маріинскимъ, въ настоящее время входятъ слѣдующія заведенія: 1) пріютъ—училище для дѣвочекъ, 2) начальное училище съ пріютомъ для мальчиковъ, 3) женская богадѣльня, 4) женская больница съ лечебницею для приходящихъ и 5) странноприимная палата для лицъ женскаго пола. Церковь Дома призрѣнія, въ настоящее время двухъэтажная (собственно—съ двухъэтажнымъ олтаремъ, при чемъ противъ верхняго олтаря по одной изъ боковыхъ стѣнъ узкіе, а по задней стѣнѣ широкіе ходы), имѣетъ два престола: въ нижнемъ этажѣ—въ честь Рождества Богородицы, въ верхнемъ этажѣ—въ воспоминаніе Вознесенія Божіей Матери на небо (которое празднуется 17-го августа).

Подмонастырными торговцами при лаврѣ первоначально были Клементьевскіе бобыли (безпашенные крестьяне, не владѣвшіе пахатной землей, а только усадебной, и жившіе ремеслами и торговлей, т. е. представлявшіе изъ себя такъ сказать сельско-деревенскихъ мѣщанъ и купцовъ). Болѣе или менѣе долгое время они торговали въ Клементьевѣ, а не подъ стѣнами монастыря. Когда они начали переносить торговлю къ самому монастырю, остается неизвѣстнымъ; но въ описи монастыря 1641-го года говорится, что у жителей села Клементьева „противъ монастыря Святыхъ воротъ (были) лавки и шалаши“. Въ 1700-мъ году лавра выстроила подъ горой близъ Пятницкой церкви (чрезъ большую Московскую дорогу отъ монастыря, которая шла тогда подлѣ ограды Пафнутьева сада) 23 лавки и отдала ихъ изъ оброка Клементьевскимъ бобылямъ. Въ 1753-мъ году начальствомъ лавры было предписано перенести эти лавки въ село Клементьево, и онѣ были сломаны. Но по просьбѣ бобылей въ 1755-мъ году имъ позволено было построить новыя лавки подъ Красной горой близъ Рождественской церкви, съ тѣмъ только при этомъ условіемъ, чтобы „отъ Святыхъ и Успенскихъ воротъ (монастыря) лавочныхъ кровель отнюдь было не видать“[1]. Съ 1763-го года монастырь предоставилъ торговцамъ строить лавки и на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоятъ посадскіе торговые ряды, и они выстроили линію деревянныхъ лавокъ, которая тянулась параллельно съ

[1] См. статью *іером. Арсенія:* „Село Клементьево, нынѣ часть Сергіевскаго посада“, напечатанную въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн. Росс. 1887-го года, стр. 40 fin. sqq.

нынѣшними каменными рядами, нѣсколько впереди ихъ (планъ въ дѣлѣ 1817-го года № 20). Въ 1808-мъ Посадская дума просила дозволенія выстроить на мѣстѣ деревянныхъ лавокъ каменныя, но митр. Платонъ отказалъ, такъ какъ рѣшено было и лаврой построить каменныя лавки у Бѣлаго пруда (гдѣ стоитъ теперь Старая лаврская гостинница). Въ 1812-мъ году каменныя лавки на нынѣшнемъ ихъ мѣстѣ значатся предположенными къ постройкѣ, слѣдовательно митрополитомъ дано было согласіе на ихъ строеніе. Выстроены онѣ, бывъ поставлены сзади деревянныхъ лавокъ (которыя затѣмъ сломаны), въ 1815-мъ году (а земля монастырская на которой онѣ поставлены, обратилась потомъ въ собственность посада)[1].

Часовня, находящаяся на площади, у Московско-ярославскаго шоссе, поставлена по тому поводу, что въ 1709-мъ году во время случившагося въ лаврѣ пожара были выносимы на занимаемое ею мѣсто мощи преподобнаго Сергія. До 1770-го года она была деревянная, а въ семъ послѣднемъ году складена каменная. Въ 1781-мъ году былъ устроенъ въ ней иконостасъ, который въ недавнее время замѣненъ новымъ.

Колодезь, находящійся близъ часовни, съ сѣверной ея стороны, выкопанъ въ 1842-мъ году намѣстникомъ Антоніемъ для пріѣзжающихъ на базаръ крестьянъ (такъ какъ базары посада собираются на Красной площади.)

Лавки и шалаши на площади, о которыхъ упоминается въ описи монастыря 1641-го года, не одинъ разъ удалявшіяся съ площади по распоряженію монастырскихъ властей, до не особенно давняго времени представляли изъ себя болѣе шалаши, чѣмъ лавки. Новыя, достаточно приличныя лавки, ведутъ свое начало отъ 1857-го или 1858-го года (отъ того, съ нѣкоторымъ промедленіемъ, случая, что императоръ Александръ Николаевичъ въ одинъ изъ своихъ пріѣздовъ въ лавру въ сентябрѣ 1855-го или въ томъ же сентябрѣ 1856-го года, приказалъ очистить площадь отъ находившихся на ней деревянныхъ лавчёнокъ). [Перестроины вновь въ 1892 и слѣд. годахъ].

По монастырской стѣнѣ, съ обѣихъ сторонъ Успенскихъ воротъ, нѣкоторое количество лавокъ было давно (не давнѣе однако 1821-го года, въ которомъ засыпанъ бывшій у стѣны ровъ, до уничтоженія котораго лавокъ у стѣны не могло быть). А нынѣшнія цѣлыя линіи лавокъ—отъ 1863-го года.

На мѣстѣ нынѣшняго бульвара до того же 1863-го года были двѣ аллеи изъ акацій,—одна довольно широкая, а другая очень узкая, которыя насажены были, вѣроятно, тотчасъ послѣ того, какъ былъ засыпанъ ровъ. Нынѣшній бульваръ насаженъ въ помянутомъ 1863-мъ году.

---

[1] Каменныя лавки дозволены къ строенію въ 1810 г. на землѣ уступленной лаврой, но въ 1827 г. лавочники начали строиться и за лавками. Въ 1830 г. земля за лавками возвращена лаврѣ, но лавра отказалась отъ нея. См. Богословскій Вѣстникъ 1901 г., май, стр. 87—93, статья *свящ. Н. А. Романскаго.*

Южная сторона монастыря.

На южной сторонѣ монастыря: колодезь, принимаемый за колодезь преподобнаго Сергія, Пятницкая церковь или бывшій Подольный монастырь, Странноприимный домъ, Пафнутьевъ садъ, Келарскій прудъ (Свитошный дворъ, блинныя).

О колодезѣ, находящемся близъ Пятницкой церкви, черезъ шоссе отъ нея, и принимаемомъ за колодезь преподобнаго Сергія, мы уже говорили выше (стрр. 52—54), что очень мало вѣроятности принимать его за дѣйствительный колодезь преподобнаго Сергія (точнѣе—за колодезь, сдѣланный изъ источника, изведеннаго преподобнымъ Сергіемъ) и что со всею вѣроятностію должно видѣть таковой въ колодезѣ, находящемся въ Пафнутьевомъ саду, между архіерейскими покоями и Луковой башней, въ разстояніи отъ монастырской стѣны саженъ 5—6-ти (на нынѣшнемъ видѣ лавры, приложенномъ къ книгѣ, онъ представляется находящимся противъ архіерейскихъ покоевъ).

Пятницкая церковь съ находящеюся при ней другою церковію Введенія во храмъ пресвятыя Богородицы, отстоящая отъ получившей по ней свое названіе Пятницкой угольной башни монастыря саженяхъ въ 40-ка, обращена была въ приходскую церковь изъ монастыря, который по церквамъ назывался Пятницкимъ и Введенскимъ, а по мѣстоположенію подъ горой, въ низинѣ, отъ Троицкаго монастыря—Подольнымъ (Дольнымъ) или Нижнимъ.

Началъ Пятницкій монастырь, такъ же какъ и кончилъ, съ приходской церкви. Когда у Троицкаго монастыря явились слуги и служебники, что̀ случилось не позднѣе какъ со времени преподобнаго Никона, они составили подъ монастыремъ слободу, которая заняла мѣсто по лѣвому берегу рѣчки Кончуры отъ бывшихъ домовъ Пятницкаго причта внизъ по ея теченію (теперешняя Нижняя улица Посада). Для слугъ и служебниковъ нужна была приходская церковь,—и вотъ въ качествѣ таковой приходской церкви для слугъ и служебниковъ и явилась Пятницкая церковь (собственно Введенская съ придѣломъ великомученицы Параскевы, нареченныя Пятницы). Когда впервые поставлена Пятницкая церковь, точнымъ образомъ неизвѣстно, но—въ XV вѣкѣ и очень возможно, что въ первой его половинѣ, болѣе или менѣе близко ко времени преподобнаго Никона. Первоначальная церковь, конечно, была деревянная. Въ 1547-мъ году заразъ поставлены были двѣ каменныя церкви. Объ этомъ въ Краткомъ лѣтописцѣ лавры записано: „лѣта 7055-го поставленъ храмъ каменной на Подольномъ монастырѣ Введеніе Пречистая Богородица, а ставилъ его Иванъ Хабаровъ (Иванъ Ивановичъ, бояринъ Грознаго, потомъ монахъ Кириллова монастыря съ именемъ Іоасафа); того же лѣта поставили церковь каменну на подолѣ во имя святыя Парасковіи, нареченныя Пятницы, монастыремъ и христолюбцы здавали“ (т. е. ставилъ монастырь Троицкій при помощи христолюбцевъ). Изъ сейчасъ приведенной записи видно, что въ 1547-мъ году при церкви былъ уже монастырь („на Подоль-

номъ монастырѣ"). Въ настольной грамотѣ первому архимандриту Троицкаго монастыря Елевѳерію отъ 6-го января 1561-го года, въ которой перечисляются монастыри, подвѣдомые Троицкому монастырю, говорится о Подольномъ монастырѣ: „монастырь на подолѣ, а въ немъ церковь Введеніе Пречистыя Богородица да теплая церковь Пятница святая, а въ немъ игуменъ съ братіею". Передъ приходомъ подъ лавру Поляковъ въ монастырѣ было монаховъ болѣе или менѣе значительное количество, потому что въ продолженіе осады ихъ умерло 22 человѣка[1]. Послѣ осады, во время которой монастырь былъ выженъ, а монахи укрывались въ лаврѣ, Пятницкая церковь была возобновлена въ 1611-мъ году, а Введенская въ 1621-мъ году. Изъ грамоты патр. Филарета архимандриту Діонисію отъ сего послѣдняго года объ освященіи Введенской церкви видно, что передъ тѣмъ началъ быть возобновляемъ при церквахъ мужской монастырь („въ томъ монастырѣ почали братія кельи ставити"). Но въ 1641-мъ году монастырь былъ уже не мужскимъ, а женскимъ. Въ описи лавры сего года читается о немъ: „у Троицкаго монастыря за городомъ (т. е. за стѣной) Подолной Пятницкой монастырь, а въ немъ храмъ во имя Введеніе пречистые Богородицы каменъ, крытъ тёсомъ, глава и крестъ обиты нѣмецкимъ желѣзомъ.... Да другая теплая церковь во имя святыя великомученицы Парасковгѣи, нареченныя Пятницы, съ трапезою, каменная же, покрыта тёсомъ, глава и крестъ обиты нѣмецкимъ желѣзомъ.... А строенье въ церквахъ все монастырское (т. е. Троицкаго монастыря). Да на той же церкве здѣлана колоколница, а на ней пять колоколъ.... Да на монастырь(-ѣ) же въ кельѣ живутъ игуменъ (духовникъ) Елеозаръ Вытчиковъ да черной священникъ Варламъ, и та келья (т. е. въ которой живутъ игуменъ и священникъ) строеніе монастырское (т. е. Троицкаго монастыря). Да въ монастырь(-ѣ) жь тринадцать келей, живутъ въ нихъ старицы, а строеніе кельи ихъ же стариць. Монастырь огороженъ заборомъ". Около 1660-го года монастырь снова былъ обращенъ въ приходскую церковь, при чемъ его старицы переведены были въ Хотьковъ монастырь[2], [а въ 1896-мъ году,

---

[1] О монахахъ Подольнаго монастыря, умершихъ въ лаврѣ во время осады послѣдней Поляками, см. Списокъ погребенныхъ въ Троицкой Сергіевой лаврѣ отъ основанія оной до 1880 года, стр. 79, прим.

[2] См. Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи, кн. 2, М. 1872 г., отд. III, стр. 60. Въ 1681-мъ году предполагалось было возстановить Пятницкій монастырь, съ тѣмъ, чтобы сдѣлать его монастыремъ тюремнымъ для безчинно живущихъ монаховъ,—Акт. Ист. т. V, № 75, стр. 113 col. 1.—Въ 1641-мъ году, какъ значится въ описи лавры сего года, около Подольнаго монастыря были огороды большаго Троицкаго монастыря. Во второй половинѣ XVIII вѣка на погостѣ Пятницкой церкви были дома не только церковнослужителей, но и обывательскіе, и послѣдніе въ 1780-мъ году, по резолюціи митр. Платона, были снесены. Въ 1796-мъ году Платонъ приказалъ для полученія лучшаго вида на лавру перенести церковнослужительскіе дома съ погоста напротивъ, на другую сторону дороги, а находившіеся тутъ обывательскіе дома снести. [Нынѣ (1908 г.) въ Пятницкой

по представленію митрополита Сергія, въ виду малочисленности и бѣдности прихожанъ и неудовлетворительнаго состоянія церквей, означенный приходъ упраздненъ, причтъ его и прихожане причислены къ Вознесенской, что въ посадѣ, церкви, а церкви упраздненнаго Пятницкаго прихода съ окружающею ихъ частію площади, какъ древнее достояніе Троице-Сергіевой лавры, переданы въ вѣдѣніе лавры].

Странноприимный домъ построенъ въ 1892-мъ году, въ память пятисотлѣтія кончины преп. Сергія, которая имѣла мѣсто и торжественно была празднована 25-го сентября этого года (см. выше стрр. 115 и 247).

Когда насажденъ Пафнутьевскій садъ, остается неизвѣстнымъ. Существуетъ преданіе объ его названіи, что Петръ Великій во время своего пребыванія у Троицы въ 1689-мъ году одинъ разъ прогуливался въ немъ,—что во время прогулки вдругъ предсталъ предъ нимъ гонецъ изъ Москвы съ какимъ-то очень радостнымъ для него извѣстіемъ и что въ память объ этомъ государь и приказалъ назвать садъ Пафнутьевымъ по имени гонца, котораго звали Пафнутіемъ. Преданіе передается въ нѣсколькихъ редакціяхъ. Если оно справедливо (въ своей основѣ), то насажденіе сада должно быть относимо не къ болѣе позднему времени, какъ вторая половина XVII вѣка[1]. Но во всякомъ случаѣ такъ старъ не весь садъ, а только его аллея, идущая по внѣшней его стѣнкѣ, по сю сторону рѣчки—липовая, а по ту сторону—березовая; что же касается его середины (внутренности, засаженной только по сю сторону рѣчки), то она вовсе не особенно старая и мы сами помнимъ, какъ лѣтъ 40 назадъ деревья ея были совсѣмъ молодыми, недавно насаженными (если только не особенно задолго передъ

церкви совершается богослуженіе монашествующими Троице-Сергіева монастыря]. Въ писцовой книгѣ 1684-го года значится, что у церквей бывшаго Подольнаго монастыря стоятъ двѣ кельи и что въ нихъ живутъ на корму (подразумѣвается—лаврскомъ) Московскіе отставные стрѣльцы, см. у *о. Арсенія* въ статьѣ о Введенской и Пятницкой церквахъ, стр. 21 нач.. О посыланіи въ монастыри на кормъ отставныхъ стрѣльцовъ, и потомъ отставныхъ солдатовъ (начавшемся съ царя Ѳёдора Алексѣевича, который вступилъ на престолъ 30-го января 1676-го года), см. Акт. Экспед. т. IV, №№ 280 и 283, стрр. 414 и 418, col. 2, Акт. Ист. т. V, № 58, стр. 86, у *Строева* въ Списках іерарховъ col. 1056 (указаніе одного указа 1753-го года), у *В. Мижутина* въ сочиненіи О недвижимыхъ имуществахъ духовенства въ Россіи, М. 1862, стр. 524 sqq, и въ изданіи *И. Кушнерева* Русская военная сила, вып. 7, М. 1890, стр. 178 sqq; о посыланіи на кормъ отставныхъ стрѣльцовъ и солдатовъ именно въ Троицкій монастырь см. у *о. Арсенія* въ статьѣ о Казанской и Ильинской церквахъ Ильинскаго прихода, стр. 10 sqq (въ 1763-мъ году жило въ подмонастырныхъ Троицкихъ слободахъ, находясь на содержаніи лавры, болѣе 800 человѣкъ инвалидовъ). См. также Полнаго Собранія постановленій и распоряженій по вѣдомству правосл. исповѣданія т. II, стр. 177, col. 1 fin. и 240 col. 1 [и Историч. описаніе лавры, Тр. С. Л. 1902 г., стр. 40—41].

[1] Пафнутьевъ садъ упоминается въ 1737 г. См. статью *о. Арсенія:* О служкахъ и пр., стр. 8, прим. fin. Новая ограда около него складена лѣтомъ 1899-го года.

нами садъ не былъ возобновленъ)[1]. На мѣстѣ Пафнутьева сада прежде былъ огородъ и очень возможно, что дѣло было не такъ, чтобы садъ смѣнилъ собою огородъ, а такъ, что они существовали одновременно, именно—что по краю шла садовая аллея, а въ серединѣ, внутри, былъ огородъ. Какъ бы то ни было, но до половины XVII вѣка на мѣстѣ Пафнутьева сада былъ огородъ, и именно—огородъ двойной: по сю сторону рѣчки, гдѣ дѣйствительный садъ, былъ луковый огородъ, отъ чего плоская середняя башня въ южной стѣнѣ монастыря называлась Луковой; а по ту сторону рѣчки, гдѣ и до сихъ поръ луговина и гряды,—капустный огородъ. Между двумя огородами, противъ Водяныхъ воротъ, былъ прудъ, называвшійся Круглымъ, образованный черезъ запруду рѣчки, на которомъ была мельница, моловшая вешнею водой. Въ описи монастыря 1641-го года читается: „подъ болшимъ монастыремъ (т. е. Троицкимъ, какъ онъ называется въ отличіе отъ Подольнаго) противъ Водяныхъ воротъ прудъ Круглой, а на немъ анбаръ мелнишной, а въ анбарѣ однѣ жернова, мелютъ вешнею водою. Да возлѣ Круглова пруда, что противъ Водяныхъ воротъ, отъ Пушкарскіе слободы монастырской капустной огородъ, а на немъ живетъ старецъ. А по другую сторону Круглово пруда возлѣ монастырскіе стѣны монастырской же луковой огородъ, а на немъ живетъ Пятницкой черной пономарь".—Западная часть Пафнутьева сада, по ту сторону березовой аллеи, которая съ лѣвой стороны отъ дороги въ Ильинскую слободу, и по ту сторону березовой рощи, которая съ правой стороны отъ той же дороги, присоединена къ нему, для устройства тутъ лѣснаго двора, только въ 1850-мъ году, а до тѣхъ поръ на мѣстѣ этой части была восточная линія домовъ Ильинской слободы. (Гдѣ находился лѣсной дворъ передъ 1850-мъ годомъ, не знаемъ; на планѣ лавры 1779-го года онъ рядомъ съ лекарскимъ дворомъ, о которомъ мы упоминали выше,—стр. 270, по ту его сторону отъ монастыря). А послѣ возведенія въ сѣверо-западномъ углу этой новой части сада такъ называемой „новой стройки", о которой сейчасъ ниже, она и еще была разширена въ сѣверную сторону.

Каменная стѣнка вокругъ старой части Пафнутьева сада складена митрополитомъ Платономъ въ 1777—78-мъ году; часть стѣнки около новой части сада, одинаковая по своей вышинѣ и по своему виду съ Платоновской—1850-го года; а нарядная, такъ сказать, и болѣе высокая часть стѣнки отъ новой стройки до воротъ въ Пафнутьевъ садъ и потомъ простая стѣнка съ сѣверной стороны—одновременны съ новой стройкой.

Въ Пафнутьевомъ саду близъ монастырской стѣны находится колодезь, который, какъ говорили мы выше,—стрр. 52—54, со всею вѣроятностію долженъ быть принимаемъ за колодезь, образованный изъ источника, чудесно изведеннаго преподобнымъ Сергіемъ.

Келарскій прудъ, какъ записано въ Краткомъ лѣтописцѣ монастыря, сряженъ или устроенъ въ 1552-мъ году келаремъ (отъ чего и получилъ

[1] [При постройкѣ Странноприимнаго дома часть рощи была уничтожена и взамѣнъ ея посажены новыя деревья].

названіе Келарскаго) Адріаномъ Ангеловымъ. Въ настоящее время онъ представляетъ собою остатокъ отъ четырехъ прудовъ, бывшихъ по южную сторону монастыря (за исключеніемъ Круглаго пруда, о которомъ сказали мы сейчасъ выше). Въ описи монастыря 1641-го года читаемъ: „выше Подолнаго монастыря: прудъ Пятницкой, прудъ Келарской, прудъ Клементьевской, да пониже Подолного монастыря прудъ, а на немъ стоятъ два анбара мелнишныхъ, а въ анбарахъ по трои жерновы, мелютъ вешнею водою". Прудъ, что пониже Пятницкой церкви, спущенъ когда-то давно, до митр. Платона, при которомъ на юго-востокъ отъ монастыря только видна была остававшаяся отъ него мельничная плотина (какъ со словъ Платона говоритъ кн. Щербатовъ въ исторіи осады Троицкаго монастыря); Пятницкій прудъ спущенъ послѣ 1808-го года, ибо въ семъ году онъ еще упоминается, а Клементьевскій прудъ спущенъ весьма недавно, а именно—въ 1853-мъ году (въ позднѣйшее время онъ назывался также Баннымъ, каковое названіе должно объяснять тѣмъ, что на берегу его находились торговыя бани села Клементьева). Нынѣшняя каменная плотина Келарскаго пруда сдѣлана въ 1815-мъ году, о чемъ въ изданіи Краткаго описанія 1824-го года говорится: „въ 1815-мъ году для Келарскаго пруда вновь устроена съ большимъ укрѣпленіемъ изъ бѣлаго камня, кирпичей и желѣзныхъ связей плотина монастырскимъ иждивеніемъ".

Противъ юго-восточнаго угла монастыря, на берегу пруда, что пониже Пятницкой церкви, а, когда онъ былъ спущенъ, на берегу рѣчки, находился въ старое время монастырскій Свитошный дворъ, т. е. монастырскій прачечный (портомойный) дворъ, первое извѣстное упоминаніе о которомъ у Симона Азарьина въ новыхъ чудесахъ, а послѣднее—въ одномъ дѣлѣ 1768-го года.

Значительно ниже пруда, который былъ пониже Пятницкой церкви, именно—за полотномъ желѣзной дороги, были на рѣчкѣ монастырскіе рыбные садки, которые упоминаются въ описи монастыря 1641-го года и которые оставались отчасти, если не сполна, цѣлыми до тридцатыхъ годовъ XIX-го столѣтія (на планѣ лавры и посада 1823-го года, № 33/2912, изображенъ рядомъ съ рѣчкой, по правую сторону ея, имѣющій соединеніе съ нею длинный и узкій прудъ или бассейнъ: должно думать, что прудъ или бассейнъ этотъ представляетъ собою именно садокъ; въ одномъ лаврскомъ дѣлѣ 1829-го года,—№ 56, дается знать, что и въ семъ году садковскіе прудки еще оставались цѣлыми. Въ 1832-мъ году предпринято окончаніе продолжающагося дѣла о Садковскомъ лугѣ съ прудками. Въ 1835 г. лугъ съ прудками возвращенъ лаврѣ[2]. А что садками дѣйствительно служили выкопанные подлѣ рѣчки и соединявшіеся съ нею канавами для наполненія водой пруды или прудки, это даетъ знать реэстръ 1768-го года принадлежавшимъ лаврѣ дворовымъ мѣстамъ, садамъ, огородамъ, загороднымъ домамъ,

---

[1] См. въ Богословскомъ Вѣстникѣ 1901 г., май, стр. 77—81, статью *свящ. Н. А. Романскаго:* „Къ характеристикѣ Филарета митрополита Московскаго. (Дѣло о Филаретѣ іеромонахѣ Троице-Сергіевой лавры)".

прудамъ, озерамъ, лугамъ и дворамъ, въ которомъ между принадлежавшими лаврѣ прудами значатся „Садки“). Данная мѣстность и до настоящаго времени называется: „подъ садками“ (ѣхать подъ садки, быть подъ садками, пріѣхать изъ-подъ садковъ). А на взгорьи отъ садковъ, по правую сторону рѣчки, была монастырская рыбная слобода, которая составляетъ теперь Рыбную улицу посада (Рыбинку). А по скату горы между слободой и рѣчкой, поросшему теперь кустарникомъ, былъ расположенъ монастырскій садъ съ огородомъ, называвшійся Напольскимъ или Напольнымъ, который оставленъ былъ монастырю въ 1764-мъ году съ нѣсколькими другими садами и который еще въ 1830-мъ году былъ отдаваемъ имъ въ аренду подъ огородъ.

На мѣстѣ теперешняго Странноприимнаго дома лѣтъ 35-ть тому назадъ стояли блинныя, которыя послѣ случившагося въ нихъ пожара перенесены за рѣчку отъ монастыря, на нынѣшнее ихъ мѣсто въ подъугорье, и которыя послѣ недавно случившагося въ нихъ пожара не только не шалаши, чѣмъ были онѣ на прежнемъ мѣстѣ, а даже каменныя.

Происхожденіе Троицкой торговли блинами объясняютъ такъ, что-де къ преподобному ходятъ молиться не только о живыхъ, но и о мертвыхъ, а что поминовенное кушанье по мертвымъ составляютъ у насъ блины. Можетъ быть, это объясненіе справедливо; но едва ли не справедливѣе думать, что блины, представляющіе собою кушанье, которое въ одну минуту можетъ быть изготовлено, составляютъ кушанье какъ бы спеціально богомольческое и вообще странническое, ибо—пришолъ, заказалъ и сейчасъ же кушанье готово. А духовное или церковное знаменованіе могло быть усвоено Троицкимъ блинамъ и самими блинницами и богомольцами для приданія имъ особой значимости, которая бы блинницъ извиняла въ ихъ навязываніи богомольцамъ, а богомольцевъ въ ихъ истребленіи, такъ какъ однѣ и другіе усердствуютъ де родителямъ.

Западная сторона монастыря.

На западной сторонѣ монастыря, подъ стѣной его и бывъ пригорожены къ послѣдней, находились въ XVII вѣкѣ два двора—бочаренный и солодовенный, которые Палицынъ въ описаніи осады лавры, соединяя въ одинъ дворъ, называетъ Пивнымъ дворомъ. Пивовареніе въ XVII вѣкѣ, (какъ мы сказали выше стр. 171), производилось въ самомъ монастырѣ, въ Пивной или Погребной башнѣ, а наши дворы, находившіеся за башней, принадлежали къ пивоваренію. Въ описи монастыря 1641-го года читается: „за монастыремъ противъ погреба монастырской бочаренной дворъ, дѣлаютъ на монастырь всякое бочаренное дѣло, да на томъ же дворѣ келья, а въ ней живетъ квасной старецъ, да монастырскихъ же четыре житницы съ монастырскимъ хлѣбомъ, съ солодомъ и съ мукою овсяною. Да подлѣ бочаренново двора монастырской садъ, огороженъ тыномъ, а въ немъ яблони. Да подлѣ саду монастырской солодовенной дворъ, а въ немъ келья, да два овина, да анбаръ солодяной, а на дворѣ живетъ старецъ“ (иногда и

опись, соединяя оба двора въ одинъ дворъ, называетъ его, какъ Палицынъ, Пивнымъ дворомъ). Въ Пивной башнѣ были ворота изъ монастыря на Бочаренно-солодовенный или Пивной дворъ[1]. У двора были прудъ (можетъ быть, тотъ, который и до сихъ поръ есть тутъ) и колодезь. (Для дѣланія солода нужна была мельница, и она находилась за Стрѣлецкой слободой, что есть теперешняя Ильинская слобода: „да за Стрѣлецкою слободою вѣтряная мельница, мелетъ солодъ“). Во второй половинѣ XVIII вѣка находились на бочаренно-солодовенномъ дворѣ XVII вѣка вынесенныя изъ монастыря пивоварня и квасоварня. Въ описи лавры 1768-го года читается: „за лаврою по близости двѣ каменные пивоварня и квасоварня, изъ коихъ одна мѣрою въ длину семнадцать саженъ съ половиною, поперегъ шесть съ половиною, въ ней пять палатокъ жилыхъ; (другая) въ длину семь саженъ съ половиною, поперегъ шесть саженъ; оные поварни крыты тёсомъ“. А въ описи лавры 1785-го года читается: „отъ запада (за монастыремъ) каменная пивоварня и квасоварня, мѣрою въ длину 13 саженъ съ аршиномъ, поперегъ 6 саженъ съ ½, покрыты тесомъ“. Изъ словъ князя Щербатова, имѣвшаго свои свѣдѣнія, какъ мы сказали выше, отъ митр. Платона, слѣдуетъ, что Пивной дворъ уничтоженъ былъ между 1789—1791-мъ годами, а въ архивѣ лаврскомъ есть дѣло 1789-го года объ устройствѣ пивоварни подъ трапезной церковію.

На сѣверъ отъ Пивнаго двора находилась монастырская баня, которая теперь находится въ новой стройкѣ. Баня построена здѣсь въ 1782-мъ году, а дотолѣ она находилась за сѣверной стѣной монастыря, на берегу Каличьяго или Конюшеннаго пруда, образованнаго чрезъ запруду плотиной рѣчки Вондюхи, которая заграждала рѣчку между Каличьей башней монастырской стѣны на этой сторонѣ и Конюшеннымъ дворомъ на той сторонѣ (а первоначально до 1556-го года, когда были вынесены изъ монастыря находившіяся въ немъ конюшни, она, по всей вѣроятности, помѣщалась въ самомъ монастырѣ).

Нагорье по ту сторону рѣчки отъ монастыря, на которомъ въ настоящее время расположена Ильинская слобода и которое въ старое время называлось Красной горой (а Красная гора по восточную сторону монастыря сама по себѣ) представляетъ собою мѣстность историческую: главнымъ образомъ съ этого нагорья, въ началѣ XVII вѣка бывшаго незаселеннымъ полемъ, Поляки бомбардировали монастырь (см. ниже, въ главѣ XIII).

Сѣверная сторона монастыря.

У сѣверо-западнаго угла монастыря соединяются въ одно мѣсто или сливаются два оврага: одинъ идетъ на сѣверо-западъ; другой идетъ сначала на востокъ, вдоль стѣны монастыря, а потомъ поворачиваетъ на сѣверъ; въ первый оврагъ нѣсколько выше его устья впадаетъ поперечный оврагъ.

[1] [См. фототипическую таблицу № I, видъ лавры XVII-го вѣка].

Первый изъ овраговъ, въ которомъ течетъ рѣчка Кончура, назывался въ старое время Благовѣщенскимъ оврагомъ (отъ села Благовѣщенскаго, въ сторону котораго идетъ), а также Токареннымъ оврагомъ (отъ находившихся на берегу его монастырскихъ токаренныхъ избъ); второй оврагъ, въ которомъ течетъ рѣчка Вондюга, назывался Мишутинскимъ оврагомъ отъ села Мишутина (по той же причинѣ, по которой Благовѣщенскій—отъ села Благовѣщенскаго); третій оврагъ назывался Глинянымъ и Косымъ оврагомъ. Эти три оврага, такъ же какъ и помянутая выше Красная гора, суть овраги историческіе: они служили мѣстомъ неоднократныхъ, болѣе или менѣе кровавыхъ, стычекъ монастырскихъ сидѣльцевъ съ Поляками, а одинъ изъ нихъ, именно—Мишутинскій оврагъ, изъ котораго осажденные должны были добывать себѣ дрова, служилъ мѣстомъ стычекъ весьма частыхъ въ продолженіе всего времени осады.

Покатая къ монастырю площадь между Благовѣщенскимъ и Мишутинскимъ оврагами, которую въ настоящее время занимаетъ Штатная слобода, въ XVII вѣкѣ вся занята была монастырскими службами и заведеніями.

Тотчасъ за оврагомъ, противъ Конюшенной или Каличьей башни монастыря, на берегу рѣчки Кончуры или Благовѣщенскаго оврага, былъ монастырскій Конюшенный дворъ. Мы говорили выше, что конюшни монастырскія были вынесены изъ самаго монастыря въ 1556-мъ году. Со всею вѣроятностью нужно думать, что сейчасъ указанное нами ихъ мѣсто было именно тѣмъ ихъ мѣстомъ, на которое онѣ были вынесены изъ монастыря. Для проѣзда къ нимъ чрезъ оврагъ была сдѣлана плотина, выше которой образовался прудъ, носившій названіе Каличьяго или Конюшеннаго (болѣе или менѣе рыбный, т. е. вѣроятно, съ напущенной рыбой, ибо на берегу его стоялъ неводной сарай). Выше Конюшеннаго двора (или же, можетъ быть, ниже его, какъ по Палицыну), на берегу того же Благовѣщенскаго оврага стоялъ монастырскій Токаренный дворъ (на которомъ работали и отчасти жили монастырскіе токари). Вправо отъ Конюшеннаго двора, если смотрѣть отъ монастыря къ Мишутинскому оврагу, находились: Коровій дворъ, Воловой дворъ (дворъ для рабочихъ лошадей, названіе котораго нужно объяснять тѣмъ, что въ древнѣйшее время и у насъ на сѣверѣ волы преобладали надъ лошадями въ качествѣ землепашущихъ животныхъ) съ Полозовымъ дворомъ (въ которомъ складывались дровни и сани и всякіе пахотные инструменты) и кирпичные сараи съ прудомъ (послѣдніе были „посторонь“ или противъ колодезя преподобнаго Саввы, а колодезь этотъ, служа къ опредѣленію мѣста сараевъ, остается цѣлымъ до настоящаго времени). Выше кирпичныхъ сараевъ было гумно съ однимъ овиномъ каменнымъ и тремя деревянными. Вмѣстѣ съ службами и заведеніями находились двѣ слободы монастырскихъ служебниковъ и ремесленниковъ: Конюшенная, въ которой жили конюхи, и Телѣжная, въ которой жили телѣжники.

По другую сторону оврага, въ теперешней Кокуевской слободѣ, было другое гумно съ четырьмя деревянными овинами и другой Воловой дворъ (о которомъ ясно не говоритъ опись монастыря 1641-го года, но о которомъ ясно говоритъ Палицынъ). Въ началѣ XVIII вѣка архимандритъ

Георгій Дашковъ, бывшій великимъ конелюбцемъ, а попросту сказать—великимъ лошадникомъ, выстроилъ здѣсь вторую и огромную размѣрами монастырскую конюшню (73-хъ саженъ въ длину и 33-хъ саженъ въ ширину).

Мы сказали сейчасъ выше, что до сихъ поръ остается цѣлымъ колодезь преп. Саввы, именно—Саввы Дубенско-Звенигородскаго, который былъ нѣкоторое время игуменомъ Троицкаго монастыря вскорѣ послѣ смерти преп. Сергія (въ описи монастыря 1641-го года о колодезѣ: „посторонь (кирпичныхъ сараевъ) колодезь чюдотворца Саввы, а надъ нимъ шатеръ деревяной)". Отвѣтить на вопросъ: за чѣмъ преп. Савва выкопалъ колодезь въ данной мѣстности, можно единственно предположеніемъ, что уже при немъ были здѣсь какія-то хозяйственныя заведенія съ жившими при нихъ монастырскими служебниками, для которыхъ нужна была вода.

Такъ какъ при отобраніи вотчинъ у монастырей въ 1764-мъ году были взяты у лавры находившіяся кругомъ ея принадлежавшія ей пахотныя земли и розданы были тѣмъ жителямъ подмонастырныхъ слободъ, которые пожелали стать крестьянами[1],—то слѣдуетъ изъ сего, что лавра прекратила свое подмонастырное землепашество, за чѣмъ должно было послѣдовать уничтоженіе воловыхъ дворовъ и гуменъ, тотчасъ же послѣ помянутаго отобранія вотчинъ у монастырей. Въ 1785-мъ году обѣ конюшни были цѣлы (какъ видно изъ описи лавры сего года, и стояли почти пустыми, ибо послѣ прежнихъ нѣсколькихъ сотенъ лошадей, въ 1768-мъ году было и всего 47-мь лошадей), но къ 1790-му или въ 1790-мъ году онѣ были уничтожены, ибо въ этомъ году была построена нынѣшняя монастырская конюшня. Къ 1795-му году площадь земли между Благовѣщенскимъ и Мишутинскимъ оврагами была уже совершенно очищена отъ монастырскихъ службъ и хозяйственныхъ заведеній, ибо въ этомъ году она была предназначена для поселенія на ней штатныхъ монастырскихъ служителей (т. е. служителей, оставленныхъ за монастыремъ по штату 1764-го года)[2].

Послѣ уничтоженія за рѣчкой Вондюгой, на площади теперешней Штатной слободы, всѣхъ службъ и заведеній, монастырю, повидимому, не за чѣмъ было поддерживать плотину на устьи рѣчки, черезъ которую онъ (монастырь) сообщался съ службами и заведеніями; однако плотина была ремонтирована еще въ 1804-мъ году (остающіеся до настоящаго времени контрафорсы были сдѣланы именно въ семъ году). Нужно думать, что или жители Штатной слободы первоначально сообщались съ посадомъ и съ монастыремъ черезъ плотину или что монастырь дорожилъ запрудой

[1] Миллеръ въ описаніи своей поѣздки къ Троицѣ, совершонной въ 1778-мъ году говоритъ: „какъ при учинившейся въ 1763-мъ году перемѣнѣ наблюдаемо было, чтобъ монастырскія земли не лежали впустѣ, то ближнія земли (къ Троицкому монастырю) были раздѣлены между столькими жителями слободскими (подмонастырныхъ слободъ), на сколько доставало, и сіи-то теперь настоящіе крестьяне"...

[2] |См. часть этой мѣстности на фототипическихъ таблицахъ №№ IV, VI и XVI|.

по причинѣ насаженной въ нее рыбы. Когда послѣ 1804-го года спущена запруда и уничтожена плотина, отъ которой не остается теперь никакого слѣда (за исключеніемъ сейчасъ помянутыхъ контрафорсовъ), не имѣемъ свѣдѣній.

Въ Мишутинскомъ оврагѣ, подъ самымъ монастыремъ, надъ открытымъ въ 1863-мъ году прекраснымъ родникомъ воды устроена паровая водокачка, посредствомъ которой снабжаются водой родника весь монастырь (съ академіей) и всѣ заведенія монастыря, находящіяся внѣ его.

Противъ сѣверовосточнаго угла монастырской стѣны находится прудъ (за старой гостинницей), за прудомъ Конюшенный дворъ, за дворомъ огородъ.

Прудъ, называемый въ настоящее время Бѣлымъ, въ XVII вѣкѣ назывался Круглымъ и до построенія гостинницы былъ значительно болѣе нынѣшняго, такъ какъ дворъ гостинницы, поставленной на самомъ берегу пруда, былъ образованъ чрезъ засыпаніе части пруда. Нынѣшній Конюшенный дворъ, какъ мы сказали, построенъ въ 1790-мъ году. Вмѣсто нынѣшняго огорода въ XVII вѣкѣ были огородъ и садъ. Въ описи монастыря 1641-го года читается: „да противъ монастырскіе науголныя Житничные башни прудъ Круглой; да у того же Круглово пруда огородъ капустной, а на немъ живетъ старецъ; да возлѣ ево монастырской садъ, а въ немъ яблони". А такъ какъ о нынѣшнемъ Конюшенномъ дворѣ говорится, что онъ поставленъ на семинарскомъ огородѣ, то должно думать, что передъ 1790-мъ годомъ владѣла огородомъ семинарія, бурсы которой стояли тутъ между 1747—1775-мъ годами.—Большая новая кузница, какъ будто нарочнымъ образомъ поставленная впереди коннаго двора и бокомъ къ нему, чтобы загородить и испортить видъ на него, построена въ 1893—1894-мъ году.

Нынѣшній посадъ.

Нынѣшній Сергіевскій или Троицко-Сергіевъ посадъ образованъ въ 1782-мъ году изъ села Клементьева и изъ подмонастырныхъ слободъ[1].

Село Клементьево было однимъ изъ первыхъ посёлковъ около монастыря, которые явились около него болѣе или менѣе въ непродолжительномъ времени послѣ его основанія преподобнымъ Сергіемъ (см. выше

[1] Именной указъ отъ 22-го марта 1782-го года, въ Собраніи законовъ т. XXI, № 15371, стр. 442: „по поданнымъ намъ отъ генералъ-маіора и Московскаго губернатора Архарова, въ бытность его здѣсь (въ Петербургѣ), представленіямъ, утвержденнымъ нынѣ отъ нашего генералъ-фельдмаршала, Главнокомандующаго въ Москвѣ и въ губерніи тамошней графа Чернышева всемилостивѣйше повелѣваемъ: живущимъ въ слободахъ вѣдомства Коллегіи экономіи, близъ Свято-Троицкой Сергіевской лавры лежащихъ, непахотнымъ жителямъ, производящимъ торговлю и ремесла, позволить записаться по желаніямъ ихъ въ купечество и мѣщанство, учредя для нихъ посадъ, подъ именемъ Сергіевской, и въ немъ Ратушу, сходственно учрежденіямъ нашимъ главы I, въ статьѣ 27, и главы XX, въ статьѣ 278"...

стр. 35). Равнымъ образомъ и въ собственность монастыря, какъ его вотчина, село поступило болѣе или менѣе въ непродолжительномъ времени послѣ того, какъ монастырь началъ пріобрѣтать вотчины (что было при преемникѣ преподобнаго Сергія—преподобномъ Никонѣ). О весьма раннемъ, вѣроятно—еще при преподобномъ Никонѣ, появленіи подъ монастыремъ Служней слободы мы сказали выше. Постепенно увеличиваясь, слобода эта раздѣлилась на двѣ слободы: нижнюю, что̀ есть нынѣшняя Нижняя улица посада, которая иначе называлась Чертольской слободой, Чертольемъ (что значитъ водороина, оврагъ: чертолье есть передѣлка слова черторыя), и верхнюю, которая есть нынѣшняя Виѳанская улица посада, точнѣе—мѣстность которой занимаетъ нынѣшняя Виѳанская улица посада. Князья Радонежскіе, на землѣ которыхъ былъ построенъ монастырь, если не при самомъ преподобномъ Сергіи, то при Никонѣ поставили близъ него свое село, которое называлось Панинымъ (а также Княжимъ селомъ) и которое поступило въ собственность монастыря не позднѣе 1466-го года. Село это находилось за нынѣшней Ильинской слободой. Не позднѣе конца XV—начала XVI вѣка была поставлена подъ монастыремъ деревня Кокуево, представляющая ту часть нынѣшняго Кокуева, которая за верхнимъ концомъ Переяславской улицы (принадлежавшая къ приходу села Зубачева, которое есть нынѣшняя деревня Зубачево, находящаяся въ 3-хъ верстахъ отъ Троицы). Подъ селомъ Клементьевымъ, подъ служними слободами и подлѣ хозяйственныхъ заведеній монастыря, что на нынѣшней Штатной слободѣ, явились слободки разныхъ монастырскихъ ремесленниковъ, служебниковъ и рабочихъ. Передъ осадой монастыря Поляками подмонастырныя слободы и всякія монастырскія службы, по распоряженію монастырскихъ властей, были выжжены (а село Клементьево было сожжено Поляками еще ранѣе распоряженія). Послѣ осады съ возстановленіемъ всего того, что̀ было прежде, явились новыя слободы: тотчасъ послѣ осады—слобода Пушкарская, сохраняющая свое имя до настоящаго времени, и слобода Стрѣлецкая[1], которую составляютъ нынѣшнія Ильинская и Долгая (Дмит-

[1] Въ Писцовой книгѣ Московскаго уѣзда 1623-го и 1624-го годовъ говорится о трехъ Стрѣлецкихъ слободахъ: „(подъ монастыремъ) слобода Пушкарская, да три слободы Стрѣлецкихъ, а въ нихъ стрѣлецкихъ и пушкарскихъ двѣсти семнадцать дворовъ“... Въ Переписной книгѣ 1646-го года сначала называется слобода Стрѣлецкая, въ которой перечисляется восемьдесятъ два дома; потомъ: „да подъ монастыремъ же по другую сторону стрѣльцовъ“,—и еще перечисляется принадлежащихъ стрѣльцамъ девяносто восемь домовъ. Но въ Писцовой книгѣ слово: слобода употребляется не въ смыслѣ особаго поселка, а въ смыслѣ линіи домовъ или ихъ порядка, въ каковомъ смыслѣ слово и доселѣ употребляется у Троицы и около Троицы; такъ что „три слободы“ Писцовой книги значитъ не три особые, въ разныхъ мѣстахъ, поселка, а три линіи, три порядка домовъ, находящіеся въ одномъ мѣстѣ (по теперешнему было полторы улицы: улица въ двѣ слободы, какъ это говорятъ и доселѣ, и улица въ одну слободу). „По другую сторону“ Переписной книги должно быть понимаемо не въ смыслѣ: по другую сторону монастыря, а въ смыслѣ: по

ровская) улица посада, образующія вмѣстѣ съ Пушкарской слободой (улицей) нынѣшній Ильинскій приходъ (или, такъ какъ теперь есть въ мѣстности жители и другихъ приходовъ, Ильинскій кварталъ, жителями посада называемый Ильинской слободой), далѣе—Каличья слобода, получившая свое названіе отъ Каличьихъ или Конюшенныхъ воротъ монастыря, но потомъ, по слитіи съ деревней Кокуево, о которой мы сказали сейчасъ, принявшая имя послѣдней,—нынѣшній Кокуевскій приходъ; одновременно съ Каличьей слободой—Волкушская слобода или слобода, что̀ слыветъ Терентьева роща,—нынѣшній Вознесенскій приходъ.

Село Клементьево, представляющее собой въ настоящее время самую глухую и, если не ошибаемся, наиболѣе бѣдную, часть (украину) посада имѣетъ свое относительнымъ образомъ блестящее прошлое. Черезъ него шла большая Московская дорога, а дорога эта была такова, что по ней взадъ и впередъ непрестанно тянулись обозы и день и ночь, т. е. что она была одною изъ самыхъ проѣзжихъ большихъ дорогъ. Равнымъ образомъ, какъ это со всею вѣроятностью надлежитъ думать, въ селѣ останавливались если не всѣ богомольцы, пріѣзжавшіе и приходившіе къ Троицѣ, то наибольшая ихъ часть. По обѣимъ этимъ причинамъ село было полно постоялыми дворами и харчевнями (въ 1715-мъ году въ немъ было 9 харчевень, и еще въ 1758-мъ году архимандритъ лавры Гедеонъ Криновскій писалъ, что „по жительству Клементьевскихъ бобылей близъ лавры на большой проѣзжей Московской дорогѣ не безуповательно, что они отъ постою съ своихъ дворовъ и отъ продажи харчу, конскаго корму получаютъ себѣ немалую прибыль“), вмѣстѣ съ чѣмъ въ немъ развилась очень живая и очень значительная торговая дѣятельность (о торговыхъ лавкахъ, анбарахъ, шалашахъ, скамьяхъ и походячемъ или разносномъ ручномъ торгу въ селѣ говоритъ опись монастыря 1641-го года, которая перечисляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и таможенныя, взимавшіяся на торгу въ пользу монастыря пошлины[1]; еще въ первой четверти XIX-го столѣтія лавки, бывшія при

другую сторону улицы. Чтобы бывала Стрѣлецкая слобода на какой нибудь другой сторонѣ монастыря, кромѣ западной, на. это нѣтъ никакихъ совершенно указаній. Единственная сторона монастыря, на которой можно было бы предполагать Стрѣлецкую слободу, есть сѣверная сторона съ нынѣшней Переяславской улицей. Но Переяславская улица, какъ это видно изъ Писцовой книги 1684-го года, еще въ семъ году представляла изъ себя соприкасавшееся съ Служней слободой пахотное поле.

[1] Въ описи послѣ перечисленія жителей села Клементьева читается: „Да въ селѣ жь въ Клементьевѣ торговые лавки и анбары и шалаши и скамьи и кузницы и харчевни и походячей то́ргъ и съ бобылей издѣлье и таможенная пошлина и квасъ и сусло и баня и пролубное и всякая продажа и конская площадка и помѣстная проѣзжая пошлина и мыльная продажа и на великъ день яичная краска (т. е. и право продавать крашеныя пасхальныя яица было отдаваемо на откупъ!) и противъ монастыря Святыхъ воротъ лавки же и шалаши; а кѣмъ имянемъ тѣ всякіе промыслы въ откупу или на вѣрѣ и что съ нихъ сбираетца въ монастырь всякихъ пошлинъ порозно. и то все писано подлинно въ казенныхъ въ приходныхъ книгахъ“.

Клементьевской церкви приносили ей ежегоднаго дохода до 450 рублей). Какъ въ административномъ центрѣ для окрестныхъ, принадлежавшихъ монастырю, крестьянъ въ селѣ находились тіунская и съѣзжая избы, также тюрьма, которую въ зависимости отъ Разбойнаго приказа вѣдалъ выбиравшійся изъ монастырскихъ слугъ губной староста; по уставной грамотѣ властей монастыря второй половины XVI вѣка недѣльщики ставили тягавшихся монастырскихъ крестьянъ у крестнаго цѣлованія и у поля не въ монастырѣ за воротами, а въ нашемъ селѣ. Постепенно въ отношеніи къ торговлѣ село начало падать со второй половины XVIII-го столѣтія, по мѣрѣ того какъ самими Клементьевскими бобылями торговля все болѣе была переносима въ сосѣдство монастыря на Красную площадь. Но все таки оно оставалось торговымъ селомъ съ нѣсколькими рядами лавокъ (деревянныхъ) до не особенно давняго времени. Торги, бывающіе на Вознесенской площади каждый понедѣльникъ, и ярмарка, бывающая на той же площади въ Успеньевъ день, суть торги и ярмарка Клементьевскіе (Успеньевъ день въ Клементьевѣ храмовой праздникъ), перенесенные на Вознесенскую площадь вмѣстѣ съ несуществующими уже теперь на площади рядами лавокъ послѣ 1840-го года, вѣроятно—въ 1845-мъ году, когда открыто было Московско-Ярославское шоссе[1], которое, прошедъ мимо Вознесенской площади и оставивъ въ сторонѣ Клементьево, должно было сдѣлать площадь гораздо болѣе удобопріѣздною для крестьянъ, чѣмъ мѣстность около Клементьевской церкви.

Когда первоначально была построена въ Клементьевѣ церковь, точнымъ образомъ остается неизвѣстнымъ; но со всею вѣроятностію нужно думать, что при самомъ его основаніи, ибо село есть именно селеніе, имѣющее церковь. Нынѣшняя каменная церковь послѣ нѣсколькихъ деревянныхъ построена въ 1769-мъ году. Главный престолъ въ холодномъ храмѣ—во имя Успенія Божіей Матери, съ придѣломъ въ честь Живоноснаго источника (съ праздникомъ въ пятокъ Свѣтлыя или пасхальныя седмицы); въ тепломъ храмѣ два престола—во имя Николая чудотворца и въ честь Рождества Іоанна Предтечи.

[1] И. М. Снегиревъ говоритъ въ своихъ Путевыхъ запискахъ о Троицкой лаврѣ, напечатанныхъ въ 1840-мъ году: „донынѣ въ Клементьевской слободѣ по понедѣльникамъ, каждую недѣлю бываетъ торгъ, а 15 августа ярмарка, на которую съѣзжаются съ товарами купцы и мѣщане изъ Москвы и ближайшихъ городовъ“,—стр. 50. Что торги и ярмарка переведены изъ Клементьева на Вознесенскую площадь въ слѣдъ за открытіемъ шоссе, это мы слыхали отъ нѣсколькихъ лицъ и это говоритъ и историографъ Клементьева о. Арсеній. Въ Посадской думѣ должно быть дѣло о переводѣ торговъ и ярмарки, но, къ сожалѣнію, намъ его не нашли. О. Арсеній передаетъ сказаніе какихъ-то старожиловъ, будто „храмовая, т. е. Успенская, ярмарка въ селѣ продолжалась до двухъ недѣль, на протяженіи двухъ верстъ въ полѣ, на югъ къ Москвѣ“. О лавкахъ Клементьевскихъ, перенесенныхъ на Вознесенскую площадь, говорилъ намъ человѣкъ, который самъ нѣкоторое время торговалъ въ нихъ, но который, по причинѣ глубокой старости, къ сожалѣнію, все очень плохо помнитъ.

Приходскою церковію нижней служней слободы была Пятницкая церковь. О ней сказали мы выше (стр. 300). Въ настоящее время престолы въ храмахъ: въ холодномъ въ честь Введенія Божіей Матери съ придѣломъ во имя равноапостольныхъ царей Константина и Елены; въ тепломъ храмѣ—во имя великомученицы Параскевы (-віи), нарицаемыя Пятницы, съ придѣломъ во имя архангела Михаила.—Когда впервые построена была церковь въ верхней служней слободѣ, которая есть нынѣшняя Рождественская церковь, остается неизвѣстнымъ: если еще не до осады монастыря Поляками, то вскорѣ послѣ осады; первое прямое упоминаніе о ней—подъ 1623-мъ годомъ. Нынѣшняя каменная церковь, замѣчательная тѣмъ, что передняя ея половина, составляющая холодный храмъ, имѣетъ такъ называемыя закрестія или полукруглыя выступы, что въ нашихъ русскихъ церквахъ необыкновенно рѣдко, построена въ 1736-мъ году[1]. Главный престолъ въ холодномъ ея храмѣ—въ честь Рождества Христова; въ тепломъ храмѣ два престола—въ честь Рождества Богородицы и во имя Іоанна Богослова.

Въ церковно-административномъ отношеніи лавра находилась въ Радонежской десятинѣ патріаршей области. Но между 1680-мъ и 1698-мъ годами была учреждена при ней особая Троицкая десятина, которую вмѣстѣ съ церквами подмонастырными составили 34 церкви Дмитровскаго и Переяславскаго уѣздовъ. Поповскими старостами десятины, которые избирались изъ слободскихъ священниковъ, но не изъ сельскихъ, большею частію были священники Рождественскіе. Въ 1749-мъ году „для лучшаго правленія въ Троицкой десятинѣ“ поставленъ былъ ея начальникомъ протопопъ, который имѣлъ состоять при Рождественской церкви, возведенной при этомъ въ соборъ. Съ 1753-го года Троицкій протопопъ сталъ завѣдывать и Радонежскою десятиною, такъ что Радонежская и Троицкая десятины опять соединились въ одно мѣсто. Въ 1775-мъ году при единоличномъ дотолѣ протопопѣ учреждено коллегіальное духовное правленіе. Около 1816-го года должность протопопа уничтожена и Троицкое духовное правленіе порвало свою связь съ Рождественскою церковію (существовавъ потомъ до 1836-го года, когда переведено было въ Дмитровъ).—Въ 1747-мъ году архимандритомъ лавры, архіепископомъ Переяславскимъ, Арсеніемъ Могилянскимъ было предписано, чтобы „въ Троицкой Сергіевой лаврѣ, въ церкви преподобнаго Сергія, что̀ съ трапезою, да въ имѣющейся при оной лаврѣ приходской церкви Рождества Христова, обрѣтающимся при семинаріи учителямъ въ каждый воскресный день, по полудни въ третьемъ часу, преподавать для народа катихизисъ, на которомъ поучать имъ, какъ духовнаго, такъ и свѣтскаго, чина людей десятословія, символа вѣры, еще жъ молитвы Господскія съ десятью блаженствы евангельскими и прочими, ко спасенію руководящими, добродѣтельми“[2].

---

[1] Изъ письма архим. Варлаама къ Московскому главнокомандующему графу С. А. Салтыкову отъ 16-го декабря 1736-го года, напечатаннаго въ Русскомъ Архивѣ 1900 г., № 8, стр. 439, слѣдуетъ, что Рождественская церковь освящена архим. Варлаамомъ 17-го декабря сего года.

[2] О Рождественской церкви см. статью *іеромонаха Арсенія:* Христорождественская церковь въ Сергіевскомъ посадѣ.

При Рождественской церкви находится женская богадѣльня [устроенная въ 1886 г. и содержимая на % съ капитала въ 66000 руб., внесеннаго А. В. Куманиной въ память П. П. Усачева; призрѣваемыхъ 20 старухъ].

Тотчасъ послѣ осады лавры Поляками монастырскія власти для обереганія монастыря на будущее время завели своихъ стрѣльцовъ и пушкарей, которыхъ поселили особыми слободами—отчасти въ западную, отчасти въ восточную сторону монастыря. Для однихъ и для другихъ была построена монастыремъ церковь въ честь Казанской Божіей Матери и пророка Иліи (двухъэтажная, съ престоломъ Божіей Матери вверху и пророка Иліи внизу) въ 1645-мъ году[1]. Въ настоящее время въ приходѣ, носящемъ названіе Ильинскаго, двѣ церкви—деревянная, построенная въ 1752-мъ году, съ престоломъ въ честь Казанской иконы Божіей Матери, и каменная, построенная въ 1773-мъ году, съ тремя престолами: въ холодномъ храмѣ во имя Иліи пророка и въ тепломъ храмѣ во имя святителя Димитрія Ростовскаго и въ честь Иверской иконы Божіей Матери.

Выше мы сказали о находившемся за нынѣшней Ильинской слободой селѣ Панинѣ, которое основано Радонежскими князьями и которое получено монастыремъ въ собственность не позднѣе 1466-го года. Между 1586-мъ и 1594-мъ годами село превратилось въ деревню, а къ концу XVII вѣка оно и совсѣмъ исчезло[2], а вмѣсто него явилась слободка Подпанино, названіе которой указываетъ на то, что она возникла подъ селомъ Панинымъ, внизу отъ него. Эта слободка, какъ часть Ильинской слободы, существуетъ со своимъ именемъ и до настоящаго времени.

Гора надъ Келарскимъ прудомъ съ Московской или южной стороны называлась въ старое время Волкушей; Вознесенская слобода по-за шоссе называлась Терентьевой рощей. До осады лавры Поляками на горѣ и въ мѣстности рощи не было еще населенія; но послѣ осады, во время которой Поляки ставили на горѣ и въ рощѣ свои артиллерійскія баттареи для бомбардированія монастыря, на нихъ явилась слобода, которая стала называться Волкушей слободой, что̀ слыветъ Терентьева роща, Волкушской слободой. Для жителей слободы поставлена была монастыремъ своя церковь, что̀ есть теперешняя Вознесенская церковь, около 1653-го года[3]. Нынѣшній каменный храмъ построенъ въ 1779-мъ году (престолы въ немъ: въ честь Вознесенія Господня, въ честь Божіей Матери, всѣхъ скорбящихъ радости, — празднуется 24-го октября,—и во имя трехъ вселенскихъ святителей).

При Вознесенской церкви находится женская богадѣльня [устроенная въ 1853 году на средства купца Сергіевскаго посада Алексѣя Егоровича Ерофѣева. Призрѣвается въ ней 12 лицъ женскаго пола. На содержаніе

---

[1] См. статью *о. Арсенія*: Казанская и Ильинская церкви Ильинскаго прихода въ Сергіевскомъ посадѣ.

[2] См. Акт. Экспед. т. I, № 330, стр. 392 col. 1, и потомъ у *о. Арсенія* въ статьѣ: „Село Клементьево“, стр. 14 нач. sqq.

[3] См. Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи, кн. 2, М. 1872 г., отд. III, стр. 120.

богадѣльни устроителемъ ея завѣщаны: 1) капиталъ въ 4300 рублей, хранящійся въ 4% непрерывнодоходномъ билетѣ; 2) лавка въ каменныхъ рядахъ на Красногорской площади Сергіевскаго посада; 3) лавка въ Москвѣ въ Городскихъ рядахъ, отчужденная по высочайшему повелѣнію и вмѣсто коей получено 30 акцій Среднихъ торговыхъ рядовъ по 100 р. каждая; и 4) 45 десятинъ земли въ Дмитровскомъ уѣздѣ; выросшій на нихъ въ настоящее время лѣсъ проданъ, а вырученная отъ его продажи сумма, въ количествѣ 5700 р., обращена въ неприкосновенный капиталъ богадѣльни. Съ лавки и капиталовъ получается всего въ годъ около 800 руб., иногда больше, иногда менѣе соотвѣтственно платѣ за аренду лавки и количеству дивиденда по акціямъ Среднихъ рядовъ г. Москвы].

Мы сказали, что на Вознесенскую площадь перенесены были изъ Клементьева ряды торговыхъ лавокъ. Ряды эти, числомъ двои или трои (панскій, мясной и, кажется, посудно-игрушечный) существовали на площади очень не долго. Мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній, когда торговцы оставили ихъ, чтобы перебраться къ монастырю, и когда они снесены, но когда въ 1854-мъ году мы пріѣхали учиться въ академію, ихъ какъ будто уже не было, по крайней мѣрѣ—мы совсѣмъ ихъ не помнимъ.

(Что касается до самой Вознесенской площади, то, по всей вѣроятности, она представляетъ собою бывшій лаврскій Терентьевскій огородъ, который упоминается съ 1641-го года по 1768-й годъ. Этимъ дается отвѣтъ и на вопросъ: какъ и съ какой стати явилась въ данномъ мѣстѣ площадь).

Каличья слобода (на одномъ видѣнномъ нами планѣ XVIII-го вѣка, хранящемся въ монастырскомъ архивѣ, называемая еще Притыкиной слободой), по слитіи съ деревней Кокуевой принявшая имя этой послѣдней, составилась изъ монастырскихъ „дѣтенышей“, какъ назывались тѣ монастырскіе служебники или работники, обязанность которыхъ составляло пахать монастырскія поля (и названіе которыхъ, можетъ быть, отъ того, что они набирались въ монастырскихъ вотчинахъ, будучи еще дѣтьми или еще въ дѣтскомъ возрастѣ)[1]. Они поселены были въ данномъ мѣстѣ потому, что тутъ и черезъ оврагъ оттуда были монастырскіе воловые дворы и монастырскія гумна. Церковь въ честь Воскресенія Христова была построена въ слободѣ монастыремъ въ 1654-мъ году. Нынѣшняя каменная церковь съ посвященіемъ главнаго престола также Воскресенію Христову (при чемъ празднуется и такъ называемое словущее воскресеніе, т. е. обновленіе храма Воскресенія Христова въ Іерусалимѣ, положенное 13-го сентября), но по придѣлу извѣстная болѣе подъ именемъ Петропавловской, построена въ 1820-мъ году.

Къ Кокуевскому приходу принадлежитъ Штатная слобода, находящаяся между оврагами Мишутинскимъ и Благовѣщенскимъ. Слобода полу-

---

[1] О монастырскихъ дѣтенышахъ см. у *М. А. Дьяконова* въ его трудѣ: „Очерки изъ исторіи сельскаго населенія въ Московскомъ государствѣ XVI—XVII вв.“ Спб. 1898 г. Названіе имѣетъ отношеніе къ греческому παιδοπουλιν, о которомъ см. у *Дюканжа*. См. также Акт. Эксп. IV, № 14, стр. 25 fin.

чила названіе Штатной отъ того, что ея жителей составляютъ бывшіе штатные служители лавры, которые представляли собою служебниковъ послѣдней, оставленныхъ ей „по штату“ или въ извѣстномъ опредѣленномъ количествѣ послѣ отобранія у ней въ 1764-мъ году вмѣстѣ съ другими монастырями крестьянъ и служебниковъ. До 1795-го года штатные служители лавры жили разбросано въ разныхъ подмонастырныхъ слободахъ, а въ этомъ послѣднемъ году, въ слѣдствіе представленія митрополита Платона, имъ отведена была для поселенія особая мѣстность,—указанная нами и получившая отъ нихъ названіе Штатной слободы[1].

Кладбищъ съ находящимися на нихъ церквами въ настоящее время въ посадѣ три: Кокуевское, Клементьевское и Вознесенское.

На Кокуевскомъ кладбищѣ церковь построена прихожанами Рождественскаго, Ильинскаго и Кокуевскаго приходовъ (при главномъ стараніи Кокуевскаго крестьянина Г. А. Ломова, который за свое усерднѣйшее храмолюбіе почитаемъ былъ даже митр. Филаретомъ) въ 1834-мъ году. Она о двухъ престолахъ—въ честь всѣхъ святыхъ и въ честь Покрова Божіей Матери (сохраняется преданіе, что церковь кладбища поставлена на томъ мѣстѣ, на которое 17-го мая 1746-го года во время случившагося въ лаврѣ и окружавшихъ ее слободахъ великаго пожара выносимы были мощи преподобнаго Сергія).

На Клементьевскомъ кладбищѣ церковь съ престоломъ въ честь Святаго Духа построена тщаніемъ прихожанина Клементьевской церкви И. И. Шапошникова при общемъ пособіи прочихъ прихожанъ той же церкви въ 1832-мъ году.

На Вознесенскомъ кладбищѣ церковь съ престоломъ въ честь Всемилостиваго Спаса построена въ 1854-мъ году [храмовой праздникъ 1-го августа].

Церковь Кокуевскаго кладбища имѣетъ собственный причтъ. А церкви Клементьевскаго и Вознесенскаго кладбищъ причислены къ приходскимъ церквамъ,—первая Клементьевской, вторая Вознесенской.

Закончимъ рѣчи о посадѣ нѣсколькими словами объ его населеніи, которое, въ видѣ исключенія противъ другихъ посадовъ, состоитъ не изъ однихъ купцовъ и мѣщанъ, но и изъ крестьянъ.

Передъ отобраніемъ у монастырей вотчинъ жители подмонастырныхъ слободъ съ селомъ Клементьевымъ состояли: изъ слугъ монастырскихъ, изъ служебниковъ, изъ всякаго рода монастырскихъ ремесленниковъ, изъ дѣтенышей, о которыхъ мы сказали сейчасъ, и изъ Клементьевскихъ крестьянъ и бобылей. Что касается до двоихъ послѣднихъ, то село Клементьево было основано крестьянами, именно — настоящими крестьянами, которые пахали землю, и наслѣдники и преемники этихъ настоящихъ крестьянъ и оставались въ селѣ до отобранія у монастырей вотчинъ[2]. Но условія мѣсто-

---

[1] См. статью *о. Арсенія* „О служкахъ“, стр. 44 fin.

[2] О монастырской десятинной пашнѣ см. Акт. Историч. т. V, № 171, стр. 300; пахалась мѣстными монастырскими крестьянами повытно,—Акт. Ист., т. V, № 65, стр. 95 col. 1.

положенія села, о которыхъ мы сказали выше, привлекали въ него на жительство большое количество крестьянъ не пашенныхъ, которые занимались ремеслами и торговлей; эти ремесленники (подразумѣвается—не монастырскіе, а такъ сказать: на себя) и торговцы и составляли Клементьевскихъ бобылей, поелику названіе: бобыль было названіемъ подобныхъ крестьянъ непашенныхъ (какъ во многихъ мѣстахъ они и до сихъ поръ называются)[1]. При отобраніи у монастырей вотчинъ слуги монастырскіе, бывшіе изъ дворянъ и дѣтей боярскихъ[2], были распредѣлены въ гражданскую и военную службу, смотря по ихъ годности, изъ служебниковъ нѣкоторое количество оставлено за монастыремъ,—по штату, отъ чего штатные служители, крестьяне Клементьевскіе оставлены были крестьянами, перешедши только изъ-подъ власти монастыря въ вѣдомство Коллегіи экономіи; желавшіе изъ остальныхъ стать крестьянами получили въ надѣлъ себѣ или въ свое владѣніе тѣ находившіяся кругомъ монастыря земли, которыя монастырь обработывалъ на себя (главнымъ образомъ дѣтеныши, потомки которыхъ суть теперешніе Кокуевскіе крестьяне), оставшіеся изъ остальныхъ составили изъ себя одинъ классъ бобылей, число которыхъ, по словамъ Миллера въ описаніи поѣздки въ монастырь, составляло три четверти всего подмонастырнаго населенія[3]. При учрежденіи въ 1782-мъ году посада непахотнымъ жителямъ подмонастырныхъ слободъ, производившимъ торговлю и ремесла, т. е. бобылямъ, предоставлено было записаться въ купечество и мѣщанство, а крестьяне по прежнему остались крестьянами. Такимъ образомъ, и случилось, что жители посада состоятъ вмѣстѣ изъ городскихъ жителей и изъ сельскихъ,—изъ мѣщанъ съ купцами и изъ крестьянъ. Но то обстоятельство, что крестьяне по прежнему остались крестьянами оказалось весьма невыгоднымъ для мѣщанства—купечества. Мы сказали, что вся земля подъ монастыремъ, которую монастырь обработывалъ на себя, предоставлена была желавшимъ пойдти въ крестьяне. При образованіи посада вся эта земля неприкосновенно осталась за кре-

---

[1] О бобыляхъ см. статью *М. А. Дьяконова* въ Журналѣ Мин. Нар. Просв. 1896 г. № 4 и въ его трудѣ: „Очерки изъ исторіи сельскаго населенія въ Московскомъ государствѣ XVI—XVII вв.“ Спб. 1898 г.; также статью *Успенскаго* „О большихъ строителяхъ“.

[2] Павелъ Алеппскій называетъ ихъ монастырскими архонтами,—Чтен. Общ. Ист. и Древн. Росс., 1898 г. кн. IV, стр. 24 sub fin.

[3] „Жители (подмонастырныхъ слободъ), кои безъ земли остались и числомъ прежнихъ (получившихъ землю) почти въ $^3/_4$ превосходятъ, называются бобылями; однакожъ различными рукодѣліями, постоялыми дворами и извозомъ не менѣе (чѣмъ получившіе землю) имѣютъ случаевъ снискать себѣ довольное пропитаніе; потому здѣшніе обыватели безъ различія, а особливо тѣ, кои собственное свое прилежаніе къ тому употреблять не оставляютъ, довольно зажиточны и слѣдовательно для нихъ двухрублевый окладъ, положенный на каждую душу мужескаго пола, что они вносятъ въ Коллегію экономіи или опредѣленному отъ оной казначею, да сверхъ того подушныхъ по 70 коп. съ души, не можетъ быть тягостенъ“.

стьянами, а такъ какъ другой еще земли не было, то посадъ и остался совершенно безъ земли, а въ слѣдствіе сего дѣла въ настоящее время находятся въ такомъ курьезномъ, а для посада—нисколько не курьезномъ, а весьма плачевномъ, положеніи, что у крестьянъ, живущихъ въ немъ, обиліе земли (которую они начали было даже продавать въ частныя руки) и что у него самаго—ни клочка земли.

Въ 1861-мъ году, при освобожденіи всѣхъ крѣпостныхъ имперіи, къ мѣщанско-купеческому сословію посада присоединились бывшіе штатные служители монастыря.

Большинство жителей посада занимается приготовленіемъ игрушекъ, которыми производится въ посадѣ большой торгъ и которыми посадскіе купцы ведутъ и оптовую торговлю съ другими мѣстами. Когда и съ чего началось въ посадѣ производство игрушекъ, относительно этого нѣтъ никакихъ положительныхъ извѣстій (и даже, сколько знаемъ, и какихъ либо устныхъ сказаній). Многочисленные богомольцы, приходящіе и пріѣзжающіе въ лавру, покупаютъ игрушки, чтобы привезти отъ Троицы подарокъ дѣтямъ, и нужно думать, что когда-то (до второй половины XVIII-го столѣтія) кому-то изъ жителей посада (изъ монастырскихъ токарей) пришла мысль дѣлать игрушки, чтобы предлагать ихъ богомольцамъ,—что попытка оказалась удачной,—что одному послѣдовали другіе и что такимъ образомъ промыселъ постепенно и водворился въ посадѣ[1].

[1] Въ географическомъ лексиконѣ Россійскаго государства, собранномъ *Ѳедоромъ Помининымъ* и изданномъ *Герардомъ Миллеромъ*, въ Москвѣ, въ 1773-мъ году, въ статьѣ о Троицкомъ Сергіевомъ монастырѣ (принадлежащей самому Миллеру), говорится о жителяхъ Посада, что „многіе изъ нихъ упражняются въ рукодѣліяхъ, дѣлаютъ и продаютъ разныя крашеныя и писаныя деревянныя вещи, ларчики, чашки, дѣтскія игрушки и тому подобное“ (буквально повторяется въ Новомъ и полномъ лексиконѣ Россійской имперіи *Льва Максимовича*, напечатанномъ въ Москвѣ въ 1788—89-мъ году, только съ ошибочнымъ: каменныя вмѣсто: крашеныя).

XII.

Примѣчательныя окрестности монастыря.

Радонежъ (Городокъ).—Хотьковъ монастырь.—Крестовская часовня или мѣсто „У креста".—Виѳанскій монастырь съ семинаріей.—Геѳсиманскій скитъ съ пустыней Параклита.—Корбуха.

Радонежъ (Городокъ).

Маленькій городъ или городокъ Радонежъ, въ настоящее время—село Городокъ, составлялъ вторую родину преподобнаго Сергія послѣ Ростова. Отъ переселенія изъ Ростова и до постриженія въ монашество преподобный прожилъ въ немъ съ своими родителями около семи лѣтъ. Бывшій городокъ, а нынѣшнее село, находится въ 14-ти верстахъ отъ лавры по направленію къ Москвѣ, въ двухъ верстахъ вправо отъ Московскаго шоссе и отъ находящагося на шоссе села Воздвиженскаго, на берегу рѣки (рѣчки) Пажи, текущей изъ-подъ Хотькова монастыря, отъ котораго село въ 5-ти верстахъ.

Радонежъ, какъ село и съ названіемъ Радонежское, упоминается въ первый разъ въ духовной грамотѣ великаго князя Ивана Даниловича Калиты, писанной въ 1328-мъ году: великій князь въ своей грамотѣ отдаетъ село Радонежское въ удѣлъ своей княгинѣ съ меньшими дѣтьми, подъ которыми разумѣются двѣ дочери. Послѣ смерти великой княгини въ 1331-мъ году и по новому раздѣлу Радонежъ достался въ удѣлъ младшему сыну Ивана Даниловича Андрею Серпуховскому, при чемъ онъ былъ сдѣланъ городомъ съ подчиненіемъ ему извѣстной волости (извѣстнаго уѣзда) и при чемъ въ немъ посаженъ былъ княжескій намѣстникъ. Послѣ смерти князя Андрея Ивановича въ 1353-мъ году Радонежъ достался его сыну Владимиру Андреевичу, двоюродному брату Дмитрія Ивановича Донскаго и его знаменитому соучастнику въ Куликовской битвѣ. Послѣ смерти князя Владимира Андреевича въ 1410-мъ году Радонежъ достался въ удѣлъ, и уже не какъ придатокъ къ другимъ городамъ, а какъ главный, а вмѣстѣ и единственный, городъ, его младшему сыну Андрею Меньшому, который

по сейчасъ сказанному былъ именно княземъ Радонежскимъ и который имѣлъ въ Радонежѣ, какъ въ единственномъ своемъ городѣ, и свою столицу. Послѣ смерти Андрея Владимировича бездѣтнымъ въ 1426-мъ году (погребенъ въ Троицкомъ соборѣ лавры) Радонежъ достался его племяннику Василію Ярославичу Боровскому. Въ 1456-мъ году, когда великій князь Василій Васильевичъ отнялъ удѣлъ у Василья Ярославича, Радонежъ вмѣстѣ со всѣмъ удѣломъ вошолъ въ составъ великаго княженія.

Хотя Радонежъ былъ городомъ и очень небольшимъ, только городкомъ, но все таки, когда изъ села онъ былъ превращенъ или возведенъ въ городъ, въ немъ устроена была своя небольшая крѣпость (въ старое время названіе города именно крѣпости и носили). Остатокъ крѣпостнаго вала (на которомъ стояла крѣпостная стѣна, подразумѣвается—деревянная) уцѣлѣлъ до настоящаго времени: прилегая къ довольно высокому берегу рѣки Пажи, валъ, на немалую часть поросшій березникомъ, какъ будто представляетъ изъ себя неправильный четвероугольникъ, самая длинная сторона котораго имѣетъ до 80-ти саженъ. Вѣроятно, съ древняго времени, а во всякомъ случаѣ не позднѣе какъ съ первой половины XV столѣтія, и до неизвѣстнаго намъ времени, но во всякомъ случаѣ не менѣе, какъ до первой четверти XVII столѣтія, черезъ Радонежъ шла большая Московская дорога. Въ первое время существованія Троицкаго монастыря недвижимыя его имѣнія находились главнымъ образомъ въ Радонежской волости: между 1456—1462-мъ годами великій князь Василій Васильевичъ освободилъ Троицкихъ крестьянъ отъ суда своихъ Радонежскихъ волостелей, предоставивъ ихъ суду игумена монастыря или его прикащика и обязавъ ихъ только давать волостелю два корма въ годъ—на Рождество Христово и на Петровъ день. Въ 1491-мъ году великій князь Иванъ Васильевичъ, съ цѣлію, какъ предполагаютъ, поддержанія или поднятія своего городка, перевелъ въ него отъ Троицы ярмарку, которая происходила подъ монастыремъ 25-го сентября, въ день преставленія преподобнаго Сергія. Какъ долго ярмарка оставалась въ Радонежѣ, не имѣемъ свѣдѣній, но въ концѣ XVI вѣка,—въ 1594-мъ году, снова находимъ ее подъ монастыремъ, въ селѣ Клементьевѣ. Въ началѣ XVII столѣтія во время осады лавры Поляками Радонежъ подвергся одной участи со всѣми ближайшими къ монастырю селеніями, а именно—былъ Поляками раззоренъ. Въ 1617-мъ году царь Михаилъ Ѳедоровичъ отдалъ Радонежъ во владѣніе Троицкому монастырю, вмѣстѣ съ чѣмъ изъ города онъ превратился во владѣльческое село. Для построенія новой церкви въ Радонежѣ на мѣсто уничтоженной Поляками архимандритъ Діонисій и келарь Аврамій Палицынъ, ссылаясь на то, что близко городка нѣтъ хоромнаго лѣса (?), выпросили у царя повалушу съ его двора, находившагося въ селѣ Воздвиженскомъ. Новая церковь была построена въ честь не Рождества Христова, какъ было при преподобномъ Сергіи, а Преображенія Господня. Нынѣшняя каменная церковь села построена прихожанами въ 1840-мъ году; въ ней два престола: въ холодномъ храмѣ въ честь Преображенія Господня и въ тепломъ храмѣ во имя преподобнаго Сергія.

Нынѣшняя церковь находится не въ валу бывшей крѣпости городка, а внѣ его и саженяхъ во ста отъ него. Что же касается до храма Рождества Христова, близъ котораго поселился въ Радонежѣ отецъ преподобнаго Сергія, то со всею вѣроятностію должно думать, что онъ находился въ крѣпости или въ самомъ „городѣ“. Слѣдовательно, нынѣшняя церковь нисколько не можетъ служить къ приблизительному указанію мѣста, на которомъ находился домъ родителей преподобнаго Сергія[1].—Радонежъ есть родина св. Гурія, перваго архіепископа Казанскаго († 5-го декабря 1563-го года), который былъ сынъ здѣшняго мелкаго помѣщика Григорія Руготина.

Хотьковъ монастырь.

Хотьковъ Покровскій монастырь находится въ 10 съ четвертью верстахъ отъ лавры по направленію къ Москвѣ и по Московской желѣзной дорогѣ, которая идетъ мимо монастыря и которая имѣетъ у него свою первую станцію отъ Троицы. Стоитъ на рѣкѣ (рѣчкѣ) Пажѣ, которая, начинаясь не особенно далеко отъ него, течетъ далѣе мимо Городка (Радонежа) и подъ селомъ Воздвиженскимъ впадаетъ въ рѣку Ворю, составляющую притокъ рѣки Клязьмы.

О началѣ Хотькова монастыря нѣтъ свѣдѣній (а въ Исторіи іерархіи,—VI, 1105, относится его начало къ 1308-му году на основаніи какихъ-то просто соображеній). Но онъ основанъ или составился не позднѣе первой четверти XIV вѣка, ибо въ 1335—1336-мъ году въ немъ постриглись родители преподобнаго Сергія. Весьма вѣроятно, что въ началѣ это не былъ монастырь въ собственномъ смыслѣ, а была приходская церковь, у которой жили старцы и старицы, что̀ въ древнее и старое время было очень обычно. Какъ бы ни было, но въ первой половинѣ XIV вѣка онъ былъ монастыремъ двойнымъ—мужскимъ и вмѣстѣ женскимъ, по каковой причинѣ въ немъ одномъ и постриглись какъ отецъ, такъ и мать преподобнаго Сергія, и этимъ монастыремъ двойнымъ мужско-женскимъ онъ оставался не менѣе какъ до начала XVI вѣка. Въ продолженіе долгаго времени монастырь былъ очень бѣднымъ монастыремъ, такъ что къ нему шло названіе не столько монастыря, сколько монастырька, каковымъ послѣднимъ именемъ онъ и называется. Въ 1506-мъ году великій князь Василій Ивановичъ пожаловалъ монастырю свою ругу. Грамота, которою государь назначаетъ свою ругу, есть слѣдующая: „Се азъ князь великій

[1] На одной лаврской печатной богослужебной книгѣ есть надпись, что въ 1669-мъ году она дана была изъ книгохранительныя казны монастыря „въ пустыню чюдотворцовыхъ Сергіевыхъ родителей въ церковь Рождества Христова“, см. Надписи Троицкой Сергіевой лавры, собранныя *архим. Леонидомъ*, Спб., 1881, № 301, 3. Тутъ должно разумѣть или Радонежъ или Хотьковъ монастырь. Но въ Хотьковомъ монастырѣ, сколько извѣстно, не бывало церкви Рождества Христова. Разумѣя Радонежъ, дѣло нужно понимать такъ, что въ валу бывшей крѣпости, тогда уже оставленной, на память о родителяхъ преп. Сергія, стояла церковь въ честь Рождества Христова.

Василій Ивановичъ пожаловалъ есми попа Лукьяна да дьякона Захарья, что̀ служатъ въ Радонежскомъ уѣздѣ у Покрова Пречистыя Богородицы въ монастырѣ на Хотьковѣ, гдѣ лежатъ Сергія чудотворца родители, отецъ его Кирило да мать его Марья, или кто у той церкви у Покрова Пречистые въ монастырѣ иной попъ и дьяконъ будетъ, велѣлъ есми имъ давати ругу съ году на годъ на зборѣ (т. е. съ выдачей ея въ сборное воскресенье): попу пятнадцать четей ржи, да пятнадцать четей овса, да пять пудъ соли; а дьякону десять четей ржи, да десять четей овса, да три пуда соли; а проскурницѣ шесть четей ржи, да шесть четей овса, да пудъ соли, да на проскуры двѣ чети пшеницы, да пудъ соли, да на свѣчи безмѣнъ воску; да на семнадцать старцовъ и старицъ, что̀ живутъ въ томъ монастырѣ, по окову (по четыре чети) ржи, да по окову овса, да по пуду соли на человѣка. А емлютъ тотъ хлѣбъ и воскъ и соль попъ и дьяконъ и проскурница и старцы и старицы у моего дворецкаго Петра Васильевича. Дана грамота на Москвѣ 7014 (1506) году марта въ 11-й день". Въ 1545-мъ году царь Иванъ Васильевичъ Грозный, исполняя просьбу Троицкаго игумена съ братіей, предоставилъ монастырь въ завѣдываніе Троицкаго монастыря слѣдующею своею грамотою: „Се язъ князь великій Иванъ Васильевичъ всея Русіи пожаловалъ есми Троицкаго Сергіева монастыря игумена Никандра съ братьею, или кто по немъ иной игуменъ будетъ, что мнѣ били челомъ, что въ Радонежскомъ уѣздѣ на Хотьковѣ мой дѣвичій монастырекъ Покровъ святѣй Богородицы, а въ томъ монастырѣ лежатъ чудотворца Сергія родители, и намъ бы ихъ пожаловати, дати тотъ монастырекъ въ домъ живоначальныя Троицы и чудотворцу Сергію. И язъ князь великій Иванъ Васильевичъ всея Русіи пожаловалъ Троицкаго Сергіева монастыря игумена Никандра съ братьею, далъ имъ тотъ дѣвичь монастырекъ живоначальнѣй Троицѣ и чудотворцу Сергію и съ поповскою пашнею. А которая отъ насъ та руга шла въ тотъ монастырекъ хлѣбная и денежная и соль и та имъ руга имати потомужъ съ нашего дворца по книгамъ, какъ имали при отцѣ нашемъ при великомъ князѣ Васильѣ Ивановичѣ, а нынѣча при насъ. Писана у Троицы въ Сергіевѣ монастырѣ лѣта 7052 (1544) августа въ 1-й день".

Ставъ въ промежуткѣ годовъ 1506—1544 монастыремъ исключительно женскимъ, Хотьковъ монастырь и остался таковымъ уже на все послѣдующее время. Власти Троицкаго монастыря желали получить его въ свое завѣдываніе, какъ нужно думать, имѣя въ виду его благоустроеніе. Но сколько знаемъ, на самомъ дѣлѣ онѣ заботились объ его благоустроеніи весьма немного. Въ описи Троицкаго монастыря 1641-го года читается описаніе Хотькова монастыря вмѣстѣ съ описаніями всѣхъ другихъ приписныхъ къ Троицѣ монастырей. Изъ этого описанія видимъ, что двѣ церкви монастыря были снабжены принадлежностями до послѣдней степени бѣдно и скудно: пелены подъ мѣстными иконами были крашенинныя, а въ одной изъ церквей и индитія на престолѣ также была крашенинная; ризы священническія были трои—тафтяныя, полотняныя и крашенинныя, и при этомъ первыя и вторыя—ветхи; стихарь подризный былъ только

одинъ, крашенинный и ветхій; стихарь діаконскій также только одинъ, полотняный и тоже ветхій. Для завѣдыванія монастыремъ отъ Троицкаго монастыря при немъ постояно жилъ іеромонахъ этого послѣдняго. Монахини получали отъ Троицкаго монастыря хлѣбное и денежное (весьма не щедрое) жалованье. Въ 1764-мъ году монастырь былъ отписанъ отъ Троицкаго монастыря и помѣщенъ въ 3-мъ классѣ самостоятельныхъ монастырей со штатомъ семнадцати монахинь.

Въ концѣ XVI вѣка монахинь въ монастырѣ было 35 и 36. Въ 1641-мъ году ихъ было 42. Въ 1764-мъ году, когда монастырь, отписанный отъ Троицкаго монастыря, сдѣланъ былъ самостоятельнымъ, въ немъ было: монахинь 41, бѣлицъ вдовъ 34, дѣвицъ 40, а всѣхъ—115. Въ концѣ XVIII-го столѣтія число всѣхъ обитательницъ монастыря возрасло до 280-ти; а съ первой четверти XIX-го столѣтія оно стало доходить до 350—до 400. До 1840-го года монастырь былъ особножитнымъ, такъ что каждая монахиня имѣла собственное помѣщеніе (въ кельѣ, ею самою построенной или купленной у наслѣдниковъ одной изъ прежнихъ монахинь или нанимавшейся у монастыря, въ собственность которому оставлялись келліи иными монахинями при смерти, а равнымъ образомъ—въ квартирѣ, нанимавшейся у обладательницъ того или другаго рода келлій) и собственное содержаніе (такъ что каждая монахиня въ своей собственной или нанятой кельѣ жила своимъ собственнымъ хозяйствомъ, cfr. письмо митр. Филарета къ намѣстнику Антонію отъ 16-го марта 1848-го года). Пріобрѣтая себѣ содержаніе главнымъ образомъ трудами рукъ своихъ, монахини должны были продавать свои рукодѣлія; а по этой причинѣ въ монастырѣ, какъ это и вообще въ женскихъ особножитныхъ монастыряхъ, должна была завестись монашеская торговля. Но къ торговкамъ монахинямъ присоединялись и торговцы міряне, когда при монастырѣ собирались торги или ярмарки, и такимъ образомъ повелось (вошло въ обычай), чтобы торги и ярмарки происходили не подъ монастыремъ, а въ самомъ монастырѣ. Такъ это было до не особенно давняго времени. Съ 1840-го года начало вводиться въ монастырѣ общежитіе, которое потомъ (къ 1871-му году) и совсѣмъ введено было въ немъ (въ томъ смыслѣ, что для всѣхъ монахинь—помѣщеніе монастырское и что всѣ монахини имѣютъ монастырскій столъ).

До 1644-го года церкви въ монастырѣ были деревянныя. Въ этомъ послѣднемъ году стольникъ государевъ Василій Ѳедоровичъ Яновъ, какъ должно думать—отецъ Ивана Васильевича Янова, который былъ благотворителемъ Троицкаго монастыря (выше стр. 184), далъ 1000 рублей на построеніе каменной церкви, которая и сооружена была въ продолженіе 1644—1648-го годовъ. Въ 1811-мъ году церковь, построенная на деньги Янова, была разобрана, а на ея мѣстѣ поставлена новая церковь, оконченная въ 1816-мъ году. Эта церковь, остающаяся до настоящаго времени и составляющая главную церковь или соборъ монастыря, имѣетъ три престола: главный въ честь Покрова Божіей Матери, и придѣльные: во имя преподобнаго Сергія и святаго Алексѣя митрополита. Въ трапезѣ церкви на правой сторонѣ находятся гробы родителей преподобнаго Сергія Ки-

рилла и Маріи. На верхней сторонѣ гробницы (общей для обоихъ), осѣняемой балдахиномъ, почившіе изображены во весь ростъ и изображенія ихъ украшены серебряными ризами. На передней сторонѣ гробницы вычеканены надписи: „Лѣта 6845 (1337) преставился рабъ Божій инокъ Кириллъ, отецъ преподобнаго Сергія Радонежскаго чудотворца.—Лѣта 6845 преставися раба Божія инока Марія, мать преподобнаго Сергія Радонежскаго чудотворца". При гробахъ Кирилла и Маріи поются для богомольцевъ паннихиды.

Другія церкви въ монастырѣ, всѣ каменныя, въ настоящее время суть: 1) находящаяся близъ Покровскаго собора теплая церковь во имя Николая чудотворца, съ придѣлами въ честь апостоловъ Петра и Павла и въ воспоминаніе обновленія храма Воскресенія Христова во Іерусалимѣ (словущаго Воскресенія,—празднованіе 13-го сентября); первоначально построенная въ 1768-мъ году и увеличенная позднѣйшими пристройками, (недавно сломана и вмѣсто нея въ 1902—1905 гг., построена новая по проэкту архитектора Лыткова, освященная 1 октября 1905 г.); 2) находящаяся надъ южными воротами монастыря при богадѣленномъ домѣ въ честь святителя Митрофана, построенная въ 1833-мъ году, и 3) находящаяся на сѣверныхъ воротахъ монастыря, въ честь Рождества Іоанна Крестителя, построенная въ неизвѣстномъ намъ году и служащая къ отправленію требъ для прихожанъ монастыря, которыхъ у него восемь деревень[1].

Крестовская часовня или мѣсто „У креста".

Крестовская часовня, о которой обыкновенно говорится: „у креста, отъ креста, ко кресту", находится въ 9½ верстахъ отъ Троицы по направленію къ Москвѣ, подлѣ самаго Московскаго шоссе, въ полуверстѣ за деревней Рязанцами (на картѣ помѣщенной на стрр. 342, —Резанцово,); ср. ниже карту XVIII в.). Часовня поставлена на томъ мѣстѣ, съ котораго святой Стефанъ Пермскій, проѣзжая въ Москву, заочно привѣтствовалъ преподобнаго Сергія, и въ воспоминаніе того, что преподобный Сергій, духовными очами видѣвшій привѣтствіе Стефаново, отвѣчалъ ему на него своимъ взаимнымъ привѣтствіемъ (см. выше въ жизнеописаніи стр. 56). Должно думать, что сначала поставленъ былъ одинъ крестъ, что могло быть сдѣлано потому, что въ древнее время существовалъ у насъ обычай ставить кресты на чѣмъ либо замѣчательныхъ, чѣмъ либо замѣчательнымъ ознаменованныхъ мѣстахъ, а потомъ надъ крестомъ для укрытія его отъ непогодъ и для побужденія проѣзжающихъ и проходящихъ по дорогѣ къ воздаянію ему бо́льшаго чествованія была поставлена часовня. Нынѣшняя каменная часовня, сколько можно судить по ея архитектурѣ,—второй половины XVIII-го столѣтія. Нынѣ находящійся въ часовнѣ крестъ (деревянный, большихъ размѣровъ, изъ толстыхъ круглыхъ, составныхъ или склеенныхъ, не крашенныхъ, деревъ, осмиконечный, при чемъ нижняя по-

[1] См. описаніе Хотькова монастыря, напечатанное подъ заглавіемъ: „Покровскій Хотьковъ дѣвичій монастырь".

перечина не косая, а горизонтальная, на которомъ повѣшенъ меньшій крестъ изъ досокъ, съ изображеніемъ на немъ распятія) недавняго сооруженія, ибо прежде находившійся въ ней крестъ (не знаемъ, первый ли или который послѣ перваго) перенесенъ въ Геѳсиманскій скитъ (въ которомъ стоитъ теперь на кладбищѣ, въ устроенной для него часовнѣ или подъ устроеннымъ для него балдахиномъ). 14-го сентября, въ день Воздвиженія животворящаго креста, въ прежнее время совершался крестный ходъ къ часовнѣ Креста изъ села Воздвиженскаго, которое находится въ 2½ верстахъ отъ часовни, а въ настоящее время наоборотъ совершается крестный ходъ изъ часовни въ село Воздвиженское. (Священникъ села Воздвиженскаго съ причтомъ приходитъ передъ обѣдней въ часовню и вмѣстѣ съ пріѣхавшими отъ Троицы іеромонахомъ и монахами служитъ въ ней молебенъ, послѣ чего одинъ и другіе идутъ крестнымъ ходомъ въ Воздвиженское и поютъ обѣдню).

Противъ часовни, черезъ дорогу отъ нея,—маленькій прудъ или прудокъ, заброшенный колодезь и деревянная часовенка въ родѣ будки. Прудокъ и колодезь, изъ которыхъ о первомъ ходитъ легенда, будто онъ выкопанъ самимъ преп. Сергіемъ, конечно, выкопаны были съ цѣлію доставленія воды живущему при часовнѣ монаху и приходящимъ богомольцамъ (въ настоящее время при самой часовнѣ глубокій, выкопанный въ 1780-мъ году, колодезь). А для чего будкообразная и жалкая на видъ часовенка съ двумя или тремя, совсѣмъ слинялыми, иконами, остается для насъ непонятнымъ.

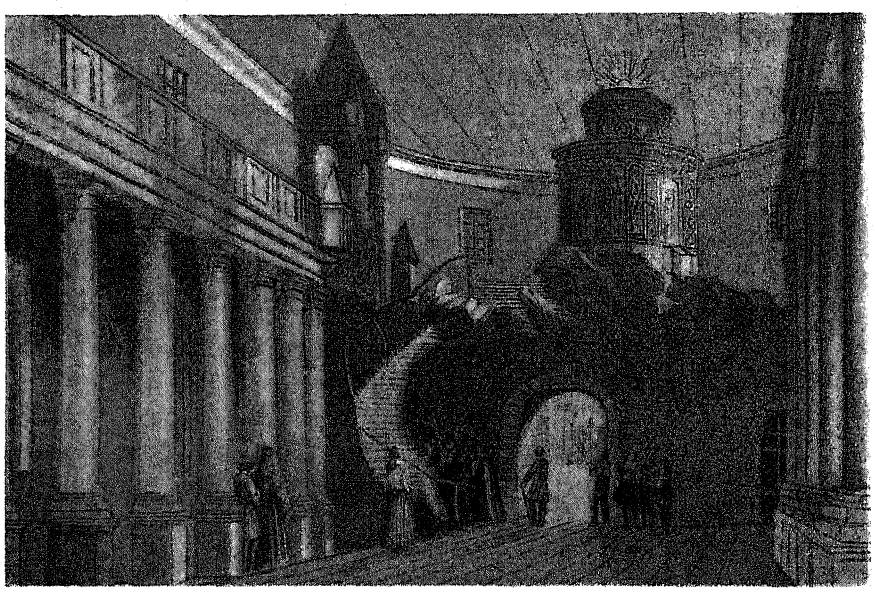
До проведенія желѣзной дороги изъ Москвы къ Троицѣ у Креста была цѣлая линія блинныхъ, которыя торговали также бойко, какъ и блинныя Троицкія (при чемъ блинамъ придавалось то значеніе, что они были для богомольцевъ поминовенными блинами передъ паннихидой или послѣ паннихиды въ Хотьковѣ по родителяхъ преп. Сергія и каждаго богомольца своихъ собственныхъ). Въ настоящее время для немногихъ пѣшеходныхъ богомольцевъ остаются двѣ блинныя.

Виѳанскій монастырь.

Виѳанскій, оффиціальнымъ языкомъ—Спасо-Виѳанскій, монастырь находится въ трехъ съ половиной верстахъ отъ лавры къ юго-востоку, на берегу рѣчки Кончуры (той самой, на которой стоитъ и лавра), при ея выходѣ изъ пруда, который по монастырю называется теперь Виѳанскимъ и котораго прежнее названіе есть Ершовскій или Вяльковскій (первое изъ двухъ названій, по всей вѣроятности, отъ келаря Троицкаго монастыря Веніамина Ершова, бывшаго въ продолженіе 1730—1734-го годовъ, который его устроилъ, а второе—отъ деревни Вяльково, которая находилась при впаденіи въ Кончуру рѣчки Корбухи, приблизительно на теперешнемъ мѣстѣ семинаріи).

Монастырь устроилъ въ продолженіе 1783—1787-го годовъ митрополитъ Платонъ „для успокоенія своея старости и для погребенія усопшей

о Господѣ братіи Сергіевы лавры" (какъ говоритъ описаніе Виѳаніи, приложенное къ Краткому описанію лавры). „Бывъ всегдашній уединенія любитель,—пишетъ самъ Платонъ о построеніи имъ монастыря въ своей автобіографіи,—разсудилъ онъ устроить это милое ему мѣсто съ тѣмъ, чтобы, еще нѣсколько продолживъ правленіе епархіи и приближаясь къ старости, отказаться отъ оной и уединиться въ ту пустыню и тамъ окончать послѣдніе свои дни". Съ 1783-го года, въ которомъ было начато строеніе монастыря, Платонъ большую часть времени проживалъ въ лаврѣ и въ новосозидавшейся пустынькѣ. Съ 1792-го года, когда испрошено было имъ высочайшее дозволеніе жить въ лаврѣ, сколько разсудитъ, а правленіе епархіи поручить своему викарію, онъ сдѣлался постояннымъ жителемъ лавры и своего новаго монастыря, причемъ по зимамъ жилъ въ первой, а по лѣтамъ во второмъ. Въ Виѳанскомъ монастырѣ Платонъ и скончался 11-го ноября 1812-го года и въ церкви его и погребенъ[1].

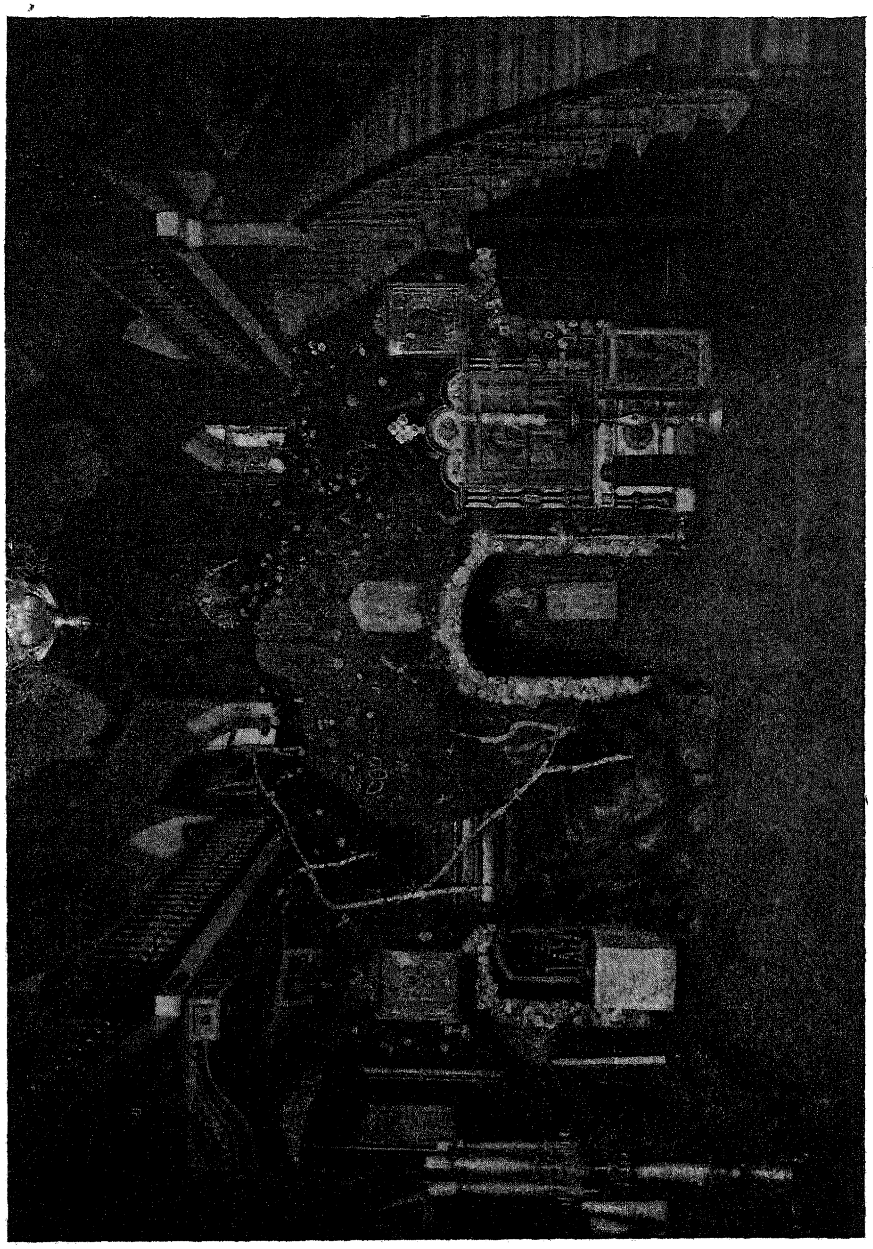


Преображенская церковь въ Виѳаніи (изъ «Картинъ Россіи» П. П. Свиньина).

Виѳанскій монастырь былъ построенъ какъ кладбищное отдѣленіе или какъ кладбище лавры. Но въ 1797-мъ году посѣтилъ монастырь ученикъ Платоновъ императоръ Павелъ Петровичъ и возвелъ его на степень самостоятельнаго второкласснаго монастыря, при чемъ предписалъ, чтобы его настоятелями всегда были намѣстники лавры (и при чемъ сохранилъ за нимъ и его назначеніе быть кладбищемъ лавры).

---

[1] О стройкѣ и объ открытіи Виѳанской семинаріи см. въ статьѣ *А. А. Вѣляева*: „Хозяйственная дѣятельность митр. Платона" въ Душеполезномъ Чтеніи 1900 г., августъ (а о построеніи Виѳанскаго монастыря въ ноябрьской книжкѣ 1899 г.).



Внутренній видъ Преображенской церкви (въ настоящее время).

Замѣчательна въ Виѳанскомъ монастырѣ по своей затѣйливости построенная митрополитомъ Платономъ церковь. Главный изъ двухъ престоловъ ея въ честь Преображенія Господня, такъ сказать—натуральнымъ образомъ воспроизводя событіе Преображенія, поставленъ на горѣ. Это достигнуто такимъ образомъ, что въ двухсвѣтной церкви олтарное отдѣленіе сдѣлано двухъэтажнымъ, съ олтарями въ нижнемъ и въ верхнемъ этажѣ,—что стѣна нижняго олтарнаго отдѣленія или нижняго олтаря, обращенная къ церкви, отдѣлана въ видѣ горы (которая „убрана мохомъ, кустарникомъ,

цвѣтками и даже звѣрками, гнѣздящимися въ ея ущельяхъ"), причемъ верхній олтарь оказывается стоящимъ на горѣ. Три сѣни, которыя желалъ сотворить на Θаворѣ ап. Петръ, изображены были олтаремъ, имѣющимъ особую полукруглую форму, и крылосами, которые въ видѣ небольшихъ четырехстолпныхъ бесѣдокъ стояли по восточнымъ концамъ хоровъ, идущихъ въ уровень съ олтаремъ вокругъ всей церкви, и которыхъ въ настоящее время уже нѣтъ (одинъ изъ нихъ можно видѣть на гравюрѣ Платоновой Виѳанской церкви, приложенной къ первой части Картинъ Россіи Свиньина и помѣщенной здѣсь выше на страницѣ 326. До затѣйливой горы Платонъ додумался не вдругъ, ибо первоначально, какъ видно изъ словъ о Виѳаніи въ описи лавры 1785-го года, въ верхнемъ олтарѣ былъ престолъ не Преображенія, а Входа во Іерусалимъ). Въ нижнемъ этажѣ олтаря пещерообразно или въ видѣ вертепа устроенъ храмъ въ честь Лазарева воскресенія. Въ проходѣ изъ церкви въ олтарь съ сѣверной стороны устроена какъ бы своя небольшая пещера, въ которой погребенъ митрополитъ Платонъ и въ которой надъ мѣстомъ его погребенія стоитъ гробница (надгробница). Надъ гробницей изображеніе Платона, лежащаго во гробѣ; надъ изображеніемъ подъ стекломъ его митра и дикирій съ трикиріемъ, а по сторонамъ—направо: его полное облаченіе, налѣво—бѣлый клобукъ, мантія и посохъ. Гробница освѣщается неугасимою лампадою.—У сѣверо-восточной стѣны пристроя къ церкви, который окружаетъ ее съ трехъ сторонъ, по лѣвую сторону отъ горы верхняго олтаря или отъ нижняго храма, противъ гробницы митрополита Платона, стоитъ гробъ преподобнаго Сергія, который до 1786-го года стоялъ въ Успенскомъ соборѣ лавры (см. выше стр. 208), а въ этомъ году перенесенъ Платономъ изъ лавры въ Виѳанію. Гробъ заключенъ въ металлическій футляръ, а для его лобызанія у футляра есть отворяющаяся дверца.—Сейчасъ помянутый нами пристрой къ церкви, окружающій ее съ трехъ сторонъ, сдѣланъ въ 1830-мъ году, при чемъ, какъ даетъ знать митр. Филаретъ, церковь, бывшая, вѣроятно, замѣчательною не одной своей горой, была перестроена такъ, что Платоновскій подлинникъ ея былъ весьма испорченъ (въ одномъ письмѣ къ намѣстнику Аѳанасію Филаретъ пишетъ: „не могу я забыть, какъ жестоко испортили Виѳанскую церковь"[1]).

[1] Въ изданіи Краткаго описанія 1801-го года, къ которому впервые приложено описаніе Виѳаніи, говорится о Виѳанской церкви: „Посереди монастыря устроена церковь, которая какъ извнѣ, такъ и во внутренности, отмѣнной отъ другихъ обыкновенныхъ церквей фигуры. При входѣ въ оную представляется глазамъ гора Θаворская. На сей горѣ устроенъ храмъ во имя Преображенія Господня. По сторонамъ, гдѣ быть крылосамъ, здѣланы двѣ стѣны, а отъ оныхъ кругомъ всей церкви хоры, на столпахъ, подведенныхъ подъ мраморъ (такъ это и у Свиньина, теперь не такъ,—хоры на кронштейнахъ). Посреди церкви повѣшено вызолоченное большое изрядной фигуры рѣзное паникадило. Внизу, въ горѣ, пещерообразно устроенъ храмъ, во имя Воскресенія Лазарева... На лѣвой сторонѣ входа въ сію церковь Лазареву въ особой, яко пещерѣ, положенъ деревянной гробъ преподобнаго Сергія... Стѣны верхняго храма и

Налѣво по выходѣ изъ Платоновой церкви или на югъ отъ нея стоятъ Платоновы же архіерейскіе покои, въ которыхъ остается цѣлою его домовая оригинальной формы церковь (значительно впрочемъ передѣланная возобновителемъ покоевъ намѣстникомъ Антоніемъ, который вовсе не принадлежавъ къ числу почитателей древности и рѣдкости, и совсѣмъ было ее уничтожилъ и потомъ возстановилъ только уже по приказанію импер. Александра Николаевича) и въ которыхъ сохраняется нѣкоторое количество принадлежавшихъ ему раритетныхъ и нераритетныхъ вещей (что касается до самаго устройства покоевъ, то до сихъ поръ остается цѣлымъ въ одной комнатѣ ихъ зеркальный потолокъ,—изъ небольшихъ квадратныхъ зеркалъ, вставленныхъ въ деревянную рѣшотку или деревянный переплетъ)[1].

Передъ покоями стоитъ небольшая пирамида, окруженная рѣшоткой. Она поставлена митр. Платономъ въ увѣковѣченіе памяти о посѣщеніи монастыря императоромъ Павломъ въ 1797-мъ году. На ней надпись:

„1797 года апрѣля 24.

Почто, Виѳанія, сей годъ и день прославляеши?—Яко державный Великій Государь Императоръ Павелъ I и съ Государынею Императрицею и со всею Августѣйшею фамиліею благоволили посѣтити мя и вкусити здѣ трапезу.

Почто ты, пустыня, тако ликоствуеши?—Яко тогожде года, мая 1 дня, онъ Великій Государь во второкласный монастырь преобрази мя и еще при мнѣ устроилъ быти училищу просвѣщенія“.

Находящаяся впереди покоевъ большая двухъ-этажная церковь построена въ 1866-мъ году (въ ней пять престоловъ; внизу: середній въ честь Тихвинской иконы Божіей Матери, боковые—во имя Платона и Романа и архангела Михаила; вверху: главный въ честь Сошествія Святаго Духа и придѣльный во имя Николая чудотворца).

Въ воротахъ монастырскихъ подъ колокольней изображены были Платономъ евангельскія событія, имѣвшія мѣсто въ Палестинской Виѳаніи и начертано было четверостишіе:

„Въ Виѳанію Христосъ пришелъ
И водворился тутъ:
О еслибъ Онъ и здѣсь покой нашелъ!
Не тщетны бъ были коштъ и трудъ“.

трапезы расписаны исторически. Кровля церковная покрыта бѣлымъ желѣзомъ“. Въ лаврскомъ архивѣ есть печатный видъ церкви не означеннаго года, но представляющій ее въ томъ видѣ, какой она имѣла до 1830-го года [планъ № 69/2948]: церковь кругло-овальная или съ обѣихъ концовъ закругленная; надъ дверью въ церковь какъ будто балкончикъ для выхода съ хоръ верхняго этажа; на крышѣ церкви надъ входомъ въ нее—круглый фонарь со звѣздой на верху [см. снимокъ на фототипической таблицѣ № XIII].

[1] О покояхъ митр. Платона и объ остающихся въ нихъ его вещахъ см. статью *архим. Леонида*: „Виѳанскія келліи митрополита Платона и ихъ убранство“, напечатанную въ IV кн. Чтен. Общ. Ист. и Древн. Россійск. за 1879-й годъ. [Престолъ въ церкви въ честь Нерукотвореннаго образа Спасова; празднуется 16-го августа].

Виѳанская духовная семинарія, находящаяся по сю сторону монастыря, съ пріѣзда къ нему, на правой сторонѣ отъ дороги, учреждена въ слѣдствіе указа императора Павла Петровича, даннаго одновременно съ тѣмъ, какъ монастырь возведенъ былъ во второй классъ, т. е. 1-го мая 1797-го года. Бывъ начата строеніемъ въ томъ же 1797-мъ году, она была торжественно открыта 6-го августа 1800-го года. Платоновскій семинарскій корпусъ, имѣющій форму буквы покоя, т. е. начальной буквы имени митрополита, съ четырьмя башнями на двухъ углахъ и на двухъ концахъ, стоящій на берегу пруда, находится внутри нынѣшняго семинарскаго двора[1]. А большой корпусъ, выходящій на дорогу, построенъ въ продолженіе 1826—1830-го годовъ и увеличенъ боковымъ пристроемъ въ 1884-мъ году.

Геѳсиманскій скитъ съ пустыней Параклита.

Геѳсиманскій скитъ, обыкновенно называемый просто Скитомъ, безъ прибавленія Геѳсиманскій[2], находится въ двухъ съ половиной верстахъ отъ лавры къ востоку, въ мѣстности, которая называется Корбухой, и за прудомъ, который отъ мѣстности называется Корбушнымъ.

По мысли намѣстника лавры архимандрита Антонія и съ одобренія митрополита Филарета скитъ началъ быть устрояемъ, въ качествѣ общежитнаго отдѣленія лавры, въ 1843-мъ году[3], а устрояется въ томъ смыслѣ, что разстраивается и перестраивается, можно сказать, и до настоящаго времени (и благодаря усердію и щедрости московскихъ монастырелюбцевъ

---

[1] Въ изданіи Краткаго описанія 1801-го года о зданіи семинаріи читается: „На правой сторонѣ (съ пріѣзда къ Виѳанскому монастырю отъ Троицы) семинарія. Оная выстроена на 60 саженіяхъ квадратомъ, въ два этажа каменные, на подобіе монастыря, съ четырьмя башнями. Стоитъ она на высокомъ и крутомъ берегу пруда. При входѣ въ оную представляется видъ ея довольно величественнымъ и красивымъ. Внутри, кругомъ всего строенія крытые переходы на столпахъ. Съ двухъ сторонъ здѣланъ всходъ въ верхній этажъ, на балконъ, а съ онаго въ авдиторію, которая довольна свѣтла, и изрядно лѣпными духовными статуями убрана. Въ ней здѣланы хоры на столпахъ выкрашенныхъ. Изъ авдиторіи ходъ на балконъ, къ Московской дорогѣ и къ Лаврѣ, на прудъ. Видъ съ онаго восхитительный. Внизу подъ авдиторіею устроена и изрядно расположена библіотека, въ которой до двухъ тысящъ книгъ. По обѣимъ сторонамъ авдиторіи покои учительскіе. Четыре башни въ верхнемъ этажѣ служатъ для классовъ; а прочіе покои всѣ, или жилые для семинаристовъ, или службы ихъ“.

[2] О названіи скита Геѳсиманскимъ см. Письма митр. Филарета къ А. Н. М., Кіевъ, 1869 г., № 139, стр. 202 примѣч. и Письма митр. Филарета къ намѣстнику Антонію, III, 38.

[3] Въ журналѣ (дневникѣ) мѣстнаго жителя П. Г. Малышева записано: „сего (1843) года осенью начали строить на Корбухѣ богоугодное заведеніе скитъ, подъ именемъ Гевсиманіи“. Въ сентябрѣ 1844-го года выстроенъ и освященъ.

и монастырелюбицъ въ настоящее время уже вовсе не представляетъ изъ себя той малой обители подъ сѣнію обители великой, о которой думалъ митр. Филаретъ).

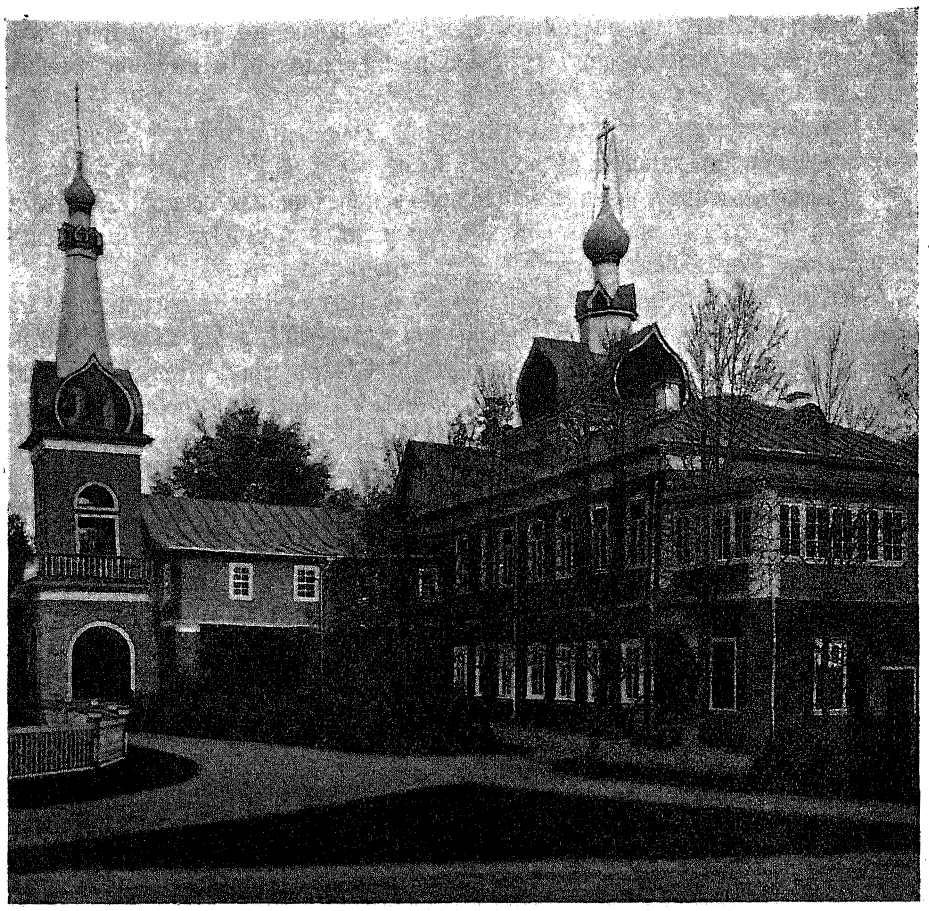
Скитъ состоитъ изъ трехъ отдѣленій: 1) собственнаго скита, 2) пещеръ и 3) Боголюбивой киновіи.

Въ самомъ скиту, который составляетъ переднее или первое съ пріѣзда отъ лавры отдѣленіе тройнаго монастыря и въ который женщины пускаются только одинъ разъ въ году, находятся три церкви:

1. Деревянная, перенесенная изъ села Подсосенья (находящагося въ 7-ми верстахъ отъ лавры, см. ниже стрр. 351—352 и на картѣ на стр. 342, въ которомъ была построена въ 1671-мъ году)[1], двухъэтажная, съ престоломъ въ честь Успенія Божіей Матери (собственно—въ

Успенская деревянная церковь Геѳсиманскаго скита (изъ с. Подсосенья, въ 1840-хъ годахъ).

[1] О томъ, что деревянная церковь, перенесенная изъ села Подсосенья въ скитъ, построена не въ 1616-мъ году, какъ это ошибочно принималось, а

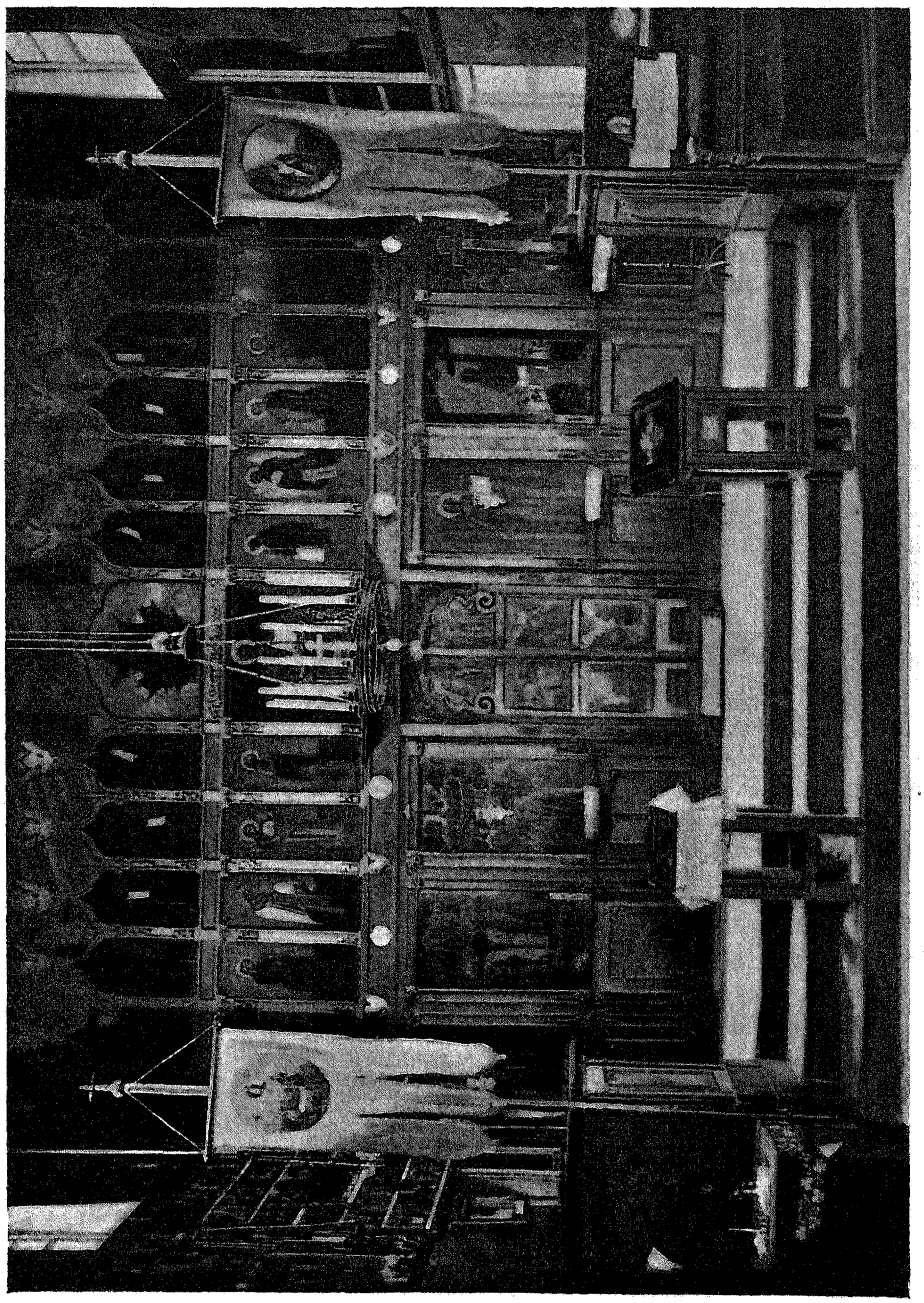


Успенская деревянная церковь Геѳсиманскаго скита изъ с. Подсосенья въ настоящее время.

воспоминаніе вознесенія Божіей Матери на небо) въ верхнемъ этажѣ и съ престоломъ въ память Геѳсиманскаго моленія Спасителя въ нижнемъ этажѣ. Иконостасъ въ верхнемъ храмѣ кипарисный, а стѣны его обложены дщицами изъ кедра, певга (πεύκη, — сосны) и кипариса. Есть въ храмѣ древнія иконы и изображенія и большое собраніе частицъ мощей. Иконостасъ въ нижнемъ храмѣ изъ дубоваго дерева съ рѣзьбою изъ чернаго дерева, а царскія двери устроены въ видѣ креста (верхній храмъ освященъ митрополитомъ Филаретомъ 28-го сентября 1844-го года, а нижній храмъ освященъ имъ же 8-го іюля 1846-го года).

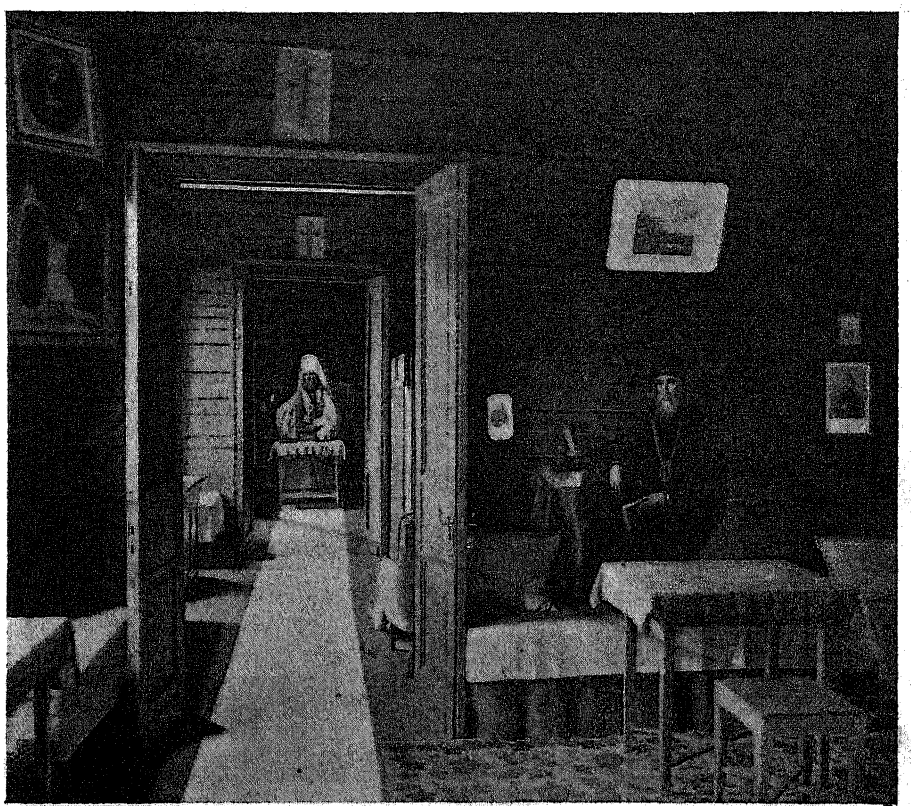
2. Трапезная церковь, двухъэтажная, съ престоломъ во имя преподобныхъ Сергія и Никона Радонежскихъ въ верхнемъ этажѣ (освященнымъ

въ 1671-мъ году (на мѣсто построенной въ 1616-мъ году), см. въ статьѣ *о. Арсенія* „Село Подсосенье", помѣщенной въ 34-мъ № Московскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей 1878-го года.



Внутренній видъ Успенской деревянной церкви Геесиманскаго скита

27-го сентября 1853-го года) и съ престоломъ Филарета Милостиваго въ нижнемъ этажѣ (освященнымъ 27-го сентября 1860-го года). Въ церкви находятся: 1) ковчегъ съ частицей ризы Господней и съ мощами святыхъ, 2) крестъ съ частію древа животворящаго креста Господня, 3) схима, въ которой погребенъ былъ преподобный Сергій, 4) схима святителя Воронежскаго Митрофана и 5) схима патріарха Никона (подобіе схимы? См. письмо



Покои митроп. Филарета въ Геѳсиманскомъ скиту.

митр. Филарета къ намѣстнику Антонію № 898). Въ церкви совершается непрерывное чтеніе псалтири о здравіи живущихъ и за упокой умершихъ.

3. Кладбищенская церковь въ честь Воскресенія Христова, освященная 27-го сентября 1853-го года (т. е. въ одинъ день съ верхнею трапезною церковію).

Близъ кладбищенской церкви стоитъ въ часовнѣ или подъ балдахиномъ большой деревянный крестъ, перенесенный въ скитъ изъ Крестовской часовни, о чемъ мы упоминали выше (стр. 325).

Колокольня надъ входными воротами въ скитъ построена въ 1871-мъ году.

Пещеры находятся на сѣверъ отъ скита, за врагомъ отъ него и за заливомъ пруда. Ископаны онѣ при самомъ основаніи скита или вскорѣ послѣ его основанія, какъ можно думать, съ тою цѣлію, чтобы дать жителямъ Москвы возможность составлять себѣ нѣкоторое понятіе о знаменитыхъ Кіевскихъ пещерахъ (и хотя онѣ никѣмъ никогда не были обитаемы, а именно представляютъ собою только какъ бы модель настоящихъ, обитаемыхъ подвижниками, пещеръ, онѣ главнымъ образомъ создали славу скиту,—такъ сказать, рекламировали его, и начали привлекать въ него

богомольцевъ). Двухъэтажная церковь здѣсь устроена такимъ образомъ, что нижній этажъ ея въ землѣ, въ пещерахъ, а верхній—надъ пещерами. Нынѣшняя пещерно-надпещерная церковь, только что построенная и представляющая по своей архитектурѣ Московскую церковь XVII вѣка, есть очень хорошая церковь. Три престола верхней церкви посвящены: середній Черниговской иконѣ Божіей Матери, боковые—Борису и Глѣбу и пророку Иліи. Два престола нижней церкви посвящены: главный—архангелу Михаилу, придѣльный—царю Константину и матери его Еленѣ. Въ нижней церкви находится чудотворная икона Черниговской-Ильинской Божіей Матери. Икона пожертвована въ скитъ одной женщиной въ 1852-мъ году; первое чудо совершилось отъ нея 1-го сентября 1869-го года.

Колокольня при пещерахъ построена на иждивеніе купца Цурикова въ 1874-мъ году.

Боголюбивая киновія находится на западъ отъ пещеръ, на берегу пруда. Она устроена для погребенія лаврской братіи. Въ ней двухъэтажная церковь, построенная на иждивеніе купчихи Логиновой, съ престоломъ во имя святыхъ женъ Матроны и Капитолины въ нижнемъ этажѣ (освященнымъ 27-го сентября 1859-го года) и съ престоломъ въ честь Боголюбской Божіей Матери въ верхнемъ этажѣ (освященнымъ 18-го іюля 1861-го года). Въ нижней церкви погребенъ схимонахъ Филиппъ (въ манатейномъ монашествѣ называвшійся Филаретомъ, въ мірѣ также Филиппомъ, а обыкновенно—Филипушкомъ и Филипушкой), устроившій киновію и весьма много содѣйствовавшій устроенію всего скита[1].

Главный праздникъ въ скиту 17-го августа, въ которое воспоминается вознесеніе Божіей Матери на небо, такъ какъ сему воспоминанію посвященъ верхній престолъ въ деревянной церкви скита. Наканунѣ праздника послѣ обѣда и въ самый праздникъ пускаются въ скитъ женщины (т. е. именно въ переднее отдѣленіе его или скитъ въ тѣснѣйшемъ смыслѣ, а въ два другія отдѣленія—пещеры и Боголюбивую киновію доступъ для женщинъ свободенъ всегда или не закрытъ никогда).

Пустыня Параклита, назначенная для любителей совершеннаго безмолвія изъ скитской братіи и находящаяся въ 5-ти верстахъ отъ скита къ востоку, устроена въ 1861-мъ году. Церковь въ пустынѣ, построенная на иждивеніе московскаго купца Королева, двухъэтажная, съ престоломъ въ честь Сошествія Святаго Духа въ верхнемъ этажѣ и съ престоломъ въ память обрѣтенія главы Іоанна Предтечи въ нижнемъ этажѣ.

Въ Виѳанію ѣздятъ между прудами; въ скитъ ѣздятъ черезъ плотину, раздѣляющую два пруда. Мѣстность по обѣ стороны средняго пруда, который на лѣвой рукѣ отъ дороги въ Виѳанію и на правой рукѣ отъ дороги въ скитъ и который въ недавнее время отдѣленъ отъ верхняго или

---

[1] О разъувѣреніи (разочарованіи) митр. Филарета въ Филипушкѣ въ послѣдніе дни его (митрополита) жизни въ 1867-мъ году см. письма митрополита къ намѣстнику Антонію, №№ 1674—1679, гдѣ подъ буквою Ф. скрывается именно Филипушка.

скитскаго пруда (когда строенъ былъ скитъ и когда нужно было сдѣлать черезъ прудъ мостъ въ него, при чемъ мостъ сдѣланъ на плотинѣ, проведенной черезъ прудъ и раздѣлившей его на двѣ части или отдѣлившей отъ него нижнюю часть въ особый прудъ) называется Корбухой (отъ рѣчки Корбушки, которая течетъ подъ водой прудовъ мимо скита и у Виѳаніи впадаетъ въ Кончуру) и представляетъ собою мѣстность историческую. Вотъ что читаемъ о ней въ Краткомъ описаніи лавры: „на востокъ по Александровской дорогѣ отъ лавры близъ двухъ верстъ съ половиною, есть загородный домъ съ садомъ и березовою немалою рощею; при нихъ два большихъ пруда. Все сіе мѣсто, которое называется Корбуха, съ южной и западной сторонъ до верхняго пруда (разумѣется та часть верхняго пруда, которая составляетъ теперь особый середній прудъ), и съ восточной обнесено каменною оградою, слишкомъ на 650 саженяхъ по нынѣшней 1808-й годъ, вышиною въ 3 аршина съ половиною, тщаніемъ преосвященнаго митрополита Платона. Мѣсто сіе прежде было незнатно: ибо на немъ были, на ближней къ лаврѣ сторонѣ, деревянной дворъ съ чердакомъ и скотской дворъ; но съ 1742-го года со времени настоятельства архимандрита Кирилла, ближняя къ лаврѣ сторона начата приводима быть въ порядокъ; на ней построенъ домъ большой деревянной со службами, а по обѣ стороны того дома разведены регулярные сады и цвѣтники и въ пристойныхъ мѣстахъ сдѣланы бесѣдки и все мѣсто обнесено полисадникомъ; но бывшій въ лаврѣ настоятелемъ архимандритъ Гедеонъ въ 1759-мъ году приказалъ сдѣлать за прудомъ на дальной сторонѣ Корбухи (понеже то мѣсто гораздо возвышеннѣе) деревянной домъ на каменномъ фундаментѣ на 20 саженяхъ, которой и построенъ былъ въ 1760-мъ году, а со всею внутреннею уборкою къ окончанію приведенъ такъ, какъ онъ нынѣ есть, въ 1762-мъ году уже при архимандритѣ Лаврентіи. А преосвященный митрополитъ Платонъ оное мѣсто украсилъ долгими просѣками въ рощахъ, поставивъ на концахъ оныхъ бесѣдки и пирамиды. Сіе мѣсто во время высочайшихъ въ лаврѣ присутствій блаженныя и вѣчной памяти достойныя государыни императрицы Елизаветы Петровны и государыни императрицы Екатерины Алексѣевны всегда посѣщаемо было ихъ императорскими величествами“. Митрополитъ Филаретъ въ одномъ изъ своихъ словъ, говоренныхъ въ скиту, обращаясь къ воспоминанію о прошломъ той мѣстности, на которой поставленъ скитъ, разсказываетъ: „Здѣсь былъ домъ изящнаго зодчества, который устроеніемъ своимъ показывалъ, что онъ назначенъ былъ не для постояннаго жительства, а только для лѣтнихъ увеселительныхъ посѣщеній; здѣсь былъ садъ, въ которомъ растительная природа слишкомъ много страдала отъ искусства, ухищрявшагося дать ей образы ей несвойственные..., урочище сіе было украшено для царскихъ посѣщеній“. Въ началѣ XIX-го, должно быть, столѣтія, какъ сообщаетъ тотъ же митрополитъ Филаретъ, Корбушный домъ, находившійся по ту сторону пруда, отданъ былъ подъ дачу наставникамъ и ученикамъ лаврской семинаріи, ибо говоритъ: „Здѣшній царскій домъ и садъ дѣлаются (потомъ) мѣстомъ скромнаго отдохновенія наставниковъ и учениковъ духовнаго

училища, которое лавра основала въ своихъ стѣнахъ, на своемъ иждивеніи, въ дни своего изобилія". Когда не стало дома на этой сторонѣ пруда, не имѣемъ свѣдѣній, а домъ, который находился на той сторонѣ пруда, употребленъ на какія-то другія постройки въ 1822-мъ году, при чемъ митр. Филаретъ въ своемъ письмѣ къ намѣстнику Аѳанасію отъ 22-го августа 1822-го года даетъ знать, что тогда на Корбухѣ былъ одинъ только кирпичъ отъ фундаментовъ зданій и отъ стѣны развалившейся (знаменитая архимандричья и, вѣроятно, вообще властиная лѣтняя, какъ это говоритъ митр. Платонъ въ своей автобіографіи, Корбушская баня оставалась цѣлою до зимы 1821-го года, ибо отъ 17-го ноября сего года Филаретъ пишетъ Аѳанасію: „Корбушскую баню сломать надобно").— Нѣкоторый остатокъ каменной стѣны, которою обнесена была Корбуха по ту сторону нынѣшняго середняго пруда, уцѣлѣлъ до настоящаго времени; это—у Александровской или Виѳанской дороги при выѣздѣ на нее изъ скита. [„Прешпектъ загородному двору Коробаха" изъ альбома 1745 г. см. въ концѣ книги на фототипической таблицѣ № XIV].

ПРИБАВЛЕНІЕ.

Московскія и Петербургское подворья лавры и бывшій приписной къ ней Московскій Богоявленскій монастырь. Селенія кругомъ лавры, до 1764-го года находившіяся въ ея вотчинномъ владѣніи или принадлежавшія къ ея вотчинамъ.

До отобранія вотчинъ у монастырей лавра имѣла огромное количество подворій и дворовыхъ мѣстъ, превосходившее цыфру 170-ти, которыя находились въ 45-ти городахъ Россійской имперіи и изъ которыхъ цѣлыя 16-ть были въ Москвѣ (грамота импер. Елизаветы Петровны 1752-го года). Въ настоящее время лавра имѣетъ два подворья въ Москвѣ и одно подворье въ Петербургѣ.

Московскія подворья суть: Сухаревское, что̀ на Самотекѣ, въ Троицкомъ переулкѣ, и Ильинское, такъ называемое Стряпческое, на Ильинской улицѣ.

О Сухаревскомъ подворьѣ въ 1-мъ, 1782-го года, изданіи Краткаго описанія читается: „въ Москвѣ въ третьей дистанціи за Сухаревою башнею есть домъ каменной, принадлежащій лаврѣ съ разнымъ дворовымъ строеніемъ и огороднымъ мѣстомъ. Владѣніе сего мѣста, которое дано было еще отъ великихъ князей, простиралось до самаго нынѣшняго Земляного города, и по другую сторону рѣки Неглинны на 174 саженяхъ. На семъ мѣстѣ поселены были Троицкаго монастыря разные люди, отъ которыхъ и называлась Троицкая Неглиненская слободка; но послѣ Московскаго отъ Поляковъ разоренія разными обывателями она застроена и Троицкая Неглиненская слобода взята по государеву указу на государя, и остались за лаврою семь десятинъ и 25 квадратныхъ саженъ. На ономъ мѣстѣ въ разныя времена были деревянныя строенія, которыя когда нужда требовала,

были возобновляемы, а прочая часть земли была разными овощами засѣваема. Въ 1743 году, посреди двора бывшее хоромное строеніе сгорѣло, и для того послѣ преосвященнымъ Арсеніемъ, архимандритомъ лаврскимъ, съ пріѣзду на правой сторонѣ построенъ былъ домъ низкой деревянной, который пребывалъ до 1777 году и въ томъ 1777 году, по причинѣ ветхости разобранъ. Въ 1759 и 760 году на томъ дворѣ построенъ домъ каменной въ чернѣ о двухъ етажахъ лаврскимъ иждивеніемъ, которой остался не отдѣланнымъ до 1766 года; а въ томъ 1766 и 767 годѣхъ по имянному ея императорскаго величества указу и отъ коллегіи экономіи выданною суммою приведенъ въ состояніе, въ какомъ онъ нынѣ находится (при чемъ митр. Платономъ была устроена въ немъ домовая церковь во имя апостоловъ Петра и Павла); а при ономъ домѣ разводится регулярной садъ". Въ изданіи Краткаго описанія 1796-го года говорится о садѣ, что онъ уже разведенъ. Въ 1812-мъ году, въ бытность въ Москвѣ Французовъ, домъ сгорѣлъ, и послѣ того возобновленъ былъ отчасти на сумму, выданную правительствомъ, отчасти на собственныя средства лавры, при чемъ домовая церковь въ немъ посвящена была имени преподобнаго Сергія. Съ 1815-го года подворье составляетъ резиденцію или мѣстопребываніе митрополитовъ Московскихъ, такъ какъ составлявшій ихъ резиденцію домъ у ихъ каѳедральнаго Чудова монастыря (построенный митр. Платономъ въ 1776—77-мъ году) взятъ былъ подъ дворецъ (нынѣ Малый Николаевскій дворецъ). Въ 1875-мъ году устроенъ въ домовой церкви придѣлъ въ честь Иверской иконы Божіей Матери. При митр. Макаріи домъ значительно расширенъ и заново отстроенъ.

Объ Ильинскомъ Стряпческомъ подворьѣ въ томъ же 1-мъ изданіи Краткаго описанія читается: „въ Москвѣ же въ Китаѣ городѣ въ Зарядьѣ на Ильинской улицѣ противъ Гостиннаго двора домъ каменной о двухъ етажахъ, называемой Стряпческой. На семъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ стоитъ домъ, были дворы разныхъ людей, которые находясь при смерти отдавали ихъ со всѣмъ строеніемъ, какое только было тогда, въ Троицкой монастырь для поминовенія душъ своихъ родителей. Владѣніе оныхъ мѣстъ за лаврою частію утверждаемо было данными отъ царей грамотами. И какъ дворъ, имѣющійся въ томъ числѣ гостя Ивана Михайловича сына Антонова (должно думать, потомка одного изъ „великихъ и славныхъ" купцовъ Московскихъ Сумеона Антонова, который родился по пророченію преподобнаго Сергія,—въ житіи Сергія Епифаніевомъ по редакціи Пахоміевой чудо о Сумеонѣ Антоновѣ) подлежалъ яко дворъ гостинной государевымъ тягламъ и пошлинамъ, то грамотою царя Іоанна Васильевича, послѣдовавшею въ 1540 году, освобожденъ онъ былъ отъ всѣхъ тяглъ и пошлинъ, какимъ подвергались тогда гостинные дворы; что и послѣдовавшіе всѣ государи данными своими грамотами подтверждали. Когда жъ и какимъ иждивеніемъ построенъ каменной домъ, записокъ не отъискано. До состоянія штатовъ обывали въ немъ лаврскіе стряпчіе, имѣвшіе хожденіе за лаврскими дѣлами по коллегіямъ и другимъ приказамъ: почему онъ и называется Стряпческой домъ". Въ изданіи Краткаго описанія 1796-го года

говорится, что „нынѣ на томъ мѣстѣ, по разобраніи стараго (1782-го года) дома, построенъ новый большой каменной домъ“. Подвергался ли этотъ домъ какимъ злоключеніямъ въ 1812-мъ году, относительно сего изданія Краткаго описанія, вышедшія послѣ 1812-го года, ничего не говорятъ. Нынѣшній домъ на мѣсто этого втораго дома построенъ заново въ семидесятыхъ годахъ прошлаго XIX в. Не служа теперь никакимъ подворьемъ для монастыря, домъ представляетъ теперь единственно доходную для него статью: нижній этажъ дома отдается подъ магазины, верхніе этажи подъ торговыя помѣщенія и гостинницу.

Мѣсто подъ Петербургское Фонтанное, что̀ у Аничкова моста, подворье, которое служитъ мѣстопребываніемъ митрополитовъ Московскихъ, когда они живутъ въ Петербургѣ, для присутствія въ св. Сунодѣ, дано Петромъ Великимъ въ 1714-мъ году. Потомъ въ 1734-мъ году, купленъ былъ находящійся рядомъ дворъ помѣщика С. А. Головина (почему дворъ этотъ, пока не составилъ одного цѣлаго съ дворомъ на казенной землѣ, и назывался Головинскимъ дворомъ). На казенной землѣ въ продолженіе 1750—53-го годовъ поставленъ былъ каменный домъ съ двумя флигелями, въ которомъ была устроена домовая церковь во имя Казанской Божіей Матери. Въ 1772-мъ году по причинѣ тѣсноты церковь была разобрана и вмѣсто нея устроена новая во имя преп. Сергія. Въ 1774-мъ году на Головинской дворинѣ были поставлены два каменные флигеля. Въ 1822-мъ году „главный корпусъ, по обветшанію внутренняго устройства, возобновленъ, и получилъ болѣе правильный фасадъ“. Въ 1871—72-мъ году на этомъ главномъ корпусѣ наложенъ третій этажъ и устроена при немъ другая церковь во имя св. Троицы, а на мѣстѣ двухъ флигелей, стоявшихъ на Головинской дворинѣ, поставленъ новый пятиэтажный домъ.

О началѣ Московскаго Кремлевскаго Богоявленскаго монастыря, который былъ приписнымъ къ Троицкому монастырю и служилъ подворьемъ для его властей, когда онѣ пріѣзжали въ Москву, нѣтъ достовѣрныхъ свѣдѣній. Во вкладной книгѣ Троицкаго монастыря 1673-го года читается запись: „государь великій князь Дмитрій Ивановичъ (Донской, † 19-го мая 1389-го года) пожаловалъ на Москвѣ въ городѣ мѣсто подъ церковь и подъ кельи близь своего государева дворца“. Но считаютъ болѣе вѣроятнымъ думать, что мѣсто для подворья дано было княземъ Радонежскимъ Андреемъ Владимировичемъ, который скончался бездѣтнымъ въ 1425-мъ году (*о. Арсеній* О недвижимыхъ имѣніяхъ, стр. 30). Въ 1460-мъ году была поставлена на подворьѣ, неизвѣстно когда ранѣе основанномъ, каменная церковь во имя Богоявленія Господня, которая по непонятной причинѣ чрезъ 19-ть лѣтъ въ 1479-мъ году оказалась трухлою вельми, почему, бывъ разобрана, и замѣнена была новою. Въ 1557-мъ году построены были на подворьи каменная церковь во имя преп. Сергія и каменная трапеза, а оно обнесено было каменной оградой съ таковыми же воротами. Въ 1764-мъ году при отобраніи у монастырей вотчинъ подворье приписано было ко дворцу, о чемъ въ указѣ отъ 26-го февраля сего года говорится: „имѣющееся въ Москвѣ Троицкой Сергіевой лавры у Троицкихъ воротъ, Бого-

явленскимъ монастыремъ именующееся, подворье, по пристойности и по самой близости приписать къ Кремлевскому ея императорскаго величества дворцу, и быть въ ономъ при имѣющейся церкви (оставалась тогда одна церковь Богоявленская, а церковь преп. Сергія разобрана была Гавріиломъ Бужинскимъ въ 1722-мъ году) священнику на особливомъ, какое опредѣлено будетъ, ея императорскаго величества жалованьѣ". Въ 1769-мъ году въ бывшемъ монастырѣ или на бывшемъ подворьѣ помѣщенъ былъ Судный приказъ, а въ 1778-мъ году въ немъ отведена была квартира оберъ-интенданту, котораго, не знаемъ—когда до 1807-го года, смѣнилъ комендантъ. Въ послѣднемъ году подворье все было разобрано и его мѣсто занято было частію построенной въ семъ году Оружейной палатой, которая потомъ, послѣ сооруженія новой Оружейной палаты у Боровицкихъ воротъ, обращена была, чѣмъ остается и до настоящаго времени, въ солдатскія казармы (Кремлевскія казармы). Мѣсто уничтоженнаго подворья, которое одной стороной своего двора было смежно съ дворомъ царскаго дворца, а другой—съ дворомъ патріаршимъ,—подъ западной частью казармъ, которая къ т. н. Потѣшному дворцу и Кремлевской стѣнѣ. Кремлевскія Троицкія ворота называются Троицкими (съ 1658-го года, а дотолѣ—Курятныя) именно по бывшему у нихъ Троицкому подворью.

Знать, какія изъ селеній, находящихся (и находившихся) кругомъ лавры, принадлежали къ ея вотчиннымъ владѣніямъ, и имѣть нѣкоторыя свѣдѣнія о нѣкоторыхъ изъ нихъ не лишено интереса какъ для жителей посада, такъ и самыхъ селеній, а отчасти и для обыкновеннаго читателя. Отвѣчая или удовлетворяя предполагаемому нами интересу, мы и дадимъ списокъ этихъ селеній, расположивъ его въ алфавитномъ порядкѣ [нѣкоторыя изъ этихъ селеній нанесены на карты, помѣщенныя здѣсь на стрр. 342 и 390].

Источниками свѣдѣній служатъ: разнаго рода монастырскіе акты, которыми пользуется, приводя ихъ въ извѣстность для насъ, о. Арсеній въ своихъ статьяхъ (къ статьямъ, указаннымъ выше, въ спискѣ общихъ источниковъ и изъ которыхъ главная для насъ въ данномъ случаѣ: „О вотчинныхъ владѣніяхъ Троицкаго монастыря при жизни его основателя, преподобнаго Сергія", должна быть еще присовокуплена статья: „Село Подсосенье", напечатанная въ Московскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ 1878-го года, въ № 34-мъ); Кормовая книга Троицкаго монастыря 1592-го года, напечатанная *архим. Леонидомъ* въ приложеніяхъ къ Описанію лавры *А. В. Горскаго;* Писцовыя, Переписныя и Ландратскія книги, хранящіяся отчасти въ архивѣ лавры, отчасти въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи; грамоты, напечатанныя въ Собраніи грамотъ и договоровъ, въ Актахъ Экспедиціи и Историческихъ, въ Актахъ Юридическихъ 1838-го года и Калачова, грамоты, собранныя И. Д. Бѣляевымъ и описанныя *Д. П. Лебедевымъ*, и грамоты, отчасти напечатанныя, отчасти приводимыя, въ изслѣдованіи *Д. М. Мейчика:* „Грамоты XIV и XV вв. Московскаго Архива Министерства Юстиціи"; грамота импер. Елизаветы Петровны 1752-го года.

Абрамово. См. Обрамово.

Алексѣево или **Алексѣевское.** См. Шарапово.

Арсаки. См. Выпуково.

Аѳанасово, въ 3-хъ верстахъ на юго-востокъ отъ посада. При преп. Никонѣ далъ въ монастырь селище Гбаловское Аѳанасій Елизаровичъ (Галинъ, можетъ быть—братъ упоминаемаго одновременно съ нимъ Михаила Елизаровича Редрикова, вѣроятно — бояринъ Радонежскаго князя): это селище и получило названіе Аѳанасова. Въ 1462—66 г.—село, въ 1504 г. тоже; въ 1752 г. деревня Глинковскаго прихода; въ настоящее время деревня Подсосенскаго прихода.

Аѳанасьевскій погостъ. Въ Писцовой книгѣ 1623—24 г. читается: „погостъ близко городка Радонежскаго, а на погостѣ церковь Аѳанасія Великаго, стоитъ безъ пѣнья". Въ настоящее время нѣтъ и мѣсто неизвѣстно.

Аѳонасьево (Аѳонасово). См. Махра.

Базыкино. См. Константиновское.

Барканово. См. Благовѣщенское.

Бебяково или **Бобяково,** въ 4-хъ верстахъ на сѣверо-западъ отъ посада. Дано въ монастырь въ 1429—1432-мъ г. Радонежскимъ бояриномъ Василіемъ Борисовичемъ Копнинымъ. Во второй половинѣ XVI в. и въ концѣ XVII в.—село; въ 1752 г. село Бубяково съ деревнями Воронцовымъ и Чурилковымъ; въ 1776 г.—деревня Благовѣщенскаго прихода; въ настоящее время деревня Деулинскаго прихода.

Беклемишево, село. Упоминается подъ 1425 г., какъ находившееся недалеко на востокъ отъ посада, за рѣкой Торгошей, въ мѣстности нынѣшняго села Глинкова. Если это не есть самое Глинково (собственно—Переяславская его половина), носившее первоначально названіе Беклемишева, то въ настоящее время его нѣтъ и мѣсто его остается неизвѣстнымъ.

Березники, на рѣчкѣ Талицѣ, впадающей въ Ворю, въ 22 верстахъ на югъ отъ посада. Въ 1471 г. Дмитровскій князь Юрій Васильевичъ отдалъ игумену Троицкаго монастыря „вѣдати свой монастырь Живоначалные Троицы на Березнекѣхъ, да земли, кои земли давали къ тому монастырю къ Троицѣ на Березники бояре и дѣти боярскіе". Въ грамотѣ архимандриту Елевѳерію Березниковскій монастырь уже не упоминается. Въ Писцовой книгѣ 1587 г.— сельцо Березовецъ, пустое, съ церковію, стоящею безъ пѣнья. Въ настоящее время деревня села Нагорнова.

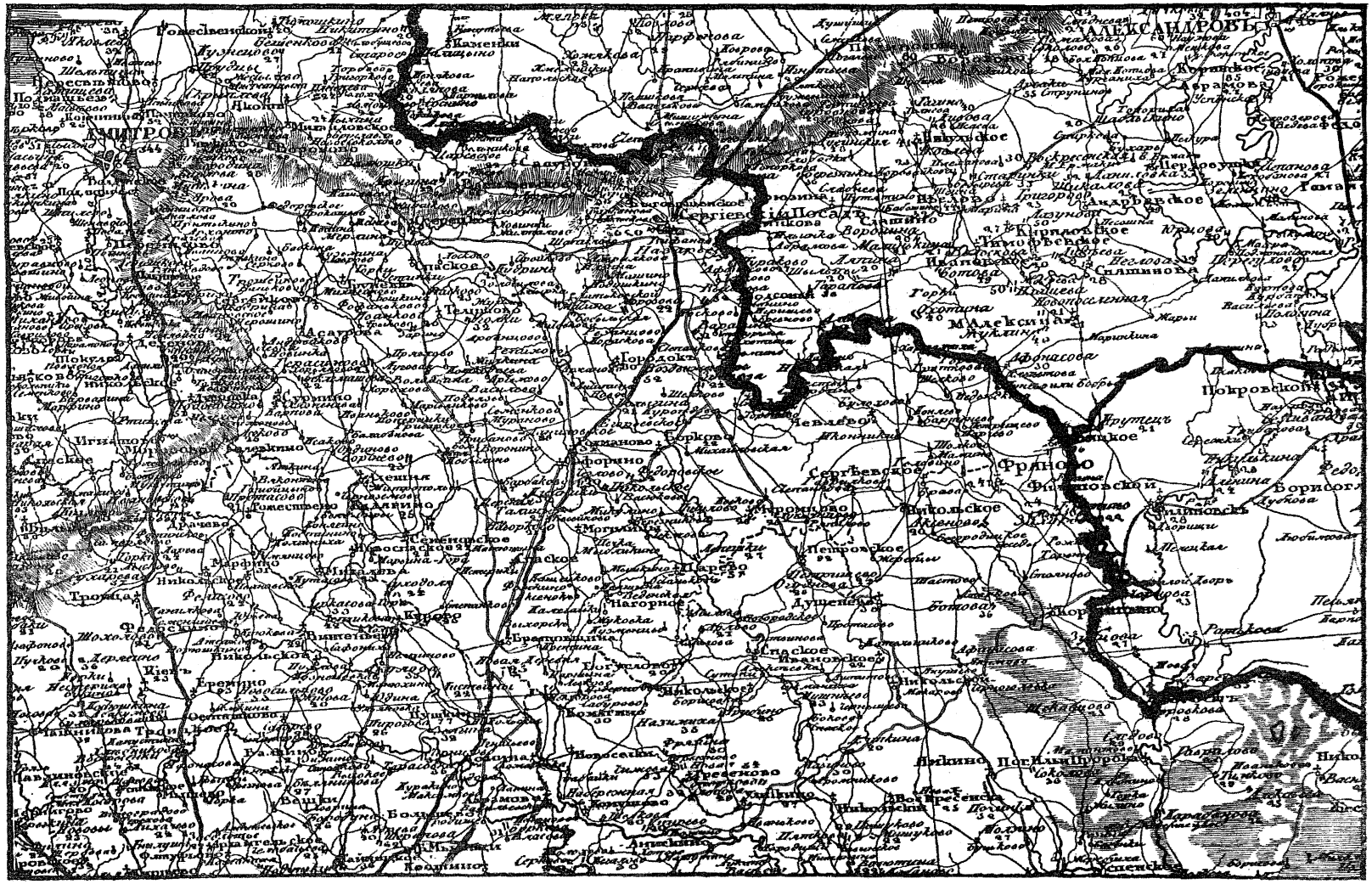
Березники. См. Выпуково.

Березовецъ. См. Березники.

Бесѣды, село. Упоминается—подъ 1481 г. какъ одно изъ Троицкихъ, такъ называемыхъ Ворскихъ, селъ (о чемъ см. Борково). Въ настоящее время нѣтъ и мѣсто остается неизвѣстнымъ.

Бетюково. Упоминается при преп. Никонѣ (не видно, какъ принадлежавшее ли Троицкому монастырю). По Писцовой книгѣ 1504 г. деревня села Зубачева. Въ настоящее время неизвѣстно.

Благовѣщенское, село, въ 2-хъ верстахъ на западъ, сѣверо-западъ отъ посада. Когда и какъ поступило въ Троицкій монастырь, остается неизвѣ-



Окружающія Троице-Сергіевъ монастырь селенія (изъ карты Шуберта 1848 г.)

стнымъ; упоминается въ первый разъ какъ принадлежащее монастырю подъ 1462—66 г.. Въ 1504 г. въ немъ было 29 дворовъ крестьянскихъ. Въ 1594 г. 8 дворовъ крестьянскихъ и одинъ бобыльскій, да при церкви—пять келей, въ которыхъ жили нищіе, питавшіеся о церкви Божіей. Въ 1614 г.—10 дворовъ крестьянскихъ жилыхъ, два двора пустые, и три двора бобыльскихъ, да при церкви пять келей нищенскихъ, стоявшихъ пустыми. Въ 1623-24 г.—6 дворовъ крестьянскихъ, 7 дворовъ бобыльскихъ, да на церковной землѣ 3 кельи, въ которыхъ жили нищіе. Въ 1646 г.—18 дворовъ крестьянскихъ и на церковной землѣ 5 дворовъ бобыльскихъ. Въ 1677 г.—22 двора крестьянскихъ и бобыльскихъ. Въ 1684 г.—26 дворовъ крестьянскихъ и на церковной землѣ два двора бобыльскихъ. Въ 1715 г.—15 дворовъ крестьянскихъ. Въ 1776 г. Благовѣщенскій приходъ, состоявшій кромѣ села изъ пяти деревень: Голькова, Бебякова, Чурилкова, Воронцова и Барканова, былъ закрытъ, при чемъ самое село съ деревней Гольковымъ было приписано къ посадскому Ильинскому приходу, а прочія деревни къ приходамъ селъ Деулина и Захарьина. Деревянная церковь въ селѣ, построенная когда-то до 1776 г., и вѣроятно—болѣе или менѣе задолго до него, до сихъ поръ остается цѣлою.

Бобошино, въ 13 верстахъ на сѣверо-востокъ отъ посада. Дано въ монастырь при игуменѣ Зиновіи келаремъ монастыря Авраміемъ (въ мірѣ Алексѣемъ Ивановичемъ) Воронинымъ-Боботей. Въ 1536 г.—село, въ 1562 г.—сельцо. По грамотѣ Елизаветы Петровны, какъ и въ настоящее время,—деревня села Дерюзина.

Бобошино. См. Константиновское.

Богородская. См. Махра.

Борково, село, на рѣкѣ Ворѣ, въ 15 верстахъ на югъ отъ посада и въ 6 верстахъ на востокъ отъ находящагося на шоссе села Рахманова, бывшее главнымъ между такъ называемыми Ворскими селами монастыря, т. е. селами, расположенными на рѣкѣ Ворѣ и ея притокахъ, отъ впаденія въ нее Торгоши верстъ на 15 внизъ по ея теченію. Заведено послѣ преп. Никона и до 1466 г. на землѣ, купленной имъ (Никономъ) у нѣкоего Ѳомы Паюсова. Подъ селомъ на рѣкѣ Ворѣ съ давняго времени находится монастырская мельница, которая въ старыхъ актахъ называется большою и которая доселѣ принадлежитъ лаврѣ. По Переписной книгѣ 1725—28 г. къ селу деревни: Ѳедоровское, Васюково, Микулинская, Путилово, Лукъянцово, Попова(?), Михайловская, Никольская; а по грамотѣ Елизаветы Петровны—только четыре первыя.

Бородино. См. Выпуково.

Бортниково. См. Бужаниново.

Борошково. См. Юдино.

Бубяково. См. Бебяково.

Бужаниново, село, верстахъ въ 10 на сѣверо-востокъ отъ посада. Куплено съ деревнями (вѣроятно—весьма многими, ибо заплачено за него 1000 рублей) въ 1547-мъ году на деньги, пожалованныя царемъ Иваномъ Васильевичемъ Грознымъ. По Переписной книгѣ 1725—28 г. деревни къ

нему: Митино, Слободка, Левоново, Бортниково, Душищи, Дубининское (теперь обыкновенно: Дубенинское); а по грамотѣ Елизаветы Петровны кромѣ этихъ еще: Палиносово, Редриковы горы.

Варавино, находящееся въ 4 верстахъ отъ посада. По грамотѣ Елизаветы Петровны, какъ и въ настоящее время, деревня, принадлежащая къ приходу [села Подсосенья].

Васильково, находящееся на рѣкѣ Малой Куньемѣ въ 11—12 верстахъ на сѣверъ отъ посада, поступившее въ монастырь когда-то послѣ 1516 г., въ которомъ еще принадлежало вел. князю. По грамотѣ Елизаветы Петровны 1752-го года, какъ и въ настоящее время, деревня села Мишутина.

Васюково. См. Борково.

Вахрамѣевская деревня, упоминаемая въ 1425-мъ году и находившаяся гдѣ-то въ окружности села Глинкова. Въ настоящее время неизвѣстна.

Водомѣрово, упоминаемая при преп. Никонѣ, какъ деревня села Зубачева. Въ настоящее время неизвѣстна.

Волково. См. Вяльково.

Воронино, упоминаемое какъ село подъ 1536 г. (можно думать, что получило названіе отъ Якова Воронина, который былъ современникомъ преп. Никона, см. Слабнево, и что поступило въ монастырь именно еще при Никонѣ). Въ настоящее время деревня, принадлежащая къ приходу села [Митрополья. Въ 22—26 верстахъ отъ посада].

Воронцово, деревня, см. Бебяково. Заведена, какъ нужно думать, тѣмъ Воронцомъ Степановымъ, которому Боровско-Радонежскій князь Василій Ярославичъ (лишенный своихъ владѣній вел. княземъ въ 1456-мъ году) пожаловалъ деревню Гольково. (Сельцо Воронцово въ Дмитровскомъ уѣздѣ дано монастырю въ 1556 г. Опис. Румянц. Муз. *Восток.* стр. 107, col. 1 нач.).

Воскресенское, упоминаемое какъ село подъ 1536 г.. Въ настоящее время деревня.

Выпуково, село, на рѣкѣ Куньѣ, въ 18 верстахъ на сѣверъ отъ посада, въ верстахъ 5 направо отъ Угличской дороги. Приложено въ монастырь Петромъ Плещеевымъ, подъ которымъ со всею вѣроятностію должно разумѣть Петра Михайловича Плещеева, бывшаго бояриномъ у Ивана Васильевича III. По Переписной книгѣ 1725—28 г. и по грамотѣ Елизаветы Петровны къ селу 14 деревень, именно: Несвитаево, Ѳедоровское, Сорокино, Бородино, Смятьево, Геронтьево, Жерлово, Язвицево, Григорьево, Березники, Козицыно, Топорково, Слабнево, Арсаки.

Высокое, деревня, находящаяся на югъ отъ посада въ 5 верстахъ и получившая свое названіе отъ того, что находится на горѣ, дана въ монастырь при преп. Никонѣ или вскорѣ послѣ него Михаиломъ Аѳанасьевичемъ Галинымъ (сыномъ того Аѳанасія Елизаровича Галина, который далъ въ монастырь деревню Аѳанасово). По грамотѣ Елизаветы Петровны она—въ приходѣ села Кѣсова, въ настоящее время—села [Подсосенья].

Вяльково, иначе **Волково,** деревня, находившаяся при впаденіи рѣчки Кончуры въ рѣчку Корбуху, приблизительно на нынѣшнемъ мѣстѣ Виѳан-

ской семинаріи. Упоминается въ Писцовыхъ книгахъ 1587 и 1623—24 гг.; когда прекратила существованіе, остается неизвѣстнымъ.

Вяхорево, село, упоминаемое подъ 1536 г., находившееся гдѣ-то за Глинковымъ къ Александрову, въ настоящее время не существующее.

Геронтьево. См. Выпуково.

Гидѣево. См. Едигѣево.

Глинково, село, находящееся на рѣкѣ Торгошѣ, верстахъ въ двухъ съ половиной на востокъ отъ посада. Въ древнее и старое время Глинково расположено было по обѣимъ сторонамъ рѣки Торгоши—на правой сторонѣ, въ Радонежскомъ или Московскомъ уѣздѣ, а на лѣвой сторонѣ—въ Переяславскомъ уѣздѣ. Переяславская половина села поступила въ монастырь послѣ 1425 г.; когда поступила Московская половина неизвѣстно, но до 1466 г.. Въ 1504 г. въ Радонежской половинѣ села было 29 дворовъ и къ нему деревни: Пашково, Казановская и Крючково. Въ началѣ XVII в. село было разорено (нѣтъ сомнѣнія—Поляками), такъ что въ 1614 г. вмѣсто села значится пустошь. Въ 1678 г. въ Переяславской половинѣ села было 16 дворовъ, а въ Радонежской—5 дворовъ. Въ грамотѣ Елизаветы Петровны: въ Московскомъ уѣздѣ село Глинково съ деревнями: Усовымъ, Аѳанасовымъ, Тураковымъ, Зубачевымъ, Степковымъ, Наугольнымъ, Филимоновымъ; въ Переяславскомъ уѣздѣ—деревня Глинково, а по прежней ревизіи село Глинково, съ деревнями: Назаровымъ, а по прежней ревизіи Назарьевымъ, Обрамовымъ, Устиновымъ, Евпловымъ, а по прежней ревизіи Устиновымъ. Въ настоящее время Московской половины села не существуетъ, а на Переяславской (нынѣ—Александровской) сторонѣ—село Глинково съ каменною церковію, построенною въ 1834-мъ году и съ 26 крестьянскими домами. Приходъ села составляютъ деревни Абрамова и Назарьева.

Гольково, деревня, находящаяся въ 4-хъ верстахъ отъ посада. До 1456 г. Боровско-Радонежскій князь Василій Ярославичъ пожаловалъ ее нѣкоему Воронцу Степанову. Въ 1504 г. она находилась въ приходѣ села Коппина, въ 1752 г.—села Благовѣщенскаго, въ настоящее время принадлежитъ посадскому Ильинскому приходу.

Городокъ, село, бывшій городокъ Радонежъ. См. о немъ выше стр. 319—321. По Переписной книгѣ 1725—28 г. и по грамотѣ Елизаветы Петровны къ нему деревни: Коросково, Репихово, Резанова, а по прежней ревизіи Резанцы.

Грачнево. См. Константиновское.

Григорьево. См. Выпуково.

Гусарня (Гусарино). См. Константиновское.

Дерюзино, село, находящееся въ 10 верстахъ на востокъ отъ посада, по Александровской дорогѣ. Монастырь св. Николая въ Дерюзинѣ приписанъ былъ къ Троицкому монастырю или ранѣе игумена Спиридона или же при семъ послѣднемъ, а по Кормовой книгѣ село Дерюзино съ деревнями придано въ монастырь Андреемъ Тарбеевымъ (вѣроятно, богатымъ вотчинникомъ изъ окрестностей монастыря, ибо въ округѣ послѣдняго—нѣсколько селъ, носящихъ названіе: Тарбеево. Въ грамотѣ архимандриту

Елевѳерію 1561 г. монастырь еще упоминается, а въ концѣ XVI вѣка было уже село, при церкви котораго жили старицы, т. е. былъ монастырекъ женскій. По Переписной книгѣ 1725—28 г. и по грамотѣ Елизаветы Петровны къ селу двѣ деревни: Бобошино и Погорѣлка, иначе Ильинка.

Деулино, село, находящееся въ 4—5 верстахъ на сѣверъ отъ посада, на Угличской дорогѣ. До 1619-го года было деревней Зубачевскаго прихода. Въ 1619 г., въ воспоминаніе того, что 1 декабря предшествующаго года заключенъ былъ въ деревнѣ миръ съ Поляками, власти Троицкаго монастыря построили въ ней деревянную церковь во имя преп. Сергія, которая освящена была 15 декабря 1619 г., чрезъ что деревня и обратилась въ село. Въ воспоминаніе мира село называли было Мирнымъ, но это названіе не удержалось. Деревянная церковь 1619 г. (весьма не роскошная) сгорѣла (была одинакова съ доселѣ остающейся деревянною церковію села Благовѣщенскаго; видъ ея—въ Русской Старинѣ Мартынова). Въ грамотѣ Елизаветы Петровны не показано къ селу деревень; въ настоящее время къ нему [деревни Бубяково, Степково, Наугольное].

Дмитровское. См. Махра.

Дуби(е)нинское. См. Бужаниново.

Душищи. См. Бужаниново.

Евплово. См. Устиново.

Едигѣево, неизвѣстно когда поступивъ въ монастырь, состояло за нимъ въ 1466—78 г.. Въ XV и XVI в.—село; въ настоящее время деревня Гидѣево, принадлежащая къ приходу села Скнятинова.

Жерлово. См. Выпуково.

Зубачево, бывшее село, теперь деревня, находящаяся въ двухъ съ половиной—трехъ верстахъ къ сѣверу отъ посада, на рѣчкѣ Копёркѣ, впадающей въ Торгошу. Въ древнее время село находилось по обѣимъ сторонамъ рѣчки Копёрки, при чемъ церковь находилась на лѣвой сторонѣ рѣчки, гдѣ теперь поле. Называвшись до поступленія въ монастырь Юрьевскимъ, по церкви св. Георгія, село было куплено (съ этимъ именемъ Юрьевскаго) преп. Никономъ у нѣкоего Семена Яковлева сына Зубачева и у его матери Маріы, по которымъ и стало называться Зубачевымъ (одна половина села была куплена съ деревнями: Филипково, Водомѣрово, Плищево, Левонково, Пышковское, другая—съ деревней Лутосенской). Въ 1504 г. въ селѣ было 53 двора и къ нему было 7 деревень, между которыми упоминаются Бетюково и Кокуево, что̀ нынѣ часть Кокуевской слободы посада (верхнее Кокуево). Въ 1562 г. въ трети села, находившейся на лѣвой сторонѣ рѣчки (Переяславской) было 9 дворовъ крестьянскихъ, изъ которыхъ 5 стояли пустыми, да при церкви Георгія страстотерпца было 11 келей, въ которыхъ жили нищіе, а приходъ состоялъ изъ 8 деревень съ 34 дворами. Въ 1587 г. къ селу было 9 деревень, между которыми упоминаются: Усово на рѣчкѣ Корбушкѣ, Кокуево, Деулино, Наугольная. Въ 1592 г. при церкви села жили старицы. Въ началѣ XVII в. оно разворено было Поляками, послѣ чего оставалось пустошью по крайней мѣрѣ до 1624 г.. Когда затѣмъ было возстановлено, не знаемъ,

но въ 1680 г.—село. По Переписной книгѣ 1725—28 г. и по грамотѣ Елизаветы Петровны, оно—деревня Глинковскаго прихода. Въ настоящее время—деревня посадскаго Рождественскаго прихода.

Зубцово. См. Юдино.

Ивакино, подъ 1504 г. упоминается какъ Троицкая деревня, находившаяся недалеко отъ села Бебякова.

Игнатьево. См. Сватково.

Игнатьевское, село, данное въ монастырь при преп. Никонѣ нѣкіимъ Патрекѣемъ по его душѣ. Такъ какъ села нѣтъ въ Кормовой книгѣ монастыря 1592 г., то можно думать, что къ тому времени оно перестало существовать (или же, можетъ быть, превратившись въ деревню, существуетъ какъ деревня одного изъ Ворскихъ селъ).

Ильинки. См. Дерюзино.

Іевлево, село находящееся въ 20 верстахъ на юговостокъ отъ посада. Когда и какъ поступило въ монастырь, не знаемъ, но въ 1545 г. принадлежало ему. Въ 1571 г. взято было государемъ въ обмѣнъ на другую землю.

Іюдкина. См. Орлово.

Кабановская, деревня, данная въ монастырь при игуменѣ Мартиніанѣ нѣкіимъ Діонисіемъ Савинымъ Клименьевымъ (вмѣстѣ съ пустошами: Скориково, Васильевское и Батыйцево).

Казановская, деревня, данная въ монастырь при преп. Никонѣ Радонежскимъ бояриномъ Борисомъ Васильевичемъ Копнинымъ, находившаяся между рѣчками Корбухой и Торгошей, въ 1504 г. принадлежавшая приходу села Глинкова, въ настоящее время не существующая (должна быть полагаема на мѣстѣ нынѣшняго скита, или въ рощѣ, которая между скитомъ и Александровской дорогой).

Кисляково. См. Константиновское.

Кіясово или **Кѣсово** (пишется и Кесово), бывшее село, находившееся въ 4 верстахъ на югъ отъ посада по Московскому шоссе. Дано въ монастырь въ 1445 году Боровско-Радонежскимъ княземъ Василіемъ Ярославичемъ (по Кормовой книгѣ 1592 г. не существовавшими князьями Корнильевскими Василіемъ и Ярославомъ, двое которыхъ очевидно изъ одного Василія Ярославича). Въ 1504 г. въ селѣ было 11 дворовъ и къ нему было 8 деревень. Въ 1547 г. въ немъ была поставлена деревянная церковь Алексѣя человѣка Божія. Въ 1594 г. въ немъ было 4 двора и три пруда. При осадѣ монастыря Поляками, конечно, было раззорено, но въ 1623—24 г. опять упоминается какъ существующее село. По Переписной книгѣ 1725—28 г. и по грамотѣ Елизаветы Петровны къ нему деревни: Высокое, Морозово, Комякино, Подушкино (Полушкино), Машкино, Матронкино. Когда послѣ 1752 г. запустѣло, не имѣемъ свѣдѣній. Изъ трехъ прудовъ 1594 г. къ 1764 г. въ немъ или подъ нимъ оставался одинъ прудъ, который вмѣстѣ съ находившимся при немъ монастырскимъ садомъ былъ сохраненъ монастырю при отобраніи въ послѣднемъ году вотчинъ. Прудъ цѣлъ и до сихъ поръ, а сада уже нѣтъ.

Клементьево, бывшее село, въ настоящее время часть посада. См. о

немъ выше стрр. 309—312. По Кормовой книгѣ 1592 г. село далъ въ монастырь Радонежскій князь Андрей Владимировичъ († 1425). Но показанія Кормовой книги не всегда вѣрны, и мы наклонны думать, что оно, бывъ основано тѣмъ Клементіемъ, внукъ котораго Діонисій далъ въ монастырь деревню Кабановскую, приложено монастырю или самимъ этимъ Климентіемъ или его сыномъ Саввой, отцомъ Діонисія (подъ 1478 г. Клементьевы упоминаются какъ „послужильцы“ Ивана Борисовича Тучкова).

Княжо селище. Въ Писцовой книгѣ 1504 г. послѣ описанія села Зубачева и его деревень сказано: „их же селище Княжо, пашутъ его изъ монастыря“.

Княжее село, иначе **Панино.** См. Панино.

Козино. См. Махра.

Козицыно. См. Выпуково и Сватково.

Козлово. См. Константиновское и Юдино.

Кокуево. См. Зубачево.

Комякино, въ настоящее время **Хомякино**, деревня, въ 1752 г. принадлежала приходу села Кѣсова, въ настоящее время принадлежитъ къ приходу Хотьковскаго монастыря.

Конотеребово, село, находившееся на рѣкѣ Ворѣ, дано было въ монастырь въ 1423—24 г. Еленой Колычевой, по первому мужу Муромцовой. Послѣ не упоминается: или скоро прекратило свое существованіе или, какъ предполагаютъ (о. Арсеній), стало называться потомъ Муромцовымъ, см. это слово.

Константиновское, село, находящееся въ 25 верстахъ къ сѣверу отъ посада, верстъ на 8-мь влѣво отъ Углицкой дороги, снабжающее посадъ капустой, а частію и другими овощами. Въ 1650 г. отдалъ село монастырю царь Алексѣй Михайловичъ въ обмѣнъ за принадлежавшую монастырю половину извѣстнаго, находящагося въ 20 верстахъ отъ Москвы, села Мытища. По Переписной книгѣ 1725—28 г. и по грамотѣ Елизаветы Петровны деревни къ селу: Бобошино, Тарбинское, Посевьево, Гусарня (въ Переписной книгѣ Гусарино), Кисляково, Пасыкино, Грачнево, Прикащиково, Чернецкое, Козлово. По Переписной книгѣ въ селѣ двѣ церкви, каждая съ своимъ причтомъ,—деревянная во имя архангела Михаила и каменная во имя Срѣтенія Господня.

Копнино, бывшее село и сельцо, находившееся въ 2 верстахъ на югозападъ отъ посада. Дано въ монастырь въ 1478 г. по вдовѣ Радонежскаго боярина Василія Борисовича Копнина (см. Бебяково, Казановская, Мишутинскія пустоши) Марьѣ, и сначала и называлось Марьинскимъ Копнинымъ. Въ 1504 г. въ селѣ было 18 дворовъ и къ нему была деревня Гольково. Въ 1545 г.— сельцо съ деревнями. Въ 1586 г.— село съ деревнями. Въ 1587 г.—сельцо. Въ 1623—24 г.—пустошь, что было сельцо Копнино. Въ 1641 г.—пустошь, на которой была монастырская пашня. Передъ 1764 г. у монастыря былъ въ Копнинѣ огородъ съ садомъ, который при отобраніи вотчинъ и былъ оставленъ за нимъ. Прудъ, остающійся отъ огорода, до сихъ поръ принадлежитъ монастырю.

Корзенево, бывшее село, находившееся неизвѣстно гдѣ на югъ—юго-востокъ отъ посада, въ разстояніи верстъ 10—15 (по селу назывались два стана Московскаго уѣзда: Радонежъ и Корзенево и другой—Воря и Корзенево). Поступило въ собственность монастыря когда-то до 1545 г., подъ которымъ упоминается какъ одно изъ его селъ (по Кормовой книгѣ 1592 г., бывъ вымѣнено у кого-то и когда то на села какого-то Германа). Въ Писцовой книгѣ 1587 г.: „село Корзенево, а Кузмодемьянское тожъ, а въ немъ церковь Кузма-Демьянъ". Въ Писцовой книгѣ 1633 г.: „пустошь, что было село Корзенево, на протокѣ, а въ селѣ былъ храмъ Козмы и Демьяна". Послѣ сего свѣдѣнія о селѣ прекращаются.

Коросково. См. Городокъ.

Косково. См. Муромцево.

Крестешники или **Титково.** По грамотѣ Елизаветы Петровны деревня Хотьковскаго монастыря.

Крючково, бывшая деревня, въ настоящее время не существующая, находившаяся на рѣчкѣ Кончурѣ, въ 1504 г. принадлежавшая къ деревнямъ села Глинкова и упоминаемая за тѣмъ подъ 1587 и 1623—24 гг.. Должно думать, что нынѣшнее монастырское Крючково, находящееся на здѣшней сторонѣ Виѳанскаго пруда между двумя его заливами, данное монастырю въ 1850 г., представляетъ собою мѣсто бывшей деревни Крючково.

Кѣ(е)сово. См. Кіясово.

Левонково. См. Зубачево.

Левоново. См. Бужаниново.

Личкино. См. Юдино.

Лукьянцево. См. Борково и Муромцево.

Лутосенская. См. Зубачево.

Лютино. По Писцовой книгѣ 1587 г.—деревня, по Писцовой книгѣ 1623—24 г.—пустошь. Въ настоящее время Лютинымъ называется слободка, находящаяся на сѣверо-западномъ концѣ посада, сосѣдній съ слободкой лѣсокъ.

Ляпино. См. Шарапово.

Матронкино. См. Кіясово.

Махра, село, находящееся въ 20 верстахъ на сѣверъ отъ посада, недалеко въ сторону (правую) отъ Угличской дороги. Поступило въ собственность монастыря, не знаемъ—когда, въ позднѣйшее время. По Переписной книгѣ 1725—28 г. и по грамотѣ Елизаветы Петровны къ нему деревни: Дмитровское, Чернцово, Аѳонасьево или Аѳонасово, Козино, Богородская.

Машкино. См. Кіясово.

Медвѣдково. Въ 1595-мъ году приложилъ въ монастырь село Медвѣдково съ деревнями старецъ монастыря (знаменитый въ свое время) Варсонофій Якимовъ. Въ настоящее время въ [23] верстахъ на сѣверо-западъ отъ посада есть [сельцо Медвѣдково села Захарьина при р. Торгошѣ и дер. Медвѣдкова села Гульнева въ 4-хъ верстахъ при прудахъ]. Можетъ быть, [первое или вторая] и есть неизвѣстное намъ точно Медвѣдково Варсонофія Якимова.

Микулинская. См. Борково.

Митино. См. Бужаниново.

Михайловское. См. Борково и Муромцево.

Мишутино, село, находящееся въ 9—10 верстахъ на сѣверъ отъ посада, близъ Угличской дороги. По Кормовой книгѣ 1592 г., дано въ монастырь Тарбѣевыми (см. Дерюзино), но когда, не сказано и не видно; можетъ быть, Андреемъ Тарбѣевымъ одновременно съ Дерюзинымъ. По Переписной книгѣ 1725—28 г. и по грамотѣ Елизаветы Петровны къ нему двѣ деревни: Васильково и Солониково.

Мишутинскія пустоши, числомъ шесть, находившіяся, не знаемъ гдѣ, по сю или по ту сторону села Мишутина, даны были въ монастырь въ 1429—1432 г. Радонежскимъ бояриномъ Василіемъ Борисовичемъ Копнинымъ.

Морозово, бывшее село, въ настоящее время деревня [прихода Хотькова монастыря?]. Дано въ монастырь въ половинѣ XV вѣка нѣкіимъ Василіемъ Олферьевичемъ („вичъ" заставляетъ предполагать боярина). Называется селомъ до конца XVI в., во второй половинѣ XVII в.—деревня. По грамотѣ Елизаветы Петровны—деревня села Кѣсова. [Въ 7 верстахъ отъ посада].

Муромцево, село, принадлежавшее къ числу такъ называемыхъ Ворскихъ монастырскихъ селъ, находящееся въ 22 верстахъ къ югу, юго-востоку отъ посада, на рѣчкѣ Плаксѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ рѣки Вори. Или далъ село въ монастырь въ 1474 г. вел. князь Иванъ Васильевичъ въ обмѣнъ на земли, которыя взялъ у монастыря къ своему селу Воздвиженскому (вымѣнявъ въ свою очередь у митр. Филиппа), или оно есть переименованное село Конотеребово, о которомъ см. выше. По грамотѣ Елизаветы Петровны къ нему деревни: Лукьянцово, Косково, Михайловское, Никольское прежнихъ грамотъ.

Мѣхово. См. Юдино.

Назарьевская, деревня Глинковскаго прихода, поступила въ собственность монастыря при преп. Никонѣ до 1425 г..

Наугольное. См. Глинково и Зубачево.

Несвѣтаево. См. Выпуково.

Никольская. См. Борково.

Никольское, бывшее однимъ изъ монастырскихъ такъ называемыхъ Ворскихъ селъ, находится на самой рѣкѣ Ворѣ, въ 18 верстахъ на югъ отъ посада. Куплено въ монастырь игуменомъ Мартиніаномъ у нѣкоего Григорья Ѳедоровича. Въ грамотѣ Елизаветы Петровны: Михайловское, Никольское прежнихъ грамотъ, есть деревня села Муромцева.

Новленская. По грамотѣ Елизаветы Петровны деревня къ Хотьковскому монастырю. [Нынѣ деревня села Іевлева, въ 19 верстахъ отъ посада].

Новая. См. Юдино.

Обрамово. См. Глинково.

Орлово. См. Юдино.

Палиносово. См. Бужаниново.

Панино, иначе **Княжое,** село находившееся за Ильинской слободой

посада, по горѣ надъ слободкой, которая называется Подпанинымъ и которая—при выходѣ изъ посада къ Хотькову. Вел. кн. Василій Васильевичъ Темный промѣнялъ его монастырю въ 1456—62 г.. Въ 1586 г.—село съ деревнями. Въ 1587 г.—деревня (если только не другое Панино). Въ 1623—24 г.—пустошь. Въ 1641 г.—пустошь, на которой была монастырская пашня.

Пашково. См. Глинково.

Петровское, [Петрищево?], одно изъ Ворскихъ монастырскихъ селъ, находящееся въ 24 верстахъ на юго-востокъ отъ посада, на дорогѣ изъ него въ Богородскъ. Дано въ монастырь въ 1423—24 г. Окулиной Ѳедоровой, женой Валуева.

Плясцево, бывшее село и сельцо, находившееся на востокъ отъ монастыря по дорогѣ къ Александрову, получившее названіе отъ служилаго человѣка Василія Плясца, сына Якова Воронина, приложенное монастырю въ 1423—1424 г.. Въ 1536 г.—село. Въ 1562 г.—сельцо. Въ настоящее время не существуетъ.

Плищево. См. Зубачево.

Погорѣлка. См. Дерюзино.

Погостъ. См. Юдино.

Поддубье, село, находившееся въ 2 верстахъ отъ посада по дорогѣ къ Хотькову монастырю. На одной лаврской рукописи XVI вѣка подписано, что она дана „попу села новаго приселка Поддубнаго на престолъ преподобному Сергѣю игумену, Радонежскому чюдотворцу". Въ 1638 г. села уже не существовало, а была только церковная земля Николая чудотворца, что въ Поддубьѣ. Впрочемъ, если въ XVI в. село и принадлежало монастырю, то остававшаяся отъ него въ XVII вѣкѣ земля не принадлежала ему, а принадлежала патріаршей каѳедрѣ, у которой иногда монастырскія власти и брали землю на оброкъ.

Подсосенье, село, находящееся на рѣкѣ Торгошѣ, въ 7 верстахъ на юго-востокъ отъ посада. Въ 1432—43 г. даны были въ монастырь Иваномъ Аѳанасьевичемъ Галинымъ, сыномъ Аѳанасія Елизаровича (см. Аѳанасово) два селища, на одномъ изъ которыхъ до 1462—1466 г. и было поставлено новое или возобновлено прежде существовавшее село подъ именемъ Богородицкаго, ставшее называться потомъ Богородицкимъ подъ сосною и просто Подсосеньемъ. Между 1536—1559 гг. при церкви села устроился женскій монастырь, который въ 1598 г. получилъ отъ царя Бориса Ѳедоровича Годунова жалованье или ругу (годовую) на 31 старицу, считая съ игуменьей. При осадѣ Троицкаго монастыря Поляками Подсосенскій монастырь былъ раззоренъ. Послѣ Поляковъ было возобновлено село безъ монастыря, для котораго архим. Діонисіемъ въ 1616 г. была поставлена деревянная церковь. Архимандритъ Ѳеодосій 2-й, бывшій до монашества священникомъ села Подсосенья, на мѣсто Діонисіевой церкви поставилъ двѣ своихъ деревянныхъ церкви,—въ 1671 г. во имя Успенія Божіей Матери и потомъ другую во имя Николая чудотворца. Изъ этихъ двухъ церквей, къ тридцатымъ годамъ XIX-го столѣтія оказывавшихся ненадоб-

ными въ селѣ, такъ какъ въ немъ была поставлена каменная церковь (въ 1827 г.), Успенская перенесена въ 1844 г. въ Геѳсиманскій скитъ, а Никольская, бывъ тогда же разобрана, употреблена была, на сколько осталось въ ней здороваго лѣса, на дополненіе матеріала по устройству Успенской церкви на новомъ мѣстѣ. По грамотѣ Елизаветы Петровны къ нему одна деревня—Чарково или Чирково. О проживаніи въ Подсосенскомъ монастырѣ королевы Маріи Владимировны и Ксеніи Борисовны Годуновой мы говорили выше.

Поддушкино. См. Кіясово.

Полушкино. См. Кіясово.

Попова. См. Борково.

Посевьево. См. Константиновское.

Прикащиково. См. Константиновское.

Пупки. Одно изъ Ворскихъ монастырскихъ селъ, упоминаемое подъ 1481 г., въ настоящее время, если не ошибаемся, не существующее.

Путилово, одно изъ Ворскихъ монастырскихъ селъ, находящееся на рѣкѣ Ворѣ, въ 20 верстахъ отъ посада. Или дано въ монастырь въ первой четверти XV вѣка или въ это же время возникло на купленной преп. Никономъ землѣ. Въ 1586 г.—село съ деревнями. Въ 1623 г.—деревня. По грамотѣ Елизаветы Петровны, какъ и въ настоящее время,—деревня села Боркова.

Пышковское. См. Зубачево.

Рахманово (Рахманцово), село, находящееся на Московскомъ шоссе, при рѣчкѣ Сумерѣ, въ 18 верстахъ отъ посада. Куплено преп. Никономъ, подъ именемъ села Нефедьевскаго, у нѣкоего Алексѣя Никитина сына Рахманова и по прежнему владѣтелю и стало называться Рахмановымъ. Въ Переписной книгѣ 1725—28 г. и въ грамотѣ Елизаветы Петровны деревень къ селу не показано.

Редриковы горы. См. Бужаниново.

Ре(ѣ)занцы (Рязанцы), село, потомъ деревня на Московскомъ шоссе, въ 9 верстахъ отъ посада. Упоминается въ числѣ монастырскихъ селъ подъ 1481 г. Въ 1504 г.—село. По грамотѣ Елизаветы Петровны деревня села Городка.

Репехово (Репихово). По Писцовой книгѣ 1587 г.—сельцо. По Переписной книгѣ 1725—28 г. и по грамотѣ Елизаветы Петровны—деревня села Городка. [Въ 12 верстахъ отъ посада].

Рогачево, находящееся на Ярославскомъ шоссе, въ 12 верстахъ отъ посада, въ половинѣ XVII в.—село, въ настоящее время деревня села Сваткова.

Рябинино. См. Сватково.

Сватково, село, находящееся на Ярославскомъ шоссе, въ 9 верстахъ отъ посада. Нѣкто Иванъ Сватко отдалъ преп. Никону за долгъ въ 10 рублей три свои пустоши и на одной изъ этихъ пустошей и явилось село, которое по имени прежняго владѣтеля пустоши стало носить названіе сначала Сватковскаго, а потомъ Сваткова и о которомъ уже подъ

1439-мъ годомъ говорится: „Сватьковское (село) з деревнями". По Переписной книгѣ 1725—28 г. и по грамотѣ Елизаветы Петровны къ нему двѣ деревни: Рогачево и Игнатьево (въ настоящее время шесть деревень; кромѣ Рогачева и Игнатьева, обыкновенно называемаго Игнатовымъ, еще: Семенково, Козицыно, Топорково и Рябинино). Извѣстно, что въ селѣ Сватковѣ вмѣстѣ съ селомъ Рогачевымъ имѣлъ свою квартиру королевичъ Владиславъ, когда послѣ его неудачнаго подступа подъ монастырь, велись переговоры о мирѣ, заключенномъ потомъ въ Деулинѣ 1 декабря 1618 г..

Семенково. См. Сватково.

Скнятиново (Снятиново), село, въ 1450 г. принадлежало нѣкоему Ивану Петелину; вскорѣ послѣ сего, до 1478 г., приложено въ монастырь Петромъ Игнатьевичемъ Морозовымъ. По грамотѣ Елизаветы Петровны къ нему одна деревня Гидѣево, бывшее сельцо Едигѣево.

Слабнево, прежде сельцо, въ настоящее время деревня Дерюзинскаго прихода. Получило названіе отъ его владѣтеля Григорія Слабня, сына Якова Воронина. Поступило въ монастырь при преп. Никонѣ въ 1423—24 г..

Слатино. См. Слотино.

Слободка. См. Бужаниново.

Слотино (Слатино), село, находящееся въ 15—16 верстахъ отъ посада, по Александровской дорогѣ. Дано въ монастырь около 1453 г. вел. кн. Василіемъ Васильевичемъ, по приказу его матери вел. кн. Софіи, вмѣстѣ съ Чечевкинымъ и съ другими Кинельскими (за Троицей къ Александрову былъ Кинельскій станъ Переяславскаго уѣзда) селами княгини.

Смятьево. См. Выпуково.

Солониково. См. Мишутино.

Сорокино. См. Выпуково.

Степково. См. Глинково.

Тарбинское. См. Константиновское.

Тарбѣево, бывшее село, находившееся въ 4 верстахъ отъ Зубачева, надъ озеромъ Тарбѣевымъ. Дано было въ монастырь, вѣроятно, тѣмъ Андреемъ Тарбѣевымъ, которымъ дано было Дерюзино. Существовало какъ будто еще въ 1764 г., хотя въ грамотѣ Елизаветы Петровны и не упоминается. Когда прекратило существованіе, остается неизвѣстнымъ. Въ 1764-мъ году при отобраніи у монастырей вотчинъ лаврѣ дано было при ея Тарбѣевскомъ конномъ заводѣ, въ лугу къ озеру, шесть съ долями десятинъ сѣнокосной земли (въ число тѣхъ 30-ти десятинъ, которыя предположено было намѣрять лаврѣ вмѣстѣ съ архіерейскими домами для выгона скота).

Титково. См. Крестешники.

Топорково. См. Выпуково и Сватково.

Тураково, бывшее село, теперь деревня села Подсосенья, находящаяся въ 5 верстахъ на востокъ отъ посада. Дано въ монастырь въ 1535 г., во время малолѣтства Ивана Васильевича Грознаго, по приказу его отца Василія Ивановича. Въ 1618 г. было еще селомъ; въ 1623—24 г.—деревня, что было сельцо, съ 2 дворами крестьянскими и 7 дворами бобыльскими.

По грамотѣ Елизаветы Петровны—деревня Глинковскаго прихода (пришедши изъ-подъ Москвы подъ Троицкій монастырь, королевичъ Владиславъ имѣлъ первую остановку въ селѣ Тураковѣ, и здѣсь, по словамъ Палицына, сильно перепугался со всѣми своими Поляками, услышавъ благовѣстъ въ монастырѣ къ воскресной всенощной).

Усово, деревня, упоминаемая уже во времена преп. Никона, находившаяся на рѣчкѣ Корбушкѣ. По Писцовой книгѣ 1684 г. и по грамотѣ Елизаветы Петровны—Глинковскаго прихода, неизвѣстно—когда переставшая существовать послѣ 1752 г. (луговина на правой сторонѣ желѣзной дороги по переѣздѣ врага Корбушки, по всей вѣроятности, представляетъ собою дворину нашей деревни).

Устиново—Евплово. См. Глинково.

Филимоново. См. Глинково.

Филипково. См. Зубачево.

Чарково. См. Подсосенье.

Чемоданово, по Писцовой книгѣ 1587 г.—деревня, по Писцовой книгѣ 1623—24 г.—пустошь. Находилась гдѣ-то недалеко отъ посада на сѣверъ или сѣверо-западъ. Поляки при осадѣ монастыря имѣли въ ней одну изъ своихъ заставъ.

Чечевкино, Чечевкина слободка, первоначально село, потомъ деревня. О дачѣ его въ монастырь около 1453 г. см. Слотино. Теперь деревня Слободка Бужаниновскаго прихода.

Чернецкое. См. Константиновское.

Чернцово. См. Махра.

Чирково. См. Подсосенье.

Чурилково. См. Бебяково и Благовѣщенское.

Шарапово [Торопово на картѣ стр. 342 ?] село находящееся въ [14—15 ?] верстахъ на юго-востокъ отъ посада. Дано нѣкіимъ Андреемъ Шараповымъ игумену Зиновію (сначала—Шараповское). Въ 1592 г. при церкви села жили старицы. По Переписной книгѣ 1725—28 г. и по грамотѣ Елизаветы Петровны къ селу деревни: Алексѣево (Алексѣевская), Шильцы, Ляпино.

Шильцы. См. Шарапово.

Шубино. См. Юдино.

Юдино, село, находящееся въ 16-ти верстахъ на сѣверъ отъ посада, на Угличской дорогѣ. Когда поступило въ собственность монастыря, не имѣемъ свѣдѣній. Въ грамотѣ Елизаветы Петровны говорится о немъ: „въ Мишутинѣ стану селцо Орлово, что была деревня Іюдкина, а по прежней ревизіи село Юдино". По Переписной книгѣ 1725—28 г. къ селу деревни: Шубино, Мѣхово, Личкино, Козлово, Зубцово, Новая, Погостъ, Борошково; по грамотѣ Елизаветы Петровны—только четыре первыя.

Язвецово. См. Выпуково.

Ѳедоровское, одно изъ бывшихъ Ворскихъ монастырскихъ селъ. Куплено игуменомъ Мартиніаномъ вмѣстѣ съ селомъ Никольскимъ у нѣкоего Григорья Ѳедоровича. По грамотѣ Елизаветы Петровны и въ настоящее время—деревня села Боркова.

Ѳедоровское. См. Выпуково.

XIII.

Осада лавры Поляками.

Осада Поляками составляетъ знаменитѣйшее событіе въ исторіи лавры. Поэтому мы скажемъ о ней нарочито и подробно. Главный источникъ свѣдѣній объ осадѣ составляетъ нарочитое сказаніе о ней, принадлежащее Аврамію Палицыну (знаменитому келарю Троицкаго монастыря съ 1608-го по 1620-й годъ).

7-го января 1598-го года скончался царь Ѳедоръ Ивановичъ, не оставивъ наслѣдниковъ, и съ нимъ прекратился царскій домъ племени Рюрикова. 17-го февраля того же года былъ избранъ въ цари Борисъ Ѳедоровичъ Годуновъ. Въ началѣ 1604-го года объявился въ Польшѣ самозванецъ, а въ октябрѣ того-же года онъ вступилъ въ Россію. 13 апрѣля 1605-го года внезапно скончался Борисъ Ѳедоровичъ Годуновъ и его мѣсто занялъ сынъ его Ѳедоръ Борисовичъ. 1-го іюня 1605-го года Москва объявила себя за самозванца, Ѳедоръ Борисовичъ былъ сведенъ съ престола и спустя 10-ть дней былъ вмѣстѣ съ матерію убитъ. 20-го іюня того же года самозванецъ вошолъ въ Москву. 17-го мая 1606-го года самозванецъ былъ убитъ, а 19-го мая избранъ былъ въ цари князь Василій Ивановичъ Шуйскій. Въ самомъ непродолжительномъ времени послѣ избранія Шуйскаго въ цари поднялъ противъ него знамя возстанія во имя спасшагося будто бы отъ смерти самозванца князь Григорій Шаховской, примѣру котораго скоро послѣдовалъ Иванъ Болотниковъ. 1-го августа 1607-го года явился въ Стародубѣ новый самозванецъ. 1-го іюня 1608-го года второй самозванецъ пришелъ подъ Москву и расположился станомъ въ принадлежавшемъ Троицкому монастырю селѣ Тушинѣ, находящемся въ 12-ти верстахъ на сѣверо-западъ отъ Москвы по Волоколамской дорогѣ. Войсками втораго самозванца, Тушинскаго царика или Тушинскаго вора, и былъ осаждаемъ Троицкій монастырь, каковая осада начата была черезъ четыре безъ семи дней мѣсяца послѣ прибытія самозванца подъ Москву.

Впрочемъ, рѣшеніе овладѣть лаврою принадлежало не столько самому самозванцу, сколько одному изъ его воеводъ—Петру Сапѣгѣ. Янъ-Петръ-Павелъ (у русскихъ: Петръ Павловичъ) Сапѣга, каштеляновичъ Кіевскій,

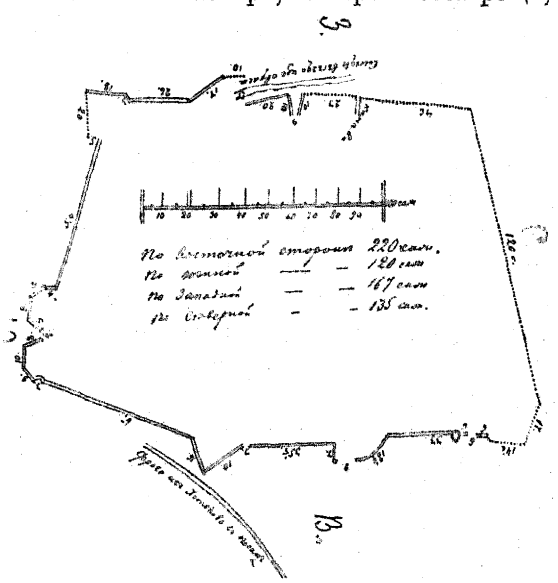
староста Усвятскій и Керепетскій, происходившій изъ весьма знатнаго Польскаго (собственно—Литовскаго) рода Сапѣгъ, племянникъ или двоюродный братъ тогдашняго знаменитаго канцлера Литовскаго Льва Сапѣги, надѣленный хорошими военными способностями, но съ наклонностями въ достаточной мѣрѣ разбойничьими, будучи увлекаемъ жаждой приключеній и упражненій въ грабительствѣ, для чего наше отечество представляло тогда такое прекрасное поприще, пришелъ къ самозванцу въ Тушино съ 7-ю тысячами навербованнаго имъ войска болѣе или менѣе вскорѣ послѣ того, какъ самозванецъ основался въ немъ станомъ (въ концѣ августа 1608-го года). Пробывъ при самозванцѣ дней около 20-ти и тяготясь его бездѣятельностію, а также бывъ побуждаемъ и своей враждой съ его гетманомъ (главнымъ воеводой) княземъ Романомъ Рожинскимъ, Сапѣга рѣшился отдѣлиться отъ него и самостоятельно начать завоеваніе замосковной, сѣверной Руси. Первую крѣпость на сѣверъ отъ Москвы представлялъ собою Троицкій монастырь, и Сапѣга рѣшилъ начать свои завоеванія съ послѣдняго. Конечно, онъ могъ бы и обойдти монастырь, не трогая его. Но Поляка привлекала слава о великихъ богатствахъ монастыря, которыя молва представляла, конечно, и несравненно бо́льшими, нежели каковы они были въ дѣйствительности, между тѣмъ какъ взятіе монастыря казалось дѣломъ сравнительно легкимъ. Съ другой стороны, чрезъ взятіе монастыря произведено было бы чрезвычайно важное нравственное впечатлѣніе на сѣверныхъ Русскихъ: если бы монастырь достался въ руки самозванца, то сѣверными Русскими, которые смотрѣли на монастырь какъ на свою величайшую святыню, это могло быть понято—одними какъ знакъ того, что Богъ отступается отъ нихъ и повергло бы ихъ въ отчаяніе, при которомъ уже не можетъ быть мужества въ сопротивленіи; другими—какъ свыше сдѣланное приглашеніе признать самозванца истиннымъ Димитріемъ и своимъ царемъ. Наконецъ, имѣлось въ виду и то очень важное, чтобы занятіемъ Троицкаго монастыря загородить дорогу къ столицѣ изъ сѣверной Россіи. Къ Сапѣгѣ для овладѣнія Троицкимъ монастыремъ присоединился Александръ Лисовскій. Лисовскій (Янъ-Александръ, у Русскихъ—Александръ Ивановичъ), явившійся къ самозванцу изъ Польши нѣсколько ранѣе Сапѣги и еще до прихода его подъ Москву, какъ извѣстно, представлялъ собою идеалъ отчаяннаго наѣздника: рыща въ своихъ разбойничьихъ набѣгахъ съ невѣроятною быстротою, онъ успѣлъ исходить съ шайками своихъ головорѣзовъ всю сѣверную Русь, такъ что трудно указать въ ней мѣсто, гдѣ бы онъ не побывалъ.

Сапѣга принялъ намѣреніе идти подъ Троицкій монастырь, когда Лисовскій производилъ свои опустошенія во Владимирской губерніи. Приглашенный Сапѣгой возвратиться въ Тушино, онъ шолъ отъ Переяславля мимо Троицы и при семъ выжегъ село Клементьево, что̀ было предостереженіемъ для Троицкихъ обитателей готовиться къ бѣдамъ. Царь Василій Ивановичъ Шуйскій хорошо долженъ былъ понимать, что потеря Троицкаго монастыря была бы для него великимъ несчастіемъ и поэтому онъ принималъ свои мѣры, чтобы не допустить ея. Когда самозванецъ утвер-

дился въ Тушинѣ, явилось полное основаніе опасаться, что онъ захочетъ овладѣть Троицкимъ монастыремъ, хотя бы ради только сокровищъ монастыря. Въ виду такого опасенія царь послалъ въ монастырь свой, хотя и не особенно большой, гарнизонъ, подъ начальствомъ двухъ осадныхъ воеводъ—князя Григорія Борисовича Долгорукаго и Алексѣя Ивановича Голохвастова. Когда Сапѣга и Лисовскій двинулись подъ монастырь для его взятія, царь посылалъ, было, перехватить имъ дорогу свое войско подъ начальствомъ своего брата Ивана. Войско это настигло непріятелей и вступило съ ними въ бой между селомъ Воздвиженскимъ и деревнею Рахмановымъ, въ 14—15-ти верстахъ отъ Троицы, но было на голову ими разбито.

Подъ монастыремъ Сапѣга и Лисовскій явились 23-го сентября 1608-го года, на канунъ кануна памяти преподобнаго Сергія. Когда войско непріятельское показалось и остановилось на Клементьевскомъ полѣ, монастырскій гарнизонъ въ составѣ частей конной и пѣшей сдѣлалъ противъ него вылазку, которая была очень удачна,—непріятелей многихъ перебили и переранили, а сами возвратились въ монастырь безъ потери.

Сапѣга и Лисовскій начали смотрѣть, гдѣ бы имъ стать съ войсками, и, раздѣлившись, поставили два стана или табора: Сапѣга поставилъ свой станъ на юго-западъ отъ монастыря, на Клементьевскомъ полѣ; Лисовскій поставилъ свой станъ на юго-востокъ отъ монастыря, въ Терентьевой рощѣ, каковымъ именемъ называлась нынѣшняя Вознесенская слобода отъ шоссе до желѣзной дороги и вообще до поля. Станы устроены были такъ, что извѣстныя площади земли были окружены валами, на которыхъ были поставлены остроги или заборы изъ стоячихъ заостренныхъ бревенъ и что въ нихъ подѣланы были „крѣпости многія“, неизвѣстно—въ чемъ именно состоявшія. Для жилья, конечно, подѣланы были въ острогахъ мазанки, бараки (Палицынъ называетъ ихъ жилищами,—гл. 36, давая образомъ выраженія знать, что это не были совсѣмъ плохія лачуги). Нѣкоторый остатокъ отъ стана Сапѣгина сохранился до настоящаго времени,—это остатокъ вала, который былъ подъ острогомъ[1]. Отъ стана Лисовскаго не сохранилось



Остатокъ вала стана Сапѣгина.

[1] Остатокъ вала находится въ полуверстѣ на юго-западъ отъ посада, подлѣ старой или грунтовой Хотьковской дороги. По формѣ или фигурѣ своей

никакого слѣда; онъ находился надъ рѣчкой и долженъ быть полагаемъ около полотна желѣзной дороги. Избравъ мѣста для становъ, Сапѣга и Лисовскій заняли всѣ дороги къ монастырю своими заставами или сторóжами (кордонами) такъ, чтобы нельзя было ни войдти въ него, ни выйдти изъ него (заставы представляли изъ себя маленькіе острожки, и валъ отъ острожка одной заставы уцѣлѣлъ до настоящаго времени, это—верстахъ въ полуторыхъ—двухъ на сѣверо-западъ отъ монастыря, подлѣ дороги въ деревню Бобяково).

Осажденные въ свою очередь начали готовиться къ осадѣ. Прежде всего предали огню находившіяся вокругъ монастыря слободы и монастырскія службы, чтобы ими не воспользовались для осадныхъ цѣлей непріятели[1]. Затѣмъ, воеводы князь Долгорукій и Голохвастовъ, совмѣстно съ архимандритомъ Іоасафомъ и соборными старцами, привели всѣхъ (воеводы начавъ съ самихъ себя) у раки преподобнаго Сергія къ крестному цѣлованію, изъ дворянъ и изъ монаховъ выбрали головъ или начальниковъ, раздѣлили между ними монастырскія стѣны и башни и ворота, чтобы всякій изъ нихъ зналъ свой участокъ и свое мѣсто и заботился обо всемъ, что нужно для обороны, чтобы производили они пальбу по осаждающимъ изъ стѣнной артиллеріи, а со стѣны не сходили ни для какой другой службы, а для вылазокъ и „въ прибавку“ (въ запасъ, въ резервъ) и къ „приступнымъ мѣстамъ“, т. е. въ наиболѣе опасныя мѣста стѣны назначили особыхъ людей. Вмѣстѣ съ назначеніемъ людей, которые бы производили по осаждающимъ артиллерійскую пальбу, устроили и самую артиллерію: разставили ее по всѣмъ башнямъ и во всѣхъ трехъ бояхъ башенъ—верхнемъ, среднемъ и подошвенномъ. Всенощное бдѣніе подъ праздникъ преподобнаго Сергія совершено было среди всеобщаго плача и рыданія. Одному священноиноку, по имени Пимену, было въ эту ночь видѣніе: молился онъ въ своей кельѣ всемилостивому Спасу и пречистой Богородицѣ, и вдругъ оконце его келліи освѣтилъ свѣтъ; посмотрѣлъ онъ на монастырь и видитъ—свѣтло какъ пожаръ, такъ что подумалъ, не зажгли ли монастырь непріятели; вышедши на крыльцо кельи, онъ увидѣлъ надъ главою церкви живоначальной Троицы огненный столпъ, простиравшійся въ высоту до тверди небесной. Ужаснувшись страшному видѣнію, Пименъ позвалъ другихъ многихъ монаховъ и мірянъ, которые всѣ и видѣли знаменіе. Спустя немного времени столпъ началъ опускаться и свился въ одно мѣсто, какъ огненное облако, и вошолъ окномъ, которое надъ (южными) дверями, въ церковь пресвятыя Троицы.

представляетъ не совсѣмъ правильный четвероугольникъ. Обнимая значительно большую площадь, имѣетъ длины: на восточной сторонѣ—220 саженъ, на западной—167 саженъ, на сѣверной—135 саженъ, на южной—120 саженъ [см. рисунокъ выше на 357 страницѣ].

[1] Но должно думать, что предали огню не все сполна, ибо послѣ, какъ говорится въ одномъ актѣ, осажденные посылали изъ монастыря по кормъ на гумна и за воловню,—Акт. Ист. т. II, № 182, стр. 212.

Прежде чѣмъ начинать осаду монастыря, Сапѣга и Лисовскій рѣшили попытать, не будетъ ли сданъ имъ монастырь воеводами и монахами безъ осады. Съ этою цѣлію на шестой день послѣ прихода подъ монастырь, 29-го сентября, они прислали въ монастырь двѣ грамоты—одну воеводамъ, другую—архимандриту Іоасафу. Въ грамотѣ къ воеводамъ Сапѣга и Лисовскій писали: „покоритесь великому государю вашему царю Дмитрею Ивановичу, сдайте намъ градъ, (и) зѣло пожаловани будете отъ государя царя Дмитрея Ивановича; аще ли не сдадите, да вѣсте, яко на то есмя пришли, (что) не взявъ града прочь не отъити; аще сдадите градъ Троицкій монастырь, и мы вамъ пишемъ царскимъ словомъ и со всѣми избранными паны заистинствуемъ (удостовѣряемъ), яко не токмо во градѣ Троицкомъ намѣстники будете отъ государя нашего и вашего прироженнаго, но и многіе грады и села въ вотчину вамъ подастъ; аще ли не сдадите намъ града, а дастъ Богъ возмемъ его, то ни единъ отъ васъ во градѣ милости отъ насъ не узритъ, но умретъ злѣ". Архимандриту Іоасафу Сапѣга и Лисовскій писали: „И ты, святче Божій, старѣйшино мнихомъ, архимандритъ Іоасафъ, попомните жалованіе царя и великаго князя Ивана Васильевича всея Русіи, какову милость и ласку стяжалъ къ Троицкому Сергіеву монастырю и къ вамъ мнихомъ великое жалованіе, а вы беззаконники все то презрѣли, забыли есте сына его государя царя Дмитрея Ивановича, а князю Василью Шуйскому доброхотствуете и учите во градѣ Троицкомъ воинство и народъ весь сопротивъ стояти государя царя Дмитрея Ивановича и его позорити и псовати (ругать) неподобно, и царицу Марину Юрьевну, также и насъ. И мы тебѣ, святче архимаритъ Іасафъ, засвидѣтельствуемъ и пишемъ царскимъ словомъ: запрети попомъ и прочимъ мнихомъ, да не учатъ воинства не покарятися царю Дмитрею, но молити за него Бога и за царицу Марину, и намъ градъ отворите безъ всякія крови. Аще ли не покоритеся и града не сдадите, и мы заразъ (тотчасъ, весьма скоро) взявъ замокъ вашъ и васъ беззаконниковъ всѣхъ порубаемъ (порубимъ, предадимъ смерти)".

Воеводы и архимандритъ Іоасафъ съ соборнаго приговора со старцами и дворянами и всѣми воинскими людьми отвѣчали Сапѣгѣ и Лисовскому: „Да вѣсть ваше темное державство, гордіи начальницы Сапѣга и Лисовскій и прочая ваша дружина: вскую насъ прельщаете Христово стадо православныхъ христіанъ. Богоборцы, мерзость запустѣнія, да вѣсте, яко и десяти лѣтъ христіанское отроча въ Троицкомъ Сергіевѣ монастырѣ посмѣется вашему безумному совѣту. А о нихже есте къ намъ писасте, мы сія пріемше оплѣвахомъ: кая бо польза человѣку возлюбити тму паче свѣта и преложити истину на лжу и честь на безчестіе и свободу на горькую работу? Како же вѣчную оставити намъ святую истинную свою православную христіанскую вѣру греческаго закона и покоритися новымъ еретическимъ закономъ отпадшимъ христіанскія вѣры, иже прокляти быша отъ четырехъ вселенскихъ патріарховъ? Или кое пріобрѣтеніе и почесть, еже оставити намъ своего православнаго государя царя и покоритися ложному врагу и вамъ—латынѣ иновѣрнымъ и быти намъ яко жидомъ или

горши сихъ: они бо жидове не познавше Господа своего распяше, намъ же, знающимъ своего православнаго государя, подъ их-же царскою христіанскою властію отъ прародителей нашихъ родихомся въ виноградѣ истиннаго пастыря Христа, како оставити намъ повелѣваете христіанскаго царя и ложною ласкою и тщетною лестію и суетнымъ богатствомъ прельстити насъ хощете? Но ни всего міра не хощемъ богатства противу своего крестнаго цѣлованія".

Отвѣтъ воеводъ и архимандрита, который главнымъ образомъ есть отвѣтъ послѣдняго съ соборными старцами и всѣми монахами, указываетъ намъ на тотъ особенный взглядъ архимандрита и монаховъ на дѣло, по которому немыслимо было, чтобы они согласились предать монастырь Сапѣгѣ и Лисовскому. Архимандритъ и монахи видѣли въ Сапѣгѣ и Лисовскомъ не только слугъ самозванца, ложнаго царя, но и проклятыхъ еретиковъ—латинянъ, и главнѣйшимъ образомъ вторыхъ, чѣмъ первыхъ, такъ что предать имъ монастырь значило бы не только допустить измѣну политическую, но и оставить святую истинную свою православную вѣру греческаго закона, съ тѣмъ, чтобы покориться новымъ еретическимъ законамъ отступниковъ отъ христіанскія вѣры,—значило бы предать гробъ великаго чудотворца Сергія на поруганіе врагамъ православной вѣры. Это послѣднее немыслимо было со стороны монаховъ; а поэтому немыслимо было и то, чтобы они захотѣли предать монастырь Сапѣгѣ и Лисовскому.

Получивъ отвѣтъ воеводъ и архимандрита, Сапѣга и Лисовскій приступили къ осадѣ монастыря.

Число осаждающихъ было очень велико, число осажденныхъ очень мало. Однако должно быть признано, что число первыхъ, которое показывается у Палицына и которое иными принимается, весьма преувеличено. У Палицына показывается, что осаждающихъ было до 30 тысячъ человѣкъ, кромѣ черни, т. е. черной, навербованной изъ мужиковъ, прислуги, и кромѣ полоняниковъ или плѣнниковъ, подъ которыми не совсѣмъ ясно и не совсѣмъ понятно кого разумѣть. Что относительно этой огромной цыфры весьма возможны сомнѣнія, видно изъ того, что мы имѣемъ два другія показанія о числѣ осаждающихъ и что по одному изъ этихъ другихъ показаній ихъ было 21½ тысяча, а по другому—тысячъ около 10-ти[1]. Обращаясь къ дѣлу такъ сказать исторически, мы увидимъ всю основательность сомнѣній въ достовѣрности цыфры, показанной у Палицына. Лисовскій пришолъ къ самозванцу изъ Польши, какъ это мы знаемъ положительно, съ отрядомъ войска въ 700 человѣкъ; Сапѣга привелъ къ нему изъ Польши, что́ также извѣстно намъ положительно, отрядъ войска въ 7,000 человѣкъ. Вмѣсто 7,700 приведенныхъ 30,000 осаждающихъ, это будетъ излишекъ въ 22,300. Но подобный-то огромный излишекъ или подобное-то огромное увеличеніе войска Сапѣги и Лисовскаго уже въ самой Россіи, представляющее собою нѣчто совсѣмъ невѣроятное, и заставляетъ рѣшительнымъ

[1] См. Акт. Ист. т. II, № 174, I, стр. 201 col. 1, и Акт. Экспед. II, № 91, стр. 186 col 1.

образомъ сомнѣваться въ достовѣрности цыфры осаждающихъ, показанной у Палицына. Болѣе или менѣе значительное увеличеніе уже въ Россіи или въ самой Россіи войска Лисовскаго для насъ понятно. Войско это, приведенное имъ подъ Троицкій монастырь, состояло главнымъ образомъ изъ русскаго сброда—изъ дворянъ и дѣтей боярскихъ разныхъ городовъ, изъ казаковъ Запорожскихъ, Донскихъ, Волжскихъ, и прочее. Что Лисовскій скоро успѣлъ собрать около себя изъ сброда русскихъ болѣе или менѣе значительное отрёпанное или оборванное войско, въ этомъ нѣтъ ничего невѣроятнаго: онъ былъ такой во вкусѣ этого сорта людей предводитель,—такой, хотимъ сказать мы, лихой и огнёвый грабитель, что они должны были устремиться и повалить къ нему толпами. Но войско Сапѣги состояло главнымъ образомъ изъ Поляковъ и Литовцевъ, такъ что ему

вербовать себѣ солдатъ въ самой Россіи значило переманивать ихъ отъ другихъ находившихся въ Россіи Польскихъ предводителей, а чтобы онъ могъ имѣть въ семъ случаѣ сколько нибудь значительный успѣхъ, это вовсе не представляется вѣроятнымъ. Однако, если понятно для насъ быстрое увеличеніе въ самой Россіи войска Лисовскаго,—то никакъ не можемъ мы допустить, чтобы увеличеніе это,—имѣвшее при томъ мѣсто въ очень непродолжительное время пребыванія Лисовскаго въ Россіи, было такое огромное, какимъ мы должны были бы представлять его, признавая достовѣрность числа осаждающихъ, показаннаго у Палицына. Но и на содержащееся у Палицына показаніе о числѣ осаждавшихъ смотрятъ, собственно говоря, неправильно. Палицынъ не отъ себя показываетъ, что осаждавшихъ было 30,000 человѣкъ, а передаетъ показаніе плѣнныхъ Поляковъ, послѣднимъ же совершенно естественно было преувеличивать число осаждавшихъ для устрашенія осажденныхъ. Опредѣляя дѣйствительное число осаждавшихъ, мы, во первыхъ, имѣемъ тѣ 7,700 человѣкъ войска, которые приведены были Сапѣгою и Лисовскимъ изъ Польши и менѣе которыхъ число осаждавшихъ уже не могло быть. Во вторыхъ, къ 700 человѣкъ войска, приведеннаго изъ Польши Лисовскимъ мы должны прибавить болѣе или менѣе значительное количество Русскихъ, несомнѣнно приставшихъ къ Лисовскому въ Россіи. Наконецъ, мы со всею вѣроятностію должны допустить, что и къ Сапѣгѣ пристало то или другое количество Поляковъ отъ другихъ Польскихъ вождей именно для осады Троицкаго монастыря. Троицкій монастырь обладалъ большими сокровищами въ своихъ церквахъ и въ своей ризницѣ и большимъ богатствомъ въ своей казнѣ, а молва преувеличивала эти сокровища и это богатство до невѣроятной степени,—и надежда найдти въ монастырѣ, въ случаѣ его взятія, невѣроятно богатую добычу могла привлечь къ Сапѣгѣ то или другое количество Поляковъ отъ другихъ Польскихъ вождей, равно какъ и къ Лисовскому привлечь Русскихъ спеціально или нарочито для осады Троицкаго монастыря. Изъ сказаннаго нами слѣдуетъ, что число осаждающихъ должно быть полагаемо, не менѣе какъ тысячъ въ 10 человѣкъ. Думаемъ, что если между двумя помянутыми нами выше показаніями о числѣ осаждающихъ, которыя имѣемъ помимо Палицына, мы возьмемъ среднюю цыфру 15,000 человѣкъ, то будемъ болѣе или менѣе близки къ истинѣ или къ дѣйствительности. Дневникъ Сапѣги, къ сожалѣнію, не указываетъ съ точностію количества войска, которое было приведено имъ подъ монастырь, но во всякомъ случаѣ какъ будто не дозволяетъ принимать войска болѣе, нежели сколько мы принимаемъ[1], а современный лѣтописецъ Смутнаго времени Мартинъ

[1] Въ дневникѣ Сапѣги читается о количествѣ войска, приведеннаго имъ подъ Троицкій монастырь: „23-го (сентября, новаго стиля) двинулся Сапѣга отъ царскаго (т. е. самозванцева) стана и шолъ въ такомъ порядкѣ: напередъ два корнета (dwa kornety) казаковъ, по сту коней въ каждомъ корнетѣ; козацкая хоругвь (знамя) Буровскаго—сто коней; голубой пѣхоты сто (человѣкъ), Пятигорцевъ Дзевялтовскаго 150 коней; двѣ хоругви красной пѣхоты 150 (че-

Беръ именно говоритъ, что самозванецъ далъ Сапѣгѣ для осады Троицкаго монастыря 15,000 воиновъ.—Что касается до количества осажденныхъ, способныхъ носить оружіе и участвовавшихъ въ оборонѣ монастыря, то оно приблизительно должно быть полагаемо въ 2400 человѣкъ или нѣсколько менѣе. Палицынъ говоритъ, что „въ осадѣ померло старцевъ и ратныхъ людей побито и померло отъ осадныя немощи дѣтей боярскихъ и слугъ и служебниковъ и стрѣльцовъ и казаковъ и пушкарей и затинщиковъ и даточныхъ людей и служнихъ 2125 человѣкъ, кромѣ женскаго пола и недорослей и маломощныхъ и старыхъ". Затѣмъ онъ говоритъ, что царемъ было прислано изъ Москвы 60 человѣкъ казаковъ, а имъ самимъ (Палицынымъ) изъ той же Москвы 20 человѣкъ монастырскихъ слугъ, и что въ приступъ къ монастырю Поляковъ 31-го іюля 1609-го года въ послѣднемъ не было больше двухъ сотъ человѣкъ (способныхъ носить оружіе). Складывая эти цыфры, получимъ 2405 человѣкъ. Но въ числѣ старцовъ или монаховъ Палицынъ разумѣетъ не однихъ только способныхъ носить оружіе, а всѣхъ вообще. Отъ цынги, свирѣпствовавшей въ монастырѣ, которую Палицынъ въ сейчасъ приведенныхъ словахъ разумѣетъ подъ

ловѣкъ),—между ними шли пушки; полкъ гусаровъ подъ двумя хоругвями; казаковъ 250 (человѣкъ); простившись съ царемъ и царицей, Сапѣга выступилъ съ войскомъ подъ Шершеровъ замокъ (крѣпость,—Szerszerow zamek) и подъ другіе замки такимъ порядкомъ: напередъ полкъ Литовскій съ Москвой (т. е. съ Московскимъ, съ Русскимъ войскомъ) и изъ артиллеріи шесть хорошихъ пушекъ съ полукартечами,—въ полку считано 6,000 (человѣкъ); потомъ полкъ Стравинскаго—копейниковъ 500 коней; Марка Веламовскаго 700 коней; казаковъ 200 (человѣкъ); весь полкъ Сапѣги съ пушками; Микулинскаго 700 коней; казаковъ 500 (человѣкъ)". Въ дневникѣ Сапѣги, къ сожалѣнію, не обозначено, сколько было гусаровъ, и главное—изъ какого количества солдатъ состоялъ собственный его полкъ. Предполагая то, что какъ будто должно предполагать, именно—что всѣ поименованные, за исключеніемъ Литовско-Московскаго войска, состоявшаго изъ 6,000 человѣкъ и находившагося, подразумѣвается, подъ предводительствомъ Лисовскаго, вмѣстѣ съ собственнымъ полкомъ Сапѣги составляли указанныя нами 7,000 человѣкъ, которые приведены были имъ изъ Польши, получимъ, что онъ повелъ подъ Троицкій монастырь 13,000 человѣкъ (6,000 Литовско-московскаго войска и 7,000—собственнаго). Если же предполагать, что большее или меньшее количество поименованныхъ были сверхъ 7,000 человѣкъ, приведенныхъ Сапѣгой изъ Польши, и присоединились къ нему уже въ Россіи, когда онъ пошолъ подъ Троицу,—то будетъ слѣдовать, что онъ повелъ подъ монастырь болѣе 13,000 и не болѣе 15,000 человѣкъ. Дневникъ Сапѣги на польскомъ языкѣ напечатанъ въ книгѣ: Zycia Sapiehow, которая безъ имени автора, но принадлежитъ М. Когновицкому, и которая, раздѣляясь на три части, напечатана въ Вильнѣ и въ Варшавѣ въ 1790—1792-мъ году; дневникъ во второй части, стрр. 175—191, наше мѣсто—стр. 183. На русскомъ языкѣ есть „Выписка изъ дневника Московскаго похода Петра Сапѣги съ 1608 по 1611 годъ", напечатанная въ журналѣ Сынъ Отечества и Сѣверный Вѣстникъ, въ первомъ томѣ 1838-го года, стрр. 29—64; наше мѣсто—стр. 33.

осадной немощью, умерло по его—Палицына показанію 297 монаховъ (которыхъ онъ включаетъ въ приведенный счетъ) и нельзя думать, чтобы всѣ эти 297 человѣкъ были способные носить оружіе. Итакъ, осаждающихъ было около 15,000 человѣкъ, а осажденныхъ 2400 или 2300 съ чѣмъ нибудь человѣкъ. Количества были очень неравныя. Но съ осажденными былъ преподобный Сергій, который охранялъ стѣны монастыря и который и сотворилъ то чудо, что многочисленныя полчища враговъ напрасно простояли подъ монастыремъ въ продолженіе 16-ти мѣсяцевъ.

Во время осады населеніе монастыря состояло не изъ однихъ только способныхъ носить оружіе. Жители окрестныхъ селеній не полагали, чтобы Поляки стали такое продолжительное время осаждать монастырь, какъ это на самомъ дѣлѣ случилось, а надѣялись, что придутъ они, немного постоятъ и уйдутъ: поэтому, вмѣсто того, чтобы бѣжать отъ нихъ куда нибудь въ даль и куда нибудь въ глухія мѣста, они поспѣшили укрыться отъ нихъ въ монастырѣ, въ который не только привели свои семьи, но пригнали даже и скотъ[1]. Людьми и животными монастырь наполнился до того, что сталъ представлять изъ себя какъ бы ярмарку, на которой съ трудомъ движутся: „Отъ окольныхъ странъ мнози прибѣгоша,—говоритъ Палицынъ,—мнѣвше, яко вскорѣ преминется великая сія бѣда, и толика тѣснота бысть во обители, яко не бѣ мѣста праздна; мнози же человѣцы и скоты безъ покрова суще и расхищаху всяка древеса и каменіе на созданіе кущамъ, понеже осени время наста и зимѣ приближающися, и другъ друга рѣюще о вещи пометнѣй (другъ друга толкая, другъ съ другомъ ссорясь, изъ-за всякихъ пустяковъ, изъ-за всякой дряни) и всякихъ потребъ не имущимъ и всѣмъ изнемогающимъ, и жены чада раждаху предъ всѣми человѣки и не бѣ никому со срамотою своею нигдѣ же скрытися, и всяко богатство небрегомо и татьми некрадомо и всякъ смерти прося со слезами“[2].

---

[1] Мы упоминали выше, что въ монастырѣ во время его осады находилась королева Марья Владимировна, укрывшаяся отъ Поляковъ изъ Подсосенскаго монастыря. Вмѣстѣ съ Марьей Владимировной находилась въ монастырѣ Ксенія Борисовна Годунова. Въ одномъ своемъ письмѣ Ксенія Борисовна говоритъ, что при ней и подъ ея вѣдѣніемъ живутъ у Троицы „всѣ старицы“ какого-то монастыря. Подъ этимъ монастыремъ со всею вѣроятностію должно разумѣть тотъ же Подсосенскій монастырь, изъ котораго была Марья Владимировна, именно—нужно представлять дѣло такъ, что сосланная самозванцемъ въ Горицкій Воскресенскій монастырь, находящійся близъ Кириллова Бѣлозерскаго монастыря, и вызванная изъ него Шуйскимъ для перенесенія тѣлъ отца съ матерью и брата изъ Москвы къ Троицѣ, Ксенія Борисовна не возвращалась потомъ въ Горицкій монастырь, а поселилась или поселена была близъ гробовъ своихъ родныхъ въ Подсосенскомъ монастырѣ, который былъ ктиторіей ея отца.

[2] *Митр. Платонъ* въ своей Краткой церковной Россійской исторіи, не знаемъ—на чемъ основываясь, утверждаетъ вовсе невѣроятное, будто всѣхъ осажденныхъ съ женами и съ дѣтьми было пятнадцать тысячъ человѣкъ,—II, 195.

Къ сожалѣнію, Палицынъ не сообщаетъ ближайшихъ и точнѣйшихъ свѣдѣній, какъ люди устроились съ жилищами и съ пропитаніемъ себя. Питать и содержать гарнизонъ солдатъ, находившійся въ монастырѣ, и всѣхъ, кто привлеченъ былъ нести осадную службу, составляло обязанность монастыря, а что касается до остальныхъ, которые только укрывались въ монастырѣ отъ Поляковъ, то власти монастыря писали царю осенью 1609-го года[1]: „какъ и сѣли въ осадѣ, всѣ люди ѣдятъ Троецкой хлѣбъ, а своего у всякаго было мало запасено“, т. е. власти хотятъ сказать, что укрывавшіеся въ монастырѣ отъ Поляковъ и не несшіе въ немъ осадной службы сначала ѣли свой хлѣбъ, кто сколько принесъ съ собою, а когда съѣли свой хлѣбъ, питаемы были монастыремъ. Что касается до запаса хлѣба въ монастырѣ, то его было достаточно: въ сейчасъ указанномъ письмѣ къ царю власти, правда, говорятъ, что „хлѣба, ржи и муки и всякихъ запасовъ малѣетъ“, однако не жалуются на наставшую скудость, а Палицынъ прямо говоритъ, что „хлѣбомъ преизобильна была тогда обитель чудотворца“ (гл. 36).

Получивъ отвѣтъ воеводъ и архимандрита, Сапѣга и Лисовскій, какъ мы сказали, приступили къ осадѣ монастыря. Но прежде они рѣшили попытаться, не возьмутъ ли они эту монашескую крѣпость, о которой были очень невысокаго мнѣнія, безъ правильной осады и безъ дальнихъ хлопотъ однимъ приступомъ или штурмомъ. На другой день по полученіи отвѣта воеводъ и архимандрита, 30-го сентября, они предприняли этотъ приступъ или штурмъ, поведши его всѣмъ своимъ войскомъ и со всѣхъ четырехъ сторонъ монастыря. Но они мужественно отбиты были осажденными и уже послѣ сего рѣшились они начать правильную осаду, къ которой на всякій случай готовились заранѣе. Въ ночь съ 30-го сентября на 1-е октября или подъ Покровъ Богородицы они поставили противъ монастыря свой „нарядъ“ или свои артиллерійскія баттареи. Баттарей поставлены были двѣ линіи: одна съ южной стороны, съ заворотомъ на восточную, другая съ западной стороны. На южной сторонѣ были поставлены четыре баттареи: первая, начиная отъ запада, была поставлена на горѣ Волкушѣ, которая, какъ сказали мы выше, есть гора надъ Келарскимъ прудомъ съ южной стороны и на которой мѣсто баттареи должно быть полагаемо около подъёма въ Клементьевскую улицу (на планѣ Посада, приложенномъ къ книгѣ,—Успенская улица) или надъ юго-западнымъ концомъ Келарскаго пруда; вторая баттарея была поставлена подлѣ Московской дороги,—это на той же Волкушѣ, но у юго-восточнаго конца Келарскаго пруда, близъ шоссе (гдѣ домъ посадскаго училища или нѣсколько выше); третья баттарея была поставлена на Терентьевой рощѣ,—это на Вознесенской площади, ибо Терентьевой рощей называлась тогда мѣстность теперешней Вознесенской слободы, и именно, какъ нужно думать, болѣе или менѣе близко къ оврагу (можетъ быть, на мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ домъ Мемнонова, бывшій Бибикова); четвертая баттарея была поставлена

[1] См. Акт. Ист. т. II, № 240, стр. 283, col. 1.

на крутой горѣ противъ монастырской мельницы,—это гдѣ теперь Малая Вознесенская улица упирается въ шоссе, идущее къ вокзалу желѣзной дороги (на планѣ Посада, приложенномъ къ книгѣ, просто: улица Вознесенская и Вокзальная улица,—и гдѣ дома Малышева, бывшій Машинскаго, и покойнаго В. Д. Кудрявцева). На западной сторонѣ баттареи были поставлены на верху Красной горы, на которой теперь Ильинская слобода; всѣхъ было поставлено ихъ здѣсь пять и онѣ расположены были линіей отъ Келарскаго пруда до Косаго или Глинянаго врага, въ который упирается на сѣверѣ теперешняя Ильинская улица: первая отъ Келарскаго пруда баттарея—противъ Водяной башни монастырской стѣны, вторая баттарея—противъ погребовъ и Пивнаго двора и противъ келаревыхъ келей; третья баттарея—противъ келарской и противъ казенныхъ палатъ; четвертая баттарея—противъ Плотничной башни; пятая баттарея, у самаго Глинянаго врага,—противъ Конюшенной башни (находящейся уже на сѣверной сторонѣ монастыря). Впереди всѣхъ баттарей для ихъ защищенія отъ осажденныхъ они тотчасъ же поставили большіе и многіе туры, которые были заготовлены у нихъ заранѣе. Туры, именемъ которыхъ Палицынъ называетъ и самыя баттареи, суть большія цилиндрическія, бездонныя, корзины, которыя ставятся впереди артиллерійскихъ баттарей рядами и насыпаются землей: въ промежутки между корзинами стрѣляютъ въ непріятеля, а за ними укрываются отъ его выстрѣловъ (туры, съ произношеніемъ, по крайней мѣрѣ простыми саперами,—турЫ, и до сихъ поръ находятся въ употребленіи). Линію баттарей на западной сторонѣ монастыря Поляки укрѣпили и еще, а именно—выкопали впереди ихъ глубокій ровъ отъ Келарскаго пруда до Глинянаго врага, а впереди рва изъ вынятой изъ него земли сдѣлали высокій валъ. Всѣхъ орудій на девяти баттареяхъ было поставлено Поляками—63. Орудія эти были пушки и пищали (сравн. выше стр. 169).

Баттареи были поставлены Поляками на южной и на западной сторонахъ отчасти потому, что съ этихъ двухъ сторонъ представлялось удобнѣйшимъ бомбардировать монастырь, отчасти для того, чтобы ими (баттареями) прикрыть отъ нападенія осажденныхъ свои станы или свои таборы. Что касается до остальныхъ двухъ сторонъ,—восточной и сѣверной, то на первой сторонѣ они понакопали много ямъ и рвовъ, т. е. понадѣлали траншей, а вторую сторону, на которой по условіямъ ея мѣстности нельзя было поставить баттарей и надѣлать траншей, оставили, такъ сказать, въ покоѣ.

Относительно количества артиллерійскихъ орудій, какимъ вооружены были монастырскія башни или какимъ располагали осажденные, не имѣемъ прямыхъ свѣдѣній. Заключая отъ послѣдующаго времени и основываясь на частныхъ свидѣтельствахъ Палицына объ успѣшномъ дѣйствіи артиллеріи осажденныхъ противъ осаждающихъ, при чемъ онъ прямо говоритъ, о многихъ пушкахъ и пищаляхъ, должно думать, что орудій въ монастырѣ было достаточно.

3-го октября 1608-го года Поляки открыли пальбу съ своихъ баттарей

по монастырскимъ стѣнамъ или начали бомбардированіе послѣднихъ. Это бомбардированіе продолжалось потомъ въ теченіи шести недѣль до остановки военныхъ дѣйствій на зимнее время. Палицынъ пишетъ объ этомъ бомбардированіи монастыря: „мѣсяца октября въ 3-й день начаша (Поляки) бити изъ-за всѣхъ туровъ и біюще (били) по граду шесть недѣль безпрестанно изо всего наряду и изъ верховыхъ (вверхъ, навѣсно стрѣляющихъ пушекъ) разжженными (раскаленными) желѣзными ядры; обитель же пресвятыя и живоначальныя Троицы покровенна бысть десницею вышняго Бога и нигдѣ же не зажгоша: ядра бо огненныя падаху на праздные мѣста и въ пруды и въ ямы мотыльныя (которыя были тогда открытыми?), а разжженныя желѣзныя ядра изъ древяныхъ храминъ безпакостно (безъ вреда) изымающе (изымали), а ихже увязнувшихъ въ стѣнахъ не узрятъ, ти сами устываху. Но воистину убо дѣло се промыслъ бысть самого превѣчнаго Бога Вседержителя, иже творитъ преславная чудеса имиже вѣсть неизреченными своими судьбами. Сущіи же на стѣнахъ града людіе, не могуще стояти, сохраняхуся за стѣны, изо рвовъ бо и изъ ямъ (навыкопываннныхъ Поляками близъ стѣны у нихъ—Поляковъ) прицѣлены быша пищали межъ зубцовъ (стѣны), и тако людіе стояще неотступно, ждуще приступу и о семъ единѣмъ крѣпляхуся (т. е. думали только о томъ одномъ какъ отразить приступъ, если онъ послѣдуетъ); а иже въ башняхъ у наряду, и тѣмъ велика бѣда бысть отъ муки, отъ стрѣлянія бо стѣнамъ граднымъ трясущимся и каменію разсыпающуся и вси злѣ страждуще; но дивно о семъ строеніе Божіе бѣ: во время бо стрѣлянія зряще (зряху) вси плинѳы (кирпичи) разсыпающеся и стрѣльницы (башни) и стѣны сотрясаеми, по единому бо мишеню отъ утра даже до вечера стрѣляніе бываше, паки же стѣны нерушими бываху, сповѣдающе (сповѣдаху) же часто о семъ врази, яко зримъ всегда въ стрѣляніи огнь исходящь отъ стѣнъ и дивимся о семъ, что не отъ камени, но отъ глины искры сыплются. И бысть тогда во градѣ тѣснота велія и скорбь и бѣды и напасти, и всѣмъ тогда въ осадѣ сущимъ кровію сердца кипяху, но отъ полезнаго дѣла, еже наченше (начали), не преставаху, смерти же ожидаху и всяко врагомъ сопротивляхуся“...

На четвертый день послѣ начатія бомбардировки, 6-го октября, Сапѣга и Лисовскій рѣшились обратиться еще къ другому средству для овладѣнія монастыремъ, а именно—повести подъ его стѣну подкопъ, чтобы, взорвавъ часть послѣдней, открыть въ ней такую брешь, которою бы можно было войдти въ монастырь. Изъ подгорья отъ мельницы, которая находилась на нижнемъ концѣ пруда, лежавшаго ниже Пятницкой церкви (о которомъ см. выше стр. 304), Поляки повели ровъ на гору къ Краснымъ воротамъ (при чемъ воспользовались бывшими тутъ надолбами и прислоняя къ нимъ доски сыпали къ послѣднимъ вынимаемую изъ рва землю) и доведши его на гору столько, что верхній конецъ его приходился противъ круглыя наугольныя или Пятницкія башни, 12-го октября повели изъ него подкопъ или траншею (подземный ходъ) подъ сейчасъ названную башню. Отъ осажденныхъ Поляки скрывали свою работу надолбами (что̀ есть заборъ изъ стоячихъ бревенъ,—выше стр. 175), которыя были тутъ прежде или которыя они нарочно поставили сами.

Но ведя бомбардированіе монастыря и поведши подъ него подкопъ, Сапѣга и Лисовскій не оставили пытать и третье средство, бывшее самымъ надежнымъ,—это приступы къ монастырю или штурмы. Первый приступъ послѣ начатія бомбардировки имѣлъ мѣсто ночью съ 13-го на 14-е октября. 13-го октября Сапѣга устроилъ большой пиръ на все войско и весь день Поляки съ Русскими измѣнниками бѣсновались, играли и стрѣляли, а къ вечеру начали скакать на лошадяхъ, съ знаменами въ рукахъ, по всѣмъ полямъ Клементьевскимъ и по монастырскимъ вокругъ всего монастыря. Послѣ этого Сапѣга вышелъ съ своими полками изъ табора и сталъ у баттарей за земляным валомъ, что на западной сторонѣ монастыря, а полки Лисовскаго заняли мѣста въ Терентьевой рощѣ и протянулись по восточной сторонѣ монастыря до Сазанова врага, что теперь за Виѳанской и за Переяславской улицами, и черезъ Переяславскую и Угличскую дороги до Мишутина врага, который есть врагъ, отдѣляющій Кокуево отъ Штатной слободы (и о которомъ см. выше стр. 307). Между тѣмъ по монастырю была производима непрестанная пальба изъ всѣхъ баттарей. Въ первомъ часу ночи (т. е. въ первомъ часу послѣ заката солнечнаго) Поляки съ музыкой пошли со всѣхъ сторонъ на приступъ къ монастырю, имѣя съ собой лѣстницы, щиты (большіе, представлявшіе изъ себя цѣлыя стѣны съ продѣланными въ нихъ окнами для стрѣлянія, которые сколачиваемы были изъ досокъ или бревенъ и возимы были на колесахъ), и турусы рубленые на колесахъ[1],—деревянныя, болѣе или менѣе высокія башни (латинск. turris, у Грознаго подъ Казанью были башни 6-ти саженъ вышины), которыя на колесахъ подвозились къ стѣнамъ осаждаемыхъ крѣпостей, чтобы дѣйствовать съ нихъ противъ осажденныхъ (отъ этихъ башенъ, невѣроятныхъ для тѣхъ людей, которые ихъ не видали, невѣроятное—„турусы на колесахъ“; у Палицына по ошибкѣ или по незнанію имъ названія: тарасы). Но осажденные такъ искусно дѣйствовали противъ нихъ своей артиллеріей, что не дали имъ близко и подойти къ стѣнѣ и заставили ихъ ретироваться съ такою поспѣшностію, что они побросали лѣстницы, щиты и турусы, которые на другой день по утру осажденные и подобрали, чтобы употребить ихъ на дрова. Послѣ этого въ продолженіе семи дней сряду Поляки напрасно возобновляли свою попытку взять монастырь приступомъ. Въ продолженіе этихъ семи дней архимандритъ Іоасафъ со всѣмъ освященнымъ соборомъ совершалъ въ Троицкомъ храмѣ прилежныя моленія Господу Богу и Пречистой Богородицѣ и чудотворцамъ Сергію и Никону о заступленіи отъ враговъ и совершилъ по стѣнѣ монастыря крестный ходъ.

---

[1] Одинъ, взятый у Поляковъ осажденными „языкъ“ (плѣнный, захваченный съ цѣлію распросовъ) говорилъ: „видѣлъ есми: въ Лисовского полку подѣланы щиты, на четверыхъ санехъ рублены бревна вдвое, и окошка подѣлана, по окнамъ стрѣляти“,—Акт. Ист. т. II, № 181, стр. 211 col. 2.—Приступали къ городу „подъ вежами“, т. е. подъ подвижными башнями въ 1097-мъ году,—Лаврент. лѣт. 2 изд. стр. 261 fin.

Успѣшно отражая приступы враговъ, осажденные позволили себѣ дѣлать и вылазки на нихъ. Первая такая вылазка имѣла мѣсто 19-го октября или черезъ 16-ть дней отъ начала бомбардированія монастыря. Стоявшіе на монастырской стѣнѣ стражи (караульные, часовые) увидали, что Поляки пришли на капустный огородъ (не видно, на который изъ двухъ, бывшихъ подъ монастыремъ, см. стрр. 304 и 307) брать капусту и что ихъ немного; не спрашиваясь воеводъ, спустились за стѣну по веревкѣ и напавъ на Поляковъ однихъ убили, другихъ ранили. Успѣхъ этихъ своевольныхъ вылазчиковъ заставилъ воеводъ устроить формальную вылазку: устроили вылазку въ три отряда (тремя отрядами), изъ которыхъ одинъ пошолъ на капустный огородъ по плотинѣ верхняго Круглаго пруда, что̀ противъ Житничной или сѣверо-восточной угольной башни, къ Служней слободѣ, другой пошолъ на непріятельскія баттареи, что̀ на Красной горѣ, а третій пошолъ на Княжее поле за токарню и за Конюшенный дворъ (выше стрр. 307 и 366), на находившіяся здѣсь непріятельскія заставы. Когда Поляки увидали нашихъ, то сурово устремились на нихъ. Результатомъ сшибокъ во всѣхъ трехъ мѣстахъ было то, что съ обѣихъ сторонъ мнози пиша смертную чашу, при чемъ нашихъ особенно много было убито и ранено у туровъ или баттарей на Красной горѣ. Въ эту первую вылазку убѣжалъ или перебѣжалъ къ Полякамъ Троицкій монастырскій слуга Осипъ Селевинъ.

19-е октября въ 1608-мъ году было въ середу. Въ слѣдующее воскресенье, 23-го октября, явился преподобный Сергій пономарю Иринарху, когда этотъ сѣлъ опочить послѣ заутрени, и приказалъ ему возвѣстить воеводамъ и ратнымъ людямъ, что будетъ зѣло тяжкій приступъ къ Пивному двору, который находился внѣ монастыря у западной его стѣны (стр. 305—306), но чтобы они не ослабѣвали, а съ надеждою дерзали. Приступъ дѣйствительно имѣлъ мѣсто съ воскресенья на понедѣльникъ и не только къ Пивному двору, а и въ другихъ мѣстахъ. Но осаждающіе вездѣ отбиты были съ большимъ для нихъ уроно̀мъ, при чемъ не удалась имъ и ихъ попытка сжечь Пивной дворъ. На этотъ разъ осажденные между прочимъ дѣйствовали противъ осаждающихъ тѣмъ, что на подходившихъ близко къ стѣнѣ спущали съ башенъ козы съ огнемъ („съ башенъ козы со огнемъ спущающе, Литовскихъ людей многихъ побили, понеже пріидоша близь града“).

26-го октября, въ день памяти великомученика Дмитрія Солунскаго, послѣ того какъ архимандритъ совершилъ крестный ходъ по стѣнѣ монастыря и отпѣлъ соборный молебенъ, воеводы сдѣлали вылазку на Польскія заставы, находившіяся на Княжемъ полѣ и въ Мишутинскомъ оврагѣ, вообще съ сѣверной стороны монастыря. Вылазка была успѣшна, при чемъ взятъ былъ въ плѣнъ одинъ изъ завѣдывавшихъ заставами ротмистровъ, по фамиліи Брушевской. Воеводы, какъ нужно думать, уже и прежде догадывались о томъ, что Поляки ведутъ подъ монастырь подкопъ, ибо трудно допустить, чтобы въ продолженіе 20-ти дней они не замѣтили копанія Поляками рва и траншеи, какъ бы послѣдніе ни таились съ сво-

ими работами. Брушевской тотчасъ же былъ подвергнутъ распросу, и „въ распросѣ и съ пытки“ сказалъ, что дѣйствительно ведутъ Поляки подкопъ подъ монастырскую стѣну и подъ башни; но что касается до мѣста, куда ведутъ подкопъ, то или не могъ или не хотѣлъ указать его и отозвался незнаніемъ.

Получивъ достовѣрныя свѣдѣнія, что Поляками ведется подъ монастырь подкопъ, воеводы тотчасъ же озаботились принятіемъ мѣръ къ тому, чтобы открыть, куда именно ведется подкопъ, и чтобы пресѣчь ему путь въ томъ его предполагаемомъ направленіи, которое признавалось наиболѣе вѣроятнымъ. Съ первою цѣлію поручили Троицкому слугѣ, по имени Власу Корсакову, который былъ весьма искусенъ въ саперномъ дѣлѣ, копать землю подъ башнями и въ стѣнныхъ печурахъ (см. выше стр. 163) и дѣлать частые слухи (ямы или колодези, въ которыхъ бы выслушивать подземныя работы непріятеля). Со второю цѣлію, а именно—чтобы пресѣчь подкопу предполагаемый путь къ Красной башнѣ святыхъ воротъ, приказали выкопать поперегъ Красной площади, отъ Служней слободы къ монастырю, глубочайшій ровъ (который, какъ необходимо думать, выкопанъ былъ многими людьми заразъ, въ одну ночь, ибо долго копать ровъ Поляки, конечно, не дали бы). 1-го ноября была сдѣлана осажденными вылазка, какъ нужно думать, съ цѣлію захватить „языковъ“ или плѣнныхъ, отъ которыхъ бы узнать, куда ведется подкопъ. Но вылазка окончилась весьма несчастливо: Троицкихъ всякихъ людей было побито и поранено 190 человѣкъ, а языка не было добыто ни одного. „Тогда же,—говоритъ Палицынъ,—бысть во градѣ (въ монастырѣ) всѣмъ православнымъ христіяномъ скорбь велика и плачъ и ужасъ ради подкоповъ, понеже слухъ во ушеса всѣхъ разыдеся, что ведутъ Литовскіе люди подкопы, а о томъ достигнути не могутъ, подъ которую стѣну или подъ башню ведутъ, и тако вси смерть свою койждо предъ своими очима видяще и вси притекающе къ церкви святыя живоначальныя Троицы и къ цѣльбоноснымъ мощемъ теплыхъ заступниковъ нашихъ, великихъ чудотворцевъ Сергія и Никона, и вси на покаяніе къ Богу обратишася, исповѣдающеся Господеви и отцемъ своимъ духовнымъ и причащахуся тѣлу и крови Господни, къ смерти готовящеся“. Воеводы приказали казакамъ и всѣмъ охочимъ людямъ (охотникамъ) выходить изъ монастыря тайно ночью для добыванія языковъ по ямамъ и во рвахъ, которые Поляки нарыли близъ восточной монастырской стѣны (траншеямъ). Языковъ наймано было много, но никто изъ пойманныхъ не могъ сказать, куда именно ведется подкопъ.

Въ эти скорбные и тяжкіе для осажденныхъ дни преподобный Сергій явился архимандриту Іоасафу, чтобы утѣшить черезъ него людей истаевавшихъ отъ страха и отчаянія. Архимандритъ воздремалъ во время службы въ церкви святыя Троицы и вотъ видитъ преподобнаго Сергія стоящимъ передъ чудотворнымъ образомъ святыя Троицы (что по правую сторону царскихъ дверей), воздѣвшимъ руки горѣ и со слезами молящимся святой Троицѣ; послѣ молитвы преподобный обратился къ архимандриту и сказалъ ему: „брате, возстани, се время пѣнію и молитвѣ часъ, бдите и моли-

теся, да не внидете въ напасть; Господь всесильный многихъ ради своихъ щедротъ помилова васъ и протчее время подастъ вамъ, да въ покаяніи поживете". Архимандритъ повѣдалъ о явленіи ему преподобнаго Сергія всей братіи. Въ самый день видѣнія, 2-го ноября, Поляки сдѣлали приступъ, привезши и прикативши къ стѣнѣ монастырской многіе щиты, туры и турусы; но осажденные ударили въ нихъ изъ многихъ пушекъ и пищалей и прогнали ихъ, нанеся имъ большой уронъ, а побросанныя ими „приступныя козни" отчасти предали огню, отчасти внесли въ монастырь. 4-го ноября осажденные сдѣлали вылазку на Красную площадь и къ Подольному монастырю: имѣвъ жаркое дѣло съ Поляками, которые повыскакали на нихъ изъ своихъ ямъ и рвовъ (траншей), тутъ достали наконецъ языка, который былъ нуженъ. Захваченъ былъ въ плѣнъ раненый казакъ, по фамиліи Дедиловскій; въ распросѣ и съ пытки онъ сообщилъ всѣ нужныя свѣдѣнія о подкопѣ, точно указавъ, куда именно онъ ведется и сказавъ, что онъ уже почти готовъ и что на Михайловъ день, 8-е ноября, Поляки хотятъ подставлять подъ стѣны и подъ башни порохъ. Въ ту же ночь пришолъ въ монастырь выходецъ изъ лагеря Лисовскаго казакъ Иванъ Рязанецъ. Онъ подтвердилъ, что подкопъ почти уже готовъ и что онъ ведется, какъ указалъ Дедиловскій, подъ круглую наугольную или Пятницкую башню. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ разсказалъ о видѣніяхъ, которыя были казакамъ, находившимся въ войскѣ Лисовскаго, и которыя должны были послужить къ ободренію осажденныхъ. Онъ говорилъ, что многіе атаманы и казаки видѣли ходящихъ по поясу монастырской стѣны (по поясу или пояску, который идетъ по стѣнѣ съ наружной стороны подъ зубцами?) двухъ старцевъ, свѣтозарныхъ образомъ, по подобію Сергія и Никона чудотворцевъ, изъ которыхъ одинъ кадилъ монастырь, а другой кропилъ святою водою, и которые, обратившись къ казацкимъ полкамъ, ярымъ гласомъ поносили ихъ за то, что они стеклись разорить домъ пресвятыя Троицы, и прибавляли, что не дастъ имъ жезла Господь на жребій свой,—что нѣкоторые изъ безумныхъ казаковъ и изъ Поляковъ стрѣляли было въ старцевъ, но что стрѣлы и пули отскакивали въ самихъ стрѣлявшихъ и многихъ изъ нихъ ранили. Онъ говорилъ, что въ ту же ночь преподобный Сергій явился во снѣ многимъ казакамъ и многимъ Полякамъ, грозя принести на нихъ мольбу Вышнему Царю и показавъ имъ посредствомъ образовъ, какъ страшно всѣ они погибнутъ, и что это сонное явленіе заставило нѣкоторыхъ Донскихъ казаковъ уйдти отъ Лисовскаго домой, съ обѣщаніемъ, не поднимать болѣе руки на своихъ православныхъ заодно съ иновѣрцами.

Выслушавъ показаніе Дедиловскаго, подтвержденное Рязанцемъ, воеводы приказали поставить въ монастырѣ параллельно съ южной частью восточной стѣны отъ Пятницкой башни до святыхъ воротъ острогъ или острожокъ, сзади котораго турусы насыпали и нарядъ устроили, т. е. къ которому сдѣлали прирубъ, насыпанный землей, съ тѣмъ чтобы на немъ поставить артиллерійскія орудія. Острогъ или острожокъ этотъ воеводы, очевидно, поставили затѣмъ, чтобы въ случаѣ взрыва Поляками въ данномъ мѣстѣ монастырской стѣны не дать имъ ворваться въ монастырь (поражать

ихъ съ острога, когда бы они врывались въ брешь). Въ то же время, посовѣтовавшись съ архимандритомъ и старцами, воеводы рѣшили для скорой вылазки очистить въ стѣнѣ монастырской потайныя ворота въ ровъ, который шелъ вдоль стѣны съ восточной стороны, что̀ и сдѣлали каменосѣчцы, нашедши старый вылазъ подлѣ Сушильныя башни, въ который по его разчищеніи вставлены были трои желѣзныя двери.

8-й день ноября, праздникъ собора архангела Михаила, былъ для осажденныхъ днемъ скорби и плача. Прошло уже 30 дней и 30 ночей, какъ Поляки непрестанно бомбардировали монастырь со всѣхъ своихъ баттарей, и въ этотъ день ядра непріятельскія причинили въ немъ нѣсколько несчастій. У одного монаха, по имени Корнилія, когда онъ шолъ за обѣдню въ Троицкій соборъ, оторвало ядромъ правую ногу по колѣно, такъ что едва онъ успѣлъ причаститься на обѣднѣ какъ скончался; потомъ была убита одна старица, которой оторвало правую руку и съ плечомъ. Во время пѣнія вечерни, когда всѣ стоявшіе въ церкви съ воплемъ и рыданіями били себя въ перси, прося у Бога милости, вдругъ ядро непріятельское ударило въ большой колоколъ на колокольнѣ (которая находилась у западной стѣны Духовской церкви), отразилось отъ колокола въ олтарное окно Троицкаго собора, пролетѣло въ олтарную арку и пробило приходившійся противъ арки, стоявшій въ третьемъ ряду иконостаса (большомъ деисусѣ,— выше стрр. 193—194), образъ архангела Михаила, пробивъ образъ ударилось въ столпъ церковный, отъ столпа отразилось въ стѣну, отъ стѣны въ подсвѣчникъ, который предъ образомъ святыя Троицы и, сдѣлавъ выбоину въ подсвѣчникѣ, отразилось отъ него въ лѣвый крылосъ, у котораго и развалилось. Едва стоявшіе въ церкви перестали слѣдить съ трепетомъ за полётами этого ядра, какъ другое ядро прошибло южныя желѣзныя двери церкви (нынѣшней паперти съ южной стороны еще не было), ударилось въ мѣстный образъ Николая чудотворца (стоявшій у сѣверной стѣны, насупротивъ мощей преподобнаго Сергія) и пробило его доску, за которою и скрылось, не бывъ потомъ найдено. Тогда на всѣхъ стоящихъ въ церкви напалъ ужасъ, и она огласилась воплями и рыданіями, а на полъ ея полились рѣки слезъ. Но тогда же послѣдовали и утѣшенія и ободренія. Архимандритъ Іоасафъ во время пѣнія стихиръ на нашей страшной вечернѣ сведенъ былъ въ забытіе, и вотъ видитъ онъ архистратига Михаила съ лицемъ сіяющимъ какъ свѣтъ и со скипетромъ въ рукѣ, который говорилъ къ противнымъ: „о враги лютори! се ваша, беззаконницы, дерзость и до моего образа дойде: всесильный Богъ воздастъ вамъ вскорѣ отмщеніе“, и который послѣ сихъ словъ сталъ невидимымъ. Архимандритъ сообщилъ о видѣніи всей братіи и облекшись съ іеромонахами въ священныя ризы отпѣлъ молебенъ всемилостивому Богу и архистратигу Михаилу. Потомъ, когда архимандритъ совершалъ у себя въ кельи келейное правило, увидѣлъ онъ вошедшаго къ нему преподобнаго Сергія, который сказалъ ему: „Возстани и не скорби, но въ радости молитвы приноси: предстоитъ бо и молится Богу о обители и о васъ святая пречистая Богородица и приснодѣва Марія со ангельскими лики и со всѣми святыми“. Въ слѣдующую

ночь сподобились видѣнія и многіе монахи и міряне. Видѣли, какъ преподобный Сергій ходилъ по монастырю и будилъ братію, говоря: „идите, братіе иноцы, немедленно во святую церковь и обрящете благодать“, и потомъ видѣли, что вошолъ въ церковь Серапіонъ архіепископъ Новгородскій въ святительской одеждѣ и сталъ въ олтарѣ предъ образомъ Богородицы,— что преподобный Сергій обратился къ нему съ словами: „Отче Серапіоне! Почто умедлилъ еси принести моленіе ко всемилостивому Богу и пречистой Богородицѣ“,—что архіепископъ Серапіонъ воздѣлъ руки и возопилъ: „О всепѣтая Мати, рождшая всѣхъ святыхъ святѣйшее Слово, нынѣшнее приношеніе пріемши, отъ всякія напасти избави всѣхъ и грядущія измы муки вопіющая ти: аллилуіа“. Вмѣстѣ съ этими ободрявшими духъ осажденныхъ видѣніями, порадованы были они въ нашъ праздникъ и одной удачей въ отношеніи къ дѣлу обороны. Въ числѣ орудій баттареи, которая находилась на Терентьевой рощѣ, была у Поляковъ очень сильная („люта зѣло“) пищаль, которую звали трещерой. Двумя удачными по ней выстрѣлами со стѣны привели ее въ состояніе негодности: однимъ выстрѣломъ съ башни Водяныхъ воротъ разбили у ней зелейникъ или пороховую затравку, а другимъ выстрѣломъ съ Красной башни отъ святыхъ воротъ разбили ей устье или дуло.

Но если праздникъ архангела Михаила былъ для осажденныхъ днемъ плача и сѣтованія, то слѣдующій день, 9-го ноября, во исполненіе возвѣщеннаго преп. Сергіемъ архимандриту Іоасафу, что Божія Матерь молится о нихъ, былъ для нихъ днемъ величайшей радости и ликованія, ибо въ этотъ день Господь даровалъ имъ великое одолѣніе на Поляковъ. Рѣшено было рано утромъ въ этотъ день сдѣлать вылазку, и именно—тремя отрядами. Первый отрядъ вышелъ въ потайныя ворота, ведшія въ ровъ, съ тѣмъ, чтобы сдѣлать нападеніе на Поляковъ, находившихся подъ Красной горой у подкопнаго рва; второй отрядъ вышелъ съ Пивнаго двора и черезъ луковый огородъ или нынѣшній Пафнутьевъ садъ и по плотинѣ Краснаго пруда, который находился ниже Келарскаго пруда, между нимъ и Пятницкою церковію, пошелъ на Поляковъ, стоявшихъ на горѣ Волкушѣ; третій отрядъ вышелъ Конюшенными воротами и направился (какъ должно думать) на Польскія заставы, стоявшія на сѣверной сторонѣ монастыря. Когда изъ монастыря тремя ударами въ осадный колоколъ дали знать отрядамъ начинать нападеніе,—то третій отрядъ, „крикнувши многими гласы, нарекши ясакъ Сергіево имя“, стремительно бросился на Поляковъ, которые не выдержали и обратились въ бѣгство. Второй отрядъ вступилъ въ битву съ Поляками, находившимися на горѣ Волкушѣ. Первый отрядъ, напавъ на Поляковъ, стоявшихъ у подкопнаго рва, сбилъ ихъ на Нижній монастырь и за мельницу и—что всего важнѣе,—нашелъ устье подкопа. Выискались мужественные и самоотверженные люди, которые рѣшились взорвать подкопъ и которые это и сдѣлали, пожертвовавъ своею жизнію: „и благодатію Божіею,—пишетъ Палицынъ,—тогда обрѣтоша устіе подкопа, вскочше же тогда во глубину подкопа ради творимаго промысла (т. е. для дѣла, которое нужно было сдѣлать) крестьяне Клементьевскіе Никонъ, зовомый

Шиловъ, да Слота и егда зажгоша въ подкопѣ зеліе и скалы и смолу, заткнувши устіе подкопа, и взорва(-ло) подкопъ, Слота же и Никонъ ту въ подкопѣ сгорѣша". Второй отрядъ, напавшій на Поляковъ, находившихся на горѣ Волкушѣ, былъ отбитъ послѣдними и прогнанъ до Нижняго монастыря; тогда первый отрядъ, прогнавъ Поляковъ, стоявшихъ у подкопнаго рва, соединился со вторымъ и общими силами они прогнали сейчасъ указанныхъ Поляковъ въ Терентьевскую рощу и на Волкушу.

Въ то время какъ второй и третій отряды бились съ Поляками на восточной и на южной сторонахъ монастыря, у нѣкоторыхъ монаховъ загорѣлись сердца желаніемъ сдѣлать нападеніе на Польскія баттареи, стоявшія на западной сторонѣ монастыря. Побѣжали они на Пивной дворъ къ чашнику старцу Нифонту Зміеву и говорили ему: „отче Нифонте! врази наши одолѣваютъ намъ, но святая Троица дарова намъ бѣднымъ велику помощь надъ враги,—подкопы у нихъ отняли и зарушили, и къ тебѣ сего ради пріидохомъ, даждь намъ совѣтъ (посовѣтуй намъ, одобри наше намѣреніе), чтобы еще отняти у Литовскихъ людей туры (баттареи) на Красной горѣ и своему воинству помощь и отраду сотворити". Старецъ Нифонтъ, посовѣтовавшись съ другими старцами, взялъ съ собой 200 человѣкъ ратныхъ людей, въ числѣ которыхъ то или другое количество было изъ возвратившагося третьяго отряда и 30 монаховъ, съ которыми и пошолъ съ Пивнаго двора на вылазку. Перешедши рѣчку, отрядъ поднялся на Красную гору къ баттареямъ. Когда въ монастырѣ стало извѣстно, что нѣкоторые отправились на Польскія баттареи на Красной горѣ, то нашлись желающіе присоединиться къ нимъ, которые насильно вырвались изъ монастыря Конюшенными воротами, перемогши воеводу Алексѣя Голохвастова и воротныхъ приставовъ, и нагнали отрядъ. Поляки открыли по шедшимъ на нихъ жестокій огонь не только изъ пушекъ и пищалей, но и изъ мелкаго оружія, и сбили ихъ подъ гору. Наши, нѣсколько оправившись, пошли во второй разъ на баттареи, но и во второй разъ были сбиты подъ гору. Тогда они отступили во враги Благовѣщенскій и Косой или Глиняный и притаились въ нихъ, чтобы заставить Поляковъ думать, что они совсѣмъ ушли. Помедливъ нѣсколько времени, когда Поляки перестали ожидать нападенія, они раздѣлились на двое, и одна половина неожиданно напала на непріятелей съ тыла, а другая стремительно напала спереди. Неожиданность и стремительность нападенія имѣли своимъ слѣдствіемъ то, что наши овладѣли одной за другою тремя баттареями. У четвертой и у пятой баттарей Поляки вступили съ нападавшими въ жестокій бой. Но къ нашимъ скоро подоспѣла большая помощь изъ монастыря и они съ подоспѣвшими прогнали Поляковъ и отъ этихъ баттарей и такимъ образомъ овладѣли всею линіею баттарей, находившеюся на Красной горѣ. О богатой военной добычѣ, которую Поляки оставили нашимъ на Красной горѣ, Палицынъ говоритъ: „да тутъ взяли восмь пищалей полуторныхъ и полковыхъ и всякаго оружія Литовскаго, затинныхъ и изрядныхъ самопаловъ и рушницъ, копей же и оскордовъ, палашей и сабель, пороху бочки и ядръ и всякихъ запасовъ множество". Нашихъ убито было 174 человѣка, а Поляковъ—болѣе

полуторыхъ тысячъ человѣкъ. 9-е ноября было по истинѣ днемъ радостнѣйшимъ для сидѣвшихъ въ Троицкомъ монастырѣ; въ знакъ побѣднаго ликованія архимандритъ приказалъ звонить въ колокола до полночи, а самъ со всей братіей отпѣлъ благодарственный молебенъ Господу Богу и Божіей Матери, преподобнымъ Сергію и Никону и всѣмъ святымъ. Рѣшено было тотчасъ же послать въ Москву къ царю съ извѣстіемъ о великой побѣдѣ, одержанной надъ Поляками.

Около 8-го ноября въ мѣстности Троицкаго монастыря устанавливается зима, которая должна была остановить военныя дѣйствія, заставивъ Поляковъ заключиться въ ихъ станахъ или таборахъ. Но прежде чѣмъ заключиться въ станахъ и желая отмстить и нѣсколько вознаградить себя за понесенное пораженіе они пытались было нанести пораженіе осажденнымъ съ помощію хитрости; въ свою очередь эти, не давшись въ обманъ Поляковъ, сдѣлали противъ нихъ сильную вылазку и учинили ожесточенный съ ними бой. Въ одинъ изъ слѣдующихъ дней за 9-мъ ноября Поляки, скрывъ сильныя засады съ восточной и сѣверной сторонъ монастыря въ подходящихъ для того мѣстахъ, послали къ стѣнамъ монастырскимъ небольшія толпы своихъ, чтобы онѣ выманили на себя осажденныхъ и навели ихъ на засады. Осажденные, увидѣвъ подъ монастыремъ небольшія толпы Поляковъ, дѣйствительно дались было въ обманъ и сдѣлали вылазку. Но стражи, стоявшіе на колокольнѣ, увидѣли сидѣвшихъ въ засадѣ, начали бить въ осадный колоколъ и воротили назадъ вышедшихъ на вылазку. Въ ближайшее къ 9-му ноября воскресенье, 13-го числа, былъ по утру сильный туманъ. Пользуясь имъ монастырскіе воеводы рѣшились устроить вылазку, которая превратилась потомъ въ сильное побоище и окончилась великою побѣдою осажденныхъ надъ Поляками. Воеводы послали вылазныхъ людей на заставы изъ полковъ Сапѣгиныхъ, стоявшія въ Благовѣщенскомъ врагѣ и на нагоріи къ Благовѣщенскому лѣсу, и на заставу изъ полковъ Лисовскаго, стоявшую за садами у Нагорнаго пруда, что̀ въ концѣ теперешняго монастырскаго огорода, который за Коннымъ дворомъ, или же сзади его (а принимать за Нагорный прудъ, какъ принимаютъ, прежній Круглый, теперешній Бѣлый прудъ, что̀ за Старой гостинницей, должно быть признано за ошибочное, ибо прудъ этотъ былъ не за садами, а впереди садовъ, и стоять у него заставѣ было бы слишкомъ близко отъ монастыря, а равно и названіе: Нагорный мало къ нему идетъ). Высланные противъ заставъ Сапѣгиныхъ скоро побили ихъ гарнизоны, но Сапѣга выслалъ противъ нихъ многія роты, а въ свою очередь и къ нашимъ присланы были изъ монастыря многіе конные и пѣшіе люди: завязался великій бой, который кончился тѣмъ, что наши прогнали Поляковъ къ Клементьевскому пруду. Лисовскій, увидѣвъ нападеніе осажденныхъ на его заставу, самъ поспѣшилъ придти на ея выручку съ конными и пѣшими людьми и принудилъ нашихъ отступить въ городовой ровъ (т. е. ровъ, который былъ подлѣ восточной стѣны). Тогда воеводы послали изъ монастыря на помощь имъ конную вылазку, головами которой назначили старцевъ Ѳерапонта Стогова и Малафея (Малахію) Ржевитина и въ которой

было 20 другихъ старцевъ; а также пришла на помощь къ нимъ часть вылазныхъ людей съ Красной западной горы (за которою была нагорная Сапѣгина застава). Всѣ вмѣстѣ бросились на Лисовскаго и прогнали его подъ гору, на лугъ за мельницей и на Терентьевскую рощу. Изъ Терентьевской рощи Лисовскій спустился въ раздолье за горой Волкушей, а Сапѣга пришолъ со всѣми своими полками на Красную западную гору. Лисовскій поспѣшилъ присоединиться къ Сапѣгѣ и оба вмѣстѣ они ударили на монастырскихъ вылазныхъ людей, остававшихся на Красной горѣ, которыхъ и согнали къ Пивному двору. Но тутъ между вылазными людьми нашолся герой или богатырь, который остановилъ натискъ Поляковъ. То былъ крестьянинъ, по прозвищу Суета, который былъ великанъ ростомъ и исполинъ силой, но который былъ неловокъ и неумѣлъ, такъ что постоянно служилъ предметомъ насмѣшекъ. Возгласивъ: „сегодня умру или получу славу отъ всѣхъ“, Суета началъ страшно сѣчи Поляковъ своимъ бердышемъ направо и налѣво и поддержанный другими принудилъ ихъ ретироваться. Лисовскій поворотилъ къ Косому или Глиняному врагу на находившихся тамъ „заводныхъ“ (запасныхъ, резервныхъ) Троицкихъ людей, у которыхъ начальникомъ былъ монастырскій слуга Пиминъ Тенетевъ. На пригоркѣ у рва (который былъ выкопанъ Поляками впереди ихъ баттарей и упирался въ Глиняный врагъ) между Поляками и нашими завязался жестокій бой, но наконецъ первые, опасаясь „подсады“ т. е. засады, постепенно начали ретироваться, а наши въ свою очередь начали отходить въ Глиняный врагъ. Лисовскій хотѣлъ было взять живымъ Тенетева, когда этотъ уходилъ, но онъ оборотился, выстрѣлилъ въ Лисовскаго изъ лука и ранилъ его въ лицо, такъ что принуждены были отвести его въ Сапѣгинъ лагерь. Между тѣмъ со стѣны монастырской ударили по Полякамъ изъ множества орудія и побили ихъ большое количество. Поляки обратились, было, въ бѣгство, но потомъ у многихъ изъ нихъ закипѣло сердце желаніемъ отмстить за Лисовскаго, они воротились и съ яростію напали на Русскихъ; произошла ожесточеннѣйшая рѣзня, при чемъ пущены были въ ходъ ножи и просто руки. Наконецъ, наши убили главнаго предводителя Поляковъ князя Юрія Горскаго, чѣмъ и обратили ихъ въ бѣгство и послѣ чего сами вошли въ монастырь съ великою побѣдою.

Самый конецъ военныхъ дѣйствій передъ зимней остановкой не совсѣмъ былъ счастливъ для осажденныхъ. Они обыкновенно доставали себѣ дрова изъ рощи, находившейся въ Мишутинскомъ врагѣ, въ который посылали дровосѣковъ подъ прикрытіемъ конныхъ и пѣшихъ воиновъ. Поляки устроили на нашихъ засаду, приведши въ рощу многія роты, и внезапно напали на нихъ, когда они явились въ нее за дровами. Воины, сопровождавшіе дровосѣковъ, вступили съ Поляками въ жестокій бой; какъ кажется, прибѣжала къ нимъ помощь и изъ монастыря. Но въ концѣ концовъ одолѣли враги: 40 человѣкъ нашихъ было убито, много было ранено и нѣсколько захвачено было въ плѣнъ.

Около половины ноября Поляки прекратили бомбардированіе монастыря, оставили рвы и ямы, выкопанные ими около стѣны монастырской

(траншеи) и удалились въ свои станы или таборы, чтобы пережидать въ нихъ зиму. Впрочемъ, Лисовскій не долго сидѣлъ въ таборѣ и, оставивъ монастырь, отправился, не смотря на зиму, для своихъ разбойничьихъ подвиговъ на сѣверъ отъ Троицы.

Прекращеніе военныхъ дѣйствій дало осажденнымъ отдыхъ отъ непрестаннаго день и ночь обереганія монастырскихъ стѣнъ. Но не успѣлъ настать этотъ отдыхъ, какъ ихъ постигло другое страшное бѣдствіе. Отъ необыкновенной тѣсноты въ монастырѣ и отъ соединенной съ нею страшной грязи, отъ весьма плохой пищи, которою для многихъ сидѣвшихъ въ монастырѣ было сухояденіе („сухомятка", какъ говорятъ тѣ люди, которымъ приходится довольствоваться сухояденіемъ), отъ недоброкачественной и загрязненной воды и отъ нравственной крайней угнетенности людей, 17-го ноября, въ Никоновъ день, появилась въ монастырѣ цынга, которая начала свирѣпствовать въ немъ съ страшной силой и свирѣпствовала не только всю зиму, но почти и всю весну до 10—15-го мая слѣдующаго 1609-го года. Въ наибольшій разгаръ болѣзни умирало ежедневно по 20-ти и по 30-ти, по 50-ти и даже (если не впадаетъ Палицынъ въ преувеличеніе) по сту человѣкъ. Іеромонахи монастырскіе совершенно выбились изъ силъ, напутствуя умирающихъ и погребая умершихъ, такъ что наконецъ должны были держать ихъ надъ больными подъ руки. За копаніе могилъ брали сперва по рублю, потомъ по два и по три рубли, потомъ по четыре рубли и по пяти рублей, а наконецъ не стали брать никакихъ денегъ, да и не стало людей, которые бы копали, такъ что начали погребать въ общихъ ямахъ (которыя выкапывались, какъ слѣдуетъ думать, по распоряженію монастырскихъ властей). Населеніе монастыря раздѣлялось на два класса: на способныхъ носить оружіе и неспособныхъ (старики, женщины и дѣти). Изъ двухъ тысячъ человѣкъ перваго класса уцѣлѣло отъ цынги не болѣе двухъ сотъ человѣкъ; конечно, и второй классъ былъ пощаженъ ею не болѣе: а изъ этого можно видѣть, какой былъ страшный моръ! Болѣзнь была невыносимо мучительная, а между тѣмъ за бо́льшею частію больныхъ не было совершенно никакого ухода, такъ что единственное, чѣмъ могли облегчать себя люди, это — вопли, которыми и наполнился весь монастырь. Цынга есть болѣзнь по преимуществу грязная и вонючая, и она превратила весь монастырь въ одну ужасную заразную больницу. Что такое представлялъ собою монастырь въ отношеніи къ грязи, это даетъ понять Палицынъ, когда говоритъ, что (при наставшей возможности) вывезли изъ него, чтобы бросить въ ровъ и сжечь, болѣе ста возовъ всяческихъ портъ,—что давали отъ воза огромныя деньги—по полтора рубля, которые равняются нашимъ теперешнимъ 20-ти рублямъ, но что мало было охотниковъ брать по причинѣ вшей и червей и страшнаго смрада.

8-го мая 1609-го года, въ праздникъ Іоанна Богослова, архимандритъ Іоасафъ и воеводы приговорили, чтобы на другой день, 9-го мая, въ праздникъ Николая чудотворца, освятить въ честь послѣдняго святаго придѣлъ въ Успенскомъ соборѣ, что́ и сдѣлали. Съ этого времени цынга и начала ослабѣвать въ монастырѣ.

Къ страшному бѣдствію физическому присоединилось зло нравственное, и при томъ не въ одномъ видѣ, а въ нѣсколькихъ видахъ, это—интриги однихъ противъ другихъ, вражда однихъ съ другими и нравственная распущенность.

Между осадными воеводами монастырскими—княземъ Долгорукимъ и Голохвастовымъ вышло изъ-за чего-то очень большое нелюбіе; старшая братія монастыря и особенно казначей Іосифъ Дѣвочкинъ (онъ же—Кочергинъ), который изъ-за тихаго архимандрита Іоасафа, вѣроятно, первенствовалъ между старшей братіей, были на сторонѣ Голохвастова. На сторону князя Долгорукова сталъ головщикъ лѣваго клироса діаконъ Гурій Шишкинъ, который мѣтилъ на мѣсто Дѣвочкина и который надѣялся получить мѣсто съ помощью князя. На казначея взведено было Гуріемъ обвиненіе предъ государемъ, будто онъ замышлялъ измѣну и хотѣлъ предать монастырь Полякамъ и, какъ кажется, сочинены были отъ его лица подложныя письма къ Сапѣгѣ. По приказанію государя онъ былъ пытанъ Долгорукимъ и отставленъ отъ мѣста съ конфискаціей имѣнія, а дѣло его произвело въ монастырѣ великую смуту (онъ умеръ одною изъ послѣднихъ жертвъ цынги, бывъ вмѣстѣ съ тѣмъ, вѣроятно, и жертвою пытки, вскорѣ послѣ 11-го іюля 1609-го года)[1].

---

[1] Что обвиненіе на Іосифа Дѣвочкина въ измѣнѣ и въ намѣреніи предать монастырь Полякамъ было вымышленнымъ или клеветническимъ на него обвиненіемъ, это не можетъ подлежать сомнѣнію. Палицынъ говоритъ, что убѣжали къ Полякамъ пять сообщниковъ Дѣвочкина—слуга Осипъ Селевинъ и четверо невѣгласъ поселянъ или мужиковъ,—гл. 34; Долгорукій въ письмѣ къ Палицыну говоритъ о двухъ заговорщикахъ Дѣвочкина, званіе одного изъ которыхъ не указывается, а другой тоже называется мужикомъ,—Акт. Ист. т. II, № 242, § II: и съ такимъ-то количествомъ такихъ-то сообщниковъ и хотѣлъ будто бы Дѣвочкинъ предать Полякамъ монастырь! Правда, Палицынъ прибавляетъ, что казначей „и иныхъ не мало прельсти“. Но несомнѣнно, что онъ или присочиняетъ тутъ или повторяетъ чужое присочиненіе: если бы были другіе сообщники, то онъ не преминулъ бы назвать если не всѣхъ, то нѣкоторыхъ, чего онъ вовсе не дѣлаетъ. О Голохвастовѣ Палицынъ говоритъ, что онъ былъ потаковникомъ лукавству Дѣвочкина,—ibid. Но это просто глупо. Если Голохвастовъ зналъ про замыселъ казначея предать монастырь Полякамъ и не доносилъ на него: такъ онъ былъ вовсе не потаковникъ только, а такой же измѣнникъ. Но и представлять дѣло такъ, чтобы Голохвастовъ зналъ про замыслъ Дѣвочкина, но не участвовалъ въ замыслѣ и не доносилъ на него, совсѣмъ нелѣпо. Если онъ зналъ про замыслъ Дѣвочкина и не доносилъ на него, такъ онъ долженъ быть представляемъ его прямымъ сообщникомъ; но чтобы Голохвастовъ былъ сообщникомъ Дѣвочкина, этого вовсе не рѣшается утверждать и Палицынъ. Если бы казначей намѣревался предать монастырь Полякамъ, то онъ, конечно, сносился бы съ Сапѣгой; а если бы сносился, то объ этомъ непремѣнно были бы записи въ дневникѣ Сапѣги. Совершенное отсутствіе такихъ записей въ дневникѣ Сапѣги служитъ рѣшительнымъ доказательствомъ, что обвиненіе на Дѣвочкина, будто онъ хотѣлъ предать монастырь Полякамъ, было клеветой на него (о бѣгствѣ къ Полякамъ Осипа Селевина

Стрѣльцы, казаки и вообще всѣ воины, очень можетъ быть—нарочито подущаемые княземъ Долгорукимъ, изъявляли неудовольствіе на содержаніе, которое доставлялъ имъ монастырь, и жаловались на монастырскія власти царю, а монастырскія власти, оправдываясь, писали царю, что они никакъ не могутъ удоволить жалобщиковъ и что послѣдніе предъявляютъ претензіи совсѣмъ невозможныя.

Вмѣстѣ съ сейчасъ указанными прискорбными смутой и враждой умножилось въ монастырѣ и то прискорбное, что принято называть въ тѣснѣйшемъ смыслѣ грѣхомъ (ибо и вражда со смутой, конечно, тотъ же грѣхъ): не только міряне, но и монахи предались пьянству и разврату, изъ которыхъ о послѣднемъ Палицынъ говоритъ: „въ ровъ убо глубокъ блуда впадоша вси отъ простыхъ чади даже и до священныхъ“ (у мірянъ завелись въ монастырѣ даже танцы, которымъ, вѣроятно, научили нашихъ плѣнные Поляки).

Во время остановки военныхъ дѣйствій между осаждающими и осажденными установились странныя отношенія какого-то обманнаго, такъ сказать, перемирія, о чемъ Палицынъ пишетъ: „Видяще же врази, яко не успѣваетъ совѣтъ ихъ лукавый, но разрушается, тѣмже и мнози многажды съ лестію пріѣзжающе и многажды сказующе дѣемая и умышляемая ими,

---

записано въ дневникѣ Сапѣги, но при этомъ вовсе не прибавляется, чтобы онъ присланъ былъ казначеемъ). Что въ Троицкомъ монастырѣ чуть не во все время осады происходили большія смуты, относительно этого мы имѣемъ глухія извѣстія, но что̀ было ихъ причиной и въ чемъ онѣ состояли, относительно этого намъ совсѣмъ не достаетъ свѣдѣній. Зимой 1608—1609-го года житничій монастыря Сѵмеонъ писалъ въ Москву Палицыну: „У насъ, государь, поносится (ходитъ слухъ), что государю (царю) изнесли и тебѣ, что бутто Митю (какого-то, неизвѣстнаго) пьянымъ дѣломъ убили, и то солгали: убили ево на первомъ часу дни, а убили, государь, міромъ всѣмъ невѣдомо про што, и тѣмъ нынѣ многіе бездѣльники хвалятся, хто съ кѣмъ размолвитъ: быть де тебѣ также поволочену за ноги, что и Митѣ; и смуты, государь, у насъ творятца великіе“, см. въ Сборникѣ *кн. Хилкова*, № 14, стр. 83. Ксенія Борисовна Годунова писала въ Москву къ своей теткѣ отъ 29-го марта 1609-го года: „А про меня похочешь вѣдати, и я у живоначалные Троицы въ осадѣ марта по 29 день въ своихъ бѣдахъ чуть жива, конечно болна со всѣми старицами, и впредь, государыня, никако не чаемъ себѣ живота, съ часу на часъ ожидаемъ смерти, потомучто у насъ въ осадѣ шатость и измѣна великая“,—Акт. Ист. т. II, № 182, I, стр. 213.—Что касается до вѣры Палицына въ виновность Дѣвочкина, то онъ могъ сочувствовать и даже содѣйствовать устраненію послѣдняго съ мѣста какъ вліятельнаго человѣка, который былъ непріятенъ ему съ своимъ авторитетомъ, и могъ имѣть желаніе посадить на его мѣсто „своего воскормленника“ или свою креатуру, каковъ былъ Гурій Шишкинъ (какъ со всею вѣроятностію слѣдуетъ думать, этотъ Шишкинъ былъ весьма большой интригантъ; не получивъ мѣста казначея, онъ потомъ, въ 1618-мъ году, оставилъ или долженъ былъ оставить Троицкій монастырь и жилъ въ Кириловомъ Бѣлозерскомъ монастырѣ,—*о. Арсенія* Лѣтопись намѣстниковъ, келарей и пр., стр. 35, казначеевъ № 29).

истинно безо лжи бываше по ихъ скаскѣ, и немощныи отъ пьянства просяще опохмѣлитися. Троицкое же воинство сія возвѣщающе архимариту и воеводамъ, и повелѣніемъ ихъ пріемше отъ чашника съ погреба меду, исхождаху къ паномъ съ питіемъ, дабы кого чѣмъ уловити отъ нихъ; они же пивше отхождаху, иногда же нѣціи отъ нихъ, вино принесше, меду прошаху на него (т. е. Троицкій хмѣльной медъ былъ крѣпче винограднаго вина), и такова дружба безъ бѣды не бываше, обоимъ обманывающимся людемъ: или убо кого возмутъ въ языки или убіютъ".

Въ половинѣ января 1609-го года убѣжали къ Полякамъ изъ монастыря два сына боярскіе, которые указали было имъ средство, какъ овладѣть монастыремъ безъ кровопролитія. „Раскопайте, паны, говорили дезертиры Сапѣгѣ съ прочими Польскими начальниками, берегъ верхняго пруда (что́ противъ Житничной башни, т. е. который теперь за старой гостинницей) и переймите воду отъ трубъ (по которымъ она идетъ въ монастырь): тогда осажденные изнемогутъ отъ жажды и поневолѣ предадутся вамъ". Поляки тотчасъ же рѣшили спустить воду пруда въ рѣчку Кончуру чрезъ разрытіе его плотины и чрезъ прорытіе отъ него канавы въ Служній врагъ (находящійся между торговыми рядами и Рождественскою церковію, теперь полузасыпанный). Но осажденные узнали про умыселъ Поляковъ, который эти уже начали, хотя и неудачно, приводить въ исполненіе, выкопали въ монастырѣ нѣсколько прудовъ, въ которые и спустили воду изъ нашего пруда (по той каменной трубѣ, о которой мы говорили выше,—стр. 238). Сапѣга подсылалъ было въ монастырь своего человѣка (трубача Мартьяша), съ тѣмъ, чтобы онъ попытался устроить сдачу монастыря; подосланный велъ было дѣло весьма искусно и успѣлъ пріобрѣсти въ монастырѣ довѣріе всѣхъ, но въ концѣ концовъ былъ обнаруженъ.

Прекращеніе военныхъ дѣйствій на зиму не было совершенно полное или совершенно безусловное. Поляки прекратили бомбардированіе монастыря и оставили приступы къ нему или штурмы его, равно какъ и постоянное карауленіе осажденныхъ въ тѣхъ траншеяхъ, которыя были накопаны ими кругомъ монастыря; но они дѣлали нападенія на нашихъ, позволявшихъ себѣ выходить изъ монастыря, а наши въ свою очередь дѣлали вылазки и нападенія на тѣхъ изъ нихъ, которые бродили внѣ становъ или таборовъ. Въ этой такъ сказать малой зимней войнѣ особенно отличились, какъ вѣдомые бойцы, Ананія Селевинъ, братъ убѣжавшаго къ Полякамъ Осипа Селевина, заключившій свои подвиги славной смертью, Клементьевскій крестьянинъ Никифоръ Шиловъ, можетъ быть—братъ упомянутаго выше героя Никона Шилова и Московскій стрѣлецъ, по фамиліи Нехорошко.

Прошла ужасная зима, убавившая населеніе монастыря и число его защитниковъ на девять десятыхъ, и приблизилась не менѣе ужасная весна, когда должны были возобновиться военныя дѣйствія Поляковъ при крайне ничтожномъ оставшемся количествѣ защитниковъ монастыря. Къ веснѣ 1609-го года этихъ защитниковъ оставалось въ монастырѣ менѣе двухъ сотъ человѣкъ. Если и весной 1609-го года монастырь не былъ взятъ

Поляками, такъ это уже истинно и единственно потому, что онъ былъ ограждаемъ молитвами къ Богу преподобнаго Сергія! Видя необыкновенно быстрое умаленіе числа защитниковъ монастыря, поражаемыхъ болѣзнію, воеводы и архимандритъ съ соборными старцами еще въ началѣ 1609-го года обращались къ царю черезъ жившаго въ Москвѣ Аврамія Палицына (келаря монастыря) съ настоятельной просьбой о присылкѣ вспоможенія. Но царь прислалъ въ монастырь, 15-го февраля 1609-го года, только 60 человѣкъ казаковъ, къ которымъ Палицынъ съ своей стороны присоединилъ 20 человѣкъ монастырскихъ слугъ (не присыланныхъ имъ ранѣе по непонятной причинѣ) и изъ которыхъ четверо были перехвачены Поляками. Такимъ образомъ, съ 250-ю человѣкъ воиновъ встрѣтили осажденные въ монастырѣ весну 1609-го года!

Не знаемъ, по какой причинѣ, но весной 1609-го года Поляки возобновили военныя дѣйствія очень не рано. Можетъ быть, Сапѣга дожидался Лисовскаго, который, уходивъ изъ-подъ монастыря въ декабрѣ 1608-го года и возвращавшись подъ него въ февралѣ 1609-го года, опять ушолъ изъ-подъ него въ слѣдующемъ мартѣ и снова возвратился подъ него только въ іюлѣ. Какъ бы то ни было, но это возобновленіе военныхъ дѣйствій послѣдовало лишь 27-го мая. Сапѣга очень хорошо зналъ, до какой степени уменьшилось въ монастырѣ число его защитниковъ, и онъ надѣялся, что покончитъ все дѣло однимъ приступомъ. Къ приступу этому, какъ сообщается намъ въ одномъ извѣстіи, Сапѣга приготовилъ невѣроятныя орудія, а именно—вмѣсто большихъ пушекъ три дубовыя пятисаженныя петарды, обитыя желѣзными обручами, для заряда которыхъ нужно было по три осмины пороху и въ которыя имѣло быть кладено по три ядра—стальному, желѣзному и огненному[1]. Какъ въ первый большой приступъ 13-го октября 1608-го года, Сапѣга задалъ войску пиръ, сопровождавшійся многими играми; потомъ Поляки начали подъѣзжать подъ монастырскія стѣны, осматривать ихъ и готовить мѣста, гдѣ поставить пушки и пищали; а затѣмъ начали скакать на лошадяхъ по Клементьевскому полю, развѣвая знаменами и грозя мечами на монастырь. Понявъ изъ поведенія непріятелей, что они собираются сдѣлать приступъ, осажденные начали готовить варъ съ каломъ, смолу, камни и прочее, что́ нужно для отраженія нападающихъ, также очистили подошвенный или нижній бой въ башняхъ. Когда насталъ вечеръ, Поляки, желая подойти къ стѣнамъ монастырскимъ тайно, поползли по землѣ, соблюдая тишину, при чемъ везли за собой „приступныя козни“ или штурмовые снаряды—щиты рубленые и лѣстницы и турусы и всякія стѣнобитныя хитрости. Такъ какъ у осажденныхъ число способныхъ носить оружіе было слишкомъ ничтожно, то къ защитѣ стѣнъ они привлекли и всѣхъ неспособныхъ, со включеніемъ и женщинъ; притаившись на стѣнахъ, они ждали приступа. Вдругъ съ Красной горы раздался артиллерійскій залпъ, и Поляки, вскричавъ и заигравъ на трубахъ, начали приступать къ стѣнамъ со всѣми снарядами, которые привезли и

[1] Акт. Ист. т. II, № 174, I, стр. 201 col. 1.

принесли съ собой. Но когда они старались придвинуть къ стѣнамъ щиты на колесахъ и турусы и приставить къ нимъ лѣстницы, осажденные, не давая имъ этого дѣлать, били ихъ въ подошвенный бой изъ многихъ пушекъ и пищалей, кололи ихъ въ окна, бросали въ нихъ камни и бревна, лили на нихъ варъ съ каломъ, зажигали и бросали въ нихъ сѣру и смолу и засыпали имъ известію глаза. Отраженіе нападенія продолжалось всю ночь, а архимандритъ Іоасафъ со всѣмъ освященнымъ соборомъ совершалъ въ церкви молебное пѣніе Господу Богу и пречистой Богородицѣ и чудотворцамъ Сергію и Никону о избавленіи обители и о помощи на враговъ. Когда насталъ день, Поляки, видя, что ничего не успѣли сдѣлать и только изгубили множество своихъ, начали съ стыдомъ отступать. Тогда осажденные учинили вылазку на тѣхъ изъ непріятелей, которые оставались у стѣнобитныхъ орудій или которые бродили во рвахъ, не будучи въ состояніи выйдти изъ послѣднихъ. Многихъ изъ этихъ оставшихся осажденные побили, а 30-ть человѣкъ взяли въ плѣнъ (эти взятые заставлены были потомъ молоть въ жерновахъ хлѣбъ на братію монастыря и на все Троицкое воинство). Уронъ Поляковъ во время этого приступа былъ очень большой; кромѣ того они оставили у стѣнъ свои турусы, щиты и лѣстницы, которые были всѣ забраны нашими и внесены въ монастырь. Были ли употреблены Сапѣгою въ дѣло знаменитыя петарды, свѣдѣній не имѣемъ.

Послѣ приступа 27-го мая осажденные, видя свою крайнюю малочисленность, отчаялись въ самихъ себѣ и возложили все свое упованіе на преподобнаго Сергія. Упованіе и не посрамило ихъ. Если бы послѣ нашего большаго приступа Поляки начали дѣлать, хотя и небольшіе, но частые приступы, они скоро довели бы осажденныхъ до совершеннаго изнеможенія, такъ что безъ прямаго сверхъестественнаго вмѣшательства сдача монастыря была бы неизбѣжною. Но такихъ частыхъ приступовъ Поляки вовсе не дѣлали, и это тѣмъ болѣе удивительно и непонятно, что они очень хорошо знали о крайней малочисленности монастырскаго гарнизона. Послѣ нашего приступа Поляки сдѣлали еще и всего два приступа, съ мѣсячнымъ промежуткомъ втораго отъ него и съ такимъ же промежуткомъ третьяго отъ втораго. Но истомленная частыми тревогами ничтожная горсть осажденныхъ въ два раза собирала всѣ свои силы и при невидимой помощи преподобнаго Сергія въ оба раза успѣшно и отразила враговъ.

Второй приступъ имѣлъ мѣсто 28-го іюня 1609-го года. О немъ почему-то для насъ непонятному не говоритъ Палицынъ и мы знаемъ о немъ изъ другихъ источниковъ[1]. Поляки приступали къ монастырю со всѣхъ сторонъ, успѣли было они добраться до Пивнаго двора и зажечь его: но отовсюду были съ большимъ урономъ отбиты, при чемъ наши, сдѣлавъ вылазку, поймали и нѣсколько языковъ.

Третій и послѣдній приступъ былъ 31-го іюля 1609-го года. Въ это время князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій приближался съ Шведскимъ вспомогательнымъ войскомъ отъ Новгорода къ Москвѣ. Поляки

[1] Акт. Ист. т. id., стрр. 213 col. 1 fin., 279 col. 1, 284 col. 2 fin.

и Русскіе измѣнники находили, что весьма желательно было бы предупредить приходъ Шуйскаго взятіемъ монастыря, почему и рѣшили сдѣлать нашъ приступъ. Изъ Поляковъ пришолъ къ Сапѣгѣ и Лисовскому, тогда возвратившемуся подъ монастырь, панъ Зборовскій съ своимъ отрядомъ, посыланный изъ Тушина противъ Шуйскаго и ретировавшійся отъ него. Онъ смѣялся надъ Сапѣгой и Лисовскимъ, что столь долгое время стоятъ они подъ лукошкомъ, какъ онъ называлъ монастырь, и объяснялъ это просто ихъ нерадѣніемъ и ихъ желаніемъ взять монастырь не руками настоящаго войска, а руками черни, которая нагнана („сбита“) была къ войску. Изъ Русскихъ пришли къ Сапѣгѣ бояринъ Михайло Салтыковъ и дьякъ Иванъ Грамотинъ. Сначала хотѣли взять монастырь хитростію. Салтыковъ и Грамотинъ чрезъ своихъ парламентёровъ увѣряли осажденныхъ, что Москва уже покорилась самозванцу и что царь Василій съ боярами уже въ его рукахъ,—что если они не покорятся самозванцу, то онъ самъ придетъ на нихъ со всею своею ратью. Троицкіе отвѣчали: „хорошо и складно лжете, но никто вамъ не повѣритъ; творите, на неже пришли, а мы готовы съ вами на брань“. Тогда рѣшено было Поляками и Русскими сдѣлать приступъ. Подробностей приступа намъ неизвѣстно, кромѣ того, что врагамъ были устрашавшія ихъ видѣнія; но онъ кончился тѣмъ, что нападающіе были отбиты, что они понесли большой уронъ и что у нашихъ была убита на стѣнѣ только одна женщина.

Послѣ этого не было уже ни одного приступа къ монастырю со стороны Поляковъ, а было только нѣсколько вылазокъ на нихъ со стороны нашихъ.

Но не предпринимая болѣе приступовъ къ монастырю, Поляки однако держали его въ строгомъ заключеніи, такъ что каждый выходъ изъ него сопряженъ былъ для осажденныхъ съ рискомъ потерять голову. Страшно дорого обходились послѣднимъ дрова, рубить которыя они ходили, какъ мы упоминали выше, въ Мишутинскій оврагъ: Поляки стерегли ихъ тутъ, и ни одинъ выходъ за дровами не обходился безъ кровопролитія и безъ убитыхъ съ нашей стороны. Осажденные называли эти такъ дорого обходившіяся имъ дрова проклятыми дровами и съ горькой усмѣшкой спрашивали одинъ другаго, кто какою цѣною ихъ купилъ: кровію друга, отца или своею. Ожесточеніе противъ этихъ дровъ, которыя были необходимы и у которыхъ люди падали одинъ за другимъ, доходило до того, что нѣкоторые изъ осажденныхъ, кляня свое несчастное положеніе, начали говорить, что долго пробыть имъ такъ невозможно,—что если царь совсѣмъ забылъ про нихъ и не хочетъ подать имъ помощи,—что если всѣ города передались ворамъ, то и имъ ничего наконецъ не остается, какъ сдѣлать тоже. Болѣе крѣпкодушные не доходили до такого отчаянія, но сильно жаловались на то, что у враговъ заставы слишкомъ часты и бдительны, такъ что имъ нельзя дать вѣсти царю о своемъ несчастномъ положеніи. Тогда преподобный Сергій явился пономарю Иринарху и сказалъ: „говори братіи монастыря и всѣмъ ратнымъ людямъ, зачѣмъ скорбятъ о томъ, что невозможно послать вѣсти къ Москвѣ: сегодня въ третьемъ часу ночи я

послалъ отъ себя въ Москву въ домъ пречистой Богородицы и къ Московскимъ чудотворцамъ совершить молебное торжество трехъ моихъ учениковъ Михея, Варѳоломея и Наума. Поляки и Русскіе измѣнники видѣли ихъ и почему слуга, слышавшій у враговъ, что они видѣли ихъ, не сказалъ вамъ объ этомъ?" Воеводы и осажденные начали дознаваться, кто слышалъ это у Поляковъ; и слуга монастырскій, по имени Ѳедоръ Чудиновъ, сказалъ, что онъ стоялъ стражемъ на стѣнѣ монастырской, что враги, подошедши близко къ стѣнѣ съ угрозами говорили: напрасно надѣетесь вы на то, что послали трехъ монаховъ къ Москвѣ, не минули они нашей стражи и хоть два и успѣли убѣжать, но третьяго мы поймали. Воеводы послали къ Полякамъ на переговорный пунктъ узнать про старцевъ; и Поляки говорили: „послали вы къ Москвѣ трехъ монаховъ, подъ двумя лошади кари, а подъ третьимъ стреката (стрекатая—пѣгая), и наѣхали они на нашу стражу, и двухъ мы казнили, а третьяго къ царику послали"; а другіе изъ Поляковъ говорили, что это неправда, что никого не поймали. Тогда воеводы, чтобы дознаться истины, сдѣлали вылазку, съ цѣлью добыть языка. На вылазкѣ дѣйствительно добыли языка и захваченный Полякъ въ распросѣ у пытки сказалъ, что ихніе солгали нашимъ, будто поймали,—что никого не поймали, а только догонявши замучили лошадей,—что подъ старцами лошади очень худы, но какъ крылатыя. Въ монастырской больницѣ лежалъ одинъ монахъ, который, услышавъ разсказъ о старцахъ, посланныхъ преподобнымъ Сергіемъ, началъ думать про себя: „какія то лошади (на которыхъ поѣхали старцы) и будетъ ли то истина". Тогда явился ему преподобный Сергій и, подавъ ему здравіе, сказалъ: „я послалъ старцевъ на тѣхъ трехъ слѣпыхъ меринахъ, которыхъ конюшій Аѳанасій Ощеринъ ради скудости корма выгналъ изъ монастыря въ надолобы". Вмѣстѣ съ этимъ преподобный Сергій приказалъ монаху сказать всѣмъ отъ его лица: „не столько гнусенъ мнѣ смрадъ блуда согрѣшающихъ мірянъ, сколько монаховъ, не соблюдающихъ своего обѣщанія; всѣхъ враговъ пришедшихъ подъ стѣны обители моей истреблю, а въ обители нечисто и двоемысленно (лукаво, лицемѣрно) живущихъ погублю и со осквернившимися управлюся". Начали искать мериновъ, выгнанныхъ Аѳанасіемъ Ощеринымъ изъ монастыря, и когда послѣ долгаго исканія нигдѣ не нашли ихъ, увѣрились въ истинности явленія преподобнаго Сергія монаху.

Тотчасъ послѣ приступа къ монастырю 31-го іюля Сапѣга съ Лисовскимъ и Зборовскимъ пошолъ отъ монастыря на встрѣчу князю Михаилу Шуйскому; но былъ разбитъ имъ у Колязина монастыря и снова возвратился подъ Троицу. Осажденные узнали о побѣдѣ Шуйскаго надъ Сапѣгой отъ одного перебѣжавшаго къ нимъ пана; въ тотъ же день они сдѣлали вылазку на рѣчку Кончуру на казацкія бани: многихъ казаковъ и Поляковъ побили, а бани сожгли, и при этомъ еще захватили въ плѣнъ шесть человѣкъ.

Когда Поляки, разбитые Шуйскимъ, бѣжали отъ Колязина монастыря подъ Троицу, то по дорогѣ назахватывали множество скота, который и пригнали въ свой Троицкій станъ. Дразня аппетитъ голодныхъ Троицкихъ

сидѣльцевъ, они пасли скотъ по запрудной сторонѣ (за прудами, на южной сторонѣ монастыря), по Красной горѣ (что̀ на западной сторонѣ) и на Клементьевскомъ полѣ. Приманкой скота Поляки разсчитывали вызвать осажденныхъ на вылазку, въ надеждѣ побить ихъ. Осажденные дѣйствительно и сдѣлали вылазку, но только она кончилась тѣмъ, что они совершенно здорово, т. е. безъ всякой потери въ людяхъ, добыли часть скота. Въ самый день Успенія Божіей Матери, 15-го августа, осажденные выслали нѣсколько конныхъ людей на стадо, которое паслось на Красной горѣ: высланные, проѣхавъ тайно Благовѣщенскимъ врагомъ, неожиданно напали на сторожей стада и побили ихъ, а стадо погнали къ монастырю; вышедшіе съ Пивнаго двора пѣшіе люди загнали стадо на этотъ послѣдній, а потомъ вогнали и въ монастырь воротами, которыя были въ него съ Пивнаго двора подъ Пивной башней.

Князь Михаилъ Васильевичъ Шуйскій, разбившій Поляковъ подъ Колязинымъ монастыремъ, подвигаясь къ Москвѣ, подошолъ къ самому Троицкому монастырю,—онъ явился и остановился въ Александровой слободѣ (что̀ нынѣшній городъ Александровъ, находящійся отъ Троицы въ 40 верстахъ). Архимандритъ Іоасафъ съ братіей и всѣ осажденные послали къ князю просить о помощи. И князь прислалъ имъ помощь: 19-го октября 1609-го года прибылъ отъ него въ монастырь отрядъ отборныхъ воиновъ въ 600 человѣкъ и съ нимъ 300 человѣкъ служащихъ подъ начальствомъ воеводы Давида Жеребцова. Съ этимъ, присланнымъ отъ князя, отрядомъ Троицкіе сидѣльцы могли считать себя уже въ полной безопасности: если одни они въ состояніи были отражать приступы Поляковъ, то теперь, когда пришло къ нимъ свѣжихъ людей втрое противъ того, сколько ихъ было (считаемъ только пришедшихъ воиновъ безъ служащихъ), могла быть уже полная увѣренность въ этомъ. Но Поляки, какъ мы сказали, уже и не дѣлали болѣе приступовъ къ монастырю. Что касается до самого Жеребцова, то Палицынъ, какъ будто нерасположенный къ нему за то, что онъ по прибытіи въ монастырь взялъ въ свои руки все завѣдываніе съѣстными припасами и при этомъ поступилъ очень круто, отнявъ ключи у прежнихъ завѣдующихъ, представляетъ его въ комическомъ видѣ. Онъ говоритъ, что Жеребцовъ разбранилъ сидѣльцевъ за простоту, съ которою они дѣлали вылазки на Поляковъ, и хотѣлъ показать имъ, какъ нужно дѣлать ихъ по всѣмъ правиламъ военнаго искусства; но что нѣсколько опытовъ его вылазокъ окончились самымъ печальнымъ образомъ, такъ что его должны были выручать тѣ же сидѣльцы съ своей простотой и такъ что „Нѣмецкая мудрость“ (которую,—подразумѣвается,—Жеребцовъ позаимствовалъ у Шведовъ, союзниковъ Шуйскаго) оказалась совершенно посрамленною передъ этою Русскою простотою, подкрѣпляемою упованіемъ на Бога и на преподобнаго Сергія.

4-го января 1610-го года князь Шуйскій прислалъ въ Троицкій монастырь для нападенія на Поляковъ воеводу Григорія Валуева съ 500 солдатъ. Валуевъ вмѣстѣ съ Жеребцовымъ и съ старыми монастырскими сидѣльцами въ тотъ же день вышелъ противъ Поляковъ изъ монастыря и имѣлъ

съ ними жаркій бой: побѣда осталась нерѣшенною, но хотя съ обѣихъ сторонъ было много убитыхъ, однако со стороны Поляковъ болѣе, чѣмъ съ нашей, и наши если не совсѣмъ выжгли, то полувыжгли станъ или лагерь Сапѣгинъ. На 9-й день послѣ битвы съ Валуевымъ, 12-го января 1610-го года Поляки, какъ нужно думать—получивъ ложную вѣсть о движеніи къ монастырю князя Михаила Шуйскаго со всѣмъ войскомъ, чего у Троицы ждали, внезапно снялись изъ-подъ монастыря и съ безпорядочной быстротой побѣжали по направленію къ Дмитрову.

Такъ кончилась 16-ти мѣсячная знаменитая осада Троицкаго монастыря Поляками. Въ настоящее время она воспоминается въ лаврѣ тѣмъ, что 12-го января, въ день отступленія отъ нея Поляковъ, бываетъ крестный ходъ кругомъ нея по сохранившей ее отъ Поляковъ городовой или монастырской стѣнѣ.

XIV.

Царскіе богомольные походы къ Троицѣ.

Преподобный Сергій возсіялъ въ Московской Руси какъ величайшій ея святой: естественно, что онъ началъ быть и чтимъ въ этой Руси исключительнымъ образомъ. Такимъ исключительнымъ образомъ стало чтить его все населеніе нашей Руси; такимъ исключительнымъ образомъ стали чтить его и ея государи. Государи признали въ преподобномъ Сергіи нарочитаго патрона или покровителя Русской земли и своего собственнаго и нарочитаго ходатая за землю и за себя передъ Богомъ,—признали въ немъ, какъ говоритъ одинъ старый сказатель, Богомъ даннаго помощника всему государству и всюду и вездѣ царемъ и великимъ княземъ помощника во бранѣхъ, получившаго отъ Бога благодать всю Россійскую землю заступати отъ находящихъ враговъ христіанскихъ, отъ безбожныхъ Татаръ и Нѣмецъ и Литвы и прочихъ языкъ, не чтущихъ по истинѣ Бога Господа нашего Іисуса Христа и хотящихъ разорити православное христіанство (ср. выше стр. 115). Какъ всѣ усердно начали ходить на богомолье въ монастырь преподобнаго Сергія, чтобы молиться у его гроба и лобызать его мощи: такъ усердно и болѣе усердно, чѣмъ кто нибудь, начали дѣлать это и государи. Въ почитаніи величайшаго святаго земли государи считали себя обязанными показывать примѣръ всѣмъ другимъ, и они дѣйствительно показывали этотъ примѣръ. Предпринимая въ монастырь преподобнаго частыя экстренныя путешествія, чтобы просить его о чемъ либо или благодарить его за что либо, государи считали своимъ долгомъ предпринимать въ монастырь и путешествія обычныя или изъ года въ годъ постоянныя и правильныя,—ко дню его празднествъ, каковы: день святыя Троицы—храмовой праздникъ монастыря и день кончины преподобнаго Сергія—25-го сентября (весенній и осенній Троицкіе походы)[1].

[1] О царскихъ пріѣздахъ въ монастыри: Кирилловъ, Троицкій Сергіевъ, Волоколамскій см. въ Извѣстіяхъ Русс. Археологическаго Общества, т. I, в. 2, стрр. 74—87. Объ отходѣ государей изъ Москвы къ Троицѣ и о возвращеніи въ Москву отъ Троицы нарочитое въ Вивліоѳикѣ VI, 176.

Первые послѣ смерти преподобнаго Сергія государи отличались простотой и не заботились еще о томъ, чтобы обставлять свои путешествія въ его монастырь какими либо особенными удобствами. Но царь Иванъ Васильевичъ Грозный позаботился объ этихъ удобствахъ: въ 1556-мъ году онъ приказалъ построить въ Троицкомъ монастырѣ для своихъ пріѣздовъ дворецъ и въ то же время приказалъ построить дворцы и по своимъ царскимъ селамъ, лежавшимъ на дорогѣ къ Троицѣ, чтобы дѣлать въ нихъ остановки и ночевки во время пути въ монастырь и изъ монастыря[1]. Въ Самозванщину, когда вся мѣстность между Москвой и лаврой была опустошена Поляками, пострадали болѣе или менѣе и сельскіе дорожные дворцы, а дворецъ, находившійся въ самой лаврѣ, во время осады послѣдней Поляками приведенъ былъ въ состояніе необитаемости, если только не совсѣмъ былъ уничтоженъ. Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ приказалъ построить новый дворецъ въ монастырѣ (въ 1620-мъ году) и новые дворцы по селамъ (въ 1622—1623-мъ году), а царь Алексѣй Михайловичъ прибавилъ потомъ къ возобновленнымъ дворцамъ Грознаго еще одинъ дворецъ, котораго прежде не было.

Бывшія царскія села, въ которыхъ находились дорожные или путные дворцы государей между Москвой и Троицей, суть слѣдующія:

1. Алексѣевское,— въ трехъ верстахъ отъ Москвы, до построенія церкви въ концѣ первой четверти XVII вѣка сельцо Копытово, состоявшее сначала въ помѣстьи за княземъ Дмитріемъ Тимофеевичемъ Трубецкимъ, а потомъ отданное ему въ вотчину, отъ церкви Алексѣя человѣка Божія, построенной въ немъ княземъ до 1625-го года, въ которомъ онъ скончался, получившее названіе села Алексѣевскаго, послѣ смерти супруги князя около 1650-го года поступившее въ дворцовое вѣдомство. Въ этомъ селѣ построенъ былъ дворецъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ въ дополненіе къ дворцамъ, построеннымъ Михаиломъ Ѳедоровичемъ. Дворецъ деревянный, какъ и всѣ другіе дорожные дворцы между Москвой и Троицей, весьма не роскошный, но довольно большой, имѣвшій около 30-ти саженъ длины, описанный въ 1802-мъ году Карамзинымъ, который осматривалъ его во время своей поѣздки къ Троицѣ, сломанъ не задолго до 1812-го года.

2. Тайнинское или Тайницкое, въ старое время называвшееся обыкновенно Танинскимъ[2] (названіе, вѣроятно, отъ слова: тоня, которымъ могла быть обозначена въ смыслѣ рыбнаго ловища и рыбнаго хранилища бывшая въ селѣ для сейчасъ указанныхъ цѣлей запруда рѣки Яузы), находившееся въ 13-ти верстахъ отъ Москвы на рѣкѣ Яузѣ (въ 4-хъ верстахъ къ западу отъ Мытищъ), принадлежавшее въ XIV вѣкѣ князю Владимиру Андреевичу Храброму и потомъ со всѣмъ удѣломъ Радонежскимъ достав-

---

[1] О подробномъ описаніи путешествія къ Троицѣ Бориса Годунова см. у Аделунга въ Обозрѣніи путешественниковъ, II, 71.

[2] Царь Алексѣй Михайловичъ называлъ Танинскимъ и Тонинскимъ,— Сборникъ Муханова, 1 изд., № 148, стр. 215 и 221. Императрица Елизавета Петровна Танинскомъ (Танинскъ), ibid. стр. 262 (въ іюлѣ 1729 г. она въ немъ).

шееся великимъ князьямъ. Дворецъ, построенный въ немъ царемъ Михаиломъ Ѳедоровичемъ, былъ уже въ развалинахъ при императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ. Елизаветою Петровною, въ вотчинномъ владѣніи которой состояло село въ бытность ея великой княжной и въ которомъ иногда проживала она, будучи великой княжной, построенъ былъ новый дворецъ; но и этотъ дворецъ, когда осматривалъ его Карамзинъ въ томъ же 1802-мъ году, представлялъ изъ себя развалины, которыя собирались продавать на свозъ (изображеніе очень хорошей каменной церкви села Тайнинскаго, построенной Михаиломъ Ѳедоровичемъ или Алексѣемъ Михайловичемъ, см. въ Русской Старинѣ Снегирева и Мартынова).

3. Братовщина, въ XVII вѣкѣ и ранѣе называвшееся Братошинымъ (Братошино), находящееся въ 32-хъ верстахъ отъ Москвы. На мѣстѣ дворца Михаила Ѳедоровича также былъ построенъ Елизаветою Петровною новый дворецъ,—деревянный на каменномъ фундаментѣ (имѣвшій до 20-ти комнатъ, изъ которыхъ нѣкоторыя были богато убраны). Въ 1775-мъ году императрица Екатерина, которой понравилось мѣстоположеніе Елизаветинскаго дворца, приказала было построить рядомъ съ нимъ обширнѣйшій каменный дворецъ. Но дворецъ только былъ начатъ и не былъ оконченъ, а Елизаветинскій деревянный дворецъ за ветхостію былъ сломанъ въ 1819-мъ году[1].

Между Тайнинскимъ и Братовщиной находится село Пушкино, но оно было не царское, а патріаршее. Патріархи имѣли въ немъ свой дворъ съ хоромами, въ которыхъ и останавливались во время своихъ походовъ къ Троицѣ.

4. Воздвиженское, находящееся въ 52-хъ верстахъ отъ Москвы и 12-ти верстахъ отъ лавры, на рѣкѣ Пажѣ, извѣстное казнію въ немъ 17-го сентября 1682-го года князей Хованскихъ (на площади у большой Московской дороги), о чемъ жители села нѣсколько помнятъ до настоящаго времени. Когда въ продолженіе XVIII-го, а можетъ быть—уже и XIX-го, вѣка окончилъ свое существованіе здѣшній дворецъ Михаила Ѳедоровича, не имѣемъ свѣдѣній (говорятъ, что оставшійся отъ дворца и долго стоявшій такъ фундаментъ употребленъ былъ на построеніе нынѣшней каменной церкви села, которая позднѣйшимъ владѣльцемъ села А. И. Мухановымъ складена въ 1845-мъ году).

Иногда государи вмѣсто Тайнинскаго останавливались въ селѣ Мытищахъ (одна половина котораго въ XVII вѣкѣ принадлежала имъ—государямъ, а другая Троицкому монастырю)[2] и на полдорогѣ между Братов-

[1] Въ с. Братовщинѣ въ 1702-мъ году была таможня см. Голландск. путешеств. Корнилія Де-Бруина въ Чтен. Общ. Ист. и Древн. Росс. 1872 г., кн. I, стр. 37 fin. Монастырь Никола на Братошинѣ упоминается ок. 1509 г. Собр. госуд. грамм. и догов. I, 405 col. 1; подъ 1552 г. упомин. Кириллъ игуменъ Браташинскій т. е. монастыря въ с. Братовщинѣ,—у Строева въ Спискахъ іерарховъ col. 1051 fin.

[2] Замѣтимъ здѣсь кстати, что производство названія села Мытищъ отъ того, будто въ немъ была мытная застава съ мытною избой, гдѣ мытники со-

Карта XVIII в. мѣстности между Москвой и Троице-Сергіевымъ монастыремъ.

щиной и Воздвиженскимъ дѣлали остановку въ деревнѣ Талицахъ. Въ такихъ случаяхъ были разбиваемы для нихъ въ Мытищахъ и Талицахъ шатры или палатки.

Въ правленіе царя Алексѣя Михайловича, относительно времени котораго (1645—1676) мы имѣемъ свѣдѣнія, царскіе богомольные походы къ Троицѣ совершались слѣдующимъ образомъ.

Намѣреваясь предпринять походъ, государь посылалъ въ монастырь своего чиновника съ грамотою, въ которой увѣдомлялъ монастырскія власти, что „его—великаго государя пришествіе къ празднику къ нимъ будетъ". Затѣмъ, отдаваемо было приказаніе „для государева походу мосты дѣлать и мостить и гдѣ худы починивать, гати гатить и вѣхи ставить". Это предварительное исправленіе дороги необходимо было по тогдашнему состоянію нашихъ дорогъ, которыя всѣ были тоже, что́ теперешнія наши проселочныя дороги, а по симъ послѣднимъ дорогамъ, какъ извѣстно, невозможенъ безъ предварительнаго исправленія не только высочайшій, но даже архіерейскій или губернаторскій проѣздъ[1]. Передъ выѣздомъ государя изъ Москвы посылаемъ былъ окольничій или—что чаще—въ окольничаго мѣсто дворяне „для дворовъ" (иначе: „для становъ", „для заимки становъ"), т. е. для осмотра дорогъ и приготовленія сельскихъ дворцовъ къ пріему государя.

бирали съ телѣгъ и саней, также съ прибылыхъ людей, мытную пошлину (И. М. Снегиревъ въ Путеводителѣ изъ Москвы въ Троице-Сергіеву лавру), совершенно неосновательно. Мытныя заставы не назывались мытищами, а какъ и самый сборъ—мытами, именит. мытъ и мыто (см. въ Матеріалахъ для словаря древне-русскаго языка *И. И. Срезневскаго* сл. мыто). Грамота Симоновскаго монаха Адріана Ярлыка отъ 1460-го года, на которую напрасно ссылаются въ подтвержденіе производства (тотъ же Снегиревъ), напротивъ ясно даетъ знать, что подъ мытищемъ должно разумѣть не заставу, а мѣстность, ибо въ ней говорится, что у Адріана Ярлыка на Яузскомъ мытищи было нѣсколько деревень (грамота въ Актахъ Юридическихъ *Калачова*, т. I, № 85, col. 553). Какая мѣстность обозначалась словомъ: мытище, это пока съ достовѣрностію не можетъ быть сказано, такъ какъ въ актахъ, сколько до сихъ поръ найдено, и всего одинъ разъ встрѣчается слово: мытище, при чемъ, въ этомъ единственномъ извѣстномъ случаѣ, съ одной стороны, совершенно ясно, что слово означаетъ мѣстность, а съ другой стороны—нисколько не поясняется, нарочно или ненарочно, какую именно; межевая грамота 1504-го года въ Собр. госудд. грамм. и договв. т. I, стр. 368, col. 1. Судя по мѣстности села Мытищъ и по его окрестности, должно думать, что словомъ: мытище обозначались мѣстности мочевинистыя, ключевистыя.—Историческія свѣдѣнія о селѣ см. у Холмогоровыхъ въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн. Росс., 1886 г., кн. I, стр. 47.

[1] Не во времена Алексѣя Михайловича, а въ 1843-мъ году митр. Филаретъ писалъ намѣстнику Антонію: „говорятъ, что дорога въ лавру чрезмѣрно худа", и спрашивалъ: „нѣтъ ли проселочной, хотя не такъ близкой, но болѣе удобной",—письмо № 387 (можетъ быть, впрочемъ, въ 1843-мъ году, по причинѣ того, что проводилось шоссе, большая дорога была не настоящая, а какая нибудь временная).

Также посылаемы были въ дорожные дворцы стряпчіе съ сытниками „ставки (медовыя) ставить и всякіе обиходы готовить". Намѣреваясь покинуть, хотя и на весьма непродолжительное время, столицу государь назначалъ извѣстныхъ бояръ, которымъ приказывалъ вѣдать въ ней въ свое отсутствіе дѣла государственныя, равно какъ и оберегать его царское семейство, если послѣднее не имѣло сопутствовать ему въ походѣ. Въ самый день выѣзда, передъ тѣмъ какъ сѣсть на коня или въ карету, государь шолъ въ Успенскій соборъ, слушалъ напутственное молебствіе, прикладывался къ образамъ и къ мощамъ святителей и получалъ благословеніе отъ патріарха. Иногда послѣ Успенскаго собора государь ходилъ въ Архангельскій соборъ, чтобы поклониться гробамъ родителей. Царскіе поѣзда были огромные, представлявшіе изъ себя, можно сказать, цѣлыя арміи, и такъ какъ самой Москвой, отъ Кремля до заставы, шествіе ихъ совершалось особеннымъ, „наряднымѣ", образомъ,—то выѣзды государей изъ Москвы въ походъ составляли своего рода великолѣпнѣйшіе парады, смотрѣть на которые сбѣгалась вся Москва. Съ нарочитымъ великолѣпіемъ устраивались эти выѣзды, если находились въ Москвѣ иностранные послы, которыхъ водили смотрѣть на нихъ[1].

Одинъ иностранецъ оставилъ намъ описаніе шествія, и именно—нарочито великолѣпнаго для иностранныхъ пословъ, царскаго поѣзда Москвой, это—Адольфъ Лизекъ, состоявшій секретаремъ при Австрійскихъ послахъ, бывшихъ въ Москвѣ въ 1675-мъ году, и видѣвшій шествіе Москвой царскаго поѣзда, отправлявшагося къ Троицѣ на праздникъ преставленія преподобнаго Сергія—25-е сентября. „29-го (по Русскому счету 19-го) сентября, пишетъ Лизекъ, въ 8-мъ часу утра воевода Яновъ (думный дворянинъ Василій Ѳедоровичъ Яновъ) съ 1500 ветерановъ пѣхоты прежде всѣхъ отправился приготовлять путь для государя въ слѣдующемъ порядкѣ: впереди везли пушку, по бокамъ ея шли два канонера, одинъ съ копьемъ, на концѣ котораго былъ двуглавый орелъ съ фитилемъ въ когтяхъ, другой опоясанъ мечемъ и вооруженъ длинною сѣкирою; за ними два конюха вели превосходнаго пѣгаго аргамака воеводы въ тигровыхъ пятнахъ; впереди отряда ѣхалъ на такомъ же конѣ воевода въ богатой одеждѣ, унизанной жемчугомъ; у коня удила были серебряныя, повода сученые изъ золотыхъ снурковъ, чапракъ изъ краснаго штофа, выложенный финифтью и золотомъ кованымъ; по бокамъ шла фаланга сѣкироносцевъ въ красныхъ суконныхъ одеждахъ; далѣе между двумя копѣйщиками слѣдовалъ знаменоносецъ; за ними трубачи и барабанщики, гремѣвшіе на своихъ инструментахъ; наконецъ, двадцать ротъ стрѣльцовъ, при мечахъ, съ самопалами въ лѣвой рукѣ и съ кривыми топорами (бердышами) на правомъ плечѣ; передъ каждою ротою ѣхала фура; походъ двинулся въ поле, гдѣ въ ожиданіи царя уже было выстроено 14 тысячъ войска, и все затихло".

Это былъ, такъ сказать, квартирмейстерскій отрядъ, посланный напе-

[1] Cfr Новый лѣтописецъ, напечатанный въ XVII книгѣ Временника Импер. Общ. Ист. и Древн. Росс., стр. 196 нач..

редъ выѣзда государя „для становъ", о чемъ мы сказали сейчасъ выше. Выѣздъ самого царя Алексѣя Михайловича имѣлъ мѣсто въ часъ по полудни. „Народу было, продолжаетъ Лизекъ, такое стеченіе, что не только на площади и въ окошкахъ, но даже на крышахъ домовъ и церквей не было празднаго мѣста. На одной крышѣ сидѣлъ на коврѣ Персидскій посолъ со всею свитою. Прежде всего выѣхалъ отрядъ всадниковъ, по серединѣ котораго постельничій Иванъ Демидовичъ (исправлявшій обязанности постельничаго стольникъ и ближній человѣкъ Иванъ Демидовичъ Голохвастовъ) самъ велъ двухъ любимыхъ царскихъ коней, покрытыхъ тонкимъ краснымъ сукномъ; за ними потянулся обозъ повозокъ, числомъ больше тридцати, одна за другою (въ которыхъ находился царскій гардеробъ и всѣ дорожныя принадлежности или все, что было необходимо въ дорогѣ); далѣе отрядъ царской стражи, впереди котораго шли двѣсти пятьдесятъ скороходовъ, безъ музыки и безъ барабаннаго боя, неся въ рукахъ поднятые вверхъ бичи, ярко блестѣвшіе золотомъ. Начальникъ отряда, чашникъ и голова, Георгій Петровичъ Лутохинъ отличался сколько блескомъ наряда, столько же и своею важностію. Подъ нимъ былъ лихой конь въ дорогомъ уборѣ, безпрестанно грызшій серебряныя удила. По такому началу мы ожидали увидѣть что нибудь необыкновенное, и не обманулись. Слѣдующій поѣздъ привелъ насъ въ изумленіе. Впереди ѣхалъ конюшій Тарасъ Радобшинъ (Растопчинъ), за нимъ вели 62 превосходныхъ (царскихъ верховыхъ) коня, на которыхъ вся сбруя и попоны горѣли золотомъ и серебромъ; 12 лошадей изъ-подъ царской кареты (т. е. назначенныхъ подъ царскую карету, на смѣну тѣмъ лошадямъ, которыя были подъ каретою), покрытыхъ краснымъ штофомъ, вели каждую по два конюха подъ устцы одну за другою. Наконецъ, ѣхала второстепенная карета его величества, ослѣплявшая блескомъ золота и хрусталя.

„Новымъ поѣздомъ управлялъ (ясельничій) Петръ Яковлевичъ Вышеславскій; позади его несли скамейку, обтянутую краснымъ сукномъ, которую даютъ подъ ноги царю, когда онъ садится на лошадь; потомъ ѣхали восемь главныхъ всадниковъ, которые при этомъ служатъ его величеству, въ одеждѣ, гораздо пышнѣйшей прежнихъ и съ серебряными и позолоченными кольцами на передней части сапоговъ; посереди ихъ несли персидскіе ковры для лошадей, удивительно вытканные серебромъ и золотомъ, каждый по два человѣка. Потомъ ѣхали стрѣлки со стрѣлами въ рукахъ и два оруженосца съ мечами его царскаго величества и наслѣдника престола; далѣе два молодые боярина; за ними по обоимъ бокамъ улицы по 200 стрѣльцовъ очищали дорогу съ посеребреными и золоченными хлыстами одинаковаго размѣра; наконецъ, въ каретѣ ѣхалъ царь съ наслѣдникомъ и главнымъ воеводою Долгорукимъ (Юріемъ Алексѣевичемъ, ближнимъ бояриномъ и дворецкимъ и намѣстникомъ Суздальскимъ); по бокамъ длинные ряды копѣйщиковъ и сѣкироносцевъ и у самой кареты множество бояръ, стольниковъ и чашниковъ въ золотѣ, серебрѣ и жемчугѣ. Поѣздъ заключался тремя каретами и толпою слугъ.

„Съ подобною же пышностію изъ другихъ воротъ дворца показался

поѣздъ царицы. Впереди ѣхалъ Иванъ Грибоѣдовъ (стрѣлецкій голова) съ двумя стами скороходовъ, за ними вели двѣнадцать рослыхъ, бѣлыхъ какъ снѣгъ, лошадей изъ-подъ царицыной кареты, обвязанныхъ шолковыми сѣтками. Потомъ слѣдовала маленькая, вся испещренная золотомъ, карета младшаго князя (Петра, будущаго Петра Великаго, родившагося 30-го мая 1672-го года) въ четыре лошадки пигмейской (крошечной) породы; по бокамъ шли четыре карлика и такой же сзади на крохотномъ конькѣ. Въ другой каретѣ везли царскихъ дѣтей; за ними слѣдовала карета царицы, чрезвычайно большая, запряженная двѣнадцатью лошадьми; по бокамъ шли пѣшкомъ отецъ царицы (Кирило Полуектовичъ Нарышкинъ), Артамонъ (Сергѣевичъ Матвѣевъ) и множество сановниковъ; въ каретѣ, также въ 12-ть лошадей, ѣхали сестры и родственницы царской фамиліи и 42 лошади везли придворныхъ дамъ; позади всѣхъ отрядъ конницы".

По выѣздѣ изъ Москвы государь имѣлъ остановку, которая, равно какъ и ея мѣсто, называлась „слазкой", каковое названіе значитъ то, что государь, ѣхавшій верхомъ, какъ государи проѣзжали Москвой бо́льшею частію, слѣзалъ на мѣстѣ съ коня. До 1652-го года слазка бывала у Марьиной рощи, а съ этого года „у креста", поставленнаго на мѣстѣ срѣтенія мощей митрополита Филиппа и случившейся при семъ внезапной кончины митрополита Ростовскаго Варлаама. Для государя и его свиты раскидывались шатры; государь входилъ въ свой шатеръ, отдыхалъ въ немъ послѣ церемоніальнаго шествія Москвой и перемѣнялъ нарядное городское платье на болѣе скромное дорожное. О палаткахъ, которыя у слазки раскидывались для царя и его свиты, Лизекъ говоритъ: „снаружи онѣ были обтянуты тонкимъ алымъ сукномъ съ разными на немъ фигурами, а внутри обиты шолковыми, серебряными и золотыми тканями и отдѣлялись одна отъ другой матерчатыми занавѣсами; форма ихъ имѣла видъ четвероугольной крѣпостцы со рвами, окопами и башенками по угламъ". Со „слазки" государь посылалъ стольниковъ и ближнихъ людей къ царицѣ съ дѣтьми, если они ему не сопутствовали, къ патріарху и къ нѣкоторымъ боярамъ „со здоровьемъ", т. е. спросить о здоровьѣ, что́ въ отношеніи къ царицѣ и патріарху было дѣломъ принятаго этикета, а въ отношеніи къ боярамъ, не всегда однимъ и тѣмъ же, но то однимъ, то другимъ, составляло почетъ и отличіе („государево жалованье").

Если государь выѣзжалъ изъ Москвы поздно, то первая остановка была въ селѣ Алексѣевскомъ, въ противномъ случаѣ—въ селѣ Тайнинскомъ или, какъ бывало иногда, въ Мытищахъ; дальнѣйшія остановки были: въ Братовщинѣ и Воздвиженскомъ, иногда—въ Пушкинѣ и Талицахъ. Какъ бы впрочемъ ни располагались остановки до Воздвиженскаго, но въ этомъ селѣ всегда была послѣдняя остановка передъ Троицей. Во время путешествія въ монастырь государи и государыни принимали подношенія отъ крестьянъ и крестьянокъ лежавшихъ по дорогѣ селеній, которымъ приказывали выдавать наградныя деньги въ томъ или другомъ количествѣ, подавали священникамъ попутныхъ селъ на молебны и „проѣзжую милостыню", одѣляли той же проѣзжей милостыней встрѣчавшихся на дорогѣ

и нарочно выходившихъ на дорогу нищихъ. Для складыванія подношеній, состоявшихъ въ хлѣбахъ, калачахъ, пирогахъ, блинкахъ, сырѣ, квасѣ, бражкѣ, медѣ, медовыхъ сотахъ, рѣпѣ и другихъ овощахъ, ягодахъ, пряникахъ, находилась въ числѣ упоминаемыхъ Лизекомъ 30-ти повозокъ повозка или телѣга „поборная“. Замѣчательно, что государыни для своихъ царскихъ дѣтей покупали во время дороги калачиковъ, орѣховъ, ягодъ, моркови и рѣпы.

Скоро или медленно совершали государи путешествіе къ Троицѣ, иногда идя прямо, а иногда и съ большими крюками, но къ кануну праздника (того или другаго) пріѣзжали въ Воздвиженское. Наканунѣ праздника передъ обѣдней являлись въ Воздвиженское Троицкія власти съ образами и хлѣбами, „бить челомъ государю (пожаловать) къ празднику къ Сергію чудотворцу“, и были обыкновенно принимаемы имъ въ Передней палатѣ въ то время, какъ онъ шелъ въ церковь за обѣдню. Нѣкоторое пространство передъ монастыремъ государи шли пѣшкомъ: большею частію слѣзали они съ лошади или выходили изъ кареты, чтобы совершать свое пѣшее шествіе, у Кесовыхъ прудовъ, находившихся подлѣ дороги въ 4-хъ верстахъ отъ Троицы (пруды, изъ которыхъ одинъ остается и до настоящаго времени, назывались такъ по несуществующему теперь селу Кесеву или Кіясову, во врагѣ подъ которымъ они были выкопаны или запружены), но иногда во врагѣ Убитикѣ, находящемся въ $3^1/_2$ верстахъ отъ монастыря, иногда передъ селомъ или въ селѣ Клементьевомъ. У Клементьевской церкви, а иногда и подъ самымъ монастыремъ, на Красной площади, раскидывался для государя шатеръ, въ который онъ входилъ, чтобы перемѣнить дорожное платье на городское.

О томъ, какъ встрѣчаемы были государи въ монастырѣ и какъ они молились въ немъ[1], читается слѣдующая запись въ монастырскомъ уставѣ XVII вѣка подъ 25-мъ сентября: „Малую вечерню (наканунѣ праздника) поютъ, какъ пріѣдетъ архимаритъ отъ государя изъ Воздвиженскаго,—къ малой вечернѣ благовѣстъ; и потомъ поютъ на воротѣхъ (въ церкви преподобнаго Сергія) вечерню болшую, а звонятъ во всѣ колокола три часы, архимаритъ ходитъ со всею братіею къ вечернѣ, а поютъ безъ литѣи по-

[1] Въ статьѣ „О царскомъ пришествіи въ Кириловъ монастырь когда государь изволитъ“, напечатанной въ Извѣстіяхъ Археологическаго Общества, т. I, вып. 1-й, col. 75—80: при встрѣчѣ государя въ святыхъ воротахъ діакона, покадивъ по чину государя и царевича, „потомъ покадитъ ихъ государевы шапочки или колпаки по тому чину со осѣненіемъ“ col. 76; „послѣ евангелія на молебнѣ пойдетъ государь къ образомъ, прикладывать золотые“,—col. 80; „(обѣдню) служатъ для государя въ дву потирехъ“,—col. 79, при провоженіи государя изъ монастыря „ударятъ челомъ государю образи Божія милосердія и казенными поминки: чашки и лошки и кожи и посохи монастырскаго дѣла и окончины и питіемъ и рыбою“,—col. 80; относительно посоха на богослуженіи замѣчено, что послѣ указа патр. Никона отъ 18-го декабря 1653-го, которымъ посохи отставлены, „подносить (посоховъ) опричь государя никому не велѣно“,—col. 78 нач.

скору,—*стихиры на 6.* И послѣ вечерни архимаритъ и священницы и діакони въ ризахъ[1] пойдутъ встрѣчать государя и вся братія; а какъ государь будетъ близко Убитика (врагъ на дорогѣ, верстахъ въ полуторыхъ отъ посада и верстахъ въ трехъ съ половиной отъ монастыря), и въ то время и ранѣе станутъ благовѣстить въ большой колоколъ. И встрѣчаютъ государя во святыхъ вратѣхъ архимаритъ со крестомъ, а большой діаконъ съ кадиломъ съ Никонскимъ,—архимаритъ благословляетъ государя крестомъ большимъ, и покланяются вси государю и пойдутъ впредь (впередъ его) къ церкви, діакони по два по два и по нихъ священницы по два по два, и по нихъ архимаритъ со крестомъ. И какъ государь внидетъ во врата церковная, и діаконъ съ кадиломъ говоритъ ектенью, и государь ходитъ ко образамъ и къ чудотворцу; и совершивъ ектенью отпустъ со крестомъ,—архимаритъ государя благословляетъ крестомъ. И потомъ государь станетъ на мѣстѣ, архимаритъ, снявъ ризы, поднесетъ государю посохъ (для стоянія съ нимъ во время службы, чтобы опираться на него въ случаѣ усталости,—были тогда у насъ въ монастыряхъ употребительны эти посоха, при чемъ мірянамъ они раздаваемы и разсылаемы были на благословеніе, cfr нынѣшняго церковнаго устава главу 26-ю), да зоветъ государя ко всенощному. И государыню царицу встрѣчаютъ такожъ. И потомъ государь пойдетъ во храмъ чудотворца Никона и въ большую церковь Пречистую (т. е. Успенскій соборъ): такожъ и тамъ ектенья говорятъ,—ходитъ архимаритъ да діаконъ; а изъ Пречистые храма государь пойдетъ въ свои кельи, архимаритъ и келарь и казначей и соборные старцы провожаютъ и тамо на крыльцѣ келейномъ подносятъ государю питіе, а государь царь жалуетъ архимарита и бояръ и келаря и соборныхъ старцевъ питіемъ.

„А всенощное начинаютъ въ ризахъ, діаконъ со свѣщею, а попъ съ кадиломъ, и поютъ по уставу; ко всенощному благовѣстятъ, какъ государь прикажетъ. И какъ государь пойдетъ изъ келей ко всенощному, и въ тотъ часъ звонятъ во вся; и какъ станутъ пѣти всенощное, и власти біютъ челомъ государю, поклоняются по два жъ, и потомъ головщики по два съ крилоса; потомъ архимаритъ даетъ посохи бояромъ и честнымъ дворяномъ и дьякомъ. А на всенощномъ на величаніи свѣчи даютъ монастырскіе,—попомъ витые, а крилошаномъ гладкіе; и пойдетъ поранѣе, какъ запоютъ: Хвалите имя Господне, и понесетъ государю архимаритъ свѣчу и потомъ бояромъ и честнымъ дворяномъ; и поставятъ праздникъ (образъ преподобнаго Сергія) посреди церкви, а понамарь большой со свѣщею (т. е. передъ образомъ), а у раки у чудотворцовы станутъ два діакона со свѣщами, архимаритъ въ монатьѣ со всѣмъ соборомъ, и вземъ

[1] О ризахъ въ одной нарочитой записи о пріѣздѣ государя къ Троицѣ читается: „На архимаритѣ ризы живутъ (бываютъ) Никонскые или старые монастырскіе или королевины дачи или Глинского,—изъ тое статьи которые ризы изволитъ, въ тѣ облачитца, а на священницахъ ризы камчатные бѣлые новые, а на діаконѣ на болшемъ стихарь саженой (т. е. низанный жемчугомъ), а на прочихъ діаконѣхъ стихари камчатные новые“.

кадило и кадитъ чудотворцову раку и потомъ праздникъ и государя и всю церковь и цѣлуютъ праздникъ и мощи. И потомъ пойдетъ государь къ чудотворцу (къ мощамъ преп. Сергія) и къ празднику, и бояре и честные дворяне, и прощается (кланяется) государь ко архимариту, и архимаритъ, стоя на мѣстѣ, государя благословляетъ рукою издали, да челомъ низко. И потомъ статья чтенью и прочее по ряду заутреню. И по отпѣтіи поставляютъ паки праздникъ посреди церкви на цѣлованіи, и клиросане поютъ: Слава, Пріидите иночествующихъ, и архимаритъ ходитъ къ цѣлованію со всѣмъ соборомъ, и потомъ часъ первый и отпустъ. И архимаритъ и келарь провожаютъ государя до келліи и зовутъ государя къ обѣднѣ.

„А къ обѣднѣ благовѣстъ, какъ государь укажетъ; а воду святятъ послѣ всенощнаго тотчасъ; а на молебнѣ свѣчи государскіе, и потомъ обѣдня; а на обѣднѣ апостолъ и евангеліе Пречистой да чудотворцу, а на воротѣхъ такожъ, а по прочимъ церквамъ рядъ да святому; а кушаетъ государь иногда въ трапезѣ, а иногда въ келліи у себя, какъ изволитъ".

Праздничный столъ на братію былъ отъ государя или, иначе сказать, государь отъ себя „кормилъ" братію праздничнымъ столомъ[1]. Если онъ ходилъ кушать въ трапезу, то самъ и подчивалъ братію (одѣлялъ ее между прочимъ коврижками и если не всегда, то иногда—имянинными пирогами, каковое названіе, можно думать, означало вообще пироги, жалуемые въ почесть)[2]; если же кушалъ у себя въ комнатахъ, то подчивать братію наз-

[1] Что значитъ „въ столы сказывать" и „смотрѣть въ столы" см. у Сергѣевича въ Русскихъ Юридическихъ древностяхъ, I, 477 fin. и 478.

[2] О подачахъ отъ государей властямъ монастыря читается въ одномъ чудѣ архим. Діонисія: „Нѣкогда прилучися во обитель святыя Троицы и къ чудотворцемъ приходъ самодержцевъ (царя Михаила Ѳедоровича), яко же обычай есть на праздники, и по исполненіи вечерняго и утренняго пѣнія и литургіи самодержецъ бысть за столомъ и по обычаю царскому властемъ подачи подавая, въ кельи же въ архимаричьѣ подачи царскія пріимая нѣкій слуга..., навѣтомъ же діаволимъ обольстився обоняніемъ тѣхъ ѣствъ, отрѣзая по малу отъ всѣхъ подачъ, наполнивъ блюдо"... Далѣе дается знать, что подачами царскими архимандритъ угощалъ пришедшихъ къ нему гостей. См. чудо въ брошюрѣ *Д. Скворцова:* „Діонисій Зобниновскій, архимандритъ Троицы-Сергіева монастыря", Тверь, 1890, стр. 53. Въ записи „О царскомъ пришествіи въ Кириловъ монастырь, когда государь изволитъ", читаемой въ келарскомъ Обиходникѣ Кириллова монастыря 1656-го года, напечатанной въ I томѣ Извѣстій Спбургскаго Археологическаго Общества, coll. 75—81, читается о государевой трапезѣ въ монастырѣ и угощеніи государемъ братіи: „Послѣ обѣдни государь ходитъ въ свои кельи, и по времяни государь приходитъ въ трапезу; и какъ государь войдетъ въ трапезу, и чтецъ учнетъ тотчасъ чести отъ житія чудотворца Кирилла или пречистыя Богородицы Успенія слова въ торжественникѣ,—о томъ доложитъ государева уставщика, какъ велятъ; и тогда государь братію жалуетъ, шти подаетъ изъ своихъ рукъ, подлѣ столовъ ходя, а ему—государю подносятъ свои государьскіе стольники; потому жъ государь жалуетъ медомъ и милостынею и полотенцы, всѣмъ самъ подноситъ; а какъ государь обноситъ шти и медъ и милостыню и полотенцы, и архимаритъ ставъ госу-

началъ одного изъ своихъ бояръ. Кромѣ стола государь еще жаловалъ братію денежной ручной или поручной милостыней и полотенцами. Въ свою очередь монастырскія власти посылали со столами и съ кормами ко всѣмъ боярамъ и чиновникамъ, составлявшимъ государеву свиту. Государь уходилъ изъ монастыря или въ самый праздникъ или же на другой день. Конечно, онъ провожаемъ былъ изъ монастыря, такъ же какъ и встрѣчаемъ, съ особой церемоніей. Къ сожалѣнію, обрядъ проводъ остается намъ прямо неизвѣстнымъ; должно думать, что пѣтъ былъ соборный напутственный молебенъ, что до святыхъ воротъ монастыря государь провожаемъ былъ всею братіею и что потомъ властями монастырскими онъ былъ провожаемъ болѣе или менѣе далеко за монастырь. Когда на возвратномъ пути въ Москву государь достигалъ послѣдняго стана, назначавшагося или въ Тайнинскомъ или Алексѣевскомъ, къ нему выѣзжали на станъ со святою водою Московскія духовныя власти (Крутицкій митрополитъ съ архимандритами). Достигнувъ „слазки“ у Креста, государь опять одѣвался въ нарядное платье и опять шествовалъ Москвой, какъ и при выѣздѣ изъ нея. Достигнувъ Кремля, онъ прежде всего шолъ въ Успенскій соборъ, въ которомъ, какъ и при отправленіи, цѣловалъ иконы и мощи, а потомъ благословляемъ былъ и поздравляемъ съ благополучнымъ возвращеніемъ отъ патріарха.

Въ XVIII-мъ столѣтіи императрица Анна Іоанновна (1730—1740), Елизавета Петровна (1741—1761) и Екатерина Великая (1762—1796), бывая въ Москвѣ, предпринимали путешествія къ Троицѣ. Приведемъ довольно любопытный разсказъ о посѣщеніи Троицы въ 1775-мъ году Екатериной Великой, составленный самимъ принимавшимъ въ лаврѣ государыню митрополитомъ Платономъ.

„Ея императорское высочество, всемилостивѣйшая наша государыня, и ихъ императорскія высочества, подавая ежедневно безчисленные знаки своего благочестія, между прочими великими и многотрудными государственнаго правленія дѣлами, предпріяли въ обитель Троицкія Сергіевы лавры путешествіе пѣши и къ величайшему оныя лавры и всѣхъ жителей окрестныхъ мѣстъ удовольствію возъимѣли мы щастіе узрѣть весь Россійскій императорскій домъ, со многими обоего пола особами и чужестранными министрами, сего мая 29-го числа, въ шесть часовъ по полудни. Во время же высочайшаго здѣсь ея императорскаго величества и ихъ императорскихъ высочествъ пребыванія все происходило слѣдующимъ порядкомъ:

„Какъ скоро его преосвященство, святѣйшаго правительствующаго Сѵнода членъ, ихъ императорскихъ высочествъ въ законѣ учитель, архіепископъ Московскій и Калужскій и Святотроицкія Сергіевы лавры священно-архимандритъ Платонъ получилъ извѣстіе, что ея императорское

дарю бьетъ челомъ колачи крупитчатыми и рыбою по чину; и потомъ государь за столъ сядетъ кушати, а братія кождо въ своихъ мѣстехъ сядетъ, а головщикъ чтетъ по обычаю“... col. 79.

величество скоро имѣетъ приближиться къ предмѣстію лавры,—то по начатіи въ церкви о здравіи ея императорскаго величества и ихъ императорскихъ высочествъ молебна, со всѣмъ духовенствомъ учинилъ ходъ съ хоругви, со кресты и со святыми иконы, до церкви Успенія Пресвятыя Богородицы, что въ селѣ Клементьевѣ; гдѣ оный преосвященный, встрѣтивъ высочайшихъ гостей, поздравилъ ея императорское величество и ихъ императорскія высочества пристойною рѣчію. Потомъ ея императорское величество и ихъ императорскія высочества, предшествуемы духовенствомъ, при колокольномъ звонѣ и пушечной 101 выстрѣла пальбѣ, продолжали путь свой до самой лавры; а при вступленіи въ оную, здѣшней семинаріи воспитанники поставленные въ рядъ по два человѣка, воспѣли радость свою и величайшее благополучіе пристойною для того сочиненною кантою (пѣснію) и продолжали пѣніе свое до того, какъ уже ея императорское величество и ихъ императорскія высочества вступили въ церковь святыя Живоначальныя Троицы, гдѣ, приложившись ко святымъ иконамъ и опочивающему тамъ преподобному Сергію, изволили пойти въ архіерейскій здѣшній домъ, въ которомъ ея императорское величество стать соблаговолила. Семинаристы при семъ шествіи пѣли другую подобную канту. Ихъ императорскія высочества, проводивъ ея императорское величество, изволили пойти въ Царскіе чертоги, назначенные для ихъ пребыванія. Преосвященный Платонъ съ первенствующею тоя лавры братіею въ комнатахъ приносилъ ея императорскому величеству и ихъ императорскимъ высочествамъ всеподданнѣйшее поздравленіе съ благополучнымъ прибытіемъ, и отъ всей обители поднесли хлѣбъ и соль, при чемъ оное духовенство жаловано къ рукѣ. Ввечеру вся лавра была иллюминована и горѣлъ щитъ въ разныхъ огняхъ съ вензелями ея императорскаго величества и ихъ императорскихъ высочествъ.

„На другой день, т. е. 30-го числа ея императорское величество и ихъ императорскія высочества въ 7 часу по полудни изволили вступить въ церковь Живоначальныя Троицы, для слушанія всенощнаго бдѣнія, которое и окончилось въ 9 часу. Въ самый же день праздника святыя Троицы т. е. 31 дня, ея императорское величество и ихъ императорскія высочества со всѣми обоего пола знатными особами и чужестранными министрами изволили въ 11 часу по полуночи пойти въ показанную церковь, для слушанія литургіи, которую отправлялъ его преосвященство архіепископъ Платонъ, съ четырьмя архимандритами ставропигіальнаго Заиконоспасскаго монастыря академіи ректоромъ Амвросіемъ, Высокопетровскаго Ѳеофилактомъ, Богоявленскаго Аввакумомъ и Срѣтенскаго Никономъ, и съ прочимъ знатнѣйшимъ духовенствомъ, по совершеніи котораго, говорилъ онъ же и проповѣдь. Ея императорское величество и ихъ императорскія высочества, по выходѣ изъ церкви, всемилостивѣйше соблаговолили посѣтить преосвященнаго въ его комнатахъ, гдѣ оный преосвященный съ первенствующею братіею имѣлъ честь ея императорскому величеству и ихъ императорскимъ высочествомъ поднести отъ обители во благословеніе святыя иконы. Обѣденнее купанье было въ комнатахъ ея величества, къ

которому въ тотъ день, такъ какъ и во всѣ прочіе дни, имѣлъ честь приглашенъ быть его преосвященство. При питіи за высочайшее здравіе ея императорскаго величества и ихъ императорскихъ высочествъ, съ близь лежащаго болверка[1] происходила пальба изъ пушекъ, и колокольный звонъ. Въ тотъ же день ввечеру ея императорское величество съ ихъ императорскими высочествами изволили быть въ лаврскомъ загородномъ домѣ, называемомъ Корбуха, гдѣ при выходѣ ея императорскаго величества и ихъ императорскихъ высочествъ изъ каретъ, пѣла и играла вокальная и инструментальная музыка. Въ томъ же мѣстѣ ректоръ здѣшняго училища іеромонахъ Аполлосъ съ учителями всеподданнѣйше просили ея императорское величество и ихъ высочества о посѣщеніи семинаріи, что ея величество и ихъ высочества на слѣдующій же день исполнить всемилостивѣйше обѣщались, и соизволили всѣхъ жаловать къ рукѣ. На третій день т. е. 1 іюня, въ понедѣльникъ, по выслушаніи литургіи въ той же церкви, которую на греческомъ языкѣ отправлялъ Богоявленскаго монастыря архимандритъ Аввакумъ, и по окончаніи обѣденнаго кушанья, ея императорское величество и ихъ императорскія высочества, осмотрѣвъ вещи, хранящіяся въ здѣшней ризной палатѣ, всемилостивѣйше соблаговолили въ 5 часу по полудни удостоить высочайшаго посѣщенія и наше училище. При вступленіи высочайшихъ гостей въ аудиторію, воспитанники здѣшней семинаріи пѣли нарочно къ тому сочиненную кантату и представлены были, какъ въ духовномъ мѣстѣ о богословскихъ истинахъ диспуты, которыя защищалъ помянутой семинаріи ректоръ, сказавъ напередъ рѣчь, о должности въ воспитаніи дѣтей, и приносимы были какъ отъ воспитанниковъ, такъ и отъ воспитывающихъ всенижайшія поздравленія, на разныхъ, какъ-то на россійскомъ, латинскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ, греческомъ и еврейскихъ языкахъ, сочиненныя въ прозѣ и стихахъ, что все ея императорское величество и ихъ императорскія высочества съ явными знаками отмѣннаго удовольствія выслушать, и съ вящшимъ къ училищу благоволеніемъ принять благоволили. По оказаніи той великой учащимся милости, изволили осматривать церкви и все здѣшнее строеніе.

„Въ тотъ же самый день въ 9 часу по полудни ея императорское величество и ихъ императорскія высочества изволили слушать всенощное бдѣніе, отправленное въ память преподобнаго отца Сергія, основателя обители, и тѣломъ здѣсь опочивающаго, въ честь котораго послѣдующій день для торжества назначенъ. По выходѣ изъ церкви, ея императорское величество всемилостивѣйше смотрѣть изволила разные въ знакъ горящаго въ сердцахъ усердія и пламенѣющей любви представленные огни, какъ то фейерверкъ и щитъ съ вензелями ея императорскаго величества и ихъ императорскихъ высочествъ.

„Въ послѣдующій день, опредѣленный для торжествованія памяти преподобнаго Сергія, т. е. 2 іюня во вторникъ, ея императорское вели-

[1] Разумѣется болверкъ или бастіонъ, бывшій у Соляной (Водяной) башни, см. выше стр. 176.

чество и ихъ императорскія высочества изволили слушать въ той же церкви литургію, которую отправлялъ преосвященный Платонъ, съ показанными архимандритами и здѣшнимъ духовенствомъ, по окончаніи которой говорилъ проповѣдь семинаріи ректоръ іеромонахъ Аполлосъ; и потомъ за здравіе ея императорскаго величества и ихъ императорскихъ высочествъ преосвященнымъ Платономъ и всѣмъ духовенствомъ пѣтъ былъ молебенъ празднуемому, и при восклицаніи многолѣтія палили изъ 51 пушки. Въ 6 часу по полудни, по окончаніи вечерняго пѣнія, вторично изволили прибыть въ показанную церковь, для смотрѣнія обряда, отправляемаго при постриженіи въ монахи, при которомъ случаѣ четыре человѣка, и въ томъ числѣ два обращенные раскольника, одѣты были въ монашеское платье. Потомъ вторично изволили ѣздить на извѣстную Корбуху, откуда въ 11 часу возвратились. Въ 12 же часу въ третій разъ зажженъ былъ щитъ.

„3-го числа іюня, въ среду въ 10 часовъ, ея императорское величество и ихъ императорскія высочества изволили выступить изъ дворца въ церковь Живоначальныя Троицы, откуду, при колокольномъ звонѣ и пушечной пальбѣ, въ провожаніи преосвященнаго и духовенства вытти изъ монастыря и сѣсть въ карету соблаговолили.

По свойственному ея императорскаго величества къ подданнымъ своимъ милосердію и къ нуждамъ ихъ снисхожденію, изволили ея величество всемилостивѣйше пожаловать на монастырь, семинарію, богадѣльныхъ и отставныхъ солдатъ, шесть тысячъ рублей; а настоятелю тоя лавры, преосвященному архіепископу Московскому, въ знакъ высочайшаго своего благоволенія, изволила пожаловать золотые часы, богато бриліантами убранные.

„По отбытіи высочайшихъ гостей, пѣтъ за дрожайшее здравіе ея императорскаго величества и ихъ императорскихъ высочествъ соборный благодарный молебенъ“.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Дополненія.

Къ стрр. 62—63. Чернецъ Андрей (онъ иногда стоитъ въ сказаніяхъ вмѣсто Александра) Ослебятъ, бояринъ митр. Кипріана подъ 1392 г., у Иванова въ Описаніи госуд. архива, стр. 214 нач.—Акт. Ист. т. I, № 215, стр. 409, col. 1 fin. Симонъ Азарьинъ въ своемъ изданіи житія преп. Сергія дѣлая вставку о томъ, что преподобный далъ вел. князю Пересвѣта и Ослебя, называетъ втораго и Андреемъ, л. 86 об. Есть село Коломенское Ослебятевское,—Собр. госудд. грамм. и договв., Index (I, 60, 192); Карамзинъ V, прим. 116, col. 42 въ половинѣ (въ духовн. завѣщаніи Донскаго). См. также Академич. ркп. № 201, л. 253 об. fin., у Леонида I, 147 sub fin. Сынъ Иродіона Ослябя Акинфъ былъ бояриномъ у митр. Фотія,—Лаврск. ркп. № 252, стр. 30, Академич. ркп. № 201, л. 253 об. fin., въ Описаніи у Леонида; Акт. Эксп. т. I, № 11. Ср. Типогр. лѣтоп. стр. 210.—Въ 1571 г. дьякъ Невзоръ Ѳедоровъ Пересвѣтовъ у Ростовскаго архіепископа, Акт. Юридич. 1838 г., № 382, стр. 402. Муратъ Пересвѣтовъ, Ростовскій помѣщикъ, упоминается въ началѣ XVII вѣка, при осадѣ Тихвинскаго монастыря,—Собр. лѣтт. III, 297. Дворяне Московскіе Пересвѣтовы (Филиппъ Силинъ и Иванъ Филипповъ) 1681—1692 гг. въ Алфавитн. указателѣ фамилій и лицъ въ Боярскихъ книгахъ, стр. 317. Въ началѣ XVII в. церковная земля села Братошина была смежна съ землей Семена Пересвѣтова,—Чтен. Импер. Общ. Ист. и Древн. Росс. 1886 г. кн. I, Радонежская десятина, стр. 76. Раздѣльная дѣтей Ивана Пересвѣтова въ 1517 г. на вотчину въ Дмитровскомъ уѣздѣ, въ Лаврскомъ архивѣ № 259/2421, по описи Лавры глава VIII-ая, отд. 3-й, „акты разнаго рода“. Еще Пересвѣтовы тамъ же № 347/2509, 1556 года.

Къ стр. 115. Преп. Сергій „заступникъ земли Русьстѣй“,—слова Грознаго, Собр. лѣтт. VI, 314 sub fin. Пожарскій называетъ преп. Сергія Русской земли заступникомъ,—Акт. Юридич. Калач. т. II, № 191, col. 602.

Въ Синодалной библіотекѣ есть рукопись № 421, въ которой: Расходная книга и уставъ Троицкаго монастыря, XVI вѣка. У Саввы стр. 231.

II.

Объясненія къ рисункамъ.

А. Общіе виды и планы всей Троице-Сергіевой лавры.

I. Видъ Троице-Сергіева монастыря XVII вѣка (фототипическая таблица № I *а* и *б*).

Намъ извѣстны два экземпляра этого вида, представляющіе копіи съ одного и того же оригинала. Одинъ экземпляръ находится на Московскомъ Рогожскомъ старообрядческомъ кладбищѣ, другой находился въ прежнемъ помѣщеніи литографіи Троицкой лавры, будучи пожертвованъ въ лавру покойнымъ А. В. Горскимъ, которому доставленъ былъ изъ Костромы. [При переводѣ литографіи въ новое помѣщеніе, устроенное въ 1895—1896 гг., это второе изображеніе поступило „въ кладовую, гдѣ сложены разные ненужные предметы, вынесенные изъ прежняго помѣщенія Лаврской литографіи“ [1]. Здѣсь оно такъ основательно было забыто, что, когда осенью 1908 г. его сталъ разыскивать С. А. Бѣлокуровъ, „власти монастырскія“ на всѣ вопросы о немъ отозвались полнымъ невѣдѣніемъ. На оффиціальный запросъ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ Духовный соборъ Троице-Сергіевой лавры отвѣтилъ (18 ноября 1908 г., № 1781), что объ этой „иконѣ-картинкѣ Собору ничего неизвѣстно, въ описи лаврскаго церковнаго имущества она не значится... и въ лаврѣ не имѣется“. Только вслѣдствіе просьбы Общества, направленной къ митрополиту Московскому Владимиру,—приказать розыскать въ лаврѣ это изображеніе,—оно нашлось въ означенной выше кладовой, причемъ Духовный соборъ лавры въ докладѣ своемъ митрополиту объяснилъ, что, „картина эта, по своимъ отрицательнымъ качествамъ, никогда не пользовалась въ лаврѣ какимъ-нибудь особеннымъ значеніемъ“. Въ виду такого отношенія къ этому изображенію „властей“ Троице-Сергіева монастыря, Общество просило митрополита Владимира передать ему на храненіе этотъ иконографи-

[1] Докладъ Духовнаго собора лавры митрополиту Московскому отъ 15 декабря 1908 г., за № 1974.

ческій памятникъ. Ходатайство Общества было уважено митрополитомъ Владимиромъ и нынѣ это изображеніе находится въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ].

Оба экземпляра этого вида написаны на доскахъ (среднихъ размѣровъ домовой иконы, 10×8 вершковъ) и иконнымъ образомъ, т. е. масляными красками и вообще какъ писались и пишутся иконы. Время написанія вида, т. е. оригинала, съ котораго сняты наши копіи, опредѣляется тѣмъ, 1) что на немъ есть Зосимо-Савватіевская церковь, построенная въ 1637-мъ году; 2) башня Водяная на видѣ уже нынѣшняя, ибо ворота не подъ ней, а сбоку; а она складена въ 1641—1643 гг., см. стр. 166; 3) Уточья башня на видѣ еще старая, а новая складена въ 1650 г.; 4) Конюшенная башня, перестроенная въ 1651 г., старая; и 5) на видѣ нѣтъ Успенскихъ въѣздныхъ воротъ на монастырь, которые сдѣланы между 1641—1655-мъ годами. Слѣд. видъ лавры изготовленъ между 1643—1650 годами.

Соборы Троицкій и Успенскій и церкви Никоновская и Духовская, изображенія которыхъ, какъ существующихъ до настоящаго времени, мы можемъ свѣрять съ подлинниками, оказываются сдѣланными весьма невѣрно (произвольно и фантастично). А царскій дворецъ, съ фасадомъ котораго мы могли бы познакомиться по виду, представляетъ нѣчто и совсѣмъ непонятное: шесть отдѣльныхъ маленькихъ домиковъ съ особымъ крытымъ всходомъ въ каждый изъ нихъ (а „садъ царскій съ прудомъ“—просто какая-то солонка). Можно думать, что вѣрнѣе, чѣмъ церкви, и даже болѣе или менѣе вѣрно изображены корпуса монашескихъ келей. Но во всякомъ случаѣ значеніе вида—не иконографическое, а топографическое (не вѣрность воспроизведенія формы или фигуры зданій, а показаніе ихъ мѣстоположенія). Мы видимъ на немъ въ сѣверо-восточномъ углу монастыря хлѣбные амбары или житницы, за тѣмъ—царскій дворецъ, оружейную палату, трапезу (безъ надписанія, ниже Успенскаго собора) съ поварней, келарскія гостиныя палаты (надпись: „гостинница“), пивной дворъ.

Впрочемъ и въ отношеніи къ иконографіи планъ имѣетъ то очень немаловажное значеніе, что даетъ несомнительный отвѣтъ на вопросъ о старой или первоначальной формѣ кровель на Троицкомъ и на Успенскомъ соборахъ.

Относительно того, что надписи: „Палата казенная“ и „Келарская палата“ нужно обмѣнять мѣстами см. стр. 235 въ книгѣ. Круглое небольшое зданіе съ шатровой кровлей противъ архимандричьихъ келей есть не ледникъ и не погребъ, а колодезь.

Описаніе зданій лавры XVII вѣка, которое должно сравнивать съ этимъ видомъ,—въ книгѣ на стр. 229—238.

[По характеру[1] письма экземпляръ вида, принадлежащій Рогожскому старообрядческому кладбищу, является болѣе древнимъ, чѣмъ принадлежащій Троице-Сергіевой лаврѣ: онъ написанъ въ XVII вѣкѣ, тогда какъ второй въ началѣ XVIII-го столѣтія. При всемъ ихъ сходствѣ, и сходствѣ

[1] Дальнѣйшія замѣтки о рисункахъ принадлежатъ С. А. Бѣлокурову.

весьма большомъ, имѣется между ними и разница: 1) въ первомъ видѣ по сторонамъ Святыхъ воротъ изображены двери, которыхъ нѣтъ во второмъ; точно также встрѣчаемъ отличія въ изображеніяхъ: 2) входа съ западной стороны Успенскаго собора (въ первомъ видѣ ступенекъ или нѣтъ или онѣ совсѣмъ мало замѣтны), 3) пруда съ западной стороны Успенскаго собора и церкви Михаила Малеина при братской трапезѣ, 4) братской поварни (которая на первомъ видѣ изображена какъ будто каменная, а на второмъ—деревянная), 5) башни противъ царской кухни (на первомъ видѣ имѣются въ башнѣ двери, отсутствующія на второмъ) и др.

Такъ какъ этотъ видъ Троице-Сергіева монастыря является древнѣйшимъ изъ доселѣ извѣстныхъ и такъ какъ оба снимка его различаются и по манерѣ письма и по нѣкоторымъ частностямъ, то здѣсь прилагаются фототипіи съ того и другого. Изображеніе, принадлежащее Рогожскому старообрядческому кладбищу, находится въ лѣтнемъ храмѣ его, на столбѣ у лѣваго клироса. Для фотографированія оно было доставлено въ фотографію П. П. Павлова благодаря любезному содѣйствію старообрядческаго священника кладбища Ивана Васильевича Власова.—Второе изображеніе (принадлежащее Троице-Сергіеву монастырю) было покрыто слоемъ копоти и олифы и потому при первоначальномъ фотографированіи снимокъ получился неясный, а на южной сторонѣ монастыря, около Троицкаго собора, вмѣсто изображеній зданій и народа вышли темныя пятна. Копоть и олифа искусно сняты были извѣстнымъ иконописцемъ В. П. Гурьяновымъ, изображеніе получилось весьма отчетливое и съ него сдѣланъ былъ снимокъ на таблицѣ № 1 *б*.

Въ обоихъ снимкахъ имѣющіяся на томъ и другомъ изображеніяхъ надписи вышли недостаточно отчетливо и потому повторяемъ ихъ здѣсь. По входѣ въ Святыя ворота направо отъ дорожки, ведущей къ Троицкому собору (налѣво если смотрѣть на икону): „садъ царскій съ прудомъ“, „храмъ Успеніе Пресв. Богородицы“, (на изображеніи Рогож. кладбища еще: „царскіи келіи“), „кладесь“, „прудъ“, „Оруженина палата“, „поварня“; на другой сторонѣ: „храмъ Сошествіе Св. Духа“, „преп. Михея чюдот.“, „храмъ Живоначалныя Троицы“, „храмъ преподобнаго Никона чюдотворца“; внизу, на западной сторонѣ монастыря: „келарская палата“, „полата казенная“, „лѣдникъ“, „погребъ“; на башняхъ западной стѣны: „гостинница“, „пивоварня“, „башня Водяная“; за монастыремъ, здѣсь же: „бочарныи хоромы“ (на экземплярѣ Рогожскаго кладбища еще: „ворота Каличьи“, „плотнишная“, „Пивной дворъ“, „воскобойня“).

Литографированный снимокъ съ изображенія, принадлежащаго Рогожскому кладбищу, сдѣланный К. Тромонинымъ, былъ приложенъ къ книгѣ И. М. Снегирева „Путевыя записки о Троицкой лаврѣ, содержащія въ себѣ обзоръ достопамятностей Троицкой дороги, лавры и Виѳаніи“, М. 1840 г. Оттиски этой литографіи были сдѣланы между прочимъ и на кожѣ и одинъ изъ подобныхъ экземпляровъ хранится у Г. М. Прянишникова въ с. Городцѣ Нижегородской губерніи.—Гравированный снимокъ со втораго изображенія былъ приложенъ къ первому изданію сей книги,

причемъ оно было воспроизведено не все, а съ нѣкоторымъ опущеніемъ: изображеній святыхъ и народа у Троицкаго собора и у церкви свв. Зосимы и Савватія.

2.—Видъ лавры 1725 года (см. на стрр. 104—105).

Взятъ изъ „Русскихъ народныхъ картинокъ“ Д. А. Ровинскаго, кн. II, Спб. 1881 г., стр. 295, № 606. Снята только нижняя часть картинки. Оригиналъ 13×8½ вершковъ.

3.—Генеральные планъ и проспектъ лавры ок. 1745 г. (фототипическія таблицы №№ V и VI).

Въ библіотекѣ Св. Троице-Сергіевой лавры хранится между прочимъ Альбомъ, содержащій какъ эти генеральные планы и проспектъ, такъ и рисунки отдѣльныхъ зданій ея. Какъ видно изъ находящихся на немъ надписей, приведенныхъ выше на стр. 167, основные рисунки относятся къ 1745 году; измѣненія, произведенныя въ зданіяхъ въ послѣдующее время по 1790 г., нанесены на особые листки, приклеенные въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ. Благодаря послѣднему обстоятельству получается отчетливое представленіе о томъ, какой видъ—то или другое зданіе имѣло до перестройки его митр. Платономъ и стало имѣть послѣ нея. Изъ этого Альбома, какъ видно будетъ ниже, заимствовано въ настоящую книгу много снимковъ, и всѣ они сдѣланы съ рисунковъ, изображающихъ зданіе *до* митр. Платона. Имѣющіяся въ Альбомѣ наклейки съ позднѣйшими измѣненіями замѣтны на фототипическихъ таблицахъ №№ V (приклейкой закрыта часть надписи) и VI-ой.

Альбомъ имѣетъ въ длину 51, въ ширину 34½ сантиметра. Рисунки сдѣланы акварельными красками. Всѣхъ листовъ въ Альбомѣ 46, на коихъ размѣщены рисунки 32 зданій. Составъ Альбома слѣдующій:

Л. 1—Надписи, приведенныя выше на стр. 167-ой.

Л. 2—Заглавный листъ съ изображеніями святыхъ Троице-Сергіевой лавры.

Л. 3—Подобный же листъ съ изображеніями импер. Елизаветы, вел. князя Петра III и вел. княгини Екатерины Алексѣевны.

Л. 4—„Изъясненіе генеральнаго плана и проспекта“ слѣдующаго содержанія:

1. Вокругъ ограды крѣпостной валъ съ бастіонами.
2. Каменная ограда съ восточной стороны, въ которой подъ литерами *A* Святыя врата, *B* Троицкія.
3. Ограда съ полуденной стороны съ пріѣзду отъ Москвы.
4. Ограда съ западной стороны.
5. Ограда съ полуночной стороны отъ Конюшеннаго двора.
6. Ограда съ полуночной же стороны.
7. Внутреннее пространство лавры.
8. Большой Успенскій соборъ.
9. Кладезь.
10. Соборная церковь живоначальныя Троицы.
11. Церковь преподобнаго Сергія чудотворца, при ней трапеза имѣется.

12. Церковь Смоленскія Богородицы.
13. Церковь Сошествія святаго Духа.
14. Церковь Іоанна Предтечи, что надъ Святыми вратами.
15. Церковь преподобнаго Михея.
16. Колокольня.
17. Чертоги ея императорскаго величества.
18. Настоятельскія келіи, въ которыхъ церковь Казанскіе Богородицы.
19. Келіи намѣстничьи.
20. Келіи казначейскія и протчихъ соборныхъ монаховъ, при которыхъ подъ литерами *A* больничная церковь Зосима и Савватія съ больничными кѣльями, а по лѣвую *B* ризница церковная, а при ней келіи экономскія.
21. Келіи, въ которыхъ находятся ректоръ, префектъ, проповѣдникъ и прочіе іеромонахи
22. Келіи, въ которыхъ живутъ монахи крылошанскаго послушанія.
23. Монашескіе келіи.
24. Регулярной садъ и прудъ.
25. Покои, гдѣ живутъ учители и семинаристы.
26. Дворцовая кухня.
27. Въ оградѣ покои, гдѣ живутъ семинаристы.
28. Гостинные же покои во оградѣ.
29. Монументъ.

Л. 5—(По приведенному „изъясненію“ л. 1-й)—„Оригиналной планъ Свято-Троицкой Сергіевой великой лавры“, на двухъ листахъ, 65½×43½ сантиметра (См. фототипическую таблицу № VI).

Л. 5 (2)—„Отъ Гостиного двора прешпектъ съ восточной стороны съ приезду въ Святыя ворота“. 44×27 сант. (См. таблицу № II, рисунокъ № 1).

—(л. 3)—„Прешпектъ съ полуденной стороны съ пріезду отъ Москвы“. 44×28. (См. таблицу № III, рисунокъ № 3).

Л. 7 (4)—„Прешпектъ з западной стороны отъ Пивоваренного двора“. 45×27. (См. таблицу № III, рисунокъ № 4).

Л. 8 (5)—„Прешпектъ съ полунощной стороны“. 45×27. (См. таблицу № IV, рисунокъ № 5).

Л 9 (6)—„Прешпектъ съ полунощной стороны“. 44×28. (См. таблицу № IV, рисунокъ № 6).

Л. 10—„Генеральный планъ и проспектъ Свято-Троицкія Сергіевы великія лавры съ восточной стороны“. 64×43. (См. таблицу № V).

Л. 11 (8)—„Соборная церковь Успенія пресвятыя Богородицы и во оной 3 придела, въ которыхъ престолы чюдотворца Николая *A*, 2-й муч. Феодора Стратилата *B*, вм. Ирины“. 20×13. (См. таблицу № VIII, рисунокъ № 12).

Л. 12—„Планъ и ѳасадъ кладезя“. (См. таблицу № XIII, рисунокъ № 25).

—(л. 9)—„Фасадъ соборной церкви Успенія пресв. Богородицы съ западной стороны“. (См. таблицу № VIII, рисунокъ № 11).

Л. 14—Троицкій соборъ—видъ и планъ. 25×24. (См. таблицу № VII).

Л. 15 (11)—„Фасадъ церкви преп. Сергія чудотворца и при ней трапеза".

Л. 16—Планъ ея.

Л. 17—Смоленская церковь. Видъ и планъ. (См. таблицы №№ IX, рисунокъ № 13, и XIII, рисунокъ 25).

Л. 18—Ц. Сошествія св. Духа. Видъ и планъ.

Л. 19 (14)—„Фасадъ церкви надъ святыми воротами Іоанна Предтечи".

Л. 20—Планъ ея.

Л. 21—Церковь преп. Михея. Видъ и планъ.

Л. 22 (16)—„Фасадъ колокольни". 45×27. (См. таблицу № IX, рисунокъ № 14).

Л. 23 (16)—„Планъ колокольни".

Л. 24 (17)—„Фасадъ дому ея императорскаго величества". 45×21. Изображеніе 40×8. (См. таблицу № XII, рисунокъ № 21).

Л. 25—„XVII. Планъ и фасадъ чертогамъ ея имп. вел". 44×25. (См. таблицу № XII, рисунокъ № 22).

Л. 26 (18)—„Планъ и ѳасадъ кельямъ, въ которыхъ живетъ архимандритъ". Фасадъ.

Л. 27—„ „ „Планъ.

Л. 28 (18)—„Планъ и ѳасадъ ризницѣ". 44½×26. (См. таблицу № X, рисунокъ № 17).

Л. 29 (19)—„Планъ и фасадъ кельямъ, въ которыхъ живетъ намесникъ".

Л. 30 (20)—„Фасадъ кельямъ, въ которыхъ живетъ келарь и протчіе соборные знатные монахи, при которыхъ кельяхъ больничная церковь и библіотека, о чемъ значатъ литеры: церковь—*A*, библіотека *B*". 70×32. (См. таблицу № XI, рисунокъ № 18).

Л. 31 (20)—„Планъ келій, въ которыхъ живетъ келарь и протчіе соборные знатные монахи, при которыхъ кельяхъ больничная церковь и библіотека, о чемъ значатъ литеры: церковь—*A*, библіотека *B*". 70×32. (См. таблицу № XI, рисунокъ № 19).

Л. 32 (21)—„Планъ и фасадъ кельямъ, въ которыхъ живетъ казначей, проповѣдникъ и протчіе іеромонахи".

Л. 33 (22)—„Планъ и фасадъ кельямъ, въ которыхъ живетъ экономъ, конюшей и протчіе монахи изъ крылошанъ".

Л. 34 (23)—„Фасадъ кельямъ, въ которыхъ живетъ гробовой іеромонахъ и протчіе служебныя іеромонахи и іеродіаконы крылошанскаго послушанія".

Л. 35 (23)—Планъ этимъ кельямъ.

Л. 36 (24)—„Планъ и фасадъ (26½×8½) дому, въ которомъ обучаютца семинаристы". 46½×30. (См. таблицу № XI, рисунокъ № 20).

Л. 37—„XXV. Планы и фасадъ, гдѣ живутъ учители и семинаристы и Гостиннаго двора покоямъ. XXX". 46×27½. (См. таблицу № XII, рисунокъ № 23).

Л. 38 (26)—„Планъ и фасадъ ружейной кладовой палаты". 23×14 фасадъ. (См. таблицу № X, рисунокъ № 16).

Л. 39 (28)—„Планъ и фасадъ кухни, которая при домѣ ея и. в. и при ней покои для служителей и придворныхъ".

Л. 40 (29)—„Планъ и фасадъ покоямъ для знатныхъ придворныхъ служителей".

Л. 41—„Планъ и фасадъ часовнѣ, что на Красной горѣ".

Л. 42—„Планъ и фасадъ Гостинному двору". 43×30. (См. таблицу № XIV, рисунокъ № 27).

Л. 43 (30)—„Планъ и фасадъ Гостинному двору".

Л. 44 (31)—Надпись обрѣзана. (Конный дворъ?).

Л. 45 (32)—„Планъ загородному двору, которой называетца Коробаха, а какое на ономъ строеніе, о томъ въ прешпектѣ и подъ литерами значится явственно".

Л. 46—„Прешпектъ загородному двору, которой называется Коробаха, а какое на ономъ строеніе, о томъ значитъ подъ литерами нижеслѣдующими, а именно: *A* на ономъ дворѣ покои, *B* погребъ и надъ нимъ галлерия, *C*—баня и при ней покои, *Д* ранжерея, *E*—галлерія, F—галлерія на водѣ, G—кухня, H—людскіе покои или лакейскіе.... (комнаты?). (См. таблицу № XIV, рисунокъ № 28).

Всѣхъ снимковъ изъ этого Альбома къ книгѣ приложено 28 и всѣ они сдѣланы въ значительно меньшемъ противъ оригинала видѣ (насколько—видно изъ приведенныхъ выше отмѣтокъ о величинѣ того или другаго рисунка въ оригиналѣ).

Находящіеся въ этомъ Альбомѣ „генеральные планъ и проспектъ" лавры и помѣщены на фототипическихъ таблицахъ №№ V и VI. Бѣлыя полоски на таблицѣ № VI—тѣ приклейки, которыя не могли быть заретушованы.

4.—**Генеральные планъ и проспектъ лавры 1797 г.** (фототипическія таблицы №№ XV и XVI).

Снимки сдѣланы съ двухъ гравированныхъ листовъ, хранящихся въ библіотекѣ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Прямыхъ указаній на время этихъ гравюръ нѣтъ; изъ изображеній ихъ видно, что онѣ относятся къ концу XVIII-го столѣтія. Въ архивѣ Свято-Троицкой Сергіевой лавры имѣется особое дѣло 1796 г. № 46 „о вырѣзаніи мѣдныхъ двухъ досокъ плана и фасада лавры", которое, очевидно, трактуетъ о настоящихъ гравюрахъ. Содержаніе дѣла составляютъ:

1) Записочка митр. Платона: „Отецъ казначѣй! Выдайте сему письмоподателю изъ казны въ задатокъ 25 руб., который взялся за 100 руб. вырѣзать двѣ доски плана и фасада лавры".

2) Отмѣтка Троицкихъ властей: „исполненіе учинить въ силу прописаннаго его высокопреосвященства приказанія". Слѣдуютъ подписи: намѣстника, казначея, ректора іеромонаха Августина, ризничаго и соборнаго писаря. „Подписано 15 сентября 1796 г."

3) Письмо на французскомъ языкѣ архитектора Фр. Кампорези, въ коемъ онъ крайне сожалѣетъ, что его племянникъ такъ запоздалъ съ окончаніемъ досокъ; надѣется на доброту сердца Платона. Причина не лѣность,

а большія занятія, вызванныя обстоятельствами: работали дни и ночи и сейчасъ еще для новыхъ построекъ. Надѣется на продолженіе покровительства митрополита, такъ какъ послѣ тѣхъ трудовъ, которые они понесли, смѣна распорядителей для насъ не окажется благопріятной. Просить благословенія для всего семейства.

На этомъ письмѣ митр. Платономъ написано: „отписать къ эконому, чтобъ онъ изъ дворовой суммы заплатилъ тому, а имянно, племяннику архитектора Кампорези или самому архитектору Кампорези, кто вырѣзалъ двѣ мѣдныя доски, денегъ 75 руб., ибо онъ договорился за 100 руб., но уже въ задатокъ получилъ 25 руб. Притомъ справиться у умѣющихъ хорошо печатать, что возьмутъ за листъ напечатать: а для сего послать ему два листа".

и 4) Отмѣтка: „по сей резолюціи доски вырѣзаны и деньги 75 руб. изъ дворовой суммы выданы. 1797 г. іюня 8 дня".

Изъ этого дѣла такимъ образомъ видно, что гравюры эти принадлежатъ Кампорези, что къ ихъ изготовленію было приступлено въ 1796 году и что въ слѣдующемъ 1797 г. онѣ уже были изготовлены. Д. А. Ровинскій въ своемъ „Словарѣ" указываетъ еще нѣсколько гравюръ Кампорези конца XVIII в. Московскихъ церквей и зданій. (Подробный словарь русскихъ граверовъ XVI—XIX вв., Спб. 1895 г., стрр. 312—313).

Гравюры эти представляютъ лавру въ томъ видѣ, какой она имѣла въ самомъ концѣ XVIII-го столѣтія, послѣ перестроекъ митр. Платона, и должны быть сравниваемы съ предыдущими генеральными планомъ и проспектомъ 1745 г. На планѣ имѣется сбоку особое „изъясненіе" (тоже, что выше на стрр. 406—407), которое для бо́льшаго удобства приводится здѣсь:

1. Вокругъ ограды крепосной валъ съ бастіономъ.
2. Каменная ограда съ восточной стороны, въ которой подъ литерами *A*—Святыя ворота, *B*—Троицкія.
3. Ограда съ полуденной стороны съ приѣзду отъ Москвы.
4. Ограда съ западной стороны.
5. Ограда съ полуночной стороны отъ Канюшеннаго двора.
6. Ограда съ полуночной же стороны.
7. Внутреннее пространство лавры.
8. Большой Успенской соборъ.
9. Кладезь.
10. Соборная церковь живоначальныя Троицы.
11. Церковь преподобнаго Сергия чудотворца, при ней трапеза имѣется.
12. Церковь Смоленскія Богородицы.
13. Церковь Сошествия святаго Духа.
14. Церковь Іоанна Предтечи, что надъ Святыми вратами.
15. Церковь преподобнаго Михея.
16. Колокольня.
17. Чертоги его императорскаго величества.
18. Настоятельскія келіи, въ которыхъ церковь Казанскіе Богородицы.
19. Келіи намѣсничьи.

20. Келіи казначейския и протчихъ соборныхъ монаховъ, при которыхъ подъ литерами *А*—больничная церковь Зосима и Савватія съ больничными кѣльями, а по лѣвую *В*—ризница церковная, а при ней келіи экономическія.

21. Келіи, въ которыхъ находятся ректоръ, префектъ, проповѣдникъ и прочия іеромонахи.

22. Келіи, въ которыхъ живутъ монахи крылошанскаго послушанія.

23. Монашеские келіи.

24. Регулярной садъ и прудъ.

25. Покои, гдѣ живутъ учители и семинаристы.

26. Дворцова(я) кухня.

27. Въ оградѣ покои, гдѣ живутъ семинаріcты.

28. Гостинные же покои во оградѣ.

29. Манументъ.

5.—Планъ лавры 1902 г. (таблица № XIX).

Составленъ архитекторомъ Латковымъ и приложенъ къ изданному лаврою „Историческому описанію Свято-Троицкія Сергіевы лавры". Св. Троицкая Сергіева лавра, 1902 г. (Въ настоящее время онъ не вполнѣ соотвѣтствуетъ дѣйствительности, а именно: часть Бѣлаго пруда около Старой монаст. гостинницы засыпана, вырытъ новый прудъ около Коннаго двора, за Красной или Уточкиной башней новое зданіе, выстроены новыя лавки на Красногорской площади по направленію къ Пятницкой церкви и по монастырской оградѣ у Пафнутьева сада послѣ Страннопріимной, у южной стѣны сада выкопанъ прудъ и на немъ поставлена купальня для монашествующихъ и пр...). Поставленныя здѣсь цыфры обозначаютъ:

1. Троицкій соборъ.
2. Церковь преподобнаго Никона.
3. Часовня на мѣстѣ келліи преп. Сергія.
4. Успенскій соборъ.
5. Церковь Сошествія Св. Духа.
6. Церковь Филарета Милостиваго.
7. Церковь во имя преподобнаго Сергія и братская трапеза.
8. Церковь Рождества Іоанна Предтечи.
9. Церковь преподобнаго Михея.
10. Церковь Божіей Матери Одигитріи (Смоленской).
11. Церковь Зосимы и Савватія Соловецкихъ чудотворцевъ и братскія келліи.
12. Покои митрополита и церковь во имя Казанской Божіей Матери.
13. Церковь подъ Успенскимъ соборомъ во имя всѣхъ Святыхъ.
14. Церковь при келліяхъ о. намѣстника во имя Покрова Пресвятыя Богородицы.
15. Церковь во имя Іоанна списателя лѣствицы, а подъ нею—во имя св. великомученицъ: Варвары, Анастасіи и Акилины.
16. Колокольня.

17. Успенскій кладязь съ часовнею.
18. Фонтанъ для водоосвященія.
19. Обелискъ.
20. Усыпальница Годуновыхъ.
21. Ризница.
22. Келліи о. намѣстника.
23. Казначейскій корпусъ. Братскія келліи.
24. Просфорня.
25. Братскія келліи.
26. Пѣвческій корпусъ.
27. Предтеченскій корпусъ. Братскія келліи.
28. Святыя ворота.
29. Книжная лавка.
30. Келліи о. эконома.
31. Успенскія ворота.
32. Успенскій корпусъ. Братскія келліи.
33. Каменная ограда вокругъ лавры.
34. Соляная башня.
35. Намѣстничья башня.
36. Плотничная башня.
37. Каличья башня.
38. Звонковая башня.
39. Красная или Уточкина башня.
40. Плоская башня.
41. Пятницкая башня, гдѣ училище иконописанія.
42. Башня съ бесѣдкою.
43. Успенское кладбище.
44. Смоленское кладбище.
45. Сошественское кладбище.
46. Михеевское кладбище.
47. Церковь во имя св. великомученицы Параскевы.
48. Церковь во имя Введенія во храмъ пр. Богородицы.
49. Пятницкій кладязь.
50. Странноприимный домъ.
51. Оранжереи.
52. Лѣсной дворъ.
53. Больница-богадѣльня.
54. Запасная больница для заразныхъ.
55. Корпусъ съ типографіей, переплетной, столярной, слесарной и редакція Троицкихъ изданій.
56. Водокачка.
57. Конный дворъ.
58. Кузница.
59. Старая гостинница.
60. Торговыя помѣщенія.

61. Новая гостинница.
62. Арендные дома.
63. Торговые лаврскіе ряды.
64. Красно-горская часовня.
65. Разныя хозяйственныя помѣщенія.

6.—Видъ лавры съ юговосточной стороны (снимокъ на стр. 96).

Снятъ съ дороги, идущей отъ станціи желѣзной дороги. Клише сдѣлано съ фотографіи М. І. Грибова. Какъ эта, такъ и другія указываемыя ниже фотографич. снимки лавры исполнены Грибовымъ въ 1904 г.

7.—Общій видъ лавры (съ птичьяго полета, таблица № XVIII).

Рисунокъ сдѣланъ художникомъ А. П. Бровкинымъ въ 1909 году. Оригиналъ 60×41 сантим.

Б. Виды и планы отдѣльныхъ зданій лавры.

I. Троицкій соборъ.

Изображеніе его XVII в.—см. на таблицахъ № I *а* и *б*.

1.—*Видъ и планъ 1745 г.* (таблица № VII).

Изъ Альбома 1745 г., о которомъ сказано выше. Въ немъ читаемъ слѣдующее „изъясненіе“:

„Планъ и фасадъ соборныя церкви живоначальныя Троицы, устроенныя преп. Никономъ. Изъясненіе плана находится подъ цыфрами.

1) Олтарь. 2) Серебренная рака съ мощами преп. Сергія чудотворца подъ сребреннымъ же балдахиномъ. 3) Гробъ вел. князя Андрея („Боголюбскаго“ зачеркнуто и надписано:) во иноцѣхъ Савы. 4) Трапеза. 5) Церковь преп. Никона. 6) Подъ позлащеннымъ балдахиномъ гробъ его. 7) Оные церкви олтарь. Въ придѣлѣ къ соборной церкви гробы („преподобныхъ отецъ“ зачеркнуто и надписано:) святыхъ. 8) (Зачеркнуто: „Іосафа митрополита“ и надписано:) Серапіона архіепископа Новогородскаго. 9) (Зачеркнуто: „Серапіона архіепискупа Новогородскаго“ и надписано:) „Іоасафа митрополита всероссійскаго. 10) Діонисія архимандрита („Свято-Троицкія Сергіевы“ зачеркнуто и надписано:) сея лавры. 11) „Паперти“.

2.—*Современный видъ съ южной стороны* (см. рисунокъ на стр. 177).

Съ фотографіи М. І. Грибова.

3.—*Иконостасъ собора* (см. рисунокъ на стр. 185).

Съ фотографіи М. І. Грибова.

4.—*Рака преп. Сергія* (см. рисунокъ на стр. 189).

Съ фотографіи М. І. Грибова.

5.—*Образъ видѣнія Божіей Матери преп. Сергіемъ* (см. рисунокъ на стр. 160).

Съ лаврской фотографіи о. Антонія.

II. Церковь преп. Никона.

См. изображенія ея:

XVII в. на таблицѣ № I *а* и *б*.

1745 г. на таблицѣ № VII.

Современный видъ—съ южной стороны—рисунокъ на стр. 177.

III. Церковь сошествія св. Духа.

См. изображенія ея:

XVII в.—на таблицѣ № I *а* и *б*.

1725 г. на стр. 104.

Современный видъ съ южной стороны на стр. 177.

IV. Успенскій соборъ.

См. изображенія его:

XVII в.—на таблицѣ № I *а* и *б*.

1725 г.—на стр. 104.

1745 г.—съ восточной и западной сторонъ, изъ Альбома 1745 г.—фототипич. таблица № VIII.

V. Смоленская церковь.

Фасадъ и планъ ея изъ Альбома 1745 г. см. на фототипическихъ таблицахъ № XIII, рисунокъ 24 и № IX, рисунокъ 13.

Современный видъ ея, съ лаврской фотографіи о. Антонія, на стр. 227.

VI. Колодезь у Успенскаго собора.

Фасадъ его изъ Альбома 1745 г. см. на фототипич. таблицѣ № XIII, рисунокъ 25.

VII. Колокольня.

См. изображенія ея:

XVII в.—на таблицѣ № I *а* и *б*.

1725 г.—на стр. 104.

1745 г.—изъ Альбома сего года, на таблицѣ № IX, рисунокъ 14.

Современный видъ ея, съ фотографіи Грабаря, на сей же таблицѣ, рисунокъ № 15.

VIII. Трапезная церковь преп. Сергія.

См. изображенія ея:

1725 г.—на стр. 104.

Современный видъ ея, съ фотографіи М. І. Грибова, на стр. 213.

Соборный столъ въ ея трапезѣ въ большой праздникъ (съ фотографіи М. І. Грибова)—на стр. 214.

IX. Ружейная палата.

Мѣстоположеніе ея см. на таблицахъ №№ V и VI (на послѣдней зданіе подъ № 26), вблизи Смоленской церкви и прежнихъ Царскихъ чертоговъ (нынѣ зданій Московской духовной академіи).

Фасадъ ея—изъ Альбома 1745 г., см. на таблицѣ № X, рисунокъ 16.

X. Ризница.

Планъ и фасадъ ея изъ Альбома 1745 г.—на фототипической таблицѣ № X, рисунокъ 17.

XI. Западная линія келлій.

Планъ и фасадъ ея изъ Альбома 1745 г.—на фототипической таблицѣ № XI, рисунки 18 и 19; ср. также на таблицахъ V и VI.

Современный видъ ея см. на стр. 227.

XII. Зданія Троицкой семинаріи.

„Домъ, въ которомъ обучаютца семинаристы“ и „планъ и фасадъ, гдѣ

живутъ учители и семинаристы"—изъ Альбома 1745 г. см. на таблицахъ № XI, рисунокъ 20 и табл. № XII, рисунокъ 23.

О мѣстоположеніи ихъ (продолженіе Царскихъ чертоговъ къ востоку) см. выше на стр. 283 и ср. таблицы № V и VI.

XIII. Зданія Царскихъ чертоговъ (Московской духовной академіи).

Изображенія ихъ XVII в. см. на таблицѣ № I *а* и *б*.

Планъ и фасадъ ихъ изъ Альбома 1745 г. на фототипич. таблицѣ № XII, рисунки 21 и 22.

XIV. Святыя и Успенскія ворота.

Изображеніе ихъ, изъ Альбома 1745 г., для ясности нѣсколько увеличенное, см. на таблицѣ № II, рисунокъ 2.

XV. Зданія внѣ ограды монастырской.

Восточная сторона.

Видъ 1725 г.—см. на стрр. 104—105.

Видъ 1745 г. на лавру съ этой стороны, изъ Альбома 1745 г., на фототипич. таблицѣ № II, рисунокъ 1; ср. таблицы V и VI.

Фасадъ и планъ Гостиннаго двора изъ Альбома 1745 г.—см. на таблицѣ № XIV, рис. 27.

Южная сторона.

Видъ 1745 г. на лавру съ этой стороны, изъ Альбома 1745 г., см. на таблицѣ № III, рисунокъ 3; ср. таблицы V и VI.

Западная сторона.

Видъ 1745 г. на лавру съ этой стороны, изъ Альбома 1745 г., см. на таблицѣ № III, рисунокъ № 4; ср. таблицы V и VI.

Видъ новыхъ построекъ лавры, возведенныхъ здѣсь въ 1892—1896 гг., см. на стр. 247.

Сѣверная сторона.

Видъ 1745 г. на лавру съ этой стороны, изъ Альбома 1745 г., см. на таблицѣ IV, рисунки 5 и 6; ср. таблицы V и VI.

В. Иконы, свящ. сосуды, одежды и другіе предметы, принадлежавшіе преп. Сергію.

1.—**Келейныя иконы:** преч. Богородицы Одигитріи и свят. Николая—см. рисунокъ на стр. 100.

2.—**Деревянные сосуды**—см. рисунокъ на стр. 253.

3.—**Служебникъ**—см. рисунокъ на стр. 191.

4.—**Крестъ,** присланный преп. Сергію Константинопольскимъ патріархомъ Филоѳеемъ,—см. снимокъ на стр. 255.

5.—Священническая **риза и епитрахиль** темносиней камки—см. снимокъ на стр. 193.

6.—**Риза**—изъ бумажной темноцвѣтной камки (крашенинная)—см. снимокъ на стр. 255.

7.—**Поручи**—см. снимокъ тамъ же.

8.—**Аналавъ** отъ схимы—см. снимокъ на стр. 250.

9.— **Парамандъ**—см. снимокъ на стр. 292.

10.— **Посохъ**—см. снимокъ на стр. 273.

11.—Кожаныя **сандаліи**, бывшія 30 лѣтъ на ногахъ преп. Сергія во гробѣ—см. снимокъ на стр. 94.

12.— **Ложка и ножикъ** съ футляромъ, принадлежавшіе преп. Сергію,—см. снимокъ на стр. 280.

Всѣ снимки съ лаврскихъ фотографій о. Антонія.

Г. Свящ. сосуды, риза, евангеліе и кадило, принадлежавшіе преп. Никону.

1.—Деревянные **сосуды**, употреблявшіеся имъ въ служеніи, см. снимокъ на стр. 201.

2.— **Евангеліе**—см. снимокъ на стр. 198.

3.—Богослужебная священническая **риза**,—см. снимокъ на стр. 201.

4.— **Кадило**,—см. снимокъ на стр. 200.

Всѣ снимки съ лаврскихъ фотографій о. Антонія.

Д. Сергіевъ посадъ и его окрестности.

1. Планъ Сергіева посада 1853 г. (таблица № XVII).

Въ библіотекѣ лавры хранится нѣсколько плановъ посада (1823 г. и др.). Находящійся въ Сергіевопосадскомъ общественномъ управленіи самый поздній планъ относится къ 1853 г. Съ этого послѣдняго плана и сдѣланъ прилагаемый снимокъ съ нанесеніемъ на него части полотна желѣзной дороги. Планъ этотъ былъ приложенъ къ 1-му изданію настоящей книги, въ коей было помѣщено также слѣдующее объясненіе къ нему:

„1. Троицкій соборъ.
2. Успенскій соборъ.
3. Трапеза.
4. Колокольня.
5. Варваринскій корпусъ съ больницей.
6. Академія.

(Въ лаврѣ.)

7. Кокуевская (Воскресенская, Петро-Павловская) церковь.
8. Рождественская церковь.
9. Пятницкая церковь (двѣ церкви: съ южную сторону—Введенія во храмъ Богородицы, съ сѣверную сторону—мученицы Параскевы, нареченная Пятницы).
10. Ильинская церковь (двѣ церкви: деревянная—Казанской Божіей Матери и каменная—Иліи пророка).
11. Вознесенская церковь.
12. Клементьевская (Успенская) церковь.
13. Клементьевское (Никольское) кладбище.
14. Вознесенское кладбище.
15. Кокуевское кладбище.

16. Пятницкій колодезь, принимаемый за колодезь преп. Сергія.
17. Лаврскій конный дворъ.
18. Лаврская старая гостинница.
19. Лаврская новая гостинница.
20. Домъ призрѣнія.
21. Посадскій гостинный дворъ (торговые ряды).
22. Блинныя (квадратикъ между двумя нижними мостами на Кончурѣ, въ трехъугольникѣ между рѣчкой и улицами Вознесенской и Вокзальной, у котораго, по недосмотру гравёра, цифры не поставлено).
23. Пожарный дворъ.
24. Городская управа.
25. Прогимназія.
26. Почтово-телеграфная контора.
27. Станція желѣзной дороги.
28. Тюремный замокъ.
29. Городская больница.
30. Городское училище.

Какъ видитъ читатель на планѣ, у сѣверо-западнаго угла монастыря соединяются двѣ рѣчки. Главная изъ нихъ, на которой стоитъ монастырь и которая называется Кончурой, есть та, что̀ вправо отъ читателя или что̀ течетъ съ сѣверо-запада. А другая, которая влѣво отъ читателя или течетъ съ юго-запада, называется Вондюхой (Вандюхой,—течетъ только въ половодье, а затѣмъ представляетъ изъ себя лишь бочаги). Кончура, прошедши Виѳанскій прудъ, впадаетъ въ рѣчку Торгошу за деревней Тураковымъ).

2.—Остатокъ **вала Сапѣгина** на юго-западъ отъ посада, подлѣ старой или грунтовой Хотьковской дороги,—см. снимокъ на стр. 357.

3.—**Планъ осады** Троице-Сергіева монастыря отъ 23 сентября 1608 г. до 12 января 1610 г. Снимокъ, заимствованный изъ книги Д. Бутурлина „Исторія Смутнаго времени въ Россіи въ началѣ XVII вѣка“, ч. II, Спб. 1841 г., приложеніе,—см. на стр. 361. Другой планъ см. въ атласѣ: „Книги, планы и чертежи къ 1 части матеріаловъ для исторіи инженернаго искусства въ Россіи“, Ѳ. Ласковскаго, Спб. 1858 г., листъ 28-й.

Гѳѳсиманскій скитъ.

4.—Успенская деревянная церковь изъ с. Подсосенья, въ 1840-хъ годахъ,—см. снимокъ на стр. 331. Рисунокъ заимствованъ изъ „Русской Старины“ Мартынова и Снегирева, листъ послѣ стр. 172.

5.—Современный видъ ея, см. снимокъ на стр. 332. Съ фотографіи М. І. Грибова.

6.—Внутренній видъ ея, см. снимокъ на стр. 333. Съ фотографіи М. І. Грибова.

7.—Комнаты митр. Филарета, см. снимокъ на стр. 334. Съ фотографіи М. І. Грибова.

8.—„Прешпектъ загородному двору **Коробаха**“—изъ Альбома 1745 г., см. на фототипической таблицѣ № XIV, рис. 28. Объясненія къ рисунку см. выше на стр. 408.

Спасо-Виѳанскій монастырь.

9.—Видъ его съ плана, хранящагося въ библіотекѣ лавры подъ № 69/2948, см. на фототипич. таблицѣ № XIII, рис. 26. На планѣ имѣются слѣдующія надписи:

Вверху: „Генеральный планъ и проспектъ кладбища Троицкія лавры, имянуемаго Виѳанія. Изъясненіе плана и проспекта подъ цифрами означается".

По бокамъ въ медальонахъ:

„1. Входныя врата, подъ которыми колокольня.
2. На горѣ церковь Преображенія Господня.
3. Оныя церкви хоры съ галереей.
4. Въ горѣ пещерообразная церковь праведнаго Лазаря.
5. Въ оной же горѣ пещера, въ коей гробъ преподобнаго Сергія, въ которомъ лежало многоцѣлебное тѣло его въ землѣ 35 лѣтъ.
II.—6. Вышеозначенныхъ церквей ризница.
7. Настоятельскіи верхніе и нижніе кѣліи
8. и братскіе кѣліи.
9. Гостиніе покои.
10. Прудъ.
11. Кладбище.
12. Конюшенной дворъ.
13. Проспекты.
14. Башни.
15. Ограда.
16. Боковые
17. и задніе ворота.
18. Во оной же оградѣ калитка".

10.—Преображенская церковь. Снимокъ изъ путешествій П. П. Свиньина „Картины Россіи и бытъ разноплеменныхъ ея народовъ", ч. 1-я, Спб. 1839 г., между стр. 104—105,—см. на стр. 326.

11.—Современный видъ ея см. на стр. 327. Съ фотографіи М. І. Грибова.

12.—**Карта** мѣстности отъ Москвы до Троицы, см. снимокъ на стр. 390.

Снята изъ рукописнаго „плана Московскаго всего уѣзда", хранящагося въ библіотекѣ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ („съ межевой ланкарты увеличивалъ титулярной совѣтникъ Петръ Шляхтинъ"). На картѣ нанесены обозначенія границъ древнихъ становъ. Имѣющіяся на снимкѣ буквы обозначаютъ: К—Болховъ станъ, R—Монятинъ, Быковъ, Коровинъ станъ. Оригиналъ карты 42×28 вершковъ. Снятая часть ея уменьшена въ $2^1/_2$ раза.

13.—**Карта** мѣстности, окружающей Троице-Сергіеву лавру, см. снимокъ на стр. 342.

Снята изъ спеціальной карты западной части Россіи г.-л. Шуберта, листъ 24-й („исправлено по 1 генваря 1853 г.") почти въ оригинальную величину].

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I

Жизнеописаніе Преподобнаго Сергія.

стр.

О мѣстѣ, принадлежащемъ преподобному Сергію въ сонмѣ нашихъ подвижниковъ, и о предлагаемомъ очеркѣ его жизни. 1
Родители преподобнаго Сергія 9
Чудесное предзнаменованіе о немъ прежде его рожденія 12
Мѣсто и время его рожденія 13
Знаменательно-необычайное поведеніе его въ младенчествѣ 17
Природная малоспособность его къ грамотѣ и чудесное полученіе имъ дара къ ней 18
Начало его подвижничества въ ранней юности 19
Переселеніе его родителей изъ Ростова въ Радонежъ . . . . . —
Его намѣреніе принять монашество, отложенное по волѣ родителей. . . . 22
Кончина его родителей . . . . . —
Намѣреніе преподобнаго Сергія удалиться для подвижничества въ пустыню, а не пойдти въ какой-либо монастырь . . . . . —
Его удаленіе въ пустыню въ сообществѣ съ старшимъ братомъ Стефаномъ и избраніе имъ съ братомъ мѣста для поселенія 23
Построеніе имъ съ братомъ кельи и церквицы. 25
Удаленіе Стефана отъ него изъ пустыни и его одиночество въ послѣдней. —
Постриженіе преподобнаго Сергія въ монашество. . . . . —
Его двухгодичное одинокое (одиночное) подвижничество въ пустынѣ. . . . 26
Прихожденіе къ нему и поселеніе съ нимъ монаховъ,—начало его монастыря 29
Первоначальное число братіи въ монастырѣ и отсутствіе въ ея средѣ іеромонаха; огражденіе монастыря тыномъ; первоначальное пространство и первоначальный видъ монастыря 30
Первый недолговременный игуменъ монастыря—Митрофанъ, постригшій преподобнаго Сергія, и потомъ—самъ Сергій 31
Приходъ къ Сергію Смоленскаго архимандрита Симона, принесшаго ему денегъ на перестройку монастыря, и умноженіе въ монастырѣ братіи . 32
Первоначальная скудость монастыря 33
Заселеніе окрестностей монастыря земледѣльцами-мірянами и усердіе къ монастырю новыхъ его сосѣдей 35
Возвращеніе къ преподобному Сергію его старшаго брата Стефана съ 12-лѣтнимъ сыномъ Іоанномъ, въ монашествѣ Ѳеодоромъ 36

стр.

Введеніе преподобнымъ Сергіемъ въ своемъ монастырѣ общежитія 36

Подражаніе преподобнаго Сергія преподобному Ѳеодосію Печерскому въ игуменской дѣятельности (относительно принятія въ монастырь желающихъ монашествовать, относительно постриженія въ малый и великій образъ, относительно надзора надъ братіей) 40

Занятія монаховъ монастыря и заботливость преподобнаго Сергія о составленіи библіотеки четіихъ книгъ . . . . . —

Участіе преподобнаго Сергія во всѣхъ монастырскихъ работахъ наравнѣ съ братіей и его бо̀льшее всѣхъ другихъ усердіе къ работѣ 41

Ношеніе преподобнымъ Сергіемъ одежды не только одинаковой со всѣми братіями, но и худшей, чѣмъ кѣмъ-либо изъ братіи 42

Случай съ худымъ одѣяніемъ преподобнаго Сергія. . . . . —

Вопросъ о томъ, владѣлъ ли монастырь преподобнаго Сергія недвижимыми имѣніями или вотчинами при немъ самомъ 43

Изображеніе личнаго характера и нравственныхъ качествъ преподобнаго Сергія его жизнеописателемъ и другими современниками 44

Нищелюбіе и страннолюбіе преподобнаго Сергія. . . . . —

Посланіе къ нему Константинопольскаго патріарха Каллиста. 47

Удаленіе его изъ Троицкаго монастыря изъ-за властолюбія Стефанова и построеніе имъ для себя новаго монастыря (Киржачскаго). 48

Возвращеніе его въ Троицкій монастырь. 50

Чудотворенія преподобнаго Сергія, совершонныя имъ при жизни: изведеніе источника—51; воскрешеніе отрока—53; исцѣленіе бѣснующагося вельможи—54; исцѣленіе тяжко больнаго—54; обличеніе лихоимца—55; пораженіе слѣпотой невѣрующаго Греческаго епископа—55.

Случаи прозорливости преподобнаго Сергія: обличеніе слуги князя Владимира Андреевича, привезшаго въ монастырь отъ князя брашна и питія—56; заочное привѣтствіе святаго Стефана Пермскаго—56.

Видѣнія о преподобномъ Сергіи, бывшія его ученикамъ: сослужащаго ему ангела—57; божественнаго огня—57.

Великая слава преподобнаго Сергія въ Русской землѣ. 57

Желаніе святаго митрополита Алексѣя оставить преподобнаго Сергія своимъ преемникомъ на митрополичьей каѳедрѣ 58

Гнѣвъ на преподобнаго Сергія со стороны назначеннаго въ преемники святому Алексѣю архимандрита Михаила (Митяя). 59

Близость преподобнаго Сергія къ великому князю Дмитрію Ивановичу Донскому и участіе его въ дѣлахъ государственныхъ: крещеніе имъ у великаго князя сыновей—60; поѣздка его въ Нижній Новгородъ къ князю Борису Константиновичу—60; поѣздка его въ Рязань къ князю Олегу Ивановичу—60; благословеніе имъ великаго князя на борьбу съ Мамаемъ, предреченіе государю побѣды надъ ханомъ и построеніе для него двухъ обѣтныхъ монастырей (Дубенскаго Шавыкинскаго и Дубенскаго Стромынскаго)—61; присутствіе при его кончинѣ—66.

Удаленіе преподобнаго Сергія въ Тверь отъ нашествія Тохтамыша 66

Видѣніе преподобнымъ Сергіемъ „птицъ красныхъ“. . . . . —

Посѣщеніе преподобнаго Сергія Божіею Матерію 67

Кончина преподобнаго Сергія. 68

Празднованіе его памяти и причисленіе къ лику святыхъ. 71

Открытіе его мощей 72

стр.

Значеніе преподобнаго Сергія въ исторіи сѣверно-русскаго монашества. . 74

Монастыри, построенные преподобнымъ Сергіемъ во исполненіе дѣланныхъ ему порученій и обращенныхъ къ нему просьбъ: Московскій Симоновъ—76, Коломенскій Голутвинъ—77, Серпуховскій Высоцкій—77, Московскій Андрониковъ—78.

Монастыри, построенные по благословенію преподобнаго Сергія, данному имъ сторонним для него здателямъ: Ростовскій Устьинскій—78, Гороховецкая Георгіевская пустыня—78.

Монастыри, построенные (и устроенные въ смыслѣ введенія общежитія) учениками и собесѣдниками преподобнаго Сергія: преп. Меѳодіемъ Песношскимъ—79, преп. Саввою Звенигородскимъ—80, преп. Сильвестромъ Обнорскимъ—80, преп. Павломъ Обнорскимъ или Комельскимъ—81, преп. Сергіемъ Нуромскимъ или Обнорскимъ—81, преп. Аврамiемъ Галичскимъ или Чухломскимъ—81, преп. Іаковомъ Желѣзноборовскимъ—82, преп. Никитою Серпуховско-Боровскимъ (не построившимъ, а устроившимъ монастырь въ указанномъ смыслѣ)—82, преп. Стефаномъ Махрищскимъ—82, преп. Димитріемъ Прилуцкимъ—83, святителемъ Діонисіемъ Суздальскимъ—84, преп. Евѳиміемъ Суздальскимъ—84, преп. Кирилломъ Бѣлозерскимъ—84, преп. Ѳерапонтомъ Бѣлозерско-Можайскимъ—85, святителемъ Стефаномъ Пермскимъ—86.

Распространеніе введеннаго преподобнымъ Сергіемъ общежитія во всей сѣверной Россіи . . . . . 88.

Распространеніе въ сѣверной Россіи введеннаго преподобнымъ Сергіемъ уединеннаго подвижничества 89

Ученики преподобнаго Сергія, не исходившіе изъ его монастыря для основанія собственныхъ монастырей 90

О значеніи преподобнаго Сергія Радонежскаго въ исторіи нашего монашества. 95

II

Путеводитель по лаврѣ.

стр.

Источники и пособія 97

I. Общія свѣдѣнія о монастырѣ 100

Исторія монастыря—100. Мѣсто его среди другихъ монастырей—115. Санъ и богослужебныя преимущества настоятелей—117. Наименованіе лаврой—118. Хозяйство и богатство монастыря—119. Заимствованіе у него денегъ государями—127. Его управленіе—130. Количество монаховъ—140. Списокъ настоятелей—143.

II. Стѣна монастырская съ башнями въ ней 160

Первоначальная деревянная стѣна—160. Расширеніе монастыря при построеніи каменной стѣны—161. Построеніе этой каменной стѣны—161. Ея размѣры и устройство—162. Башни, находившіяся и находящіяся въ ней—163. Нарядъ или артиллерійскія орудія на стѣнѣ въ прежнее время—169. Прежнія и нынѣшнія жилыя и нежилыя помѣщенія въ стѣнѣ и въ башняхъ—171. Ворота въ стѣнѣ—173. Ровъ, бывшій около стѣны, надолбы и бастіоны—174. Кровля стѣны—176.

III. Церкви, палатки при церквахъ и колокольня 177

1. **Троицкій соборъ.** Значеніе собора въ монастырѣ—178. Деревянныя

стр.

церкви до нынѣшней каменной—178. Построеніе нынѣшней каменной церкви: время, когда начато ея строеніе; матеріалъ, изъ котораго она построена; ея размѣры и форма, ея красота; ея ктиторы и продолженіе времени ея строенія—178. Внѣшность собора: позолота купола (главы), позолота кровли, росписаніе стѣнъ; пристройка папертей—180. Внутренность собора: замѣчательное въ олтарѣ; бывшій придѣлъ въ южномъ отдѣленіи олтаря; иконостасъ и мѣстныя иконы; царскія врата; рака съ мощами преподобнаго Сергія; замѣчательныя иконы въ церкви; ковчегъ съ частицами мощей; стѣнная живопись, паникадила и лампады—182. Настилка чугуннаго пола вмѣсто деревяннаго и обращеніе собора изъ холоднаго въ теплый—196. Записи въ сѣверной паперти собора—197.

2. Никоновская церковь. 199
3. Духовская церковь. 202
4. Филаретовская церковь. 204
5. Успенскій соборъ. 205
6. Смоленская церковь. 211
7. Трапезная церковь преподобнаго Сергія. 212
8. Михеевская церковь. 215
9. Больничная (бывшая) церковь преподобныхъ Зосимы и Савватія Соловецкихъ. . . 217
10. Церковь св. Іоанна Лѣствичника. 217
11. Церковь мученицъ Варвары, Анастасіи и Акилины. 218
12. Надворотная церковь Іоанна Предтечи. . . . . —
13. Домовая церковь Казанской Божіей Матери (въ митрополичьихъ покояхъ). 219
14. Домовая церковь Покрова Божіей Матери (въ намѣстничьихъ кельяхъ). 220
15. Церковь всѣхъ святыхъ. 220

Серапіоновская палатка или палатка трехъ мощей. 220
Максимовская палатка. 222
Колокольня. 222

IV. Кельи и прочія зданія. 227

Первоначальный безпорядокъ въ монастырѣ въ отношеніи къ кельямъ—227. Упорядоченный видъ, который далъ монастырю преподобный Сергій—228. Преобразованіе относительно расположенія келей, произведенное въ половинѣ XVI вѣка—228. Превращеніе келей изъ деревянныхъ въ каменныя—229. Значеніе въ исторіи келей осады монастыря Поляками—229. Кельи и прочія зданія монастыря по описи монастыря 1641-го года—229. Перемѣны въ отношеніи къ кельямъ и прочимъ зданіямъ 1641-го года до настоящаго времени—238.

V. Ризница 251

Священные и несвященные предметы, остающіеся отъ преподобныхъ Сергія и Никона—252.—I. Напрестольные (воздвизальные) кресты—257.—II. Евангелія напрестольныя—258.—III. Богослужебные сосуды—259.—IV. Воздухи и покровы на богослужебные сосуды—260.—V. Одежды на престолъ и жертвенникъ—261.—VI. Иконы—261.—VII. Панагіи—261.—VIII. Митры—262.—IX. Богослужебныя ризы—262.—X. Покровы на раки преподобныхъ Сергія и Никона—263.—XI. Пелены подвѣсныя къ иконамъ—263.—XII. Плащаницы пасхальныя—264.—XIII. Кадила, ладонницы, архіерейскіе посохи, блюда, чаши, ковши и нѣкоторыя вещи, относящіяся къ церковной утвари, которыя, вышедъ изъ употребленія, сданы въ ризницу на храненіе—264.—XIV. Нецерковныя вещи, хранящіяся въ ризницѣ—265.

VI. Библіотека и архивъ. 267
VII. Больница монашеско-странноприимная и кладбища. 269
VIII. Успенскій колодезь, бассейнъ и памятникъ (обелискъ). 274

стр.

IX. Иконописная, свѣчная, просфорня и литографія съ фотографіей. . . 276

X. Московская духовная академія и бывшая прежде нея въ лаврѣ духовная семинарія. 281

XI. Окружность монастыря и нынѣшній посадъ. 293

Восточная сторона монастыря: Красная площадь,—293. Монастырскія гостинницы,—294. Лаврскій домъ, отдаваемый подъ трактиръ,—монастырская богадѣльня,— 295. Домъ призрѣнія,—297. Посадскіе ряды,— 298. Часовня и колодезь,—299. Лавки и шалаши,—299. Бульваръ,—299. . . . . .

Южная сторона монастыря: колодезь, принимаемый за колодезь преп. Сергія,— 300. Пятницкая церковь или бывшій Подольный монастырь,—300. Странноприимный домъ,—302. Пафнутьевъ садъ,—302. Келарскій прудъ (Свитошный дворъ, блинныя),—303. . . . . .

Западная сторона монастыря: Пивной дворъ,—305. Баня,—306. . .

Сѣверная сторона монастыря: Конюшенный дворъ,—307. Воловой дворъ,—307. Колодезь преп. Саввы,—308. Водокачка,—309. Бѣлый прудъ,—309. . . . . .

Нынѣшній посадъ: село Клементьево,—309. Нижняя служняя слобода и Пятницкая церковь,—313. Рождественская церковь,—313. Ильинскій приходъ,—314. Вознесенская церковь,—314. Кокуевскій приходъ,—315. Кладбища,—316. Населеніе посада,—316. . . . . .

XII. Примѣчательныя окрестности монастыря. 319

Радонежъ (Городокъ)—319. Хотьковъ монастырь—321. Крестовская часовня или мѣсто „У креста“—324. Виѳанскій монастырь—325. Геѳсиманскій скитъ съ пустыней Параклита—330. Корбуха—336.

Прибавленіе. Московское и Петербургское подворья лавры—337, и бывшій приписной къ ней Московскій Богоявленскій монастырь—339. Селенія кругомъ лавры, до 1764-го года находившіяся въ ея вотчинномъ владѣніи или принадлежавшія къ ея вотчинамъ,—340.

XIII. Осада лавры поляками. 355

XIV. Царскіе богомольные походы къ Троицѣ. 387

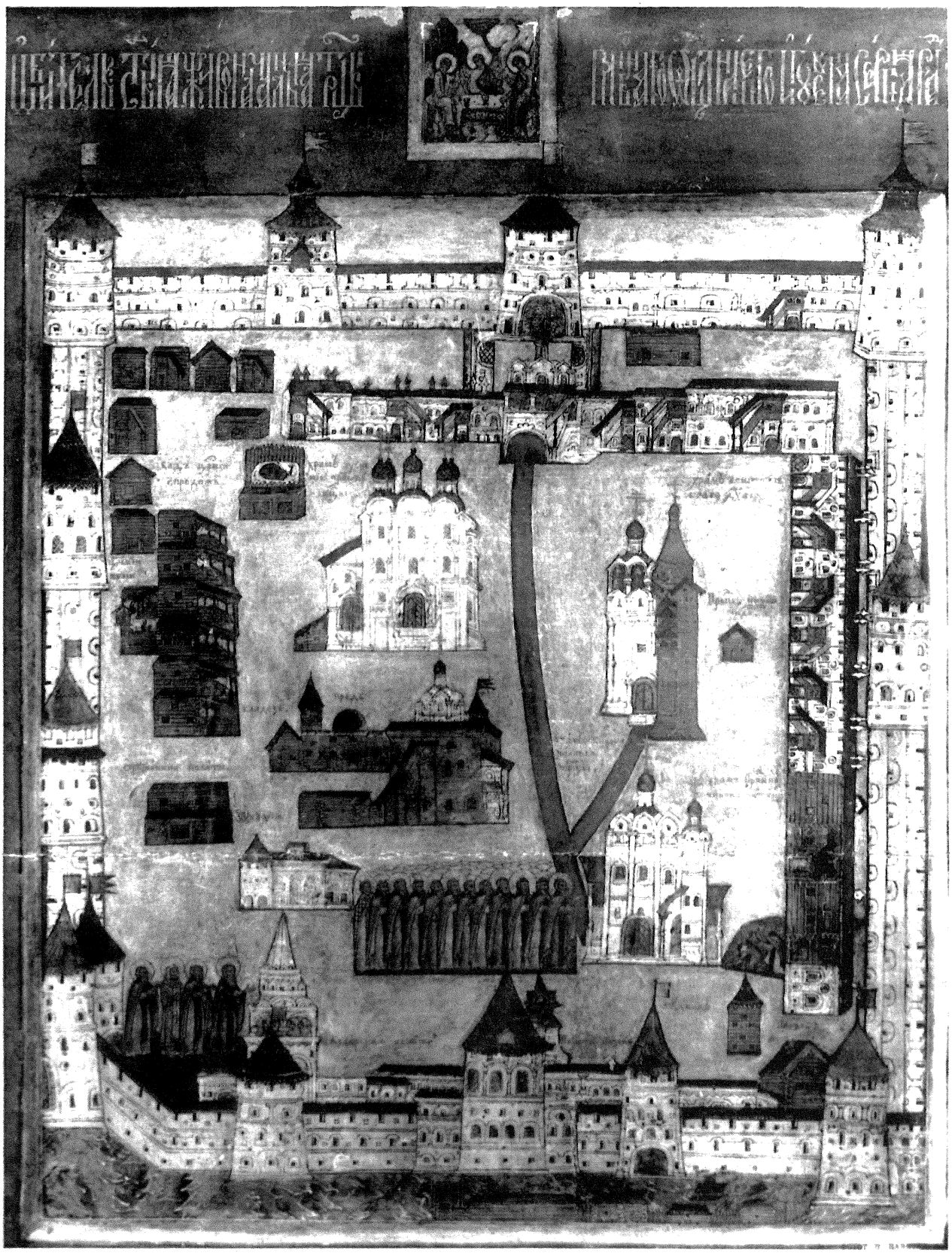
Приложенія

Дополненія. 402

Объясненія къ рисункамъ. 403

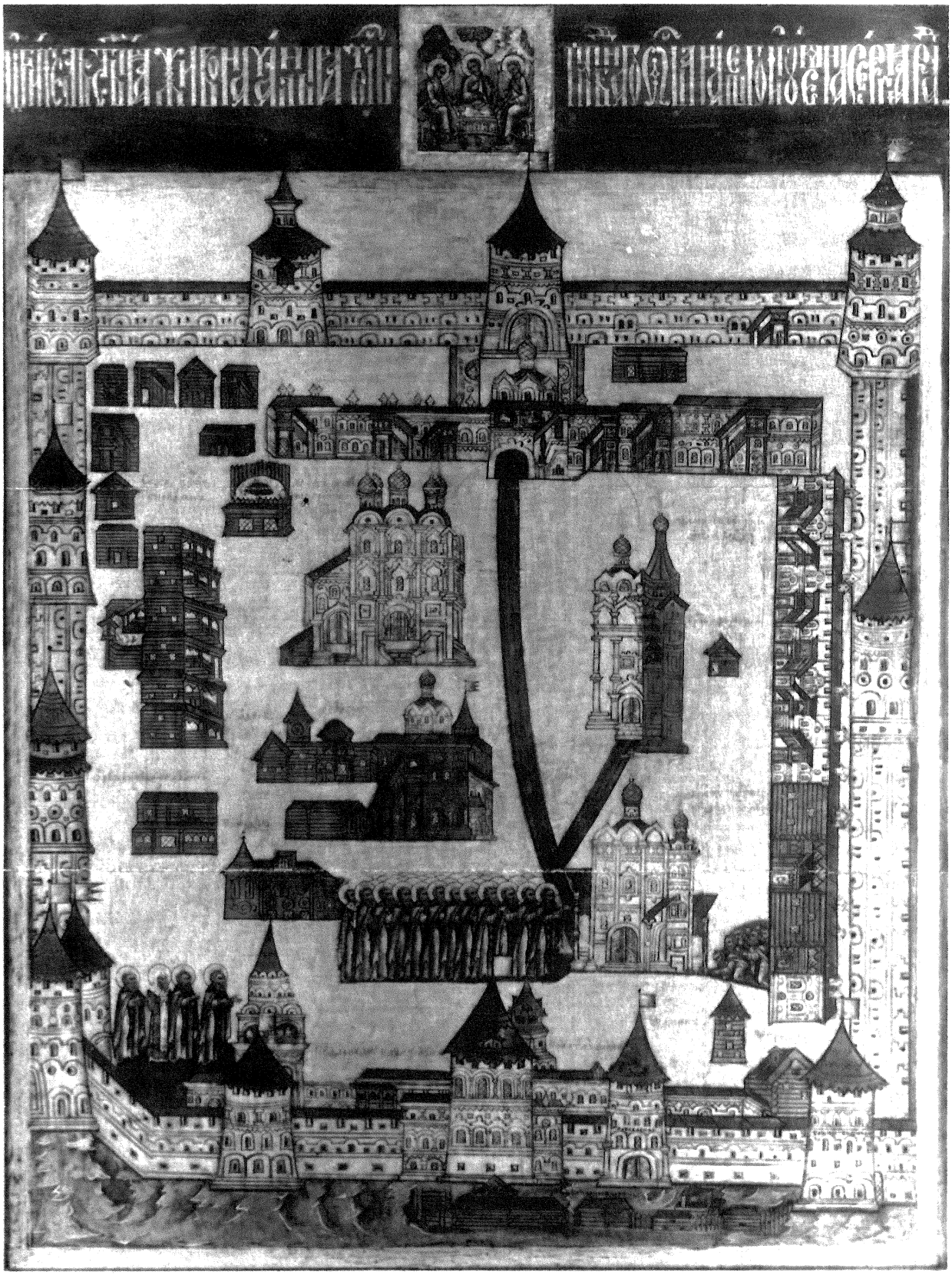
Опечатка.

Страница 109, строки 5—11 св. вмѣсто круглыхъ () скобокъ должны быть заключены въ прямыя [] скобки.



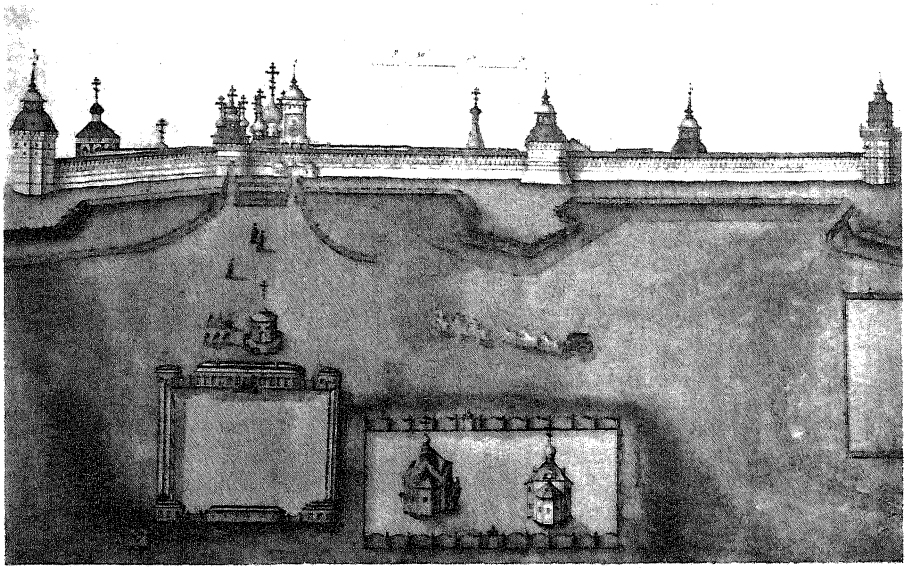
Видъ Троице-Сергіевой лавры XVII вѣка.

(Съ изображенія, принадлежащаго Рогожскому старообрядческому кладбищу).

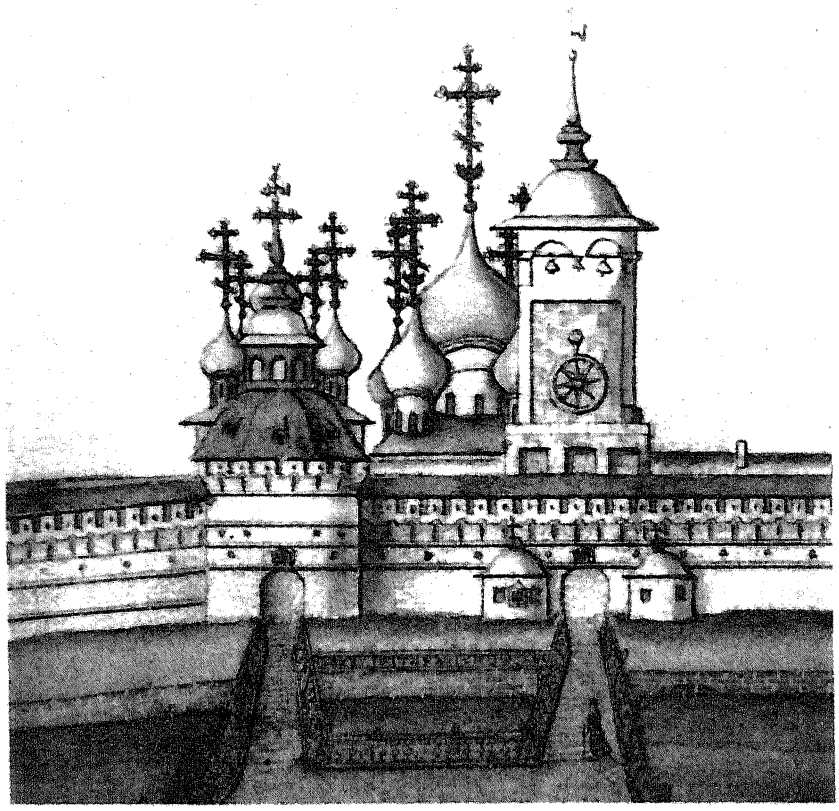


Видъ Троице-Сергіевой лавры XVII вѣка.

(Съ изображенія, принадлежащаго Троице-Сергіевой лаврѣ).



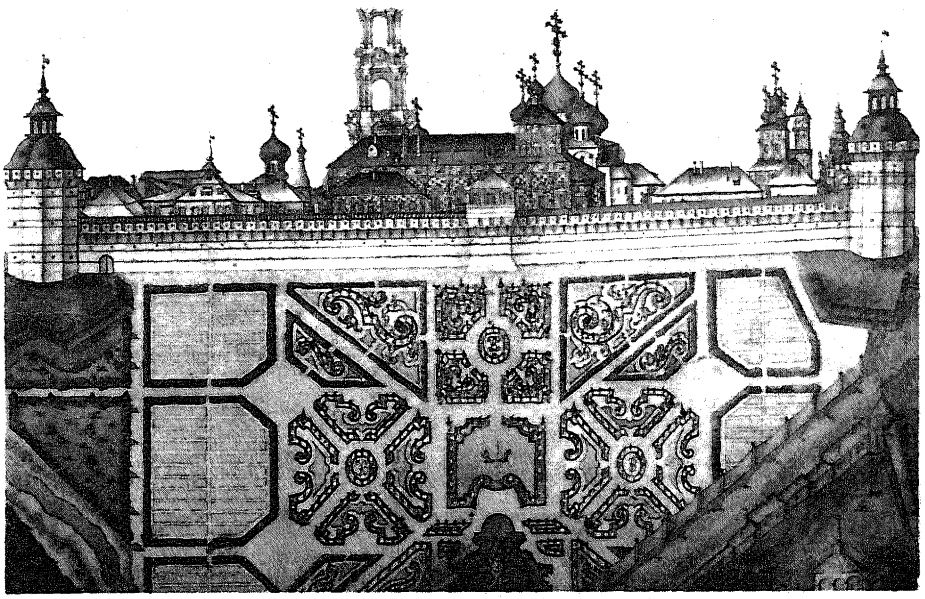
1.—Видъ на Лавру съ восточной стороны.



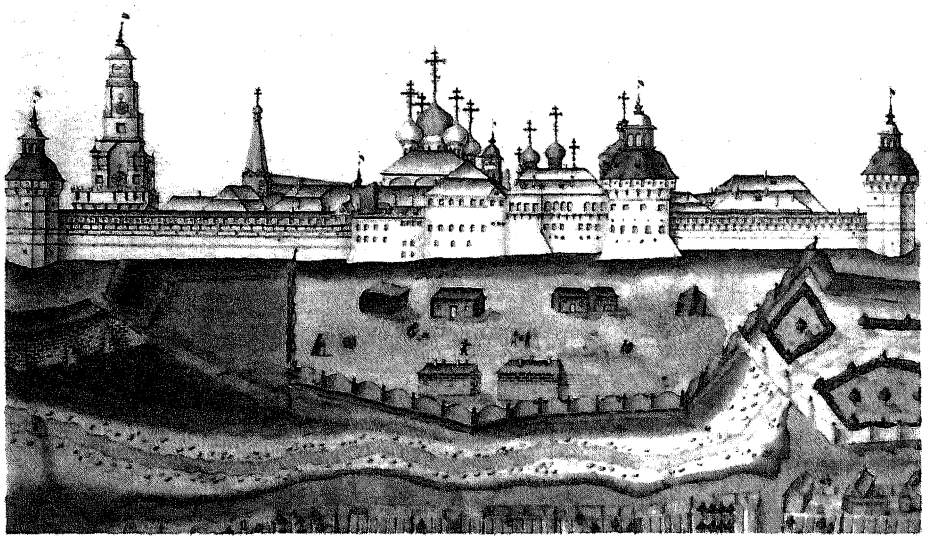
Фотог. П. Павлова.

2.—Святыя и Успенскія ворота.

Изъ Альбома 1745 г.



3.—Видъ на Лавру съ южной стороны.

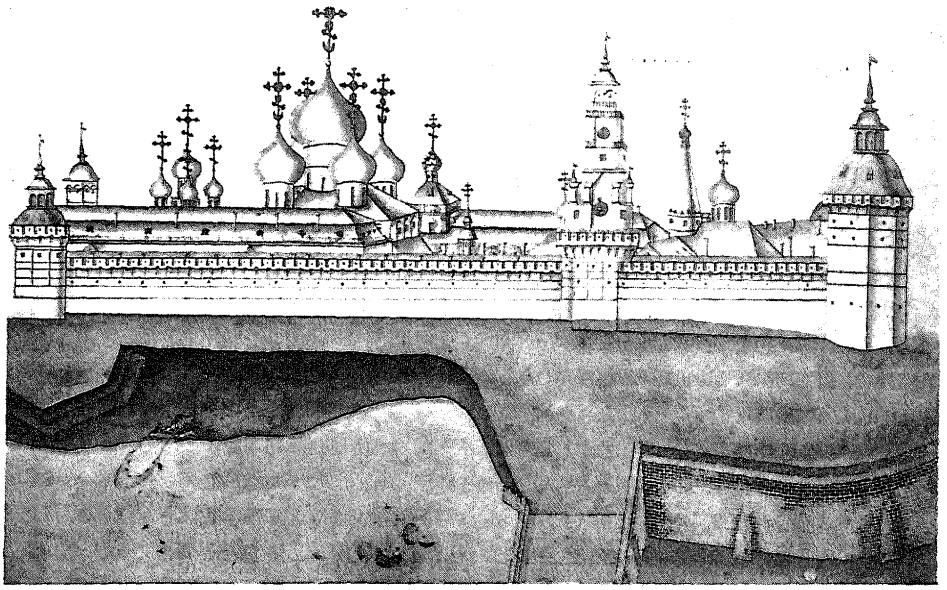


Фотот. П. Павлова.

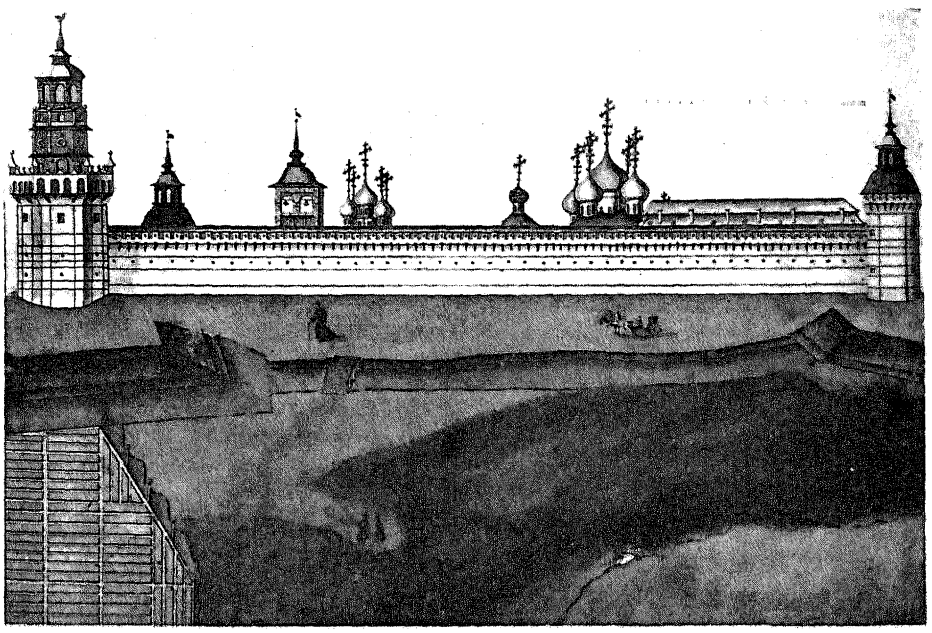
4.—Видъ на Лавру съ западной стороны.

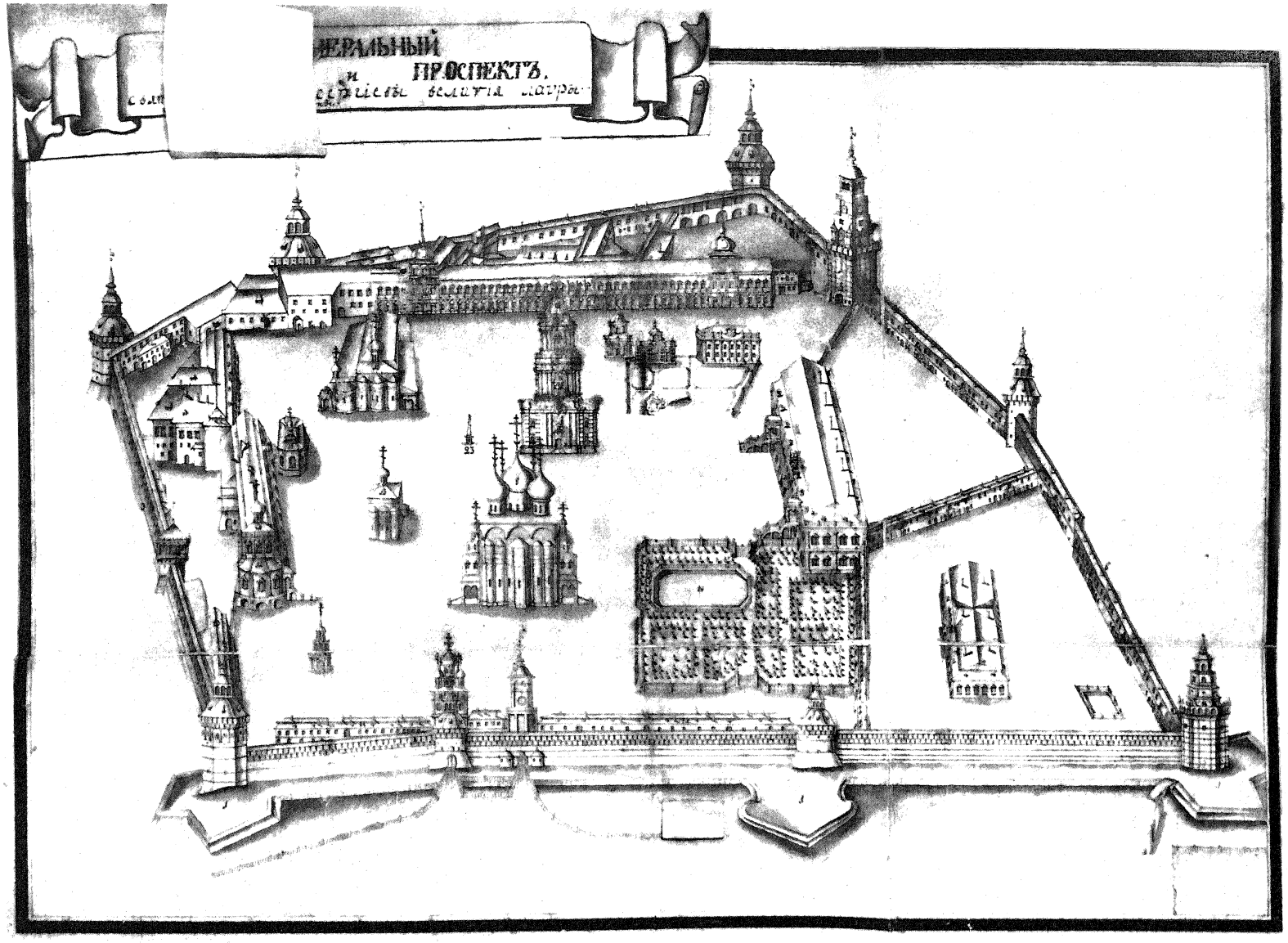
Изъ Альбома 1745 г.

5.



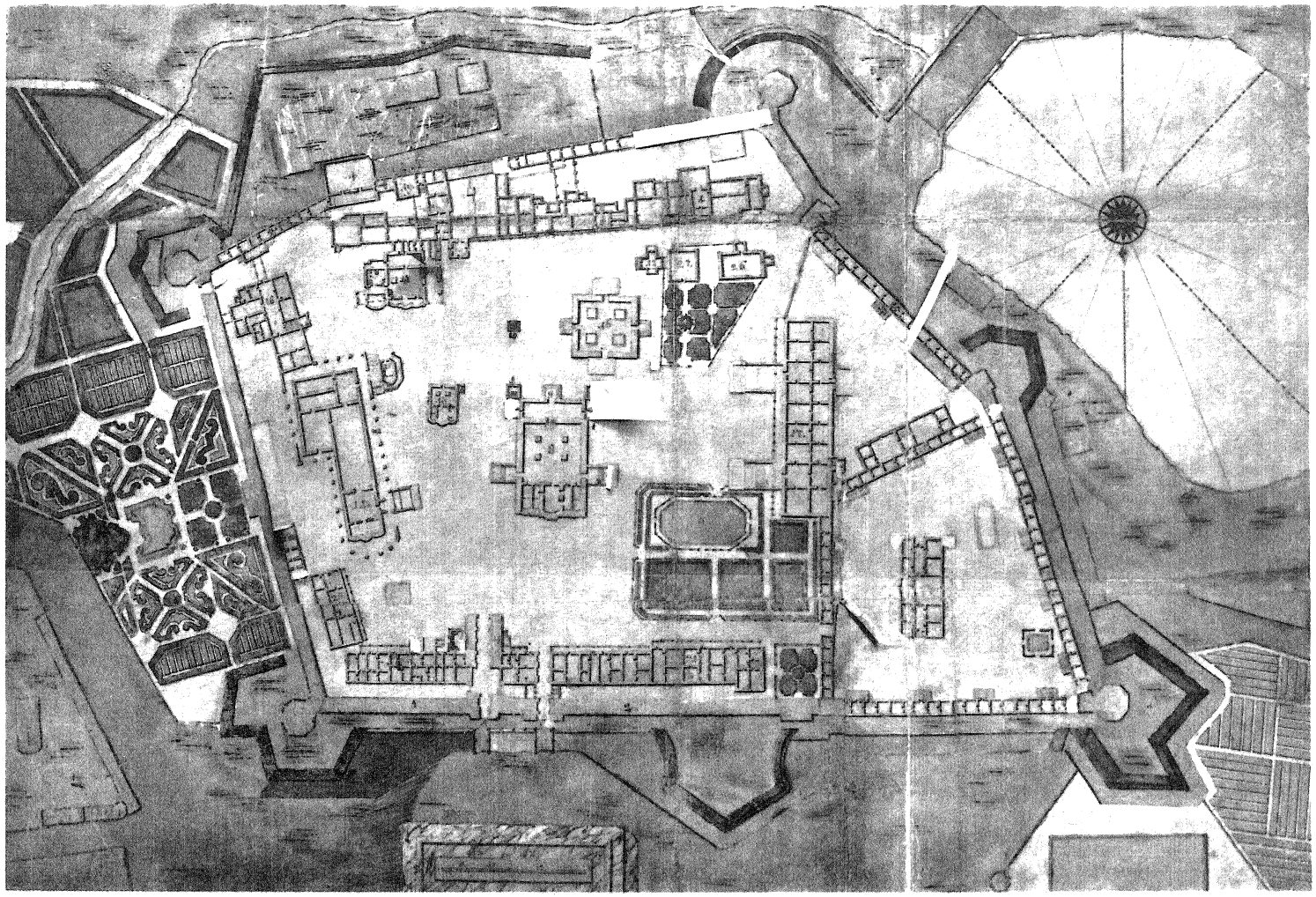
6.





7.—„Прешпектъ всего строенія" Лавры (съ восточной стороны).

Изъ Альбома 1745 г.

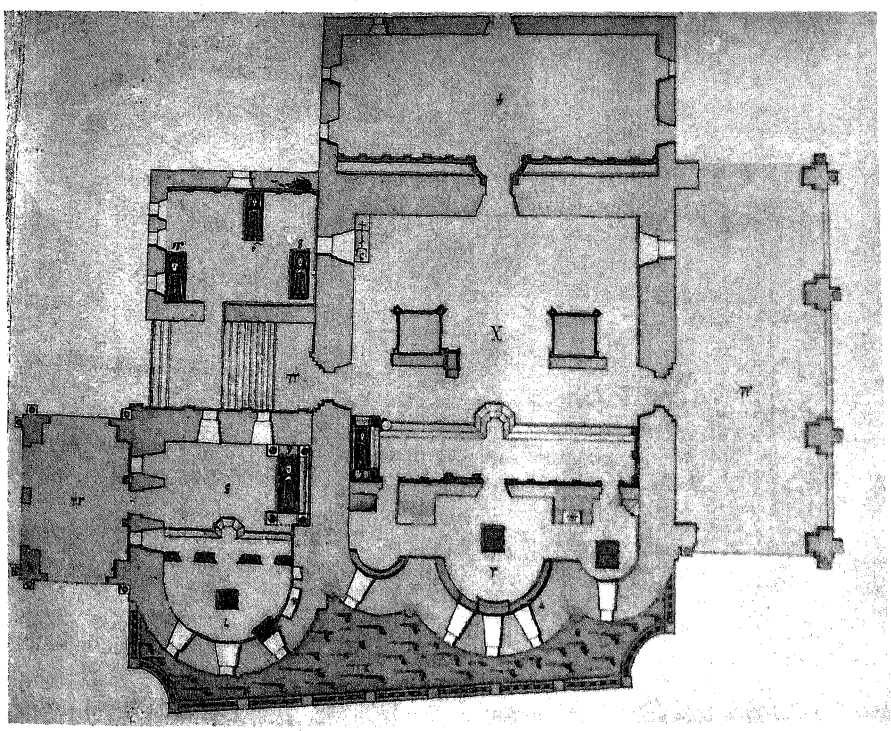


8.—„Генеральный планъ Лавры".

Изъ Альбома 1745 г.

9.

10.

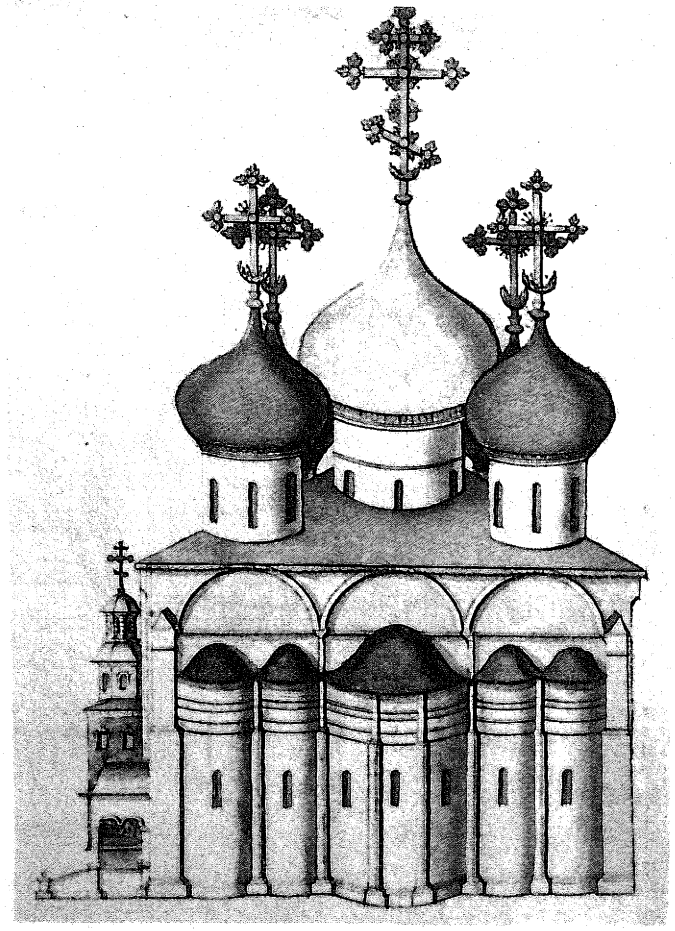


9 и 10.—Троицкій соборъ (видъ и планъ).

Изъ Альбома 1745 г.

Изъ Альбома 1745 г.

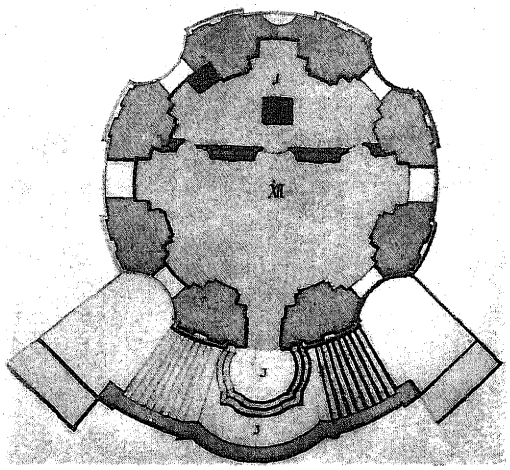
11. Западная сторона.

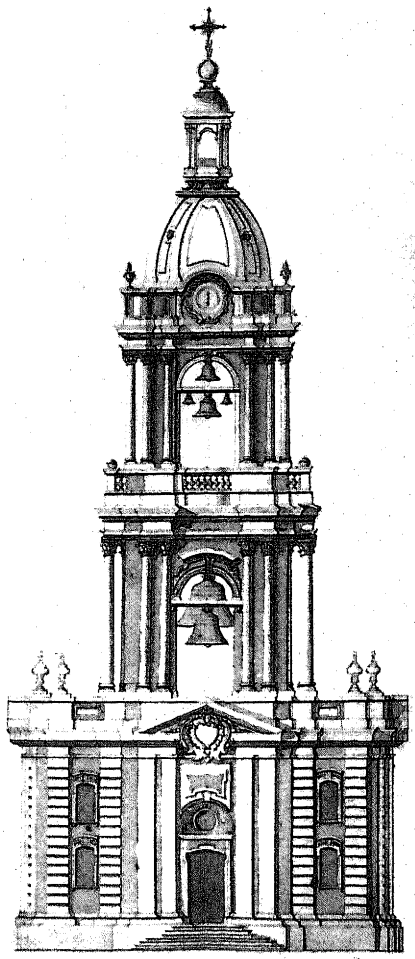


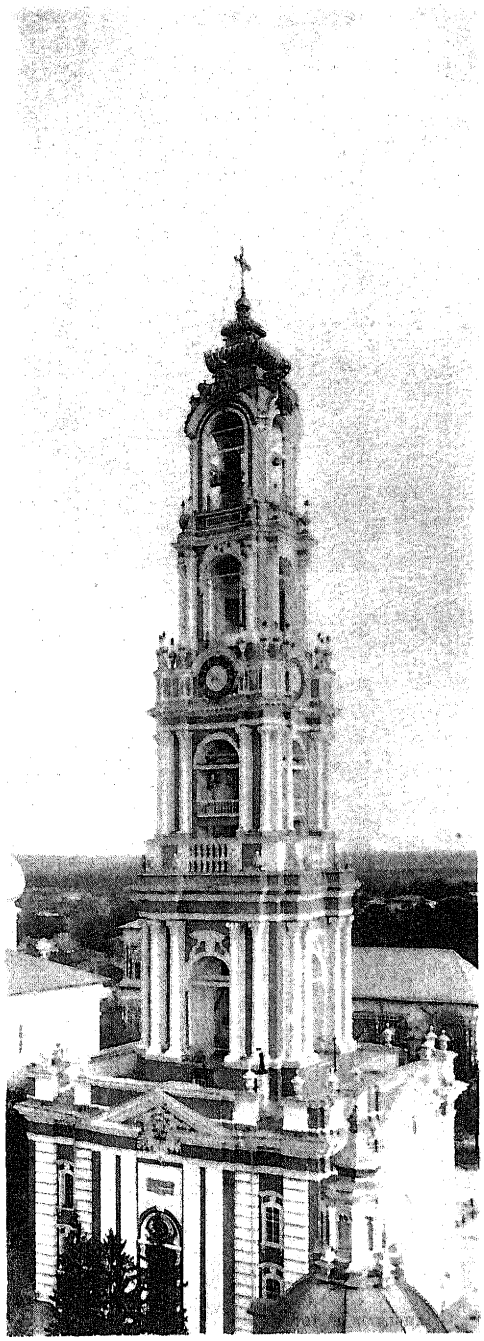
Фотог. П. Павлова.

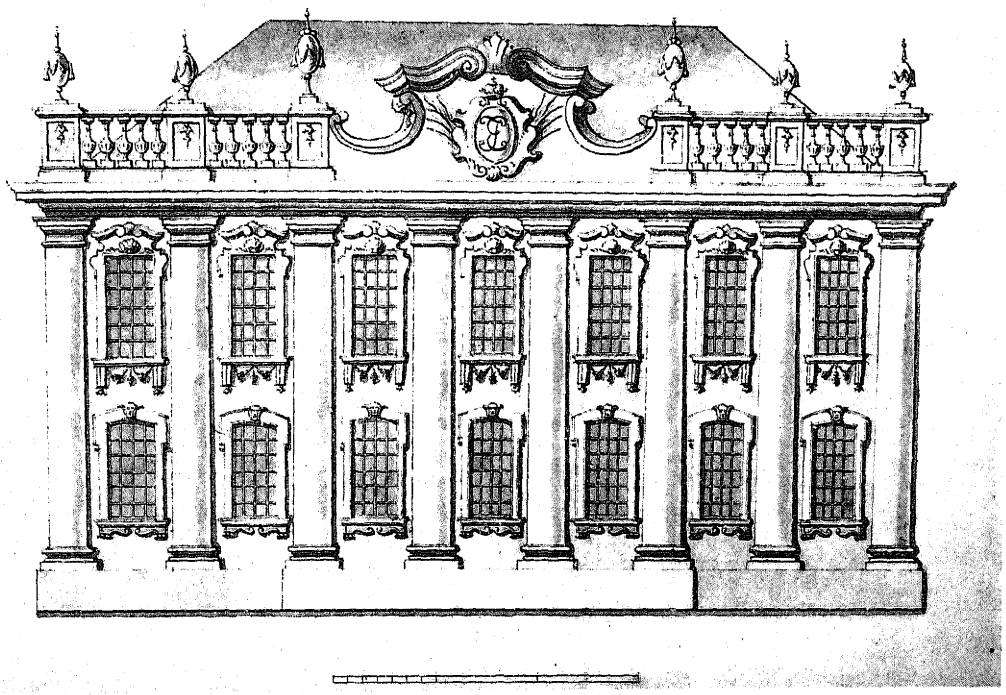
12.—Восточная сторона.

Таблица VIII.

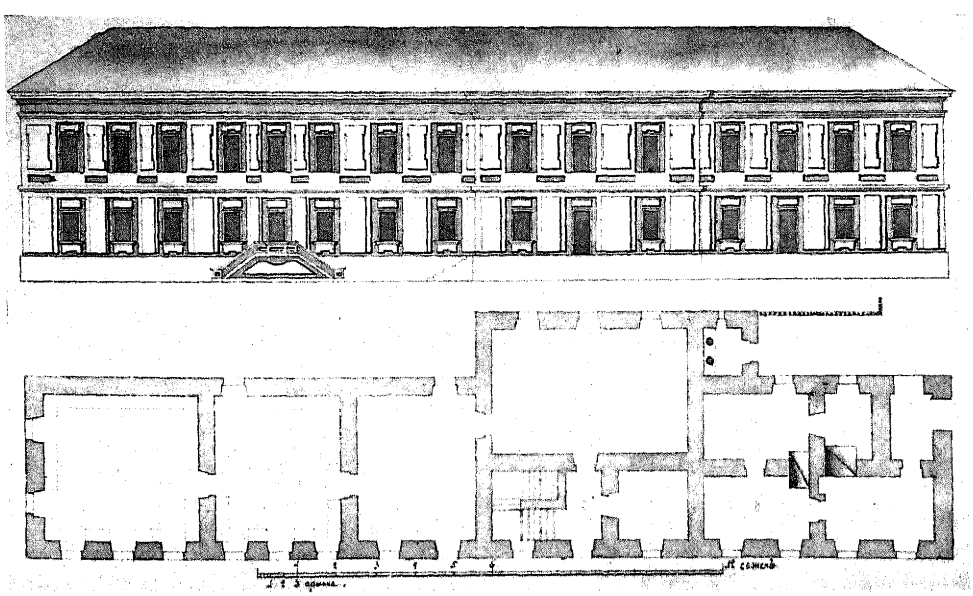






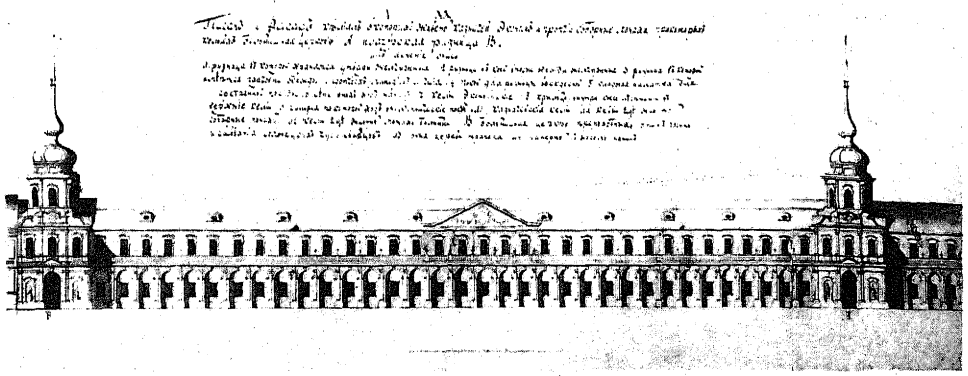


16.—Ружейная палата.

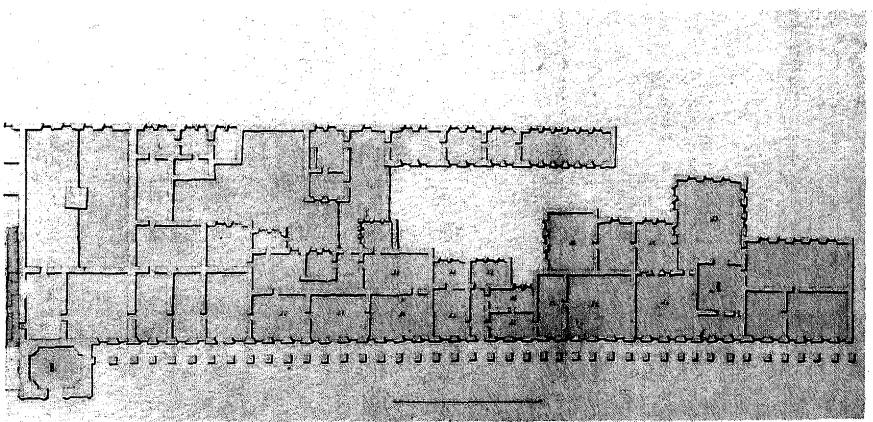


17.—Планъ и фасадъ Конюшни.

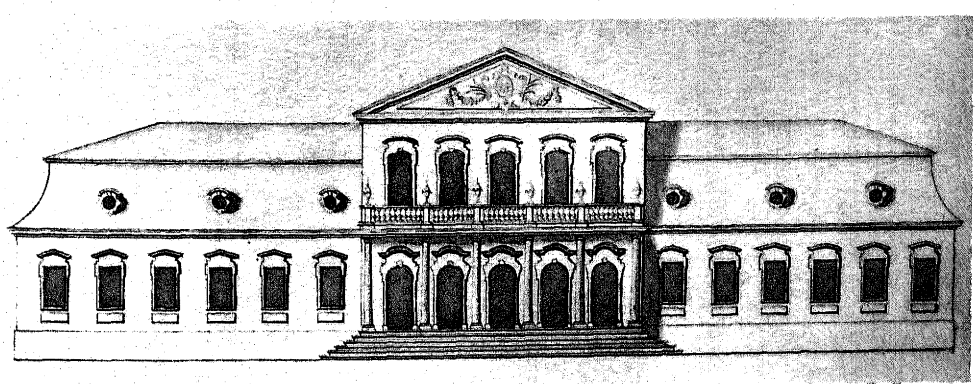
Изъ Альбома 1745 г.



18.—Западная линія келлій (фасадъ).



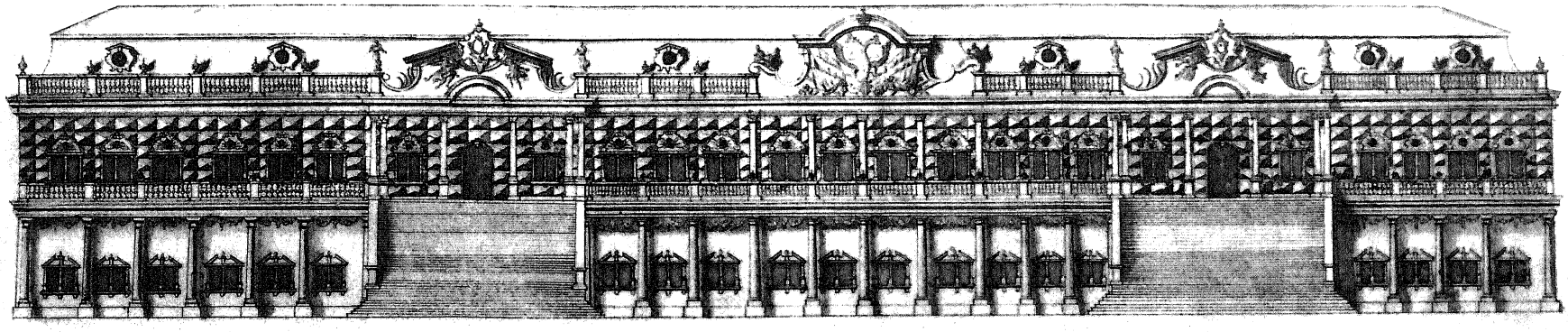
19.—Западная линія келлій (планъ).



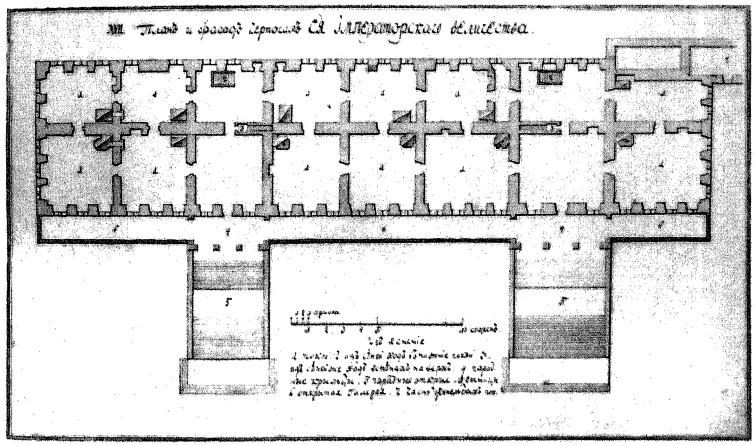
Фотог. П. Плавскій.

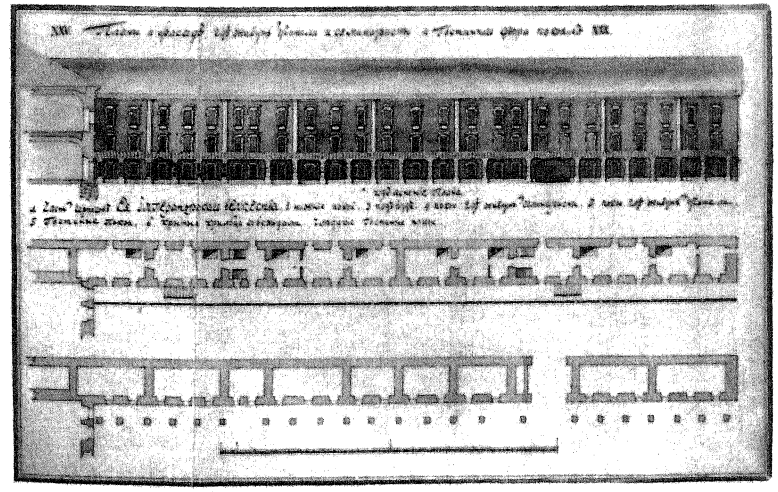
20.—„Домъ, въ которомъ обучаютца семинаристы".

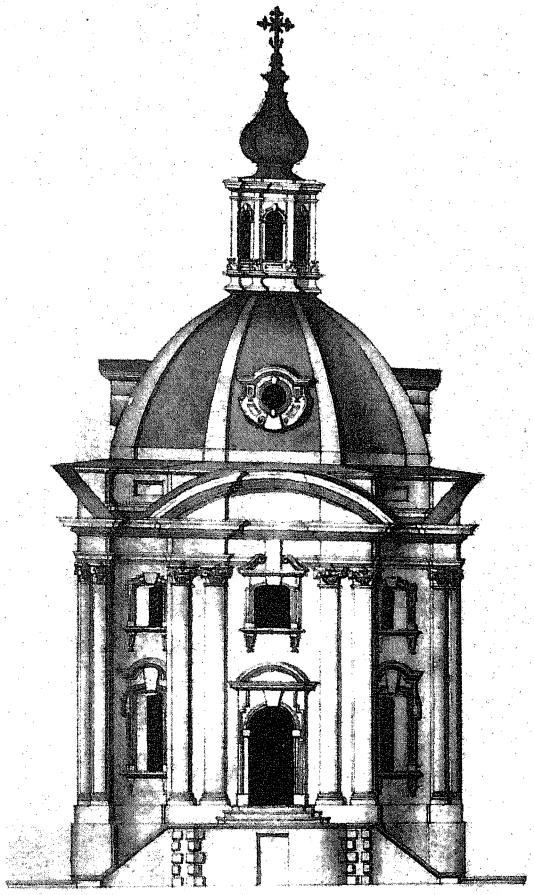
Изъ Альбома 1745 г.

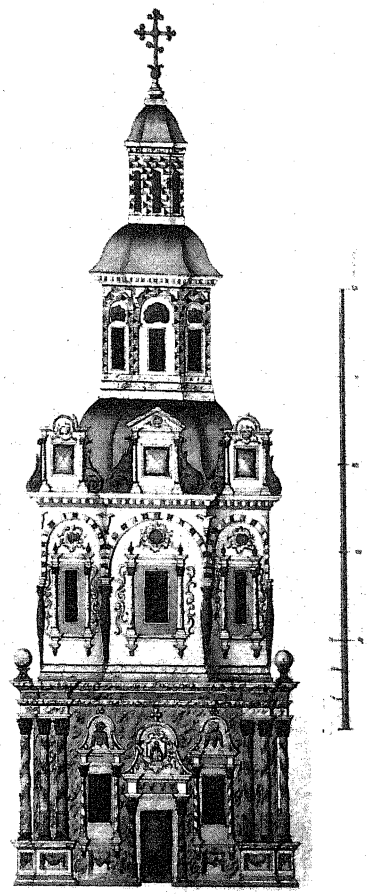


21.—„Царскіе чертоги“ (нынѣ архивъ Московской духовной Академіи).

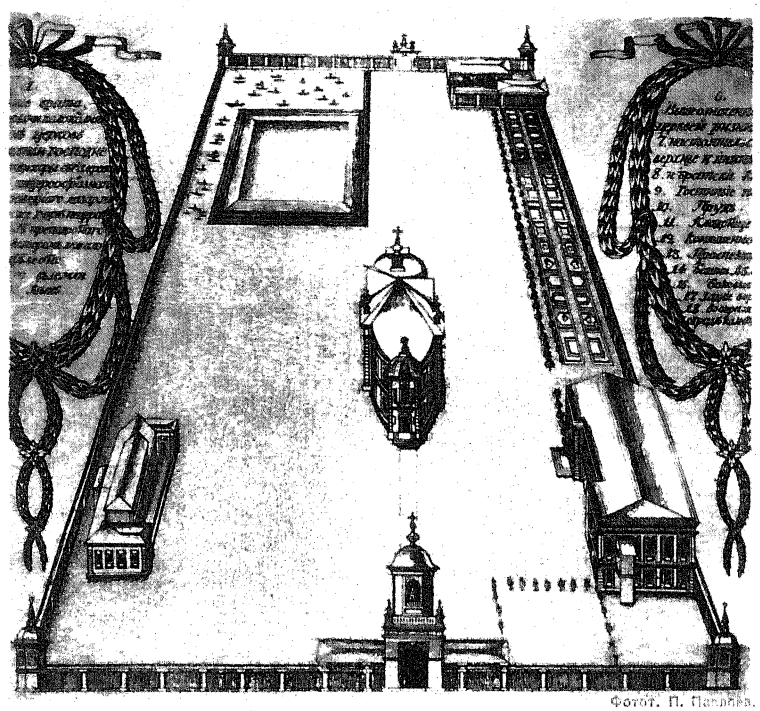








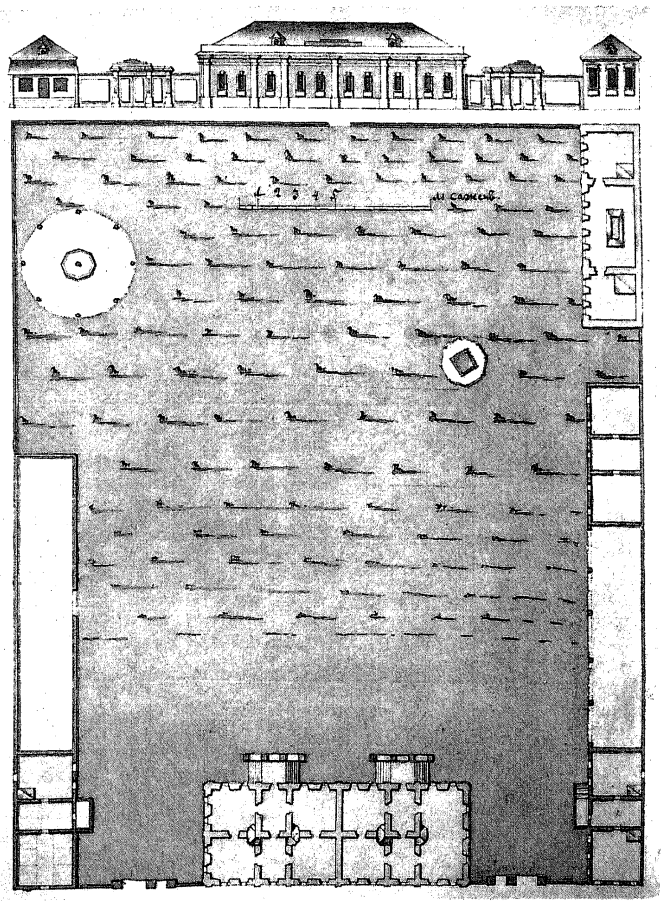
24.—Смоленская церковь. 25.—Колодезь у Успенскаго собора.



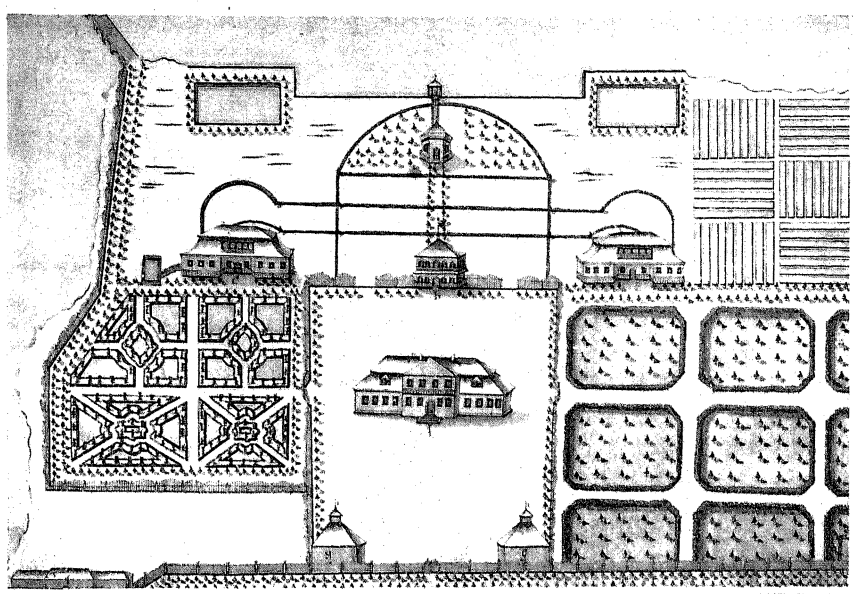
Фотот. П. Павлова.

26.—Видъ Виѳанскаго монастыря.

Изъ Альбома 1745 г.



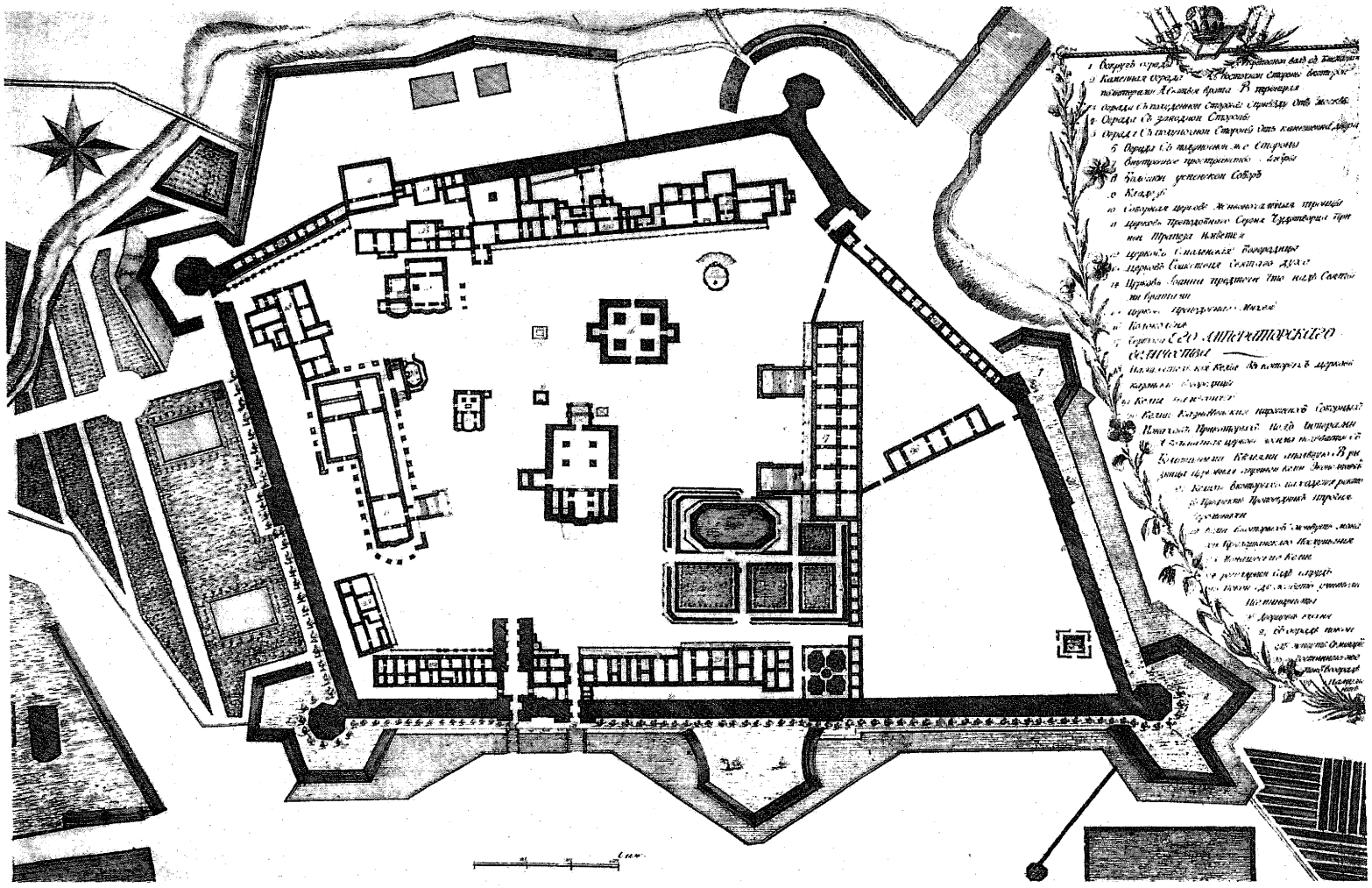
27.—Гостинный дворъ.



ФОТОТ. П. ПАВЛОВА.

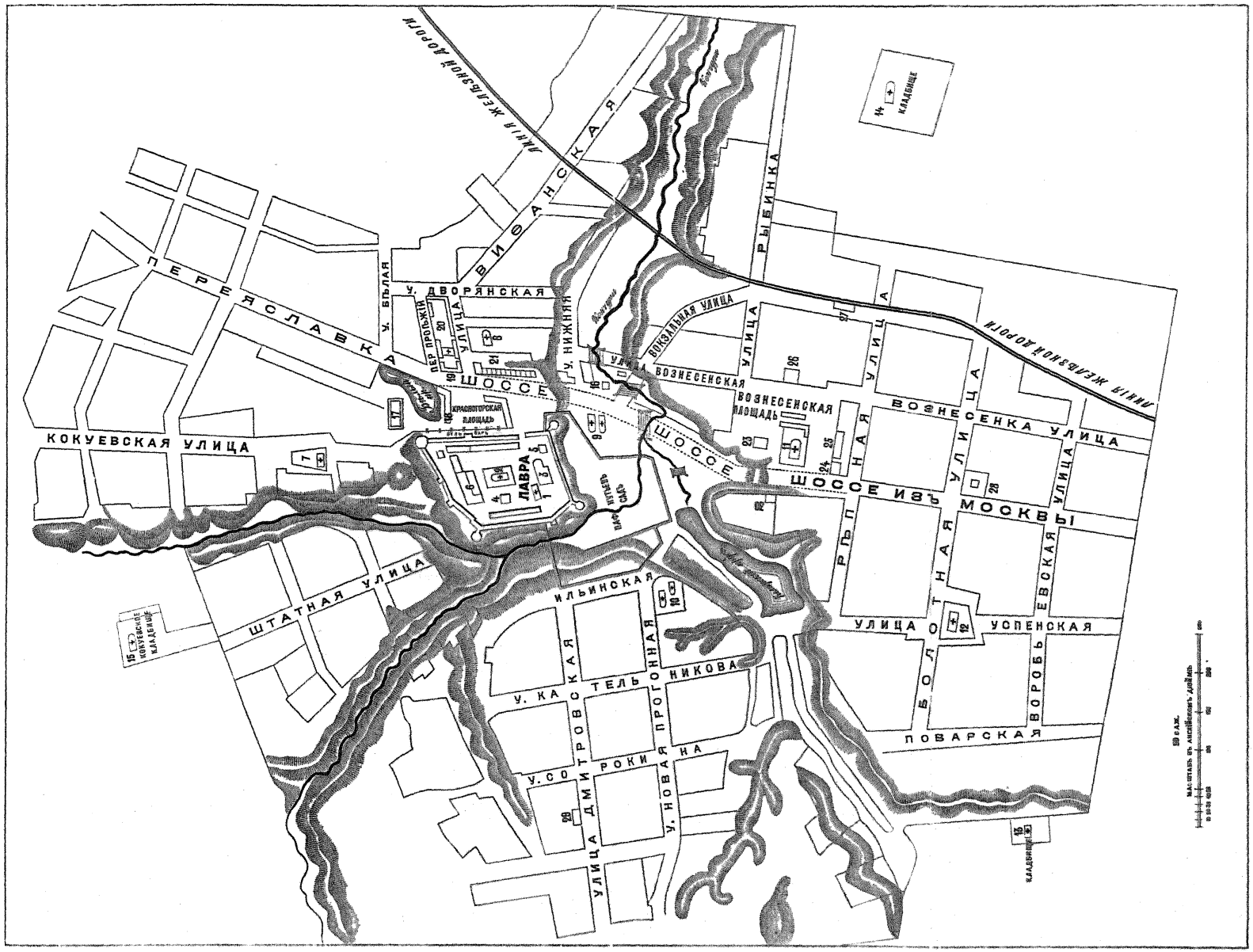
28.—„Прешпектъ загородному двору Коробаха".

Изъ Альбома 1746 г.

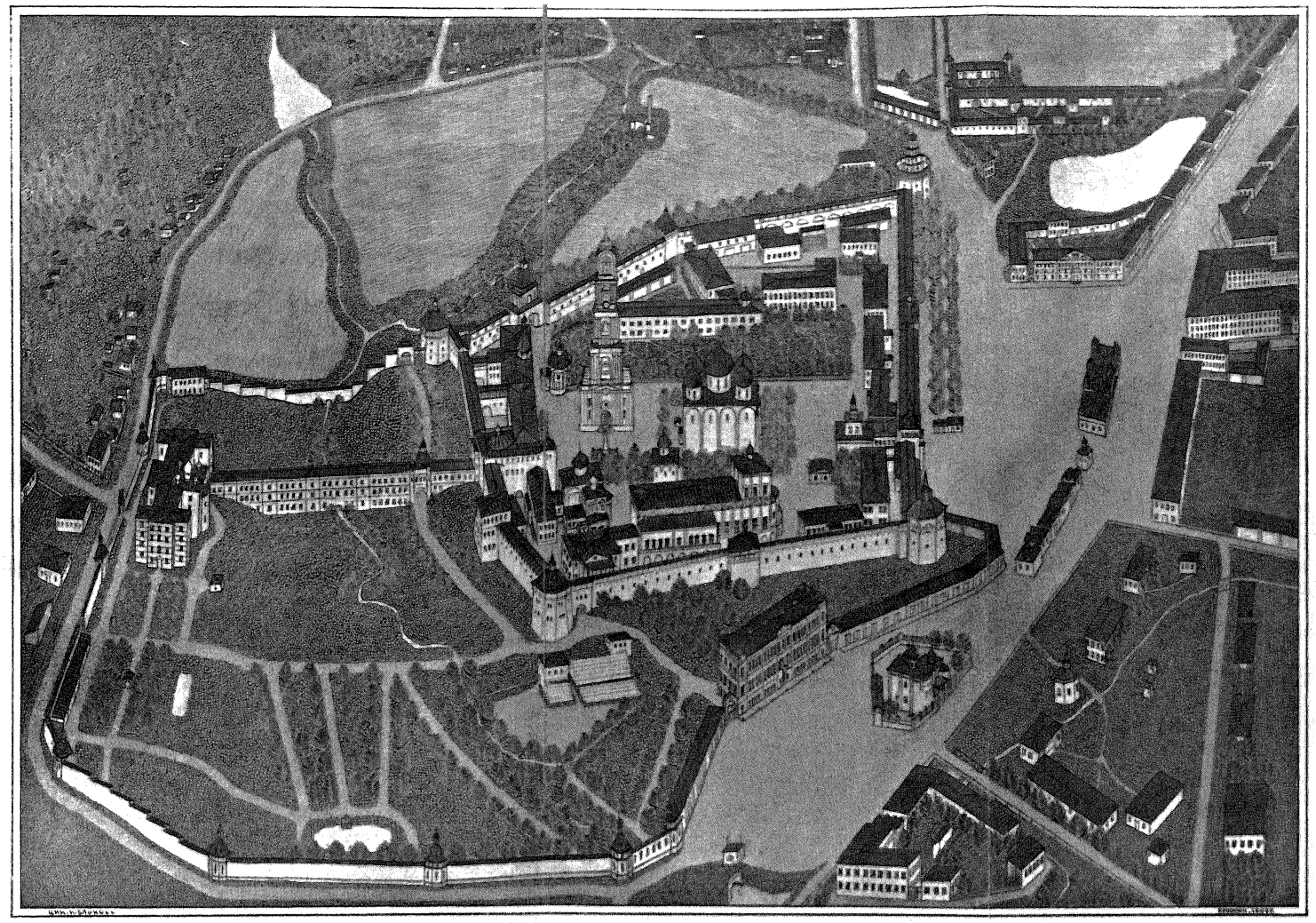


Фотот. П. Павлова.

Генеральный планъ Лавры конца XVIII в. (1797 г.)



Планъ Сергіевскаго посада (1853 г.).



Современный видъ Троице-Сергіевой Лавры (1909 г.).

Таблица XIX

Современный планъ Св. Троицкія Сергіевы лавры (1902 г.).